

Лев Н. ГУМИЛЕВ

2

Лев Н. ГУМИЛЁВ

Lev N. GUMILEV

древние тюрки

Лев Н. ГУМИЛЁВ

ФОНД «МИР Л.Н. ГУМИЛЕВА»

Lev N. GUMILEV

сочинения
том 13

Составитель А.И.Куркчи

МОСКВА
ИНСТИТУТ
ДИ-ДИК

Лев Н. ГУМИЛЁВ

древние тюрки

II

УДК 947.0 (турк.)
ББК 63.3 (0=турк.)
Г94

*Книга издана при финансовой поддержке
Всеросийского общественного-политического движения
«Духовное наследие»*

Гумилев Л.Н.

Г 94   Древние тюрки / Сост. и общ. ред. А.И.Курчи: В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Институт ДИ—ДИК, 1999. — 480 с.: ил. — (Серия «Сочинения Л.Н.Гумилева»; Вып. 13).
ISBN 5-87583-068-9

В двухтомник Л.Н.Гумилева «Древние тюрки» вошла его известная книга и ряд статей ученого, исследующих историю тюрков и тюркского каганата. В книге описаны закономерности возникновения, развития и гибели державы древних тюрок. Автор уделил большое внимание широкому кругу исторических проблем (политической жизни тюрок, их быту, религии, культуре), а также географическому размещению кочевников Срединной Азии на рубеже двух эпох — древности и средневековья.

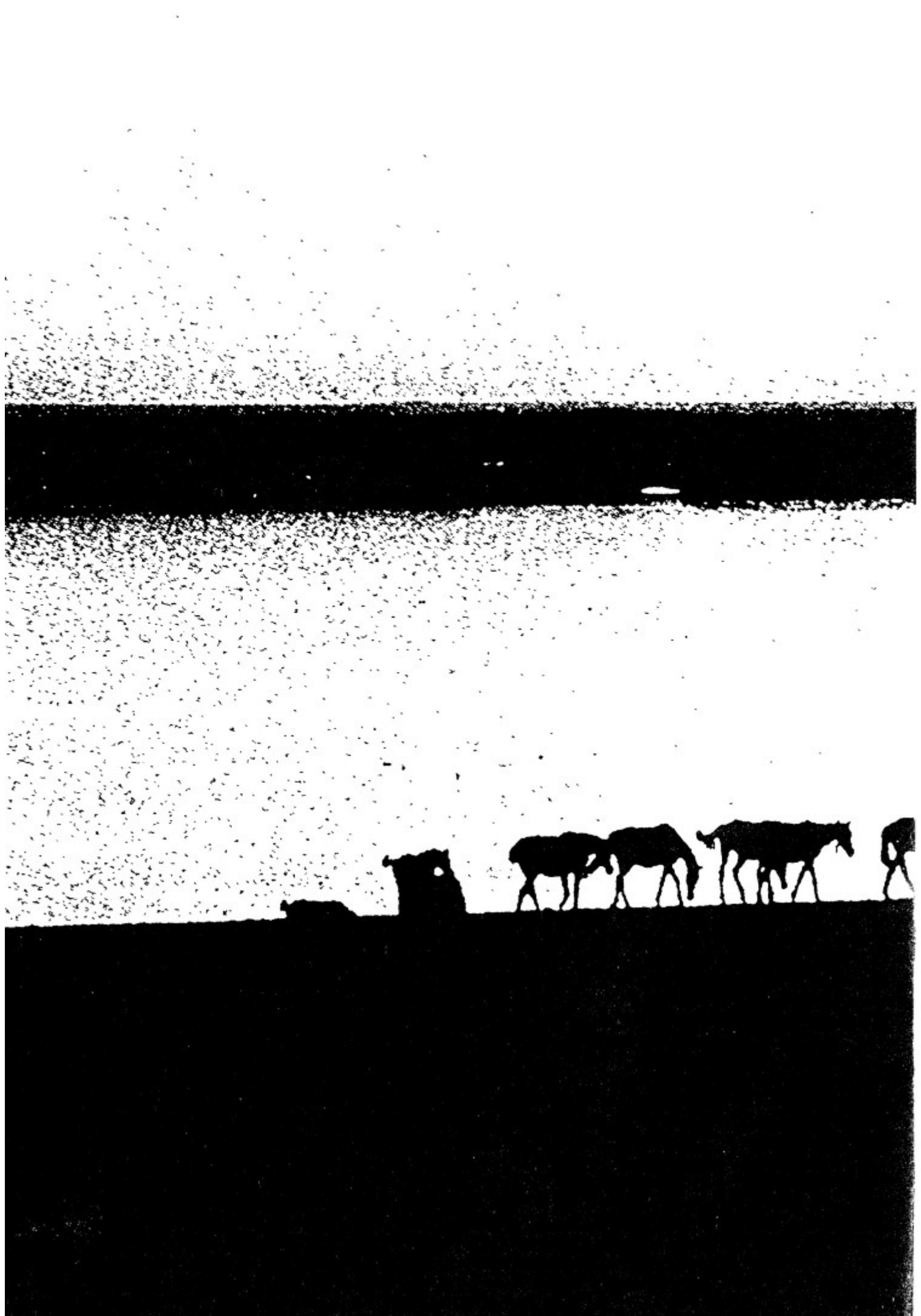
В приложении опубликован ряд материалов известных историков-туркологов, а также поэзия древних тюрок.

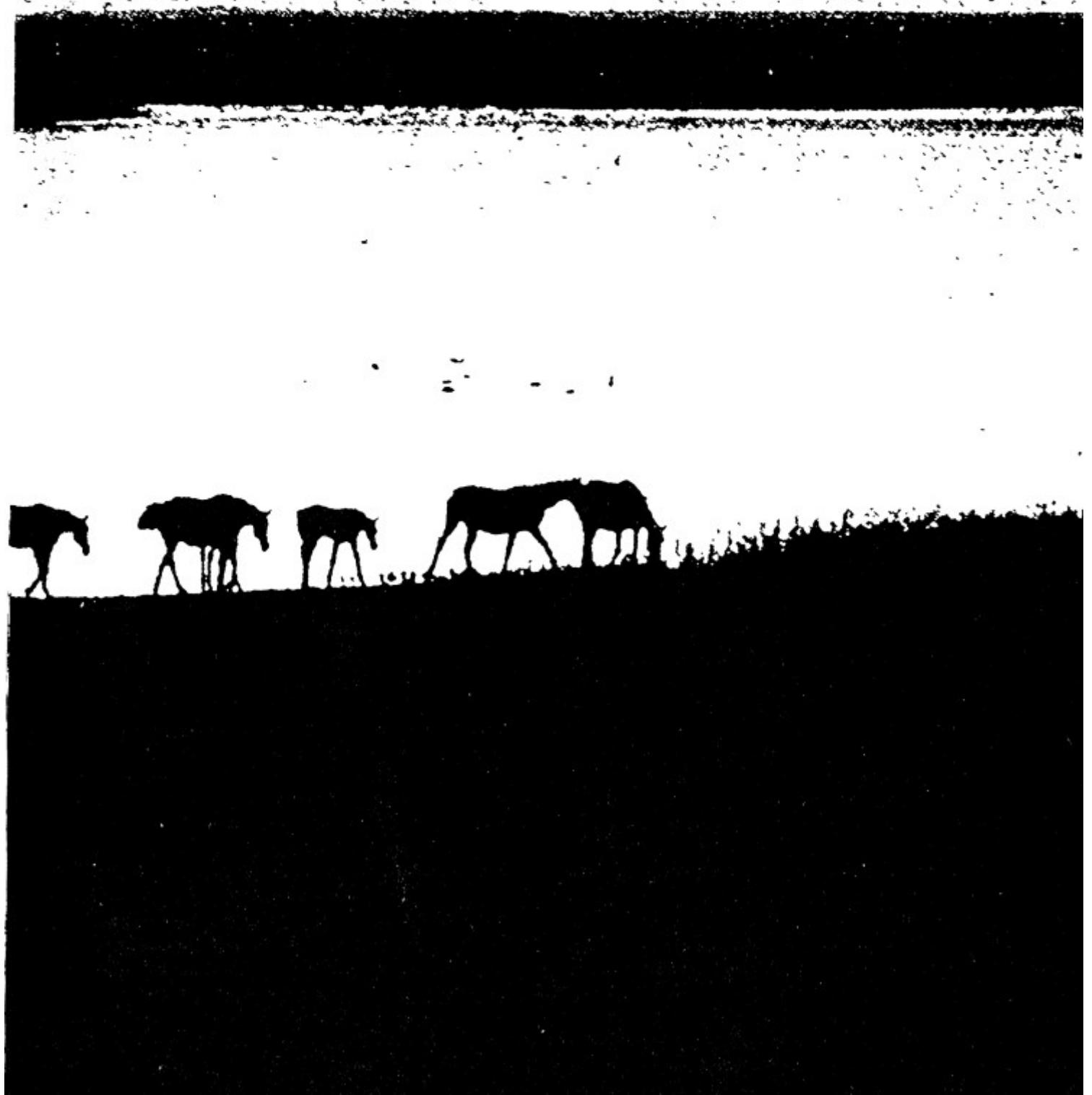
ISBN 5-87583-068-9

© Институт ДИ—ДИК, 1999
© А.И.Курчи. Составление.
Комментарии. Подготовка
и общая редакция Собрания
сочинений, 1999
© Ю.К.Курбатов. Обложка.
Общий макет серии, 1999

Л.Базен
В.В.Бартольд
Н.А.Баскаков
С.Г.Кляшторный
А.Н.Кононов
А.Е.Крымский
Махмуд ал-Кашгари
Ю.Немет
Б.Ринчен
И.Эрдэйи

в книге Л.Н.Гумилева
“Древние тюрки”

Содержание

1

<i>Предисловие.</i>	13
---------------------------	----

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Удельно-лестничная система у тюрок в VI—VIII веках	21
Алтайская ветвь тюрок-тугю	41
Великая распра в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников	55
Орды и племена у древних тюрок и уйгуров	75
Три исчезнувших народа	86
Эфталиты и их соседи в IV веке	100
Эфталиты — горцы или степняки?	111

БАХРАМ ЧУБИНА

Война 589 г. и Гератская битва	129
Бахрам Чубина. Опыт критики источников	146
Подвиг Бахрама Чубина	165
Статуэтки воинов из Туюк-Мазара	187

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Часть 1

ВЕЛИКИЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

<i>От автора</i>	213
<i>Введение</i>	214
Глава I. Накануне (420—546)	218
Глава II. Предки	224
Глава III. Создание великой державы рода Ашина (545—581)	235
Глава IV. Шелк и караванный путь	252
Глава V. Внутри каганата	264
Глава VI. Тюркюты у себя дома	277
Глава VII. Религия тюркотов	289
Глава VIII. Мнения и сомнения	309
Глава IX. Великая распрая (581—593)	326
Глава X. Поход на Иран	344
Глава XI. Ашина и Суй	360
Глава XII. Западный каганат	374
Глава XIII. Рождение империи Тан	391
Глава XIV. Восточный каганат	405
Глава XV. Мировая война VII века	421
Глава XVI. Десять стрел	439
Глава XVII. Табгачский хан	451
Глава XVIII. Конец тюркотов	467

II

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ

Часть 2

ГОЛУБЫЕ ТЮРКИ И УЙГУРЫ, ИЛИ ЭПОХА ВТОРОГО КАГАНАТА

Глава XIX. Агония Западного каганата

и тибетская экспансия..... 16

Глава XX. Преображение народ .. 26

Глава XXI. Восстание Кутлуга .. 37

Глава XXII. Воссозданный каганат..... 54

Глава XXIII. Потрясение .. 80

Глава XXIV. Голубые тюрки о себе .. 99

Глава XXV. Тибетцы и тюргеши..... 121

Глава XXVI. Каганат и империя .. 135

Глава XXVII. Создание Уйгурского каганата..... 145

Глава XXVIII. Восстание Ань Лушаня .. 160

Глава XXIX. Тибет в VIII веке .. 185

Глава XXX. Уйгурья в VII—IX веках..... 207

<i>Приложение</i>	
Синхронистическая таблица	218
Генеалогическая таблица	242
Ономастическая таблица	246
ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ	
<i>В. В. Бартольд</i>	
История турецко-монгольских народов	265
<i>А. Н. Кононов</i>	
Опыт анализа термина тюрк	299
<i>Н. А. Баскаков</i>	
Тюркизмы — социальная терминология в “Слове о полку Игореве”	307
<i>Л. Базен</i>	
Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке	317
Концепция возраста у древних тюркских народов	332
<i>И. Эрдейи</i>	
Авары	350
<i>Ю. Немет</i>	
К вопросу об аварах	362
<i>С. Г. Кляшторный</i>	
Восточнотюркский каганат и Средняя Азия	369
Хронология и историки. Два мнения о книге . . . . . С. Г. Кляшторного	389
Об историческом синтезе. Диспут о древних тюрках (туркютах) в ВГО	402
<i>Махмуд ал-Кашгари</i>	
Поэзия древних тюрков. Диван лугат ат-турк . . . . . Перевод Анатолия Преловского	420
<i>А. Е. Крымский</i>	
Тюрки и тюркские народы	447
Письмо Б. Ринчена Л. Н. Гумилеву	470
Коротко об авторах	476
Первая публикация работ Л. Н. Гумилева	478

Дальше, авторы сказали привычно трактую Чинчаб, как „крупный город с разнородным населением". Но ведь именно это „разнородство" обясняет потому одно любили рыбку, другие возделывали сады, третьи уходили на леший ноговку. Помимо этого хаган со своим, но ведь он был Тюркюй из рода Яшина, т.е. потомок великий ноговник.

Поэтому более тем странной представляетя фраза непосредственно завершающая данный пассаж: „Таким образом, если постъ не этнический признак?" А какой же? Неужели странного, трудового на волни, производственное здесь как племенной членности иноязычии, традиции унаследованы. Или это материц, т.е. все то, что мы суммарно называем „историческим наследием"? Уже есть меньшее значение тем Купленный на иноязычном базаре горшок, разбитый и опущенный в та помойку, где его черепки через 100 лет находят археологи? Однако и археологии имеют ^{некоторые} вклад в историю народов Востока, ~~которые~~ особенно там, где письменные источники дают только отрывочные сведения. Поэтому ^и этому не будем присвящать отдельной посудой.

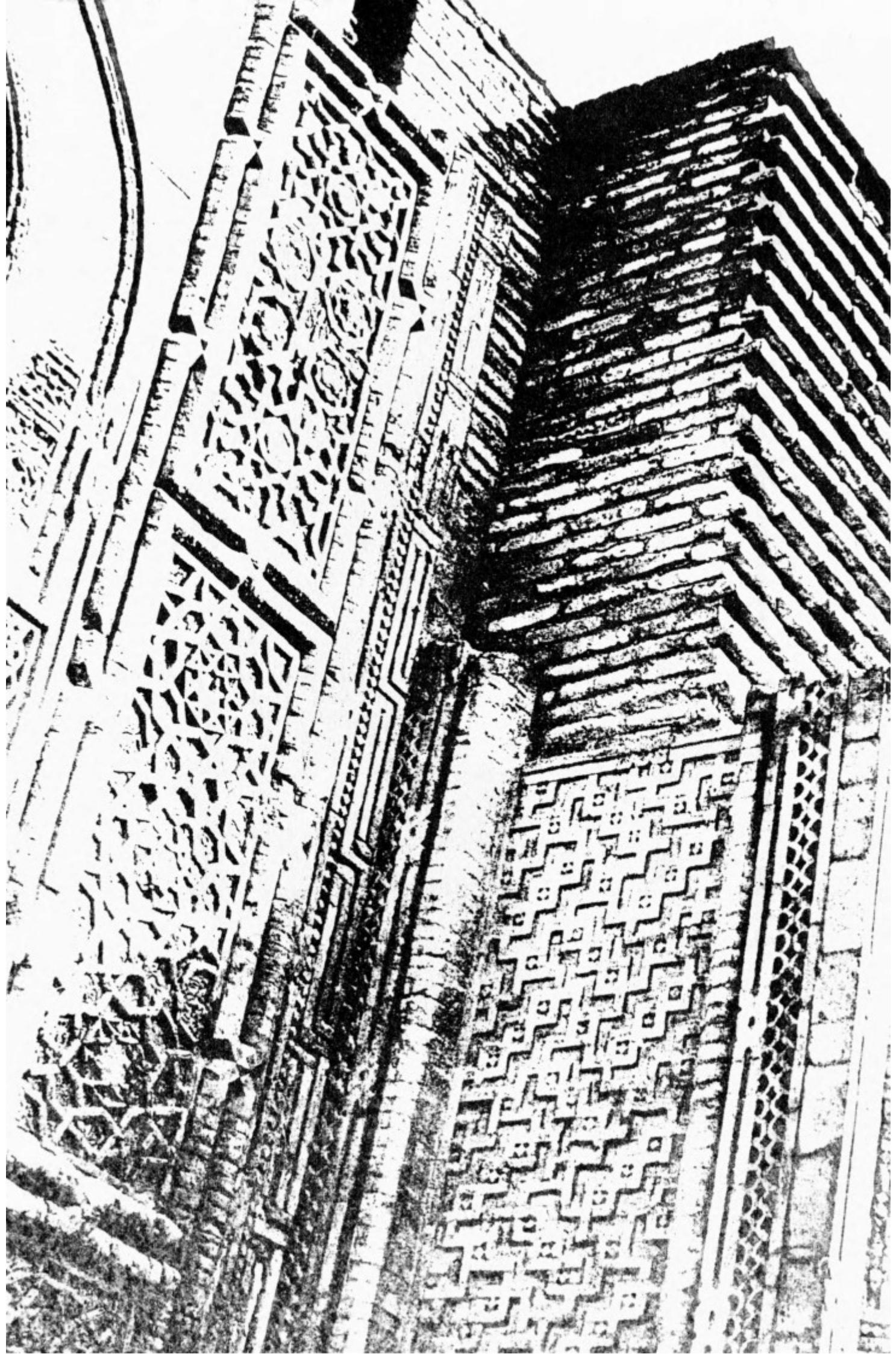
Поклонный вариант озера-малукской культуры керамики распространяется на террасах Дона и Донаца от ^{отдаленных} от центрального вала орудий производства, худшими обитателями которых являются фрагменты обнаруженные в долинах Волги и среднем Тerekе. ^{Все} это было ^{известно} Федотову ^{15, 8, 9, 10, 11, 12} на ^{обратной} ^и ^{противоположной} ^{террасы} между деревней Терека и Сулаком. Совпадение географических и хронологических данных не оставляет сомнений, что этот тип керамики принадлежит хагарскому этносу. Однако, ни ^{ни в водоразделах} Сулака, ни в ^{ни в} ^{Сулаке} ^{террасах} ^{террасах} Сулака, ни в Заволжье, ^{террасах} ^{террасах} керамики нет. Следовательно, изготовление ее можно связать с регионами долинами, где браконьерская посуда вакцинирована и дегенерала до хХв. Распространение же полновесных сосудов, видимо, было куда более широким, но зато и находки ^{столичных} деревень, ибо купленные горшки берегли.

Тиму́р (Темур) Га́зан

Тиму́р (Темур) Га́зан

ДРЕВНИЕ
ТЮРКИ

Часть 2

ГОЛУБЫЕ ТЮРКИ И УЙГУРЫ,
ИЛИ ЭПОХА ВТОРОГО КАГАНАТА

XIX. Агония Западного каганата и тибетская экспансия

ДРЕВНИЙ ТИБЕТ

Тибетское нагорье, где совмещались пригодные для скотоводства травянистые степи и речные долины, служившие пристанищем земледельцам, заселялось с запада и с востока. На западе издавна обитали моны и дарды, земледельческие племена, похожие на памирцев. Они делились на множество мелких княжеств, независимых друг от друга. На востоке жили два народа: овчары пастухи кяны и земледельцы жуны. В древности это были два разных народа, хотя ныне потомки тех и других считаются тибетцами. Потомки кянов — нголоки — до сих пор кочуют в горах Амдо, а тибетцы — боты, отколовшиеся от кянов до начала нашей эры, переняли от жунов навыки земледелия и, насылив долину р. Цанпо (Брахмапутра), создали тибетскую культуру и государственность. Там, на плодородной почве речных долин, орошенной водой горных речек, росли пшеница, ячмень, гречиха и горох¹. Поселения были укреплены каменными стенами, через реки переброшены мосты. Возникла металлургия: выплавлялись серебро, медь и железо, появилось ткачество, и общий подъем хозяйства позволил к началу VII в. довести численность населения до 2860 тыс. человек², т.е. до предела, выше которого она не поднималась до XX в. При существовавшем уровне развития производительных сил больше людей страна прокормить не могла.

Долгое время тибетские племена жили, управляемые своими родовыми старейшинами. Первые изменения наступили вследствие проникновения в Тибет черной веры “бон”, проповеданной учителем

Шэнрабом, выходцем из страны Шаншун. На место первобытного анимизма было поставлено двуединое божество – “Всеблагой” и его супруга “Славная царица трех миров”, или “Великая мать милосердия и любви”, принимавшая кровавые жертвы, включая человеческие. Мир, по учению Шэнраба, состоит из сфер: небесной, земной и подводной, где обитают водяные духи. Мистическое мировое древо прорастает все три сферы и является путем для общения их между собой. Общение происходит посредством мистерий, совершаемых жрецами, принявшими посвящение и проповедующими свое учение. В отличие от примитивных культов бон стал господствующей и воинствующей церковью с иерархией, клиром, организованным культом и тенденцией вмешиваться в государственные дела³. Восторжествовал он не без крови. Один из легендарных правителей Тибета попробовал освободиться из-под опеки черной церкви и был заколот своими приближенными. После этого правители и племенные вожди предпочитали поступаться частью власти ради жизни. К тому же постоянные распри между племенами облегчали бону роль арбитра и связанное с этой ролью господствующее положение. В конце концов аристократия и жречество сжились друг с другом и в дальнейшей истории действовали рука об руку.

В 439 г. в Тибет отступил из Хэси отряд воинственных сяньбийцев, и вождь его, оказавшись в богатой, но разобщенной стране, привлек к себе кянов, т.е. занял господствующее положение среди враждующих племен. Потомки этого атамана за 200 лет отибетились и наследственно носили титул цэнпо, означавший что-то среднее между царем и главой правительства, которое должно было выполнять волю племенных вождей, опиравшихся на своих соплеменников и бывших единственной реальной силой в стране.

В этой ситуации положение цэнпо было очень сложным. С одной стороны, он занимал свое место по наследству; в его казну поступали доходы с обширных земель, принадлежащих “короне”, налоги, дань покоренных народов, выморочное имущество и имущество казненных преступников, но, с другой – его в любой момент могли отрешить от должности, и практически он не имел ни реальной опоры, ни действительной власти. Даже войско подчинялось не цэнпо, а специальному военному советнику⁴. Бедному цэнпо оставался по сути дела только почет, и этим он напоминает греческих базиев в то время, когда разбогатевшая аристократия лишила их былой власти⁵.

Однако объединение страны принесло свои плоды, и при цэнпо Намри (570–620) тибетские войска вторглись в Индию и Тогон. В Тогоне в 604 г. они разбили Кара-Чурина, покинутого своими восточ-

ными сородичами. В страну влились новые подданные, и тут обострились противоречия между аристократией и народом, для которого цэнпо должен был стать естественным вождем, потому что он также был утеснен знатью и бонской церковью. Возникли все предпосылки для гражданской войны. Намри был убит, а при сыне его Сронцангамбо “подданные его отца возмутились, подданные матери восстали, родственники (перечисляются. — Л. Г.) все восстали”⁶. Это очень походило на гражданскую войну, в которой принимали участие разные группировки и племена. Но восстание как-то потухло, порядок был восстановлен. Умный, энергичный Сронцангамбо сделал из этого восстания очень важные выводы: он решил обратить внимание на общину нищих бритоголовых монахов, проповедовавших странное учение о пустоте и неделании. И он не ошибся: буддизм оказался силой, которая, внедрившись в Тибет, превратила его потомков из цэнпо в царей, несмотря на сопротивление знати и жрецов.

ВОЙНА ЗА ТОГОН

Самой острой проблемой, стоявшей перед Тибетом, были отношения с империей Тан. Интересы обеих держав были прямо противоположны. Необходимо учесть, что Тибет в VII в. был заперт со всех сторон. На западе стояли непокорные дарды; Индия была защищена не столько Гималаями, сколько климатом, убийственным для жителей суровых нагорий; на севере лежала непроходимая пустыня, а на востоке — сильная военная держава — танский Китай. Единственный выход был на северо-восток, через Амдо в Ганьсу и на просторы степей Хэси и “Западного края” (Синьцзян). Но этот выход преграждало Тогонское царство, хотя и ослабевшее, но пользовавшееся покровительством Китая.

Если для Тибета было необходимо овладеть Тогоном, то для Китая было не менее необходимо не допустить этого. Победа над тюркотами, доставшаяся недешево, могла оказаться бесплодной при появлении в степи какого-либо антиимперского центра притяжения, так как кочевники бредили восстанием и независимостью. Вырвавшись в степь, тибетцы могли перерезать китайские коммуникации и, опираясь на мятежные элементы среди тюркских племен, загнать имперцев обратно за Великую стену. Поэтому Танской империи оказывалась всемерная помощь Тогону, несмотря на то, что это повлекло за собой войну.

А в самом Тогоне союз с Китаем был крайне непопулярен. Многолетние войны с чжоуским, суйским и, наконец, танским Китаем не могли пройти бесследно.

На тогонские набеги китайцы отвечали губительными вторжениями, наводняя Амдо тюркютами, уйгурами и другими союзными войсками. Конечная победа осталась за Китаем, но ставленник Тайцзуна, окитаенный царевич Муюн Шунь, несмотря на китайскую поддержку, был убит своими подданными⁷. Тайцзун посадил на ханский престол сына убитого Муюн Шуна, юного Нохэбо, вполне преданного Китаю. Нохэбо ввел в Тогоне китайский календарь, женился на китайской царевне и послал молодых тогонцев в Чанъян служить при дворе. Естественно, что возникшая оппозиция ориентировалась на Тибет, но заговор 641 г. был раскрыт и ликвидирован. Во главе тибетской армии тогда стоял вельможа Донцан из знатного рода Гар, находившегося в оппозиции к цэнпо Сронцангамбо.

Твердая воля Тайцзуна и крутой поворот тибетской политики при Сронцангамбо на некоторое время обезопасили Тогон, но, когда Донцан возобновил наступление на восток, а недальновидный Гаоцзун отказал Нохэбо в немедленной помощи, участь Тогона была решена.

Тогонский вельможа Содохуй бежал в Тибет и сообщил Донцану о решении Гаоцзуна. Донцан немедленно начал войну и в 663 г. на голову разбил тогонцев в верховьях Желтой реки. Нохэбо с царевной и несколькими тысячами кибиток бежал в Лянчжоу, под защиту Китая. Гаоцзун спохватился и отправил в Тогон войско, поставив во главе его Су Дин-фана⁸, героя западного похода, но было поздно. Трудно было представить менее удачное стечание обстоятельств для империи Тан.

Осторожный Донцан пытался договориться с Гаоцзуном, но его предложения о разделе Тогона были отвергнуты. Донцан умер, оставил четырех сыновей, по дарованиям не уступавших отцу; старший, Циньлин, стал великим советником, а младшие – военачальниками, и война началась.

Имперское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, так как лучшие войска были заняты в Корее, завоевание которой было закончено только в 668 г. За это время тибетцы, по словам Бичурина, разбили 12 китайских областей, населенных князьями, и усилили свое войско за счет присоединенных дансянов (тангутов) и хоров (тогонцев). Около 670 г. тибетская армия ворвалась в бассейн Тарима и, опираясь на сочувствие тюркютов и союз с Хотаном, разрушила стены Кути, вследствие чего весь Западный край, кроме Сичжоу (Турфана), оказался во власти тибетцев⁹.

Стремясь вернуть утраченное, китайцы двинули на Тибет большое войско, но при Бухайн-голе были наголову разбиты. Китайский генерал Се Жинь-гуй заключил с тибетцами перемирие и только тогда получил возможность отступить (670). Другое войско, посланное против

тибетцев, вернулось с дороги вследствие смерти военачальника, и на этом закончился первый этап войны.

Тибетцы дважды предлагали империи Тан мир, в 672 и в 675 гг., но Гаоцзун отверг эти предложения, и в 676 г. война возобновилась.

КОНЕЦ ТЮРКЮТОВ

Тяжелое поражение на Бухайн-голе и невозможность пойти на уступки заставили имперское правительство обратиться к изысканию новых средств борьбы против Тибета. Было решено использовать для этой цели западных тюркютов.

В 671 г., чтобы успокоить народ, старейшина Ашина Дучжи был назначен военным начальником и одновременно фуюнским¹⁰ наместником. Но фактически это было невыполнимо. Традиционноеуважение к роду Ашина, поддерживавшее династию в середине VII в., сменилось полным безразличием, после того как последние ханы показали себя верными слугами китайцев и врагами своего народа. Имперское управление не пользовалось популярностью в кочевых районах. Дучжи, чтобы укрепить свое положение, заключил союз с Тибетом и в 676 г. объявил себя ханом.

Тибетцы, возобновив войну, разграбили Западный Китай до Чанъани¹¹, в то время как две имперские армии бездействовали. В следующем, 677 г. тибетская армия соединилась с войсками Дучжи и освободила от имперцев Кучу при полном сочувствии и активной помощи жителей¹². Это решило судьбу Дучжи.

Против Дучжи был направлен сановник Пэй Хин-гянь с войсками, но дело до столкновения не дошло. Хин-гянь объявил всюду, что он идет возвести персидского царевича на трон и успокоить даши (арабов), а дойдя до Турфана, остановился на зимовку, стал заниматься охотой и приглашать в гости уцелевших китайских чиновников. Когда в числе приглашенных оказался Дучжи, его арестовали и отправили в Китай (679). “С сего времени десять аймаков наипаче ослабели”¹³. Какая перемена за 20 лет! После казни Мише вспыхнуло восстание, при аресте Дучжи никто не пошевелился. За эти 20 лет самое название “тюркют” исчезло на западе, заменившись термином “онок”, т.е. десять стрел.

Сами десятистрельные тюрки перестали видеть смысл в объединении, подчинившем их китайцам, и родовичи двух поколений (дулу и нушиби) день ото дня расходились¹⁴. Чтобы прекратить разброда, сущий беспорядок, вместо Дучжи китайцы назначили двух царевичей, Юанькина, сына Мише, и Хушэло, сына Бучженя. В 693 г. Юанькин

был казнен, так как его обвинили в связи с опальным наследником китайского престола. Сын Юанькина, Ашина Суйцзы¹⁵, снесся с тибетцами и в 694 г. поднял восстание, но был разбит. Власть, хотя и фиктивная, сосредоточилась в руках Хушэло, но усиление тюргешей заставило его переселиться в Китай с остатками своих сторонников, насчитывавших всего 60–70 тыс. душ обоего пола. Так окончилась история тюркотов.

ВОЙНА ЗА "ЗАПАДНЫЙ КРАЙ"

С перипетиями тибето-китайской войны, достигшей в 679 г. своего кульмиационного пункта, было связано усиление антикитайских настроений среди западных и восточных тюрков. Имперское правительство великолепно понимало, что в степи не будет порядка до тех пор, пока тибетцев снова не оттеснят в горы. Для этой цели была направлена огромная армия (180 тыс. человек)¹⁶. Во главе ее был поставлен "государственный секретарь" Ли Цзинь-сюань, человек образованный и хитрый, однако не обладавший никакими военными талантами. Китайский хронист даже приписывает главную роль в этом назначении злой воле соперника Ли Цзинь-сюаня, Се Жинь-гуя, желавшего подвести врага под царскую опалу.

Вначале китайцы имели успех, но около оз. Кукунор были окружены тибетцами. Китайский авангард, оторвавшийся от основной массы войск, был истреблен, а сама армия прижата к горам и блокирована. От гибели китайцев спасла только смелая ночная атака Хэчи Чан-чжи, корейца по происхождению; это был атлет высокого роста и неудержимой храбрости¹⁷, один из тех "илохэ" (удальцы), которых привлекал и лелеял Тайцзун. Во главе 500 отборных бойцов он врубился в тибетский лагерь, навел на врагов панику и пробил в блокаде брешь, через которую спаслись остатки недавно грозной армии.

Гаоцзун в отчаянии созвал совет, чтобы решить, что делать с тибетцами, но мнения придворных разделились, и совет никаких решений не принял. Тибетская угроза нависла уже над самим Китаем. В том же 679 г. умер цэнпо Манро-манцан, и на престол был возведен его восьмилетний сын¹⁸ "Дудрон"¹⁹, при котором Циньлин с братьями сохранил всю полноту власти.

В 680 г. тибетцы вторглись в Китай и нанесли полное поражение Ли Цзинь-сюаню, но Хэчи Чан-чжи с трехтысячной отборной "врубающейся конницей" (ту-ки) ночью ударил на тибетский лагерь и принудил врага к отступлению. Хэчи Чан-чжи, назначенный после

этой победы начальником пограничной линии, построил 70 сигнальных пунктов и завел казенные поля для снабжения своих войск хлебом, но, несмотря на это, тибетцы с помощью живших на рубеже Китая кянов²⁰, прорвав линию, вошли в Юньнань и подчинили лесные полудикие племена, известные под названием маней²¹.

В следующем, 681 г. тибетский полководец Цзанбу, брат Циньлина, попытался прорваться во Внутренний Китай. Хотя он был отражен Хэчи Чан-чжи, но это был успех обороны, не спасавший положения, становившегося для китайцев катастрофическим. Оно еще более ухудшилось в 689 г., когда китайские войска, находившиеся в Западном крае, были разбиты тибетцами. Китайское правительство в панике готово было отказаться от Западного края²², но историограф Цуйюн представил доклад, в котором доказывал необходимость во что бы то ни стало удержать западные владения, так как в старое время “символически отсекли правую руку у хуннов... Если не содержать гарнизонов в четырех инспекциях, то Туфаньские (тибетские) войска не преминут посетить Западный край, а когда будет потрясен Западный край, то трепет прострется и на южных кянов. Когда же сии приступят к союзу с ними, то Хэси придет в неизбежную опасность... Если север будет смежен с туфаньцами, то десять колен (западные тюрки) и Восточный Туркестан погибнут для нас”²³.

Представление подействовало: была снаряжена новая армия, пополненная западными тюрками, и в 692 г. она одержала полную победу и освободила Западный край от тибетцев. В это же время кяны и мани, очевидно разочаровавшиеся в тибетцах, вернулись под покровительство Китая. Некоторых тибетцы успели захватить, но спасшиеся, получив земли внутри Китая, усилили оборону западной границы.

Попытка тибетцев восстановить свое господство на западе при помощи царевича Ашина Суйцзы также не имела успеха, а набег, произведенный братьями правителя, кончился поражением в 695 году.

Но Циньлин был упорен. В 696 г. он обрушился на Лянчжоу (в Алашане) и, одержав полную победу, направил послы с мирными предложениями. Циньлин настаивал на выводе имперских гарнизонов из четырех инспекций и на уступке Тибету области нушиби, с тем чтобы за империей оставалась область дулу. Китайцы требовали еще возвращения бывшей тогонской территории, но, учитывая внутреннее положение Тибета, сознательно затянули переговоры²⁴. Расчет оказался правильным. Интриги и государственный переворот в Тибете еще раз спасли империю Тан.

ПЕРЕВОРОТ В ТИБЕТЕ

Затянувшаяся война с переменным успехом истомила равно Тибет и Китай, но характер утомления в обоих государствах был различен.

Китайское общественное мнение было вообще против войны за заграничные владения, которые нужны были не народу, а имперско-му правительству, в то время терявшему популярность. Китайцы хотели спокойно заниматься земледелием, ремеслами и изучением классической литературы, а неходить в далекие походы по сухим степям и оснеженным горам.

Имперское правительство было озабочено обилием врагов: арабы угрожали среднеазиатским владениям, тюрки захватили весь север, на востоке волновались мукри и кидани. Войска были нужны всюду, но пополнения приходилось посыпать против Тибета только для того, чтобы удержать свои позиции. Поэтому имперцы тоже хотели мира.

Не было единства и внутри Тибета. Хотя добыча ежегодно привозилась в страну с границ²⁵, но львиная доля ее доставалась семье Гар, т.е. родственникам Циньлина. Это вызывало недовольство остальных влиятельных родов, а также широких слоев свободных воинов²⁶. Как обычно бывает, симпатии противников правительствующего рода обратились к лишенному власти цэнпо, занимавшему в это время престол. Дудсрону исполнилось к тому времени 25 лет. Согласно Дуньхуанской хронике, он имел ясный ум и жестоко карал изменников. Его поддерживали кроме собственно тибетцев храбрые непальские горцы и западные тюркюты, спасшиеся в Тибете от репрессий империи Тан²⁷.

Циньлин сделал ошибку, допустив имперские посольства в Тибет. Опытные китайские дипломаты, ведя с правителем и цэнпо переговоры о мире, послами и подарками стимулировали создание заговора, во главе которого встал сам цэнпо.

Борьба началась в 695 г., когда Дудсрон казнил одного из членов семьи Гар. Сразу вслед за казнью цэнмо (жена цэнпо) созвала множество людей²⁸, очевидно своих родственников, чтобы обезопасить престол от покушений со стороны действующей армии, подчинившейся семье Гар.

В 699 г. заговорщики под предлогом облавной охоты собрали воинов и, захватив более четырех тысяч сторонников правительства, перебили их. Затем Дудсрон вызвал правителя из армии в столицу, но тот, зная, что ему грозит верная смерть, поднял восстание, надеясь на верность своих войск. Но воины рассеялись, покинув своего полководца ради своего царя (цэнпо). Видя безнадежность положения, Циньлин покончил с собой вместе с сотней верных ему сподвижников. Те же, которые предпочли остаться живыми, предводимые сы-

ном Циньлина, передались империи Тан. Их приняли с почетом и зачислили в пограничные войска, так как их обратный переход в Тибет был исключен.

Положение переменилось диаметрально. Тибет лишился опытных полководцев и лучших войск, Китай приобрел 8 тыс. закаленных воинов. Естественно, что имперское правительство прервало мирные переговоры с Тибетом, и война возобновилась на всех фронтах. Теперь перевес был определен на стороне империи. Китайцы сами приписывали свои успехи неопытности новых тибетских полководцев. Набеги 700 и 702 гг. были отражены с большими потерями для тибетцев²⁹. Просьба Дудсрона о мире и браке с китайской царевной была подкреплена данью золотом и лошадьми, но результатов не дала. Китайские дипломаты, проникавшие в Тибет, несмотря на пограничную войну³⁰, информировали свое правительство о новых затруднениях, постигших цэнпо Дудсрона. Зависимые государства на южной границе – Непал, Индия и др. – все восстали. Дудсон погиб в походе против индусов в 703 году³¹. Победа осталась за империей, но она запоздала. Тибето-китайской войной воспользовались потомки восточных тюркотов – голубые тюрки, среди которых 50 лет зрело недовольство, повлекшее взрыв страстей и кровопролитие.

После гибели цэнпо опять вспыхнули восстания племен и распри вельмож, а брат Дудсона потерял престол Непала³². Но уже в 705 г. знатные семьи Ба и Дро восстановили порядок, и тибетский посол, прибывший в Китай, сообщил о вступлении на престол нового цэнпо – Мэагцома³³. При нем буддисты сохранили свои позиции. Продолжались строительство храмов, переводы священных книг и приглашения индийских ученых³⁴. Буддизм и бон пытались привыкнуть к сосуществованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Francke A. H. History of Western Tibet. London, 1907. P. 19-39; Грумм-Гржимайло Г. Е. Материалы по этнографии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903. С. 3, 41-43; Успенский В. Страна Кукэ-нор и Цин-хай //Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. IV. С. 51; Бичурин (Иакинф). История Тибета... С. 124, 127; Богословский В. А. Очерк истории... С. 24.

² Богословский полагает, что это только мужское население – воины (Очерк истории... С. 128). Но тогда общее число населения было бы около 15 млн, что невозможно по природным условиям Тибета (см.: Гумилев Л. Н. Величие и падение Древнего Тибета //Страны и народы Востока: Сб., посвященный памяти акад. В. В. Струве.).

³ Литература вопроса весьма обширна. Привожу лишь некоторые наиболее важные сочинения: Francke A. H. History of Western Tibet; Bell C. The religion of Tibet. Oxford,

- 1931; *Laufer B.* Über ein tibetisches Gesichtswerk der Bonpo // *T'oung Pao*. Ser. II. Vol. 2. 1901; *Hoffmann H.* Quellen zu Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Wiesbaden, 1950; *Tucci G.* The Tombs of the Tibetan king // Serie Orientale. Roma, 1950; *Lalou M.* Les religions du Tibets. Paris, 1957.
- ⁴ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 127–128.
- ⁵ *Гумилев Л. Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 107.
- ⁶ *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 36.
- ⁷ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 93–94.
- ⁸ Там же. С. 95, 135, 163.
- ⁹ Там же. С. 136–138.
- ¹⁰ Фуян – область племени чумугунь, т.е. бассейн Эбинора.
- ¹¹ Были взяты Шанчжоу, Кхочжоу, Хэчжоу и Фаньчжоу.
- ¹² *Chavannes E.* Documents... Р. 74.
- ¹³ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 294.
- ¹⁴ Там же (например, восстание Кибучура в 682 г.). См.: *Chavannes E.* Documents... Р. 281, 74, № 3.
- ¹⁵ *Chavannes E.* Documents... Р. 281, № 7.
- ¹⁶ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 142.
- ¹⁷ *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 292.
- ¹⁸ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 143.
- ¹⁹ Дю-сонг (*Богословский В. А.* Очерк истории... С. 50); Гун-срон-ду-рже (*Schlagintweit E.* Die Könige von Tibet. München, 1866. S. 50), кит. Цину-Синун (*Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 143).
- ²⁰ Дансянов, т.е. тангутов, населявших правый берег Желтой реки, к югу от оз. Кукунор (см.: *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 237).
- ²¹ Мани – общее название для южных лесных племен (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 27).
- ²² Армия, посланная против тибетцев в 690 г., была возвращена с дороги (*Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 146).
- ²³ Там же. С. 147–149.
- ²⁴ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 153.
- ²⁵ *Schlagintweit E.* Die Könige von Tibet. S. 50–51.
- ²⁶ Об этом ясно говорит цитата из Дуньхансской хроники: “В маленькой долине Чапу подданный стремится стать правителем; сын Гара стремится стать правителем” (см.: *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 52).
- ²⁷ Там же. С. 50.
- ²⁸ *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 51.
- ²⁹ *Бичурин (Иакинф).* История Тибета... С. 154–155.
- ³⁰ В 703 г. китайский посол Кам Кэнг оказал почести цэнпо (*Богословский В. А.* Очерк истории... С. 52–53).
- ³¹ Эту дату следует предпочесть (см.: *Кузнецов Б. И.* Тибетская летопись “Светлое зерцало царских родословных”. Л., 1961. С. 75; *Синха Н. К., Бенерджи А. Ч.* История Индии. М., 1954. С. 100; *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 53).
- ³² *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 54.
- ³³ При вступлении на престол ему было семь лет. Это значит, что власть опять оказалась в руках знатных семей, посадивших на трон ребенка, чтобы править страной от его имени. Его полное имя Тридэцуктэн Мэагцом.
- ³⁴ *Кузнецов Б. И.* Тибетская летопись... С. 25.

XX. Преображение народа

В ГОРАХ АЛТАЯ

Восточную часть Горного Алтая ныне населяют теленгиты. В их число входит кость (раздел), сохранившая старое название – тёлёс. На севере теленгиты соседят с черновыми татарами (йиш-кижи), на востоке – с тувинцами, на юге – с казахами, а на западе – с собственно алтайцами (алтай-кижи). Высокие хребты с трудными перевалами создают естественные границы района, населенного теленгитами, и в значительной мере способствуют сохранению ими некоторой доли самобытности, выражющейся как в языке (теленгитское наречие алтайского языка содержит большое количество монгольских элементов), так и в противопоставлении себя прочим алтайским племенам.

Телесами называют себя северные теленгиты, населяющие долины Чулышмана, Башкауса и Улагана. Этот район отделен от южного высоким плато, вдобавок пересеченным двумя горными речками – Кубадру и Чибитсу. Южные теленгиты живут по нижнему течению Чуи до впадения ее в Катунь; самоназвание их чуй-кижи (чуйские люди).

Термин “теленгит” шире термина “тёлёс”, так как включает в себя группы населения, тёлёсами не именующегося. Наряду с тёлёсами существуют названия костей – аз¹, сойон, майма и другие.

Тёлёсы были некогда господствующей костью, подменяя собой этническое наименование теленгит, столь же древнее, как и тёлёс. В VII в. теленгиты (кит. доланьгэ) занимали обширную территорию на Хангае, к западу от Орхона, и считались одним из телеских племен².

Сходство имёни тёлёс с упоминаемыми в орхонских надписях толисами обратило на себя внимание Аристова³, но он ограничился лишь беглым замечанием, так как в его время содержание орхонского термина “толис” представляло загадку и являлось объектом ожесточенной полемики. Западные ориенталисты Томсен, Хирт и Шаванн отождествляли толисов с теле китайских анналов, тогда же как русские ученые Бартольд, Мелиоранский, Аристов и Грумм-Гржимайло считали толисов коренным тюркским племенем, “особым от теле”⁴. В то время как западноевропейские ученые, будучи уверены в правоте своей точки зрения, не затрудняли себя приведением каких-либо подтверждающих фактов, Аристов на основании изучения этнографии установил, что потомками теле являются телеуты, а отнюдь не телесы⁵, а Грумм-Гржимайло пришел к аналогичному выводу на основании материала исторического⁶.

Объединение тёлёсов с теленгитами произошло лишь в середине XVIII в., когда теленгиты, бывшие подданными ойратов, бежали на Алтай из Западной Монголии от маньчжуротов, которым император Цян лун повелел перебить ойратов до последнего человека. Постепенно теленгиты смешались с телесами, жившими в этом крае с середины VII в. и пришедшими сюда вместе с Чеби-ханом, последним ревнителем тюркютской славы и независимости⁷.

Телесы мало похожи на своих предков – тюркютов раздела тёлёс, но это и естественно, ибо тысяча лет несет немало перемен для народа, окруженного утесами, дебрями и врагами. Но археология устанавливает связь предков и потомков.

Маленький народ, запрятавшийся в высоких горах, совсем потерялся бы для истории, если бы не оставил памятников, переживших его. Могильники тюркютов раздела тёлёс покрывают почти все степные склоны долин восточного Алтая. Это так называемые каменные оградки, с которыми связаны каменные изваяния скуластых мужчин в халатах, с мечом на бедре и чашей в правой руке⁸. Внутри этих оградок часто находят золу и пепел – остатки сожженного трупа⁹. На восток от могил тянутся вереницы балболов, грубо обитых камней, вкопанных в землю¹⁰. Это памятники подвигам покойника – каждый балбал изображает убитого им врага. Многие могилы не имеют балболов. Очевидно, там похоронен пепел женщин и детей.

Балбалы имеют две резко отличные формы: островерхую и плоскую, со стесанной верхушкой. Если учесть приведенные выше свидетельства орхонских надписей о том, что каждый балбал изображал определенного человека, то такое деление нельзя считать случайным. Скорее тут оттенен важный этнографический признак – головной убор. Степняки и посейчас носят островерхий малахай, а алтайцы – плоскую круглую шапочку¹¹.

Когда тюркюты в VII в. пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены – алтайцы, а с другой – степные племена, предки казахов. Очевидно, тюркюты в VII–IX вв. вели борьбу на оба фронта, что и отразилось в изображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со степью была более удачной, так как из 486 балбалов, изученных нами, 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы.

Очевидно, и после Чеби-хана внезапные набеги на степные кочевья проходили успешнее, чем упорная борьба с горцами, знающими каждое дерево в лесу и каждый камень в ущельях. Может быть, поэтому плоскоголовые балбалы, как правило, массивнее остроголовых.

Так как мы не имеем исторических сведений о тюркютах-тёлёсах¹² VIII–X вв., то большую ценность представляют даже те скучные сведения, которые могут дать немые камни; конечно, перипетии этой борьбы ускользнут от нас, но выяснение общего хода и направления ее – уже большая удача для исторической науки.

За двести лет, проведенных в новой среде, народ не мог не измениться. Первоначальная идея восстановления былого могущества, загнавшая тюркютов в Алтайские горы, оказалась несостоятельной, время обмануло их надежды.

Когда в степи настала анархия, то ею воспользовались не тюркюты, а кидани; тюркюты же больше никогда не выступали на политической арене. Почему? На это нам ответит физическая и экономическая география.

Тюркюты были искони степным, скотоводческим народом. Первоначальное их местонахождение на южных склонах Большого Алтая не лишило их возможности использовать степные пространства, а лес служил им лишь дополнением к основному виду хозяйства – кочевому скотоводству. Загнанные в горы, они сохранили основу своего быта – стада, но площадь пастбищ была ограничена северными склонами речных долин. Численность стад не могла не сократиться, и тюркюты принуждены были дополнять свои источники питания охотой, но не облавной, степной охотой, которая весьма эффективна, а трудоемкой индивидуальной – лесной. Народ, приспособляясь к новым условиям, должен был создать новый тип хозяйства, которое обеспечивало его значительно хуже, чем прежнее. Не меньшей затраты сил требовала борьба с климатом Алтайского нагорья, столь же суровым, как и климат сибирского заполярья.

В результате народ приобрел новые качества, но, естественно, утерял старые. Из воинственных кочевых скотоводов выработались свободолюбивые оседлые скотоводы. Короче говоря, тюркюты стали телесами¹³. Перелом этот падает на середину IX в., когда посоль-

ства в Китай они стали считать отжившей традицией, требующей к тому же бессмысленной траты сил. Однако этот небольшой народ еще мог постоять за себя. Несмотря на то, что найманы охватили владения телесов с востока и запада, им не удалось овладеть восточной частью горного Алтая. Это видно из того, что в “Юань чаомиши” телесы упоминаются в числе суверенных племен, покоренных в 1207 г. Джучи-ханом¹⁴. На этом самостоятельность телесов прекратилась.

В СЕВЕРНЫХ СТЕПЯХ

На севере, в только что разгромленной степи, и на юге, в завоеванном во время гражданской “справедливой войны” Китае, бурно шли восстановительные процессы, грозившие разорвать железный обруч, сковывавший их воедино, — империю Тан. По обе стороны пустыни Гоби складывались новые народы — голубые тюрки и уйгуры, близкие по образу жизни, своеобразные по устремлениям и культуре.

Степь — место, пригодное для жизни. Центральная часть степи пересечена горными хребтами, поросшими лесом, что создает разнообразие ландшафта и богатые возможности для развития хозяйства. Но с севера к степи примыкает тайга — место, для жизни очень мало пригодное, а для развития хозяйства предоставляющее минимальные возможности. “Таежное море” — самое подходящее название для лесного массива, отделяющего лесостепь от лесотундры — обиталища циркумполярных племен. Степь языками проникает на север, и наибольшим по своему значению был в VII—VIII вв. район верховьев Енисея. Там создавалась окраинная культура кыргызов, равно не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурсую. Несмотря на сходство языка и письменности, кыргызы по некоторым своим особенностям были далеки и от тюрок и от уйголов. Они как бы занимали третью вершину равностороннего треугольника, представлявшего тем не менее единую целостность, гармоническую напряженность непрекращающейся борьбы, обуславливающей общее развитие.

Кыргызы на севере, востоке и северо-западе граничили с народами, вернее, племенами, не имевшими ничего общего со Срединной Азией. Эти древние сибиряки не составляли никакой целостности, которая могла бы противопоставить себя соседям и найти общий язык друг с другом. Этническое разнообразие Сибири в VIII в. было значительно больше, чем в XVIII веке. Подобно тому как на Кавказском хребте нашли себе приют многочисленные осколки различных народов, так и в сибирской тайге продолжали существовать

осколки племен, за 2000 лет перед этим стоявшие на пути интенсивного развития¹⁵. Непосредственная близость кыргызской территории к племенам сибирской тайги наряду с природными условиями определила возможности и направление развития кыргызской державы. Согласно исследованию С. В. Киселева, Кыргызское ханство было объединением нескольких племен, во главе которого стоял каган.

Северный контур границ Кыргызского ханства источники определяют следующим образом: “На юго-запад до Гэлолу”, т.е. до карлуков (стало быть, кыргызы господствовали в верховьях Томи и Бии, до Салаирского кряжа); на восток до Гулигани¹⁶ (т.е. до курыкан, обитавших на верхней Ангаре); на севере с ними “часто дрались”¹⁷ бома или йеточжи, многочисленный народ, всего в три раза уступавший по количеству самим кыргызам.

Бома разводили лошадей, пахали на них землю, строили деревянные дома срубом, но не образовывали государства, а каждое племя управлялось своим вождем. Обликом бома походили на кыргызов, но говорили на другом языке. Территорией этого загадочного народа была, по-видимому, долина нижней Ангары, где помещалась страна Алакчин¹⁸. Значит, северная граница Кыргызского ханства проходила несколько севернее Красноярска.

В. В. Бартольд предполагает, что бома были енисейские остыки, т.е. кеты, у которых сохранились предания о нападении на них с юга могущественного народа килики¹⁹.

Намеченная гипотетическая северная граница кыргызов находит подтверждение в указании “Таншу”: “Все реки [бассейна Енисея] текут на северо-восток. Минуя Хягас, они соединяются и текут на север”. Скорее всего, речь идет о повороте Енисея немного ниже впадения в него Ангары. В этом случае граница совпадает – с нынешней этнографической границей тюркских народностей с угро-самодийцами и эвенками²⁰.

Что же касается восточной границы, то их было две: основная, первая, проходила по подножию Восточных Саян, а вторая – по водоразделу Оки (приток Ангары) и Ангары. В промежутке между этими двумя границами жили три племени: дубо, т.е. тувинцы, милигэ, т.е. меркиты, и эчжи – косогольские урянхайцы ачженъ²¹. На эти лесные племена кыргызы совершали набеги, а пленников обращали в рабство. Лесовики отвечали ночными нападениями на угнетателей, но не умели организоваться для успешного сопротивления. Затоенный отпор кыргызы встретили от курыкан, живших на Ангаре. Именно на второй границе шла напряженная, непрекращающаяся война, причем саянские лесовики объединились с курыканами – “курумчинскими кузнецами”.

Китайская историческая традиция причисляет курыканов к телеской группе племен и отмечает отличие их языка от кыргызского²². Поскольку можно считать установленным, что курыканы — предки якутов²³, а хакасы — потомки кыргызов, это не должно нас удивлять: оба эти языка довольно сильно разнятся по словарному составу и по фонетике²⁴, и не искушенным в лингвистике китайским офицерам, собравшим сведения об “инородцах”, различие должно было показаться существенное сходства грамматического строя. Поэтому нет оснований выделять курыканов из телеской группы племен.

Это была эпоха подъема телесцев, когда шел процесс усложнения быта, идеологии и социальных отношений. В эту эпоху рождались герои. Часть их погибла для исторической памяти, но некоторые, сведения о которых попали в китайские летописи, сохранились для потомства.

Археологические работы в Сибири позволили установить, что ареалу распространения курыканов соответствует археологическая “курумчинская культура”, географическим центром которой был Байкал с его тогда густо заселенными берегами, а основной областью ее распространения было верхнее течение Ангары и Лены, вплоть до Байкала, включая остров Ольхон²⁵.

Курыканы плавили и ковали железо довольно высокого качества, строили крепости, городища которых сохранились поныне, разводили огромные табуны прекрасных лошадей и изготавливали глиняную посуду. Искусство их напоминает кыргызское; одежда и письменность — тюркские²⁶.

Телеские племена на протяжении своей истории неоднократно меняли местопребывание. В середине VII в. их расположение представляется следующим образом.

В Хангайских горах между р. Цзабхан на западе и истоками Орхона на востоке жили доланьгэ-теленгиты; в верховьях р. Селенги — сыгэизгили²⁷; между Селенгой и Орхоном — тунло-тонгра; в низовьях Селенги и Орхона — пугу-бугу; в степи между Толой и Орхоном — уйгуры; к северу от Керулена, между Хэнтеем и Хинганом, — байегубайырку; в долине р. Селенги, к западу от пугу, — сыге; к югу от байрыку — байсы; в Забайкалье — гулигань-курыканы; в Алашаньских горах — аде-эдизы, в степях к западу от Ордоса — хунь и киби.

На север от телеских племен, в бассейне верхнего Енисея, жили кыргызы, а в восточном Забайкалье — неизвестное нам племя гюйлобо.

В восточном Хангае, в Отукенской черни были насилино поселены уцелевшие от разгрома тюркюты, но, видимо, их было там немного²⁸. Большая часть тюрок с влившимися в них сирами располагалась к северу и востоку от Ордоса, до отрогов Иньшаня. Пустыня Гоби, как

море, разделяла северные кочевья от южных, но как тут, так и там кочевниками управляли китайские наместники.

В Джунгарии и Семиречье обитали следующие народности. В бассейнах Черного Иртыша и Урунгу – карлуки²⁹; в Центральном Тянь-Шане на р. Или – тюргеши, а к западу от них – шуниши; в юго-западной Джунгарии – нешети; на р. Манас и к востоку от нее – хулуши³⁰; в восточной части южной Джунгарии – басими (басмалы)³¹ и там же шато – осколок среднеазиатских хуннов³².

В дополнение к перечисленным сведениям, орхонская надпись сообщает о народе кенгерес, с которым воевали в 710–711 гг. тюргеши. Это не кто иные, как печенеги, самоназвание которых было кангар³³. Обитали они по нижнему и среднему течению Сырдарьи.

Между карлуками на Черном Иртыше и печенгами-кангарами на Сырдарье лежала широкая степь, которую в это время уже населяли кыпчаки. Отсюда название степной полосы современного Казахстана: Дештикыпчак – Кыпчакская степь. Здесь кыпчаки смешались с кангарами (канглы) и образовали народ, известный на востоке под названием кыпчаки, в Европе – команы, а в России – половцы. К югу, между Сырдарьей и Амударьей в нижнем их течении, жили отюрченные арийцы, ближайшие родственники парфян, – туркмены, или гузы. Этим перечнем исчерпываются только наиболее крупные племенные объединения Срединной Азии. Некоторые из мелких мы знаем по названию, например азы³⁴, чики³⁵, абары³⁶ и др. Видимо, много мелких племен ускользнуло из поля зрения как китайской, так и европейской палеоэтнографии. Жалеть об этом не стоит, так как те, кто сыграл свою роль в истории, остались в ее анналах.

Численный состав племен был ничтожен. Когда в 688 г. уйгуры выступали против тюрок, за свою независимость, то они выставили всего 6 тыс. воинов³⁷. Надо думать, что в такой ответственный момент на войну поднялись все боеспособные мужчины, т.е. 20% населения. Значит, численность всего населения была около 30 тыс. человек. Но ведь это было самое крупное племя, другие были значительно меньше. Следовательно, надо полагать, что были племена по нескольку тысяч и даже по несколько сот человек.

Вернемся к уйгарам. Указанные 30 тыс. человек составляли девять подразделений. Таким образом, на каждое подразделение приходилось около 3,5 тыс. человек. При наличии экстенсивного скотоводческого хозяйства это количество людей вполне могло составить хозяйственно-организационную единицу – огуз. Такой трактовке противоречат только китайские сообщения о 50 тыс. всадников, выставляемых уйгарами, но необходимо помнить о китайской традиционной любви к преувеличениям. Любопытно, однако, что в 628 г. уйгуры вы-

ставили против тюрков всего 5 тыс. воинов³⁸ (видимо, без преувеличения), на 1 тыс. меньше, чем в 688 г. Эти цифры разоблачают тенденциозность китайского источника – преувеличение.

НА БЕРЕГАХ ХУАНХЭ

Обратимся к той группе тюрков, которая была пленена в 630 г. и в качестве “нескольких сот разоренных юрт”³⁹ поселена в Алашане⁴⁰ в 631 г. Затем, по мнению китайского источника, они “размножились”⁴¹ настолько, что уже в 641 г. хан Сымо имел “100 000 народа, 40 000 строевого войска в числе народа и 90 000 голов лошадей”⁴², а в 679 г. тюрки восстали и оказались в силах бороться с Империей.

Известно из статистики, что люди так быстро размножаться не могут, тут в источнике что-то опущено, но, на наше счастье, одна фраза из надписи “Селенгинского камня” содержит разгадку этого непонятного прироста населения. Там тюрки, восстановившие в 80-х годах каганат, названы “турки-кыпчаки”⁴³.

В древности кыпчаки жили на Алтае, в долине, называемой китайцами Чжелян⁴⁴, что является несомненно транскрипцией слова “Джиллан” – змея (отсюда Змеиная гора и город Змеиногорск). Грумм-Гржимайло считает их отраслью динлинского племени бома⁴⁵. Очевидно, они были в числе подвластных тюркотам народов, в 630 г. разделили с ними горечь поражения и среди прочих побежденных были поселены в Алашане рядом со своими бывшими господами. Несомненно, это был не весь народ, а какая-то его часть, так как остальные, смешавшись с канглами, образовали народ, известный под именем команов, или половцев⁴⁶. Вторым компонентом восстановленной орды ханов Ашина оказались сиры, потомки сеяньто, что явствует из надписи Тоньюкука, где есть выражение “турксир будун”, т.е. тюрко-сирский народ.

После того как в 646 г. сеяньтоское ханство было уничтожено имперцами и их союзниками уйгурами, а народ подвергся беспощадному истреблению, остатки сеяньтосцев рассеялись по отрогам Бейшаня, и их старая ненависть к тюркотам сменилась еще большей ненавистью к китайцам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они примкнули к тюркам, надеясь под их знаменами обрести былое значение и отомстить китайцам, поступившим с ними столь беспощадно.

Кроме того, в Ордоце и Алашане обитали остатки южных хуннов и осколки других тюркоязычных племен. Они тоже умножили орду князей Ашина. Походы сближают воинов, и перед лицом смерти чувство локтя становится залогом жизни. В далеких степях у маленьких

костров из кизяка сир делился с тюркотом последним куском вяленого мяса, уйгур перевязывал рану татабийцу, а тангут выручал эдиза, пойманного вражеским арканом. Все некогда ненавидевшие друг друга племена теперь рука об руку ходили войной на восток и на запад, и общность судьбы стирала перегородки разноплеменного происхождения. Конечно, они помнили, что их отцы боролись друг с другом, но творческая сила бытия ломала скорлупу стареющего сознания. Уже в 50-х годах VII в. былые враги сделались друзьями, а двадцать лет спустя их дети стали братьями и слились в один народ — “кок тюрк”, т.е. голубые тюрки.

Называть их тюркотами уже нельзя, это “*türk kara kamu Y budun*” — “весь [целый] тюркский народ”, который многое унаследовал от своих предков, но многое воспринял и чужого. Он сказал свое веское слово в истории Азии, повернул ее так, как не предвидел его невольный создатель Тайцзун Ли Ши-минь, учредивший для управления кочевниками два наместничества: “Байкальское” — к северу от Гоби и “Шаньюево” — к югу от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предков этого племени В. В. Бартольд относил к енисейским остыкам-ассинам (*Barthold W. Histoire des Turcs...* P. 28), а Р. Жиро (*Giraud R. L'Empire des Turcs célestes. Paris, 1960. P. 193–196*) — к иранцам-аланам и в назывании “аз” усматривал тюрко-персидское слово “горностай”.
- ² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 248.
- ³ Аристов Н. А. Заметки... С. 67.
- ⁴ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 283. Изложена аргументация и история вопроса.
- ⁵ Аристов Н. А. Заметки... С. 67.
- ⁶ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 284.
- ⁷ Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь... С. 105–106.
- ⁸ Там же. С. 107–111.
- ⁹ Л. Р. Кызласов считает оградки не могилами, а местами поминовения умершего, а наличие золы и костей животных и вещей объясняет тем, что их переносили... и засыпали камнями. Но он не пытается объяснить, для чего тюркоты это делали. Кызласов повторяет гипотезу Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, но не приводит новых доказательств и не опровергает мнения, высказанного мною. Отсутствие прокаленной почвы, отмеченное Л. Р. Кызласовым, говорит не за то, что здесь были поминки, а за захоронение пепла, ибо покойника легче сжечь на помосте, чем на земле. В последнем случае трупосожжение будет неполным, что противоречит описанию погребального обряда. Помимо этого, в одной из оградок (Мешейлык) обнаружены человеческие кости. Л. Р. Кызласов утверждает, что сжигались лишь трупы знати. При этом он ссылается на то, что в 630 г. из-за эпидемии по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей. Но это значит, что трупы не успевали сжигать, и только. В 628 г. Тайцзун, перечисляя знамения гибели

Тюркотского каганата – иней летом, пять солнц на небе, красный туман, – прибавляет, что тюркоты перестали сжигать покойников, а это является нарушением обычая и повлечет гибель от богов и духов. Совершенно очевидно, что захоронение трупа рассматривалось как страшное нарушение традиций, и, когда порядок восстановился, в 634 г. прах Кат Иль-хана был сожжен, а в 639 г. также был сожжен прах его племянника Хэлоху. Утверждение Л. Р. Кызласова, по нашему мнению, справедливо по отношению к кочевым подданным тюркотских ханов, унаследовавшим наименование тюрк, но не к самим тюркотам, которые являлись господствующим племенем, той верхушкой тюрок, у которых сам Л. Р. Кызласов признает обычай трупосожжения.

- ¹⁰ Количество балбалов у могил, изученных мною, колеблется от 0 до 51, но наиболее часто встречается 3–4 балбала на могилу. Сходные числа приводит и Л. Р. Кызласов (см.: *Кызласов Л. Р. Тува...* С. 62).
- ¹¹ Те же формы головных уборов зафиксированы для VIII в. (см.: *Гумилев Л. Н. Статуэтки...*).
- ¹² Большая часть соратников Чеби-хана принадлежала к разделу тёлёс. Очевидно, это были подданные Шибоби, хана тёлёсов, осуждавшие измену своего хана. Сначала они существовали как самостоятельное племя, но в XIX в. вошли в состав теленгитов как кость. В меньшем числе пришли на Алтай тардуши, но и они прослеживаются как кость в составе теленгитов и алтай-кижи под именем тодош (см.: *Баскаков Н. А. Алтайский язык*. М., 1958. С. 28–29).
- ¹³ Ни в коем случае не надо путать телесов с теле, потомками коих являются телеуты (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 283–284; изложена история вопроса).
- ¹⁴ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 147; *Козин С. А. Сокровенное сказание*. М.–Л., 1941. С. 175.
- ¹⁵ *Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья*. М.–Л., 1955. Т. III.
- ¹⁶ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 354.
- ¹⁷ Там же. С. 350.
- ¹⁸ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 353.
- ¹⁹ *Бартольд В. В. Кыргызы*. Фрунзе, 1943. С. 19; *Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остыков* //Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. СПб., 1914. Т. II, 2. С. 4.
- ²⁰ *Бартольд В. В. Кыргызы*. С. 20.
- ²¹ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 354.
- ²² *Schott W. Über die echten Kirgisen*. Berlin, 1865. S. 436, 455; *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 250.
- ²³ *Окладников А. П. История Якутской АССР*. С. 318.
- ²⁴ *Малов С. Е. Памятники...* 1951, С. 6–7.
- ²⁵ *Окладников А. П. История Якутской АССР*. С. 295.
- ²⁶ Там же. С. 295–298, 317–318.
- ²⁷ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 319, прим.
- ²⁸ Там же. С. 275–277.
- ²⁹ Карлуки – тюркоты, отколовшиеся от орды при ее распадении и в 650 г. поддавшиеся империи Тан (*Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 347). Состояли из трех подразделений и управлялись джабгу (кит. шаху), т.е. были типичным племенным союзом.
- ³⁰ *Шунши, нешети и хулуши* – племена, сведения о которых до нас не дошли.
- ³¹ Басмалы состояли из 40 подразделений, но под ними нельзя понимать ни роды, ни племена, так как в таком случае басмалы представляли бы грозную силу. На самом деле их было, судя по занятой ими территории, очень мало. Имя басмал

Древние тюрки. Часть 2

Аристов считает нарицательным (помесь; то же, что аргын у казахов; см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 256), ставшим затем этнонимом. Сложились басмалы в восточном Тарбагатае и затем передвинулись в Восточную Джунгарию, но когда, неизвестно.

- ³² Среднеазиатские хунны, как уже говорилось, образовали в Семиречье владение Юебань. А. Н. Бернштам сопоставил его с племенным названием чубань, с которыми были родственны чуюе, чуми, чумугунь; следовательно, все они потомки хуннов. Чуюе, смешавшись с тюркотами, образовали племя шато, обитавшее в Южной Джунгарии, на запад от оз. Баркуль.
- ³³ *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 314; *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. СПб., 1884. С. 55.
- ³⁴ Азы жили между Саянским хребтом и Алтаем (*Бартольд В. В.* Кыргызы. С. 25).
- ³⁵ Чики обитали на речках, составляющих истоки Енисея (там же).
- ³⁶ Апары, или истинные авары, жили на р. Или и влились в состав тюргешей (*Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа. С. 107).
- ³⁷ *Малов* (Памятники... 1951. С. 66) дает вариант – 3 тыс.
- ³⁸ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 302, 305.
- ³⁹ Там же. С. 264–265.
- ⁴⁰ Там же. С. 260.
- ⁴¹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 261.
- ⁴² Там же. С. 262.
- ⁴³ *Рачстедт Г. И.* Перевод надписи Селенгинского камня //Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1914. Т. XV. Вып. 1. С. 40.
- ⁴⁴ *Палладий (Кафаров)*. Примечания к Юан-чао-ми-ши //Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1872. Т. IV. С. 247.
- ⁴⁵ *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 59.
- ⁴⁶ Там же. С. 57–58.

XXI. Восстание Кутлуга

ПОЧЕМУ?

Казалось бы, находясь в центре огромной империи и отнюдь не будучи угнетены по сравнению со всеми прочими народами, тюрки должны были благодарить судьбу. Но этого не было. Наоборот, в конце 70-х годов VII в. их недовольство выросло настолько, что они сменили относительно легкую жизнь на беспримерные тяготы жестокой азиатской войны, где пощада подчас бывала тяжелее смерти в бою.

Восстание всегда дело трудное, а особенно когда силы правительства неисчерпаемы, зона восстания окружена и посторонней помощи ждать неоткуда. Если при всех этих неблагоприятных условиях восстание не только начинается, но и имеет успех, это случай далеко не обычный.

Тем не менее никто из исследователей не задавался вопросом о причинах успеха тюркского восстания 679–693 гг. Н. Н. Козьмин видит здесь собирательство земли крупным феодалом, местопребыванием которого он полагает Алтай¹. Это ошибка недискутабельная и снимает все дальнейшие его рассуждения.

А. Н. Бернштам считает, что тюркские аристократы, феодализируясь, выступили против Китая за право эксплуатировать собственный народ². Этому противоречат как тексты надписей, так и ход событий. Вопросу о причине успеха в столь неравной борьбе он внимания не уделяет. Гораздо глубже анализ Г. Е. Грумм-Гржимайло³, но он ограничился только непосредственно тюркскими делами, тогда как многое

скрывалось в международной политике того времени; не меньшее значение имели и придворные интриги в Чанъани.

Поэтому нам надлежит проследить сочетание обстоятельств, ход событий и объяснения, даваемые современниками, которые необходимо подвергнуть исторической критике. Только детальный разбор всех, даже мелких, событий позволит сойти с зыбкого болота гипотез на твердую почву вывода, построенного с учетом всех фактов.

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ

В 679 г. среди тюрок Шаньюева наместничества вспыхнуло неожиданное для китайцев восстание. “Таншу” в лаконичной манере передает причины, повод и начало событий одним словом: “взбунтовался”⁴. Никаких объяснений не приводится.

Зато сами тюрки объясняют свое поведение весьма пространно и убедительно: Народу табгач стали они [тюрки] рабами своим мужским крепким потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена и, приняв титулы табгачские, подчинились кагану народа табгач. Пятьдесят лет отдавали они ему труды и силы. Вперед к солнечному восходу они ходили войной вплоть до Бокли-кагана [Мукри, кит. Мохэ, в Маньчжурии и Приамурье], назад, т.е. на запад, они ходиливойной вплоть до Темиркапыга [проход Бузгала в Средней Азии в 657–658 гг.] и отдали кагану табгачскому свою державу и закон [обычай]. Весь тюркский народ так сказал: “Я был державным народом, где моя держава? Для кого добываю я державы иные?” Они говорили: “Народом был я, имевшим кагана, – где мой каган? Какому кагану отдаю я труды и силы?” Так говорили они и, так говоря, стали врагами кагану табгачскому⁵.

Аналогичное понимание хода событий содержит Онгинский памятник⁶: “Царствовавшего своего кагана он бросил [покинул]⁷, а затем тюркский народ вперед, на восток, назад на запад солнца; на юг к табгачам, и на север, к черни [горной тайге], рассеялся⁸. Герои балбалами принуждены [были стать]⁹ (т.е. были убиты врагами. – Л. Г.). Имя тюркского народа начало клониться к упадку. Тогда ...Тенгри¹⁰ сказав: “Да не уничтожится тюркский народ, да не будет жертвой”.

Памятник был поставлен вскоре после 716 г., и, очевидно, совпадение с надписью Кюль-тегина не случайно. Надо думать, что это официальная версия причин восстания.

Хотя тюркский текст отражает точку зрения руководящей части тюркского общества, но, видимо, она была близка к истине. Соглас-

но известиям “Таншу”, после того как старейшина Ашидэ поднял восстание, к нему сразу примкнули старейшины всех 24 округов. Для китайцев восстание явилось полной неожиданностью, так как “тридцать лет в северных странах не слыхали военного шума”¹¹. Требование собственного хана и своего эля показывает, что идея слияния степи и Китая – основная идея Танской империи – оказалась несостоятельной. Психика кочевников до такой степени не походила на китайскую, что слияние их не могло осуществиться.

Поднимая восстание, тюрки пошли на безнадежную авантюру: они были в центре государства и окружены врагами со всех сторон, у них не было ни тыла, ни союзников, ни численного превосходства. Они сами не могли этого не понимать и все-таки восстали! При этом ни китайские, ни тюркские источники не говорят об обидах или угнетении. Надпись прямо указывает, что тюрки выступили не ради улучшения своей жизни, а ради дикой воли и власти. “Не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ (*Türk budun*) говорил: “Лучше погубим сами себя и искореним”. И они начали идти к гибели”¹². Надпись отчетливо отмечает, что самолюбию тюркского народа было непереносимо подчинение. Оно ощущалось настолько оскорбительным, что весь тюркский народ бросился в безнадежную борьбу, увлеченный порывом. Порыв был настолько силен, что вначале повстанцы имели успех. Принца из ханского рода Ашина, Нишу-бега, поставили ханом¹³ и разбили карательные войска, шедшие на усмирение, как на прогулку. Около 10 тыс. китайских солдат пало и сдалось в плен, а остатки, объединившись, вырвались из окружения¹⁴.

Численность повстанцев достигла 100 тыс. человек¹⁵ (разумеется, в условном, “китайском” исчислении¹⁶; значит, около 12 тыс.). В следующем, 680 г. на подавление была брошена армия, втрое превышавшая силы тюрок. Тюрки обошли ее с тыла и разбили обозы с продовольствием, из-за чего китайские солдаты начали голодать. Но опытный полководец Пэй Хин-кянь подготовил ловушку: он пустил обоз по местности, занятой врагами, под слабой охраной. Тюрки, разогнав охрану, начали грабить повозки; тогда на них напал отряд отборных войск, следовавший за обозом на некотором расстоянии, и истребил их до последнего бойца. Слух об этом разнесся, и с тех пор китайские обозы свободно подвозили провиант действующей армии.

Захватив в свои руки инициативу, Пэй Хин-кянь использовал преимущество в численности и окружил повстанцев у горы Хэйшань. Сражение разбилось на множество стычек, в которых китайцы одержали полную победу¹⁷. Тогда сразу подняли голову малодушные и вес-

ной 680 г.¹⁸ принесли победителю голову хана и покорность. Но упорные продолжали борьбу. Они переправились через Желтую реку и объявили ханом царевича Фуняня¹⁹, которого признали все племена. В 681 г. тюрки произвели набеги, и Хин-кянь снова выступил против них. Тюрки отступили к “Черным пескам” и, по данным разведки, терпели голод. К тому же в рядах повстанцев возникли ссоры: хан и вождь Выньбег не поладили, и силы восставших разделились. Однако один из легких китайских отрядов наткнулся на такое сопротивление, что полководец бросил войско и бежал. Оставленные полководцем ратники также бежали от врага, и убитые “лежали лицом на полдень”²⁰.

У Фуняня была правильная тактика: стараясь оторваться от противника, он отступал на север, но его обоз с женами и детьми был захвачен легкой конницей Хин-кяня. Голодные и измученные повстанцы брали к северу, когда регулярная конница настигла их. Дух повстанцев был подорван неудачами, и Фунянь не видел выхода, так как уйгуры на севере от пустыни приготовились встретить тюрок с оружием в руках. Договорившись об амнистии себе и своим соратникам, Фунянь сдался²¹. Но китайцы не сдержали обещания. На Восточной площади Чанъани вожди восстания были обезглавлены. Народное движение было растоптано копытами регулярной конницы.

Большая тюркская надпись повествует об этой истории глухо: “...и они начали идти к гибели”. Но гораздо подробнее об этом событии рассказывает надпись Тоньюокука: “Тюркский народ, не имея хана, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана: оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: “Я дал тебе хана, ты, оставив своего хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения Небо – можно думать – тебя поразило, умертвило”. Тюркский народ ослабел обессилен, сошел на нет”²². Китайская и тюркская версии совпадают.

Теперь разберемся, что тут произошло. Восстание было массовым, народным, и его постигла судьба всех аналогичных движений. Тюрки не имели ни дисциплины, ни подготовленных военачальников. Они зависели от своего обоза, неспособного к быстрым переходам, ибо обозы передвигались на телегах, запряженных быками. А враги были всюду. Уйгуры или токуз-огузы в Халхе были верными слугами императора, так как на них все время сыпались награды и подарки, а память об утерянном величии, грызшая тюрок, у уйгуров отсутствовала. Вольнолюбивые уйгуры не создали еще могучей державы и не стремились к этому; тибетцы же были далеко. Восстание было обречено, но продолжалось в новой форме.

ВОССТАНИЕ РАЗВИВАЕТСЯ

Не прошло и года с момента разгрома тюрок, как война под руководством новых вождей приняла иной оборот. Если первоначально главарями были старейшины, увлекавшие за собой родовичей, то на этот раз выступили осколки аристократии и просвещенные тюрки, получившие китайское образование. Посмотрим, как это произошло. “Таншу” сообщает следующее: “...в 682 г. еще Гудулу (Кутлуг) взбунтовался. Гудулу был дальний родственник Хиелиев [Кат Иль-хана], глава поколения Ханыли Юаньин... Он наследственно получил достоинство тугуна [тугун – офицерский чин древних тюрок].

После падения Фунянева все рассеялись, осели у гор Цзун-цайшань и построили городок Хэйшачен. Число их простипалось до 5000 человек. Гудулу ограбил девять родов, [т.е. уйголов, или токуз-огузов²³], и мало-помалу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом. Из младших братьев дал Мочжо [Мочур] достоинство шада, а Дусифу [Тюзель-бек] достоинство ябгу. Ашидэ Юань-чженъ [тюрок с китайским образованием] был взят под стражу правителем дел Ван Вэнь-ли. Случилось, что Гудулу произвел набег. Юань-чженъ просил дозволения внушить поколениям откупиться от вины. Это было дозволено. Как скоро поколения покорились, Гудулу составил с ними заговор, вследствие которого все або и дагани [тарханы] поверстаны в число рядовых”²⁴. Смысл текста ясен. Кутлуг принадлежал к той части “друзей кровавой старины”, которая кое-что забыла и кое-чему научилась на службе в императорской армии. Во время восстания он, вместо того чтобы толкать необученные толпы на копья латников, напал на ничего не подозревавших уйголов и отбил у них косяк коней, необходимых для партизанской войны. Он восстановил старую систему чинов и, следовательно, ввел дисциплину. Вместо бессмысленной мобилизации толп он составил свой отряд из старой знати, не отвыкшей от военного дела, и тем самым сделал возможной гверилью, или партизанскую войну. Затем очень важный акт: Кутлуг принял и использовал получивших китайское образование людей, Ашидэ Юань-чженя и Тоньюкука²⁵. Такие люди знали слабые стороны врага и знали, как его бить. И действительно, ход войны вскоре изменился.

Но посмотрим, как описывают сами тюрки деятельность Кутлуга после того, как он принял громкий титул Ильтерес-кагана: “Каган выступил с семнадцатью мужами. Услышав, что он бродит вне [т.е. за границей собственно Китая], жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили отряд в 70 мужей. Так как Небо даровало им силу, то войско моего отца – кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед [т.е. на восток],

назад [т.е. на запад] двигаясь с войском, он собирал и поднимал, так что всех их стало уже 700 мужей. Когда стало 700 мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль [державу] и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами, упразднивший тюркские установления, он привел в порядок и наставил по законам моих предков, тогда же он дал народу устройство толис-тардыш и назначил ябгу и шада”²⁶.

Тюркская трактовка событий совпадает с китайскими данными, за исключением лишь числа воинов, которое китайцы определили в 5 тыс. человек. Надо думать, китайская цифра точнее, так как постоянное употребление числа “семь” наводит на мысль, что ему сопутствовало магическое или мистическое значение, подменившее точное количество всадников Кутлуга.

Не менее важные черточки и детали отмечает надпись Тоньюкука. Начинает он с того, что представляется читателю: “Я сам, мудрый Тоньюкук, воспитан для государства Табгач, так как весь тюркский народ был в подчинении у государства Табгач”. Тоньюкук был образованным тюрком, подобно Ашидэ Юань-чженю, и помочь двух квалифицированных советников, очевидно, сыграла немалую роль в успехе восстания. Разгром народного движения Тоньюкук описывает так: “Оставшиеся независимыми среди деревьев и камней соединились, и их составилось 700 человек. Две части из них были всадники, а одна часть была пехотой. (Драгоценное указание, объясняющее слабую маневренность тюрков в минувшей войне и заслугу Кутлуга, сумевшего добыть лошадей, необходимых для партизанской войны. – Л. Г.). Тот, кто семьсот людей заставил следовать за собой, старший из них был шад [т.е. принц крови]. Он сказал: “Приставай ко мне”. Я был к нему приставшим – мудрый Тоньюкук. Не каганом ли мне его пожелать, говорил я в сердце своем. Я думал: если будущий хан вообще знает, что есть тощие быки и жирные быки, он не знает, который жирный бык и который тощий бык. (Тоньюкук с некоторой деликатностью указывает на неумение Кутлуга разбираться в людях и оценивать их по достоинству. – Л. Г.). Так как небо даровало мне знание, то, несмотря на малые способности хана, я сам захотел его ханом. О хан! С мудрым Тоньюкуком в качестве бойла бага тархана [государственный советник] я Ильтерес да буду каганом”²⁷. Если откинуть самонхвальство Тоньюкука, то в остальном этот текст согласуется с приведенными выше и картина восстания встает перед нашими глазами.

Надо сказать, что сами китайцы весьма подыграли тюркским повстанцам. Пэй Хин-кянь, подавивший восстание Фуняня, способный и опытный полководец, любимый воинами за справедливость, бескорыстие и осмотрительность, спасавшую жизнь рядовым бойцам, впал

в немилость и умер в ссылке²⁸. Заменить его удалось не сразу, и повстанцы получили передышку, которую они использовали для реорганизации.

ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА

На организацию отряда Кутлуга ушел весь 682 год. В 683 г. он перешел к активным действиям. Тюркская конница молниеносными ударами разгромила почти всю укрепленную линию вдоль Великой стены к востоку от Ордоса, нигде не подставив себя под удар регулярных войск. Тюрки разграбили пять военных округов и только в одном, шестом, были отбиты. Шаньюево наместничество было блокировано, а в последующие три года движение по дорогам для чиновников и ратников было невозможным²⁹.

Успеху тюрок способствовал происшедший в Китае государственный переворот. Вдовствующая императрица У-хуо арестовала своего сына Чжунцзуна и сослала его в Центральный Китай, дав ему княжеский титул.

Как всегда в таких случаях бывает, у наследника оказались сторонники, которых нужно было репрессировать, и заниматься тюркютами было некогда. Лишь в 686 г. военачальник Шунь-юй Кхяньпин двинулся на повстанцев, стремясь захватить их семьи, жившие в укрепленном лагере у гор Цзунцайшань³⁰. Кутлуг вышел навстречу врагу. В кровопролитном бою у Синъчжоу (в провинции Шаньси) китайцы были разбиты. Их потери исчислялись в 5 тыс. человек.

На это пришлось реагировать. Против тюрок были брошены значительные силы с воеводой Чан-чжи во главе. Чан-чжи был одним из наиболее талантливых танских генералов и весьма отличался своей храбростью, физической силой и талантом в войне против Тибета.

Чан-чжи взялся за дело серьезно. В битве при Хуанхуадуе³¹ в 687 г. тюрки были разбиты. Китайская конница гнала их около 20 км³², но они успели оторваться от противника и ушли в Великую степь. Один из подчиненных Чан-чжи, Цуан Бао-би, желая выслужиться, выступил за границу и через лазутчиков обнаружил лагерь тюроков. Бао-би попытался застать их врасплох, но тюрки заметили приближение врага и успели построиться в боевой порядок. Китайцы дрались отчаянно, но были разбиты. Весь корпус погиб, кроме вождя, успевшего убежать.

Кампания кончилась, и, надо признать, не в пользу китайцев. Выгнать мятежных кочевников с Желтой реки в Алтайские горы было все равно что пустить щуку в воду. Тюрки показали небывалую

стойкость и упорство, поражение не разложило, а сплотило их. Воля к борьбе не погасла, и это определило ход событий, который привел к восстановлению Тюркского каганата. Для самих китайцев тюрки стали уже недосягаемы. Теперь китайцам пришлось действовать силами своих застойных союзников, в первую очередь уйгуров.

Возникает вопрос: почему имперцы отказались от преследования и полного уничтожения повстанцев, хотя их войско состояло из конницы, привычной к далеким походам? Да, эта конница была когда-то, но в 689 г. легла под ударами тибетцев³³. Все резервы поглотил тибетский фронт, растянувшийся от джунглей Юннани до скалистых берегов Хуанхэ, раскаленных песков Турфана и лесистых склонов Центрального Тянь-Шаня. Малочисленный и еще варварский Тибет до 693 г. удерживал оазисы Западного края, и до 700 г. главные китайские силы сражались с тибетцами в Ганьсу и Сычуани. Вот одна из главных причин, обеспечивших успех безумной затеи Кутлуга.

НА ЗАПАДЕ

Нельзя считать случайным совпадением, что одновременно с восстанием Кутлуга произошло совершенно аналогичное восстание среди западных тюркотов. Сравнительно небольшие силы имперцев удерживали Центральный Тянь-Шань благодаря добровольному подчинению в 673 г. Кашгара и тюркского племени гун-юэ³⁴, обитавшего к востоку от оз. Иссык-Куль³⁵. Совершенно неожиданно западные тюркоты напали на гун-юэ и осадили их “столицу”, т.е. укрепленную ставку князька. Во главе повстанцев стоял некий Ашина Кибу-чур, судя по фамилии принц крови, но, как и Кутлуг, не имевший прямого права на престол. Последнее обстоятельство очень значительно, так как показывает, что это не была фронда отстраненных от власти царевичей, а народное движение. Вряд ли можно сомневаться, что совпадение восстаний, западного и восточного, во времени не случайно. Сообщение по великому караванному пути было регулярным, и 2 тыс. км – не препятствие для конного эмиссара, особенно если учесть, что на пути были земляки и, значит, сменные лошади.

Кибу-чур привлек на свою сторону даже телеское племя яньмянь, жившее к северу от гун-юэ и к востоку от оз. Балхаш³⁶.

Как на востоке, так и на западе дело освобождения тюрок вступило в новый период развития. Наличие продуманного заговора несомненно. Однако западные тюрки встретили отпор регулярных имперских войск, пришедших на выручку стесненным союзникам. Энергичный и храбрый офицер Ван Фан-и отеснил тюрок к р. Или и там

нанес полное поражение Кибу-чуру. Потери тюрок исчислялись в тысячу человек, но внезапное нападение яньмяньцев поставило под угрозу добытый успех.

В битве у оз. Иссык-Куль телеские пешие стрелки так стеснили имперское войско, что кочевники, служившие Китаю, решили откупится от врага головой полководца. Ван Фан-и, узнав о заговоре, пригласил главарей его к себе в лагерь, где их перевязали. Под звуки труб и барабанов, заглушавших крики о помощи, было отрублено 70 мятежных голов. Затем неожиданное нападение имперской конницы смяло яньмяньцев и рассеяло их скопище³⁷. И на этом все кончилось.

По существу восстания Кибу-чура и Кутлуга однотипны, но первое было немедленно подавлено, а второе имело поистине грандиозный успех. В чем здесь дело? Отнюдь не в самих тюрках. На западной окраине были еще в силе традиции первых лет Танской империи, а в самом Китае уже начали действовать мощные силы сопротивления чужеземной династии. Выражением этой тенденции был переворот императрицы У (У-хой).

ИМПЕРАТРИЦА У

Династия Тан была двоеглавой. Основатель ее Ли Юань был окитаенный тюрок, не расставшийся с кочевыми обычаями. Его сподвижники были такими же и привели к власти своего человека. Тайцзуна окружали наряду с учеными китайцами тюркские богатыри — такие, как уйгурский вождь однорукий Киби Хэли и тюркский царевич Ашина Шэни. Гаоцзун уже получил воспитание чисто китайское. Именно при нем назрел конфликт между военной доблестью пограничных воевод и очарованием китайской утонченности. Решающая роль выпала на долю женского обаяния.

В 637 г. наследный принц влюбился в прекрасную наложницу своего отца. По смерти императора его жены были отправлены в буддийский монастырь, где с обритыми головами должны были кончить свои дни. В 650 г. новый император, Гаоцзун, посетив монастырь, встретил свою красавицу, и любовь вспыхнула с новой силой. С соизволения бездетной императрицы, желавшей получить союзницу против своих соперниц, красавицу водворили в императорский гарем. Это открыло ей широкое поле для интриг, в которых она показала исключительное мастерство.

В 654 г. Гаоцзун, всецело поддав под ее влияние, сделал ее императрицей. Новая императрица расправилась со своими соперницами, которых по ее приказанию четвертовали и утопили в вине без суда и

обвинений. Затем последовали отравления, ссылки, казни, опалы, как правило, членов императорского дома и ближайших пособников возвышения династии Тан. Это было не случайно: глухая ненависть китайской знати к династии, которую она считала инородческой, прорвалась и нашла достойного вождя. Овладев волей своего мужа, императрица подавляла всякое сопротивление и подготовляла реставрацию китайского преобладания в политике и культуре. По смерти Гаоцзуна она низложила своего сына, проявившего тенденцию к самостоятельности, и захватила власть в свои руки. В 684 г. несколько принцев династии Тан были обвинены в заговоре и казнены. Также были казнены сторонники императрицы, осуществившие переворот. Это позволило ей избавиться от необходимости делить власть.

Но для кого она расчищала дорогу? Первым из счастливцев оказался глава буддийской общины. В связи с этим колоссально усилилось влияние буддизма в Китае.

Затем выдвинулись люди, не принадлежавшие к военной знати, но получившие должности путем экзаменов, на которых они показали свои способности. Естественно, это были китайцы, владевшие кистью лучше, чем саблей. Они оттеснили от власти пограничных вояк. Зато последние, владея саблей, решали судьбы внешних войн, а обиды на правительство императрицы не стимулировали их усердия. Имперские войска не сложили оружия, но стали сражаться вяло и неохотно.

В 689 г. было упразднено имя династии Тан, а 19 октября 690 г. императрица приняла титул императора. Буддисты немедленно написали сочинение, доказывающее, что У – дочь Будды и должна наследовать империю у династии Тан. В благодарность за поддержку императрица издала указ, повелевавший во всех городах страны строить буддийские храмы.

Понятно, что произведенный переворот, казни, пропаганда буддизма и тибетская война так заняли внимание китайского общества, что ему было не до тюрок, убежавших в Хангай. Все это вместе определило возможность воссоздания Тюркского каганата.

ТЮРКИ И УЙГУРЫ

Появление тюркской орды в Халхе всполошило все Ханхайское наместничество. Населявшие Халху токуз-огузы и другие телеские племена, спокойно пасшие свой скот и получавшие от китайцев подарки, поняли, что привольной жизни пришел конец.

Голодные беглецы не могли не грабить соседей, тем более что эти соседи были верноподданными их врагов. Естественно, что все степ-

ные племена должны были готовиться к самой энергичной борьбе против тюрок. Сами тюрки это отлично понимали: “враги наши были кругом как хищные птицы, мы были для них падалью”³⁸, — пишет Тоньюкук. “Тогда на север от Китая между бегов, огузов семь мощных мужей стали нам врагами”³⁹, — сообщает Алл Эльэтмиш, вспоминая свою молодость и карьеру своего отца, который за участие в этой войне получил титул шад⁴⁰. Иоллыг-тегин еще более точен: “Справа [на юге] табгачский народ был врагом, слева [на севере] народ тогуз-огузов [под начальством] Баз-кагана был врагом, кыргызы, курыканы, отуз-татары, кытай [кидани] и татабы [хи] — все были врагами”⁴¹. Что и говорить, положение становилось угрожающим.

Инициативу взял на себя Баз-каган токуз-огузов, называемый в “Таншу” Били⁴². Он направил послов в Китай и к киданям с предложением произвести комбинированное нападение на Кутлуга: по диспозиции китайцы должны были напасть с юга, кидани с востока, уйгуры с севера⁴³. На западе находились остатки западных тюрок, так называемые тюрки десяти стрел. Они впали в такой политический мазрэм, что их не считали возможным мобилизовать на серьезную войну. Лазутчики донесли об этом плане в ставку Кутлуга, и он принял план Тоньюкука, заключавшийся в том, чтобы выступить самим и ударить на запад, где сопротивление должно было быть слабым, а остальных врагов бить по очереди. Затруднение было в одном: у тюрок было всего две-три тысячи воинов для войны на два фронта.

Однако Кутлуг рискнул. Тысячу всадников с Ашиде Юань-чженем во главе он отправил на запад завоевывать Курдан — проуральские пустыни (очевидно, тюрки хотели на западе укрыться от наседавшего врага), две тысячи под командованием Тоньюкука пошли на север, навстречу токуз-огузам, начавшим наступление. Как обычно при коалициях, кидани и китайцы с выступлением опоздали.

Тоньюкук шел быстрее Баз-кагана, и оба войска встретились на р. Тогле (Тола). Несмотря на то, что уйгров было 6 тыс. человек, тюрки опрокинули их в реку и преследовали, рубя бегущих. Баз-каган погиб⁴⁴, а народ тогуз-огузов подчинился тюркскому хану.

Зато западному отряду не повезло. Как раз в это время началось усиление племени тюргешей. Тюргеши занимали область между реками Чу и Или и подчинялись западнотюркским ханам. Племенной вождь тюргешей Учжилэ носил титул бага-тархана (в китайском тексте мохэ-дагань)⁴⁵. Западнотюркские ханы стали в это время чиновниками танского правительства, и, естественно, это не способствовало увеличению их популярности среди подданных. Талантливый Учжилэ переманил к себе наибольшую часть недовольных династией; “Таншу” определяет численность его войска в огромную цифру — 140

тыс. человек. Правда, это относится к 699 г. В 688 г. их было, наверное, намного меньше (китайский “коэффициент преувеличения” равняется 9–10).

В своем движении на запад Алдидэ Юань-чжень натолкнулся на тюргешей и пал в бою⁴⁶.

Таким образом, выяснилось, что запад для тюрков закрыт, а север может быть использован как убежище. Поэтому Кутлуг перевел орду в Отюкенскую чернь – горную тайгу на склонах Хангая. Здесь, в чащах и ущельях, укрылись тюрки от имперских латников; здесь основали они базу своих сокрушительных набегов, в результате которых возник Второй каганат.

Победой на Толе не кончилась война за степь. Судя по надписи, Кутлуг совершил 47 походов и дал 20 сражений, “врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы склониться”⁴⁷. Что значит эта декламация, мы можем только догадываться. Вероятно, Кутлуг подчинил себе Халху, но ни на западе, в Средней Азии, ни на востоке, в Маньчжурии, он ничего не достиг. В 693 г. Кутлуг умер⁴⁸, и престол перешел к его брату, Мочуре (кит. Мочжо), который принял титул Капаган-каган. 693 год был помимо этого отмечен большим успехом китайского оружия: тибетцев наконец вытеснили из Западного края.

Западные тюрки, почувствовав жесткую руку Империи, восстали под предводительством царевича Ашина Суйцзы в 694 г., но были разбиты в Даньлин-чу⁴⁹.

Вслед за этим были разбиты примкнувшие к восстанию тюргеши, а у тибетской оккупационной армии отнят г. Нишумус. “Западный край” был полностью усмирен, но опять-таки тюркскими войсками, которые привел князь Чжанге. По-видимому, это были ордосские тюрки⁵⁰, не участвовавшие в восстании.

ПРОГРАММА

Итак, только одни тюрки выдержали борьбу с имперской регулярной армией. Возникает вопрос: как это им удалось и какова была идеология сподвижников Кутлуга, отступивших с ним через пустыню, чтобы не сложить оружия перед врагом? Некоторые объяснения такого отрицательного отношения к Китаю мы найдем в надписи, составленной Йоллыг-тегином от лица своего деда, Кутлуга Ильтерес-кагана⁵¹: “У народа табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта [или зерна] и шелка, речь была сладкая, а драгоценности “мягкие”; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями,

они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселясь в плотную, затем усваивали себе дурное мудрование". Здесь Йоллыг-тегин выступает против проникновения китайской культуры в кочевой быт, причем он рассматривает материальную культуру как средство для внедрения китайской идеологии. Можно подумать, что он читал Конфуция, который рекомендовал именно этот путь для обезвреживания варваров.

Дальше Йоллыг-тегин показывает результаты. "Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве... злобные люди так научили часть тюркского народа, говоря: "кто живет далеко, тому дают плохие дары, кто живет близко, тому дают хорошие дары", этими словами он так научал тебя. И вы, люди, не обладавшие мудростью, послушавшись речи и подойдя в плотную, погибли там в большом количестве".

Но каким образом они погибли – ведь они в изобилии получали ценности? Автор дает ответ: за дары нужно было отплачивать военной службой, т.е. идти умирать за чужие интересы вдали от родины. "Ты... тюркский народ, стал бродить по всем странам и совершенно изнемог и изнурился. Вы же, оставшиеся тогда живыми, по всем странам скитались, то живя, то умирая".

Йоллыг-тегин правильно отмечает, что народ, желающий сохранить свою индивидуальность, не должен превращаться в ландскнехта или в карателя, сколько бы за это ни платили. Таких "сподвижников" хозяин дальше передней не пускает, и ни золотом, ни шелком им не прикрыть своей подчиненности. Идеологии продающихся за чечевичную похлебку он противопоставляет не утопию, а реальную программу – восстановление каганата: "О тюркский народ, когда ты идешь в ту сторону, ты становишься на краю гибели, когда же ты, находясь в Отюкенской стране, лишь посылаешь караваны за подарками – данью, у тебя совсем нет горя; когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созиная свою державу, и ты, тюркский народ, сыт".

И далее он указывает, что эта программа не только возможна, но уже осуществлена его дедом: "Став каганом, я вполне поднял – собрал погибший неимущий народ; неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в моей речи?!" Но вместе с этим он констатирует, что популярности хан не имеет, т.е. беги "склонны впадать в ошибку – измену", а народ неразумен. "Тюркский народ... когда ты тощ и голоден, ты не понимаешь причин состояния сытости, и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода". Отсюда можно заключить, что инициатива возрождения каганата свидетельствует о том, что часть бегов и слои, с ними связанные, хотели компромисса с Китаем, но патриоти-

ческая группа, собравшаяся вокруг хана, гнала и вела их в походы на поиски минувшей, древней славы. Не трудно догадаться, что эта группа состояла из тарханов первого каганата, ставших рядовыми.

Ветеранов, разумеется, агитировать было незачем, поэтому очень интересно, кто составлял ту неустойчивую массу, к которой обращался Йоллыг-тегин. “Речь мою полностью слушайте по порядку: братья, младшие родственники, собственное мое племя и собственный мой народ, стоящие справа – шады и родные беги, слева – тарханы и служилые беги, тридцать... беги и народ токуз-огузов”. Здесь приводится классическое степное деление на центр, правое и левое крыло, но в иерархическом аспекте: центр – личная дружина хана, правое крыло – принцы крови, левое крыло – народные и неравные с ними токуз-огузы, т.е. уйгуры и другие халхаские племена.

Таким образом, мы наблюдаем картину военной демократии с иерархическим принципом устройства. Особенno важно отметить, что токуз-огузские беги и народ уравнены с тюрками. В другом месте список адресатов еще более расширен: “Сердечную речь мою... вы до сыновей 10 стрел и до татов [несвободных, обязанных] включительно, знайте, смотря на памятник”.

Но и тут прибавлены только западные тюрки и инкорпорированные таты, а прочие завоеванные ко времени составления текста – кидани, кыргызы, карлуки, татабы, согдийцы и др. – не отмечены. Они не были членами орды – они были ее данниками, или “союзниками”.

Итак, орда голубых тюрок включала в себя еще только токуз-огузов⁵². Но даже в таком виде она поддерживалась главным образом железной волей своих основателей и их военными талантами.

Иными словами, тюрки стояли на стадии военной демократии и делали все от них зависящее, чтобы сохранить строй, к которому они привыкли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Козымин Н. Н. Классовое лицо атысы Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников //С. Ф. Ольденбург. Сб. Л., 1934. С. 272–273.
- ² Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 179.
- ³ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 278–291.
- ⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 265. Грамматический разбор текста и перевод Хирта. Жюльена и Бичурина см.: *Lui Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 588.
- ⁵ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 37.
- ⁶ Онгинский памятник переведен трижды: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften...; Clauson G. The Ongin inscription //JRAS. 1957; Малов С. Е. Памятники... 1959. Последний перевод является наиболее авторитетным, но многие догадки Клюсона

- также заслуживают внимания и учтены в данной работе наряду с вариантами, предлагаемыми автором.
- ⁷ У Малова изгнал. Речь идет о Кат Иль-хане, которому изменили многие подданные в 630 г., но его никто не изгонял, а только оставили на произвол судьбы.
- ⁸ Перевод Клосона несколько отличен и волен: тюркский народ забыл свою старинную верность. Они сделали хана (другого. – Л. Г.) изнеможенным. Тюркский народ ушел в походы вперед до солнечного восхода, назад до заката, направо до Китая, налево до горной тайги, ради чужеземных господ. Враги причинили им тяжелые потери... (С. 188).
- ⁹ Этот вариант перевода фразы “alp arin baibai kisdi” я предлагаю вместо гипотетической вставки “они убили их воинов и затолкали их балбалы в землю” (так же;ср.: Radloff W. Die alttürkische Inschriften... S. 247) и их героеv мужей он (кто? – Л. Г.) поставил балбалами (Малов С. Е. С. 10). Ср. значение глагола *кыс*, *qys* в Словарях, приложенных С. Е. Маловым к изданным им Памятникам.
- ¹⁰ О специфическом значении слова Тенгри см. ниже.
- ¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 265; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 210.
- ¹² Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 37.
- ¹³ Там же. Julien S. Documents... Vol. 4. P. 402.
- ¹⁴ Китайцы отнесли поражение за счет мороза, изнутившего ратников.
- ¹⁵ Julien S. Documents... Vol. 4. P. 403.
- ¹⁶ См.: Гумилев Л. Н. Хунну. С. 59–63.
- ¹⁷ Гумилев Л. Н. Хунну. С. 404–405; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 211.
- ¹⁸ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 589.
- ¹⁹ Восстановить тюркское звучание имени не удалось.
- ²⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 266; Julien S. Documents... P. 408.
- ²¹ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 212; Julien S. Documents... P. 406.
- ²² Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 65.
- ²³ Liu Mau-tsai (Die chinesischen Nachrichten... S. 591–593) полагает, что под названием девять племен надо понимать не уйгурский союз девяти аймаков – огузов, а все телеские племена, которых, однако, было двенадцать. Его точка зрения не может быть принята по следующим мотивам. В числе девяти племен он считает киби и байырку; ни те, ни другие не могли подвергнуться набегу Кутлуга из-за отдаленности. Бильге-хан говорит: “...токуз-огузы были мой собственный народ”, но киби опять-таки не были в числе подчиненных ему племен; в орхонских надписях в переводе С. Е. Малова токуз-огузы упоминаются рядом с тонгра, эдизами и пр., т.е. являются синонимом этнонима уйгур. Тексты, приведенные Лю Мао-цзаем, говорят лишь о близком родстве уйголов с прочими телескими племенами, иногда о приоритете их над мелкими племенами, но не больше.
- ²⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 266–267. У Liu Mau-tsai другой перевод: он причислил его к апа-тарханам и приставил к военным делам (Die chinesischen Nachrichten... S. 213). Однако, даже считая, что Н. Я. Бичурин допустил ошибку в переводе фразы, мы не вправе отказываться от общего истолкования хода истории, так как оно находит подтверждение как в других источниках, так и в самом ходе событий. Войска Кутлуга по всем признакам отличались от ополчений предыдущих повстанцев, и интуиция Н. Я. Бичурина отражает действительность точнее, чем волюнтаристическая трактовка Лю Мао-цзая. Помимо этого, Бичурин, по-видимому, пользовался не каноническим текстом, а вариантом, содержавшим некоторые важные детали, опущенные при последующем редактировании.
- ²⁵ Я не могу понять, почему Хирт объединил в одно лицо Ашидэ Юань-чжения и Тоньюокука (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 285; ср.: Hirth F.

Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk //ATYM. 1899). Ашидэ был убит тюргешами до 693 г. (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 268), а Тоньюкук жил и действовал еще много лет. Аргументация Хирта сводится к следующему: 1. Ашидэ Юянь-чженъ был тюрок, воспитанный в Чанъани; Тоньюкук тоже. Значит, это одно лицо(?!). В то же время сам Хирт приводит сведения, что тюрок в Чанъани учился и служило много. 2. Ашидэ Юань-чженъ был скомпрометирован как перебежчик и послал в Китай ложные известия о своей гибели, чтобы его при заключении мира не выдали(?!). Но Ашидэ Юань-чженя знали многие сослуживцы, которые потом не могли не знать его под именем Тоньюкука. Затем, как он мог в 693 г. предвидеть мир, заключенный в 709 г.? Затем, Тоньюкук в 693 г. воюет с уйгурами на Толе, а Юань-чженъ – с тюргешами у Иссык-Куля, причем тюргеши не могли не знать судьбу побежденного ими полководца, равно этого не могли не знать и китайские офицеры в четырех крепостях. Признавая несомненность свидетельства о гибели Юань-чженя в 693 г., Хирт тем не менее пишет: *Wir dürfen jedoch annehmen, dass Juan-tschenchon weiter lebte...* 2 (S. 19). Других аргументов не приводится. Ошибочное отождествление повлекло хронологическую ошибку в определении Радловым (*Die alttürkischen Inschriften...* S. 61) даты похода Тоньюкука на тюргешей и, следовательно, искажение всего хода событий. Грумм-Гржимайло (С. 282 и сл.) исправил Радлова, но совершил другую ошибку, считая, что в 693 г. войны между тюргешами и тюрками не было, ибо та, которая упомянута в надписи, датируется 710 г. Вывод Хирта оспаривается и отвергается Лю Мао-цзаем (*Die chinesischen Nachrichten...* II. S. 594–597), но принимается С. Г. Кляшторным (*Kljastornyj S. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken //Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXXIV. N. 1–2. 1962. S. 115–150.* Рецензия), вследствие чего мы считали необходимым привести собственную аргументацию.

²⁶ У Малова (Памятники... 1951. С. 37–38) переведено так: он [Ильтерес-хан] дал устройство народам телис и тардущ и назначил тогда ябгу и шада... Перевод не верен, так как народов телис и тадруш не было. Это были названия для двух частей тюркотской державы: толис – для восточной, тардущ – для западной (см.: Клюкин И. Н. Новые данные о племени толисов и тардушей //Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1–2. С. 97; Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система...). Правильно будет: Дал народу устройство толис-тардущ, что означает возобновление тюркской традиции военной державы. Ябгу – чин тюркской военной иерархии, высшее после хана лицо в державе, заместитель хана. Вообще смысл слова ябгу означает вице-король. Скорее эту фразу надо понимать так, что народу тюрок было дано полное военное и иерархическое устройство с ябгу и шадом.

²⁷ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 65.

²⁸ Cordier H. Histoire générale... P. 440; Mailla J. A. M. Histoire générale... P. 157.

²⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 267.

³⁰ Какие горы именовались в Тапское время Цзунцайшань, неизвестно, но ставка тюрок располагалась в Хэйша, Черных песках, к северу от Иньшаня (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 282). То же место указывает Тоньюкук: “Мы избрали место жительства Куз-Чугая и Каракумы – черные пески” (Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 65). Значит, загадочный Цзунцайшань соответствует загадочному Куз-Чугая (см.: Hirth F. Nachworte zur Inschrift... S. 31) и располагался к северо-северо-западу от Гуйхуачэна, в верховьях Онгина (*Giraud R. L'Empire des Turcs célestes. Paris, 1960. P. 169–171*).

³¹ Ныне Ханхуашань в области Датунфу (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 292; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 549).

³² Julien S. Documents... Vol. 4. P. 412.

- ³³ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... С. 145.
- ³⁴ Chavannes E. Documents... Р. 122.
- ³⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 272.
- ³⁶ Chavannes E. Documents... Р. 123.
- ³⁷ Ibid. Р. 76; Cordier H. Histoire générale... Р. 442.
- ³⁸ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 65.
- ³⁹ Малов С. Е. Памятники... 1959, С. 10.
- ⁴⁰ Clauson G. The Ongin inscription...; Малов С. Е. Памятники... 1959, С. 10.
- ⁴¹ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 38.
- ⁴² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 306.
- ⁴³ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 65–66.
- ⁴⁴ Балбал Баз-кагана был поставлен на могиле Кутлуга; следовательно, каган был убит до 693 г., а за период 688–693 гг. других столкновений тюрок с уйгурами не было.
- ⁴⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296.
- ⁴⁶ Там же. С. 268.
- ⁴⁷ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 38.
- ⁴⁸ А. Габайн считает годом смерти Кутлуга 692-й, опираясь на то, что это был год дракона (*Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 597). Однако звериный цикл у тюрок и китайцев имеет расхождение на один год.
- ⁴⁹ Отождествить это географическое название с современным не удалось.
- ⁵⁰ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 303.
- ⁵¹ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 34–35.
- ⁵² Ср. надпись (Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 42): “Токуз-огузы были мой собственный народ, так как небо и земля пришли в смятение, он стал нам врагом”. *Собственный народ* значит инкорпорированный, принятый в орду, а не данник, насильно включенный в эль – державу.

XXII. Воссозданный каганат

ЗАДАЧИ

Победа на Толе отдала в руки тюрок почти всю Халху, но тем не менее их держава была в отчаянном положении. Новые подданные, уйгуры, были ненадежны; имперские владения охватывали возрожденный каганат с востока, юга и запада; на севере, в Сибири, находилось обширное кыргызское ханство, определенно враждебное тюркам, и, самое главное, большая часть собственно тюркского народа осталась в Ордосе, в лапах врага. Их надо было вызволить в первую очередь, и Капаган-хан принялся за это.

В 694 г. тюрки совершили молниеносный набег на границу Китая, побили и увезли в плен множество воинов и народа¹. Одновременно Капаган-хан предложил императрице У принять его в подданство. Это означало бы согласие имперского правительства на образование в Халхе тюркского государства, прямое признание его. Разумеется, Китай не мог так легко помириться с мятежником. 18 воевод выступили против него в поход с китайской и кочевой конницей, но вернулись, не найдя врага². Отюкенская чернь спасла тюрок от разгрома³. Китайцам пришлось перейти к обороне.

Возможно, что в результате набега были уведены не пленные, а ордосские тюрки, не успевшие уйти с Кутлугом и теперь перебежавшие к своим соплеменникам. Надпись так и трактует политику Капаган-хана: “Мой дядя, каган, сев на царство, опять устроил и поднял тюркский народ, неимущих он сделал богатыми, немногочис-

ленных он сделал многочисленными⁴. Конечно, последнее произошло не за счет естественного размножения.

Второй задачей, не менее серьезной, чем освобождение соплеменников, было установление отношений с кочевыми народами и племенами. Номинальное подчинение Империи было необременительно для кочевников и даже выгодно, но китайцы, ошибочно полагая, что их власть окончательно упрочилась, стали назначать своих чиновников на посты правителей застойных владений. Отсюда неизбежно возникали разнообразные осложнения, связанные с ущемлением прав кочевых старейшин, непониманием нужд рядовых кочевников, взяточничеством, вымогательством и оскорбительным высокомерием китайских чиновников. Поэтому к концу VII в. лояльность кочевых подданных была обратно пропорциональна расстоянию от Великой стены. В 696 г. возмутились в Маньчжурии кидани и татабы (хи)⁵, что также было использовано тюрками.

Наконец, перед ханом стояла третья внутриполитическая задача. У древних тюрков, как уже говорилось, был закон о престолонаследии, согласно которому брат наследовал брату, а племянник – дяде (лестничное восхождение). Китайцы считали этот порядок бессмыслицким и, вмешиваясь в тюркские дела, попросту игнорировали его. Восстановив каганат, тюрки восстановили старый закон, по которому Мочур и стал Капаган-ханом. Но он сам испытал на себе влияние китайской культуры и счел за лучшее для себя передать престол своему сыну Футюю, а не племяннику Могиляню. Сознавая, что нарушать закон надо исподволь, он воссоздал чин “малый хан” (выше шада) и пожаловал его своему сыну⁶, а племянника поставил шадом тардущей, т.е. западного крыла тюрок, и предоставил ему решение наиболее опасных военных задач. Можно думать, он ничего не имел против гибели своего племянника.

НА ВОСТОКЕ

Успех тюрок окрылил надеждой монгольские племена Центральной Маньчжурии – киданей и татабов. Даже сама китайская история возлагает ответственность за восстание на главноначальствующего Чжао Вэнь-хая, который по высокомерию начал пренебрегать своими подчиненными⁷. В 695 г. киданьские вожди Цзиньчжун и Ваньюон восстали, убили Чжао Вэнь-хая и взяли в плен его помощника. За 24 дня восстание охватило все восемь киданьских племен. Одновременно поднялись татабы, но, не надеясь на свои силы, заключили союз с тюрками. Регулярные войска, посланные на подавление восстания,

были разбиты киданями в долине Хуанчжангу и при Пинчжоу. Только третья армия, составленная из выкупленных рабов, в 696 г. отразила нападение киданей и остановила их продвижение.

Этими обстоятельствами воспользовался Капаган-хан. Он предложил императрице усмирить мятежников, на что получил согласие. В награду за помощь его признали ханом, дали военный чин и княжеское достоинство. Капаган-хан молниеносным набегом разгромил киданей и заставил их рассыпаться по лесным чащобам.

Обрадованная императрица хотела признать тюркского хана великим шаньюем, но он, не успев получить титул, напал на китайскую границу и в 697 г. ограбил два уезда – Линчжоу и Шэнчжоу¹¹, т.е. северо-восточный Ордос. Его отогнали имперские войска армии, укомплектованной пограничными народностями¹², но Тоньюкук принял командование и добился успеха, “разрушив двадцать три города”¹³. В надписях эта кампания названа “войной на Шантунгской равнине, орошающей Ашиль-угюзом”¹⁴, или Талуй-угюзом – “Море-рекой”¹⁵.

Устрашив, таким образом, китайцев, хан продиктовал условия мира. Он хотел, чтобы императрица усыновила его, выдала бы его дочерей за китайских князей, отпустила к нему тюрок, оставшихся в Ордосе, и дала 100 тыс. ху проса на посев, 3 тыс. земледельческих орудий и железа для поковок. Разумеется, ему отказали. Тогда хан прекратил переговоры, задержал послов и вывел войска из киданьских земель. Кидани немедленно вышли из лесов и объединились вокруг князя Ваньюна. Ваньюн снова напал на китайцев и разгромил уезд Цзичжоу. Против киданей была брошена огромная армия – 170 тыс. человек (вероятно, в это число входила и вся обслуга), но она была наголову разбита. Ваньюн перешел в наступление, вырезал уезды Ючжоу и Инчжоу и “необузданно своевольствовал”¹⁶.

Императрице пришлось согласиться на все требования тюркского хана, чтобы получить помощь против киданей. “С сего дня тюрки усилились”¹⁷. Для киданей союз хана с императрицей оказался роковым. Союзные с тюрками татабы объединились с новой двухсоттысячной китайской армией и взяли киданей в клещи. Киданьские войска были разбиты, а Ваньюн убит во время бегства собственным невольником. Остатки киданей, не желая сдаваться китайцам, поддались тюрякам, и в 697 г. Капаган присоединил Маньчжурию к своим владениям, после чего кидани продолжали войну с китайцами как вассалы тюркского хана.

Вот где оказались последствия переворота императрицы У и управления династии Тан. Пограничные войска, состоящие из чужеземцев, не хотели сражаться за китайцев, и поэтому пришлось пополнять армию невольниками и даже нанимать солдат за жалованье¹⁸. В полевой

армии не могли не рasti оппозиционные настроения и ненависть к китайским чиновникам, высоко поднявшим голову. Обаяние и инерция танской традиции держали пограничную армию в рамках лояльности, но естественно, что большая часть военных симпатизировала опальному наследнику, чем и вызывала неприязнь императрицы. Императрица старалась дробить командование, чтобы не сосредоточивать много сил в руках одного генерала, а это отражалось на боеспособности армии.

Капаган-хан учел политическую ситуацию и объявил себя сторонником наследника. Для восстановления его на престоле в 698 г. Капаган-хан выступил в поход, имея “100 000 всадников”¹⁶. Эта демагогия принесла ему немалую пользу, так как кочевники, служившие в имперской армии, сразу начали переходить на его сторону¹⁷. Против него были двинуты две армии – в 300 тыс. и в 150 тыс. человек, но они не решались вступать в бой. Тюрки разграбили ряд пограничных округов и взяли множество пленных. Во всех открытых столкновениях китайские войска терпели поражения. Очевидно, эти операции имел в виду Тоньюкук, упоминая в автонекрологе об успехах на “Шантунгской равнине”¹⁸. Тогда китайское правительство решило выбить у врага главный козырь – легитимизм. Наследник был возвращен из ссылки и назначен командующим армиями. Капаган-хан вынужден был отступить, но при этом он показал, что воевал вовсе не за династию Тан, а за себя и свой народ.

80 тыс. пленных, т.е. людей, фактически перешедших к нему, когда он выступал в защиту династии, были перебиты, после чего тюрки стали отступать. На обратном пути все китайские города и села были дочиста ограблены и население уведено в рабство. Война после этого не прекратилась, но восстановление династии сплотило силы империи. В 699 г. были разбиты кидани¹⁹, причем слава победы приписана двум искусственным предводителям “из кочевых”, бывших раньше врагами. Дело понятное: за Китай кочевники умирать не желали, но за империю Тан можно было пострадать. Чтобы привязать к себе кочевников, еще не ушедших к Мочуру, умная императрица пошла на то, чтобы улучшить их положение. В 701 г. был издан указ, запрещающий обращать тюрок в рабство²⁰. Этим был положен предел злоупотреблениям чиновников и латифундиялов, которые, не имея возможности рассчитаться за вековые обиды со степняками, вымешивали свою злобу на пограничных кочевниках, примешивая к ней немалую толику вульгарного корыстолюбия.

Указ сыграл свою роль, и успехи тюркских отрядов, нападавших на границу, несколько сократились. В 700 и 702 гг. тюрки совершили набеги на северный Китай, но дело ограничилось угоном скота и грабежом²¹. В 703 г. Капаган-хан поручил послу переговоры о браке его дочери с сыном наследника престола. Это означало мир. Действи-

тельно, три года продолжались переговоры и военных действий не было. За это время умерла императрица, и на престоле оказался тот самый Чжунцзун, именем которого так удачно прикрывался тюркский хан. Теперь началась открытая игра.

НА ЗАПАДЕ

Жестокая война 698 г. на время поглотила силы и тюрок и китайцев. Этим воспользовался вождь тюргешей Учжилэ. Он стеснил вождя прокитайских элементов, бездарного хана Ашина Хусэло, который со своими сторонниками числом в 60–70 тыс. перекочевал во внутренний Китай в 699 году. Ядром территории тюргешского ханства была долина Или и северные предгорья Тянь-Шаня. Южная летняя ставка хана была расположена около современного города Токмака, а северная – на землях племени гун-юэ²³. Чтобы узаконить захват, Учжилэ отправил в Китай посольство, во главе которого стоял его второй сын, Чжену. Посольство было принято благосклонно, и тем самым захват был санкционирован.

Но не так спокойно посмотрели на это тюрки. Они воспользовались тем, что в западной Джунгарии жили чуйские племена (потомки среднеазиатских hunнов), которых тюргеши еще не успели включить в свою державу. Стремясь “для расширения державы и власти кагана”²⁴ захватить подступы к Семиречью, ханские племянники Могилянь тардушшад и его шестнадцатилетний брат Кюль-тегин²⁵ двинулись в поход на чуйские племена и в 701 г. подчинили их²⁶. Но план похода был гораздо шире: тюрки предполагали подчинить себе весь Согд, чем они восстановили бы единый каганат. Тюргеши не пошли на обострение отношений, тюркские князья, видимо, тоже решили пока их не задевать, но китайские власти в западных владениях не могли смотреть спокойно на успехи своих врагов. Тюркская надпись сообщает о разгроме пятидесятитысячной имперской армии при Ыдук-баше и плenении ее вождя Онг-тутука²⁷. Но китайские хроники ничего не говорят об этой битве, и поэтому приходится предполагать, что масштабы событий преувеличены, хотя битва все-таки имела место.

ПОЯСНЕНИЕ

Предлагаемая трактовка этого события высказывается впервые: основанием для нее служит перевод С. Е. Малова, отличающийся от перевода П. М. Мелиоранского. У последнего “alty cub sogdak” переводи-

лось: “согдаки шести чубов”²⁸. Маркварт разъясняет загадочное “чуб” именем династии Чжао-ву, к которой принадлежали князья шести согдийских владений: Кан (Самарканда), Ми (Маймурга), Шы (Кеш), Хэ (Кушания), Цао (Усрушана) и На-се-бо (Несеф), завоеванных, по мнению Марквarta, восточными тюрками в 701 г. Подтверждение своей мысли Маркварт видит в том, что в 701 г. согдийцы нашли помощь у тюрок против хорасанского эмира Мухаллаба ибн Абу Суфра²⁹. Это отождествление получило широкое распространение, но было подвергнуто уничтожающей критике Г. Е. Грумм-Гржимайло, который доказал невозможность похода на Согд в это время. Но он впал в другую ошибку – стал отрицать западный поход совсем, считая текст надписи вымыслом³⁰.

Перевод С. Е. Малова позволяет опровергнуть оба крайних мнения. Малов переводит “шесть чубов и согдаков”³¹. Если под “чубами” считать чуйские племена чуюе, чуми, чумугунь, чубань двух отделов и шато (отпочковавшихся от чуюе)³², то понятно, что покорение их, кочевавших в западной Джунгарии, Тарбагатае и на Черном Иртыше, было задачей выполнимой; что же касается согдаков, то это была политика дальнего прицела. Грумм-Гржимайло прав, когда указывает, что тюрками, которые в 700–701 гг. отстаивали Согд от арабов, были западные тюркоты, поданные империи Тан, а никак не восточные тюрки, которым незачем было защищать народ, который они стремились покорить. Но он неправильно отождествляет Онг-тутука с китайским полководцем Сян Ваном, который командовал имперской пограничной армией, но не был ни разбит, ни пленен. На этом необоснованном отождествлении и зиждется отрицание западного похода, ибо Кюль-тегин не успел бы переброситься за год из Согда на Орхон.

Но дело в том, что Онг-тутука, видимо, следует отождествить с полководцем Ван Сяо-цзе, выгнавшим в 692 г. тибетцев из бассейна Тарима³³ и продолжавшим оставаться там командующим полевой армией. Если это так, то понятно быстрое усиление тюргешей, до сего времени безуспешно сражавшихся с имперским гарнизоном в Суйе³⁴ (так называлась крепость к востоку от оз. Иссык-Куль). Из этого следует, что в Западном крае возникла трехсторонняя война: имперские войска, даже проиграв битву при Ыдук-баше, держали в своих руках четыре инспекции (Карашар, Куча, Кагар и Хотан) и Бэйтин (близ современного Гучена); запад контролировали тюргеши, а север – тюрки. До Согда тюрки действительно не добрались. Их жертвами оказались карлуки в верховьях Иртыша, а также хуву и шуниши (туркские племена союза дулу), кочевавшие в юго-западной Джунгарии, в долине р. Юлдуз. К этому же времени надо отнести и покорение басмалов (703), тоже живших в южной Джунгарии.

Очевидно, к этому нападению относятся сведения Цзю-Таншу: “Начиная с эпохи Чоугун (685–688; т.е. с неудачного похода Ашидэ Юань-чженя на запад. – Л. Г.) десять родов подвергались беспрестанным нашествиям и грабежам тюрок Мочжо, они были частью перебиты, частью рассеяны и почти совершенно уничтожены (обычное китайское преувеличение. – Л. Г.), а затем, оставшись в числе не более 60–70 тыс., они вместе с Хушэло эмигрировали в Китай, где и поселились”³⁵.

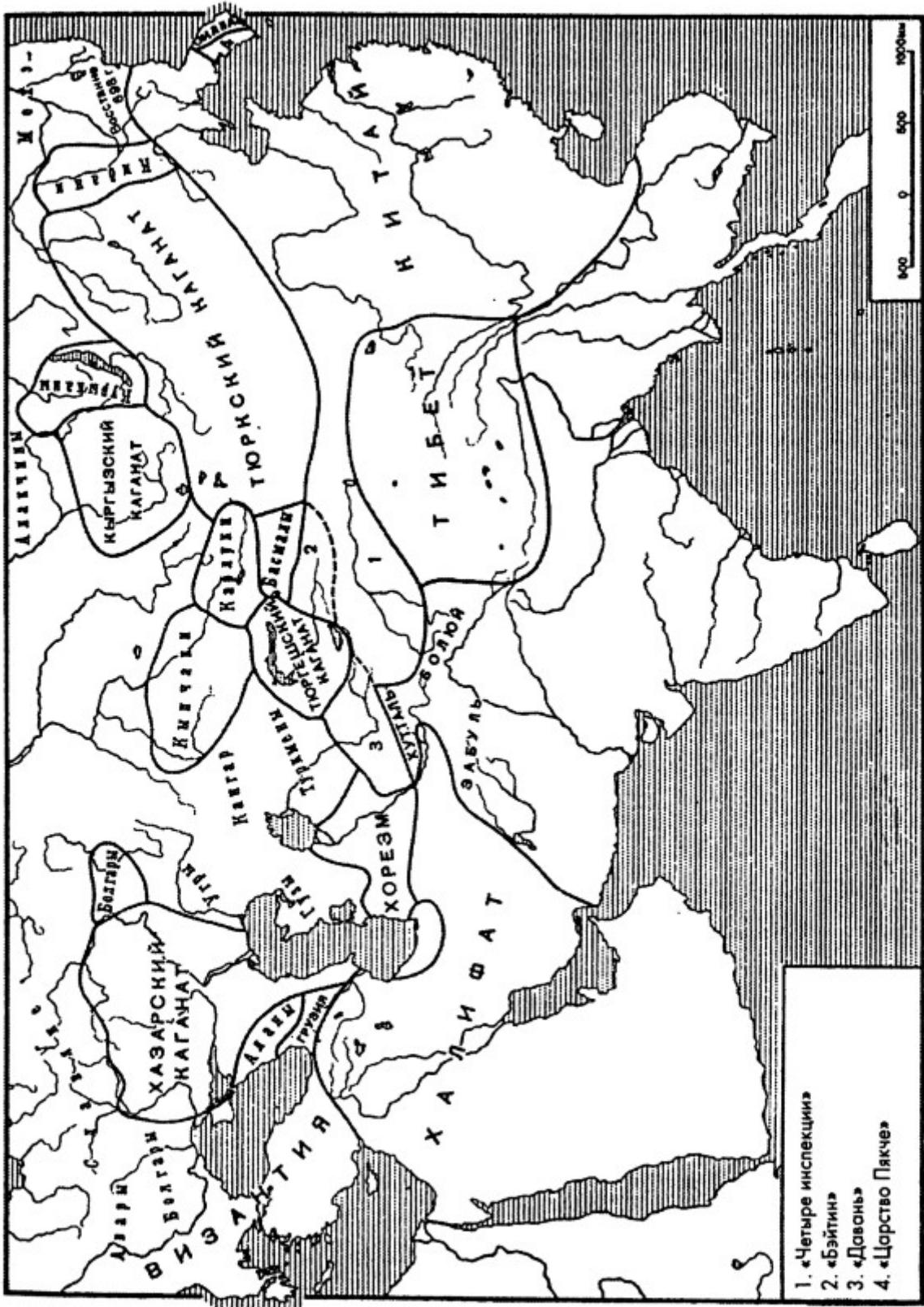
“Син-Таншу”, наоборот, считает, что главным врагом Хусэло был тюргешский Учжилэ³⁶, но надо думать, что оба правы: и тюрки и тюргеши равно угрожали остаткам западных тюркотов и вынудили часть их переселиться в Китай, под крыло своего сюзерена.

Силы Империи в Западном крае в период 700–704 гг. были ничтожны. Видимо, после поражения полевой армии при Ыдук-баше остались только гарнизоны в крепостях и никаких пополнений не поступало. Действительно, новобранцы сражались в Маньчжурии с киданями и на берегах Хуанхэ с самим тюркским ханом. Поэтому братья-царевичи могли попытаться добраться до Согда, хотя, судя по молчанию надписи, больших успехов они в этом направлении не достигли. Однако тюркская угроза принудила имперское правительство примириться с усилением тюргешей хотя бы для того, чтобы обеспечить их нейтралитет. Это толкование поддерживает хронологическое совпадение: вторжение тюрок в Джунгарию, бегство Хусэло и признание Учжилэ – все это произошло в 699 г. Связь событий между собой несомненна.

ТЮРГЕШИ

Подобно абарам и мукри, их потомки тюргеши не принадлежали ни к телеской, ни к чуйской, ни к собственно тюркской (тюркютской) группе³⁷. Первые сведения о них относятся ко второй четверти VII в., когда они были перечислены в составе пяти племен дулу³⁸. Когда Западнотюркотский каганат был завоеван китайцами в 659 г., тюргеши населяли два военных округа: Ву-лоу в верхней части долины Или, где жили роды согэ и мохо, и Го-шань, к западу от Или, где обитали алишэ³⁹. “История династии Тан” о происхождении и этнической принадлежности тюргешей говорит только, что они делились на “желтые” и “черные” роды. Согласно нашему анализу, “желтыми” были старожилы мукрийцы, а “черными” – пришельцы абары, причем и те и другие, слившись в один народ, еще не забыли, что они разного происхождения.

Срединная Азия в первой половине VIII века

Тюргеши были многочисленным народом. В момент кульминации хан Согэ имел 300 тыс. воинов. Эта цифра включала в себя кроме собственно тюргешей вспомогательные войска, составленные из соседних племен, подчинившихся тюргешам после развала Западнотюркского каганата и пресечения державы Ашина. А ведь еще сравнительно недавно Учжилэ, основатель династии, имел только 140 тыс. воинов и то благодаря тому, что “умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверенность их, и кочевые повиновались ему”⁴⁰.

“Черные” роды находились в меньшинстве, так как численность их была 300 тыс. душ (не воинов!), т.е. они составляли примерно треть тюргешского народа.

Применяя обычный коэффициент расчета отношений войска к народу для варварских держав, где каждый взрослый мужчина – воин, можно с известной точностью определить численность тюргешей. Она колебалась от 500 до 700 тыс. человек, и это очень много по тем временам, если учесть, что население Китая в период максимального расцвета Танской династии (754) достигало всего лишь 58 млн душ обоего пола⁴¹, но, унаследовав владения западнотюркских ханов, тюргеши унаследовали и их политику – ориентацию на Империю. Тем самым тюргеши становились врагами тюрок, и последствия этого не замедлили сказаться.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Империя Тан не собиралась мириться с потерей Западного края. Она рассматривала завоевания тюрок, тюргешей и арабов как свои временные неудачи. Нужна была только новая полевая конная армия и талантливый генерал. Таким оказался тюркотатарский царевич Хянь, томившийся в ссылке как сын казненного хана Юанькина. Как только он понадобился, его простили.

В 703 г. был заключен мир на востоке, и сразу же, в 704 г., изменилось положение на западе. Два западнотюркских хана, Хуай-дао и Хянь, были присланы с войсками. Хянь усмирил 30 тыс. кибиток к западу от реки Чу.

На сторону Империи передались сначала шато в 704 г., а затем западные тюркотатары и карлуки в 705 г. К 706 г. было восстановлено исходное положение.

Но как тогда объяснить инертность тюргешей? Очень просто: с юга нажали арабы. В 705 г. Кутейба взял Балх, в 706-м – Пайкенд, но согдийцы и “турки” заставили его отступить. Эти “турки” хроники Табари были тюргеши⁴². Необходимость защищаться против общего

нового врага примирила их с китайцами, а китайских министров вынудила признать новую державу, необходимую как заслон на юго-западе. Становится понятно, почему Хянь, подчинив земли на запад от Чу, пощадил тюргешей и за какие заслуги Учжилэ в 706 г. был пожалован княжеским достоинством⁴³. В 707 г. тюргеши снова отбросили Кутейбу от Бухары. Только разногласия между тюргешами и согдийцами позволили арабам отступить в Хорасан. Вскоре Учжилэ умер, оставив в 708 г. своему сыну Согэ благоустроенную орду, 300 тыс.(?) войска, союз с Китаем и войну с арабами⁴⁴. В том же году Кутейба был снова отброшен от Бухары, и Согэ оказался гегемоном всей Средней Азии. Нас могла бы удивить пассивность тибетской политики, если бы не было известно, что с 707 по 710 г. она обратилась острием на юг.

Южные китайские войска покорили в джунглях Юньнани племена маней и обложили их двойной податью. В 710 г. мани восстали и призвали на помощь тибетцев, которые, воспользовавшись этим, принудили китайцев за отступление дать им царевну и уезд Цзюцюй в Хэси в качестве приданого. Этот участок земли имел огромное стратегическое значение как кормовая база для лошадей при подготовке набегов на Китай. В дальнейшем этот факт оказал немалое влияние на ход событий⁴⁵.

КОАЛИЦИЯ

Трехлетнее перемирие 703–706 гг. принесло больше пользы Империи, нежели Каганату. Убедившись в бесцельности оборонительных и наступательных мероприятий, китайцы стали действовать при помощи подкупов. Объектом подкупа оказались токуз-огузы, которые, несмотря на все заигрывания хана, не забывали о счастливой поре, когда они, спокойно кочуя по степи, получали щедрые подарки императора. Во время перемирия сын убитого на Толе Баз-кагана (кит. Били), Дугайчижи, с уйгурами и племенами киби, сыге и хунь дезертировал от хана, перешел Гоби и поддался Империи. Его поселили около Лянчжоу, в Алашане и в Ганьсу и брали “сильных конников на пополнение”⁴⁶.

Для тюрок отпадение уйгuroв было большим ударом, так как указывало на порочность их внутренней политики, тем более что движение среди токуз-огузов было шире, чем изображают это китайцы. В то же примерно время тюркские царевичи Могилянь и Кюль-тегин подавили восстание племени байырку, обитавшего в Восточном Забайкалье⁴⁷. Байырку были разбиты у оз. Тюргияргун (оз. Торей между Ононом и Керулоном), но их вождь Улуг Иркин отбился и бежал⁴⁸, очевидно в Китай, – больше было некуда.

Признаки были грозные, но Капаган-хан, ослепленный собственным величием, решил покарать лицемерного императора. В 706 г. тюрки ворвались в Северный Китай, наголову разбили регулярные войска полководца Шача Чжуна и угнали казенных лошадей с пастбища. Лошади предназначались на ремонт кавалерии.

Битва при Минша⁴⁹ красочно описана в большой надписи Кюль-тегина. Под Кюль-тегином было убито три коня, а доспехи и плащ его были утыканы “более чем ста стрелами”. Снова выявились качества обученной тяжелой конницы, способной к повторным атакам, которых в этой битве было три. Китайцы определяли свои потери в 10 тыс. человек, что позволяет восстановить ход битвы. Очевидно, легковооруженные стрелки пытались отразить атаку градом стрел, и это им дважды удалось, но третья атака вызвала панику, и тюрки кололи бегущих. Только так могла возникнуть столь большая потеря. Судя по тактике боя, в китайской армии сражались перебежавшие уйгуры.

После этого переговоры были прерваны, и император назначил награду за голову хана. Однако наступать на Халху имперские войска не отважились, они ограничились постройкой трех крепостей на подступах к Ордосу. Здесь мы наблюдаем законченное перерождение психики: из степной она стала китайской, и параллельно возвращалась китайская система обороны, как будто воскресало Ханьское время с неприступными для хуннов крепостями, пехотными ополчениями из “молодых негодяев” и полководцами-фаворитами⁵⁰. И сейчас, когда в 708 г. командующим был назначен восьмидесятилетний старик, чего же было ждать от армии.

Инициатива перешла к тюркам. Мочур казнил имперского посла и в 708 г. повторил набег на китайскую границу. Об этом набеге повествуется столь глухо, что, очевидно, реального сопротивления тюркам оказано не было. Имперцы послали к хану нового посла, который умер в дороге, не выполнив возложенного на него поручения⁵¹.

Но дипломатия и подкуп сделали свое дело. Ситуацию 709 г. блестяще описал мудрый Тоньюкук: “Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (западных тюрок, в данном случае тюргешский хан Согэ. – Л.Г.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: “Да пойдем мы на Алтунскую чернь”. Так они рассудили и сказали: “Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. (Отсюда видно, что предполагалось нанести комбинированный удар с запада, в тыл тюркам. – Л.Г.). Если мы не пойдем на него, как бы то ни было, он нас победит: каган – герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его”. Тюргешский каган сказал так:

“Мой народ там будет, — сказал он, — а тюркский народ в смятении, огузы же его, — сказал он, — находятся в рассеянии”⁵². Действительно, тюрки оказались в окружении и, для того чтобы спастись, должны были найти неожиданный для противника выход. Они его нашли.

ПЕРВЫЙ УДАР

Мудрый Тоньюкук сохранил свой пост ханского советника и при Капаган-хане, но не порвал связи с опальными царевичами, а, наоборот укрепил ее, выдав свою dochь Пофу за законного наследника престола — шада тардущей Могиляня. Командуя войсками на западной границе каганата, Могилянь в 709 г. ворвался в область чиков и, форсировав верховья Енисея, разбил их войско при Орпене⁵³, а вслед за тем подчинил и азов⁵⁴. В это же время он подчинил всю территорию современной Тувы, но главный враг — кыргызы — оставался неуязвим за надежным естественным прикрытием — Саянским хребтом. Покорение чиков и азов отдалило опасность кыргызского нападения, но не устранило ее.

Тогда снова вмешался Тоньюкук. Он предложил взять инициативу в свои руки и, не дожидаясь лета, напасть на кыргызов, чтобы, воспользовавшись неожиданностью, разбить их. Самая большая трудность была в том, чтобы перебраться через Саянский хребет в необычном месте, потому что перевал через Когмэн (Западные Саяны) охранялся. Штурмовать перевал не имело смысла, так как кыргызы могли выставить 80 тыс. воинов и задержать тюркскую армию до прихода тюргешей и табгачей-имперцев. В отношении мобилизации кыргызы имели огромное преимущество: у них было поливное земледелие⁵⁵, и, следовательно, население жило компактно. Равным образом наличие соломы позволяло откармливать коней, не угоняя их очень далеко от дома. Надежду на успех похода тюрки могли иметь лишь при условии внезапности нападения. Тоньюкук нашел проводника “из степных азов”, который взялся указать дорогу.

Задуманный поход больше походил на отчаянную авантюру, но хан согласился, назначил начальником Тоньюкука и дал ему в помощь своих немилых племянников. Дальнейшие события великолепно изложены самим Тоньюкуком⁵⁶: “Я приказал двигаться войску; я сказал: садись на коней! — Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться лагерем. (Очевидно, здесь было оставлено все лишнее, вернее, все, что можно было оставить. — Л. Г.) Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег [вернее, в снегу]. Я взошел с другими на верх горы, ведя лошадь в поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами⁵⁷. Передние люди протоптали

дорогу, и мы перевалили через вершину, поросшую лесом. С большим трудом мы спустились, и десять ночей (днем идти остерегались, чтобы не вспугнуть врага) мы прошли до склона горы, обойдя завал. Проводник, сбившись с пути, был заколот. Мы шли вниз, по течению реки Аны. Чтобы пересчитать свое войско, мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. (Видимо, немало отстало и замерзло. — Л.Г.) И ночью и днем мы быстро скакали. На кыргызов мы напали во время сна... проложили путь копьями. Хан их и войско собрались”⁵⁸.

О бое хорошо повествует Йоллыг-тегин: “С их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа поразил стрелою, двух мужей заколол копьем, одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского хана мы убили и державу его взяли”⁵⁹. Тоньюкук поясняет: “Хана их мы умертили. Кыргызский народ вошел в подчинение кагану и повиновался ему”.

Итак, благодаря исключительной находчивости Тоньюкука, мужеству Кюлю-тегина и выносливости тюркских ратников один из членов коалиции был выведен из строя. Надо полагать, что покорение земли кыргызской было номинальным, так как Тоньюкук гарнизонов там не оставил, но теперь можно было не бояться удара в спину и сосредоточить внимание на западной проблеме.

ВТОРОЙ УДАР

Тюргешский хан Согэ заключил в 708 г. союзный договор с Китаем⁶⁰. Очевидно, именно этот договор имел в виду Тоньюкук. Но обширная тюргешская держава была непрочна, так как она унаследовала деморализацию, погубившую Западнотюркотский каганат. По причинам, вероятно далеким от государственной политики, “Согэ поссорился со своим предводителем Кюэ-чжо [Кули-чур] и оба начали жестокую войну между собой”⁶¹. Согэ пожаловался на своего подданного китайскому правительству, но тот дал взятку и добился присылки чиновника, который должен был решить дело в его пользу. Согэ случайно перехватил переписку и убил чиновника. Затем, вместо того чтобы бороться с тюрками, он напал на крепость Аньси (Кучу), где разбил китайские войска. Сделал он это для того, чтобы заставить китайское правительство с ним считаться, и цели своей достиг. Император Чжунцзун “простил его”, и мир на западе был восстановлен. Однако время для войны с тюрками было упущено, и отношения между союзниками не стали искреннее.

Как только кончилась одна беда, началась другая. Согэ выделил удел своему младшему брату Чжену, но последний обиделся, так как решил, что ему мало дали, и в 710 г. переметнулся на сторону тюркского хана, чтобы разделаться с родным братом.

Видимо, Чжену имел в виду мудрый Тоньюкук, когда писал: “От тюргешского кагана пришел лазутчик (*kogug*, а может быть, здесь вернее “наблюдатель”? – Л. Г.). Слово его таково. Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас победит. Тюргешский каган отправился в поход, говорит он, народ “десяти стрел” без остатка отправился в поход, говорит, среди них есть войско табгачей”⁶².

Капаган-хан сам не решился нападать на тюргешей, так как его главные силы были сосредоточены на востоке и дело представлялось ему слишком рискованным. Под предлогом похорон жены он остался в ставке, выставив в Алтунской черни (хребет Алтай-нур) заслон в 20 тыс. всадников⁶³. Начальниками над этим войском он назначил своего младшего сына Инэль-кагана⁶⁴ (ср. Ине-хан) и тардужского шада Могиляня, а советником-руководителем (начальником штаба) – Тоньюкука. Тоньюкуку была дана строгая инструкция держаться исключительно обороны – “не давать себя раздавить”⁶⁵, собирать перебежчиков и информацию. Но, не будучи уверен в том, что Тоньюкук выполнит приказ, хан предписал апа-тархану (уполномоченный, комиссар) не разрешать Тоньюкуку рисковать наступлением. Очевидно, неудача предыдущего похода была очень памятна тюркскому хану.

Однако Тоньюкук поступил по-своему и двинул маленькую армию в наступление. Верный своему обыкновению действовать неожиданно для противника, он перешел через покрытые густым лесом отроги Алтай-нур⁶⁶, переправился через Черный Иртыш и, двигаясь форсированным маршем, за одну ночь достиг р. Болчу, т.е. Урунгу⁶⁷. Там тюрки натолкнулись на передовой отряд тюргешей. Те беспечно спали, не ожидая, что враг может появиться столь внезапно, и были перебиты⁶⁸. Захваченные в плен сообщили тюркским предводителям, что “в степи Ярышской собралось десять тюменов войска”, и тюркские беги высказались за отступление, но Тоньюкук, считая необходимым использовать момент внезапности, настоял на нападении. Тюрки атаковали тюргешское войско и нанесли ему небольшое поражение⁶⁹.

Необходимо отметить, что численное превосходство тюргешей было не так уж велико. Сам Тоньюкук определял его следующим образом: “их два крыла наполовину были многочисленнее”⁷⁰. Очевидно, “десять тюменов” соответствовали ополчениям “десяти племен” и были укомплектованы не полностью. Кроме того, в двух первых победах тюрки нанесли тюргешам изрядный урон. Тем не менее

тюргёши оправились и сами напали на тюрок, “пламенея, как пожар”. Тут опять оказались боевые качества тюркской конницы – тюргешское войско было разбито наголову, а каган Согэ попал в плен. Тюргешская держава развалилась. “Беги и народ десяти стрел все пришли и подчинились”⁷¹. Развивая успех и преследуя остатки тюргешей, тюркская армия двинулась на юг и дошла до прохода Бузгала, называемого тюрками “Железные Ворота”. Там они собрали огромную дань с согдийцев. Но дальнейшее продвижение было остановлено арабами, двигавшимися на Среднюю Азию с юга. “Мужественные воины на нас напали”⁷². Только героическая борьба Кюль-тегина, который прикрыл отступление, позволила основным силам тюрок оторваться от противника⁷³. Слух об этом столкновении докатился даже до Тибета⁷⁴.

Во время этой операции Кюль-тегин покрыл себя славой, так как он сумел разбить отступивших на юг тюргешей и Кошу-тутука, т.е. одного из последних нушибийских князей, еще сохранившихся в Средней Азии⁷⁵. Вторая задача была решена так же блестяще, как и первая: в 710–711 гг. опасность с запада была ликвидирована.

Когда Капаган-хан получил известие о полной победе, плленного Согэ и трофеи, он счел запад вполне завоеванным и существование тюргешских ханов излишним. Поэтому он сказал изменнику Чжену: “Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенной преданностью служить мне?” – и казнил обоих в 711 году.

Однако он поторопился: запад был разбит, но не завоеван. Карлуки, жившие по берегам Черного Иртыша и в Тар-багатае, “ради свободы и независимости” выступили против тюрок. Борьба с новым врагом сковала силы западной армии на несколько лет. Надежным приобретением оказалась лишь западная Джунгария, где тюркам подчинились мукрины (кит. Могэ⁷⁶). В Согде тюрки не удержались, судя по тому, что в 713 г. некий Мохэдо Тутунь (Багадур-тудун) “за оказанные в войне услуги”⁷⁷ был поставлен имперцами вассальным владетелем Ташкента. Попытка западных тюрок сбросить власть империи в 714 г. также не имела успеха. Имперский генерал Ашина Хянь разбил повстанцев у Суйшэ (Токмак) и казнил их вождя. После этой победы карлуки, хулуву и суниши признали себя подданными (разумеется, номинально) империи, т.е. вступили с ней в союз против тюрок и тюргешей⁷⁸.

К середине VIII в. имперцы свели на нет все успехи тюрок в Согде. Но деятельность Тибета сковала китайскую активность в Западном крае, так же как карлуки сковали армию Кюль-тегина. Выиграли при этом арабы, успевшие закончить покорение западного Согда и Тохаристана.

В конце 711 г. тибетцы перенесли военные действия в Западный край. Спасаясь от них, племя шато перекочевало от оз. Баркуль под защиту имперского гарнизона в Бэйтине. В 713 г. тибетские войска вступили в Ферганскую долину, заключили союз с арабами и вместе посадили в Фергане своего ставленника по имени Алуда. Но в 715 г. наместник Кучи, опираясь на местные силы и ополчение окрестных племен, вторгся в Фергану, принудил узурпатора спасаться бегством и восстановил власть законного князя. Тибетцы были вынуждены уйти обратно, а арабо-имперская граница на время стабилизировалась.

ТРЕТИЙ УДАР

Неудача коалиции на западе не устранила для тюрок опасности китайского наступления на востоке. Предпринять наступление через Гоби на Алтай имперцы не могли, так как тюрки отняли от них районы, поставлявшие лучшую конницу, и теперь большая часть имперской армии оказалась укомплектованной китайцами. Поэтому объектом наступления была выбрана Маньчжурия, именно западная ее часть, где жили татабы.

В 712 г. стодвадцатитысячная китайская армия, разделенная на три корпуса, напала на татабов и была разбита. При паническом отступлении погибло “несколько десятков тысяч” ратников и “два генерала сдались в плен”. Татабы передали пленных тюркскому хану, а тот приказал их казнить. Казнь осталась неотомщенной, так как “двор был тогда озабочен множеством дел и не имел времени усмирить”⁷⁹.

Неудачливый император Чжунцзун был отправлен своей любимой женой, и престол занял Сюаньцзун. Тюркский хан ультимативно потребовал заключения мира, скрепленного браком, и имперскому правительству пришлось смириться: за хана выдали дочь князя с титулом княжны, и в 714 г. была “послана милостивая грамота”⁸⁰.

Это была вершина тюркского военного могущества.

Но на этом не кончились бедствия империи. Успехи татабов произвели впечатление на некоего мелкого вассального князька в восточной Маньчжурии Цицика Чжунсяна. Начиная с 696 г. он нападал на китайские владения в южной Маньчжурии и Корее и наконец создал для себя государство, включившее, в частности, центральную и юго-восточную Маньчжурию (Фуюй и Чаосянь) и даже Корею (Бяньхань). Имперское правительство вынуждено было примириться со случившимся. Новое царство получило название Бохай.

Империя Тан переживала политический кризис. Она постепенно превращалась в китайское царство.

НАСТУПЛЕНИЕ АРАБОВ

К началу VIII в. согдийские княжества Мавераннахра — этой густо населенной и очень богатой страны — оказались совершенно неспособны к самозащите. Всем было очевидно, что победа арабов несет мужчинам смерть, а женщинам и детям плен и продажу на невольничих рынках. Однако каждая крепость защищалась в одиночку и гибла. Переломить свой separatизм и организоваться согдийцы не сумели. Только тюргеши отбивали арабские отряды.

Мало этого, даже со своими защитниками, тюргешами, согдийцы не умели найти общий язык. Только разногласия между спасаемыми и спасителями в 707 г. дали возможность стесненным арабам унести ноги в Хорасан. Такие же неурядицы повторились в 709 г., и это позволило Кутейбе взять Бухару. Разгром тюргешей тюрками в 710 г. совпал с захватом арабами Шоумана, Несефа, Кеша и подчинением Талекана. Красивые города были сожжены, население вырезано или уведено в плен. Караваны, нагруженные награбленным золотом и шелками, непрерывно шли в Дамаск, но Кутейба хотел большего.

В 711 г. он вмешался в ссору между хорезмшахом и шахом Хамдурда, восстановил хорезмшаха на престоле и с его помощью разгромил Хамджурд. Затем, мобилизовав покоренных бухарцев, несефцев и хорезмийцев, напал на Самарканд. Самаркандцы отчаянно сопротивлялись, потери с обеих сторон были очень большие, но, чувствуя, что удержаться против арабов не удастся, они направили послов за помощью к ишхиду Ферганы, князю Чача, кагану турков (вероятно, тех же тюргешей) и к китайскому императору. Какую помошь могли оказать Самарканду разгромленные тюрками тюргеши? Никакой! В Чанъань посол добрался лишь в 713 г., но император в помощи отказал: ему были нужны войска против тюрок¹¹. Впрочем, помочь было уже поздно. “Князь Чача и ишхид согласились с письмом самаркандцев, где было написано: “Если арабы победят Согд — придет и вам черед”¹², и двинулись на выручку. Кутейба получил об этом информацию и направил против них своего помощника Солейхи Муслима. Последний в ночном бою у деревни Бек-Обод разбил чачцев и ферганцев. Самарканд пал.

Осенью 712 г. Кутейба с несметной добычей и с толпами пленных вернулся в Мерв.

В 713 г. он мобилизовал уцелевших от прошлогодней резни согдийцев и, пополнив ими свои войска, напал на Ходжент, Фергану и Чач. Ходжент и Фергана пали, но Чач устоял. Назначенный туда имперцами на должность правителя некий тюрк Багадур-тудун отбился от арабов¹³.

В Ферганской долине арабы могли столкнуться с китайцами, так как именно там была резиденция губернатора Западного края, но сведений об этом нет ни у тех, ни у других. Скорее всего оба противника старательно обходили друг друга, предпочитая не сталкиваться.

В 715 г. Кутейба пытался проникнуть в Восточный Туркестан, но известие о смерти халифа Валида заставило его вернуться. На обратном пути он был убит одним из своих военачальников за попытку поднять мятеж. Эпоха завоеваний на время кончилась.

Но не следует связывать приостановку арабского наступления только с гибелью полководца. Огромные потрясения в Тюркском каганате позволили талантливому хану Сулу восстановить тюргешскую державу – барьер против арабской агрессии. Равным образом имперское правительство, избавившись от тюркской угрозы, сумело удержать свое влияние в восточной части Ферганской долины. В 715 г. имперское войско, укомплектованное западными, десятистрельными тюрками, выгнало арабов и тибетцев из Ферганы. Но в 716 г. тюргеши нанесли имперским войскам поражение, а в 717 г. арабы и тибетцы снова напали на имперские укрепления Кашгара.

А В КИТАЕ...

Как бы тюрки, арабы и тибетцы ни свирепствовали на границах империи, самую страшную опасность для нее представляли китаянки. Императрица Вэй Шэ, супруга слабовольного императора Чжунцзуна, попыталась осуществить неудачную авантюру своей страшной предшественницы У-хуо. Благодаря влиянию на мужа ей удалось добиться казни его верных слуг, но, страшась того, что глаза императора откроются и он поймет, кто ему враг, она вместе со своей соперницей, принцессой Ан-ло, отравила его. Скрыв смерть монарха, заговорщицы подделали его подпись под указом об отречении от престола и возведении на трон его сына.

Разумеется, императрица назначила себя регентшей. Но затея и на этот раз не удалась. Родственник отравленного Чжунцзуна, Ли Лун-ки, ученый, хороший военачальник, уважаемый и любимый офицерами, солдатами и чиновниками, привязанными к династии Тан⁸⁴, встал во главе отборных войск, ворвался во дворец, отрубил головы обеим заговорщицам и возвел на престол своего отца Жуйцзуна (710)⁸⁵. Последний питал отвращение к ремеслу правителя и в 712 г. отрекся от престола в пользу своего сына (посмертный титул – Сюаньцзун).

Империя Тан выдержала еще одно испытание, но каждая победа ей давалась очень не легко.

Новый император простотой обращения и привязанностью к своей семье завоевал симпатии сторонников династии. Это помогло ему легко ликвидировать заговор своей тетки, которая пыталась его отравить. Заговорщики были казнены.

Затем в 714 г. был издан закон против буддизма, служившего опорой императрицы У. Буддийским монахам, исключая стариков и больных, было предложено вернуться к своим семьям, т.е. в податное сословие, а почитание изображений Будды было запрещено⁸⁶. Прекратились вечные заговоры при дворе, постепенно восстановилось нормальное управление, и через несколько лет империя Тан обрела силу не меньшую, чем при первых императорах⁸⁷. Ее положение кратко, но выразительно охарактеризовал Тоньюокук: “Сын Неба воинствен, народ в согласии, годы урожайны... нельзя тронуть их”⁸⁸.

Но на западе собиралась новая гроза – тибетцы заключили союз с арабами, а вождь черных тюргешей Сулу объявил себя ханом.

Запрещение исповедовать буддизм сильно ударило по населению Кучи и Каашара, где буддизм был господствующей и привычной идеологией около 500 лет. Сменить укоренившееся мировоззрение по приказу оно, естественно, не могло, но неповинование означало бунт, обреченный на неудачу. Однако кучасцы вывернулись чрезвычайно остроумным способом, о чем сохранилось сведение в одном из согдийских документов с горы Муг (документ А-9): “И есть такой слух: кучинцы и “им” [очевидно, древнее название Каашара, в китайской передаче – Ян], весь народ, в брахманскую веру перешли [вышли] – и знать, и купцы, и простой народ [работники], и 14 000 духовных наставников [учители, bax-si]”⁸⁹.

Этот текст, датируемый 714 г.⁹⁰, понимать буквально невозможно, прежде всего потому, что брахманизм не прозелитическая религия, и, для того чтобы войти в нее, надо быть членом касты, а это возможно лишь для родившихся в ней. Затем, если бы подобная смена религии действительно имела место, то это не могло бы не оставить следа на истории Притяньшаня; однако впоследствии мы видим, что население Кучи и Каашара продолжает оставаться буддийским. Даже незначительные проникновения манихейства и христианства отразились в письменности этой страны, но от брахманизма нет и следа. Думается, что дело обстояло иначе, чем передает “слух” или “молва”. Указ императора в Кучу привез пограничный военный чиновник, а эти люди в философских тонкостях не разбирались. Он только требовал, чтобы приказ был выполнен, дабы потом отчитаться. Все исповедания, кроме буддизма, были разрешены, а о брахманизме и его догматике и обрядах могли иметь некоторое, хотя и весьма отдаленное представление только учёные, связанные с буддизмом же, но никак

не пограничные власти. Следовательно, кучасцы и карашарцы смело могли заявить, что императорский приказ ими выполнен и они исповедуют незапрещенную веру. Никто не мог доказать, что это не так. Да и ни у кого не было надобности разоблачать этот обман, так как буддизм был одиозен в Китае, где он соперничал с другими идеологическими системами, а не в Куче, где он был единственным и привычным мировоззрением, никому не мешавшим.

Неукоснительное выполнение указа по существу могло вызвать лишь нежелательные эксцессы, а обычный для китайской администрации формализм создавал в конкретном случае выход из положения. Разумеется, о том, что буддисты обманули императора, кричать на базарах было все-таки небезопасно, и поэтому до Согда докатилась официальная версия, которая в контексте письма звучит как предположение того, что автор письма, “услышав такое”, отправился в Хуталь и дал совет адресату оставаться на месте, и т.д. Иными словами, упоминание о кучасцах вставлено для характеристики положения в западных районах империи, которое в это время было устойчиво.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Для того чтобы понять всю остроту созданного при Сюаньцуне положения, необходимо рассмотреть эволюцию военной системы фубин, отмененной в 723 г. Не будет преувеличением сказать, что упразднение этой системы повлекло за собой последствия, еще более значительные, чем ее установление. Система фубин восходит к военной организации племени тоба, завоевавшего в IV в. северный Китай. По этой системе служба в армии была обязательна для сяньбийских родовищ. В виде вознаграждения за ними закреплялись участки земли, и несущие воинскую повинность освобождались от всех остальных повинностей. Служба была наследственной, и постепенно воины сделались привилегированной кастой.

Сначала эта армия комплектовалась исключительно из сяньбийцев, но потом ее стали пополнять богатыми китайцами из Шаньси и Шэньси, так как эти районы примирились с инородческой династией, после того как она официально приняла китайскую культуру и признала государственным китайский язык. Этот компромисс сделал возможным сохранение системы фубин и при победе китайского элемента, т.е. при династиях Бэй-Чжоу и Бэй-Ци. Но тогда по закону 564 г. воинская повинность распространялась и на простой народ, так что были организованы две параллельные системы, и армия благородных – фубин – была уравновешена армией из народа. Вслед

за этим в фубин стали включать неимущих, как чужеземцев, так и китайцев, и обязательная служба была установлена на шесть месяцев в году. При династии Суй положении фубин еще более ухудшилось: по указу 590 г. воинов стали заносить не в особые “военные списки”, а в “гражданские подворные реестры”, т.е. освобождение от податей на них более не распространялось. Эта мера характеризует политику Суй, направленную на искоренение остатков сяньбийского владычества в Китае.

Победа династии Тан на время оживила фубин. По указу 650 г. командирам кроме земельного участка было положено денежное жалование, и, хотя система занесения в “гражданские подворные реестры” не была изменена, воинство фубин подчинялось не гражданской администрации, а окружным военачальникам⁹¹. Оно было использовано, однако, не против внешнего врага, а для укрепления династии, непопулярной в массах китайского населения. Большая часть войск фубин была сконцентрирована вокруг столицы, а не на границах. Пограничные же войска, или конно-стрелковая стража, пополнялись путем найма кочевников⁹².

Политика компромисса с китайским населением сделала ненужными войска фубин. Указом 723 г. эта система была практически упразднена, и желавшие продолжать военную карьеру поступали в пограничные войска, а указ 735 г. упразднил ее и юридически⁹³. Этим актом закончилось расслоение китайской и некитайской половины империи, слияние которых оказалось невозможным. С этого времени в Хэдуне начал складываться особый этнический субстрат. Пограничная стрелковая армия оказалась единственным прибежищем всех осевших в Китае некитайцев, для которых национальный подъем китайского населения не сулил ничего доброго. Только преданность династии, перерождение которой они не хотели замечать, еще связывала профессиональную армию и многомиллионный народ, ненавидевшие друг друга.

Борьба имперского и китайского начал нашла свое отражение и в литературе. Китайская поэзия эпохи Тан проникнута наивным пацифизмом, за которым легко увидеть оппозиционные настроения и замаскированное осуждение правительственной политической линии. Обратная точка зрения дошла до нас, как это ни странно, в корейских переводах или переделках древних стихов тех воителей, которые после поражения своей страны пошли на службу к победителю, императору Тайцзуна.

Имена некоторых корейцев – танских полководцев – сохранились для истории, как, например, Хэчи Чжан-чжи и Гао Сянь-чжи, но поэты, воспевшие подвиги корейских войск эпохи Тан, жили в XV веке⁹⁴.

Трудно сказать с уверенностью, использовали ли они старые корейские стихи, или сделали переводозвучных им китайских, или сами воплотили живую традицию военной славы, дошедшую до них через восемь веков, но так или иначе ситуация, описанная ими, неповторима и вполне соответствует эпохе, интересующей нас.

Можно думать, что эти воспоминания былиозвучны настроениям поздних поэтов и они сознательно воскресили минувшее.

Сравнение той и другой линии развития поэзии наглядно свидетельствует о внутренней борьбе, раздирающей империю Тан и великолепную столицу Чанъянь:

Цуй Жун⁹⁵

Над Западным морем луна
восходит...
Ветер с границы сердце
волнует.
Свет переходит гор
границы -
Вся необъятность меняет
облик!
Рвутся к просторам войска
Китая,
Конница варваров ищет бреши.

Вражеской флейты ночное
пенье
Нас отправляет тоской
по дому...

Ван Чан-лин⁹⁷

Коней напоив, через реку
прошли -
Вода ледяная, а ветер
остер.
Усталое солнце садится
вдали.
Я мрачно гляжу на Линь-тао
простор.
Во время сражений былых,
говорят,
Высок и отважен был дух
у солдат.
Теперь же рассеялось все,
как в пустыне,
Лишь кости убитых белеют
в полыни.

Ким Чон Со⁹⁶

Воет северный ветер в
верхушках деревьев,
На снегу блеск луны
ледяной.
На границе за тысячу ли
от родных
Стал на стражу я с длинным
мечом.
Грозен просвист мой...

Грозен пронзительный
крик.
Нет преград для меня
на земле.

Ким Чон Со

Мы взнесли над Чанбэксаном
 знамя,
 Туманган переходили вброд.
 Эй вы, горе-мудрецы,
 скажите,
 Трусами считаете ли нас?

 А кого изобразит художник
 Для покосов славных в Линянгэ?⁹⁸

Сравнение говорит само за себя, причем список китайских антивоенных стихов можно еще умножить. Например, Ду Фу прямо заявляет: “И я, старик, позволю усомниться, что странам надо расширять границы”⁹⁹. Это отнюдь не миролюбие, так как победы над варварами ему весьма импонируют, и, наконец, не мог же он не понимать, что единственный способ избавиться от набегов кочевников – выдвинуть как можно дальше пограничные войска. Нет, ему важно осудить династию и двор, пирующие на золотых блюдах, увезенных из Алого дворца, т.е. дворца династии Суй¹⁰⁰. При этом нужно отметить, что сами танские монархи искали компромисса со своими китайскими подданными и, как мы уже видели, становились жертвами своей доверчивости. Однако отпадение тюрок сделало степную опору трона столь неустойчивой, что достижение внутреннего мира стало насущной задачей принявшего престол императора Сюаньцзуна.

Постепенно, но неуклонно китайцы забирали власть при дворе. В 739 г. Конфуцию был присвоен титул принца и соответственно изменены церемонии, посвященные его памяти¹⁰¹. Затем для получения чина стало необходимо гуманitarное образование, причем на этом поприще китайцы легко обгоняли тюрок и монголов; в 754 г. была основана академия Ханьлинь для подготовки чиновников. Началась борьба между “аристократами” и “учеными”. Последние, искусно составляя доносы, одолели, и главой правительства оказался их ставленник Ли Лин-фу¹⁰². Все это принесло Китаю гражданской мир и позволило Сюаньцзуну сосредоточить внимание на степной политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 286; *Julien S. Documents...* Vol. 4. P. 414.
- ² *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 215.
- ³ Тоньюокук говорил: “Когда мы сильны – идем грабить; когда слабы – убегаем в горы и долины”.
- ⁴ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 38.
- ⁵ *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 160.
- ⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 270; Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 38; Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система. С. 19.
- ⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 364.
- ⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 268.
- ⁹ *Julien S. Documents...* Vol. 4. P. 414–415.
- ¹⁰ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 66; ср.: там же. С. 38.
- ¹¹ В представлении тюрок границы между цветами спектра расположены несколько иначе, чем у европейцев. Так, *кок* – сине-зеленый цвет; *яшиль* – зелено-желтый, мутный; *сары* – желто-оранжевый, яркий. Таким образом, Яшиль-угюз совершенно эквивалентный перевод названия Хуанхэ, Желтая река, т.е. это река мутная, грязно-

желтая. В надписи упоминается один поход в область нижнего течения Желтой реки, но на самом деле их было несколько: в 694 г. – на Линчжоу (окружной город на правом берегу Хуанхэ, против г. Нинсяфу); в 697 г. – на Линчжоу и Шэнчжоу (северовосточная часть Ордоса) и в 698 г. – на Хэбэй. Вероятно, в надписи все три похода упоминаются вместе, причем театр военных действий назван Шантунгская равнина [см.: Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 38. № 17; С. 66. № 18–19; для перевода Яшиль-угуз Маловым предложен вариант – Морская река (ср.: Hirth F. Nachworte zur Inschrift... S. 17–18)].

¹² Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 66 (ср. текст на С. 62).

¹³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 365.

¹⁴ Там же. С. 269.

¹⁵ Когда императрица У объявила наем солдат, то смогла набрать всего тысячу человек. Когда же принц из дома Тан был назначен полководцем Хэбэя, то к нему собралось 50 тыс. наемников (*Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 445).

¹⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 269.

¹⁷ Julien S. Documents... Vol. 4. P. 415; Хирт приводит соображения советника Се Тэна, согласно которым не следует привлекать на военную и административную службу кочевников, а уже принятых держать внутри страны, так как они, попадая к своим соплеменникам, вредят Китаю (*Hirth F. Nachworte zur Inschrift...* S. 15).

¹⁸ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 66.

¹⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 365.

²⁰ *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 452.

²¹ В 700 г. тюрки отбили около 10 тыс. лошадей у тангутов, поддавшихся Китаю в 660 г. (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 301–302). Этой операцией руководил племянник хана Могилянь (см.: Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 20).

²² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 295.

²³ Chavannes E. Documents... Р. 49.

²⁴ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 40.

²⁵ Куль-тегин – титул, который он носил перед своей смертью и под которым он вошел в историю. Его юношеское имя неизвестно.

²⁶ Шаванн считает, что царевичи покорили западных тюрок, или десять стрел (см.: Chavannes E. Documents... Р. 282. № 5). Это может быть признано только отчасти, так как ханы западных тюрок по-прежнему оставались союзниками империи. Вероятно, тюркам достались лишь племена, отделившиеся от ханских орд, т.е. в первую очередь чуюе, шато и т.д. При таком понимании не возникает противоречий ни с фактами, ни с источниками. В надписи Бильге-хана прямо сказано: “На восемнадцатом году я ходил с войском па Алты-Чуб и Согдак, их народ и там победил” (Малов С. Е. Памятники... 1959, С. 20).

²⁷ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 40; 1959. С. 20.

²⁸ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Куль-тегина. С. 140.

²⁹ Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

³⁰ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 304–309.

³¹ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 40.

³² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289, 357.

³³ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 303, 305–307.

³⁴ Согласно Шаванну, Суяб (Chavannes E. Documents... Р. 77); но Грумм-Гржимайло полагает, что это Карапшар (Западная Монголия... С. 303–304).

³⁵ Chavannes E. Documents... Р. 42–43.

³⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 295.

³⁷ Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа... С. 109.

³⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289.

- ³⁹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 269.
- ⁴⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296–297.
- ⁴¹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 338.
- ⁴² Вождь тюргешей назван племянником китайского императора. Это титул, а не степень родства (см.: Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... С. 162).
- ⁴³ Barthold W. Die alttürkischen Inschriften... S. 7–8.
- ⁴⁴ Р. Жиро пишет, что Учжилэ “умер от холода зимой 706 г.” (*Giraud R. L’Empire des Turcs...* P. 43). Что он под этим подразумевает? В Средней Азии можно умереть от многих причин, но только не от холода, ибо кочевник разведет костер при любом морозе.
- ⁴⁵ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... С. 156–158.
- ⁴⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 306.
- ⁴⁷ Там же. С. 344.
- ⁴⁸ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41.
- ⁴⁹ Минша – городок в восточной Ганьсу, на правом берегу Хуанхэ (см.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 310). Видимо, тюрки избрали этот участок объектом нападения, чтобы покарать изменивших им уйголов, так как дорога туда шла через предгорья Алашана, предоставленные уйгурам для поселения (ср.: Cordier H. Histoire générale... P. 450; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 426; Chavannes E. Documents... P. 181, 189; Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 139).
- ⁵⁰ Гумилев Л. Н. Хунну. С. 128, 140.
- ⁵¹ Julien S. Documents... Vol. 4. P. 427.
- ⁵² Тут подтверждается предложенное выше значение термина *огуз* - община, марка, хозяйственная единица. Овладев значительной территорией, тюрки рассеялись на ней и, естественно, жили порознь друг от друга, что необходимо при кочевом и скотоводческом образе жизни. Тюргешский хан отметил именно это обстоятельство, так как провести быструю мобилизацию при рассеянии невозможно. Вместе с тем, рассеяние было тюркам необходимо для прокорма скота и боевых коней. В этом смысл лаконичного замечания Тоньюкука, который не спал ночей, придумывая способ спасения своего народа.
- ⁵³ Местонахождение установить не удалось.
- ⁵⁴ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 20.
- ⁵⁵ Киселев С. В. Древняя история... С. 570–572.
- ⁵⁶ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 67; ср.: С. 41.
- ⁵⁷ С. Е. Малов предполагает – на лыжах. Этого не может быть! Лыжник легко пройдет там, где застрянет лошадь, а тюркам было важно перевести боевых коней, и для них, а не для себя они протаптывали дорогу в снегу.
- ⁵⁸ Когмэнский перевал – перевал в Шабиньдабе, в Западных Саянах. Ставка кыргызского хана располагалась в долине р. Абакан (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 297).
- ⁵⁹ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41.
- ⁶⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 297.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 67.
- ⁶³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 297.
- ⁶⁴ Там же. С. 272.
- ⁶⁵ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 68.
- ⁶⁶ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 313.
- ⁶⁷ Болчу и Болчу-огуз, по-видимому, одно и то же. Река эта упоминается в четырех рунических надписях: (Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-хана и Моянчура) и в

уйгурской Уланкомской надписи (см.: Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии //Эпиграфика Востока. 1961. Т. XIV. С. 23–25). Согласно Тоньюокуку, тюрки, переправившись через Черный Иртыш, достигли Болчу за одну ночь, т.е. расстояние между этими реками не могло быть больше 100 км. Максимальное расстояние от Черного Иртыша до Урунгу 80 км, а минимальное – 50 км. К югу от р. Урунгу лежит широкая равнина, которую легко сопоставить с Ярышской степью, где группировались основные силы тюргешей.

- ⁶⁸ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 41; 1959. С. 21.
- ⁶⁹ Напали и прогнали (Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 68).
- ⁷⁰ Там же. С. 68–69.
- ⁷¹ Там же. С. 69.
- ⁷² Там же. С. 41.
- ⁷³ Barthold W. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. I–2. S. 18.
- ⁷⁴ Bacot J. Reconnaissance... Vol. 254. № 2. 1956. P. 147.
- ⁷⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 315; Chavannes E. Documents... P. 35, 68; Pulleyblank E. G. A. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955. P. 11.
- ⁷⁶ Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа //Страны и народы Востока. М., 1961. Т. II. С. 106–109.
- ⁷⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 272.
- ⁷⁸ Chavannes E. Documents... P. 78, 283.
- ⁷⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 372.
- ⁸⁰ Там же. С. 272.
- ⁸¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 311.
- ⁸² Гафуров Б. Г. Та'рихи мухтасари... С. 99.
- ⁸³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 311.
- ⁸⁴ Gaubil. Abrégé... P. 2.
- ⁸⁵ Mailla J. A. M. Histoire générale... VI. P. 201.
- ⁸⁶ Cordier H. Histoire générale... P. 453; Mailla J. A. M. Histoire générale... VI. P. 201.
- ⁸⁷ Буддизм был популярен среди низов китайского общества, но его ненавидело служилое сословие, придерживавшееся конфуцианства и выдвинувшее своей программой полное запрещение буддизма и дасизма, вплоть до сожжения буддийских книг (см.: Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма //СВ. 1957. № 3. С. 78).
- ⁸⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 274; Julien S. Documents... Vol. 4. P. 460.
- ⁸⁹ Лившиц В. А. Два согдийских документа с горы Муг //ВДИ. 1960. № 2. С. 79.
- ⁹⁰ Там же. С. 81.
- ⁹¹ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 442–444.
- ⁹² Ibid. S. 98.
- ⁹³ Шан Юэ. Очерки... С. 204–205.
- ⁹⁴ Корейская классическая поэзия. М., 1956. С. 6–7.
- ⁹⁵ Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 2. С. 18.
- ⁹⁶ Корейская классическая поэзия. С. 48–49.
- ⁹⁷ Антология китайской поэзии. С. 56.
- ⁹⁸ Линяньгэ – название знаменитой портретной галереи династии Тан. Горе-мудрецы – презрительное название конфуцианцев, обучавшихся в школах и университете.
- ⁹⁹ Антология китайской поэзии. С. 150.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 137.
- ¹⁰¹ Cordier H. Histoire générale... P. 468.
- ¹⁰² Pulleyblank E. The Background... P. 90–95.

XXIII. Потрясение

ПЕРЕЛОМ

Все перенесенные Империей неудачи не заставили нового императора, Сюяньцзуна, отказаться от борьбы за гегемонию в Азии. У него появился весьма полезный помощник – сам Капаган-хан. Со свойственным китайцам прагматизмом “Таншу” объясняет изменение ситуации личными особенностями хана: “бесчеловечно поступал с подданными, а когда состарился, стал глупее и неистовее. Аймаки возроптали и начали отлагаться”¹. Действительно, в конце 714 г. карлуки, хулуву (кит. хуву) и шуниши², воевавшие против Кюль-тегина, предложили империи принять их в свое лоно. Западные тюрки в Семиречье и Притяньшанье восстали против каганата в пользу империи. На сторону империи перешли татабы и вслед за ними кидани³. Но хуже всего для хана было то, что токуз-огузы, “его собственный народ”, присоединенные, а не покоренные, тоже восстали, а три тюркских наместника – в Гоби, Иньшане и на Алтае – перешли на сторону врага.

Попытка тюрок разрушить опорный пункт имперцев в Джунгарии – Бишбалык – закончилась полным разгромом тюрок⁴. При этом один из тюркских полководцев попал в плен и был обезглавлен перед городскими воротами, а другой, не смея вернуться к хану, бежал в Китай. К началу 715 г. верные тюркскому хану войска оказались островами среди моря восстания.

В Онгинской надписи отражена вся серьезность создавшегося положения, не допускающего отступления. “Снова токуз-огузские беги

стали нам врагами. Они были могущественны. Хан пошел... Мы не более чем отребье; мы видели, что нас мало, а их много. Нападем... Я сказал моим бегам: “Мало нас”⁵. В довершение беды третий сын хана, бывший послом в Китае, умер, и, хотя его прилично похоронили, это было слабым утешением.

Возникает вопрос: чем объяснить такой резкий перелом в настроениях кочевников? Ведь для того, чтобы поднять народ на восстание, недостаточно появления иноземного эмиссара. Очевидно, власть каганата в степи была не так уж популярна. Попробуем разобраться в причинах внутренней розни и взаимного ожесточения.

Китайская версия, объясняющая взрыв восстания поглупением хана, явно несостоятельна. Более глубокое понимание вопроса мы находим в орхонских надписях. Правда, там тоже приводится как причина восстания непонимание народом своей пользы и “низость”, но наряду с этим излагается идеал государства, который мало кому из подданных и соседей мог нравиться. Лучшее, по мнению автора надписи – Йоллыг-тегина, – это покорить все народы, живущие по четырем углам, склонить их головы и заставить преклонить колени. Так делали предки, но и Капаган-хан от них не отстал. В его правление расширились пределы тюркских поселений, так как тюрки занимали чужие пастища и увеличили богатства: “В то время наши рабы стали рабовладельцами”⁶.

Тюрки Второго каганата еще в большей степени, чем в период Первого, находились в состоянии военной демократии. Внутри дружины иерархия не исключала равенства, но для окружающих это была не демократия, а живодерия. Поэтому основным противоречием в таком обществе было противоречие между господствующими и покоренными племенами.

Академик В. В. Бартольд поставил вопрос о том, было ли тюркское общество аристократическим или демократическим? Вопрос этот не имеет смысла, так как рядовыми в тюркской армии были “або и тарханы”, а беги были лишь командным составом, без коего вообще немыслимо никакое войско. Тогда, когда понятия “народ” и “войско” совпадают, для понятий аристократизма и демократизма нет места. Так как войско нуждается в пополнении, то токуз-огузов приняли, приравняв к собственно тюркам, а все прочие покоренные народы составляли эль, т.е. державу, и считались “невольниками” хана⁷. Хотя от этих “невольников” личная свобода не отнималась, но обдирали их как липку. Казалось бы, что положение токуз-огузов было превосходным, но не о такой жизни мечтали вольнолюбивые уйгуры. Их политическим идеалом была конфедерация племен, основанная на добровольном союзе при слабой ханской власти. Уйгуры умели отстаивать

свою свободу, героически сражаться под чужими знаменами “ради добычи”, но никогда не составляли крепкого государства и даже не стремились к этому. Та доля награбленной добычи, которую тюрки им уделяли, не вознаграждала их за необходимость соблюдать тягостную дисциплину и хранить унизительную покорность.

Так глубоко различны были стремления двух соседних народов, сходных по языку, расе, быту и роду занятий.

История Центральной Азии должна была пойти либо по тюркскому, либо по уйгурскому пути.

КЮЛЬ-ТЕГИН

Мудрый Тоньюкук был уже слишком стар, чтобы стать во главе тюркских дружин. В 716 г. ему было 70 лет⁸. Спасать каганат пришлось Кюль-тегину. Четыре года (711–715) он сражался с карлуками, и лишь в 716 г. при священной горе Тамаг он разбил их войско и заставил покориться каганату⁹. Но к этому времени держава уже была охвачена восстанием, и по дороге к родным кочевьям Кюль-тегин наткнулся на сопротивление азов. Азы были побеждены при Черном озере (оз. Тотохаранор в Западной Монголии) и перебиты.

Вернувшись домой, Кюль-тегин застал межплеменную войну в полном разгаре. Со своими ветеранами он обрушился на изгилей, разбил их и устроил такое побоище, что даже имя изгилей было забыто. При г. Тогу¹⁰ произошел первый бой тюрок с токуз-огузами, но, несмотря на всю доблесть Кюль-тегина, победа не была одержана. При Кушгалаке были разбиты и истреблены начисто эдизы (кит. адье). Затем при Бол... было разгромлено ополчение токуз-огузов, но, несмотря на то, что их эль был, согласно надписи, покорен, в следующей битве, при горе Чуш, они чуть было не разбили тюркское войско. Кюль-тегин отогнал противника и, преследуя, нанес ему урон. По-видимому, это было племя тонгра. Вслед за тем Кюль-тегин выиграл битву с токуз-огузами при Эзгенти Кадазе, “но на город не пошел”¹¹. По-видимому, успехи племянника обеспокоили хана, взять Кадаз было поручено полководцу Алл Эльэтмишу, который с этой задачей справился. “Простой народ он собрал”, а беги убежали¹². Этим закончилась кампания 715 г., так как наступила зима.

Весной 716 г. Капаган-хан, ревнуя к славе племянника, сам повел войско на токуз-огузов. Кюль-тегин остался охранять ставку, т.е. женщин и детей.

Тогда карлуки решили¹³, что наступило время для отмщения. Они полагали, что у тюрок не хватит боевых коней для войны на два фрон-

та. Воспользовавшись уходом основных тюркских сил на восток, они перебросили с Алтая два отряда, из которых один должен был сковать тюркский заслон, а второй – разграбить ставку. Но ставку оборонял Кюль-тегин, который снова покрыл себя славой. В неравном бою, прикрывая женщин, которым грозила смерть или рабство, он “заколол девять богатырей и не отдал орды”. Тем временем Капаган-хан разбил мятежное ополчение по северную сторону песчаной степи. Остальные подробности кампании нам неизвестны.

Затем наступила очередь племени байырку, которое было разгромлено на р. Толе в 716 г. Но тут в историю вмешался случай: возвращаясь после победы, хан отдалился от своей стражи и задумчиво ехал один через лес. Надо же, чтобы именно в этом лесу скрывались разбитые байыркусыцы. Увидев одинокого всадника, они напали на него, стащили с коня и убили. Голова хана была доставлена китайскому послу, который переправил ее в Чанъянь. Так вскрывается связь между восстанием в каганате и империей Тан¹⁴.

Но мало этого: есть прямое указание, что вождь уйголов, перешедших на сторону империи в 702–703 гг., “ходил против Мочжо и убил его”¹⁵. Но, несмотря на гибель хана, восстание не было подавлено. Империя вернула себе только Маньчжурию. Там воевал Могилянь, шад тардущей, и, несмотря на две одержанные им победы при Агу¹⁶, по-видимому, не имел успеха¹⁷.

После смерти хана встал вопрос о наследовании. Капаган-хан сам назначил преемником своего старшего сына, который носил титул Кучук-хан, т.е. “малый хан”. По старому тюркскому закону наследником был шад тардущей Могилянь, а фактически вождем тюркского “вечного эля” был герой Кюль-тегин.

Кюль-тегин взял инициативу в свои руки и совершил военный переворот: он напал на ставку, которую сам охранял. Его преемник на посту полководца, Алп Эльэтмиш, передался на сторону мятежников, и это обеспечило им успех¹⁸. Кучук-хан и советники Капаган-хана были убиты. Из детей Капаган-хана уцелели только сын Мо-тегин, оказавшийся в Китае, и дочь семнадцати лет, бывшая замужем за неким Ашидэ Мими. Потеряв мужа, царевна спаслась в Китае, где сначала была принята в придворную службу, но вскоре оказалась в юрте своего брата и там умерла. Ее брат сначала служил в имперских войсках, но позднее упоминания о нем в источниках не встречаются. Так прекратилась линия потомства Капаган-хана¹⁹.

Кюль-тегин не нарушил старого закона и не принял ханского титула, а возвел на престол своего старшего брата с титулом Бильге-хан²⁰. Бильге-хан сознавал, что он возведен “не по заслугам” и что он марионетка в руках своего брата. Поэтому он назначил его команду-

ющим войсками, т.е. фактически хозяином каганата. Из всех вельмож уцелел только один мудрый Тоньюокук, тесть нового хана.

Расправа коснулась только ближайших советников Капаган-хана, но ошеломила весь народ: “когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть [теперь], смотрели кверху [на престол] спокойными глазами”²¹. Очевидно, многие проиницились перед опальными царевичами, но те предпочли милость мщению. Некоторое время Тоньюокук был в опале, но “народ уважал и боялся его”²², и в 718 или 719 г. хан вернул ему чин бойла бага тархана и должность государственного советника. Таким образом, у власти встал триумвират, принципом которого была борьба против китайской культуры и политического преобладания империи Тан. Последняя не могла, разумеется, с этим примириться.

Поэтому, несмотря на то, что Бильге-хан, прия к власти, немедленно предложил заключить мир, имперское правительство не только не согласилось, но активизировало военные действия. Однако об успехах северной армии китайский источник стыдливо умалчивает. Зато возмущенные ограничениями в охоте на диких зверей западные тюрки восстали и взяли в плен наместника Запада воеводу Чжан Чжижюна²³. Его с трудом отбили преданные ему помощники китайцы.

Новое правительство в каганате оказалось вполне жизнеспособным. Гибель хана принесла каганату совершенно неожиданное спасение. Жестокая политика сделала имя Капаган-хана одиозным для телеских племен. Потерпев поражение в боях с тюрками, многие из них бежали на юг и поддались Китаю. Но как только степное “длинное ухо” донесло до них весть о перевороте, они стали возвращаться к родным кочевьям, покидая новых господ. Такой оборот дела китайцы объяснили влиянием, которое имел на кочевников Тоньюокук²⁴, но немалое значение имели, очевидно, и новые политические принципы, провозглашенные Бильге-ханом.

Так или иначе, возвращение телесцев восстановливало мощь каганата и сводило на нет успехи имперской дипломатии. Имперцам оставалось только одно — разжигать угасающую войну.

Однако это оказалось невозможным, так как в 714 г. выступили тибетцы и захватили казенные табуны в предгорьях Наньшаня и Алашаня. Второе нападение тибетцев заставило имперцев собрать все регулярные войска в Хэси и бросить их на отражение врага. Тибетцы были разбиты и отброшены в горы, но потери имперцев были велики, а неукротимость горцев известна, поэтому имперская армия, заняв участок земли, ранее уступленный тибетцам как приданое, установила границу по берегу Хуанхэ и до 718 г. отбивала тибетские набеги²⁵. Тюрки получили передышку и сумели ее использовать.

Не теряя времени, Бильге-хан, с одной стороны, обнародовал воззвание к токуз-огузам, “покинувшим свою землю-воду и предавшимся табгачам”, утверждая, что табгачский хан совратил их на преступление” и “на юге у табгачей погибли их имя и слава”²⁶. Он же собирался “возвысить” их народ и не карать отпавших от его дяди-хана.

С другой стороны, он со всеми силами бросился на оставшихся в степи и продолжавших сопротивляться уйгуров²⁷. Спустившись по Селенге и тесня их, он разорил их кочевья и загнал отступавших в горную тайгу Хамар-дабана. Уйгурские табуны были розданы тюркским ратникам, потерявшим своих коней во время восстания. Семьи уйголов попали в плен и пополнили число “кулов” тюркского хана. Уйгурский эльтебер с сотней всадников бежал на восток.

Не прекращая темпа наступления, Бильге-хан устремился к Хингану и нанес поражение татабам. Результатом похода были опять отбитые табуны коней, а это делало тюркскую армию мобильной и неуязвимой. Еще более реальным был успех на западе, где тюркский тудун Яштар разгромил карлуков. Северная Джунгария оказалась в руках у тюрок. К концу 717 г. степь снова лежала у ног тюркского хана.

КОЛЕБАНИЯ

Захватив власть и восстановив эль, Бильге-хан оказался перед проблемой, неразрешимой ни для его скромного ума, ни для ума его рубаки-брата: что делать дальше? Получив в подданство уйгуров, можно было начать наступательную войну, но, имея в тылу восстановленную мощь тюргешей,казалось практичнее укрепить орду и занять оборонительную позицию. С последней связывалось покровительство буддистам, после закона 714 г. настроенным против танского правительства. Призванный из ссылки Тоньюкук отверг оба плана. Наступление он счел бесперспективным, так как в Китае “народ в согласии, годы урожайны”, а постройку стен вокруг ставки и сооружение храмов Будде – гибельным, так как “это учение делает людей слабыми и человеколюбивыми, а не воинственными и сильными”²⁸. Возражение было не по существу, но, видимо, Тоньюкук, обучаясь в Китае, имел наставником одного из многочисленных противников буддизма²⁹. Помимо этого, поддержка буддизма, гонимого в Китае, означала вызов империи Тан, что было, по мнению Тоньюкука, несвоевременным.

Итак, он забраковал оба плана действия и посоветовал хану просить мира. Однако имперское правительство нашло, что хан просто желает выиграть время, и надо признать, что это было правильное понимание ситуации.

Действительно, задачей “могучей тройки” – Бильге-хана, Кюль-тегина и Тоньюокука – было восстановление каганата, что превратило бы империю Тан в китайское царство и оторвало бы от династии тех кочевников, на которых она опиралась в борьбе с китайскими подданными; а как мы уже видели, эти последние были не менее жестокими и безжалостными врагами династии. Степь была для династии Тан так же необходима, как и сам Китай. Поэтому мир был отклонен, а Тоньюокуку пришлось изобретать новый способ борьбы с многочисленными врагами. И он его нашел: принципом стратегии тюрок на ближайшее время стала активная оборона, а принципом политики и идеологии – противопоставление себя Китаю.

Эта программа была крутой переменой политического курса. Мончур стремился представить себя врагом китайского правительства, а не народа, заключив же мир, посыпал царевичей в Китай, чтобы установить культурную близость. Правда, он устанавливал ее с антибуддийскими группировками, так как буддизм поддерживала императрица У. Казалось бы, тем более оснований было у нового хана поддерживать могущественную буддийскую общину, оказавшуюся врагом его врага. Но он этого не сделал, и сам Тоньюокук изменил свою политическую ориентацию. Дело было в уйгурах – главной решающей боевой силе. Они бежали из пределов империи, потому что вся “китайщина” стала для них одиозной. А буддизм в эту эпоху связал себя именно с китайской оппозицией, компромиссной новой политике династии Тан. Поэтому тюркский хан, поддерживая буддистов, должен был потерять популярность среди своей опоры – антикитайски настроенных кочевников. Тогда-то воскресла и получила развитие антикитайская программа Кутлуга, мастерски сформулированная Йоллыг-тегином, согласно которой китайские подарки, оплачиваемые неволей и кровью, делали тюркских богатырей, по словам Тоньюокука, “человеколюбивыми и слабыми”, ибо они начинали увлекаться учениями Будды и Лао-цзы³⁰.

Таким образом, намеченная программа действий сводилась к тому, чтобы победами вынудить у врага мир, не доводя его до необходимости бороться до конца. Целью тюрок стал приемлемый, достойный мир, но достигнуть его можно было лишь путем самой отчаянной войны.

ТОНЬЮОКУК

Самым разумным для имперского правительства было бы еще в 717 г. наступление на утомленных внутренними войнами тюрок. Но обстоятельства помешали этому. В 716 г. на западе воскресла держава тюр-

гешей, вождь которой, Суду, был явно враждебен империи. Причина этого была в том, что имперскими уполномоченными в Западном крае были царевичи Ашина, т.е. западнотюркские законные ханы, у которых тюргеши стремились отнять гегемонию. Ашина Хянь просил подкреплений из Китая, но ничего не получил. Правительство решило договориться с Сулу и послало ему назначение на пост главнокомандующего и княжеский титул. Но пока посольство медленно тянулось по караванному пути, Сулу, еще не зная, насколько благоприятно для него сложились обстоятельства, начал военные действия³¹. Помощник наместника Кучи нанял карлуков для борьбы против тюргешей и вместе с Ашиной Хянем напал на Сулу, но, не имея поддержки из метрополии, не добился успеха. Хянь уехал в Чанъянь и там умер. В 717 г. Сулу прислал в Чанъянь посольство с предложением мира, а в 719 г. получил титул Чжуншун-хана, т.е. верного и послушного хана. Титул не соответствовал действительности, но наступление арабов связало тюргешам руки и сделало их безопасными для империи.

Другая неприятность возникла на востоке. Один из киданьских вождей, Кэтугань, убил поставленного империей князька и при попытке наказать его за убийство в 718 г. разбил китайско-татабийский отряд. Пока этот инцидент был улажен, прошел еще год, и лишь к 720 г. имперская армия смогла выступить против тюркского хана.

Зато имперская дипломатия имела крупный успех, так как ей удалось привлечь к союзу против тюрок племя басмалов, обитавшее в юго-западной Джунгарии³². Басмалы были осколками великого тюркского каганата и управлялись князьями из рода Ашина³³.

По плану, разработанному в Чанъани, кидани, татабы и басмалы должны были разными дорогами, но в одно время подойти к ставке Бильге-хана и схватить его. Для поддержки авангарда была мобилизована имперская армия в 300 тыс. человек. Легко заметить, что план был абсолютно невыполним, так как согласовать движение войск в Маньчжурии и Казахстане было немыслимо, к тому же не только между кочевыми князьями, но и между имперскими полководцами согласия не было³⁴. Это учел Тоньюокук и посоветовал хану не беспокоиться, а за три дня до прихода врага отступить на север и дожидаться, пока у китайцев кончатся съестные припасы и они сами пойдут назад. Но случилось другое: басмалы первыми подошли к тюркской орде и, узнав, что их союзники опоздали, пошли назад. По совету Тоньюокука тюрки оставили их в покое, т.е. дали возможность изнурить лошадей и всадников непрерывным движением, а сами форсированным маршем (на рысях) двинулись на Бэйтин-Бишбалык и взяли его неожиданным нападением. Утомленные басмалы тянулись к Бишбалыку, которой был базой наступления, но вместо отдыха и провианта на-

шли там врага. Окруженные под стенами крепости басмалы сдались, и план кампании был сорван.

Но тюрки не ограничились этим. Из Джунгарии они перебросили свои войска в Ганьсу, в тыл китайской армии, и ограбили окрестности Ганьчжоу. Юаньчжоу и др. Комендант Лянчжоу Ян Кин-шу собрал телесцев племени киби³⁵ и, присоединив к ним свои войска, вышел из крепости, чтобы дать сражение. Тюрки приняли бой. Сила имперцев была в пеших лучниках-кибисцах, а тюрок — в конных копейщиках. Был сильный мороз, и китайские ратники, которые не могли натягивать луки в рукавицах, обморозили себе руки. Потеряв возможность стрелять, они были переколоты тюркскими всадниками. Слава победы пролетела по Великой степи, и все мятежные племена склонили головы перед волчьей головой на знамени тюркского хана.

Затем наступила очередь киданей. Тюрки нагрянули на них зимой 721 г. Судя по отсутствию в надписи Бильге-хана подробностей, касающихся этого похода, можно думать, что он мало дал тюрем, но весной 722 г. они обрушились на татабов и разгромили их самым жестоким образом, причем даже женщины, захваченные в плен, были перерезаны³⁶. После этого у империи Тан не осталось союзников в степи, а следовательно, и возможностей к продолжению войны.

ОТЗВУКИ ПОБЕДЫ

Победа под Бишбалыком нашла свое отражение в небольшой надписи в Хойто-Тамире³⁷. “В год обезьяны [720]³⁸ в седьмой месяц двадцать... к табгачам³⁹ [имперцам] ходили. В девятом месяце года [того же] кушуйские черные головы я раздавил [прижал]⁴⁰ осенью на табгачей... пошел с войском⁴¹. Так много блага... [тюрки?], воюя, да не будут разбиты!”⁴² Очевидно, эта надпись выбита от лица небольшого тюркского военачальника, погибшего в бою. Патриотически настроенные родственники вложили в уста покойному пожелание успеха тюркскому оружию.

Зато совершенно иная нота звучит в строках другой надписи, посвященной Бишбалыкской операции, на том же самом памятнике⁴³. Содержание ее таково:

“В год обезьяны, в девятый месяц пошли мы тайком в Бишбалык. Счастливый герой в тягости⁴⁴, войско его в засаде. Да будет там счастлив муж!”⁴⁵

Настроение здесь противоположно тому, которым проникнута предыдущая надпись: Бишбалыкская операция — катастрофа. Это текст писал несомненно басмал, который думал найти за стенами

крепости отдых и пищу, а попал в засаду. Вероятно, это не вождь похода; последнюю фразу можно понять лишь как пожелание вождю счастья вывести войско, а в том числе и автора, из окружения. Но счастье, как мы знаем, отвернулось от басмалов, и автор надписи оказался, видимо, в плену, где он и высек на камне сочиненный им текст. Эта надпись представляет двойной интерес, являясь не только историческим документом, но и памятником культуры.

Насколько известно, это первое тюркское стихотворение с размером и даже рифмами. Размер силлабический: 4 слога, 5 слов, 8 слогов⁴⁶; три строки составляют строфу, но так как при распевном чтении во второй строке происходит редукция гласной, то правильнее будет прочесть ее как восьмистопную строку с цезурой и внутренней рифмой или как две четырехстопные строки.

Этот размер сохранился в татарском фольклоре до нашего времени; например:

Аттим карга
Тошти карга
Карга тоште ак карга...⁴⁷

Совпадение звучания полное.

Схема рифмовки: а, а, а, б, б, с. Последняя строка в надписи разбита цезурой на два полустишия. Это оправдывается композицией стихотворения. Первая строка – описание ситуации – тезис; вторая указывает на ее трагизм – антитезис; последняя строка – посылка, содержит заклинательный элемент – “да будет”. Это указывает на магическое значение, придаваемое стиху: от него ждали спасения. Жанр короткого стихотворения-заклинания с рифмами для раннего Средневековья известен только в арабской поэзии⁴⁸. Наш материал не позволяет решить вопрос: было ли тут заимствование у арабов, с которыми тюрки могли общаться в Средней Азии, или самостоятельное открытие, но, так или иначе, в VIII в. музы гостили в войлочных шатрах древних тюрок.

БИЛЬГЕ-ХАН

Победа была одержана как над внешним врагом, так и над внутренним: страна была замирена. Однако это было достигнуто не столько карательными экспедициями, сколько изменением внутренней политики. Положение самих победоносных тюрок в 716 г. было не блестящее. Бильге-хан пишет: “Я отнюдь не сел на царство над народом богатым; я сел над народом жалким и низким, у которого не было внутри пищи, а снаружи одежды”⁴⁹. Очевидно, тюркские скотоводы, раз-

бросанные по степи от Кенгу-Тармана до Кадырканской черни (Хинган), стали в значительной степени жертвой повстанцев. Даже в тех случаях, когда им удавалось спастись и добраться до орды, их рогатое имущество доставалось врагам.

Кюль-тегин при захвате власти истребил всех сподвижников и советников Капаган-хана, т.е. лиц наиболее одиозных для токуз-огузов, ибо именно эти люди вдохновили Капаган-хана на политику, вызвавшую восстание. Бильге-хан отмечает, что он изменил метод обращения с народом: “Я не делал огнем и водой присоединившиеся к нам народы”, т.е. старался с ними ладить; а “там, где верные эли и верные каганы, я творил добро. Живущие по четырем углам народы я принудил к миру и сделал их не враждебными, все они мне подчинились”⁵⁰.

Результаты оказались немедленно. Амнистия потушила восстание, что развязало Бильге-хану руки для внешней войны.

Так же удачно разрешил Бильге-хан внутритюркскую проблему. Многие из тюрок были неприятно поражены резней государственных советников во время переворота 716 г. и “начали колебаться”⁵¹. Призвав на службу Тоньюкука, Бильге-хан лишил недовольных вождя. Но помимо этого он указывает, что “поднял к жизни гибнущий народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ”⁵². Добиться этого он мог, только проявляя щедрость при разделах добычи и принимая в орду добровольцев, т.е. переманивая удальцов-наездников к себе на службу. Этим он отнимал активный элемент у противника и усиливал себя и свою орду.

Не менее решительно измерил Бильге-хан внешнюю политику – он добился мира с империей. Немедленно после блестящей победы он обратился к императору, “обещая почитать Сына Неба как сын отца. Император согласился”⁵³. Это был компромисс: такое почитание ни к чему не обязывало хана и давало ему вожделенный покой. Император при этой постановке вопроса оставался номинально гегемоном степи и сохранял престиж. Но ему было необходимо получить от тюрок заложника, и он потребовал одного тюркского вельможу для службы в корпусе телохранителей. Это должно было символизировать признание воинской повинности, которую несли все кочевые подданные империи.

Последняя попытка расправиться с тюрками была предпринята в 722 г. Бильге-хану, Кюль-тегину и Тоньюкуку было послано приглашение приехать в Китай и принять участие в торжественной церемонии жертвоприношения на горе Тай-шань, которое совершал сам император. То, что китайцы задержали бы хана и его спутников как заложников, было очевидно всем⁵⁴, в том числе и самим приглашен-

ным, которые ограничились тем, что поблагодарили за высокую честь. Бильге-хан в ответ потребовал в жены царевну. Император не согласился, так как это означало бы юридическое признание каганата, т.е. признание собственного бессилия. Хан уступил и стал ежегодно отправлять одного вельможу в Чанъянь “на службу”. Хотя мир не был заключен, но осуществлялся явочным порядком.

Наконец, хан проявил уступчивость в территориальном вопросе. Несмотря на высокомерные заявления, что “Туфань (Тибетское царство) от собак происходит, а Кидань и Хи мои невольники и подданные”⁵⁵ и что “тюргешский хан мелкий владетель и притом тюркский вассал”⁵⁶ (однако тюргешскому хану Бильге-хан дал в жены свою дочь “с большими почестями”, а дочь тюргешского кагана вышла замуж за сына Бильге-хана также “с большими почестями”)⁵⁷, Бильге-хан не спешил возвращать себе Семиречье или приобретать что-либо к югу от Тянь-Шаня, где свирепствовали тибетцы. Даже южная Джунгария, населенная тюрками-шато, потомками среднеазиатских хуннов, как перешла в 714 г. под власть империи, так и осталась за нею. Отпали от каганата и саянские кыргызы, что видно из того, что их посольства четыре раза приходили к Сюань-цзуну (713–715)⁵⁸. Единственным следом победы над кыргызами остался балбал, поставленный у могилы Капаган-хана и изображавший кыргызского хана, убитого в 710 году.

Такой уступчивостью Бильге-хан обеспечил своему народу и своей державе-элю двадцатилетний мир – с 722 по 741 год⁵⁹.

МИР

Благодаря гибкой политике Бильге-хана незаключенный мир фактически соблюдался. В 727 г. Тибет снова начал войну против империи и предложил Тюркскому каганату выступить против общего врага. Бильге-хан переслал тибетскую грамоту императору как доказательство своей лояльности и в благодарность за то, что император в 724 г. разрешил открыть меновой торг в Шофане, т.е. Ордосе. Это означало, что корона поступилась частью своих прав и доходов, так как монополия внешней торговли в Китае принадлежала казне, получавшей лошадей за золото и шелк⁶⁰.

Но вскоре имперское правительство вернуло экономические взаимоотношения в старое русло. В 725 г. в ханскую ставку прибыл имперский посол Юань Чжэн, которому был устроен торжественный прием, где с ним вели переговоры все три великих тюрка – Бильге-хан, Кюль-тегин и Тоньюокук⁶¹. Содержание переговоров выясняется из договора,

заключенного в 727 г., согласно которому тюркам за установленное число лошадей ежегодно выдавалось 100 тыс. кусков шелка⁶².

Снова народные массы в Китае и каганате были оттерты от участия в торговле, а отношения между обоими правительствами не могли не обостриться, ибо тюрки желали повышения цен на лошадей, а китайцы – на шелк.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Император направил специальное посольство с манифестом, выражавшим соболезнование. В посольстве были мастера, которые соорудили великолепный монумент на берегу Орхона. Была поставлена статуями сооружен храм, стены которого были расписаны батальными картинами. Надписи на китайском и тюркском языках сохранились и открыты Н. М. Ядринцевым в 1889 г. В них подробно описаны похороны Кюль-тегина. Это интересно, так как показывает размах международных отношений в VIII веке⁶³.

“В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исы и Ликенг [Чжан Кюй и Лю Сян]⁶⁴ и принесли множество даров и без числа золота и серебра; от тибетского кагана пришел белен; от народов, живущих в странах солнечного заката: Согда, Берчекера и Бухары – пришли Нек-Сенгун и Огул-тархан. От народа десяти стрел и от сына моего кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от кыргызского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. В качестве соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбою, пришли чиновники (по П. М. Мелиоранскому, каменотесы, а может быть, художники. – Л. Г.) кагана табгачей и Чанг-Сенгун... Камень... столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы[?].”

Здесь перечислены ближайшие соседи каганата, так как в 732 г. на всех границах был установлен мир. Но отсутствуют послы народов дальних, упомянутых на аналогичных похоронах в 553 г.: народ бокли, или мукри (мохэ), и Пурум-Рим, т.е. Византия⁶⁵.

Второй каганат, несмотря на все усилия и таланты ханов, был только тенью Первого, и при описании похорон Бильге-хана, имевших место в 734 г., вообще не упомянуты иностранцы, а только тюркские вельможи⁶⁶. Отсутствуют также некоторые племена, упомянутые выше: абары, уч-курыканы и отуз-татары. Но это понятно: абары обитали на среднем Или и были завоеваны Капаган-ханом, так что перестали быть самостоятельным народом. Уч-курыканы, предки якутов, отходили от тюрок в сибирскую тайгу и в поддержании отношений со своими врагами не нуждались. По-видимому, также поступали отуз-татары, укрывавшиеся в тайге приамурской. Зато появился новый, загадочный народ берчекер⁶⁷; любопытно, что тюргешский каган назван “сыном”, что предполагает какую-то форму зависимости.

Однако это скорее всего претензия на господство; Тюргешский каганат не зависел от тюркского.

Все это показывает, что тюрки могли и хотели установить в степи мирную жизнь, ибо в VIII веке они начали создавать из варварской орды государство.

УЙГУРЫ НА ЮГЕ

Уйгуры, перекочевавшие на юг, не ужились с китайцами. Хотя управление для них было установлено наиблагоприятнейшее, но оно не исключало произвола и интриг со стороны китайских чиновников. Уйгуры, разумеется, давали отпор, и возникали личные счеты.

Некий Ван Гюнь-чо поссорился с уйгурским главой Чэн-цзуном. Вслед за этим он получил должность правителя Хэси и начал притеснять уйголов – формально на основании закона. Те отправили жалобу, а правитель сообщил в столицу, что Чэн-цзун хочет отложитьсь. Ложь, составленная искусственным бюрократом, оказалась убедительнее правды в устах простодушных кочевников. Чэн-цзуна сослали, и уйгуры вознегодовали.

В это время вспыхнула война с Тибетом, правитель Ван Гюнь-чо отправился в поход. Сын сосланного вождя, Хошу, собрал народ, чтобы отомстить, и из засады убил правителя. Восставшие уйгуры перерезали караванный путь из Китая в Кучу⁶⁸.

Это изложено здесь так подробно для того, чтобы дать представление о порочности выродившейся государственной системы империи Тан. Китайцы и кочевники никак не могли найти общего языка; даже нуждаясь друг в друге, они не умели поладить, ибо их психологии были взаимно чужды. Столкновения возникали стихийно и в конце концов развалили империю Тан. Хошу отступил из Хэси на север вместе со своим народом и снова подчинился тюркам, но вскоре умер. Его заместил сын Гули Пэйло.

Вышеописанное событие имело для уйголов огромное значение. До той поры они были очень нестойким союзом девяти племен. На юг ушли четыре племени: хойху (т.е. собственно уйгуры), киби, сыгие и хунь. Потом к ним присоединились тунло (тонгра) и байси. Но через полстолетия из предгорий Алашана и Наньшаня в Халху откочевал монолитный народ – уйгуры. Общая судьба, постоянные войны, необходимость противопоставлять себя чужеземцам и охранять от грубыx чужих воздействий дорогие традиции быта, религии, культуры искоренили чувство племенной исключительности и спаяли племена в народ.

Однако, будучи чужды китайской и тибетской культурам, уйгуры отличались и от родственных им по языку тюрок. Легенды о происхождении их при всем сходстве различны. Тюрки вели свое происхождение от царевича и волчицы, а уйгуры – от волка и царевны. Деталь, нюанс, – а разница в психологии ощутима.

И в дальнейшем мы увидим, что культуры тюрок и уйгуротов имели разное направление и разную окраску. Например, тюрки лозунгом восстания избрали нежелание отдавать чужому кагану “свои труды и силы”. Уйгуры восстали, чтобы отомстить за обиду, нанесенную их вождю. Опять нюанс, а характерно. Ведь вся этнопсихология складывается из едва уловимых нюансов, и, отбросив их, мы положим исторические факты на прокрустово ложе схемы.

СМЕРТЬ ХАНА

Подобно уйгурам вели себя и кидани. Вождь их, Кэтугань, убил китайского ставленника, князя Шаогу, поставил на его место некоего Кюйлэ и вместе с татабийцами в 730 г. поддался тюркам⁶⁹. Против него была брошена армия из 8 корпусов. Татабийцы подчинились, а упрямые кидани были разбиты в 732 г. Но на следующий год Кэтугань вернулся с тюркским войском⁷⁰. Имперский корпус в 10 тыс. человек с вспомогательными войсками из татабийцев выступил против врага, но во время битвы на горе Тунгкер татабийцы дезертировали и имперцы были перебиты. Вновь назначенный генерал Шеугуй подкупил писаря Кэтуганя, судя по имени – китайца, Ли Го-си. Ли Го-си ночью отрубил головы “Кэтуганю, Кюйлэ и нескольким десяткам сообщников их и возвратился”⁷¹. За услугу Ли Го-си был назначен наместником Сунмо (Сунгарийская провинция), но сподвижники убитого Кэтуганя поймали предателя и изрубили его вместе с семьей на мелкие куски. Восстание продолжалось, и имперский полководец Шеугуй в 734 г. дважды ходил в поход на киданей, разбил их и... не смог подавить восстания. Но его способ борьбы понравился в Чанъани, и в том же 734 г. тюркский вельможа, бывший послом в Китае, которого Сюань-цзун еще в 727 г. богато одарил при личной встрече⁷², отравил Бильге-хана. Хан, умирая, приказал казнить предателя и весь его род. Император, чтобы замести следы, прислал посла с соболезнованием.

Однако войны не возникло. Наследник Бильге-хана, его сын Йоллыг-тегин, вступил на престол при единодушном согласии вельмож каганата. Это был писатель и историк, автор текста двух орхонских надписей. Продолжая политику своего отца, он попытался найти вы-

ход из обострившегося положения и отправил в Китай три посольства. Но вместе с этим он, по-видимому, продолжал поддерживать киданей, так как партизанская война в Маньчжурии продолжалась.

На западе все 30-е годы властвовал хан тюргешей Сулу. Он тратил все свои силы на борьбу с наступающими арабами, за что те прозвали его Музаххим, т.е. “бодатель”. Империя была занята тибетскойвойной и подготовкой к реорганизации армии, поэтому она тоже не форсировала события. Йоллыг спокойно умер в 739 г. Престол перешел к его младшему брату Бильге Кутлуг-хану. Империя признала его и его новый титул – Тенгри-хан. В 740 г. хан отправил ответное посольство в Китай. Кто бы мог подумать, что мир накануне катастрофы?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 272–273.
- ² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 318; *Julien S. Documents...* Vol. 4. P. 455–456; *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 221.
- ³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 365, 372.
- ⁴ *Julien S. Documents...* Vol. 4. P. 454. Надпись Бильге-хана дает этому событию совершенно иное освещение: “...я пошел против Бешбалыка и сразился там шесть раз. Их войско я совершенно разбил. Так как я не тронул имущества жителей города, то ко мне вышли люди из города, чтобы покориться мне. Поэтому Бешбалык спасся” (*Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 21). Это сообщение доверия не заслуживает, потому что цель похода – уничтожение вражеского опорного пункта – не была достигнута не по сентиментальным побуждениям воинственного Могиляня, умевшего расправляться о побежденными. Можно поверить лишь тому, что он шесть раз сумел отбиться от противника и спасти свой отряд, тогда как остальные командиры были разбиты наголову.
- ⁵ Clauson G. The Ongin inscription. Текст и перевод. Перевод Малова несколько отличен, но смысл тот же: “...бывший значительным и божественным утомился [?]. Мы были дурны и негодны, мы малых считали за больших. Он говорил: я воевал. Теперь своим бегам говорил: нас мало, говоря боялся” (*Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 10).
- ⁶ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 36, 39.
- ⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 276.
- ⁸ Там же. С. 273.
- ⁹ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 42; 1959. С. 21.
- ¹⁰ Около р. Толы (см.: *Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 21).
- ¹¹ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 42. Местонахождение Кушгалака, Бол..., горы Чуш, Эзгенти Кадаза не установлено.
- ¹² См.: Clauson G. The Ongin inscription. P. 188–189. На строке 9 стоит *km*, *balika* (С. 182, текст); в примечании на с. 186 указано, что вторая буква может быть *d*, а третья – *l*, *s*, *i* или *a*. Так как ясно, что текст говорит о борьбе против токуз-огузов в 715–716 гг., то легко найти соответствующий текст в надписи Кюль-тегина; это строка 47. Тогда название города восстанавливается *Kds*=Кадаз, где последний раз сражался Кюль-тегин перед опалой. У Малова: “Я напал на многие города, делал набеги, захватил...” (*Памятники...* 1959. С. 10).

- ¹³ Уч-огузы (*Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 21). Ср.: *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 258, где карлуки названы “Три племени” и указано, что их набег был согласован с имперским командованием.
- ¹⁴ “Таншу” недвусмысленно сообщает, что виновником гибели Капаган-хана был генерал армии Да-у Холин-циаунь (*Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 259). Реальным убийцей был байыркуский воин Сечжилю (*Ibid.* S. 670), но именно китаец организовал засаду и потому отмечен в анналах.
- ¹⁵ Н. Я. Бичурин отмечает, что в этом месте “Таншу “есть пропуск в тексте (Собрание сведений... Т. I. С. 306). Добавляем – хронология напутана; мы даем выправленную хронологию.
- ¹⁶ Местонахождение не установлено.
- ¹⁷ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 40; 1959. С. 21. Заключаем это из того, что Маньчжурия осталась за китайцами и в 720 г. кидани и татабы воевали против тюрок.
- ¹⁸ См.: *Clauson G. The Ongin inscription.* P. 189; *Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 10.
- ¹⁹ *Pelliot P. La fille de Mo-tch'o qaghan et ses rapports avec Kül-tegin.* Leiden, 1912.
- ²⁰ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 306.
- ²¹ *Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 20.
- ²² Там же.
- ²³ *Julien S. Documents...* Vol. 4. P. 458, 460.
- ²⁴ Западная Монголия... С. 321–322.
- ²⁵ *Бичурин (Иакинф). История Тибета...* Т. I. С. 159–160.
- ²⁶ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 22.
- ²⁷ Любопытно, что покоряющихся тюрки именуют токуз-огузы, а сопротивляющихся – уйгуры. Очевидно, эти два названия одного народа имели семантические нюансы.
- ²⁸ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 274; *Julien S. Documents...* P. 460–461.
- ²⁹ *Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма...*
- ³⁰ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 274.
- ³¹ Здесь перевод Н. Я. Бичурина не ясен, и неясность не замечена комментатором. Что значит бохуаньский город Даши, осажденный Сулу?! (*Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 295). Шаванн полагает, что это Аксу (см.: *Chavannes E. Documents...* P. 284, № 2).
- ³² *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 256.
- ³³ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 347.
- ³⁴ Там же. С. 274.
- ³⁵ *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 259.
- ³⁶ *Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 22.
- ³⁷ *Radloff W. Die alttürkischen Inschriften...* 1895. S. 268.
- ³⁸ jt. ncai – в переводе ошибочно: im fünften Monate...
- ³⁹ Разобрать слово ᠬ'ΕΣ?Р не удалось, но если предположить, что последние буквы “Р” то это будет окончание монгольского множественного числа, применяемое в орхонских текстах для старой титулованной знати. Если принять эту гипотезу, то, руководствуясь общим смыслом, прочтем: “такие-то [чиновники или офицеры] ходили во владения империи”. У Малова: “Ты ходил на Бабычаг”. В его варианте непонятно, к кому надпись обращена (*Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 53).
- ⁴⁰ gšoj оставлено Радловым без перевода. Можно думать, что это племя кошу (гэшу) из союза нушиби (см.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 289; *Chavannes E. Documents...* PP. 35, 68), которое вошло в состав басмалов, насчитывавших в своем составе сорок родов (*Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 256). В дальнейшем кошу как самостоятельное племя не встречается у Малова: “в [на?] Кушу я добыл рабов”. Для того, чтобы понимать “кушу” как топоним, нет данных.

- ⁴¹ Вариант Малова см. там же. С. 54.
- ⁴² У Малова: “Пусть не ходит в военные походы”. Перевод представляется несколько натянутым и не соответствующим первым строкам надписи. Он звучит, как злая ирония, неуместная в эпиграфии.
- ⁴³ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften... 1895. S. 261–262. Транскрипция и перевод, сделанные в 1895 г., несколько устарели, и, опираясь на изданный текст, мы предлагаем новое чтение:

Транслитерация	Транскрипция
1. Bčin jilka	bičin jylka
2. tkznčj ka	tokuzynč ai ka
3. brdmz p. bsbe	bardnymyz püs (прятаться, укрываться) (Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 409) Bašbalyk (ka)
4. kutlg lp jök	kutlug alp jök (ka)
5. süü rzöl kl....	süü (a) rzal (ärzällik – низость) (там же. С. 366) kölgök (ka) (засада) (Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий; Тулабарский, Теленгитский язык. С. 1274)
6. bolzon nta	bolzen anta
7. kutlg er	kutlug er
⁴⁴ Jök можно понять как тягость, затруднение (отсюда русское слово выюк) и как горная вершина; в последнем случае из текста вытекает, что вождь басмалов, бросив войско, убежал в горы. Оба толкования текста возможны.	
⁴⁵ Перевод Малова в деталях отличен (ср.: Памятники... 1959. С. 48). Различия с предлагаемым мною переводом не принципиальны.	
⁴⁶ Очевидно, из соображений размера во второй строфе, строках 4 и 5, опущен падежный суффикс, подобно тому как в русском языке опускается глагол “быть” в настоящем времени. Это стихотворение предшествует по времени орхонским надписям, где Ф. Корш в заключительных строках видит ритм или, пожалуй, два ритма, которые, впрочем, чередуются безо всякого порядка (Корш Ф. Е. Древнейший народной стих турецких племен. СПб., 1909. С. 1–2). Это последнее замечание совершенно верно, но оно заставляет нас видеть в строках орхонских надписей все-таки не стих, а великолепно обработанную прозу, куда напрашивается ритм. Такова проза “Слова о полку Игореве”, а проза Н. В. Гоголя еще более ритмична. Но наличие ритмической прозы показывает, что ритмическая речь с патетикой, т.е. поэзия, уже была не чужда тюркам; Хойто-Тамирская надпись подкрепляет догадку Ф. Корша. Появившаяся в 1965 г. монография И. В. Стеблевой “Поэзия тюрков VI–VIII веков” содержит попытку доказать, что надписи в честь Кюль-тегина и Тоньюкука написаны стихами и являются героическими поэмами. Несмотря на все усилия автора, мы не смогли уловить того ритма, без которого стих невозможен, и выражаем полное согласие с А. М. Щербаком, утверждающим, что эти надписи по своему характеру не являются поэтическими произведениями (Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении //Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 145).	
⁴⁷ Сообщено М. Салахеддиновой.	
⁴⁸ Крачковский И. Ю. Арабская поэзия //Избранные сочинения. М.–Л., 1956. Т. II. С. 250.	
⁴⁹ Малов С. Е. Памятники... 1951, С. 39.	
⁵⁰ Там же. С. 40.	
⁵¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 273.	
⁵² Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 40.	

Древние тюрки. Часть 2

- ⁵³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 275.
- ⁵⁴ Hirth F. Nachworte zur Inschrift... S. 8.
- ⁵⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 276.
- ⁵⁶ Там же. С. 298.
- ⁵⁷ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 23–24.
- ⁵⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355, 359.
- ⁵⁹ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 260.
- ⁶⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 276; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...S. 454.
- ⁶¹ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 415.
- ⁶² Ibid. S. 395.
- ⁶³ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 43.
- ⁶⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 277.
- ⁶⁵ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 36.
- ⁶⁶ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 23.
- ⁶⁷ С. Г. Кляшторный полагает, что это согдийцы из Семиречья (Согдийцы в Семиречье //СЭ. 1959. № 1. С. 7–11).
- ⁶⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 306.
- ⁶⁹ Там же. С. 367; чтение имен см.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 670.
- ⁷⁰ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 23.
- ⁷¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 367–368.
- ⁷² Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 420.

XXIV. Голубые тюрки о себе

ПАМЯТНИК КЮЛЬ-ТЕГИНУ

Сожженный прах Кюль-тегина был скрыт великолепным памятником, построенным китайскими мастерами, присланными императором Сюаньцзуном. Развалины этого сооружения были открыты, как уже говорилось, в 1889 г. Н. М. Ядринцевым¹, изучались в 1891 г. В. В. Радловым², неоднократно посещались разными путешественниками и, наконец, были детально описаны чешским археологом Йислом, обследовавшим памятник во время работ совместной археологической экспедиции Чехословакии и Монгольской Народной Республики в 1958 году³.

Экспедиция в 1958 г. составила план памятника⁴ и дала описание, позволяющее произвести его приблизительную реконструкцию.

Все сооружение, размерами 80x40 м, вытянуто с востока на запад. Оно обведено рвом, прерывающимся перед воротами и стеной из глины, которая была крыта черепицей, оштукатурена и побелена. У ворот — две статуи баранов из мрамора, обращенные друг к другу. За ними мощеная дорога и пруд для дождевой воды с керамической трубой, которая отводила излишек влаги. За ним, на спине мраморной черепахи (китайский символ вечности), была укреплена знаменитая стела с надписью. По мнению археолога, стела помещалась в павильоне, крытом черепицей; стены павильона были оштукатурены и побелены. Дорога идет от павильона к храму; по бокам ее стояли статуи сановников и слуг в натуральную величину, составляя как бы почетную стражу. Храм в плане квадратный, 10,25x10,25 м. Его белые стены бы-

ли украшены красными разводами; крыша черепичная, окаймленная перламутром; на стенах терракотовые маски драконов. Внутри храма помещался жертвенник с очагом и мраморные статуи Кюль-тегина и его жены.

Голову статуи Кюль-тегина удалось найти. Она выполнена вполне реалистически: монголоидные черты – складка, монгольское веко, низкий прямой нос и косой разрез глаз не оставляют места для сомнений в расовой принадлежности рода Ашина. На голове венец с пятью зубцами, на котором изображена птица, похожая на орла. Лицо Кюль-тегина проникнуто сосредоточенным спокойствием; очевидно, художник видел натурку уже после смерти.

От головы жены Кюль-тегина сохранился только фрагмент, также с подчеркнутыми монголоидными чертами. Особенно замечательны крепко сжатые губы, характеризующие эту женщину как особу волевую и решительную.

К памятнику тянется цепь балболов на целых три километра от цайдамских соленых озер. До нашего времени уцелело 169 балболов, но, по-видимому, их было больше. Некоторым балбалам придано грубое подобие человека, обозначены руки, намечен пояс. Вдоль рва на восток тянется и вторая цепь балболов, что дало Йислу повод предположить, что они окаймляли стену по кругу⁵. Думается, однако, что это скорее другая вереница, относящаяся к другому покойнику, может быть похороненному тут ранее.

ОРХОНСКИЕ ТЕКСТЫ, ВРЕМЯ ИХ СОСТАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ

В нашем распоряжении имеются два памятника: надгробие Кюль-тегина, содержащее две надписи – малую и большую, и надпись Тоньюкука на берегу Селенги. Параллельными текстами являются китайские эпитафии Кюль-тегину и Бильге-хану, увековеченные там же на берегу Орхона⁶. Второй памятник сохранился фрагментарно, но первый по своей полноте представляет значительный интерес.

Первый вопрос, который нужно выяснить, – датировка. На большой надписи Кюль-тегина проставлена точная дата сооружения памятника: “год обезьяны (732), седьмой месяц, двадцать седьмой день”⁷. Ту же дату приводит и китайская эпитафия⁸. Китайский текст был, как яствует из его содержания, составлен тогда же, по случаю похорон и сооружения надгробия. Однако это не время составления или публикации тюркского текста, так как в надписи историческое повествование доведено только до 716 г. и обрывается на самом интересном месте. Переворот, совершенный Кюль-тегином, и убийство

его двоюродных братьев не упомянуты, и, очевидно, не случайно. Вместе с этим текст надписи составлялся не позже 719 г., так как великие победы 720 г. не описаны и отсутствует даже имя басмалов. Значит, мы можем заключить, что текст, увековеченный на камне в 732 г., был составлен между 716 и 720 гг., скорее всего в 717–718 гг. В это время Бильге-хан, восстанавливая потрясенную державу, обращался к широкой общественности. Этим объясняется и исторический экскурс вначале, и увершевания бегов и народа, и весь программный характер надписей, большой и малой, несмотря на то что до смерти Куль-тегина, т.е. за 14 лет, к тексту была добавлена лишь эпитафия Куль-тегину. Очевидно, сам текст рассматривался как литературное произведение, не подлежащее переделке. Из этого мы можем заключить, что обращение к народу действительно дало Бильге-хану хорошие результаты, так как стало популярным – в противном случае обязательно текст был бы при увековечении на камне модернизирован, т.е. дополнен.

Однако ни один историк не упустил бы случая дополнить фактическим материалом свое сочинение. Йоллыг-тегин не составил исключения. В эпитафию Бильге-хану он включил все те сведения о битвах и походах, которые он опустил в надписи Куль-тегину. Здесь он упоминает о походе на Тангут в 700 г., о покорении чиков в 709-м, об отступлении неразбитого отряда тюрок из-под стен Бишбалыка в 714-м, о сражении с токуз-татарами при Агу в 715-м, о покорении уйголов в конце 716 г., о победах над татабами и карлуками в 717-м, о разгроме имперских войск при Лянчжоу в 720-м и о последующих походах на киданей и татабов в 721–722 и 733 гг. Особенно интересно упоминание о перевороте и резне в 716 г. в выражениях завуалированных и обтекаемых. Это место наиболее значительно, так как с него начинается вся эпитафия⁹. Зато события, изложенные в надписи Куль-тегина живо и простирающе, здесь скомканы, так как старое повторять неинтересно. Повествование доведено до конца жизни хана, умершего в 734 г., и даже дальше, так как описаны его похороны в “год свиньи, в пятый месяц в двадцать седьмой день” [лето 755 г.]. Текст надписи составлялся в это время “месяц и четыре дня”¹⁰. В данном случае Йоллыг-тегин имел опыт и подражал самому себе, что часто бывает с писателями. Итак, мы можем рассматривать эпитафию Бильге-хана как продолжение и дополнение к надписи Куль-тегина¹¹.

К тому же времени, что и надпись Куль-тегина, относится надпись Тоньюкука. Составлена она после 716 г., так как обращается к “народу Бильге-кагана”¹² и до 720 г., ибо о заслугах мудрого Тоньюкука в борьбе с басмалами в надписи ни слова ни сказано. Больше того, надпись составлена тогда, когда Тоньюкук был в опале и обращением

к народу стремился заставить хана признать свои заслуги и вернуть его ко двору. Добился он этого в 719 г., когда Сулу получил из Китая титул хана¹³. Следовательно, текст надписи был составлен в 717–718 гг., и мы имеем редкий случай сохранности двух полемизирующих надписей на одну тему.

Третий документ – “Онгинский камень” – установлен в год дракона¹⁴, т.е. в 716 или 728 г.¹⁵ Первая дата невероятна, хотя события в нем описаны лишь до вступления на престол Бильге-хана, т.е. до 716 г. Но составленный в 716 г. текст был выбит на скале 12 лет спустя¹⁶. Этот памятник был сильно попорчен, что затруднило чтение и введение его в научный оборот, но имеющаяся реконструкция текста позволяет причислить его к надписям Кюль-тегина и Тоньюкука как третий опус того же жанра. Он содержит апологию Алл Эльэтмиша, умершего в 719 г. (в год овцы). В надписи заповедано сыновьям и младшим братьям покойного хранить верность Бильге-хану, к которому он передался во время переворота 716 года¹⁷. По направлению этот документ примыкает к надписи Кюль-тегина¹⁸.

ЖАНР

Все три надписи представляют обращения к широким слоям тюркского общества. Причем цель этих обращений ничем не замаскирована, народ хотят убедить. Значит, надписи – агитация, и исторический материал приводится в них выборочно. Поэтому для нас особенно ценно, что в “Таншу” дано параллельное изложение хода событий. При проверке оказывается, что события изложены довольно верно, но неполно. Это понятно, так как в агитационном документе беспристрастие не только неуместно, но и противопоказано. Самое наличие такого жанра убеждает в том, что сила слова у тюрок считалась реальной силой. Следовательно, общество было развито и общественное мнение уже существовало.

КОМПОЗИЦИЯ

Изучение композиции надписей дает возможность сделать интересные выводы. Выше было указано, что надписи Йоллыг-тегина и Тоньюкука – полемические документы. Сравнение их композиций не оставляет в этом сомнений¹⁹.

На этом фоне любопытна надпись Алл Эльэтмиша, старающегося изо всех сил “угодить начальству”. Начинается с офици-

альной трактовки истории; затем он указывает на своих чиновных родственников; потом подчеркивает, что он и Капаган-хану и Эльтерес-хану был верен, а уже Бильге-хану будет верен тем более. И даже детей в этих принципах воспитывает. Короче говоря, он стремится убедить читателя в своей полной лояльности, что, видимо, необходимо, так как не кто иной, как он принял командование у Кюль-тегина после битвы при Кадазе. Это один из уцелевших сторонников Мочура.

Йоллыг-тегин

- Автор представляет читателям хана и его сподвижников (§1—2).
- Краткое перечисление войн Эльтерес- и Капаган-ханов (§3—4).
- Критика китайской культуры (§5—6).
- Критика поведения народа (§ 6—9).
- Указание на заслуги хана перед народом (§10): “Став каганом, я поднял неимущий народ, сделал его богатым, многочисленным. Разве есть неправда в моей речи?”
- Назначение надписи: “Знайте, тюркские беги и народ...” – и подпись автора: “Эту надпись писавший есть внук его Йоллыг-тегин” (§13).

Бильге Тоньюкук

- Автор представляется сам: “Я, мудрый Тоньюкук...”, и т.д. (§1).
- Экскурс в историю Первой Эльтерес- и Капаган-ханов (§1—3).
- Критика талантов Кутлуга (§ 4—7).
- Ссылка на небольшое количество народа (§ 6).
- Перечисление походов, возглавляемых Тоньюкуком (§8—48): “Я был предводителем войск, я не спал по ночам, не имея покоя днем, проливая красную кровь, проливал черный свой пот, я отдавал народу работу и силу, длинные военные набеги” (§52).
- Подпись автора и назначение надписи: “Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать для народа тюркского Бильге-кагана. Ради стараний Эльтерес-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров” (§ 61).

Алп-Эльэтмиш

- Автор дает всю свою генеалогию (§3—4).
- Экскурс в историю первого каганата (§1—3).
- Клятва верности: “Я воспитан для эля Капагана и Эльтереса” (§3—4).
- Резкое осуждение поведения народа (§ 6—9).
- Указание на верноподданничество своего отца (§5—6) и на свое (§10).
- Назначение надписи: наставление детям хранить верность Бильге-хану (§3) и обращение сына к погребенному отцу (§4).

Таким образом, мы видим композиционный параллелизм при диаметрально противоположной трактовке одного и того же материала. Йоллыг-тегин превозносит хана; Тоньюкук прямо указывает, что хан был неумен, “не знает, где жирный бык и где тощий”²⁰. Йоллыг-тегин поносит китайскую культуру; Тоньюкук заявляет, что он сам в ней воспитан и она ему не повредила. Йоллыг-тегин бранит бегов за склонность к измене; Тоньюкук возражает: “на свой тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу”²¹.

Число примеров можно умножить, но довольно и этого²². Надписи Йоллыг-тегина и Тоньюкука могут изучаться только во взаимной связи, так как они содержат полемические выпады двух партий внутри орды²³: опальных принцев и преуспевающих вельмож.

Когда же Тоньюкук помирился с Бильге-ханом, он заговорил по-другому: “Могилянь хотел обвести орду стеною и построить храмы Будде и Лао-цзы. Тунюйгу сказал: “Тюркский по численности не может сравниться с сотою долей народонаселения в Китае и что он может противостоять сему государству, этому причиной то, что тюрки, следя за травою и водою, не имеют постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах. Когда сильны – идут вперед для приобретения, когда слабы – уклоняются и скрываются. Войска Дома Тан многочисленны, но негде употреблять их... Сверх того, учение Будды и Лао-цзы делает людей человеколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными”²⁴.

Лукавый царедворец пел то, что было мило его владыкам и соответствовало существующей политической моде, а в моде при Бильге-хане была седая старина. Придворная ловкость Тоньюкука видна в самой надписи. Там он без стеснения приписывает себе все лавры умерших ханов, но по поводу живущего замечает: “Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов”²⁵.

Большая надпись Кюль-тегина содержит два тематических повествования: историю тюрок с 550 по 718 г. и некролог Кюль-тегину. Повествование ведется от лица самого Бильге-хана, но писал его скорее всего Йоллыг-тегин. По идеологии большая и малая надписи идентичны.

Первое повествование начинается с сотворения мира; затем идет упоминание о заслугах первых ханов и распаде Первого каганата. Весьма кратко, но выразительно изложена история подчинения тюрок империи Тан, и одной фразой упомянуто о восстании Фуняня. Затем выступает спаситель Ильтериш-хан; для него автор не жалеет похвал. Войны Капаган-хана весьма скомканы, а затем идет нотация народу, который сделал “низость по отношению к кагану”, из-за которой тот “улетел”, т.е. умер. Заключен текст описанием заслуг самого Бильге-хана

(больше внутренних реформ, чем военных предприятий). Опять-таки о войне 720 г. и о басмалах нет ни слова, поэтому надо считать, что текст составлен до 720 г., но, поскольку в числе врагов упомянуты кидани и татабы, можно думать, что большая надпись писалась в 718–719 гг. – на год позже малой и Тоньюкуковской надписей.

В этой части надпись Кюль-тегина композиционно и идеологически повторяет надпись Йоллыг-тегина. Поэтому напрашивается мысль, что первой была малая надпись, на нее ответил Тоньюкук, а для ответа ему был составлен текст большой надписи. Но это только предположение.

Вторая часть – некролог Кюль-тегину. Следует отметить, что возраст Кюль-тегина в момент смерти его отца Кутлуга дан переводчиком предположительно – 7 лет, но это неверно, ибо Кюль-тегину тогда, в 693 г., было 9 лет, а может быть, уже исполнилось 10²⁶. Дальше идет подробное описание походов с 700 по 716 г. Даны цифры убитых Кюль-тегином врагов и имена его коней. Очевидно, эта часть текста была составлена в 717 г. на предмет реабилитации Кюль-тегина после резни, учиненной им в 716 году. Поэтому так тщательно выписаны его подвиги в борьбе с внешними врагами. К этому тексту “привешен хвост” – оплакивание Кюль-тегина и описание его похорон. Никакой логической связи между последним подвигом, совершенным в 716 г., и смертью Кюль-тегина в 731-м нет, зато имеется неоправданный хронологический разрыв в 15 лет. Объяснить это можно только тем, что готовое литературное произведение – прижизненная апология – было приспособлено в качестве эпитафии. Для этого изменен был конец. Надпись заключена датой смерти Кюль-тегина и описанием его похорон. Тексты агитационных воззваний былиувековечены в назидание потомкам. Полемика превратилась в дидактику.

НАДПИСИ КАК ИСТОЧНИК

Теперь перейдем к наиболее важному для нас вопросу: можно ли доверять тому, что содержится в надписях, и если можно, то в какой мере? Как мы видели, надписи составлялись людьми пристрастными и ставившими задачей не выяснение истины, а достижение своих целей. Поэтому оценки Йоллыг-тегина и Тоньюкука не могут быть справедливыми. Ход событий тоже изложен неполно: целый ряд фактов, изложенных в “Таншу”, в надписях не упомянут. Но вместе с тем в надписях содержится множество сведений, рисующих нам культуру тюрок в VIII веке. Их религия, исторические и географические познания, их идеалы, вкусы и, наконец, боевая тактика и система органи-

зации отражены в надписях с полнотой, превосходящей китайские сведения. Так как во время составления надписей эти предметы были общеизвестны и недискутабельны, то о них упоминается между прочим, и этим исключается сознательное искажение. Здесь верить можно, а также на базе надписей можно дать очерк культуры и идеологии тюрок.

Политические и стратегические проблемы истории каганата были разобраны выше, причем в качестве корректирующего источника привлекалась “Таншу”. Поэтому мы больше не будем их касаться, а сосредоточим наше внимание на тех сторонах духовной жизни тюрок, которые до сих пор ускользали от нашего внимания, и на оригинальности древнетюркской культуры накануне ее гибели.

война

Второй тюркский каганат был военной державой, и потому война довольно хорошо изображается в надписи Кюль-тегина.

Облик тюркского богатыря весьма напоминает рыцаря из “Песни о Роланде”, как и тактика боя. Бой решался атакой тяжеловооруженных всадников, лавой, являющейся развернутым строем, при котором между всадниками настолько значительны интервалы, что фактически каждый боец предоставлен самому себе. Следовательно, успех боя зависит от индивидуальной подготовки каждого отдельного бойца.

Выше уже говорилось, что тут Кюль-тегин весьма отличался. “Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелою, двух мужей заколол копьем. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку – сломал ему бедро”²⁷. Затем он садится на серого коня Башгу и врывается в ряды тюргешей, на белом коне Шалчи он заколол двух карлуков. В битве с изгиллями он потерял коня Шалчи и на белом Азмане заколол шесть огузов и мечом зарубил седьмого. Защищая орду в 716 г., он “на белом Огсизе заколол девять мужей и не отдал орды”²⁸.

Итак, поединок составлял важную часть боя. Если учесть, что богатырей всегда не очень много, то понятно, что при такой тактике вывести из строя богатыря значило больше, чем порубить десяток простых воинов. Богатыри составляли ударную часть войска, смерть их обычно вела к панике и поражению.

Но этот примитивный способ ведения боя не исключал маневра – обхода (вспомним головокружительные марши через снег глубиной в копье и вплавь через Иртыш). Фактор неожиданности широко использовался тюркскими военачальниками.

Очень жаль, что нет возможности установить хотя бы приблизительно численность отдельных армий. Мы не вправе верить китайским преувеличениям — армии в сотни тысяч нечем кормить в степи. В надписи Тоньюкука численность тюргешей в Ярышской степи определена в 100 тыс. человек. Это, разумеется, нельзя понимать буквально. 100 тысяч — “тьма-тьмущая” — множество. В другом же месте Тоньюкук дает произвольное преуменьшение, определяя силы тюрок в 697 г. в Отюкенской черни в 2 тыс. человек. Впрочем, он тут же объясняет, что подразумевает два отряда войск²⁹.

Ожесточение при войне было сильным, — не щадили ни женщин, ни детей. Их обращали в позорное рабство или просто убивали³⁰. Обычно при межплеменных войнах у народов, стоящих на ранних стадиях развития, женщины неприкасновенны.

ИДЕОЛОГИЯ

Официальная идеология каганата зиждалась на двух принципах: отрицание китайской культуры и сознание собственного превосходства над соседями. Оба эти принципа осуществлялись весьма последовательно и обусловили как возрождение, так и гибель державы голубых тюрок.

По первому вопросу Йоллыг-тегин и Тоньюкук единодушны. Йоллыг-тегин пишет: “У народа табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта [или зерна] и шелка, речь сладкая, а драгоценности мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они весьма сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование”³¹.

Что это за “мудрование”, объяснено в надписи Кюль-тегину: “...вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщений, а также вследствие того, что они [табгачи] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, — тюркский народ привел в расстройство свой существовавший эль”³². Тоньюкук лаконичен: “Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры табгачской... Хан сказал: “приставайте ко мне”. Я был к нему приставшим — мудрый Тоньюкук”³³. Тоньюкук сделал выбор и бросил город ради степи.

Китайская надпись также отмечает наличие идеиного направления у тюрок, которое можно было бы назвать воинствующим пессимизмом. Чтобы соблюсти свое достоинство, она предлагает весьма натянутое объяснение неприятию китайской культуры: “Его [Кюль-те-

гина] почтительность к родителям, дружелюбие ко всем прославились в отдаленных странах, его величие и добродетель заставили его бояться изменить нравы”³⁴. Это вежливое, хотя довольно кислое, объяснение важно лишь потому, что оно подтверждает факт сознательного отталкивания от чужой культуры, которой противопоставляется собственная старина.

Этот момент чрезвычайно важен: здесь не только борьба государств, но борьба культур, борьба двух мировоззрений и мироощущений. Великая степь манифестом заявила свое право не быть Китаем, а быть только собой. Такая борьба велась еще со времени хуннского Модэ-шаньюя, но здесь она сформулирована и зафиксирована в документе. Чтобы не поддаться обаянию Китая, нужны были сверхусилия, и их сделали голубые тюрки: Кутлуг, Тоньюокук, Кюль-тегин и Йоллыг-тегин.

Но если первый принцип мог быть популярен среди кочевников, подчиненных элю голубых тюрков, хотя он и был по карману, лишая китайских подачек, то второй принцип был полностью неприемлем и даже оскорбителен. Тюркский эль, монолитный внутри себя, должен был по идеям его основателей господствовать над прочими племенами. Тоньюокук как свою заслугу отмечает, что он всю жизнь “приобретал” и “возвышал тюркский народ”³⁵. “Порядок”, заведенный тюркским ханом, заключался в том, что “наши рабы стали рабовладельцами, а рабыни рабовладелицами”³⁶.

Бильге-хан заявил: “Туфань (Тибетское царство) от собак происходит, а Кидань и Хи мои невольники”³⁷. Тюргешского хана тюрки считали вассалом, и на пирамиде в Чанъани тюркский посол отказался сесть ниже тюргешского³⁸. Высокомерие тюрок вытекало из сознания своей миссии – организации степи и строительства оригинальной культуры, но оно было связано с эксплуатацией и даже экспроприацией подданных, а это заставляло последних искать спасения в союзе с империей, что предрешало гибель Каганата.

Но посмотрим, какова была культура, которую длинными копьями и острыми саблями проповедовали голубые тюрки.

ИСТОРИЯ

Никакое развитие культуры немыслимо без знания своей истории и определенного отношения к ней. Эра летосчисления, если она не заимствована, знаменует начало исторического процесса этногенеза, т.е. с этой даты начинается существование данного народа, все, что происходило до того, для данного народа будет предысторией.

Тюрки исчисляли свое существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-тегина начинается с исторического экскурса: “Когда было сотворено [или возникло] вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены [или возникли] сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган”³⁹. Таким образом, начало мира датируется точно началом VI в. н.э. Значит, мир существует всего 200 лет. Здесь прежде всего нужно отметить, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. История Срединной Азии не может быть нам понятна, если мы не учтем двух разрывов традиции: между Хунну и Тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингисхана. В перерывах лежат периоды обскурации. Но для китайцев история представлялась прямой линией, непрерывной цепью событий. Поэтому китайский текст эпитафии дает совершенно иную историческую концепцию, видимо тоже рассчитанную на пропаганду. Прежде всего прокламируется первоначальная общность человечества, разорванная лишь игрой слепых сил *инь и ян*⁴⁰. Эта точка зрения весьма устраивала императоров династии Тан, так как их объединительные стремления клонились, таким образом, лишь к восстановлению первоначальной идиллии. Затем тюрки названы потомками хуннов и сделан упор на тот период, когда хунны находились в подчинении Китая, что, вообще говоря, для истории обоих народов было эпизодом. Тут явный расчет на необразованного читателя. Завоевание первого Тюркского каганата в 630 г. представлено как устранение беспорядков, причем военные подвиги становятся не нужны. История восстановления каганата и последующих войн деликатно опущена, но констатируется установление мирных отношений, когда “вторжение и беспокойства больше не делались, лук и стрелы уложились в колчан, им [türkam] не было от меня [императора] забот, мы не знали от них обманов”⁴¹. Дальше оказывается, что “каган как бы мой сын”, т.е. устанавливается не форма зависимости, которую не удалось осуществить, а “привязанности и почтительности”⁴².

Историческая перспектива была привлечена для обоснования принципов современной политической линии, но, разумеется, сами китайцы эпитафию Кюль-тегину к числу исторических сочинений не относили.

Для нас важно другое – наличие научно-исторической полемики в VIII в. и характер ее. Подход тюрков к собственной истории весьма отличен от китайского.

Второе интересное обстоятельство – это несоответствие трактовки возникновения тюрок в надписи и в китайских хрониках⁴³. Китай-

цы передают две мифические версии, согласно которым тюрки произошли от малолетнего царевича и волчицы. В надписи вместо мифа и сказки стоит глагол *qylyn* – делаться, быть сделанным⁴⁴.

Китайская эпитафия повторяет именно эту трактовку этногенеза, явно предпочитая ее старинным записям легенд. Теперь происхождение тюрок увязывается со страной Динлин, где “герои во множестве возникали”⁴⁵, т.е. осмысление явления становится примитивно-материалистическим, констатацией свойств местной природы. Можно думать, что в обоих случаях были зафиксированы тюркские представления, что дает основание констатировать у тюрок прогресс научной мысли. За 200 лет своей истории они, видимо, одолели перевал от мифического, образного мышления к историческому и рациональному.

Затем идет история Первого каганата, изложенная весьма поверхностно. Однако отмечен тюркский “лестничный” порядок престолонаследия: “После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами”. Дальше идет ламентация по поводу “непрямоты правителей и народа” и “прельщений” табгачей. Тюркский народ обвиняется в том, что “привел в расстройство свой эль и навлек гибель на кагана”, в результате чего должен был 50 лет отдавать труды и силы табгачскому кагану. Табгачей в этом надпись не обвиняет, так как они враги и, следовательно, должны вредить, а раз так, то они поступают как должно и ни в чем не виноваты. Этим и заканчивается история Первого каганата.

Однако скучность исторических сведений в надписи нельзя рассматривать как общее невежество. Наряду с надписью, вероятно, существовали не найденные нами или утраченные тексты иного содержания. Ведь большая часть рунических текстов делалась на дереве и истлела⁴⁶.

История немыслима без хронологии. Переход от циклического времени к протяженному – это переход от примитива в историю. В VI в. тюрки еще не имели летосчисления, “а замечали времена только по зелени травы”⁴⁷. В VIII в. у тюрок уже был принят “звериный цикл”, т.е. каждый год носил имя зверя и через 12 лет повторялся. Такое исчисление времени существует и теперь у всех народов Средней и Восточной Азии. Происхождение звериного цикла – вопрос особый и пока не решенный. Можно только сказать, что он южного происхождения, так как среди зверей есть обезьяна. Принятие тюрками звериного цикла указывает на рост международных связей и заимствований.

Наряду с этим циклом существовала “живая хронология”, например: “когда Кюль-тегину было 26 лет, мы предприняли поход на кыргызов”; или: “В этом сражении Кюль-тегин был 30 лет”; или: “когда на престоле сидел мой дядя-каган”, и т.д. Можно предположить, что

“живая хронология” была переходной формой от сезонного цикла (от весны до весны) к звериному циклу. До эры тюрки не додумались.

У тюрок была философия истории и даже различимы два ее направления. Воспитанный китайцами Тоньюокук – прагматик. Он полагает, что все сделал сам, так как он стремился к благу тюркского народа и хана. На первом месте Я – чистый волюнтаризм! Не исключен и религиозный момент: “Тэнгри”⁴⁸ [небо, божество] дало мне знание”⁴⁹, но на земле Тоньюокук разбирается сам, это почти деизм. Вот тут-то и сказалось китайское воспитание, полученное Тоньюокуком. Почти такое же понимание механики исторического процесса мы видим в китайской надписи на фоне бессмысленной борьбы сил инь и ян. Тайцзун устраниет беспорядки и вводит просвещение; здесь принцип волюнтаризма выражен еще более четко.

Совсем иной подход у Йоллыг-тегина. Он теист. Когда тюрки шли к гибели, “Тэнгри тюрков и священная Земля – Вода тюрков так сказали: “да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет”⁵⁰. Затем Тэнгри руководит Ильтериш-ханом и возвышает его, дает силу его войску и обеспечивает победу над соседями. Тэнгри может не только миловать, но и давить сверху, и земля тогда разверзается, но благосклонность Тэнгри можно вымолить⁵¹, и оно поможет, ибо “время, [т.е. судьбу], распределяет Тэнгри”⁵². Законный хан мыслится как “Тэнгриподобный, в Тэнгри возникший тюркский мудрый каган”⁵³. Как видно, набожный человек был Йоллыг-тегин!

ГЕОГРАФИЯ

Географические познания голубых тюрок были гораздо шире ареала их воинственных набегов. На востоке кроме киданей, татабов (хи) и отуз-татар⁵⁴ – древнемонгольских племен Маньчжурии – тюрки знали приамурский народ мукри⁵⁵.

На востоке от тюрок, недалеко от моря, орошенная Мутно-Желтой, или Морской, рекой⁵⁶, лежала “Шантунгская равнина”. Это северо-восточный Китай.

На юге тюрки знали два крупных государства: Китай, который они называли Табгач, и Тибет.

Познания о Сибири⁵⁷ у тюрок были невелики. Очевидно, тайга их не привлекала. Они знали только племена и народы, жившие на границе со степью: байырку в Восточном Забайкалье, курыканов, в то время живших около Байкала, кыргызов в Западных Саянах и карлуков на Верхнем Иртыше. Название Иртыш (в надписи “Artis” сохранилось до нашего времени).

Значительно больше упоминаний о западных странах. Среднюю Азию голубые тюрки называли Согдак; Сырдарья именуется Йенчу, Жемчужная река, а проход Бузгала-Темир-Капыг – Железные ворота. Большие города названы собственными именами, например Бухара. Из не граничивших с тюрками областей упомянуты Курдан, т.е. пустыни северной Туркмении, тохары, tazik – арабы и Пурум-Рум (Рим), т.е. Византийская империя. Такой широкий диапазон географических знаний голубые тюрки унаследовали от тюрокотов Первого каганата. Хотя западные связи тюрок были оборваны, но знания передавались по традиции и накапливались, т.е. шел рост тюркской культуры.

Кроме перечисленных, в надписях встречаются названия, которые пока не поддаются расшифровке: загадочный народ азы обитал в северо-западной Монголии, рядом с ним жили изгили(?) и сомнительные берчекер. Абары, упоминаемые в надписи Кюль-тегину, слились с исчезнувшим народом мукри.

О народе мукри упоминает Феофилакт Симокатта в своей “Истории”⁵⁸. Он считает мукри близкими к “таугастам”, т.е. тобасцам, и очень воинственными. Это племя мы находим в составе тюргешей в тесном сожительстве с родами согэ и алишэ.

Шаванн полагает, что мукри=тou-ki относится к той тунгусской группе, которая китайцами именовалась мохэ⁵⁹.

Маркварт⁶⁰ отождествляет мукри с меркитами. Однако обоими этими исследователями оставлен без внимания народ мекрин, или мукрин. Мукри в VII в. в китайских анналах называются мохэ и составляют один из разделов тюргешей, населяя вместе с согэ верховья Или и северный Тянь-Шань вплоть до Хами. В самом деле, мукри не могут быть меркитами как потому, что перестановка согласных ничем не оправдана, так и потому, что меркитов никак нельзя назвать народом, близким к Чань-ани-Таугаст. Мукрины же тесно соприкасались с западной границей империи Вэй на восточных отрогах Тянь-Шаня и Бейшаня. По-видимому, г. Мохэ, находившийся между Гученом и Урумчи, назван так по имени обитавшего здесь племени⁶¹. Вытесненные карлуками из долины Или, мукри удержались на южной окраине своей области в северных отрогах Тянь-Шаня.

Рашид ад-Дин сообщает о них следующее: “Племя бакрин, их также называют мукрин. Жилище их находится в стране Уйгурستان, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры”⁶². Согласно Рашид ад-Дину, несовпадение произношения зависит от разницы диалектов; тот же народ называют также кабрин по той же причине. Относятся они, согласно Рашид ад-Дину, к степным племенам, похожим на монголов, происходящим от племен дядей мифического Угуз-хана. В этот раздел входят керайты, найманы, онгуты, тангуты, бакрины и кирги-

зы, т.е. разнообразные племена, этническая принадлежность которых различна и весьма неясна⁶³. В тех же выражениях сообщает о мукринах Абуль-Гази⁶⁴, восходя, очевидно, к Рашид ад-Дину⁶⁵. Наконец, о мукринах упоминают Плано Карпини и Мин ши⁶⁶.

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угедея, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда пала власть чагатайских ханов и в степи организовался узбекский племенной союз, то в числе племен, в него вошедших, были мукрины⁶⁷. Ныне мукринов нет, хотя Грумм-Гржимайло в 1896 г. встретил в Карлыктаче остатки какого-то племени, говорившего на смеси монгольского, китайского и тюркского языков⁶⁸, но были ли это последние мукрины или кто другой, решить невозможно.

Кенгересы, с которыми воевали тюргеши, не кто иные, как печенеги, обитавшие в низовьях Сырдарьи⁶⁹ и до перехода на запад называвшиеся “кангар”, что означало благородство и храбрость⁷⁰.

Наконец, Тоньюкук называет свой народ тюрко-сирским – túrk-sir-budun. Попытка Хирта⁷¹ представить название *sir* как китайское *ce*, составную часть этнонима сеяньто, опровергнута Г. Е. Грумм-Гржимайло, но укоренилась в науке благодаря некритическим работам А. Н. Бернштама. Оставим вопрос о сирах пока открытым.

Западные тюрки всегда называются десятистрельным народом. Это не этноним, а след административной деятельности западнотюркотатарского хана Ышбара Толис-шад-хана в 635 году. Алты чуб, или шесть чубов, интерпретируются как чуйские племена, потомки среднеазиатских хуннов: чуюе, чуми, чумугунь, чубань; из них чубань в середине VII в. разделились на две части⁷², а из чуюе выделились шато.

Чуюе (Cub) упоминаются непосредственно в китайской надписи как западные соседи тюрок, что дает основание для предлагаемой интерпретации⁷³.

Итак, географические познания голубых тюрок по охвату уступали лишь китайским и греческим, но безусловно превосходили современные им западноевропейские.

УСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Продолжая анализ данных этнографии, мы должны обратить свое внимание на фольклор, но большая часть былинных сюжетов если даже и восходит к древним эпохам, столь переработана в ойратское время⁷⁵, что использование фольклорного материала для исторического исследования должно быть сопряжено с предельной осторожностью.

Однако некоторые элементы фольклора все-таки можно датировать даже тюркотским временем. Среди былин, записанных у сказителя Н. Улагашева, одна – “Сай-Солонг” содержит детали, восходящие к глубокой древности. Сюжет былины прост и неоригинален: богатырь совершают подвиги, побеждает бесов и врагов. Важно другое: в изложении Улагашева есть купюры, о чем говорит, например, неиспользование героем чудесного средства – эрдэнэ, данного ему сестрой, или употребление слов, не встречающихся в алтайском языке, например, “эрмен”. Но самое главное, что на помощь герою-алтайцу Сай-Солонгу приходит богатырь Ирбис-буркан (может быть, бурхан?)⁷⁶; это, по мнению комментатора, “свидетельствует, что в основе былины лежит древний миф”.

Этот Ирбис-буркан сообщает о себе следующее: “Сквозь толстую скалу пробиваясь, сам я на свет вышел”⁷⁷. Комментатор пытается объяснить это как мотив, общий многим народам, в частности, кавказским, но проводимые им аналогии с легендами об Амиране и Мгере Младшем⁷⁸ обратны саге об Ирбисе: на Кавказе богатыри входят в гору, а Ирбис выходит из нее. Кроме того, связь Кавказа и Алтая более чем проблематична.

Аналогия обнаруживается гораздо ближе, в самом Алтае. В сочинении Рашид ад-Дина о происхождении тюрков рассказывается, что они были загнаны в горы и не могли оттуда выйти. Тогда они сложили в одном месте, у скалы, большой костер, и так как гора состояла из железной руды, то она расплавилась и образовалась дыра, через которую тюрки вылезли⁷⁹.

Здесь варианты совпадают точно. Тюрок Ирбис-буркан спасает из беды алтайца Сай-Солонга, женится на его сестре, и они живут вместе, по-братьски. Именно этот мотив, для самой былины второстепенный, имеет историческое значение. Он подтверждает, что некогда аборигены Алтая слились с остатками тюрков. Самое имя Ирбис, т.е. Барс, встречается в орхонских надписях⁸⁰; но сомнение возбуждает вторая часть имени – бурхан. Ничего божественного Ирбис в себе не имеет, и права на такой титул у него как будто нет. В чем же дело? Скорее всего тут переосмысление позднейшего времени: бурхан получилось из Бурихан, т.е. “волчий хан”, а волками назывались тюркоты. С появлением шаманизма и началом общения с монголами и ойротами слово переосмыслилось и Ирбису была придана мистическая окраска, не свойственная ему по существу.

Тот же мотив – белый волк, спасающий Ак-Тойчи от Эрлика и вскармливающий его молоком диких маралух, – отмечен Л. П. Потаповым, сопоставившим его с легендой о происхождении тюрков и усмотревшим в этом мифе отголосок древних тотемистических представлений предков современных алтайцев⁸¹.

Второй сюжет, восходящий к эпохе Тюркотского каганата, — это богатырская сказка об Алпамыше⁸². Известно много вариантов этой сказки, но наиболее архаична алтайская версия “Алып-Манаш”, записанная со слов сказителя Н. Улагашева⁸³. Ее содержание передано вкратце в том аспекте, который важен для истории тюрков⁸⁴. Алып-Манаш был богатырем-великаном; родители женили его на красавице, дочери Кыргыз-хана. Однако Алып-Манаш не любил свою жену и пустился на поиски красавицы Эрке Каракчи, дочери Ак-Кана. После разных приключений богатырь попадает в плен к Ак-Кану и на крыльях дикого гуся пишет домой просьбу о помощи. Посланный на выручку богатыря его названный брат отказывается его спасти и съедает волшебную пищу, данную для пленника. После этого, сделавшись похожим на Алып-Манаша, предатель возвращается, чтобы овладеть женой друга. Богатырь освобождает его конь, тоже не без волшебства. Богатырь и конь вместе побеждают Ак-Кана и убивают его вместе с дочерью, виновницей гибели многих богатырей. Народ и скот Ак-Кана богатырь увозит на родину “в карманах” — обычная форма угона вражеского народа и скота в алтайских сказках⁸⁵, но является домой в образе лысого и паршивого старика и, пользуясь этим, уличает своего друга-предателя. Тот, почувствовав опасность, обращается в журавля и улетает, а Алып-Манаш, поселив на своей земле пленных и скот, добытый в походе, устраивает праздник для народа⁸⁶.

Тут интересно многое: путешествие за красавицей — злой дочерью “белого хана” — напоминает увещевания орхонских надписей жить у себя дома, в Отюкенской черни, и не устремляться к табгачскому хану за приманками роскоши, среди которых красавица, хотя они и не упомянуты в надписях, должны были играть немалую роль. Письмо на крыле дикого гуся перекликается с китайским дидактическим рассказом эпохи Хань о после Су У, таким способом спасшемся из хуннского плена. Наиболее остра и болезненна тема предательства названного брата, а мы видели, что вся история Первого каганата проникнута борьбой с китайскими разведчиками, подкупавшими тюркотских царевичей и богатырей. Тюркоты мало надеялись друг на друга, и потому роль положительного героя играет конь, наделенный волшебными качествами. Конец сказки проникнут разочарованием героя в целях, которых он добивался. Женитьба на красавице кажется ему менее желанной, чем месть, и он истребляет Ак-Кана вместе с дочерью и приближенными. Но практический интерес сохраняет свои права, и добыча вознаграждает героя за муки и опасности. Затем наступает счастливый конец, при котором порок наказан, а добродетель торжествует. Этот дидактический элемент был чрезвычайно важен в VIII в. при напряженной борьбе за место под солнцем, и он также перекли-

кается с программными высказываниями Йоллыг-тегина и Тоньюкука. Какие-то неуловимые сюжетные интонации подсказывают, что анализируемый нами вариант, родившись, быть может, в Первом каганате, бытовал во втором и оттуда попал на Алтай, где и сохранился до нашего времени. Благодаря этому обломку седой старины мы можем представить себе не только то, что провозглашали тюркские правители, но и то, что рассказывал и слушал их народ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ядринцев Н. М. Предварительный отчет...
- 2 Радлов В. В. Предварительный отчет...: Атлас древностей Монголии.
- 3 Jisl L. Výzkum Külteginova památníku... S. 86–113.
- 4 Ibid. S. 93.
- 5 Ibid. S. 95.
- 6 Васильев В. П. Китайские надписи... С. I–36.
- 7 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 43.
- 8 Васильев В. П. Китайские надписи... С. 7.
- 9 Малов С. Е. Памятники... 1959. В строке первой Малов допускает необоснованную интерполяцию: “[после смерти моего отца, по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины] я стал ханом” (С. 20). В тексте на С. 16 на этом месте стоят только слова “[ту] рк та [н] ри...” и пропуск. Могилянь стал ханом не после смерти своего отца, в 693 г., а после смерти своего дяди, в 716 г., и поэтому вставка неоправданна.
- 10 Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 23–24.
- 11 Надпись Кули-чура носит иной характер и будет рассмотрена особо.
- 12 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 70.
- 13 Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 273, 298.
- 14 Radloff W. Die alttürkischen Inschriften... 111. S. 252; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 10.
- 15 См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина... С. 40.
- 16 Ср.: Clauson G. The Ongin inscription. P. 191–192.
- 17 В год овцы (см.: Clauson G. The Ongin inscription. P. 187, 189).
- 18 Соображения А. Н. Бернштама и предложенная им интерпретация памятника потеряли значение вследствие опубликования перевода Клосона (см.: Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... С. 38–40).
- 19 Полемический момент в орхонских надписях отметил Н. Н. Козьмин (Классовое лицо атысы Йоллыг-Тегина... С. 269–277). Считая тюркское общество феодальным, он полагает, что Йоллыг-тегин является представителем той феодальной аристократии, которая тесно сливала свои интересы с интересами княжеского дома (С. 273), а Тоньюокук менее связан с поместным хозяйством и Утушенской чернью (С. 276). Аргументация этого положения основана на выдернутых из контекста цитатах, незнании порядка тюркского престолонаследия, игнорировании общего хода событий и на ряде недискутабельных фактических ошибок (например, он называет восточных тюрок девятью племенами. С. 268), исправление которых механически снимает вывод о массе аналогичных черт как в хозяйственном укладе, так и в социальной и политической структуре между орхонцами и франками (С. 276).
- 20 Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 65.

- ²¹ Там же. С. 69.
- ²² Р. Жиро, сравнивая параллельные описания событий в надписях Кюль-тегина и Тоньюкука, отмечает некоторые текстологические несовпадения в деталях описаний и на этом основании полагает, что описывалось не одно и то же, а два разных события. Например, он утверждает, что походов на кыргызов через Когмен было два (*Giraud R. L'Empire des Turcs...* P. 35) и битв с тюргешами при Болчу было тоже – две (*Ibid. P. 36–37*), потому что в одном описании сказано, что каган был убит, а в другом – пленен. На самом деле каган сначала попал в плен, а потом был казнен. Таким образом, он удваивает число событий и ищет для них подходящие, по его мнению, даты; например, он утверждает, что Учжилэ был взят в плен в 698 г. Тоньюкуком, после чего тот напал в 901 г. на Согдиану (*Ibid. P. 43*). О том, что эта ситуация была невозможна, см. выше (С. 291–294). Подход, основанный на буквальном восприятии текста, неправилен принципиально. Сообщения разных авторов, даже очевидцев, никогда не могут совпасть: один замечает одно и суммирует прочее, другой – наоборот. К тому же описания составлялись по памяти, много лет спустя, с разными целями и разными настроениями. Расхождения неизбежны, а истина может быть установлена путем исторической критики и анализа ситуации в целом, а не путем сличения фраз и грамматических форм источника.
- ²³ *Бернштам А. Н. (Социально-экономический строй...* С. 40, 45) считает, что полемика Тоньюкука направлена против Мочжо-кагана, забывая, что именно при Мочжо Тоньюкук был в силе и уцелел во время резни 716 г. исключительно благодаря своей дочери, жене Могиляня, однако он был послан новым ханом в ссылку (*Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 273). Вместе с этим Бернштам считает Тоньюкука представителем консервативной платформы, оппозиционной к прогрессивным позициям бегов. Отсутствие аргументации этого положения лишает возможности вступить с ним в полемику.
- ²⁴ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 274.
- ²⁵ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 70.
- ²⁶ Там же. С. 40.
- ²⁷ Там же. С. 40–41.
- ²⁸ Там же. С. 42.
- ²⁹ Там же. С. 66.
- ³⁰ Там же. С. 43; 1950. С. 22.
- ³¹ Там же. 1951. С. 34.
- ³² Там же. С. 36–37.
- ³³ Там же. С. 64–65.
- ³⁴ *Васильев В. П. Китайские надписи...* С. 6.
- ³⁵ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 69–70.
- ³⁶ Там же. С. 39.
- ³⁷ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 276.
- ³⁸ Там же. С. 298.
- ³⁹ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 69.
- ⁴⁰ *Васильев В. П. Китайские надписи...* С. 3.
- ⁴¹ Там же. С. 5–6.
- ⁴² *Васильев В. П. Китайские надписи...* С. 6.
- ⁴³ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 221.
- ⁴⁴ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 416.
- ⁴⁵ *Васильев В. П. Китайские надписи...* С. 7.
- ⁴⁶ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 13.
- ⁴⁷ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений...* Т. I. С. 231.

- ⁴⁸ Тәңгі предпочтительнее перевести как божество или гений-покровитель, но не как безличное небо, так как тюркские ханы вели генеалогию от царевича и волчицы, а не от неба. В значении “божество” Тэнгри встречается у современных монголов, например, Дайчин-Тенгри – божество войны, Марс. Лучше оставить термин без перевода, чем давать приблизительный перевод, допускающий неверные толкования. Точно такое же восприятие Тэнгри у Алл Эльэтмиша: “Наверху Тэнгри сказали: “не губи тюркский народ”. Тут опять выступает промысел как фактор исторического развития. Вместе с этим Тэнгри имеет свое место в мире, оно наверху (см.: *Clauson G. The Ongin inscription.* Р. 188–189; ср.: *Radloff W. Die alttürkischen Inschriften...* S. 251; *Малов С. Е. Памятники...* 1959. С. 10). То, что мировоззрения Йоллыг-тегина и Алл Эльэтмиша совпадают, вытекает из текста Онгинского памятника: “Я воспитан для эля Капагана и Эльтереса” (*Clauson G. Ibid.*). Тем самым мы можем констатировать, что нашим анализом нашупаны элементы официальной идеологической концепции.
- ⁴⁹ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 65.
- ⁵⁰ Там же. С. 37.
- ⁵¹ Там же. С. 38–40.
- ⁵² Там же. С. 43.
- ⁵³ Там же. С. 27.
- ⁵⁴ Отуз-татары в китайских хрониках называются шивэй, что является искаженной транскрипцией древнего слова сяньби (*Викторова Л. П. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке //Ученые записки ЛГУ. 1958. № 256. С. 54–62.*)
- ⁵⁵ С. Е. Малов переводит так: “Из страны солнечного восхода [пришел] народ степи Боклийской” (*Памятники...* 1951. С. 36). В подлиннике “Бокли col(l)ig il”. Col (монг.-турк.) – суша, безводная пустыня, cogli – дальний. Второе чтение предпочтительнее, так как к востоку от средней Монголии не было в 552 г. никакого заметного степного народа, II – держава, т.е. можно перевести “из дальней Боклийской державы”. Бокли по звучанию совпадает с названием Мукри (мохэ).
- ⁵⁶ *Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 34, 38, 66.
- ⁵⁷ Название “Сибирь” бытует с V в. н.э. Так назывались угорские племена, населявшие бассейн Оби и ее притоков, в частности маньси (вогулы) (см.: *Чернецов В. П. Усть-полуйское время в Приобье //МИА. 1953. № 35. С. 238; Patkanoff S. Über die Sabiren //Körösi Csoma Archivum. 1900. № 1, 4. S. 258–277; Fecher G. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V–XI. Jahrhunderten //Körösi Csoma. Archivum. B. XIX, № 2. S. 55–56, 69–70.*). Название “Сибирь” фигурирует в титулатуре двух тюркотатарских ханов: Сыби-хан и Шиби-хан (кит.). Фонетическое различие чисто диалектное: с и ш – переходные согласные.
- ⁵⁸ *Феофилакт Симокатта. История.* С. 160; ср.: *Chavannes E. Documents...* P. 230.
- ⁵⁹ *Chavannes E. Documents...* P. 230.
- ⁶⁰ *Marquart J. Eranšahr...* S. 54.
- ⁶¹ *Chavannes E. Documents...* P. 271, 346.
- ⁶² *Рашид ад-Дин. Сборник летописей.* Пер. И. Н. Березина. Введение. СПб., 1858. С. 129.
- ⁶³ Там же. С. 70, 78.
- ⁶⁴ *Березин И. Н. История Абу-ль-Гази.* Казань, 1854. Ч. 1. С. 40.
- ⁶⁵ *Рубрук Г. Путешествия в восточные страны.* М., 1957. С. 37.
- ⁶⁶ *Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин.* СПб., 1893. С. 135.
- ⁶⁷ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 533.
- ⁶⁸ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия...* С. 484–485.
- ⁶⁹ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 314.

- ⁷⁰ Константин Багрянородный. “О фемах” и “О народах”. М., 1899. С. 142.
- ⁷¹ Hirt F. Nachworte zur Inschrift... S. 129.
- ⁷² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 286. Китайское чтение: Шаболо-Хилиши-хан.
- ⁷³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 289.
- ⁷⁴ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 6. Суб – название отдела народа (*Малов С. Е. Памятники...* 1951. С. 376; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. 1893–1911, III. С. 2184).
- ⁷⁵ Потопов Л. П. Героический эпос алтайцев //СЭ. 1949. № 1. С. 120 и сл.
- ⁷⁶ Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойротское обл. нац. изд., 1947. С. 228–229, прим. 24, 31.
- ⁷⁷ Там же. С. 190, 193.
- ⁷⁸ Там же. С. 229.
- ⁷⁹ Рашид ад-дин. Сборник летописей. С. 136–137.
- ⁸⁰ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина... С. 69.
- ⁸¹ Потапов Л. П. Героический эпос... С. 122.
- ⁸² Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960. С. 9.
- ⁸³ Там же. С. 140.
- ⁸⁴ Перевод вариантов сказки см.: Улагашев И. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941. С. 79–126; Граф А., Кучняк П. Алтайские сказки. М., 1939. С. 73–83.
- ⁸⁵ Жирмунский В. М. Сказание... С. 144.
- ⁸⁶ Все детали повествования гиперболизированы до предела и ощущение реальности не является эстетическим мерилом.

XXV. Тибетцы и тюргеши

ТИБЕТЦЫ ИДУТ НА ЗАПАД

Тяжелая, кровопролитная и дорогостоящая война империи Тан и Тибета закончилась в 718 г. победой империи. Тибетцы были загнаны на свою территорию, и быстрые воды Хуанхэ стали границей между двумя народами¹. Тибетцы не могли продолжать войну, но тибетское правительство не могло не воевать. Борьба между престолом и знатью раздирала Тибет. Цари попытались найти опору в иноземном учении – буддизме; знать связала свою судьбу с местной религией бон.

Религия бон была принесена в Тибет из Средней Азии. Она заключалась в поклонении космосу с колдовским ритуалом и вызыванием душ усопших. Тибетцы поклонялись богам неба и земли, солнца, луны, звезд и четырех стран света. С их религией была связана грандиозная эпопея – цикл легенд о Гэсэре, полумифическом герое, боровшемся в Амдо с вторгшимися жестокими врагами². Гэсэр проиграл войну, но тем более оснований было у его почитателей добиваться реванша.

Буддизм был явлением экзотичным. Для понимания и принятия он требовал известного интеллектуального развития и потому был доступен немногим, вкушившим от благ индийской или китайской культуры.

Не трудно заметить, что не буддисты, а последователи bona сражались в рядах тибетской армии: при заключении перемирий и договоров в жертву приносились лошади, быки или собаки, свиньи и овцы³. Аурель Стейн обнаружил неподалеку от Лобнора на левом берегу Хо-

тандары в Миране тибетские документы, относящиеся к VIII или началу IX века. Они отнюдь не буддийского направления, так как упоминаемые в них тибетские имена по большей части не буддийские и не употребляющиеся ныне; некоторые титулы восходят к добуддийским сагам; свастика имеет бонскую форму; не встречаются термин “лама” и молитва “ом-мани-падма-хун”; кроме того, языковые и стилистические особенности документов весьма отличны от языка религиозной литературы⁴.

С начала VII в. вельможи и бонские жрецы правили страной от имени царя, возведенного на престол в семилетнем возрасте⁵. Опорой знати было войско, и распустить его – значило оказаться беззащитным не только перед внешним врагом, но и перед собственным царем. Держать же войско без дела нельзя, так как тогда оно с невероятной быстротой разлагается. Поэтому нужно было воевать и добиваться победы, чтобы кормить свою опору за счет соседей; другого способа в те времена не знали.

Однако, прежде чем следить за ходом развернувшихся событий, посмотрим, что представляло собой тибетское войско VIII в., ибо особенности его помогут нам при дальнейшем анализе уяснить судьбы тибетской экспансии.

О древнем тибетском оружии очень мало сведений; китайская хроника сообщает только, что “шлемы и латы их чисты и светлы и покрывают все тело, кроме глаз”⁶. О наступательном оружии не говорит ни слова, за исключением нескольких разбросанных в тексте упоминаний о стрелах и пращах⁷. Этого недостаточно, чтобы представить себе внешний облик древнетибетского воина и уяснить причины победоносности тибетской армии. Важно здесь упоминание пращи, что свидетельствует о наличии пехоты. Для конного строя праща неприменима, потому что, сидя на коне, невозможно подбирать камни с земли и крутить пращу. Предки тибетцев – жуны – тоже сражались с китайцами в пешем строю и часто одерживали победы⁸.

Но китайские анализы говорят именно о тибетской коннице, совершившей неотразимые набеги и рейды по тылам. Видимо, тибетская конница VIII в. сражалась в пешем строю. Это не должно смущать читателя, так как известно, что телесцы (саянцы и уйгуры), имея для походов по четыре заводные лошади, для боя спешивались и оставляли лошадей коноводам⁹.

Тактика конного построения и боя была впервые освоена тюркотами в VI–VIII вв.¹⁰ и малоприменима в условиях пересеченной местности.

Исходя из тактических возможностей танской и тибетской армий, мы легко можем разобраться в причинах успехов как той, так и дру-

гой. На широких равнинах удар имперской тяжелой конницы сминал скопища тибетцев, но в горах латники были бессильны перед подвижными стрелками и пращниками, умевшими использовать пересеченный рельеф. Поэтому вторжения тибетцев в Китай бывали удачны лишь тогда, когда регулярные войска были заняты в другом месте; а наступления имперцев доходили лишь до гор и захлебывались. При наличии тактики VIII в. завоевание Тибета было для империи Тан невозможно, и она ограничилась тем, что загнала тибетцев за Желтую реку, отрезав им пути к неожиданным набегам.

Но тибетское войско без внешней войны немедленно разошлось бы по домам и единство страны нарушилось бы. Это правители понимали, и, поскольку восточный путь оказался пока закрытым, они обратили силы своих войск на запад. Здесь, среди утесов и ущелий, тибетское войско могло найти применение своим способностям.

Тибетское войско было одновременно и ополчением племен, и регулярной армией. Это было достигнуто путем весьма остроумной организации, при которой весь Тибет был разделен на четыре больших военных округа (ру), каждый из которых делился на верхний и нижний разделы, а те в свою очередь на четыре войсковые единицы (тонгдэ), иногда совпадавшие с племенами, населявшими данную территорию¹². Когда племена были многочисленны, то их делили между войсковыми единицами, таким образом использовав существовавшее деление на племена для административно-военных целей. Войковые подразделения вокруг Лхасы вообще формировались без учета племенного состава, так как они находились в непосредственном распоряжении царя; прочие же воинские части подчинялись своим старейшинам¹³, причем в некоторых случаях должности были наследственными¹⁴.

Сила тибетской армии, в которой феодальные и родоплеменные отношения соединялись с продуманной централизованной организацией, была для тех времен грандиозной. Что же могли противопоставить тибетцам их западные соседи, которые должны были стать их добычей?

ЗАПАДНЫЙ ТИБЕТ

Западный Тибет, орошенный верховьями Инда и его притоками, в начале VIII в. не входил в состав Тибетского царства. Там располагались мелкие владения с населением, состоявшим из смеси тибетцев и племени дардов. В княжестве Лех, на берегу Инда, правила династия, ведшая свое происхождение от полумифического Гэсэра. В Сасполе

владетель титуловался Бандель, а в Калатсе удёржалась династия дардских князей. Кроме того, отдельные деревни управлялись племенными вождями, не подчинявшимися никому¹³. Все эти княжества враждовали друг с другом, и потому нет ничего удивительного, что тибетцы, заключив мир с империей Тан в 718 г., уже в 722 г. “учинили нападение на Малый Болой”¹⁴, т.е. Гилгит, добраться до которого они могли, лишь став хозяевами Западного Тибета и Балтистана (Большой Болой).

Балтистан и Гилгит закрывали тибетцам выход в Среднюю Азию через горные тропы, и потому дипломатическая борьба за ориентацию этих княжеств приняла весьма острые формы. В 717 г. тибетцам еще удавалось проходить через припамирские горы для набегов на Кучу, но в том же 717 г. царь Большого Болоя решил не пропускать тибетские войска через горные проходы. После этого самостоятельная политика Большого Болоя не отражена историей, а в географическом разделе “Таншу” отмечено, что эта страна подчиняется тибетцам¹⁵.

ГОРНАЯ СТРАНА

В припамирской горной стране было много микроскопических княжеств и несколько крупных, например Кашмир и Тохаристан. В начале VIII в. они испытывали двойное давление: с востока нажимали тибетцы, с запада – арабы. Владетели, естественно, хотели сохранить свою независимость, и поэтому ориентировались на империю. В 710 г. в Китай прибыло посольство из Сие, небольшого княжества в Западном Гиндукуше¹⁶. Вслед за ним, в 713 г., пришло посольство из Кашмира, чтобы установить дипломатические отношения с Китаем и заключить союз против Тибета. Кашмирский царь предлагал прислать вспомогательную армию, которую обещал снабжать съестными припасами¹⁷. Посольство было отпущено из Чанъани в 720 г., причем формальный союз был заключен, но пользы от этого ни Кашмиру, ни Китаю не было.

В 718 г. в Чанъань обратился младший брат тохаристанского джабгу. Он сообщил, что возглавляет царей Забулистана, Каписы, Хутталя, Курана, Шумана, Шугнана, эфталитов, Вахана, Джуздана, Бамиана, Кабадиана и Бадахшана, из коих двое первых имеют по 200 тыс. всадников и воинов, а остальные по 50 тыс. Несмотря на это, он слезно просил помочи против тибетцев и арабов, так что можно думать, что на самом деле воинов было значительно меньше, чем 900 тысяч¹⁸. Император одобрил решение горцев воевать с тибетцами и арабами и дал

их князьям пышные титулы (720). Но уже в 727 г. из Забулистана пришло письмо в Чанъянь. Это был буквально вопль о помощи, ибо арабы наседали¹⁹. Потом все стихло.

Больший успех имело посольство из Малого Болюя. Это княжество, расположенное в Западном Тибете, на берегах Инда, было населено монами и дардами — арийскими горными племенами, родственными индийцам. Тибетцы требовали от владельца Болюя свободного пропуска через его владения в Западный край, чтобы неожиданно напасть на китайцев в Кашгаре и Куче. Однако болюйский владетель не верил в искренность тибетцев и был прав, ибо они отняли у него девять городов. Китайский наместник Бэйтана встревожился и отправил в Болюй 4 тыс. человек из Кашгара²⁰.

Ободренные болюйцы наголову разбили тибетцев и отвоевали свои города²¹. Некоторое время Болюй был в союзе с империей, но китайская помощь была эпизодом, а тибетское соседство — печальным фактом. Один из болюйских князей, Суджа-раджа (Сушилчи), женился на тибетской царевне, и 20 горных княжеств на восток от Памира подчинились Тибету. Три похода, предпринятых наместником Западного края, были неудачны, и тибетская экспансия продолжалась. Чтобы ослабить нажим тибетцев на западе, имперское правительство в 724 г. возобновило войну на востоке. Война шла с переменным успехом до 730 г., когда снова был заключен мир. На этот раз тибетцам удалось разорить Болюй, причем император ограничился дипломатическим протестом, не принесшим, разумеется, никакой пользы побежденным²².

Расправившись с Болюем, тибетцы напали на Токхаристан, но были отбиты китайскими войсками²³.

Из Индии в Чанъянь также приходили посольства и просили войск против тибетцев и арабов. С аналогичными просьбами обращалась Гибинь в 713 и 719 годах²⁴. Если бы тюркские всадники продолжали “отдавать табгачскому хану свою душу и силу”, может быть династия Тан остановила бы мусульман, покорила Тибет, подчинила Индию, раздробленную на враждующие владения, и объединила бы всю Азию. Но эти всадники бились против династии, и она должна была или их победить, или истребить.

ИМПЕРСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Выход в Среднюю Азию сулил тибетцам огромные перспективы. Уже в 715 г. они сумели столковаться с арабами. Тибетцы предложили арабам признать их притязания на долину Сырдарьи, т.е. Согди-

ану, а арабы предоставили бы тибетцам право на овладение долиной Тарима²⁵. Степи к северу от Тянь-Шаня захватили тюргеши, и для имперской власти не должно было оставаться ни клочка территории. Но именно в эту эпоху Средняя Азия приобрела особое значение для династии Тан. Выше указывалось, что династия эта совмещала в себе элементы китайской и тюркской культур, причем стремилась уравновесить оба эти элемента. Традиция нарушалась государственными переворотами, совершаемыми китайцами, и восстаниями тюрок, но Сюаньцзун пришел к власти именно как носитель древней традиции.

Однако степь откололась от империи безвозвратно. 720 год был ознаменован победой тюрок и восстановлением моши тюргешей. Значит, надо было искать такую замену степнякам, которая могла бы послужить противовесом растущему влиянию китайских подданных империи. Очевидно, внимание имперского правительства остановилось на согдийских и тохаристанских княжествах, ибо с этого времени к ним проявляется повышенный интерес. В поведении имперского правительства наблюдается система, которая дает основание сделать вывод, что Сюаньцзун предполагал создать обширную феодальную империю, причем, что особенно примечательно, с ленной системой при принципах “оммаж, фуа и инвеститура”²⁶, тогда как в самом Китае он ограничивался раздачей бенефиций.

Система, которую чанъянский двор принял за основу взаимоотношений, сводилась к следующему. Император был объявлен единственным источником законной власти. Только он, согласно указанной концепции, мог утвердить иностранного князя, причем он жаловал ему титул и его собственные земли в наследственное или пожизненное владение, но князь тем самым входил в систему империи и был обязан сюзерену лояльностью. Дани с иностранного князька не требовали, напротив, — посыпали ему роскошные подарки, главным образом шелка. Во внутренние дела княжеств китайцы не стремились вмешиваться, так что, казалось, князек, получивший титул и инвеституру, только выигрывал, так как плата за это была лишь в почтительности к императору — сюзерену (оммаж). Поэтому в период с 717 по 740 г. тюргеский хан, почти все согдийские и тохаристанские князьки и даже несколько индийских радж прислали в Чанъян послы с просьбой о союзе.

Но какую же выгоду из такой ситуации могло извлечь имперское правительство? Оно хотело, привязав к себе новых добровольных союзников, получить от них “труды и силы”, те самые, в которых отказали ему тюрки. Используя принцип верности, имперское правительство стремилось создать огромную армию и с помощью ее раздавить

Тибет, отбросить арабов и поставить на колени недовольных и непокорных. Но все это нужно было сделать местными средствами, не снимая ни одного полка с восточной границы. Имперцы рассчитывали, что страх перед грабежами арабов и тибетцев толкнет к ним в объятия все население Средней Азии и им останется лишь внести туда организующее начало²⁷.

Но среднеазиатские князьки совсем не того ждали от империи. Они хотели получить защиту от врагов. Если бы даваньский наместник имел в своем распоряжении несколько десятков тысяч копьеносцев, то поддержка ему была бы обеспечена. Но у него было очень немного плохо обученного войска и предписание использовать силы союзников для войны с арабами и тибетцами. А эти союзники именно потому и обратились к Китаю, что их силы в этой борьбе иссякли²⁸. Они хотели, чтобы им прислали войско, а в Китае ждали возможности получить от них подкрепления. Как только это поняли в Согдиане, прекратилось и ее сопротивление арабам, как безнадежное. Тогда же и пала ленная система империи Тан, оказавшаяся мертворожденной. Вот тут-то и выдвинулся на первое место Тюргешский каганат, восстановленный каганом Сулу.

ЧЕРНЫЕ ТЮРГЕШИ

Как говорилось выше, тюргешский народ образовался из двух племен – мукри и абаров. Еще в VII в. тюргешские роды делились на желтые (потомки мукри) и черные (потомки абаров). При этом следует иметь в виду, что в Азии желтый цвет символизировал знать, а черный – народ. Это деление когда-то имело свои основания, но в VIII в. уже невозможно заметить никаких различий между желтыми и черными родами, за исключением взаимной неприязни, унаследованной от предков. Учжилэ и Согэ принадлежали к желтым; Сулу, восстановивший орду после тюркского нашествия, был из черных. Сулу снискал себе популярность очень простым способом: “После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми, силами”²⁹. Сражаясь на западе против наступающих арабов, Сулу заключал дипломатические браки с тюркским ханом, тибетским цэнпо и в 722 г. с императором, причем последний выдавал за него царевну из рода Ашина. Она была дочерью одного из ханов (Хуай-дау), служившего в имперской армии. Это причисляло ее и ее мужа не только к кочевой знати, но и к бюрократической аристократии империи. До 737 г. все было вполне благополучно.

Хроника отношений между Тюргешским каганатом и империей Тан является великолепной иллюстрацией вышеописанной ленной системы. В 717 г. Сулу, объявив себя каганом, вместе с арабами и тибетцами напал на имперские гарнизоны в Бохуань (Яка-арык) и Даши (Аксу). Только своевременное вмешательство тюркского царевича Ашина Хяня, который привел карлуков, спасло положение. Но уже в 718 г. Сулу получил чин и княжеский титул, а в следующем году был официально назван “ханом верным и послушным”³⁰. С этого времени он начал активную борьбу с арабами, причем в арабских документах он именуется “племянник китайского императора”, что отнюдь нельзя понимать как фиксацию родственных отношений. Союз с империей дал тюргешам обеспеченный тыл, так как их северные соседи – карлуки были в русле имперской политики.

Арабы со своей стороны попытались сделать тюргешей своими союзниками, но метод их был другой – пропаганда ислама. Халиф Хишам (724–743) отправил проповедника к Сулу, предлагая ему принять мусульманскую веру, с чем связывалось и политическое подчинение халифу как духовному и светскому главе всех мусульман. Хан в присутствии посла устроил смотр войску и потом заявил переводчику: “Скажи этому послу, чтобы он передал своему господину, что нет среди этих ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут средства к жизни?”³¹.

Тюргешский хан дал понять, что он великолепно знает, для чего нужны халифу единоверцы. Арабы в то время отменили налоговые льготы для новообращенных, продолжая взимать с них харадж, от которого освобождались мусульмане, а также используя их в качестве пополнения рядового состава своих войск. Зато дружба с империей и услуги согдийским дихканам оплачивались тюргешам шелком и золотом. Поэтому Сулу со всей энергией повел борьбу против войск халифа и остановил их дальнейшее продвижение.

Возросшая мощь тюргешей вселила в согдийцев надежду избавиться от жестокого арабского гнета. В 720–721 гг. в Согде вспыхнуло восстание, с которым арабы довольно быстро справились. Однако оно повторилось в 724 г., и на этот раз тюргеши успели прийти на помощь повстанцам. Арабы действовали весьма решительно. Вождь восстания дихкан Диваштич был взят в плен и распят. Несмотря на это, тюргеши и уцелевшие повстанцы уничтожили арабскую власть в Согде. Лишь повторное наступление в 728 г. опять отдало Согд в руки арабов.

Анализируя действия тюргешей в Согдиане, мы не видим ни больших сражений, ни массированных ударов или продуманных опера-

ций. Тюргеши вели малую войну. Их мобильные конные отряды всюду щипали арабов и всегда доводили их до полного изнурения. Эта тактика при поддержке согдийского населения все время держала арабские гарнизоны в состоянии крайнего напряжения³². Арабам подчинялись только взятые с бою города и беззащитные деревни в легко доступных долинах. Горцы не хотели и слышать об исламе и налогах, связанных с ним. В 737 г. Асад ибн Абдаллах напал на Хуттаян и был наголову разбит. Тогда согдийцы решили, что настал момент для освобождения, и Самарканд, Чач и Фараб отложились. Возможно, что на этот раз им удалось бы получить избавление, но помешали события на востоке.

Царевна Ашина, тюргешская ханша, однажды послала гонца за чем-то в Кучу. Просьба была передана в форме приказания, ибо в этом выражалось ее ханское достоинство.

Наместник Западного края, китаец Ду Сян, возмутился тоном послания, заявил: “Как смеет мне приказывать дочь Ашины!” – и не дал ответа. Этого было достаточно для разрыва. Ущерб был нанесен достоинству хана, степное “длинное ухо” разносило весть по степи, и престиж хана мог пострадать.

Вряд ли китаец Ду Сян мог думать, что его чванство и вспыльчивость вызовут войну. Скорее здесь сказалась разница между китайской и тюркской психологией. В Китае на Ду Сяна был бы написан донос, чего он, имея связи, не боялся; в Средней Азии же вспыхнуло возмущение, и Сулу, вступив в союз с тибетцами, осадил Кучу. Ду Сяна в крепости не было. Он уже получил повышение и уехал в Китай. Его заместитель должен был ограничиться обороной крепости, так как, выходя в поле, он неизбежно терпел поражение. Сулу ограбил китайские колонии в Западном крае и, узнав, что его обидчик за пределами досягаемости, снял осаду с Кучи. Однако война на два фронта и неудачи в борьбе с арабами оказались роковыми для тюргешской державы. Сулу “почувствовал скудость, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подданные начали отделяться от него”³³. В этой цитате, как в зеркале, отразилась вся природа тюргешского ханства. Между собой варвары были связаны только совместным грабежом, но даже эта связь разрывалась унаследованной от предков рознью “благородных” и “черни”³⁴.

Вся тюргешская мощь держалась на энергии хана. В 738 г. Сулу разбил паралич. Сразу проявилось копившееся в орде недовольство. Вельможа Бага-тархан (имя неизвестно), носивший также титул Кюльюг-чур³⁵, племени чумугуней, ночью убил хана в его шатре и попытался захватить власть³⁶.

Сразу вспыхнул доселе тлевший огонь вражды между желтыми и черными. Во главе желтых встал Бага-тархан, а другой вельможа, Думочжи, поставил ханом сына Сулу — Тухосяня Гучжо. Тухосяню подчинились тюргеские князья на р. Чу и Живэй-хан из черного рода, охранявший г. Талас. Под знамя Бага-тархана кроме желтых тюргешей явились ополчения Западного края, Ферганы, Чача и Кеша, а также имперский “главноуправляющий в стране Великой Песчаной Степи на запад”³⁷. В битве на р. Чу черные тюргеши были разбиты и Тухосянь взят в плен. Кашгарцы и ферганцы разгромили Талас и убили Живэй-хана. Все вдовы Сулу и вдова Живэя попали в руки победителей. Пленные были отправлены в Китай, где их великодушно простили, а Тухосянию дали даже чин. В 739 г. империя снова пыталась установить свою гегемонию в Средней Азии. Желтые роды нашли союзников в согдийцах, так что можно заключить, что тюргеская аристократия начала приобщаться к согдийской культуре.

Но имперское правительство опять промахнулось. Стремясь восстановить *status quo*, император назначил правителем “десяти стрел” царевича Ашина Хиня. Ему должны были подчиняться покоренные тюргеши. Но тут возмутился Бага-тархан, вождь желтых тюргешей, и потребовал, чтобы назначили его. Тогда тюргешей выделили из “десяти стрел” для Бага-тархана, но политика компромисса оказалась неудачной. Присланный из Китая Ашина Хинь в 740 г. подвергся нападению тюргешей под г. Цзюйлань³⁸ и погиб³⁹. Простить этого имперцы не могли. Неизвестно каким образом, но Бага-тархан был схвачен и казнен, а управление западными кочевниками было доверено его соопернику — Думочжи. Но уже в 742 г. черные тюргеши выбрали себе ханом Иль Иди-миш Кутлуг Бильге (*кит.* Илиди Миши Гудулу Бигя), и имперское правительство оставило их в покое. В 741 г. правитель Чача просил императора направить войска против арабов. Император отказал: войска ему были нужны в другом месте. Поэтому оставили без внимания и тюргешей — было не до них.

Тем временем новый наместник Хорасана и Мавераннахра, Наср ибн Сейяр, со свежими войсками вступил в Согд и при Харистане в 737 г. наголову разбил повстанцев. Отсутствие тюргешей, осаждавших в это время Кучу, определило быстрый успех арабов. Наср подавил сопротивление в Самарканде, Чаче и Фарабе и стал в 738 г. на твердых рубежах, за которыми, как взбаламченное море, колыхалась степь. Смерть Сулу и распри лишили тюргешей возможности отбросить арабов и погасили в согдийцах надежду на реванш. Покорение Средней Азии арабами можно было считать законченным.

Наср ибн Сейяр оказался более тонким политиком, чем его предшественники. Он отказался от террора и в 740 г. провозгласил мир. По

одному из условий мира Наср гарантировал не только веротерпимость, но и полную амнистию отступникам от ислама, ибо во время последней борьбы многие согдийцы вернулись к вере отцов и, ожидая кары за измену новой вере, скрывались в степи, у тюргешей. Амнистия позволила им вернуться и примириться с новой властью. Мир сделал то, чего не смогла достичь война. Согд был оторван от степи и слился воедино с Хорасаном.

ТИБЕТО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Хотя можно без сомнения утверждать, что Тибет VIII в. был страной весьма воинственной, но китайские пограничники, составлявшие опору династии Тан, в воинственности превосходили всех своих соседей. Война была их профессией и единственным способом выдвинуться, т.е. целью и смыслом жизни, в то время как тибетские пастухи, будучи распущены по домам, возвращались к естественному для них быту и состоянию. После поражений, перенесенных ими в минувшую войну, тибетские военачальники ограничивались оборонительными мерами, т.е. постройкой земельных укреплений⁴⁰, ибо тибетцы столь же опасались китайских пограничников, сколько китайские крестьяне – тибетских кочевников. Поэтому тибетцы в 731 г. радостно встретили предложение имперского полководца Цуй Си-мяня возобновить мирный договор, скрепив его клятвой над трупом заколотой белой собаки, дух которой должен был хранить нерушимость обещаний. После этого тибетцы “оставили пограничные предосторожности и занялись скотоводством”⁴¹.

Но создавшееся положение отнюдь не удовлетворяло низших пограничных командиров, и один из них представил двору доклад о легкости разгрома тибетцев, переставших готовиться к обороне. Император, очевидно плохо представляя соотношение сил, одобрил этот проект⁴². Командующему войсками в Хэси был послан приказ напасть на ничего не подозревавших тибетцев, и тот принужден был его выполнить вопреки собственному мнению и клятве.

Набег, произведенный в 737 г., был удачен, контрнабег тибетцев в 738 г. на Хэси отбит, но талантливый полководец обладал еще и чуткой совестью, которая мучила его в связи с нарушением обещания. Во сне ему стал мерещиться призрак белой собаки, и он “умер от воображения”⁴³, или, как мы бы сказали, от нервного расстройства.

Его преемникам пришлось столкнуться с ожесточением, на которое способны доверчивые и обманутые люди. Уже не было и речи о вторжении в Тибет; напротив, переменный успех свел все военные

действия к жестокой бойне вокруг озера Кукунор. В открытых боях на равнине имперцы часто побеждали, но осада крепости давалась им с трудом. Так, в 749 г. штурм горной крепости, защищаемой несколькими сотнями тибетцев, стоил им нескольких десятков тысяч жизней⁴⁴. В ответ тибетцы легко взяли китайскую крепость, построенную на равнине, и вырезали ее гарнизон.

Развязать войну оказалось гораздо легче, чем закончить ее. Несмотря на успехи на севере и западе, имперская армия увязла в Тибете до 751 г., когда в игру вступил новый партнер и соотношение сил коренным образом изменилось.

Увлекшись решением северных и западных политических проблем, имперское правительство оставило без внимания юг, где в Юньнани с 738 г. образовалось княжество Наньчжао. Его энергичные правители объединили разрозненные племена и в 748 г. смогли занять независимую позицию по отношению к Китаю. До открытого конфликта дошло к 751 г. Шестидесяти тысячная китайская армия встретила дружное сопротивление всего населения и была почти истреблена в битве у оз. Сиэр в 751 г. Царь Наньчжао, Голофон, страшась продолжения войны, которая могла принять и другой оборот, обратился за помощью в Тибет. Союз был заключен, и благодаря тибетской поддержке новая китайская армия в 754 г. была разбита наголову. Последующие события лишили Китай возможности искать реванша, и Наньчжао сохранило свою самостоятельность⁴⁵.

Некоторой компенсацией для империи за столь большой ущерб послужили успехи в Хэси. В 753 г. эта область была очищена от тибетцев и там немедленно ввели китайскую администрацию⁴⁶.

ТИБЕТ И ИНДИЯ

Наньчжао сложилось в результате противодействия южных лесных племен китайской государственности. Оно охватило южную часть современной Сычуани, пресекло китайцам путь на Тонкий, на юге распространилось до Бенгальского залива и находилось под обаянием индийской культуры и буддизма.

Отсюда, естественно, вытекала ориентация на Тибет, так как только это государство могло помочь Наньчжао удержать свою самостоятельность. Вместе с тем союз с Наньчжао открыл тибетцам доступ в Восточную Индию.

Неуверенность в прочности победы характерна для всей политики Голофона, который, воздвигнув стелу с надписью, описывающей его деяния, заявил, что оставляет потомкам право осудить его ошибку⁴⁷.

В это же время на западном краю Индии выросло в мощную силу царство Кашмир. Царь Кашмира, Лалитадитья Муктапида (700–736), подчинил Пенджаб, Канаудж, Бадахшан и удачно воевал в 703 г. с Тибетом⁴⁸. Но дальнейшие события внутри самой Индии заставили Кашмир примириться с Тибетом⁴⁹. Именно в это время началось завоевание Северной Индии раджпутами, которые были врагами буддизма⁵⁰. Индийские буддисты не сумели организовать сопротивления, и древняя религия, реформированная брахманом Кумариллой Бхатой, восторжествовала. Ни Тибет, ни Кашмир не могли оставаться равнодушными к гибели своих единоверцев. В конце VIII в. кашмирский царь Джаяпида вторгся в Северную Индию, подчинил Бенгалию и отпавший Канаудж. Этот царь получил буддийский титул “покровитель учения”⁵¹. В тибетских хрониках также упоминается, что Бенгалия была завоевана вплоть до Ганга, но это сведение не датировано и слишком лаконично для того, чтобы можно было восстановить ход событий. Ясно только то, что южная граница привлекала внимание тибетского царя не в меньшей степени чем восточная, что сопротивление раджпутов попыткам спасти буддизм в Индии было ожесточенным и успешным и что Тибет пытался выйти на первое место среди азиатских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 159.
- ² Roerich G. N. *Trails to Inmost Asia*. New Haven. 1931. P. 354–355. Здесь описана ранняя, примитивная форма религии бон. Современный бон весьма от нее отличен (см.: Там же. С. 355 и сл.).
- ³ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 189.
- ⁴ Bell C. *The religion of Tibet*. Oxford. 1931. P. 4.
- ⁵ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 155.
- ⁶ Там же. С. 129.
- ⁷ Там же. С. 197, 201.
- ⁸ Gomm. *The Early empires of Central Asia*. London, 1939. P. 87.
- ⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 341.
- ¹⁰ Гумилев Л. Н. Статуэтки... С. 242.
- ¹¹ Uray G. *The four horns of Tibet according to the royal annals* // *Acta Orientalia Hungaricae*. Т. X. I. 1960. P. 31–57.
- ¹² Богословский В. А. Очерки истории... С. 128–138.
- ¹³ Francke A. H. *History of Western Tibet*. London, 1907. P. 48–49.
- ¹⁴ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 162.
- ¹⁵ Chavannes E. *Documents*... P. 150, № I.
- ¹⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 323.
- ¹⁷ Там же. С. 325.
- ¹⁸ Chavannes E. *Documents*... P. 200–202.
- ¹⁹ Ibid. P. 293–294.

- ²⁰ Ibid. P. 150, 293.
- ²¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 320.
- ²² Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 169.
- ²³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 322.
- ²⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 307, 309.
- ²⁵ Chavannes E. Documents... P. 291.
- ²⁶ Оммаж (*homagium*) — церемония выражения желания младшего стать под покровительство старшего и сильного: *фуа* (*fides*) — присяга младшего на верность старшему; *инвеститура* — ввод вассала во владение феодом. Все вместе — феодальный контракт.
- ²⁷ Чтобы не быть голословным, привожу список пожалований в лен собственных владений среднеазиатских князей: в 705 г. Багадуру Тудуну, князю Чача (Ташкент) и царю Ферганы; в 718–719 гг. Тугшада бухарский и Гурек самаркандский просили принять их оммаж и прислать войско для его избавления от арабов; в 720 г. были пожалованы леном цари Забулистана и Гибини; в 727 г. — Ябгу Тохаристана, теснимый арабами, просил принять его в число вассалов. Дальше идут повторные просьбы и пожалования. Картинка ясна (см.: Grousset R. Histoire de l'Extreme-Orient. P. 281–282; Chavannes E. Documents... P. 290–295).
- ²⁸ Chavannes E. Documents... P. 292.
- ²⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 298.
- ³⁰ Chavannes E. Documents... P. 284, № 2.
- ³¹ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период //ЗВОРАО. Т. 8. 1893. С. 9.
- ³² Подробности см.: Бартольд В. В. Туркестан... С. 190.
- ³³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 299.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ У Шаванна он назван Кюль-чур (см.: Chavannes E. Documents... P. 285). Исправлено Дж. Клосоном (см.: Clauson G. A propos du manuscrit... Vol. 255, № 1, 1957. (Extrait). P. 16).
- ³⁶ Тан шу дает несколько иную версию (см.: Chavannes E. Documents... P. 285), где китайские сведения корректируются данными Табари, который называет убийцу хана Сулу — Курсуль. Идентификацию см.: Marquart J. Historische Glossen... S. 181–182; Marquart J. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898. S. 38; Barthold W. Die alttürkischen Inschriften... S. 27; Бартольд В. В. Туркестан... II. С. 195. Мохэ (Шаванн читает “бага”) ни в коем случае не может быть именем собственным, так как еще Учжи-лэ имел титул “мохэ дагань” (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296; Chavannes E. Documents... P. 43, 79). А. Н. Бернштам опубликовал тюргешскую монету с надписью уйгурским шрифтом: “*türgäs qayan bai başa*” (“Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа”. Т. II. 1940. С. 105). Как видно из транскрипции, буква г одинаково означает q и γ; поэтому можно прочесть вместо *başa* — *baqa qayan*, т.е. первый слог этнонима *bakrin*, равнозначного с *мукрин*. Действительно, китайцы пишут название племени и титул тархана одними и теми же иероглифами. Это показывает, что термин “мохэ-бага” означает принадлежность к племени, в данном случае *мукрин-бакрин*. При этом необходимо учитывать, что *мохэ дагань*, т.е. *мукринский тархан*, — титул родовой, так как в иерархии Тюргешского каганата интересующий нас персонаж носил титул *куль-чур* и управлял племенем *чумугунь* (см.: Chavannes E. Documents... P. 285. № 3).
- ³⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 299.
- ³⁸ Кулан в Семиречье, впоследствии село Луговое (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 210).
- ³⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 296, 300. Убийца Хиня назван Мо-хэ-ду, что дало повод Грумм-Гржимайло отождествить его с князем Чача (Западная

Древние тюрки. Часть 2

- Монголия... С. 329). Но Мохэду значит богатырь (бога-дур), и здесь это имя нарицательное.
- ⁴⁰ *Бичурин (Иакинф). История Тибета...* Т. I. С. 169.
- ⁴¹ Там же. С. 170.
- ⁴² С возрастом Сюаньцзун потерял свойственную ему осмотрительность; ее заменили грезы о военной славе (*Pulleyblank E. G. The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955. P. 45*).
- ⁴³ *Бичурин (Иакинф). История Тибета...* Т. I. С. 171.
- ⁴⁴ Там же. С. 174.
- ⁴⁵ *Chavannes E. Documents...* Р. 298.
- ⁴⁶ *Бичурин (Иакинф). История Тибета...* Т. I. С. 175.
- ⁴⁷ *Chavannes E. Une inscription au royaume de Nan-tchao //JA. 1900. T. XVI. P. 338–390.*
- ⁴⁸ *Prasad J. History of Medieval India from 647 A. D. to the Mughal Conquest. Allahabad, 1928. P. 1; Gwasha Lal Kaul. Kachmir through the ages. Srinagar. 1954. P. 32.*
- ⁴⁹ *Бичурин (Иакинф). История Тибета...* Т. I. С. 155.
- ⁵⁰ *Prasad J. History of Medieval India...* Р. 26–28.
- ⁵¹ *Gwasha Lal Kaul. Kachmir...* Р. 36–37.

XXVI. Каганат и Империя

СВЕРХУСИЛИЕ

Год проходил за годом, и в Чанъани понимали все отчетливее, что рядом с Каганатом Империя существовать не может. Наличие каганата убивало самое идею империи Тан. Вместо общеазиатской империи существовала китайская только с застойными владениями. Из резервуара великолепной боевой силы северные степи превратились в сферу притяжения всех врагов императора. Вместо того чтобы послать тюрок и уйголов на борьбу с тибетцами и арабами, приходилось составлять армию из китайцев против тюрок и уйголов.

Энергичный Сюаньцзун решился. В 742 г. императорским указом была проведена реформа армии, чтобы мечом разрубить тенета, в которых запуталась империя. По новому распоряжению о пограничных войсках было учреждено десять цзе-ду – пограничных военных округов. Расположение их, если взглянуть на карту, настолько выразительно, что я привожу список полностью: 1. Аньси цзе-ду; учреждено для охраны Западного края; штаб в Куче. 2. Бэйтин цзе-ду; учреждено против тюргешей и хакасов; штаб в Бишбалыке на среднем течении Или (Джунгария). 3. Хэси цзе-ду; учреждено для прекращения сношений между Тибетом и тюрками; штаб в Линчжоуфу (провинция Нинся). 4. Шофан цзе-ду; против тюрок; штаб в Линчжоу (провинция Ганьсу) на северном берегу Хуанхэ. 5. Хэдун цзе-ду – для подкрепления цзе-ду в Шофане; штаб в Тайюаньфу (Ордос). 6. Фаньян цзе-ду – для обуздания хи и киданей; штаб в Ючжоу, в центре Ордоса. 7. Пинлу цзе-ду – для удержания шивэй и мохэ; штаб в Иньчжоу, в Южной

Маньчжурии. 8. Лунью цзе-ду; против Тибета; штаб в Шаньчжоу. 9. Гиньнань цзе-ду; на западе – против Тибета, на юге – для успокоения маней и лао; штаб в Инчжоу, в провинции Юньнань. 10. Отдельный корпус пяти фу в Линнани для замирения Лаоса.

Кроме десяти цзе-ду были учреждены три наблюдательных отряда. Всего в пограничных охранных войсках (чжень-бин) было 490 тыс. человек¹ и 80 тыс. лошадей. До 713 г. годовое содержание пограничных войск стоило относительно недорого, а с 742 г. ежегодно требовало 10 200 тыс. кусков шелковых тканей и 690 тыс. ху хлеба. Столь огромные издержки неминуемо должны были истощить народ². Но имперское правительство пошло на все, чтобы удержать гегемонию в Азии и в первую очередь покончить с каганатом. Обстоятельства благоприятствовали империи: внутри каганата было неблагополучно.

ТЮРКИ

Даже во времена сравнительного благополучия находятся недовольные. В тюркской орде были придворные клики, боровшиеся друг с другом за власть и возможность расправы с соперниками. Бильге-хан и его сын Йоллыг подавляли своеволие вельмож, но при Тэнгри-хане власть забрала По-бег, ханша-мать, дочь Тоньюкука. Орда была построена по обычному тюркскому принципу: хан командует центром, восточный и западный шады – крыльями-флангами. Шады были принцами крови и командовали отборными войсками. Ханша доверила управление своему фавориту, простому тархану, и это вызвало ропот среди высшего командования. Чтобы пресечь недовольство, ханша убедила своего сына казнить западного шада. Восточный шад Пань-кюль напал со своими войсками на ставку и убил хана, после чего возвел на престол сына покойного. Но соперник Пань-кюля, ябгу Кут (кит. Гуду), убив нового хана, заменил его братом последнего. Династия оказалась под угрозой. Кут убил своего ставленника и узурпировал престол (741). Узурпация стала сигналом для вспышки всех затаенных обид, и кровь потекла по степной траве.

События этого периода в китайских хрониках изложены крайне лаконично и неполно, но этот пробел заполняет надпись “Селенгинского камня”, увековечившая подвиги уйгурского хана Моянчура. Несмотря на плохую сохранность, это источник огромного значения, так как он отражает уйгурскую точку зрения на события. По словам уйгурского хана, он начал с тюрками освободительную войну, что соответствовало действительности. Господство тюрок над уй-

гурами определяется в 50 лет с лишним (с 688 по 741 г.). Уйгурский вождь, получив от своего отца титул шада, в 742 г. собрал и соединил свой народ — токуз-огузов⁴.

В 742 г. одновременно восстали уйгуры, басмалы и карлуки. По скромным сведениям китайского источника, они напали на узурпатора и убили его в бою. Так оно и было, но разве этого достаточно, чтобы понять всю трагическую напряженность момента гибели целого народа? К счастью, фрагмент тюркской надписи позволяет понять ту катастрофу, которую так бесстрастно рассказал китайский хронист.

Западную границу каганата охранял глава тардуш-бегов, воевода Кули-чур⁵. Ему исполнилось уже 80 лет. Он был соратником Кутлуга Эльтерес-хана, а позже сопровождал в походы и его сыновей. Он сражался с табгачами под Бишбалыком, с арабами — на Жемчужной реке (Сырдарье), с уйгурами — на берегах Селенги и с татабийцами — на склонах Хингана. За свои подвиги он получил имена: “Ышбара” — могучий и “Бильгя” — мудрый. Он был героем и богатырем.

В 735 г. Кули-чур достиг вершины своей карьеры, став хозяином западной границы. На этом посту он был семь лет, а когда выступили карлуки, “сев на коня, бросился в атаку, победил, конь погиб, еще сев на другого... войско он вел, карлуки... к Ка́рлукам... пойдя... еще до своего дома довел войну. Карлуки сели на коней; с таким войском... гнедой... карлуки... карлуки... Эльтебер сам пришел, пришел и его товарищ по делам и мужеству, сын Еркина, Йитяньчур... в битвах сражалось его войско, он поразил, а его эль взял, сына и жен его этот... его кагану Ышбара Бильгя Кули-чур... мертвые его так били. К врагам один он бросился в атаку, вошел в массу войска и сам был задавлен до смерти...”⁶.

Здесь, в надписи, источенной временем и обезображенной врагами, сохранилось сообщение о той доблести, которая бросала голубых тюрок на борьбу с жестоким врагом за свою отчизну. Глубокий старик кидается в сечу, теряет коня, но не мужество. Пусть надпись дефектна, но в ее отрывочных словах, как сквозь степное марево, сквозят силуэты, на горизонте появляются отовсюду всадники... и это все враги. Карлуки на севере, на юге и на западе; надо отходить, а сзади дом, хан. Но вот хан убит, его семья в плена, и тогда престарелый богатырь, видя, что больше беречь нечего, бросается в свалку и дает врагам расстоптать, раздавить его тело. Он, свидетель рождения Второго каганата, не хочет пережить его конец. Именно такие тюрки, как Кули-чур, были страшны соседям, которые потому и пошли на войну, чтобы их больше никогда не тревожили богатыри. Но не все тюрки последовали примеру своего полководца. Уцелевшие войска, преследуемые уйгурами, отступили за “черные пески”⁷.

Союзники использовали победу и быстро создали свое собственное государство. Вождь басмалов стал ханом, вождь уйголов – восточным, а эльтебер карлуков – западным ябгу. Тюркские вельможи спохватились и выбрали сына Пань-кюля ханом с титулом Озмыш⁸. Вернулись кровавые времена 716 г., но тюрки были уже другими; то, что могло сделать поколение Кюль-тегина, оказалось не под силу его детям, хотя претензии их на господство оставались прежними. Имперское правительство, учитывая стесненность тюрок, предложило Озмыш-хану поддаться империи. Озмыш-хан отказался, но соединенные силы басмалов, уйголов и карлуков заставили его покинуть орду и бежать. Некоторые тюрки (пять тысяч кибиток) во главе с ханским сыном предпочли подчинение империи безнадежной войне.

Тюрки должны были расплачиваться за свои прошлые кровавые успехи и за свою гордость. В 744 г. басмалы убили Озмыш-хана и голову его прислали в Чанъянь⁹. Однако непримиримая часть тюрок не сложила оружия и возвела на престол брата покойного – Баймэй-хана Кулун-бега¹⁰.

Но далеко не все тюрки согласны были гибнуть за потерянное дело. Среди них “открылись великие смятения: вельможи избрали ханом басмалского главу”¹¹. С Баймэй-ханом осталась только часть наиболее упорных ревнителей старой тюркской славы. В 744 г. борьба еще продолжалась.

Тем временем союзники рассорились: вождь уйголов, Пэйло, напал на басмалов и разгромил их. Басмальскому вождю Седе Иши-кагану¹² отрубили голову и отправили ее в Чанъянь с предложением признать за Пэйло титул Кутлуг-Бильге и Кюль-хан¹³. Возглавивший остатки разбитых басмалов старейшина бежал в Бэйтин, но, не видя возможности там удержаться, бросил свой народ, уехал в Китай. Остатки басмалов, теснимы карлуками, подчинились уйгурам¹⁴.

Тюркам эта сумятица была весьма на руку, но воспользоваться ею им не пришлось. Военная реформа в империи уже дала свои плоды, и имперские войска из Ордоса ударили на восточное крыло тюрок у горы Сахэней и разгромили 11 родов, находившихся под командованием апа-тархана. Баймэй-хан пытался закрепиться на западе своих владений, вдали от китайских баз, снабжавших имперскую армию, но карлуки и уйгуры настигли его. Тюрки были окончательно разбиты. Пэйло отоспал голову Баймэй-хана в Чанъянь и признал себя вассалом императора¹⁵.

Тюрок ловили и убивали всюду, как волков, и знамя с золотой волчьей головой больше никогда не взвилось над степью.

Оставшихся в живых тюрок возглавила вдова Бильге-хана, дочь Тоньюокука, По-бег и привела их в Китай, оговорив условия сдачи.

Тюрок зачислили в пограничные войска; а По-бег получила титул принцессы и княжеское содержание¹⁶. Спасая людей, По-бег не спасла народ. Тюрки, как и прочие кочевники, перемешались с табгачами и ассимилировались в их среде.

Разъяренные уйгуры, видя, что враги ускользнули от их мщения, срывали свою злобу на памятниках. Они сносили головы каменным изображениям тюркских богатырей, разнесли в щепы памятник Кюль-тегину и так разбили его статую, что ее оказалось невозможным собрать из осколков¹⁷. Целью было не только разрушение, но и более того — стремление не допустить восстановления тюркского эля и всего, что было с ним связано. И уйгуры достигли своей заветной цели — от древних тюрок осталось только их имя.

КИДАНИ

Кидани были верными союзниками голубых тюрок, но когда каганат прекратил свое существование, то и их сопротивление стало бессмысличным. В 745 г. киданьский главный старейшина прекратил борьбу. Он стал начальником Сунгарийской провинции.

Но корпусной начальник пограничных войск в Маньчжурии Ань Лушань продолжал нападать на киданей и грабить их. Возмущенные кидани восстали, но Ань Лушань разбил их. Однако сменившийся старейшина продолжал оказывать сопротивление. Инициатором этой войны китайцы выставляют Ань Лушаня, якобы провоцировавшего столкновения для того, чтобы усмирить повстанцев и выслушаться. Если это и имело место, то не надо забывать, что пограничные войска состояли из воинственных племен, любивших войну и грабеж не меньше, чем кочевники, поэтому столкновения должны были возникать стихийно и неизбежно. В 751 г. Ань Лушань с шестидесятитысячным войском, имея проводниками татабов, выступил против киданей.

Когда было пройдено уже немало (1000 ли=400 км), пошли дожди и тетивы на луках ослабли. Татабы перешли на сторону киданей, те атаковали имперское войско на берегу Шара-Мурэни и разбили его¹⁸.

В 754 г. кидани покорились уйгурам, и Маньчжурия была окончательно потеряна для империи. Так как после этого война на границе затихла, то стало ясно, что столкновения провоцировали пограничные головорезы, а не кочевники.

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Победа над тюрками и фиктивная зависимость уйгуров дорого стоили империи, ибо за то время, когда она решала северную проблему, на западе укрепились арабы и тибетцы. Но, рассчитывая на свою силу, китайская регулярная армия¹⁹ появилась на севере Средней Азии.

В 747 г. помощник западного наместника Гао Сянь-чжи, родом кореец, предпринял поход на малый Болой, где правил зять тибетского царя Суджа-раджа. Гао Сянь-чжи проник в Малый Болой по горным тропинкам, подкупил местных жителей и с их помощью порубил тибетский гарнизон, охранявший мост через Сой(?). В Болое Гао Сянь-чжи всех одарил шелковыми тканями, уговорил Суджу сдаться и отбил тибетцев, пришедших на помощь радже. В Болое был размещен гарнизон в тысячу человек, и тибетцам был закрыт проход в Западный край.

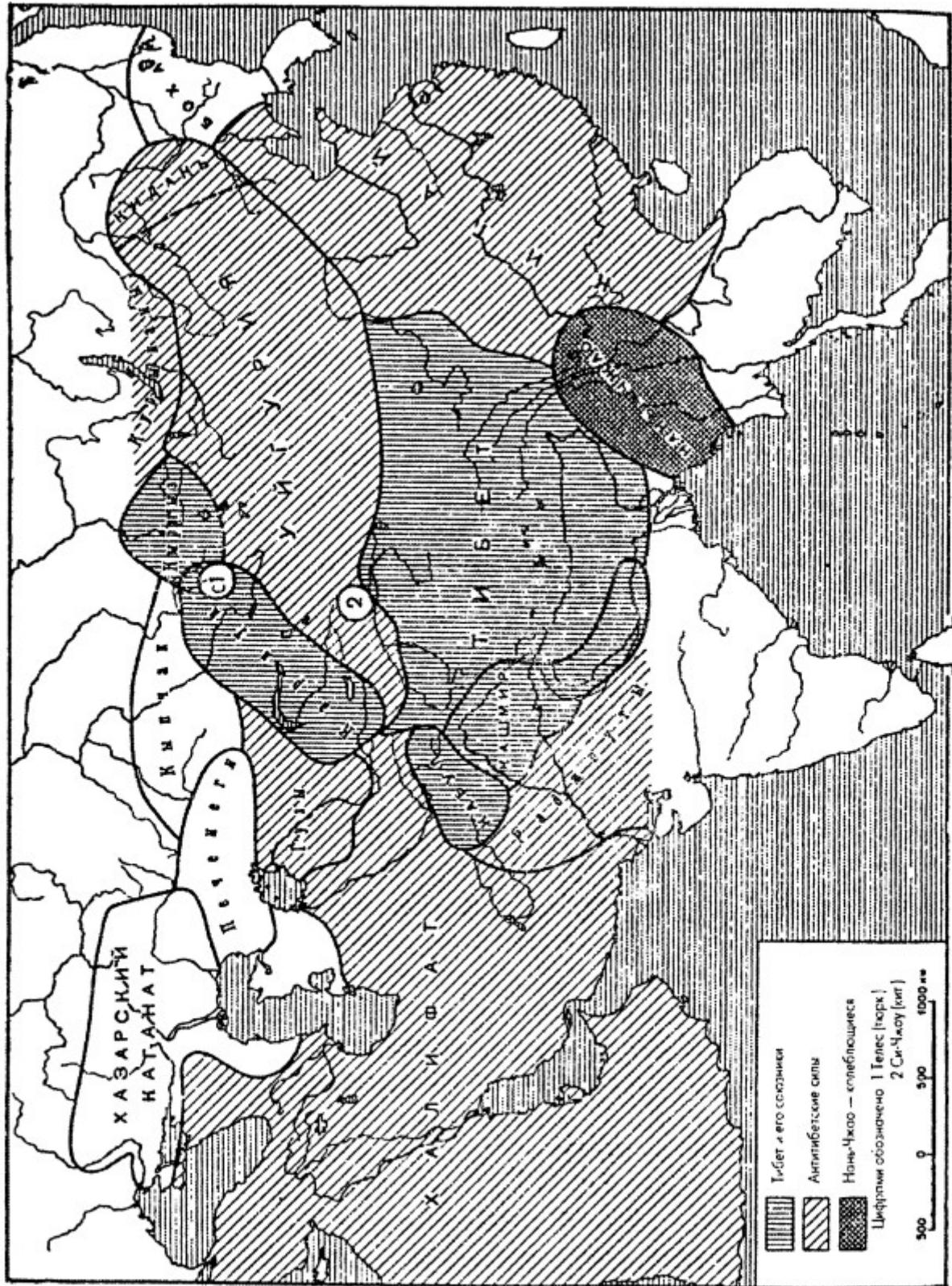
В донесении Гао Сянь-чию значение этой победы было весьма преувеличено: “Фолинь [Византия], Даши [Арабский халифат], всего 72 владения пришли в трепет и покорились Китаю”²⁰. Гао Сянь-чжи обманывал не только свое правительство, но и себя самого. Окрыленный успехом, он ввязался в борьбу с арабами.

Некоторые согдийские князья еще держались за империю, так как надеялись получить от нее помощь против наступавших мусульман. Но в 748 г. наместник Бэйтана, Ван Чжен-сян, ввязался в войну с бухарцами²¹. Единственным успехом его было взятие Суяба, города недалеко от оз. Иссык-Куль²². Город был разрушен до основания. Вероятно, этот успех был также раздут, потому что позднее Гао Сянь-чжи вмешался в вооруженный конфликт Чача и Ферганы на стороне последней и оккупировал Чач в 749 году²³.

Согдийцы вместо помощи против арабских грабителей получили китайских грабителей-генералов, причем предпочитавших избегать встреч с арабскими войсками. Но логика событий оказалась сильнее воли полководцев, и столкновение все-таки произошло.

Согдийские князья были покинуты в беде, но верности от них требовали по-прежнему. Гао Сянь-чжи арестовал владельца Чача по подозрению в измене и отоспал его в Китай, где тот был казнен. Для всех было ясно, что причиной этой жестокости была алчность имперского полководца, в руки которого попали богатства казненного князя. Это окончательно толкнуло согдийцев в объятия арабов. Сын казненного привел мусульманский отряд Зияд ибн Салиха, присоединил к нему своих согдийских друзей и осадил г. Талас. Гао Сянь-жиг двинулся на выручку, туда же подтянул свою конницу ябуу карлуков, вассал империи. На стороне имперцев выступили ферганцы, кашгарцы, кучасцы – всего 30 тыс. человек. Число арабов и согдийцев неизвестно, но, вероятно, их

Средняя Азия в середине IX в.

было не меньше. Обе армии встретились у Атлаха, около р. Талас, в июле 751 г. Ожесточенная битва продолжалась пять дней без заметного результата. Но в решительный момент карлуки ударили в тыл войска Гао Сянь-чжи, и имперцы были разбиты наголову. Гао Сянь-чжи бежал в Китай²⁴.

Халифат не мог воспользоваться плодами победы. Восстание Абу-Муслима и Абуль Абаса в 750 г. против Омейядов поглотило все силы страны. Победитель при Таласе Зияд ибн Салих оказался замешанным в одном из многочисленных заговоров и сложил свою голову на плахе. Однако поражение настолько напугало китайцев, что они отказались от мысли захватить Запад. Империя стояла перед крахом.

Было мнение, что Таласская битва решила вопрос о преобладании мусульманской культуры в Средней Азии над китайской. Однако судьба одного сражения не может определить путь развития целой страны. Империя Тан несла на Запад не китайскую культуру, а свое политическое господство, но оно было неосуществимо. Враждебность кочевых ханств – уйгурского и карлукского – была непреодолима. Военная мощь империи терпела в 751 г. удары всюду: кидани разбили имперцев на востоке, тибетцы и вновь возникшее государство Наньчжао – на юге, а внутренние противоречия вскоре повели к катаклизмам, заставившим Китай замкнуться в своих границах. Таласская битва была лишь одним звеном длинной цепи событий.

КАРЛУКИ

Несмотря на то что карлуки были этнически наиболее близки к тюркотатам, они всегда не ладили с ними. Во время ликвидации алтайской ветви тюркотов-тёлёсов в 650 г. карлуки оказали поддержку имперскому корпусу, проводившему эту операцию. Эта поддержка была воспринята в Китае как подданство, но практически карлуки вошли в состав империи Тан лишь в 657 г.²⁵, при покорении Западнотюркского каганата.

Зависимость от империи не была для карлуков тяжелой. Их вожди получили китайские чины, а все прочее осталось по-прежнему. Во время Второго каганата карлуки отчаянно защищали свою свободу и, наконец, одержали полную победу. Но союз с империей они хотели сохранить, несмотря на то, что именно их предательский удар в спину войскам Гао Сянь-чжи решил судьбу Таласской битвы. Поэтому, когда тюркский ябгу Абусы, сдавшийся имперцам в 744 г., поднял в 752 г. восстание и разгромил Шофан, карлуки в 753 г. выступили против него и, ударив с запада, одержали полную победу над тюркскими повстанца-

ми. Абусы попал в плен к карлукам, был выдан китайцам и брошен ими в подземную тюрьму²⁶. Карлукский ябгу был признан “царем Алтая”.

С этого времени карлуки пошли в гору. Единственный их соперник – тюргешское ханство – неуклонно распадалось. В 756 г. вспыхнула кровавая распрая между желтыми и черными родами²⁷. Распрая окончательно обескровила тюргешей, и, когда в 759 г. началось наступление карлуков, тюргеши не смогли оказать сопротивления. К 766 г. карлуки закончили покорение Семиречья, Таласа, долины р. Чу и дошли до Западного Тянь-Шаня²⁸. Тюргеши частично подчинились карлукам, частично эмигрировали на восток и поддались уйгурам. Отныне карлуки остались единственными хранителями степной культуры в Средней Азии. Они 200 лет удерживали напор ислама, пока в 960 г. не обратились в мусульманскую веру сами. С Китаем карлуки уже не поддерживали отношений, видимо не нуждаясь в нем.

Однако китайцы удержали “Четыре крепости” в Западном крае – Кучу, Карабар, Хотан и Кашгар, а также Бэйтин в Джунгарии. Шато сохранили верность императору, но, отрезанные от Китая уйгурами и страдая от собираемой ими дани, они кончили тем, что подчинились победоносному Тибету²⁹.

Западная политика империи Тан провалилась. Китай и Великая степь во второй половине VIII века снова стояли друг перед другом, как два враждебных мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В это число входила вся обслуга и тылы. Население империи в 742 г. достигло 48 млн; 80 тыс. конницы, т.е. полевых войск, – совсем немного для поставленных задач.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 308.

³ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 40–47; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 30–44. Текст, транскрипция и перевод.

⁴ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 40; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 38–39.

⁵ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 23.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Рамстедт (Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 41) предполагает, что речь идет о Гоби, но этого не может быть, так как война продолжалась в Халхе. Скорее, это пустыни Джунгарии, около которых уйгуры сомкнулись с карлуками и басмалами.

⁸ В китайском произношении – Усу-миши-хан. Уйгуры его ханом не признали и именовали Озмыш-тегином (там же). Предположение Рамстедта, что Озмыш попал в плен к уйгурам, неправильно. Слова “...я взял в плен, его супругу я взял себе. Династия тюрок с этой поры и была уничтожена” должны быть отнесены к преемнику Озмыша Баймэй-хану.

Древние тюрки. Часть 2

- ⁹ *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 261.
- ¹⁰ *Кит.* Баймэй-хан Хулун-фу, что значит белобровый хан жеребенок-бек.
- ¹¹ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 278.
- ¹² *Васильев В. П.* Китайские надписи... С. 28. Комментарий китайского Цзунли ямыня (Ученый исторической комитет) на китаеязычный орхонский памятник уйгурского времени.
- ¹³ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 307–308.
- ¹⁴ Там же. С. 348 (здесь разногласие в тексте Таншу: на с. 307 – вождь басмалов убит, на с. 347–348 – он бежал в Бэйтин; возможно, что один убит, а бежал другой, но уверенности нет).
- ¹⁵ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 278.
- ¹⁶ *Julien S. Documents...* P. 475.
- ¹⁷ *Jisl L. Výzkum Külteginova památniku...* S. 109.
- ¹⁸ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 368.
- ¹⁹ *Grousset R. Histoire de L'Extrême-Orient.* P. 283.
- ²⁰ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 321.
- ²¹ Там же. С. 314.
- ²² *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 303.
- ²³ *Бартольд В. В.* Туркестан... Ч. II. С. 200.
- ²⁴ *Chavannes E. Documents...* P. 142–143, 297.
- ²⁵ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 347.
- ²⁶ *Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten...* S. 261.
- ²⁷ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 300.
- ²⁸ Там же. С. 347.
- ²⁹ Там же. С. 359.

XXVII. Создание Уйгурского каганата

УЙГУРЫ

Уйгуры построили свою державу совсем на иных принципах, чем тюрки. Девять родов составляли собственно племя токуз-огузов, которое было ведущим, но не господствующим. Подчинив себе басмалов и восточных карлуков, уйгуры приняли их в свою среду как равных.

Другие шесть телеских племен – буту, хунь, байырку, тонгра, сыге и киби – в правах и обязанностях были приравнены к токуз-огузам. Ставка хана находилась между Хангаем и р. Орхон, границы их на востоке охватывали Западную Маньчжурию, а на западе – Джунгарию. Граница между карлуками и уйгурами была установлена в 745 г. в результате военного столкновения. После разгрома тюрок карлуки вошли в союз с тюргешами против уйголов, но были разбиты¹. Вследствие этого восточные кочевья карлуков на Черном Иртыше оказались в составе Уйгурского каганата.

Степи к югу от Гоби уйгуры оставили за империей. Несколько позже они расширили свои владения на северо-запад, но вообще они не стремились к территориальным приобретениям. Вся структура Уйгурского каганата, представлявшего конфедерацию племен, не позволяла ханам собирать большие войска и бесконтрольно распоряжаться ими. Племена же были настроены миролюбиво. Они устали от потрясений, произведенных тюрками, и хотели наслаждаться безмятежным покоем. В соответствии с этим настроением Пэйло признал себя вассалом империи, чтобы не вызывать ненужных осложнений. Сын его, Моянчур

Гэлэ-хан, унаследовавший престол в 747 г., ежегодно снаряжал посольство в Чанъянь, получал подарки и был лоялен к империи².

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Вступление на престол Уйгурин законного наследника, царевича, шада Моянчура, почему-то встретило неожиданное сопротивление народа. Во главе восставших оказался ябгу Тай Бильге-тутук, недавно получивший этот чин из рук ныне покойного хана. “Черный народ передался, но некоторые держали сторону Тай Бильге-тутука и провозгласили его каганом”³. К повстанцам присоединились кидани⁴ и татары; на стороне хана дрались, как можно думать, уйгурские дружины его отца, но многие вельможи оказались его врагами. Ветераны, только что разгромившие тюрок, были более грозной силой, чем народные массы, даже поддержаные восточными соседями. В двухдневном бою при Бюкегюке(?) Моянчур обратил в бегство киданей и татар, после чего полностью подчинил соплеменников. Вельможи понесли тяжелое наказание, скорее всего были казнены⁵. Простой народ был помилован. Несмотря на это, как только хан откочевал, восстание вспыхнуло снова, причем повстанцы опять пригласили на помощь киданей и татар. Однако последние повстанцы запоздали на месяц. Хан успел победить своих непокорных подданных и в наказание отобрал у них скот и женщин.

С киданями и татарами уйгурское войско столкнулось на северо-западе от Селенги. Уйгуры смяли противника и оттеснили его к берегу реки. Кидани и татары начали отступление, преследуемые уйгурами. По дороге они разделились: кидани отступили благополучно, а татары были настигнуты у “ключа Кэйре и речек Три-Биркю(?)”⁶ и потеряли половину войска, попавшего в плен.

Одновременно с этим походом хану пришлось подавлять новую вспышку восстания своего народа. Необходимо отметить, что хан всячески стремился к компромиссу. Он отпустил захваченных в плен повстанцев и обратился к ним с прочувствованным воззванием: “Из-за низости Тай Бильге-тутука, из-за низости одного-двух именитых ты, мой черный народ, попал в смерть и беду, но ты не должен умирать, не должен страдать! – сказал я. – Снова дай мне твои силы и твою поддержку!” Но дальше он грустно констатирует: “Они не пришли”⁷.

Повстанцы снова были разбиты у оз. Соленый Алтыр(?), и гражданский мир установлен.

Смысл и причины этой внутренней войны крайне неясны, но знаком гражданских войн Фарината делли Уберти утверждал, что в по-

добных случаях “в бой едва ли шел без причины хоть один боец”; ожесточение, проявленное в повторных возмущениях, указывает на то, что тут были затронуты кровные интересы масс.

Мы не можем рассматривать эту войну как борьбу низов против знати, так как надпись определенно дважды подчеркивает роль вельмож в руководстве восстанием. Вместе с этим ханское войско состояло, очевидно, не только из аристократов. Поэтому нужно искать другие причины хода событий.

В VII и VIII вв. вся Азия стала полем для распространения прозелитических религий. На западе бурно развивался ислам, на востоке – буддизм, а на севере нашли место вытесненные из Ирана несторианско-христианство и манихейство.

Христианская пропаганда в Тюркском каганате дала ничтожные результаты, так как тюрьки возвели свое собственное мировоззрение в государственный принцип, но падение каганата и разочарование в идеологии войны и победы среди уцелевших от резни родов оказались стимулом для успехов христианской проповеди. Наследниками тюрок в степи были карлуки и басмалы, причем последние включали в свой состав наибольшее количество осколков каганата⁹. Именно там наибольшие успехи имело христианство, сохранившееся среди потомков басмалов, аргынов, до XIII века¹⁰. Но и на востоке, среди уйголов, появились христиане, как будет видно далее.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

Закончив победоносно гражданскую войну, хан Моянчур встал перед второй политической задачей: какие племена следует включить в свою державу и какие оставить за ее пределами? В условиях степного ландшафта и кочевого быта эта задача приобрела особую сложность, так как нужно было иметь естественные рубежи, например горные хребты, а для этого необходимо было подчинить себе племена, обитавшие к югу от Саян и к западу от Алтая. В противном случае кочевья уйголов были бы открыты набегам соседей, как показала минувшая война.

Моянчур взялся за дело со всей присущей ему энергией. Весной 750 г. он нанес поражение чикам на р. Кем, т.е. в верховьях Енисея, и добился от них изъявления покорности. Осенью того же года он покорил татар в северо-западной Маньчжурии. Но уже на следующий год какое-то племя на северо-западе¹¹ объединилось с кыргызами и чиками для борьбы с уйгарами. Главная опасность была в том, что карлуки собирались поддержать кыргызов и чиков, но, к счастью для

уйголов, они опоздали выступить. Моянчур бросил на чиков тысячный отряд, который быстро усмирил восстание. Немногочисленный заслон уйголов отогнал летучие отряды кыргызов, а сам хан, с главными силами переправившись на плотах через Черный Иртыш¹², ударил на карлуков и разбил их у р. Болчу (Урунгу), там, где некогда Кюльтегин и Тоньююкк нанесли поражение тюргешам. Но этим война не кончилась, так как неизвестная нам группа, которой принадлежала инициатива восстания, уничтожена не была.

В надписи указана дата победы: 18-го числа одиннадцатого месяца. Как считали уйгуры месяцы? Не по-китайски и не по-европейски, так как в обоих случаях Иртыш в одиннадцатый месяц скован льдом. Этот текст позволяет отбросить гипотезу В. В. Бартольда и П. М. Мелиоранского, согласно которой “у древних уйголов счет месяцев, кажется, совпадал с китайским”¹³. Тюркское исчисление времени знало лишь десять месяцев с числовыми наименованиями, причем первый тюркский месяц соответствовал третьему китайскому, а первые два месяца имели специальные названия: *улуг ай* и *кичиг ай*=большой и малый¹⁴. Следовательно, не годится и оно.

Не подходит и Йездигердова эра с персидским календарем, так как тут год начинается 15 марта, а одиннадцатый месяц – *бахман* – 9 января¹⁵.

Манихеи применяли вавилонский календарь, по которому первый месяц года – *нисан* – начинается 3 апреля, а одиннадцатый месяц – *шубат* – соответствует февралю; следовательно, этот календарь тоже не подходит. Но сирийский календарь, употреблявшийся восточными христианами, несторианами, началом года считает 1 октября, а одиннадцатый месяц – *аб* – соответствует августу¹⁶. Только этот календарь соответствует отмеченному нами факту. Но если так, то, значит, составитель надписи Моянчура был христианином, а так как он несомненно был уйгуром, то отсюда вытекает, что среди уйгурского народа была христианская община.

В этом соображении нет ничего невероятного. Несторианские епископы в Мерве и Герате известны с V в. В 635 г. христианский проповедник Аlopянь прибыл в Китай и основал там общину¹⁷. Христианские купцы некоторое время конкурировали с еврейскими, в конце концов захватившими в свои руки торговлю между Китаем и Провансом. Торговля велась столь оживленно, что китайский язык стал известен в Хазарии¹⁸. В Тюркском каганате с его стройной системой идеологических и политических учений не было места чужеземным религиям, но в кочевьях джунгарских тюрок, тесно связанных с караванными путями и торговыми городами, оседали идеи, разносившиеся вместе с товарами по всему миру.

Это предположение нашло несправедленное подтверждение в ходе событий. Когда в следующий, 752 год войны возобновилась, в антиуйгурской коалиции оказались басмалы, тюргеши и “три святых”¹⁹.

Это странное, явно неэтническое название можно истолковать только одним способом: это христианская община, почитатели Троицы. Хочется думать, что именно они и подняли в 751 г. чиков и кыргызов и оказывали столь упорное сопротивление хану-язычнику. Только в этом случае будут понятны слова надписи: “К карлукам он послал своих людей... В тайге я подыму смуту, сказал он, а вы извне... я хочу с вами соединиться, сказал он”²⁰.

Положение было очень серьезно, но Моянчур располагал войском, составленным из ветеранов. Арабский историк Кудама сообщает, что десять токуз-огузов могли справиться с сотней карлуков²¹.

Бой произошел в Отукенской черни, т.е. Хангае, в самом сердце Уйгурии. Союзники были разбиты. Уйгуры преследовали карлуков и тюргешей, настигли их и отобрали все имущество. О “трех святых” источник больше не упоминает; очевидно, с ними на этот раз было покончено.

Дальше текст надписи сильно испорчен. Видно только, что в 753 г. продолжалась ожесточенная борьба с басмалами и карлуками, к которым присоединились какие-то тюрки, может быть из тех, что укрылись в 650 г. в Алтае²². К 755 г. войны закончилась полной победой уйголов, покоривших восточные кочевья карлуков до Саура и Тарбагатая. Дальше на запад уйгуров не пустили печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги²³. Этот воинственный народ поссорился со всеми соседями: хазарами, кыпчаками и гузами. Поэтому жестокая война не прекращалась ни на минуту, что было на руку уйгарам и позволило им установить западную границу.

Добровольное подчинение киданей укрепило восточную границу Уйгурского каганата, а восстание Ань Лушаня и последующие походы в Китай обогатили южные окраины за счет военной добычи. Оставался север, где кыргызы сопротивлялись до 758 г. Потерпев поражение и покорившись, кыргызы не утратили самоуправления. Их глава получил от уйгурского хана титул “Бильге-тонг-эркин”²⁴ без приставки “кэхань”. Очевидно, тут была какая-то форма зависимости, которую нельзя назвать вассальной потому, чтобы не давать повода для поисков феодальных отношений в обществе, состоявшем из свободных членов общин (огузов) и военнопленных рабов.

Экспансия на север и запад, дойдя до естественных границ, прекратилась. Сами уйгуры называли присоединенные племена “гостями”; победу над тюрками рассматривали как вторичное возвышение

своей державы, считали, что “хан на престоле управлял народом как детьми”²⁵ или “как наседка высиживает свои яйца”²⁶.

Несомненно, что нарисованная ими картина процветания и благоденствия приукрашена, но важно, что как идеал здесь выдвинут патриархальный быт вместо всепокоряющей орды.

УЙГУРЫ И ИХ СОСЕДИ

Выше говорилось, что уйгурская конфедерация племен состояла из господствующего, вернее, руководящего племени токуз-огузов, в которое были инкорпорированы басмалы и восточные карлуки, шесть телеских племен (бугухунь, байырку, тонгра, сыге и киби), считавшихся юридически равноправными, а также нескольких покоренных племен, о которых речь впереди. Покоренные племена облагались данью в пользу ханской фамилии Яглакар, происходившей из племени токуз-огузов. Это племя находилось в привилегированном положении не только по сравнению с союзовыми племенами, но даже относительно басмалов и карлуков, которые “в сражениях всегда шли впереди”²⁷, потому что их меньше жалели и берегли.

Самый важный вопрос – взаимоотношения уйголов с племенами, не входившими в конфедерацию, – проясняется лишь благодаря тибетскому географическому документу VIII в., уже неоднократно цитированному нами²⁸.

Согласно этому памятнику, кидани, жившие по берегам Нонни (северо-восточнее Уйгурии), сохраняли известную самостоятельность. Их вожди начали титуловаться хаганами и иногда ссорились с уйгурами, но чаще держались союза с ними из-за застарелой вражды к китайцам. Так же вели себя татабы и кара-киби²⁹, т.е. та часть племени киби, которая не вошла в уйгурскую конфедерацию. Севернее этих племен, на Амуре, жили татары, в те времена еще занимавшиеся преимущественно ловлей рыбы, а в Забайкалье – скотоводческое племя долемань (название, не поддающееся интерпретации³⁰). На северной границе Уйгурии находилось Киргизское ханство, платившее уйгурам дань соболями. Кыргызы, по-видимому, после разгрома в 711 г. распались на несколько племен³¹, что и облегчило уйгурам установление отношений с ними. Но кроме кыргызов в Южной Сибири обитало несколько крупных племен [семь племен йедре (по-видимому, саяно-алтайские угры, предки шорцев) и племя кучугур – ку-кижи – алтайские лебединцы³²], которые находились в постоянной войне с уйгурами.

Война эта изнуряла Уйгурию и не позволяла уйгурским ханам сосредоточить внимание на других участках границы, где положение

было столь же напряженным. О размерах угрозы со стороны Сибири дают представление фантастические рассказы о быконогих людоедах, живущих на севере, о бессмертном великане и о страшных зверях, нападающих на людей. Общий смысл этих рассказов только один: указать на опасность, грозящую с севера, и в этом уйгуры были недалеки от истины³³.

На Алтае и южнее его тибетский географ помещает два народа.

Один находится в стране столь закрытой, что карлуки не могут в нее проникнуть. Он подчинен вождю с титулом Ики иль кур эркин³⁴, т.е. вождь двух племенных объединений. Несомненно, это остатки тюрок, укрывшихся в горах Южного Алтая и учредивших там привычную для них систему “толис-тардуш”, отражением которой стали kostи толис и тодош, живших около Телецкого озера и в долине Чуи³⁵.

Второй народ – *ибилькур*, происходивший от тюрок Кюлюг-кульчура³⁶, – это чумугунь, единственное из чуйских племен, сохранившее в середине VIII в. самостоятельность, несмотря на то, что оно находилось между карлуками и тюргешами³⁷. Владения этого племени располагались по западную сторону Тарбагатая³⁸. В Джунгарии кроме хорошо известных басмалов и карлуков жили байырку – по-видимому, какая-то часть этого многочисленного племени, сражавшаяся в 747 г. против уйгуров на стороне басмалов и поселившаяся вместе со своими друзьями³⁹. Второе племя – *ограк*, жившее восточнее тюргешей, – одно из исконных племен Джунгарии, известное еще в I в. до н.э. под названием *уге*⁴⁰. Тюргеши, вернее, осколок этого народа, также были верными союзниками уйгуров, сохраняя накопившуюся вражду к арабам, господствовавшие в оазисах Средней Азии. Западнее располагались племена, враждебные уйгурям: печенеги и “черные всадники”⁴¹, под которыми, думается, надо понимать черных тюргешей, точнее, тех тюргешей, которые не подчинились добровольно уйгурам.

Везде – на востоке, севере и западе – в VIII в. племена раскалывались, дробились и объединялись в новых комбинациях, потому что культура, вторгшаяся в степь через Иран, ставила новые задачи и выдвигала иной принцип для объединения людей. Этим принципом оказалось вероисповедание.

СМЕНА ВЕРЫ

Можно предположить, что с событиями, сопровождавшими возникновение Уйгурского каганата, связана перемена идеологии, так как в эту эпоху в Уйгурии появилась государственная религия, что было новостью для внутренней Азии. Хунны, тюрки и древние монголы почи-

тали “Вечное небо” правосудный источник жизни, мировой порядок, отличая его от материального “Голубого неба”⁴² и не отождествляя его культа с культом предков. Оба эти культа по своей природе не могли быть прозелитическими: Вечное небо общечеловечно, и вера в него свойственна всем народам, а предки – свои, и чужие их не должны почитать⁴³. Сходный культ Неба-Земли был и у уйголов, но при Идигань-хане он сменился манихейством⁴⁴.

Уйгурские христиане сделали роковую ошибку, оказавшись во время гражданской войны в числе противников хана. Их влияние пошло на убыль, и это расчистило дорогу манихеям.

Сам хан Моянчур исповедовал старую религию. Это видно из текста его надписи: “Я прожил лето в своем чыт, там я устроил яка (яка якаладым)”⁴⁵. Слово “яка” оставлено Рамстедтом без перевода, но вариант его значения открыт Маловым – “плата”, иногда “аренда”⁴⁶. В данном контексте это благодарственное моление за удачный поход.

В орхонской китаеязычной надписи принятие манихейства приписано хану “Дэнли логу [юй] Момишисиеду Дэн, миши хэ Гюйлу”⁴⁷ и следует за подавлением восстания Ши ЧАО-И, т.е. после 763 г. Это совпадает с разрывом китайско-уйгурского союза во время восстания Хуай Эня. Так как манихейство в Китае считалось учением одиозным, а христианство было терпимо, то не случайно, что религиозный и политический повороты совпадают. Таким образом, мы можем датировать обращение уйголов 766–767 гг. Хотя в VII–VIII вв. манихейство проповедовалось по всей Азии, но укрепилось оно только у уйголов⁴⁸, причем уйгурские ханы энергично поддерживали своих единоборцев в Китае⁴⁹ и в Средней Азии⁵⁰.

Таким образом, факт радикального изменения идеологии в Уйгурии устанавливается с полной несомненностью. К сожалению, сведения китайских и арабских авторов слишком отрывочны, чтобы позволить нам уяснить, как, когда и при каких обстоятельствах это изменение произошло. Но о введении новой религии значительно больше и интереснее говорит уйгурский китаеязычный памятник в долине р. Орхон. Несмотря на плохую сохранность, он дает ценные сведения по интересующему нас вопросу, так как соответствующие строки поддались восстановлению⁵¹. Оказывается, Идигань⁵² пригласил к себе проповедников и дал им высшему законоучителю возможность произнести проповедь перед чиновниками. Тот оказался блестящим оратором: “Его рассуждения лились, как спущенная река, потому мог он открыть истинное учение уйголов”.

Уйгурские вельможи, “раскаиваясь в прежних заблуждениях... получили приказание обнародовать это учение, чужие нравы превратить

в страну пропитания [область пищи]⁵³, владение убийства переменить на царство увещевания к добру”.

Религиозная реформа удалась. “Как люди высшие действуют, [тому] низшие подражают”. “Царь веры”⁵⁴, под которым понимался манихейский патриарх в Вавилоне, одобрил происшедшее и “велел всем духовным и монахиям войти в государство проповедовать”.

В полном соответствии с текстом надписи описывает обращение уйгуров Джувейни. Он констатирует наличие у них “науки колдовства”, а специалистов в этой области называет “камами”. Он считает систему взглядов уйгуров не религией, а только “практической деятельностью”, заключавшейся в общении с духами-дьяволами (инкубами и суккубами). Мы бы назвали это тоже не религией, а магией. Влияние камов было огромно, так как они и лечили больных, и гадали, причем последняя функция делала их советниками хана и князей. Это классическая форма шаманизма, хорошо изученная и неоригинальная.

Манихеев Джувейни называет “туинами”, людьми, сведущими в “номе” – книгах закона. “Ном” – слово персидское и до сих пор сохранилось в монгольском языке как название священных книг. Оказывается, проповедник манихейства пришел из Хатая, а Хатаем во время Джувейни называли Семиречье.

У Джувейни весьма подробно описан диспут между камами и манихеями: “...обе партии поставили одну против другой, чтобы прощать вероучение всякой, которая победит. Номисты начали читать свою книгу “Ном”. “Ном” есть их знание и догматика, содержащая вздорные предания и рассказы, и находятся в содержании его хорошие увещания, согласные с предписаниями и учением всех пророков, как то: воздерживаться от обид и несправедливости и тому подобного, воздавать добром за зло, остерегаться мучить животных и пр. Их вероучения и убеждения многоразличны, но более всего на них похоже учение последователей переселения душ... Когда они прочли немного “Нома”, камы оказались на мели. По этой причине [уйгуры] усвоили идолопоклонство [манихейство, ибо шаманизм Джувейни не считает даже языческой религией], и большая часть племен последовала им”⁵⁵.

Хотя тексты Джувейни и надписи весьма близки и несомненно повествуют об одном событии, совершенно ясно, что историк XIII в. смешал воедино манихейство, к его времени угасшее в Срединной Азии, и восторжествовавший буддизм. Манихейских “совершенных” он называет “туины” – тюркским словом, возникшим из китайского tao-jen, букв. “человек на Пути [буддийского совершенствования]”. Затем он не отличает современных ему уйгуров-буддистов от древних манихеев, утверждая, что по причине описанного обращения они стали на восто-

ке наиболее враждебны и ненавистны исламу. Однако прочие сведения нарративных и эпиграфических источников позволяют установить, что это было обращение не в буддизм, а в манихейство⁵⁶.

Насколько быстрым оказалось обращение, можно судить по тому факту, что уже в 768 г. уйгуры просили китайцев поставить манихейские кумирни в четырех областях⁵⁷, что последние выполнили с крайней неохотой. Китайцев манихейство шокировало больше всех прочих религий тем, что, запрещая семью для избранных, разрешало изнурение плоти путем коллективного разврата. Но кроме того, сами манихеи дали повод к ожесточению против себя: даже в то жестокое время они показали пример религиозной нетерпимости.

Об этом говорит в первую очередь сам текст надписи: “Неверующие по незнанию называли черта буддой”⁵⁸. Это более крайняя точка зрения, чем у христиан или мусульман, считавших буддистов язычниками, но не поклонниками сатаны. Затем, есть сведения, что в манихейских кумирнях изображался демон, которому Будда моет ноги⁵⁹. Разумеется, буддисты воспринимали это как неслыханное кощунство.

Но мало того, взяв верх, манихеи начали применять к побежденным соперникам те меры, которые только что применялись к ним самим. “Должно вырезанные и рисованные изображения демонов все велеть сжечь, молящихся духам, кланяющихся демонам, вместе...”⁶⁰ Надо полагать, что участь буддистов в Уйгурии была нелегка.

Торжество манихейства поссорило уйголов со всеми соседями: мусульмане в Средней Азии, буддисты в Тибете, конфуцианцы в Китае, шаманисты в Кыргызском ханстве – все воспринимали новое учение как диковинную извращенность. Вряд ли принимали доктрину о борьбе с собственным телом путем изнурительного воздержания и столь же изнурительного распутства низшие слои в самом Уйгурском ханстве. Однако “история гласит: хуйхуский кэхань с Мони общее государство”⁶¹, т.е. уйгурский хан настолько связал себя с манихейской общиной, что его эль превратился в союз трона и алтаря.

Внедрение манихейства в Уйгурии повело за собой изменение письменности – появился новый алфавит, называемый уйгурским. Он происходит от новосогдийской письменности и отличается своей простотой и удобством. Сточки идут сверху вниз и слева направо⁶². Этим алфавитом написаны манихейские, христианские и мусульманские тексты, а также юридические документы из Турфана; наиболее древними являются манихейские, так как фонетика и грамматика их языка ближе к орхено-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским и уйгурско-мусульманским⁶³. Самым ранним текстом, поддающимся датировке, являются четыре строки на орхонском китаеязычном памятнике 795 г. Сохранность надписи очень

плохая, но она несомненно связана с китайским текстом, разобраным выше, так как высечена на том же самом камне⁶⁴.

В нашем распоряжении имеется текст — покаянная молитва со среднеперсидским названием — Хуастуанифт, вернее, ее перевод с манихейско-сирийского на уйгурский. С. Е. Малов предполагает, что перевод был сделан еще в V в., но это исключено всем ходом истории. Манихейство у уйгуров зафиксировано лишь в VII в. и отсутствовало у тюрок. Следовательно, оно проникло в Великую степь во второй половине VII в., когда арабы подавили сопротивление согдийцев и манихеи вынуждены были бежать из цветущих оазисов в дикие степи ради спасения жизни. Молитва имеет подпись: “Бетюрмиш-тархан за-кончил Хуастуанифт — моление о грехах слушателей”⁶⁵. Очевидно, Бетюрмиш-тархан был “совершенный” (высший чин манихейской иерархии), и весьма примечательно, что проповедь манихейства шла через представителя аристократии.

Но и простые уйгуры испытали на себе силу новой религии. Манихейский канон предусматривает постные дни, когда запрещено вкушать даже масло и молоко. Уйгурским пастухам и охотникам пришлось заводить огороды, чтобы не умереть с голода. Таким путем начало распространяться земледелие в степи⁶⁶.

Сами проповедники манихейства свое удовлетворение достигнутыми успехами выражали такими словами: “Страна диких нравов, наполненная дымящейся кровью, превратилась в страну, где питаются овощами, страна убийства — в страну стремления к добрым делам”⁶⁷. Сомнительно, чтобы эта широковещательная декламация отражала действительное положение вещей. Природная воинственность уйгуров не исчезла от поста и молитв, и внешняя политика Уйгурии продолжала оставаться активной.

НАЧАВШИЙСЯ ПРОГРЕСС

Новый порядок в степи благотворно повлиял на развитие торговли. Хотя прямых указаний на это в хрониках нет, но убедительные сведения дает нумизматика. В Минусинской котловине сделано много находок китайских монет танского времени. 45 монет чеканки 621 г. попали в Сибирь, очевидно, в промежуток между 630—680 гг., когда тюроки подчинялись империи Тан. Затем идет перерыв, падающий на эпоху Второго каганата, и затем 12 монет 758—759 гг., после чего до IX в. найдено всего 6 монет⁶⁸.

Было бы неверно думать, что торговля в конце VII в. прекратилась. Скорее наоборот, она расширилась, но арабские и турфанские

купцы побили китайских конкурентов. Из Халифата каждые три года в Минусинскую котловину приходил караван из 20–24 верблюдов, нагруженных узорчатыми тканями⁶⁹. Если столько попадало в одну из областей Уйгурин, то сколько же шло в центр ее!

Уйгурская столица была уже не лагерем из войлочных шатров, подобно ставке тюркских ханов. В отличие от тюрок уйгуры начали широкое строительство городов, причем оно поручалось согдийцам и китайцам. Около 758 г. на берегу Селенги был построен г. Байбалык⁷⁰. Близко к этому времени в столице Уйгурин – Каракоруме была воздвигнута стела с китайской надписью⁷¹.

Уйгурин чрезвычайно быстро превращалась в культурную страну.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рамстедт Г. И. Перевод надписи Селенгинского камня. С. 41; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 39. В тексте говорится о десяти племенах, т.е. о западных тюрках. Но так как последний западнотюркский хан Ашина Хинь был убит в 740 г. и остатки западных тюрок объединились с тюргешами, то я полагаю правильным для 745 г. понимать под названием десяти племен ханство черных тюргешей.
- ² В “Таншу” год смерти Пэйло и воцарение Моянчура не указаны (см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 309). Е. Бретшнейдер дает явно неверную дату – 756 г. (см.: Bretschneider E. Medieval researches from eastern asiatic sources. London, 1910. P. 240), но правильная дата имеется на Селенгинском камне: год свиньи = 747 г. (Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 41; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 39).
- ³ Так у Г. И. Рамстедта (Перевод надписи “Селенгинского камня.” С. 41). Рамстедт считает, что черный народ передался Моянчуру за некоторыми исключениями. У С. Е. Малова сказано: “Простой народ был предан моей власти”. Этому противоречит весь ход событий, изложенный в надписи, так как именно черный народ оказывал наибольшее сопротивление хану и был жестоко усмирена.
- ⁴ Речь шла о восьми огузах, т.е. о восьмиплеменном народе. Таковы были в это время только кидани.
- ⁵ Так я понимаю фразу: преступных вельмож [или именитых вождей] Небо дало в мои руки (см.: Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 41–42; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 39).
- ⁶ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 41–42; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 40.
- ⁷ Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 40.
- ⁸ Данте Алигьери. Ад. Песнь X. Стихи 89–90.
- ⁹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 256.
- ¹⁰ Книга Марко Поло. М., 1955. С. 94.
- ¹¹ Текст “Селенгинского камня” в этом месте попорчен и неразборчив.
- ¹² Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 44; Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 41.
- ¹³ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Куль-тегина. С. 142; Barthold W. Die alttürkischen Inschriften... S. 4.
- ¹⁴ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Куль-тегина. С. 141.

- ¹⁵ Катанов Н. Ф. Восточная хронология //Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1920. Т. I. С. 216–218.
- ¹⁶ Ruech H. Le manicheism. Paris, 1949. Р. 29; Катанов Н. Ф. Восточная хронология //Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1920. Т. I. С. 209–211.
- ¹⁷ Pelliot P. Les chrétiens... Р. 624.
- ¹⁸ Needham J. Science and civilization of China. III. Cambridge, 1959. Р. 681–682.
- ¹⁹ Букв. “уч-ыдук”. Весь текст таков: “из внешних (врагов): три карлука, три ыдука, тат.... (разрушено семь букв), тюргиши...” Несомненно, что идет простое перечисление врагов уйгурского хана и, следовательно, слово “ыдук” не является эпитетом к следующему слову, начинающемуся с “тат”... Последнее, поврежденное слово является фрагментом очередного этнического названия и должно быть отделено от “уч-ыдук” запятой. “Тат” не может быть первым слогом слова “татар” (Малов С. Е. Памятники... 1959. С. 36, 41), так как коалиция собралась на западной границе Уйгурии, тогда как татары обитали на восточной. Очень досадно, что в лакуне исчезло еще одно название племени, предшествовавшее слову “тюргеши”. Можно думать, что это какое-либо из мелких джунгарских племен. Слово “ыдук” в древнетюркских текстах прилагается к обожествленной родине: “святая земля” (Кюль-тегин, 10; Тоньюкук, 38), а в уйгурских – “посланный с неба”, “посланная Богом судьба”, “благословенный”, “благий” (Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. I, 2. С. 1382). В сочетании с числительным “три” и при засвидетельствованной другими источниками христианской проповеди среди тюркоязычных народов трудно сомневаться, что данный композитум – христианская “святая троица”. Зато упоминаемое Bacot J. (Reconnaissance... Р. 147) “племя Hi-dog-kas” (на землях басмалов, т.е. в Джунгарии) соответствует по своему местоположению и восстановленной фонетике (племя ыдук-кас’а, т.е. “племя священного человека”) христианской общине, причем ей противопоставляются Ne çag-, название которых удачно реконструировано Дж. Клосоном как Мони-чжоу, т.е. манихеи (на землях уйголов; см.: Clauson G. A propos du manuscrit... Р. 15).
- ²⁰ Рамстедт Г. Н. (Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 44) предполагает, что это слово вождя басмалов, но там же сказано, что тогда басмалы еще не были присоединены к Уйгурии и, следовательно, являлись ее внешними врагами. Тут же говорит враг внутренний, заговорщик, обращающийся к своим единомышленникам за границей.
- ²¹ Бартольд В. В. О христианстве... С. 22.
- ²² Гумилев Л. Н. Алтайская ветвь... С. 105–114.
- ²³ Bacot J. Reconnaissance... Р. 147; Бартольд В. Отчет..., приложение (перевод главы о тюрках из книги Гардизи “Украшение известий”). С. 120.
- ²⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355. Кит. Пицьсие-тунг-ье-гинь. В буквальном переводе: мудрый, великий племянник или подчиненный вождь (Clauson G. A propos du manuscrit... Р. 14).
- ²⁵ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 21–22.
- ²⁶ Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 128.
- ²⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 308.
- ²⁸ Bacot J. Reconnaissance... Р. 147.
- ²⁹ Ibid. Р. 151 (notes de P. Pelliot).
- ³⁰ Clauson G. A propos du manuscrit... Р. 22.
- ³¹ Дж. Клосон указывает, что названия Khe-tget, Hir-kis, Gir-lis, Hir-tis – не что иное, как кыргыз в разных транскрипциях (Ibid. Р. 23). Но поскольку разнятся не только написания имени народа, но и географические местоположения, я делаю вывод, что в середине VIII в. единого кыргызского ханства не существовало и граница

- транскрипций оправдана наличием политической раздробленности кыргызского народа.
- ³² Ср. *Bacot J. Reconnaissance...* P. 152. (notes de P. Pelliot).
- ³³ Ср. рассказ о народе собак, обитающем севернее песчаных пустынных холмов, который на поверхку оказался гузами, удержавшими независимость, несмотря на попытки тюроктов их покорить (*Bacot J. Reconnaissance...* P. 147; *Clauson G. A propos du manuscrit...* P. 15).
- ³⁴ Hi-Kil-rkor-hir-kin (*Bacot J. Reconnaissance...* P. 147).
- ³⁵ Баскаков Н. А. Алтайский язык. С. 28-29.
- ³⁶ *Bacot J. Reconnaissance...* P. 147.
- ³⁷ *Clauson G. A propos du manuscrit...* P. 16.
- ³⁸ Гардизи в этом районе локализует кимаков (*Бартольд В. Отчет...* С. 105–107). Название *кимаки* было неизвестно средневековым китайским географам, так же как названия чумугунь не знали географы персидские и арабские. Поэтому можно думать, что те и другие имели в виду одно и то же племя. Происхождение правящего рода кимаков из татар, приводимое Гардизи, относится к началу X в. и связано не с татарами, а с татабами, которых в это время покорили кидани (см. *Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан.* С. 209).
- ³⁹ *Clauson G. A propos du manuscrit...* P. 14.
- ⁴⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 91; Гумилев Л. Н. Хунну. С. 169.
- ⁴¹ В тибетском тексте: “Ha-La-yun-log – тюркское племя, многочисленное и процветающее. Отсюда берутся лучшие тюркские кони” (*Bacot J. Reconnaissance...* P. 147). Клосон локализует это племя в Усрушани и Фергане (*Clauson G. A propos du manuscrit...* P. 17), т.е. в областях в это время принадлежавших тюргешам. Полагаю, что можно читать так: “Кара юн[т]-лык”, где юнг – лошадь. Следовательно, “черные лошадники//всадники”, которыми в этом месте и в это время могут быть только тюргеши (ср. Гардизи о тюргешах – см. *Бартольд В. Отчет...* С. 125).
- ⁴² Банзаров Д. Черная вера. С. 6, 15.
- ⁴³ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 41.
- ⁴⁴ Pelliot P. (*La Haute Asie.* P. 17) считает, что манихейство принял Моянчур-хан (об этом ниже).
- ⁴⁵ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 44.
- ⁴⁶ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 384.
- ⁴⁷ “Тенгри улук куч мунмиш кат Денмиш кат кучлук кэхань”: букв. “Небесный, высокой силой воссевший очень Дэнмиш (?), очень сильный хан”.
- ⁴⁸ Бартольд В. В. О христианстве... С. 18.
- ⁴⁹ Pelliot P. *La Haute Asie.* P. 17.
- ⁵⁰ Бартольд В. В. О христианстве... С. 13.
- ⁵¹ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 13.
- ⁵² Именно он, а не Моянчур, как предполагали Пеллио и Васильев. Об этом повествует согдийский текст той же надписи. Хан, принявший “светлую веру”, – сын Кюльбильге-хана, т.е. Моянчура, и носит титул “Тэнгридэ болмыш иль-итмиш бильгехаган”, т.е. “в Небе возникший, державу устроивший мудрый хаган”. Согдийский текст, несмотря на фрагментарность, определенное китайского: “...еретический закон имели мы. Когда же... небесный владыка... огненно-светлое учение божественного мала Маны воспринял... После этого небесный владыка... ко всем... там сказал: “Воспримите!” Поэтому... мы принесли поклонение...” (*Hansen O. Zur sogdischen Inschrift...* S. 16–18).
- ⁵³ Имеется в виду “пища духовная”.
- ⁵⁴ У буддистов такого титула не было.
- ⁵⁵ Цитирую по: Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. С. 60–61 (ср. *Ata-Malik Juvaini. The*

History... Р. 59–61). Уйгурского хана Джувейни называет Буку-хан; в согдийском тексте надписи он назван Бугу-хаган. Это показывает, что Джувейни заимствовал рассказ об обращении уйгуров из согдийских документов, не дошедших до нас (ср.: Hansen O. Zur sogdischen Inschrift... S. 18).

- ⁵⁶ Как полагал еще Радлов (К вопросу об уйгурах. С. 60), Н. Puech (*Le manicheism*) датирует обращение уйгуров 763 г., но не приводит обоснований своей датировки.
- ⁵⁷ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 33; Chavannes E. et Pelliot P. *Traité manichéen...* Р. 193.
- ⁵⁸ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 23; Chavannes E. et Pelliot P. *Traité manichéen...* Р. 193. Шлегель переводит иначе: “назвали духов богами (Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 130), но эта расплывчатая формулировка не заслуживает предпочтения.
- ⁵⁹ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 34, прим. 2.
- ⁶⁰ Там же. С. 23; Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 130; Chavannes E. et Pelliot P. *Traite manicheen...* Р. 194. Тогда было обезглавлено множество тюркских надмогильных статуй в пределах Уйгурского ханства. В этой связи следует упомянуть концепцию А. Д. Грача, согласно которой словом “балбал” назывались каменные изваяния на тюркских могилах, изображавшие якобы убитых врагов (Грач А. Д. Древнетюркские изваяния... С. 76–77). Во-первых: уйгуры вряд ли стали бы уничтожать изваяния своих предков; во-вторых, “каменная баба” по-турецки называлась “син таш”, а не “балбал”. Последнее название касалось только каменных плит, изображавших убитых врагов (см. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... Т. III. С. 776).
- ⁶¹ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 33.
- ⁶² Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 105.
- ⁶³ Там же. С. 108.
- ⁶⁴ Радлов В. В. Титулы и имена... С. 269–270.
- ⁶⁵ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 125.
- ⁶⁶ Chavannes E. et Pelliot P. *Traité manichéen...* Р. 268.
- ⁶⁷ Grousset R. L’Empire des Steppes. Р. 174.
- ⁶⁸ Киселев С. В. Древняя история... С. 591–592.
- ⁶⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355.
- ⁷⁰ Рамстедт Г. И. Перевод надписи “Селенгинского камня”. С. 46.
- ⁷¹ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 19.

XXVIII. Восстание Ань Лушаня

ВЕЛИКИЙ КИТАЙ

Неудачи 751 г. на востоке и на западе очень сильно отразились на империи. То, что вся страна была недовольна повышением налогов и голodom, возникшим из-за стихийных бедствий и наводнений 754 г.¹, не так беспокоило правительство, как недовольство, охватившее армию. Имперская армия состояла из ударников – конных стрелков и латников, а также многочисленных вспомогательных команд: пехоты, обоза, обслуги, интендантства и т.п. Колossalные количества войск объясняются тем, что в их число включались все эти небоеспособные скопища. Однако без вспомогательных команд конные стрелки и латники не могли воевать, так как если бы они сами ухаживали за своими конями, чистили оружие, носили дрова, варили пищу, то в момент боя не были бы достаточно отдохнувшими, чтобы натягивать до уха тугой лук или действовать тяжелым мечом. В условиях тактики VIII века бой решался моментом, и для этого момента копились все силы ударной части армии. Понятно, что большая часть ударников состояла из кочевников, с детства привыкших к коню и луку. Часть этих войск ушла из Ордоса вместе с Кутлугом в 682 г., заменившие их были тоже степняки², и их обуревали те же чувства, что и тюрок 75 лет назад. В предвкушении побед, наград и добычи они сражались добровольственно, но, когда выяснялось, что победы не даются, они начинали искать виновников и, как это часто бывает, обвиняли правительство. Китайские чиновники и придворные в Чанъани были для пограничных войск чужими и неприятными людьми, а военачальники были из

кочевников, т.е. свои. Они долгое время были ограничены в своей служебной карьере: им не доверяли командование войсками в провинциях³, что болезненно ущемляло их самолюбие, поэтому пограничная армия целиком оказалась в оппозиции двору.

Кроме пограничной армии вокруг столицы была сосредоточена гвардия, в которой служили китайцы из аристократических семей, вовремя примкнувших к династии Тан. Гвардия была достаточно многочисленна и хорошо вооружена, но не обстреляна. К ней прымкала так называемая Северная армия, вначале состоявшая из сторонников императора Тайцзуна, с помощью которых он достиг трона в 619 г. Впоследствии она комплектовалась из детей ветеранов, так что ее стали называть “Армия отцов и сыновей”. Эта армия определяла успех или провал любого дворцового заговора или попытки переворота. Отдельно от Северной армии существовал специальный конный корпус телохранителей, принадлежавший фамилии Ли, составленный из военнопленных и домашних рабов.

Итак, внутренняя армия была велика, но ее политическая лояльность всегда внушала подозрения. Слишком уж близка была она ко двору и его интригам, да и не ладила иной раз с самим императором, как, например, в 731 г., когда ряд офицеров, домогавшихся незаслуженных, с точки зрения власти, повышений, был приговорен к самоубийству.

Затруднения на тибетском фронте заставили императора направить Северную армию⁴ против внешнего врага, но успехи ее были минимальны. В связи с этим будет уместно сравнить характеристики обоих войск, отраженные в китайской поэзии VIII века.

Регулярности инородческой армии, находившейся под командованием генерала Ань Лушаня, посвящено стихотворение Ду Фу, описывающее дисциплину и боевой дух войска в 751 году:

В поход за Великую стену (на киданей)

Мы вышли утром из лагеря, что у ворот Лояна,
И незаметно в сумерках взошли на Хэянский мост.
Расшитое золотом знамя закат осветил багряный,
Ржанье коней военных ветер кругом разнес.
На ровном песке повсюду раскинулись наши палатки,
Выстроились отряды, и перекличка слышна.
Ночной покой охраняют воинские порядки,
И с середины неба за ними следит луна.
Несколько флейт вздохнули печальными голосами,
И храбрецы вздохнули, глядя в ночную синь.
Если спросить у воинов – кто командует вами?⁵
Наверно они ответят – командаут Хо Кюй-бинь .

Стихотворение написано за несколько месяцев до восстания этих войск в 755 г. Вождь их сравнивается с прославленным ханьским полководцем, победителем хуннов, а в другом стихотворении – с соколом, который

Смотрит насупившись, точно дикарь невеселый,
Плечи приподнял, за птицей рвануться готов он;
Кажется, крикнешь, чтоб он полетел за добычей,
И отзовется тотчас же душа боевая.
Скоро ль он бросится в битву на полчище пр^бичье,
Кровью и перьями ровную степь покрыва?

И как на это не похожи чувства и настроения китайских воинов, мобилизованных в армию Гэ Шу-лина, действовавшую против тибетцев в 749 г.

Ратники “в печали прощаются с родными местами”, а чиновники забивают насмерть дезертиров. На учении китайский кавалерист с гордостью заявляет, что он “на полном скаку” не держится за луку⁷. Это просто смешно не только для степняка, но и для нас. Вот уж действительно достижение! Затем следует нравоучение полководцу: “Он должен знать: мы люди, а не скоты... и не должны здесь действовать кнуты”⁸. Затем идут жалобы на трудность горных переходов и, наконец, описание столкновения с врагом, где замученные солдаты отбили натиск конного противника. Но затем наступает горькое разочарование:

Десять лет я в войсках,
Десять лет прослужил я, солдат, –
Так ужель у меня
Не скопилось заслуг никаких?⁹

Обычная история! В битве за чины и награды солдат всегда бывает побежден. Контраст разителен. Нет, не следует думать, что в VIII в. китайцы были трусливы, но, южане, они были слишком импульсивны, и им не хватало выдержки, которой обладали тюрки, кидани и горцы тибетцы. Китайцы не потеряли умения обороняться в крепостях, но маневренная война была им не по характеру. На китайских войсках, пусть вполне лояльных, не могли основывать свое могущество престол и двор.

А при дворе было неблагополучно¹⁰. Престарелый Сюаньцзун влюбился в очаровательную китаянку Ян¹¹. Фаворитка устроила на государственные должности своих родственников-китайцев, и вокруг нее создалась клика, окончательно оттершая от престола боевых генералов. Власть перекочевала из штабов в канцелярии, от полководцев

к евнухам. Все недовольные налогами и поражениями, взятками и произволом, невниманием к своим заслугам и роскошью родственников фаворитки единодушно проклинали Ян гуй-фэй. Однако нашелся только один человек, готовый разрубить роковой узел, — это был Ань Лушань¹².

У ПРЕДЕЛА

Ань Лушань происходил из кочевников, поддавшихся Китаю¹³. В 736 г. он, командуя дивизией, проиграл битву киданям. Будучи за это приговорен к смерти, он оправдался перед императором. Ань Лушань со-вмещал в себе тюркскую неукротимость с китайской хитростью, он одинаково умел льстить и сражаться, лицемерить и приказывать. Зная продажность дворцовых прихлебателей, он не жалел денег на взятки, и поэтому возвышение его шло быстро.

В это время при дворе шла борьба между “аристократами”, т.е. членами высокопоставленных семей, и “учеными”, получившими чины путем сдачи экзаменов. Вождь последних, Ли Линь-фу, глава правительства, победив своих соперников, стал выдвигать на военные посты совершенно безграмотных кочевников, считая их неопасными. Эта волна подняла Ань Лушаня¹⁴. В 742 г., во время военной реформы, он получил корпус в Пинлу, в Маньчжурии; в 744-м ему удалось получить корпус в Фаньяне, в центральной части Ордоса, а в 751-м — корпус в Хэдуне, на севере Ордоса. В 754 г. он выпросил себе право распоряжаться казенными табунами для ремонта кавалерии. Располагая большими доходами подчиненных ему областей, Ань Лушань навербовал восемь тысяч отборных воинов из киданей, татар и племени тонгра, а также включил в свою армию уцелевших соратников тюркского старейшины Абусы, погибшего, как выше отмечалось, в 753 г. в китайской подземной темнице¹⁵.

Преданные Ань Лушаню согдийские купцы были разосланы им “вести торговлю по всем дорогам”, а попутно доставать для него деньги и разведывать обстановку. Даже среди китайской чиновной бюрократии Ань Лушань нашел поддержку и сочувствие¹⁶.

Чересчур активная деятельность, увеличение войск, соединение пограничных владений в одних руках, а может быть, и не дошедшие до нас агентурные данные заставили министра Ян Го-чжуна возбудить против Ань Лушаня судебный процесс. Ань Лушань не уклонился от дела и, лично явившись в столицу, блестяще оправдался¹⁷ и выхлопотал чрезвычайные награды 2500 офицерам, что было ему необходимо перед задуманным восстанием. В 755 г. он просил заменить 32 высших

офицера из китайцев предложенными им кандидатами из кочевников. Несмотря на сопротивление Ян Го-чжуна, император эту просьбу удовлетворил. Но Ань Лушань понял, что дальше тянуть нельзя, и в ноябре 755 г. в местечке Юйяне, в провинции Хэбэй, под грохот барабанов был объявлен призыв к восстанию для ниспровержения влияния рода Ян. Восстало 150 тыс. пограничных войск при полном единодушии солдат и офицеров. Среди советников Ань Лушана оказался даже тюркский принц Ашина Чен-цин. Надо полагать, что скромная программа – отстранение Ян гуй-фэй – не обманула никого. Солдаты знали, что они идут к захвату власти для защиты своих прав; китайцы понимали, что идут варвары – ху, которых надо истреблять. Единство империи лопнуло по шву.

Правительство ответило на восстание казнью сына Ань Лушана, который жил в Чанъани, и отправкой на подавление мятежа двух армий – одной численностью в 60 тыс. человек, а другой – в 110 тыс. человек. Обе армии были разбиты¹⁸.

Ань Лушань немедленно начал наступление на столицы. Восточная столица – Лоян – сразу попала в его руки. Дорогу на Шэнъси, к Чанъани, прикрывала застава в горном проходе Тунгуань, а на востоке, в Хэбэе и Хэдуне, сын киданьского князя Ли Гуань-би организовал активную оборону против мятежников. Летом 756 г. ему удалось нанести поражение мятежному воеводе Ши Сымину, и тогда часть Хэбэя восстала против Ань Лушана.

Однако сражение при Ланбао, в котором были наголову разбиты китайские правительственные войска, вызвало панику среди гарнизона Тунгуаня. Солдаты, защищавшие проход, отступили, и мятежники 10 июля 756 г. ворвались в Шэнъси.

Но зверства этих профессиональных солдат толкнули китайское население на интенсивную защиту династии, к которой до восстания отношение было скептическим и даже недоброжелательным. Коллизия зимы 756 г. гениально и лаконично обрисована Ду Фу:

Оплакиваю поражение при Чэнътао

Пошли герои снежною зимою
На подвиг, оказавшийся напрасным.
И стала кровь их в озере водою,
И озеро Чэнътао стало красным.

В далеком небе дымка голубая,
Уже давно утихло поле боя,
Но сорок тысяч воинов Китая
Погибли здесь, пожертвовав собою.

И варвары ушли уже отсюда.
Блестящим снегом стрелы обмывая,
Шатаясь от запоя и от блуда
И варварские песни распевая.

А горестные жители столицы,
На север оборачиваясь, плачут.
Они готовы день и ночь молиться,
Чтоб был поход правительственный начат¹⁹.

Как резко изменилось отношение поэта к той самой армии, которую он только что воспевал! Теперь он называет ее солдат варварами — ху; они сразу стали заклятыми врагами, и все неодобрение двору и правительству, выраженное в “Стихотворении в 500 слов...”²⁰, испарилось мгновенно. Этот поворот произошел во всем китайском обществе, которое, видя неспособность императора и дворцовой клики, взяло в свои руки инициативу борьбы с мятежниками. Однако у китайских патриотов не было никакой реальной силы, которую можно было бы противопоставить закаленным в боях и воодушевленным победой ветеранам Ань Лушаня.

Император с фавориткой покинул столицу, но его собственные гвардейцы, охрана его особы, вышли из повиновения. Судя по ходу событий, они не хотели реформ или смены династии, но еще больше не хотели умирать из-за Ян гуй-фэй, которую считали причиной всех бед.

По представлению сопровождавших императора сановников министр Ян Го-чжун получил повеление покончить с собой, чтобы утишить пламя недовольства. Верный долгу, он повесился на дороге. Сановники были удовлетворены, но солдаты потребовали жизни Ян гуй-фэй. Ее вытащили из императорской кареты и задушили тонким шелковым шнурком. Самого престарелого императора заставили отречься от престола в пользу своего сына Ли Хэна (посмертный титул — Суцзун). Только такой ценой император спас свою жизнь.

Отрекшегося императора увезли в Сычуань и укрыли в неприступном горном замке, а Чанъян без боя досталась Ань Лушаню²¹. Китайское население столицы бежало куда глаза глядят²².

Даже тюрки и тонга, жившие в Чанъани, бежали от повстанцев. Во главе с князем Ашина Цзун-ли они направились в Ордос, подняли тамошних кочевников и уговорили их нанести набег на Шэнси, в тыл наступающим мятежникам. Эта диверсия задержала наступление и в сущности решила исход кампании, позволив ввести в дело свежие силы.

Западные корпуса остались верными престолу. Командующий в Шофане Го Цзы-и, командующий в Западном крае Ли Сы-ие и на-

следник престола Ли Хэн возглавили сопротивление. Но сил у них было мало, и поэтому немедленно были отправлены послы в соседние страны с просьбой о помощи. В сентябре 756 г. уйгуры и тибетцы предложили свою помощь для подавления восстания. В данном случае политический вопрос совпал с личным. Уничтожение повстанцев означало уничтожение императорской армии, а война внутри Китая сулила богатую добычу. Ли Сы-ье привел кроме своих регулярных войск 5 тыс. хотанцев, тюрок шато и отряд “чернорубашечных дашищев”, т.е. аббасидских арабов. Суцзун навербовал на юге полудиких маней. В октябре 756 г. выступили в поход уйгуры. Моянчур-хан сначала оговорил условия, на которых он соглашался оказать помощь: он требовал договора мира и родства. Этот договор аннулировал его фиктивный вассалитет иставил его в положение равноправного союзника. Новый император, Суцзун, принял все условия, сам женился на уйгурской княжне и возвел ее в достоинство “мудрой (бильге) царевны”.

После этого хан разбил племя тонгра, примкнувшее к Ань Лушаню²³, и в декабре 756 г. соединился с Го Цзы-и в долине Хуянгу.

Раскол среди племени тонгра показывает, что восстание имело свои отзвуки и в степи. Во главе восставших тонгра стоял Пугу Бин, сын имперского генерала Пугу Хуай-эня. Последний, захватив своего сына в плен, убил его за измену: ожесточение гражданской войны накалило чувства ее участников до предела. Но неудача восстания тонгра не случайна: уничтожение имперской полевой армии сулило Уйгурскому ханству полную независимость, а для достижения этой цели нужно было спасти Танскую династию и подавить восстание. Уйгурские ханы это поняли и осуществили.

Хан заставил китайского полководца сперва поклониться “волчьему знамени” и только после совершения этого обряда допустил его к себе. Уйгурского посла, недовольного предоставленным ему при церемониале приема местом, император приказал ввести в тронную и обласкал. После этого джабгу (ябгу), наследник уйгурского престолы, побратался с ним. Простодушные уйгуры были тронуты и польщены оказанной им честью и загорелись желанием отблагодарить радушного хозяина. Для руководства их действиями был назначен кавалерийской генерал Пугу Хуай-энь. Хуай-энь был сын старейшины племени буту, убитого родичами за китаефильство. Убийца был казнен, а сыну убитого дали чин и китайское воспитание; он оказался очень талантливым и верным человеком²⁴.

Однако чужеземная помощь дорого стоила китайскому населению. Ду Фу писал:

Имперская гвардия, как говорят,
Быть может и очень храбра на войне,
Но грубое варварство этих солдат
С туфлями может сравниться вполне.
Я слышу народа китайского стон.
Плынут мертвцы по великой реке,
А женщин и девушек, взятых в ^здолон,
Терзают от их деревень вдалеке .

Наемные союзники не щадили ни врагов, ни друзей. Они пришли в Китай, чтобы разбогатеть, и последовательно добивались этой цели единственным известным им способом — грабежом. Несчастные жители начали предпочитать повстанцев союзникам.

Между тем в стане восставших стало неблагополучно. Ань Лушань потерял зрение и от этого сделался раздражителен и жесток. Он оскорблял, бил, а иногда даже казнил своих подчиненных за малейшее проявление самостоятельности. Но это были смелые люди, и ночью 30 января 757 г. советник Янь Чжуан и евнух Ли Чжу-эр вошли в палатку полководца и убили его. Смерть эту в течение короткого срока убийцам удалось скрыть. За это время они успели провозгласить Ань Лушана императором, а его слабоумного сына наследником, затем объявили о смерти императора и возвели на престол его сына. Янь Чжуан стал хозяином положения.

Тем временем правительство успело сформировать армию: уйгуры, арабы, хотанцы, тюрки-шато и бирманцы выступили в защиту Китая, против регулярных войск империи. В сентябре 757 г. на берегу р. Фыншуй противники встретились. Хуай-энь, командуя уйгурями, обошел армию повстанцев. При обходе он наткнулся на засаду и изрубил ее до последнего всадника, а затем ударил с тыла. В то же время Ли Сы-ье, командуя хотанцами, арабами и шато, атаковал повстанцев с фронта. Последние были разбиты, потери их исчислялись в 60 тыс. человек, что является, разумеется, обычным преувеличением, так как кампания не кончилась. Этого не могло бы быть, если бы мятежная армия действительно потеряла 40% личного состава. Надо при этом учесть, что ее тылы необходимо было охранять от уйголов и киданей.

Ши Сымин, возглавляя восточную армию, захватил Хэбэй и осадил имперского полководца — киданьского князя Ли Гуань-би — в крепости Тайюань. Осада крепости стоила ему многих людей, но взять ее он не смог и отступил в Фаньян, столицу мятежников и очаг восстания²⁶. Его самостоятельность и независимое поведение вызвали подозрение у Янь Чжуана. Последний отправил нескольких офицеров для наблюдения за Ши Сымином, но тот терпеть не мог шпи-

онов. Он арестовал присланных наблюдателей и предложил Суцзуну покорность, Фаньян и 80 тыс. воинов. Тот с восторгом принял это и дал Ши Сымину пышный титул, утвердив его в качестве полководца.

Оставалось добить повстанцев в Хэнани.

Одержав победу при Фыншуе, Хуай-энь с уйгурскими, арабскими и бирманскими войсками взял Чанъань²⁸, затем пошел к Шаньчжоу и дал мятежникам сражение у постоянного двора Синь-дянь. О результатах этой битвы историк стыдливо умалчивает.

Тем временем уйгурский отряд получил задание уничтожить войска повстанцев на южных склонах Наньшаня (видимо, около Синина), что он выполнил и отошел обратно на север. Там в это время действовала армия Го Цзы-и. Мятежники теснили ее. Уйгуры, узнав об этом, зашли к ним в тыл и ударили на них. Неожиданность вызвала панику, и мятежники бежали. Янь Чжуан, бросив Лоян, отступил вместе со слабоумным сыном Ань Лушаня за Желтую реку. Тут уйгуры показали, ради чего они пришли в Китай: начался повальный грабеж и насилия. Жители укрылись от своих "избавителей" в буддийские монастыри. Уйгуры сожгли два монастыря и перебили 10 тыс. человек. Нашлись китайцы, которые служили им проводниками. Только когда старики преподнесли их вождям 10 тыс. кусков шелка, уйгуры перестали грабить и ушли. Так закончилась компания 757 года.

Одержав победу, Суцзун вернул своего отца в столицу, передав ему власть и престол. Но сразу же возобновились придворные интриги за наследование престола, наветы, клевета. К Ши Сымину тоже были посланы шпионы, чтобы доносить о его поведении. Ши Сымин не выдержал и казнил их всех, что означало разрыв с правительством и возобновление восстания.

Этот факт показывает, что корни восстания лежали не в честолюбии полководцев, так как в таком случае было бы невозможно в течение стольких лет увлекать войска на смертельную борьбу. Очевидно, не только Ши Сымин, но и все его воины более страшились оказаться в лапах доносчиков и бюрократов, чем быть с оружием в руках на поле боя. Можно думать, что они не доверяли обещаниям амнистии и предпочли еще раз довериться изменчивому военному счастью²⁹.

Итак, война вспыхнула с новой силой.

В 758 г. уйгуры были заняты походом на кыргызов, причем покорили их за одну кампанию. В это время мятежники опять перешли в наступление, военные действия развивались в Хэнани. Снова пришлося императору обращаться за помощью к уйгурам, хотя он знал, что с населением союзники "бесчеловечнее мятежников поступают"²⁹.

УНИЖЕНИЕ КИТАЯ

События складывались как нельзя благоприятно для уйголов. За одержанную для китайцев победу уйгурам положено было выдавать ежегодно 20 тыс. кусков шелка. В 758 г. император выдал свою малолетнюю дочь за старого хана и признал за ним ханский титул, т.е. равенство Уйгурин с Китаем. Было сформулировано, что император и хан – двоюродные братья. Хан остался доволен и подарил императору 500 лошадей, соболий мех и белую шерстяную ткань и, кроме того, отправил 3 тыс. всадников для борьбы с мятежниками.

Весной 759 г. Го Цзы-и и еще восемь полководцев осадили сына Ань Лушаня в г. Иечэн и Хэнани. Мятежники крепко держались, ожидая помощи, и к ним на выручку пришел Ши Сымин. Его конное войско тревожило тылы противника, перехватывало обозы и добилось полного изнурения императорской армии. Наконец состоялось сражение. В разгаре битвы на поле боя налетел ураган – тайфун, вырывавший с корнем деревья. Обе армии потеряли управление. Солдаты стали разбегаться: повстанцы на север, а императорская армия на юг. Опытный полководец Ши Сымин первый восстановил порядок в войсках и погнался за противником. Го Цзы-и не мог собрать своих разбежавшихся солдат, занявшихся мародерством. Он покинул Лоян и ушел на запад. Ши Сымин казнил слабоумного сына Ань Лушаня и в мае 759 г. объявил себя императором.

Командующий имперскими силами на востоке Ли Гуань-би потрепал мятежников под Хэянном, но Ши Сымин разбил его и овладел городами Хэян и Хуайчжоу. Снова потребовалось напряжение всех сил и без того изнуренной страны.

Положение китайцев было осложнено еще тем, что отрекшийся император Сюаньцзун вернулся в Чанъян и оттеснил от власти своего сына, доблестного Суцзуна. Сюаньцзун принял титул государя-отца и сначала поселился в Лояне, а затем перебрался в западный дворец около Чанъани. Он активно вмешивался в управление, главным образом для того, чтобы рассчитаться с теми из своих сторонников, которые, спасая его самого и династию, убили Ян гуй-фэй. В старости он стал чересчур жесток. Три сына стали его жертвами. Кроме того, по мнению современников, он лишился разума: “Всех убивал, один лишь жить хотел”³⁰. Вряд ли кто-либо больше помог Ши Сымину раздуть угасающее пламя гражданской войны.

Но все-таки наступление мятежников захлебнулось. Китайцы произвели в Сычуани тотальную мобилизацию. Ду Фу описывает душераздирающие сцены отправки на фронт юношей, почти детей, и патриотизм женщин, добровольно идущих на войну в качестве обслу-

ги. Генерал Го Цзы-и спешно обучал новобранцев уже без помощи кнута, так что заслужил от солдат название отца и брата³¹. Отряды мятежников увязли в массах народного ополчения, и война бушевала только в Хэнани, но не перекинулась в Шэньси.

Летом 759 г. умер уйгурский хан Моянчур. Наследник престола, старший сын хана, был казнен за какой-то проступок, и на престол вступил второй сын, Идигань Мэуюнь-хан³². Он был женат на дочери Пугу Хуай-эня, но целых два года не спешил выручить своего тестя, изнемогавшего в борьбе ради династии Тан. Тем временем Ши Сымин не дремал. После победы над Иечэном он наступал на запад, где в это время тибетцы взяли крепость и г. Шаньчжоу (в Ганьсу). В апреле 761 г. он был убит заговорщиками, а войска мятежников возглавил его старший сын Ши ЧАО-И. Ши ЧАО-И обратился к уйгурскому хану с предложением воспользоваться смертью императора и забрать сокровища казны и короны, а ему оставить землю и народ. Хан соблазнился и готов был выступить на юг, когда из Китая прибыл посол, уведомивший хана о вступлении на престол нового императора, Дайцзуна, совместно с уйгурами громившего мятежников в 757 году³³.

Осенью 762 г. уйгурское войско выступило в поход, и никто не знал, кто станет его жертвой. В Китае пробежал страшный слух, что 100 тыс. уйголов идут к границе. На самом деле уйголов было всего 4 тыс. ударного войска и 10 тыс. вспомогательного, да табун заводных коней. Для переговоров был направлен Пугу Хуай-энь, и он уговорил своего зятя двинуться на мятежников³⁴. Китайцами командовал наследник престола³⁵, и летом 762 г. он сошелся с уйгурским войском к северу от Шаньчжоу.

Хан держал себя как диктатор. Когда наследник престола отказался совершить перед ним уйгурский обряд поклонения, он приказал забить до смерти палками двух китайских вельмож. Китайцы проглотили оскорбление. Уйгурско-китайское войско осенью 762 г. ударило на мятежников и разгромило их армию. Согласно Ганму, мятежники потеряли 60 тыс. убитыми и 20 тыс. пленными. 20 ноября уйгуры вошли в Лоян³⁶. Ши ЧАО-И заперся в Мочжоу, но потом оставил там коменданта и ушел набирать подкрепление. Комендант сдал крепость Пугу Хуай-эню. После этого сдался комендант Фаньяна, и дело мятежников было проиграно. Загнанный как зверь, Ши ЧАО-И повесился в лесу, и гражданская война закончилась.

Китай лежал в руинах. Уйгуры грабили население, в селах уничтожали дома, а уцелевшие жители, потеряв всю одежду, прикрывались бумагой. Убыль населения была огромна: по переписи 754 г. в империи числилось 52 880 488 душ, а в 764 г. – 16 90 000 душ, но надо учитывать, что застойные владения большей частью отпали от Китая.

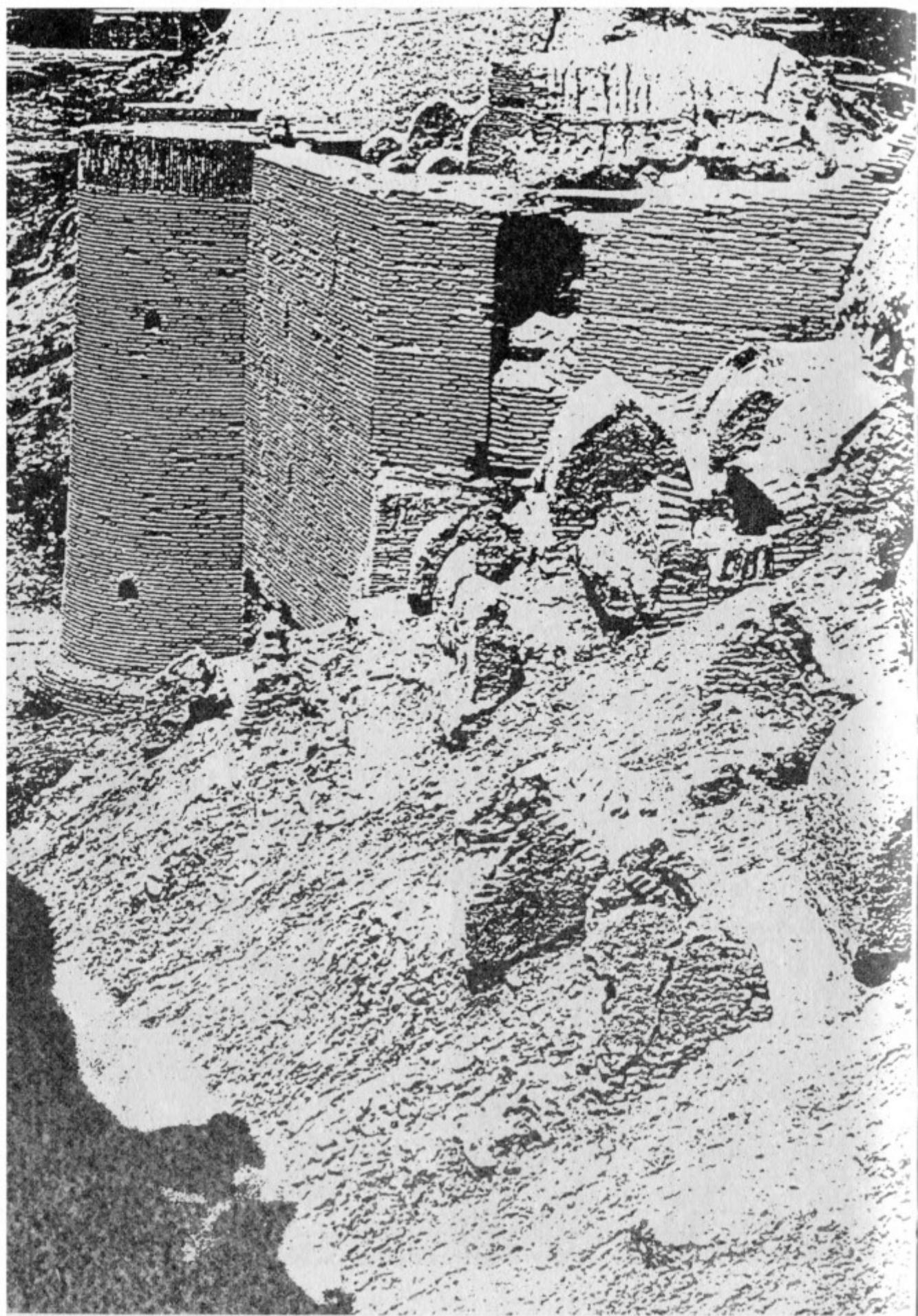

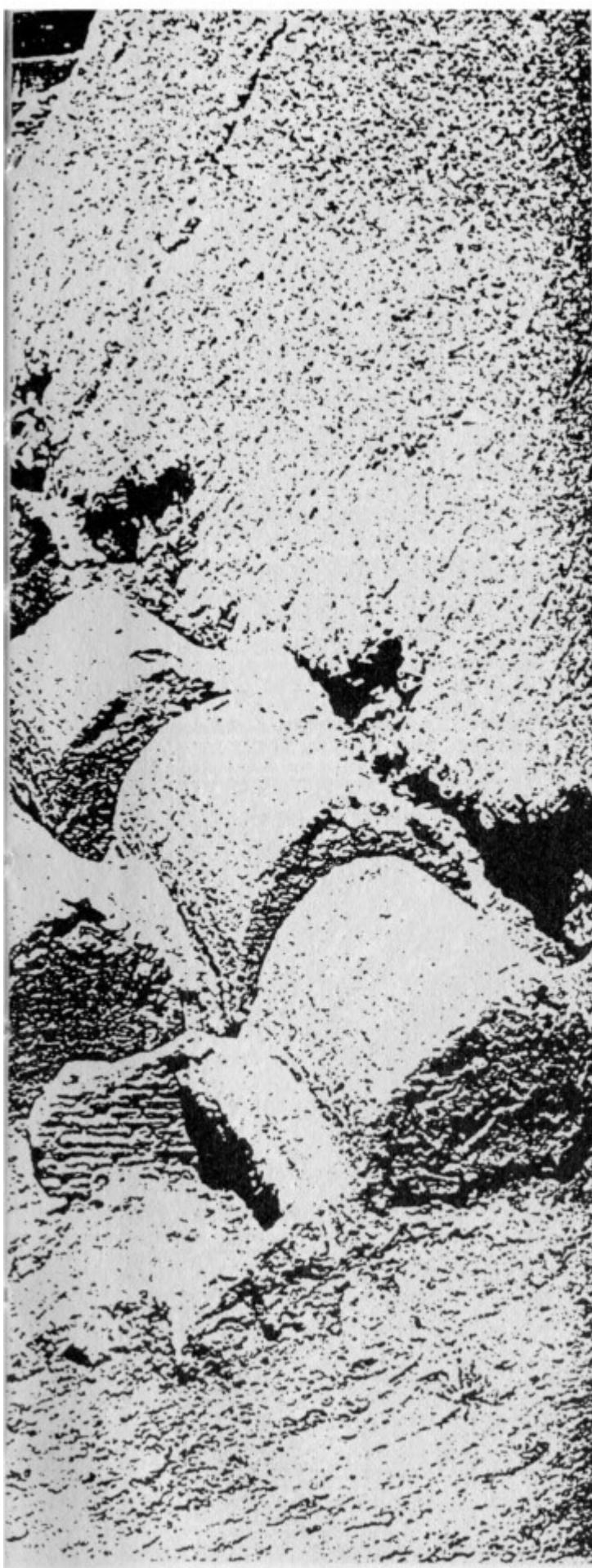

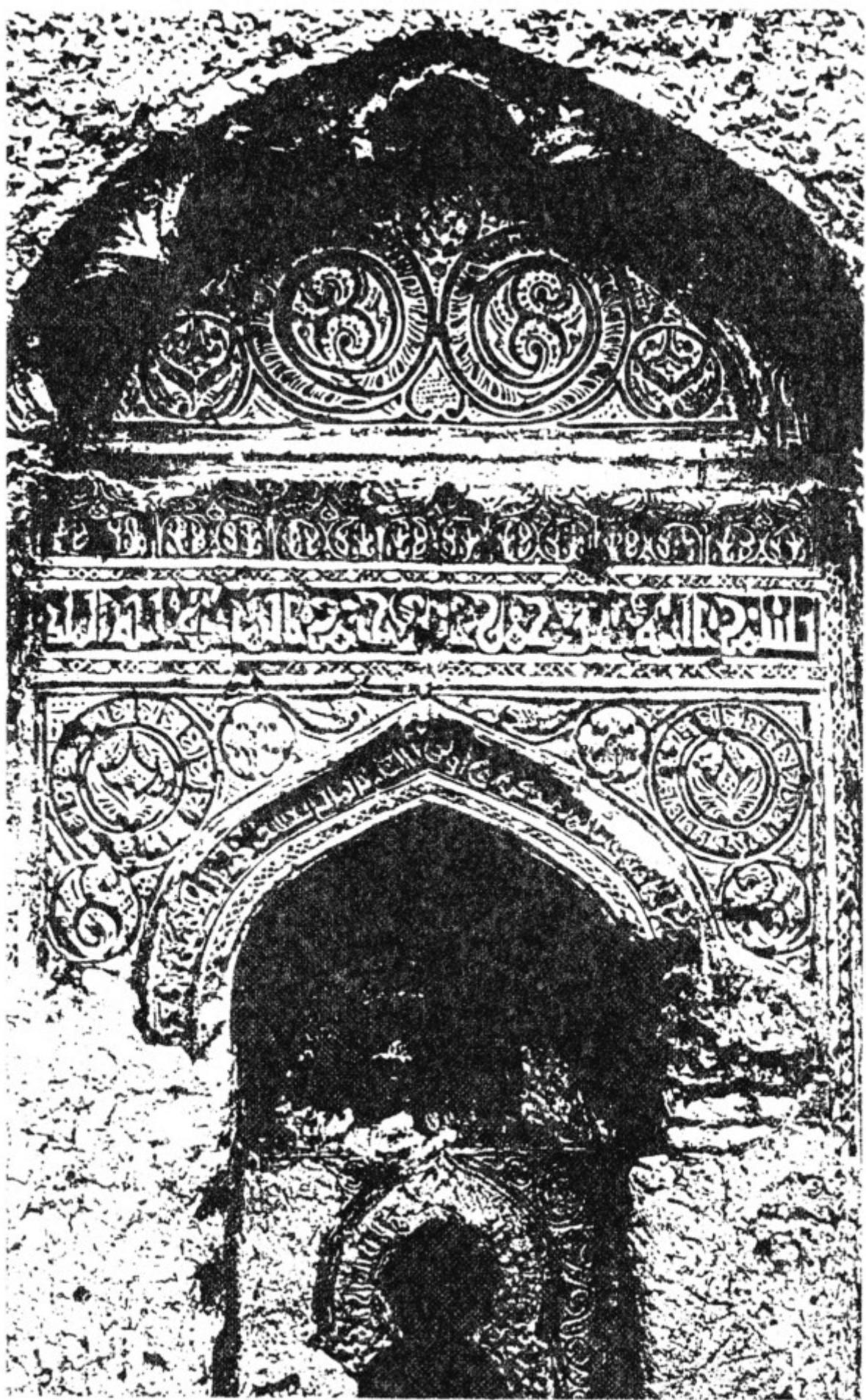
Сакские курганы Бесшатыра и менгирь — каменные культовые сооружения на караванном пути Центральной Азии — следы исчезнувшей цивилизации, погребенной под тюркской волной, оставившей потомкам свои степные вертикали в виде “каменных баб”

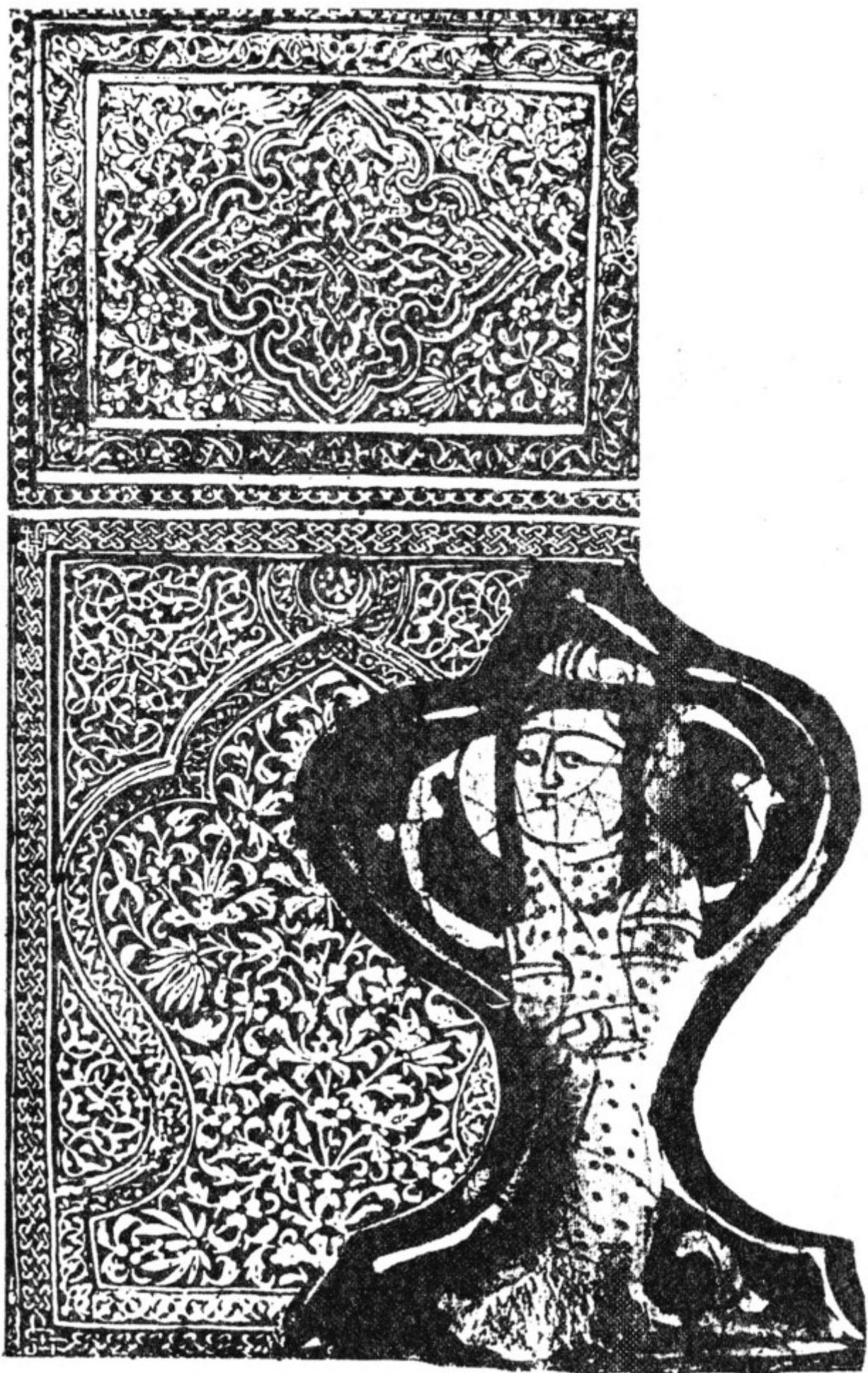

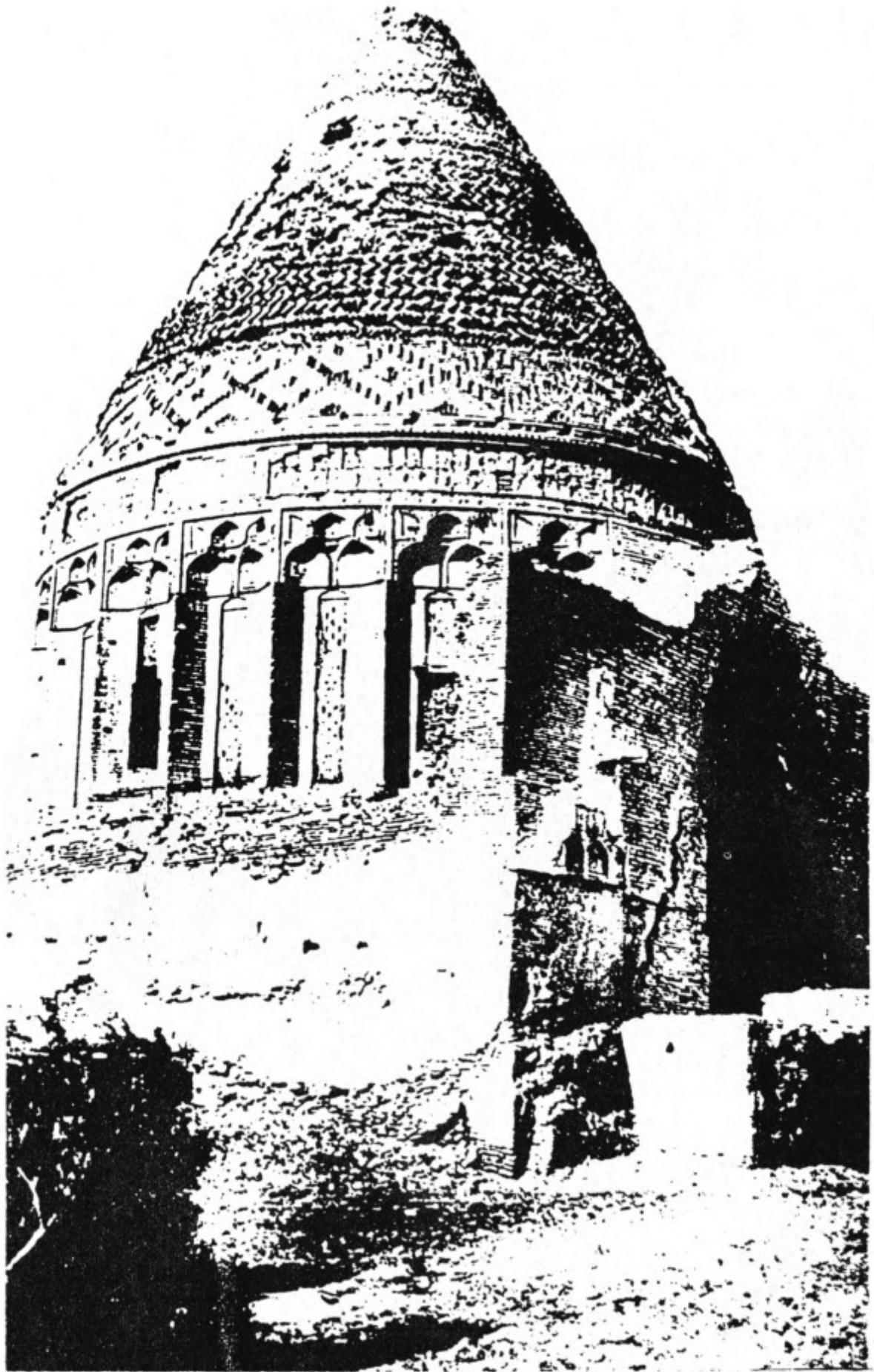

Хивинский оазис — последнее прибежище тюрков, тигель, сплавивший в одно целое две великие культурные традиции: кочевую тюркскую и оседлую иранскую

Армия — гордость династии Тан — легла целиком, остались ополчение и наемные отряды. Идея империи была потеряна полностью: для осуществления ее не было больше ни сил, ни средств, ни воли. О результатах гражданской войны прекрасно сказал китайский великий поэт Бо Цзюй-и:

В девятый месяц во всем Сюйчжоу, с недавнею войной,
Стенаний ветер, убийства воздух на реках и горах.
И только вижу, в одном Люгоу, у храма под горой,
Над самым входом, совсем как прежде, белеют облака³⁷.

ТИБЕТЦЫ ИДУТ НА ВОСТОК

Восстание Ань Лушаня было как нельзя более на руку тибетцам. Новый монарх, Тисрондецан, ознаменовавший свое вступление на престол убийством, сначала хотел закончить изнурительную войну почетным миром, но сделанные им в 755 г. предложения были отвергнуты³⁸.

Однако это была ошибка императора, и она дорого стоила Китаю. Как только вспыхнуло восстание, пришлось снять все лучшие войска с тибетской границы для ведения гражданской войны, и тибетцы без особого труда на протяжении семи лет отторгли от Китая западные области Хэси и Лунью.

В 763 г. они продолжали наступление. Войско, состоявшее из тибетцев, тогонцев (монголов) и дансянов (тунгутов), вступило в Шэньси и подошло к самой столице, где его никто не ждал. После двухдневного боя тибетцы со своими союзниками обратили в бегство китайское войско и вступили в город, покинутый императором. Чанъянь была подвергнута грабежу и разгрому; в окрестностях же ее не менее тибетцев свирепствовали китайские воины, разбежавшиеся после поражения. Но тибетцы, ограбив столицу, пошли назад, и это позволило подошедшем с востока китайским войскам водворить порядок. Главную роль в отступлении тибетцев сыграли воинственные пограничные китайцы, сумевшие отстоять от своих исконных врагов г. Фэнсянь, оставшийся в тылу тибетской армии. Не будучи в силах быстро подавить сопротивление местного населения, тибетцы перенесли экспансию в Сычуань. Вначале они имели успех, но в 764 г. южные китайские войска нанесли им поражение и заставили их отступить³⁹.

Казалось, что положение на фронтах опять готово стабилизироваться, но новое восстание потрясло Китай и снова гоставило его на край пропасти.

СУДЬБА ГЕРОЯ

Всем в Китае было ясно, что династии Тан спас полководец Пугу Хуай-энь. Этот варварский князь преданно служил династии, а по силе, храбрости и таланту не имел себе равных. Сам он сражался всегда в первых рядах. Сорок шесть его родственников пали в сражениях. Он казнил своего сына перед строем за то, что тот передался неприятелю, выдал двух своих дочерей в отдаленный край вместо царевен и убедил своего зятя, уйгурского хана, к двукратному возвращению столицы. Но у каждого есть враги, и комендант крепости Тайюань однажды отказал в угощении и приеме уйгурским войскам, находившимся под начальством Хуай-эня. Этим, с точки зрения степняка, он нанес ему смертельное оскорблечение, так как был нарушен священный обычай гостеприимства: Хуай-энь оказался не в состоянии угостить уйголов, по отношению к которым он был хозяином. Хуай-энь принес жалобу, из столицы явился евнух расследовать дело. Евнух взял взятку и донес, что изменнические намерения Хуай-эня ясны. Узнав о клевете, Хуай-энь потребовал казни евнуха и коменданта, но дело положили под сукно до конца войны, а затем вызвали полководца в столицу, чтобы судить. Но Хуай-энь достаточно знал китайские нравы и предпочел поднять мятеж (май 764 г.).

Вначале он не имел успеха: попытка взять Тайюань посредством внезапного нападения была отбита, а китайские части его войска перешли к Го Цзы-и, но, как только Пугу Хуай-энь перешел Хуанхэ и сомкнулся со степняками, к нему собралось большое войско добровольцев, а в 765 г. он призвал на помощь тибетцев и уйголов. Те и другие откликнулись на призыв. Пугу Хуай-энь, хорошо зная характер своих союзников, не объединял их, но пустил на Чанъян тремя колоннами: с севера наступали дансяны, с запада — тибетцы, а с юго-запада — тогонцы; уйгуры были в резерве, а сзади них шел сам Хуай-энь с ордосскими войсками.

Первыми вступили в бой тибетцы, но камнеметные машины и тучи самострелы китайцев остановили их натиск. Потеряв много людей, тибетцы отступили и соединились с уйгурами. Следующий нахождение должен был стать окончательным. В столице объявили поголовное ополчение, но $\frac{8}{10}$ мобилизованных разбежалось и защищаться от варваров было некому. В это время Пугу Хуай-энь умер.

Его смерть спасла Китай, так как только обаяние его имени держало вместе столь не похожие друг на друга племена. Вражда между тибетцами и уйгурами вспыхнула с новой силой. Этим воспользовался Го Цзы-и, также успевший заслужить уважение кочевников. Он без страха приехал в стан уйголов и убедил их не разрывать союза с китай-

ским императором, обещая за это дары и привилегии. Тибетцы, узнав о переговорах, заподозрили недобро и, отколовшись от уйгуров, пошли на запад, что в свою очередь не понравилось уйгурам. Они приняли предложение китайского полководца и разбили в ночном нападении тибетцев⁴⁰. Племянник Хуай-эня, Пугу Минь-чень, покорился, получил прощение и чин. Дочь Хуай-эня была взята во дворец, где ее воспитывали, как царевну, и выдали замуж за уйгурского хана. Биография Хуай-эня внесена в китайскую историю, как образец обличения придворных интриг. Но нас интересует другое: взаимное непонимание и отвращение китайцев и степняков, проявившееся в деле Хуай-эня, были не рассудочными, а стихийными. С одной стороны, были несравненные заслуги, а с другой — добная воля императора, но между ними лежала такая гряда враждебности, что перешагнуть через нее оказалось невозможным. Благодаря этому степняки, возвысившие династию Тан, сложили свои головы в рядах мятежников или убежали в степь и нашли приют у своих недавних врагов — уйгуров и киданей.

Как взболтанные вода и масло расслаиваются по своему удельному весу, так расслоилась империя Тан, и Китай уничтожил все иностранные примеси, хотевшие быть самими собой.

Еще раз рухнула “мировая империя”, как ранее падали великие империи античности и как в Европе сто лет спустя распалась империя Карла Великого. Восстания Ань Лушаня и Хуай-эня замыкают период, начатый восстанием Кутлуга. Период этот можно назвать временем борьбы центростремительных и центробежных сил. Последние победили, но, пожалуй, именно это дало огромные возможности культурному росту и расцвету, которые пережила Срединная Азия, пока не была раздавлена неподкованными опытами легких коней, несших соратников Чингисхана. Но это новая эпоха, с иной спецификой и иным ритмом, и для понимания ее нужен новый ключ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Эпоха закончилась! Распался железный обруч империи Тан, и народы, полтораста лет скованные им, разошлись, и каждый стал на свой путь развития. В Китае началось “возрождение”⁴¹ и становление своей, оригинальной культуры. Тибет осваивал восторжествовавший буддизм и приспособливал его к своим представлениям и потребностям. Уйгурeria жадно впитывала чужие культуры, прислушиваясь к проповедям манихейских “совершенных”, несторианских священников, буддийских монахов и мусульманских мулл. Омытая кровавыми

ручьями минувших войн, степь начала наслаждаться покоем и относительной свободой под слабой властью бессильных ханов.

Согдиана умирала; победившие рабы камня на камне не оставили от ее неповторимой культуры, но на пепле пожарищ начал складываться таджикский народ, которому предстояло великое будущее. Западные степи склонились перед блеском кыпчакских и карлукских мечей, а на Волге потомки западнотюркских ханов создали могучее Хазарское царство. Храня кочевые традиции степной культуры, хазары и карлуки остановили натиск ислама.

Новые силы обрел Халифат, зажатый крепкой рукой Мансура; кончилось засилье арабских племенных вождей, и персы, получив доступ к власти, открыли новые перспективы развития культуры Багдадского халифата. За исключением Испании, отправившей в 756 г., централизованная система объединяла земли от Гибралтара до Памира, и никто не мог предвидеть ее грядущего распада.

Победоносная Византия, остановив арабский и болгарский натиск, была охвачена лихорадкой иконоборчества. Опираясь на малоазийскую культурную и военную традицию, Константин Копроним истреблял последние следы эллинства, и, казалось, ничто не могло бы ему противостоять.

На путь подъема встала Западная Европа: франкский король, объединившись с римским папой, стал там гегемоном. Напрасно сопротивлялись осколки великого переселения народов — лангобарды, авары и саксы; их дни были сочтены, и Карл Великий, вступив на престол в 768 г., предпринял создание разноплеменной империи, как за 140 лет до него Тайцзун Ли Ши-минь. Пусть попытка Карла Великого оказалась бесплодной, — она ознаменовала выход Европы из варварства на широкую дорогу оригинальной культуры. А в дремучих лесах от Лабы до Днепра и Оки копили силы славянские племена, для которых все было впереди.

Такова была мировая обстановка, окружавшая расцветавшую Уйгарию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pulleyblank E. The Background... P. 25. Е. Пюллейбланк убедительно доказывает, что попытка Хайфора (*Heifer. Die Vierte der fünf großen Heimsuchungen Chinas*) истолковать восстание Ань Лушаня как движение крестьян, доведенных голодом до отчаяния, неосновательна, так как на Лоян пошли не массы голодных крестьян, а регулярные войска, среди которых было много некитайцев.

² В 718–720 гг. пограничная армия в Хэбэе была меньше армии Хэдэна, но Лушань, став командиром первой, пополнил ее кочевниками (Pulleyblank E. The Background... P. 80).

- ¹ Шан Юэ. Очерки... С. 235.
- ⁴ Pulleyblank E. The Background... Р. 66.
- ⁵ Ду Фу. Стихи. С. 41–42.
- ⁶ Там же. С. 20–21.
- ⁷ Там же. С. 23–24.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ О борьбе политических группировок и характеристику их смотри: Pulleyblank E. The Background... Р. 4.
- ¹¹ Это была девушка из знатной семьи, просватанная за восемнадцатого сына Сюаньцзюна. Император приказал своему любимцу евнуху Гао Ли-ши подыскивать себе красавиц, и тот увез невесту царевича для императорского гарема. В 745 г. Ян получила звание “гуй-фэй”, наложницы первого разряда, и “стала делить власть с императором на правах полуимператрицы” (*Чэн Хун. Повесть о бесконечной тоске.* С. 125).
- ¹² Не будучи политически прозорливой, Ян гуй-фэй способствовала возвышению офицера Ань Лушаня, потешаясь над его грубыми шутками и незнанием этикета. Когда же брат фаворитки Ян Го-чжун, ставший главным советником императора, обвинил Ань Лушаня в изменнических замыслах, Ян гуй-фэй усыновила последнего. Злые языки утверждали, что полководец был любовником полуимператрицы.
- ¹³ Г. Е. Грумм-Гржимайло полагает, что он был хунн (Западная Монголия... С. 336); Кордье называет его киданем (*Cordier H. Histoire générale...* Р. 474); Пюлейбланк считает его согдийцем по отцу (*Sogdian colony...* Р. 317–336); отмечая, что его мать была из знатного тюркского рода Ашидэ (см. также: *The Background...* Р. 7). По другим сведениям, отец Ань Лушаня был пастухом из северных ху, т.е. кочевников, и только усыновлен богатым согдийцем (*Ibid.* Р. 14). В юности он якобы попался при баранте, но в замену смертной казни был зачислен в войско, и отсюда началась его карьера (*Ibid.* Р. 8).
- ¹⁴ Pulleyblank E. The Background...
- ¹⁵ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten... S. 261–262.
- ¹⁶ Шан Юэ. Очерки... С. 236.
- ¹⁷ Wieger L. Textes historiques. Р. 1676.
- ¹⁸ Cordier H. Histoire générale... Р. 475. “В областях дело дошло до того, что не было солдат для ведения военных действий... Солдаты и офицеры числились только на бумаге, а вооружение, выючные лошади, котлы для варки пищи, палатки и провиант не были приготовлены”. Панцири, выдававшиеся из arsenалов, оказались дырявыми, а копья и мечи – тупыми. Императорская гвардия, составленная из богатой молодежи, была недисциплинирована и не обучена (см. также: Шан Юэ. Очерки... С. 236–237).
- ¹⁹ Ду Фу. Стихи. С. 45–46.
- ²⁰ Там же. С. 31–40.
- ²¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 309 и сл.
- ²² Повстанцы “в каждом завоеванном городе брали одежду, золото и женщин; сильных мужчин использовали как носильщиков, а слабых, старых и малых рубили секирами” (Шан Юэ. Очерки... С. 237).
- ²³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 345.
- ²⁴ Там же. С. 344.
- ²⁵ Ду Фу. Стихи. С. 161.
- ²⁶ Cordier H. Histoire générale... Р. 478.
- ²⁷ Уйгурский ябгу просил разрешения разграбить Чанъань, но согласился на просьбу китайского царевича не вводить войска в город. Сам ябгу не считал возможным

Древние тюрки. Часть 2

- удержать своих соратников от грабежа и насилий (*Wieger L. Textes historiques. P. 1688*).
- ²⁸ С этим нужно сопоставить тот факт, что Ань Лушань и Ши Сымин посмертно были обожествлены пограничными жителями Хэбэя; их почитали как двух мудрых духов – покровителей страны (*Pulleyblank E. The Background... P. 17*). Вряд ли народ обожествил бы честолюбца, приносившего только гибель и горе.
- ²⁹ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 319.*
- ³⁰ *Чэн Хун. Повесть о бесконечной тоске. С. 127.*
- ³¹ *Ду Фу. Стихи. С. 60–65.*
- ³² Видимо, этот переворот описан Гардизи, согласно версии которого младший брат, Кур-тегин, спасенный от смерти манихеями, произвел восстание и казнил своего старшего брата (*Бартольд В. Отчет... С. 114–115*). Но описание подробностей перевода у Гардизи не внушает доверия, и потому от следования его рассказу лучше воздержаться.
- ³³ О предложении Ши ЧАО-И сообщает и уйгурская надпись (*Васильев В. П. Китайские надписи... С. 22*). Но, к сожалению, она приводит весьма неубедительные мотивы отказа уйгурского хана, который будто бы разгневался на мятежника за забвение императорских милостей и узурпацию. Скорее всего здесь был правильный политический расчет: сокрушив имперскую полевую армию, уйгуры не могли опасаться вторжения в свою страну, а более благоприятного случая для превентивной войны нельзя было представить.
- ³⁴ *Chavannes E. et Pelliot P. Traité manichéen... P. 190.*
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 318; Chavannes E. et Pelliot P. Traité manichéen...*
- ³⁷ *Бо Цзю-и. Стихи. С. 56.*
- ³⁸ *Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 175.*
- ³⁹ Там же. С. 178.
- ⁴⁰ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 322.*
- ⁴¹ *Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма.*

XXIX. Тибет в VIII веке

ВОЙНА 761—781 ГОДОВ

Для изучения каждой отдельной эпохи нужен особый ключ. Если в первую половину VIII в. определяющим моментом политической истории Азии было сопротивление Тюркского каганата всепоглощающим тенденциям империи Тан, то после гибели тюрок и восстания Ань Лушаня политической доминантой сделалась возросшая активность Тибета.

После того как имперская армия легла на полях Хэбэя и Хэнани, а тюркская орда рассеялась, тибетское войско оказалось самой грозной силой, которой не могли противостоять ни толпы мобилизованных китайских крестьян, ни многочисленные отряды уйголов, тем более что Китай и Уйгурья после заключения временного соглашения в 765 г. отнюдь не стали искренними союзниками.

Этой ситуацией воспользовался талантливый и энергичный цэн-по Тисрондецан и возобновил завоевание Западного края. В случае успеха он наделся получить в свои руки караванные пути и стать хозяином всей торговли Востока и Запада. Материальные возможности, вытекающие из этого выгодного положения, позволили бы Тибету стать гегемоном Центральной Азии, каким раньше был Тюркский каганат.

Не менее активно рвались тибетцы и на юг, где они находили поддержку в царстве Наньчжао, родственном им по крови и стремившемся сохранить свою независимость от Китая. Это было небольшое, но крепкое государство, и ориентация его правителей обеспечивала ли-

бо успешное продвижение тибетцев, либо полное спокойствие южно-китайских провинций. Здесь успех зависел от дипломатии.

Осенью 767 г. двадцатитысячная тибетская армия двинулась на север вниз по течению Хуанхэ и осадила крепость Линчжоу. Го Цзы-и, имея 30 тыс. отборных войск, отбросил тибетцев. Однако те отступили с ничтожными потерями и на следующий год возобновили осаду Линчжоу. Китайцев спасла отставка тибетского главнокомандующего “за старостью”¹. Думается, что старость была в этом случае предлогом, а решающую роль сыграла борьба партий при дворе Тисрондецана. Но как бы то ни было, новый главнокомандующий изменил направление наступления. Вместо обходного движения на степь он ударили в центральную часть фронта, т.е. провинцию Шэньси (Хачжоу, Лунси, Биньчжоу и Нинчжоу). Но там население состояло из пограничных китайцев, потомков головорезов царства Цинь, заклятых врагов тибетцев. При их помощи регулярные китайские войска дважды разбили тибетцев, не имевших опоры в населении. Так же неудачно было вторжение тибетской десятитысячной армии в Южный Китай. Стратегия прямого удара не оправдала себя.

В 773 г. 60 тыс. тибетской конницы ворвались в северную Ганьсу и вытоптали хлеба на полях. Затем они снова бросились на центральный фронт. Две китайские армии были сильно потрепаны, но оправились и, перейдя в контрнаступление, вытеснили тибетцев. При отступлении тибетцы потеряли всю добычу, включая пленников. Истерзанный минувшей гражданской войной Китай хотел мира. В 774 г. произошел обмен посольствами между воюющими сторонами, что приостановило военные действия. Однако переговоры не имели успеха, и в 775 г. война возобновилась.

Пять лет китайцы и тибетцы обрушивали друг на друга жестокие удары, но баланс побед и поражений сохранялся. Сначала княжество Наньчжао поддерживало Китай, но в 778 г. перекинулось на сторону Тибета. В 779 г. китайцы разбили тибетцев на юге и парализовали их наступление². Но конфликт Китая с Уйгурьей позволил тибетцам развить наступление на севере. В то время, когда уйгуры вторглись в Северный Китай и связали китайскую армию³, тибетцы прошли вдоль северных склонов Наньшаня на запад и осадили Дуньхуан.

Уйгуры ушли, но тибетцы остались, и в 780 г. Дуньхуан пал⁴.

По сути дела, Китай проиграл войну, и это понял новый император, Дэцзун. Он собрал тибетских пленников, которые были, кстати сказать, не военнопленные, а задержанные члены посольств, и, одарив их платьем, отпустил домой. Посланный для сопровождения их чиновник передал Тисрондецану предложение заключить мир.

Тибетское правительство сначала не поверило своему счастью⁵, но затем продиктовало условия мира. Требования тибетцев сводились к территориальным уступкам и признанию равенства Тибета и Китая. Условия мира были позорны для Китая, но Дэцзун принял их. Да он и не мог поступить иначе: избиение уйгурских купцов, произведенное одним из пограничных чиновников в 780 г., подняло в седла всю Уйгарию. Хан грозил войной, а на северную границу войска не хватало, так как их поглощала западная. Мало того, в феврале 781 г. вспыхнуло восстание в Хэбэе. Его подняли чиновники, требовавшие закрепления должностей за их потомками⁶. Престол снова зашатался, и поэтому любые условия мира с непобедимыми в конечном счете тибетцами оказались приемлемыми.

Мирный договор был заключен на берегу реки Цин. Он был скреплен кровью жертвенных животных – собак, свиней и овец, а потом присягой в буддийской кумирне, построенной рядом с жертвенной. Договор был ратифицирован императором в Чанъани и в “Великом Храме Западного Предградия”⁷. Это был не только мир, но и союз.

Победа Тибета была поистине грандиозна: в руках тибетцев оказалась важный отрезок караванного пути и полная возможность распространяться в сторону Хотана и Кучи. Вражда между Китаем и Уйгурьем делало обе эти страны бессильными, а хэбэйское восстание и преданность Наньчжао открывали Тирондецану перспективы дальнейшего расширения границ. Тибетская мощь достигла своего зенита.

УЙГУРИЯ

Благодаря походам Моянчура Уйгурья оказалась в исключительно благоприятных условиях: она не имела сильных врагов вокруг себя. На востоке кидани, на севере кыргызы были подчинены уйгурскому хану. На западе с 766 г. усилились карлуки, но они сосредоточили все свое внимание на юго-западе и не переходили естественной границы – Тарбагатая. На юге лежал в развалинах Китай, но, несмотря на это, китайские гарнизоны стояли в Куче, Карабаше, Хатане, Кашгаре и в Бэйтинге. Эти крепости были буфером между уйгурами и тибетцами, захватившими в 755–760 гг. северо-западный угол Китая (провинции Ганьсу и Шэньси) и приступившими теперь к завоеванию Западного края.

Китайцы и тибетцы были заклятыми врагами, и уйгурам надо было сделать выбор между ними. На Китай уйгуры смотрели как на дойную корову и старались вытянуть из него как можно больше, но в союз с Тибетом они никогда не вступали. Слишком велики были идеологиче-

ские противоречия между манихейством и буддизмом; недаром, по словам их манихейских учителей, тибетцы “называли черта буддой”.

Невероятное ожесточение, которое проявили обе стороны в последующей войне, имеет глубокие корни. Религиозные войны в Средней Азии имеют сходство не с реформацией, а с расколом церквей и последующей эпохой крестовых походов, когда латиняне, греки, кардиналы и мусульмане, даже иногда заключая политические союзы, были психологически настолько чужды друг другу и взаимно враждебны, что никакие компромиссы не были возможны, исключая частные случаи ренегатства, причем последнее никак не определяло характер эпохи. В некотором отношении Азия опередила Европу на триста лет: Тибет уже в VII в. стал теократической державой, а Уйгурья сделалась ею во второй половине VIII века.

Несмотря на активность манихейских проповедников, Уйгурья взяла новый политический курс не сразу. Первые ханы, создатели уйгурской державы Пэйло (744–745), Моянчур (745–759) и Идигань (759–789), опираясь на свое племя, пытались подражать ханам голубых тюрок. Ограбив Китай во время гражданской войны, они вообразили себя там хозяевами. Приезжая в Чанъянь, они хватали на базаре девушек, отнимали казенных лошадей и всячески безобразничали. По договору 762 г. уйгуры получали замаскированную дань: за каждую пригнанную лошадь им платили 40 кусков шелка. Уйгуры пригнали однажды вместо 6 тыс. хороших лошадей 10 тыс. кляч, но им было отказано в уплате. Уйгуры убили на базаре чиновника. Их схватили и осудили на пожизненное заключение; тогда уйгурский старшина явился с войском, ворвался в тюрьму и освободил своих соплеменников, а тюремную стражу уйгуры избили и изранили⁵. Не только населению столицы, но и самому китайскому правительству стало ясно, что так продолжаться не может.

В 788 г. в Китае вступил на престол Дэцзун, тот самый, который отказал уйгурскому хану в поклонении, за что его советники были забиты палками⁶. Понятно, что он не был расположен к уйграм. Идигань-хан, зная это, решил принудить нового императора к покорности и в 778 г. напал на Северный Китай. Первое сражение под Янкой уйгуры выиграли. Китайцы потеряли убитыми 10 тыс. человек. Но наместник Дайчжоу (в Шэньси) разбил их и принудил к отступлению. Уйгуры угнали лишь “несколько десятков тысяч овец, которые почти все подошли по дороге”¹⁰. Хан понял, что Китай окреп и что для сохранения status quo надо готовиться к большой войне. Действительно, население Китая с 764 по 780 г. выросло на полмиллиона душ (точнее, на 85 тыс. семейств=485 тыс. человек)¹¹, что позволило создать новую армию в 768 тыс. человек.

Учитывая свои возросшие силы, Дэцзун покончил еще с одним тягостным обязательством. Токуз-огузы получили привилегию жить в столице за казенный счет, как гости¹². Они на этом весьма наживались. В 780 г. Дэцзун выслал их из Китая. На границе обнаружилось, что они в дорожных мешках увозили китайских девочек. Не имея права производить обыск, военный начальник на границе послал чиновника нагрубить тутку. Тот всыпал и избил грубяна плетью. Этого-то и надо было китайцу. Войска оцепили табор токуз-огузов, произвели обыск, нашли девочек, и без разговоров казнили всех “гостей”.

Император, узнав об этом, ограничился переводом пограничного начальника на другую должность и послал к уйгурскому хану посла с объяснениями. Он великолепно понимал, что за кровь своих родственников уйгуры потребуют китайской крови; что они не откажутся от тех выгод, которые им давал унизительный для Китая торговый договор, и все же Дэцзун пошел на это, очевидно считая себя в силах оказать сопротивление.

За это время в Уйгурии произошли чрезвычайно существенные перемены. Когда в 779 г. обострились отношения с Китаем, то мнения по поводу предстоящей войны разделились. Токуз-огузы хотели войны, вероятно потому, что им доставалась львиная доля добычи. Союзные же племена видели для себя в войне не выгоды, а только опасность¹³. Так как хан не различал мнения большинства, то вельможа Дунь-мага-тархан поднял восстание. Хан, его советники и 2 тыс. человек токуз-огузской знати погибли, и узурпатор вступил на престол с титулом Кат Кутлуг Бильге-хан, что в переводе значит очень счастливый мудрый хан¹⁴.

Конечно, здесь не обошлось без китайской дипломатии. Узурпатор получил деньги на восстание от китайского посла. Но помимо этого в широких массах уйголов существовало недовольство роскошью ханского двора, палатами построенным для ханского гарема вместо привычных юрт, и необходимостью платить налоги для поддержания чужого великолепия. Недовольство гегемонией токуз-огузов вылилось в настоящую резню; поэтому так же осталась без последствий расправа китайцев с “гостями”¹⁵.

Новый хан твердо хотел мира. За смерть “гостей” он в 781 г. взял выкуп. В 783 г. был заключен мирный договор на следующих условиях: 1) хан назывался вассалом Китая; 2) уйгурские посольства не должны превышать 200 человек; 3) для принудительного торга разрешалось приводить не более тысячи лошадей; 4) было запрещено уводить китайцев за границу. Договор был скреплен в 788 г. путем брака и союза против Тибета. Положение стабилизировалось¹⁶.

Внутри страны Дуньмага правил твердо и жестоко. Два сына одного из принцев прежней династии были казнены по его приказанию¹⁷. Надпись характеризует Дуньмага как человека мужественного¹⁸. Очевидно, он был достаточно популярен, потому что после его смерти в 789 г. на престол взошел его сын Долосы, но не в порядке престолонаследия. Новый хан был поставлен вельможами и от них получил титул “Айдынлык улуг куч-мунмыш Кучлук Бильге-хан”, т.е. “блестящий, высокий, силой воссевший, могучий мудрый хан”¹⁹.

Уйгурья стала выборной монархией.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Восстание хэбэйских феодалов, хотя оно было скоро подавлено, расшатало Китай еще больше, чем внешние войны. Никто не хотел повиноваться властям, и Дэцзун в 783 г. был вынужден бежать из Чанъани.

Тисрондецан использовал замешательство для интервенции и послал войско на помочь китайскому императору. В 784 г. объединенные силы правительственные и тибетских войск разбили силы мятежников при Утинчуани и готовились к возвращению столицы, но эпидемия моровой язвы, вспыхнувшая в несчастном Китае, дала тибетцам повод уйти обратно, не разив успеха. В Китае считали, что тибетцы договорились с мятежниками.

К счастью для императора, вождь восставших феодалов был в 786 г. отправлен своим врачом, и мятеж утих.

По первоначальному договору тибетцам за помощь при возвращении столицы были обещаны новые территориальные уступки. Их преждевременный уход рассматривался китайским правительством как основание для отказа от выполнения обещания, но тибетцы считали, что они достаточно потрудились, сокрушив мятежников при Утичуани. Отказ они восприняли как обман и, раздраженные этим, бросились на пограничные области, забрали людей, скот и вытоптали посевы. На этот раз им удалось благодаря неожиданности истребить большую часть своих заклятых врагов – пограничных китайцев, а также овладеть крепостями Янчжоу, Линчжоу, Сянчжоу²⁰, которые до сих пор были барьером для тибетской экспансии на север и на запад.

Получив то, что им было нужно, тибетцы снова предложили мир. Подкупленный тибетским полководцем китайский генерал Ма Суй согласился на перемирие и отправился с докладом в столицу. Тибетский главнокомандующий Шан Гецзан использовал выигрыш во времени для переформирования и отвода измотанных частей в тыл.

В Чанъани на переговоры согласились и отправили комиссию самых крупных чиновников и полководцев, чтобы выторговать приемлемые условия мира и добиться от тибетцев возвращения захваченных территорий. Среди членов комиссии был Хуань Сянь, воевода, усмирявший мятеж: его-то и винили тибетцы в нарушении договора²¹. Со стороны императора было непростительной ошибкой посыпать для переговоров с варварами их личного врага, и это сильно повлияло на ход событий.

Стремясь к мести, Шан Гецзан пошел на предательство: конная засада напала на китайцев и взяла их в плен. Но Хуань Сянь, поймав невзнужданную лошадь, успел ускакать и добраться до укрепленного лагеря; его преследовали, но ни одна стрела его не задела. После этого о мире не могло быть и речи.

Шан Гецзан был талантливый полководец. Он использовал достигнутые успехи для развития широкого наступления на Китай по всему фронту. Китайские войска только отступали или сдавались, а тибетская конница повсюду производила грабежи. Жители западной окраины Шэнъси почти все были истреблены или угнаны в Тибет, а до сих пор именно они останавливали тибетские набеги.

Было ясно, что Китай снова проиграл войну. Но тут былапущена в ход китайская дипломатия. В 788 г. Китай заключил оборонительный союз с Уйгурской империей, также опасавшейся усиления Тибета и его северо-западной экспансии. На юге в Сычуани, шла борьба на два фронта; с запада наседали тибетцы, с юга выставило войско Наньчжао, союзное с Тибетом. Стесненный союзниками, китайский полководец Вэй Гао применил метод дезинформации противника. Он написал письмо царю Наньчжао с благодарностью за его “искреннюю приязнь” и послал его с расчетом, чтобы оно попало в руки тибетцев. Те начали подозревать своего союзника в измене и отправили корпус войск, чтобы перерезать ему дорогу в Сычуань. Это посеяло рознь между союзниками. Войска Наньчжао ушли, а тибетцы, оставшись одни, потерпели поражение в 789 г. Сычуань была спасена.

Вэй Гао не остановился на этом: продолжая малую войну, состоявшую в осадах небольших крепостей, он направил посла к царю Наньчжао, Имосуну. Посол сумел уговорить Имосуна перейти на сторону Китая и ударить в тыл тибетской армии, действовавшей на юге. Не ожидавшие удара в спину тибетцы были разбиты в 793 г. и на следующий после новых неудач, отступили на свою территорию²².

Вступление Уйгурской империи в войну придало событиям новый оборот и на севере.

РАЗГАР ВОЙНЫ

Уйгурья больше выиграла от признания своего подчиненного положения, чем пронзала. Фактически не уйгуры зависели от китайцев, а китайцы от них. Переписка владений Западного края со столицей Китая шла в обход тибетских войск, через уйгурские земли. Для войны на западе Китай не располагал достаточной конницей. Спасти положение могли только уйгуры, и они готовы были помочь, но за все требовали плату. “Требования кочевых не имели пределов”²³. Китай оплатил войско, и уйгуры вступили в войну с тибетцами. Но и тибетская дипломатия оказалась весьма активной: тибетцы нашли союзников. На их стороне выступили западные карлуки, старые соперники уйголов, а также племя шато, кочевавшее в Южной Джунгарии и страдавшее от больших налогов.

Еще более томились покоренные уйгурами тюрки, восточные карлуки²⁴ и племя баянь; эти ждали тибетцев, как избавителей. Наконец, тибетофильские тенденции росли среди кыргызов, покоренных, но не сломленных ханом Моянчуром. Стремясь сбросить уйгурское иго, они также искали дружбы с карлуками и арабами, но арабы были далеко, а карлуки слабы, и только тибетская ориентация обещала надежду на ниспровержение уйгурского ига. Тибетские эмиссары проникали на Енисей через карлукские земли²⁵.

Кроме того, тибетцы установили свою гегемонию на западных склонах Памира, подчинив себе Гибинь²⁶ и эфталитов. Дань, которую теперь выплачивали тибетцам, состояла из лекарств и съестных припасов²⁷ и, очевидно, шла на снабжение тибетской армии.

На юго-западе тибетцы установили дружбу с царем Кашмира, ставшим их единоверцем. В это время Кашмир вел активную завоевательную политику в Северной Индии²⁸, которая обеспечивала Тибету спокойный тыл.

В конце 789 г. тибетское войско двинулось к Бишбалыку (Бэйтин). Уйгурский воевода, носивший титул Гьесяньгяс²⁹, пришел на выручку городу и понес поражение, в котором решающую роль сыграла измена шатосцев. Бэйтин пал в 790 г. Это решило судьбу Кучи, Каравара, Хотана и Кашгара, где китайцы успели слиться с местным населением. В Китае больше не было вестей из этих отрезанных владений, но они, видимо, сами сумели организовать оборону, и тибетцы не смогли стать хозяевами южного Притяньшаня. Зато область Сичжоу, включавшая Турфанский оазис, сохранила верность метрополии³⁰. Это легко объясняется тем, что китайцы, населяя Турфан в V в., окитали местное население. Но Сичжоу был островком в бушующем море кочевников, и решающего значения китайский гарнизон не имел.

В следующем году тибетцы, стремясь обеспечить свои коммуникации, продолжили наступление в северо-восточном направлении вниз по течению Хуанхэ, но уйгурское войско разбило их у Линчжоу. После ухода уйголов тибетцы возобновили кампанию, взяли крепость Шуйкуэчжай и так разграбили местность, что она не могла больше служить китайцам плацдармом для контрнаступления. Пограничная война свелась к отражению набегов и восстановлению разрушенных крепостей³¹.

Среди жертв оказалось царство потомков Гэсэра³², которое тибетский источник почему-то именует тюркским³³. “Красноликие тибетские демонические войска вторглись в это тюркское царство и поставили свои черные шатры на его земле. Разоренных жителей увезли в страну монов, где дали им жилища”³⁴. После этого в Западном Тибете появилась династия князей, которая вела свое происхождение от Гэсэра³⁵.

В том же 791 г. другая тибетская армия подчинила Хотан³⁶, чем обеспечила тыл войскам, действовавшим в Джунгарии. Тогда китайцы, потеряв веру в собственные силы, обратились с просьбой о помощи к арабам. Харун ар-Рашид согласился начать военные действия против слишком усилившимся тибетцев, и его войска сковали более половины тибетских сил, что весьма повлияло на дальнейшее развитие событий³⁷.

ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

Между тем возобновилась отчаянная война за ключ к Джунгарии – крепость Бэйтин. Разбитый в 790 г. китайский генерал и наместник Бэйтана Ян Си-гу со своим войском бежал в Чичжоу (?! – может быть, это Чигу – “Красная долина” в горах Тянь-Шаня около оз. Иссык-Куль). Гиеянъгас предложил Ян Си-гу совместными усилиями выгнать тибетцев, но тибетцы одержали полную победу. Две трети уйгуро-китайского войска легло на поле битвы. Гиеянъгас, собрав остальные войска, хотел ограбить китайскую крепость Сичжоу³⁸, а китайскому наместнику предложил убраться в Китай. Добросовестный чиновник Ян Си-гу, увидев, что положение непоправимо, кончил самоубийством, а союзники тибетцев – восточные карлуки завоевали Джунгарию³⁹. Уйгуры были отброшены на юг, где держались китайские “четыре крепости”.

Опираясь на них, уйгурские отряды наносили удары по тылам тибетской армии и в течение трех лет мешали ее наступлению на север⁴⁰. Около Бугура⁴¹ они захватили табуны, предназначавшиеся для попол-

нения состава тибетской армии, а вслед за тем разбили тибетские отряды у Циктама⁴² и Чонги⁴³. Удачная диверсия в сторону Хотана⁴⁴ помешала тибетцам подвести подкрепления с юга. Наконец, в 795 г. уйгурское войско, пополнившись, нанесло поражение тибетцам около Бэйтана и этим окончательно остановило тибетское наступление⁴⁵.

Вырвавшись в родные степи, уйгуры столкнулись с необходимостью подавить противотибетские настроения среди карлуков и тюргешей, входивших в состав Уйгурского каганата⁴⁶. Тибетское вторжение привнесло этим племенам свободу, и возвращение уйгурского войска не могло быть встречено с радостью. Очевидно, они пытались поддержать тибетцев, но были, подобно им, разбиты у р. Болчу⁴⁷. Уйгуры выиграли трехлетнюю кампанию⁴⁸.

Войну не остановили даже перемены, произошедшие в обеих воюющих державах. В Тибете умерли великой полководец Шан Гецзан в 796 г. и Тисрондецан в 797 г.; в Уйгурии и пресеклась династия Йолотгэ, и в 795 г. вельможи поставили ханом талантливого полководца Кутлуга, получив его согласие на ограничение власти⁴⁹.

Вступив на престол, он столкнулся с затруднениями, которые очень трудно было предвидеть. Тибетская дипломатия сделала свое дело: в тылу у уйголов подняли восстание кыр-гызы, сохранившие при подчинении в 758 г. автономию. “Кутлуг сумел подавить кыргызов, подверг их страну разгрому, и их государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей”⁵⁰. Последнее, очевидно, значительно преувеличено⁵¹, но тем не менее после разгрома целых 20 лет, т.е. пока не выросло новое поколение, о кыргызах не было слышно. Не это ли событие послужило поводом для установления в Туве стелы, ныне находящейся в Минусинском музее под № 22? Стела представляет собой четырехгранный песчаниковый столп высотой в 3,4 м. На одной из широких сторон помещена руническая надпись в три вертикальные строки. Под ними дугообразная с опущенными вниз концами линия, к середине которой сверху примыкает крест (описание С. В. Киселева). Содержание надписи таково:

“От вас, ста моих приятелей товарищей, от шести родов моего народа, от вас моих я отделился [т.е. умер]. Мое геройское имя Ак-башатых. Я Ынал огня в семьдесят лет.

Моя геройская доблесть! Мой пояс с 42-мя пряжками-украшениями! Среди врагов убил я 30 героев!”

И дополнение к надписи на боку стелы:

“По своей силе шести родов народа моего он поставил здесь камень...”.

Если принять предлагаемую ниже гипотезу, то содержание памятника станет ясно. Алты-баг=будун, т.е. народ шести бегов, – это

уйгуры после 780 г. Ак=баш=ат-ых, видимо, командовал сотней и погиб в бою, а победивший хан народа шести бегов, т.е. уйгуров,увековечил его память. Это могло быть лишь в случае победы, а в IX в. побеждали кыргызы уйгуров. Не противоречит нашей гипотезе и крест на стеле, так как манихеи чтили память Христа, да и сам Мани был распят. Характерна и вертикальность строк, так как именно такова манихейская письменность уйгуров позднего времени (X-XI вв.). “Буквы памятника заметно не орхонские”⁵². Если принять вышеизложенную точку зрения, то стела указала бы нам место битвы, если бы она не была с него снята и перевезена в Минусинский музей.

Затем войска перешли опять в окрестности Бэйтана, где действовали тибетцы и восточные карлуки⁵³.

После долгих и трудных боев, о которых надпись повествует весьма туманно, уйгуры остались победителями и остатки крепости Бэйтана перешли в их руки, став снова городом Бишбалык. Получив базу для наступления, уйгурский хан двинулся на выручку Кучи, осаждаемой тибетцами⁵⁴. Уйгуры, заманив врагов в засаду, перебили весь корпус. Но спасенные кучакские китайцы оказались неблагодарными и стали торговаться о размере дани, которую требовал с них доблестный избавитель. Хан лично возглавил военную экспедицию против скоповатых союзников. Те попробовали сопротивляться, но были разбиты и бежали до самой Ферганы. Там, на берегах Нарына⁵⁵, уйгуры настигли беглецов и ограбили их дочиста. После этого уцелевшие “слезно просили и молили” принять с них дань, на что уйгурский хан милостиво согласился. Таким образом, остатки китайских владений на западе вошли в состав Уйгурского ханства.

Вскоре ему пришлось столкнуться с западными карлуками⁵⁶, столкновение окончилось в пользу уйгуров. Последним подвигом хана Кутлуга было усмирение восточных карлуков и разгром поддерживавшей их тибетской армии. Джабгу восточных карлуков был лишен власти и изгнан. Эти бои происходили к югу от Тянь-Шаня, так как указано, что хан, преследуя бегущих, достиг Ферганы⁵⁷.

Все эти события произошли в одно десятилетие – 795–805 гг. Надпись не дает данных для уточнения абсолютной хронологии, а китайские хроники обходят эти факты молчанием. Надпись заполняет пробел истории⁵⁸, и теперь ясно, что уйгурам не только удалось остановить тибетское наступление на запад, но и вытеснить тибетцев из Джунгарии. Уходя, тибетцы увезли своих союзников шато и поселили их в предгорьях Наньшаня, в области Гуаньчжоу⁵⁹. Это спасло шатоцев от истребления, ибо их измене уйгуры справедливо приписывали падение Бэйтана.

Итак, в результате кровопролитных боев и изнуряющих душу и тело походов выяснилось, что силы противников равны: уйгуры сохранили Кучу и Каражар, а тибетцы удерживали Хотан и Кашгар⁶⁰.

ВОЙНА НА ВОСТОКЕ И НА ЗАПАДЕ

Воспользовавшись тем, что значительные силы тибетцев были связанны на западе, китайцы отвергли предложение нового царя, Муни Дзенбо, о заключении мира и начали контрнаступление по всему фронту.

В 798 г. тибетцы потерпели поражение на севере, в Яньчжоу при Хумачи, а в 800 г. – в Линчжоу. На юге в Сычуани Вэй Гао взял две тибетские крепости. На это тибетцы ответили сокрушительным наступлением 801 г., в результате которого пала крепость Линчжоу и китайцы лишились базы для наступления.

Страшась вторжения внутрь страны, китайское правительство отдало приказание Вэй Гао совершить диверсию в Южный Тибет; эта операция имела только одну цель – отвлечь силы противника с решающего направления. Вэй Гао с двадцатитысячной армией вторгся в тибетские владения в Сычуани, разбил заслон и взял семь городов и пять крепостей, но был остановлен твердынями Вэйчжоу и Куньмин. Тибетский полководец Мадиндэ, опасаясь опалы за понесенные поражения, передался китайцам, а его преемник на посту командующего восточной армией Лунь-манжо Мулун-цисиме попал в расставленную китайцами засаду, потерпел полное поражение и был взят в плен. Но крепости устояли против осады, и китайское наступление на юге захлебнулось⁶¹.

Тем не менее, начиная с 802 г., тибетцы стремились к миру с Китаем. В 806 г. был произведен даже обмен пленными. Дело в том, что у тибетцев испортились отношения с арабами. Если в 777 г. тибетский царь признал халифа, то с 785 г. в Средней Азии шла арабо-тибетская пограничная война⁶², а в 806 г. тибетцы и карлуки поддержали военными силами мятеж Рафи ибн Ляйса в Самарканде⁶³.

Что происходило дальше – не ясно, но в 811 г. Мамун перед началом гражданской войны со своим братом Амином горько жаловался: “Карлукский Джабгу вышел из повиновения, такую же непокорность обнаруживает хакан, владетель Тибета; царь Кабула готовит набег; царь Отара отказывается платить дань”⁶⁴.

Так как под термином “покорность” в отношении таких особ, как карлукский джабгу, уйгурский хан, тибетский царь и китайский император, понималось просто установление дипломатических отноше-

ний, то под “непокорностью” надо понимать разрыв и подготовку войны. Приведенный текст дает представление о размахе тибетской внешней политики, так как здесь перечислены члены антиарабской коалиции. Однако события на востоке сделали невозможным возобновление тибетской экспансии.

Около 806 г.⁶⁵ уйгуры, продолжая наступление, взяли крепость Лянчжоу и этим связали тибетцев. Тибетцы заподозрили, что шато, на которых они опирались, им неверны, и хотели перевести это племя в нагорье Цайдам⁶⁶. Шато вспомнили свою былую службу Китаю, где они были в чести, и восстали против захватчиков. В 808 г. весь народ – 30 тыс. кибиток – потянулся вдоль северного склона Наньшаня и затем по реке Таошуй в Китай. Тибетцы напали на них и не отставали до самой китайской границы. Каждый день шел беспощадный бой. До Китая дошли лишь 2 тыс. всадников и немного скота. Китайцы приняли уцелевших героев, снабдили их провиантом и скотом и создали из них особый пограничный корпус.

Лишившись поддержки шато, тибетцы приостановили свою агрессию. Уйгуры тем временем успели поссориться с Китаем. Война потухла сама собой.

Раздор между уйгарами и китайцами посеяли татабы. В 788 г. они вместе с татарами (шивэйцами) произвели набег на Китай. В 795 г. китайцы рассчитались с ними, истребив их “до 60 000 человек”⁶⁷. Это бросило татабов в объятия уйголов, и следующий набег в 806 г. они совершили уже совместно с ними. Подданство татабов уйгурам продолжалось до 830 г., когда первые, совершая очередной набег, были разгромлены китайскими войсками и их вождь взят в плен. Император пожаловал пленнику шляпу, пояс и военный чин. Тем самым освобожденный из плена вождь стал вассалом Китая. Уйгуры приняли это довольно безразлично, так как их внимание всецело поглощали внутренние дела.

В 809 г. возобновились тибетско-китайские мирные переговоры, но тибетцы, желая обеспечить себе мир и с Уйгур暹, совершили набег, отобрали содержащихся в Китае задержанных уйголов и вернули освобожденных в их отчество⁶⁸.

Уйгуры отблагодарили тибетцев, совершив в 813 г. диверсию в “Иловую долину” у Западной стены⁶⁹, что сделало Китай весьма уступчивым при затянувшихся переговорах. Тогда же Китай принял предложение Тибета об установлении на границе менового торга⁷⁰. Меновая торговля была выгодна тибетцам, которые получили возможность приобретать нужные им товары прямо от населения, а не через китайских чиновников, т.е. по низким ценам. Но еще более неприятным для китайцев было то, что тибетцы построили мост через

Хуанхэ около Шофана, укрепили его валами и тем самым получили возможность в любое время попадать в Ордос, а оттуда в незащищенные области Китая. Однако китайцам пришлось с этим примириться, так как участившиеся восстания провинциальных губернаторов, возникавшие из года в год, делали невозможной ни мобилизацию, ни продолжение войны.

конец войны

Тибетская армия не могла сокрушить уйгуро-китайскую коалицию, но помогла тибетская дипломатия: она разделила обе враждебные державы и дала возможность Тибету бить их поодиночке. Тибетцы, обеспечив себя с востока и вынудив с уйгурской помощью Китай заключить перемирие, бросились в 816 г. на север, прямо на уйгурскую столицу Каракорум⁷¹. В то же время в тылу у уйголов вспыхнуло восстание кыргызов, на этот раз удачное⁷². Невозможно допустить, чтобы действия союзников не были координированы.

Поход не имел полного успеха лишь вследствие непредвиденного обстоятельства: в 816 г. умер тибетский “безымянный гамбо”⁷³, и полководец Шан Шацзан был вынужден вернуться в Тибет, чтобы принять участие в возведении на престол угодного ему царевича⁷⁴. Однако уйгуры не смогли этим воспользоваться, так как вели войну с кыргызами, затянувшуюся на 20 лет.

В Китае воспользовались унижением Уйгурии для того, чтобы избавиться от обременительных последствий союза с ней. В 806 г. в Чанъань впервые прибыло уйгурское посольство, состоявшее не из мирян, а из манихейского духовенства⁷⁵. Несмотря на все отрицательное отношение к этому исповеданию и проповеднической деятельности “совершенных”, китайцы вынуждены были терпеть их присутствие в столице, чтобы не портить отношения с Уйгурней. Как только выяснилось, что уйгурская мощь ослабла, а с Тибетом установлен мир, китайское правительство обвинило манихеев в пособничестве уйгурским купцам и в торговых злоупотреблениях и в 817 г. выслало их за границу. Обвинение, даже если оно не было вымысленным, не отражало сущности дела. Конфуцианцы вели активную борьбу и с мистикой, и с кочевой культурой, а тут было налицо сочетание и того и другого. Высылка посольства оформила разрыв китайско-уйгурского союза.

Этого только и ждали тибетцы. В тот же год, не успев даже дождаться возвращения из Чанъани своего посольства, они набросились на Китай. Снова по всей границе закипели бои, но китайские войска

остановили наступление тибетцев⁷⁶. Китайские и уйгурские правители пришли к выводу, что надо объединиться перед лицом грозного врага. В 821 г. союз обеих держав был восстановлен и скреплен браком⁷⁷. Тибетский полководец Шан Цисир предпринял наступление в долину Орхона⁷⁸, но безрезультатно, так как тибетские союзники — карлуки — были в это время заняты войной с арабами в Фергане⁷⁹, и уйгуры отразили тибетское наступление.

Дальше воевать не имело смысла, и тибетцы предложили Китаю мир на условиях сохранения за ними всех сделанных ими территориальных приобретений. Поскольку Китай не имел никаких возможностей для контрнаступления из-за отсутствия конницы, то эти условия были приняты и война кончилась в конце 821 года.

ТИБЕТСКО-КИТАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 821 ГОДА

Этот договор сохранился на стеле в Лхасе. Приводим его содержание:

“Просвещенный, воинственный и отцепочтительный Велико-Тханский император, премудрый и божественный Велико-Тибетский кябу⁸⁰, два государя, дядя и племянник, помышляя о соединении Двух держав, постановили клятвенный договор о великом и вечном мире.

Духи и люди были свидетелями сего деяния; грядущие роды превознесут оное.

Почему для предания сего в потомство и водрузили камень с надписью. Просвещенный, воинственный и отцепочтительный император, премудрый и божественный кябу, сии два государя, обладая глубокой проницательностью и благоразумием, ведают прочное образование народов; распостирая чувства сожаления, изливают милость на все страны, советуясь единомысленно доставить спокойствие и счастье народам и сим оказанным благоденствием полагают основание долговременному благоденствию. Сие единодушное стремление к утверждению соседственной дружбы приобретает им истинную славу. Отселе впредь на положенных рубежах двух государств — Китайского и Тибетского, лежащее от двух городов Тхаочжеу⁸¹ и Миньчжеу⁸² к востоку должно принадлежать царству Велико-Тханскому, лежащее же от границы в запад — державе Велико-Тибетской.

Сии два государства обязуются прекратить кровопролитную вражду, не поднимать оружия, не производить взаимных нападений. Если кто по какому-либо случаю задержится в чужих пределах, таковых брать живыми, по отборании допросов снабжать одеянием и пищею и отпускать в свое отечество, дабы не возмутить спокойствия своей державы, оказать благоволение к духам и любовь к людям. Вследствие

сей взаимной дружбы между дядею и племянником, при встретившихся трудных обстоятельствах, они должны относиться (обращаться. — Л. Г.) друг к другу и подавать помощь. Как между двумя сторонами всегда должно быть сообщение, то положить, чтобы отправляемые с обеих сторон послы в долине Цзяньцзюньчу⁵³ переменяли лошадей. От Тхаочжеу к востоку двор Велико-Тханский, в запад двор Велико-Тибетский обязаны содержать почту. Надлежит в полной мере обнаружить сближение между дядей и племянником, дабы огнь и прах не возымались на пределах⁵⁴, обоюдно славили доброту [царей] и вечно помышляли о беспокойствиях в стране; путешественники не брали бы предосторожностей, жители наслаждались бы тишиною и не было бы взаимных нападений. По излиянии таковых благодеяний на будущие роды звук славы всюду распространится, где только солнце и луна светят. Тибетец да вкусит спокойствие в Тибете, китаец да вкусит веселье в Китае; каждый, соблюдая сей клятвенный договор, вечно не должен разрывать оного. Перед образом богов и мудрых, перед лицом солнца, луны и звезд, над закланым скотом утверждаем клятву.

Кто же не сохранит договора, тот клятвопреступник да воспримет бедствия от них. Тибетский государь и послы китайские, поклоняясь до земли, утверждают договор, в точности здесь изображенный. Добродетели двух царей будут вечно греметь в потомстве, и поданные прославят благо, излиянное на них⁵⁵.

Весьма важным дополнением к содержанию договора является короткое указание, что в 821 г. в Кашгаре была восстановлена власть Китая и туда был назначен генерал-губернатор⁵⁶. Это проливает свет на события, происходившие на западной границе Тибета. Совершенно очевидно, что китайцы в то время не могли овладеть Кашгаром ни сами, ни через посредство уйгуров, отвлеченных на север восстанием кыргызов. Тем не менее тибетцам был нанесен удар в спину, и настолько сильный, что они не сумели восстановить свою власть в Кашгаре. Единственно возможное объяснение — кашгарцы сами выгнали тибетцев и через уйгурские земли установили связь с Китаем. Можно думать, что тут немалую роль сыграли китайские колонисты в Западном крае, ранее убегавшие от уйгурского хана. Совершенно неизвестно положение Хотана в 821 г., но там тибетцы тоже не закрепились. По-видимому, Хотан умел лавировать между воюющими сторонами, и этим спас свою независимость.

Но незначительные потери не уменьшили для Тибета значения заключенного мира.

Лаконичную, но полную оценку этому миру дает тибетский историк буддийского направления⁵⁷. “В далеко раскинувшемся, похожем

на белый занавес венке горных цепей, в средней точке земли, истощенные китайцы на коленях просили мира и поторопились поставить камень и высекли на нем надпись. На юге моши Тибета подчинилась Индия⁹⁰ (Бихар и Бенгалия⁹¹), на западе завоеван Брушал (область, граничащая с Персией), на севере покорены все монгольские государства” (имеются в виду южные монголы — хоры. — Л.Г.).

Действительно, в этой грандиозной войне победа досталась Тибету. Караванный путь был завоеван прочно, пограничные воинственные китайцы бывшего княжества Цинь были истреблены, а дальнейшее наступление в глубь Китая не имело смысла, так как введение китайского элемента в страну, боровшуюся с Китаем, могло только ослабить ее внутреннюю мощь. Уйгурья была связана по рукам и ногамвойной с кыргызами, вождь которых Ажо объявил себя ханом и, гордый своими победами, заявил уйгурскому хану: “Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму твою золотую орду, поставлю перед ней моего коня, водружу свое знамя.

Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи”⁹⁰. Второй союзник тибетского царя, карлукский джабгу, стеснил арабов и остановил распространение ислама в степи.

Тибет разделил собою восток и запад и встал между ними как третий равный. Вокруг него не было больше опасных врагов, но подлинная опасность скрывалась внутри самой страны.

БОН И БУДДИЗМ

Оглянемся на то, что происходит в Тибете в правление Тисрондецана и его потомков⁹¹. Вспомним, что слабые правители (цэнпо) искали помощи против своих подданных у буддийской общины, которую никто, кроме них самих, не любил и не уважал. Во время войны сила всегда находится в руках победоносных полководцев, а в армии сражались не монахи, а вооруженный народ, придерживавшийся веры бон. Пока был жив цэнпо Мэагцом, ему удавалось обеспечить буддийским монахам безопасность и некоторую поддержку, но после его смерти в 755 г., когда на престол вступил малолетний Тисрондеzan, фактическую власть взял в свои руки вельможа Мажан, непримириимый враг буддизма.

Мажан последовательно препятствовал распространению буддийской литературы и разогнал два монастыря, основанные царем. Великая кумирня Лавран была превращена в бойню. Тогда буддийские вельможи составили заговор, в котором принял участие сам царь; Ма-

жан был схвачен и заперт в могильном склепе, так как верующие буддисты не должны никого убивать, а при таком мероприятии Мажан умер сам. Царь снова взял власть в свои руки, и снова начался расцвет буддизма в Тибете. Снова открылись кумирни, на площади Лхасы был устроен диспут между сторонниками черной веры (бон), причем последние, конечно, победили, но обошлись с побежденными весьма милостиво, сожжена была лишь часть бонских книг, а другая часть принята буддистами.

Достигнутое соглашение позволило Тисрондецану развернуть, с одной стороны, экспансию на восток, север и запад, а с другой — привлечь новых буддийских проповедников, уже гарантировав им безопасность.

Вскоре сами буддийские монахи, принадлежавшие к разным sectам, начали борьбу за преобладание, в результате которой китаец был побежден индийцем и принужден покинуть Тибет. Однако несколько лет спустя победитель был убит учениками побежденного.

В результате долгой борьбы при цэнпо Ральпачане (816–833) победила хинаяническая секта сарвастивадинов⁹². Эта победа была настолько полна, что царь запретил переводы сочинений других сект и проповедь махаянического или тантрического буддизма. Последствия этой политики были весьма существенны.

Из трех сект, боровшихся в Тибете за преобладание, сарвастивадины были наименее популярны. Тибетцы соглашались с тем, что тантрические заклинатели, изгоняющие злых духов, могут быть полезны, так как вера в силу злых духов и заклинаний была повсеместна. Учение махаянистов, так называемое скорое спасение, заключалось в абсолютном безделье — “неделании”. Для тибетца такие монахи были безвредны, ибо прокорм аскета ничего не стоит. Сарвастивадины проповедовали “медленное спасение”, заключавшееся в делании “добрых дел”. Под последним понималось строительство храмов, монастырей, кумирен, ступ и проповедь закона. Естественно, расходы ложились на народные массы, которые от расцвета новой веры беднели и нищали. Тибетцы начали роптать. “Кто извлекает пользу из нашего обединения и угнетения?” — вопрошали они и, указывая на лам, говорили: “Вот они”. Царь запретил презрительно смотреть на духовенство и указывать на него пальцами; за это полагалось выкалывание глаз и отсечение указательного пальца, но эта мера не помогла⁹³. Когда же царь приказал казнить своего первого министра, обвиненного в связи с царицей, то не выдержали даже придворные и, войдя в спальню царя, сломали ему шею.

Вступивший на престол брат убитого, Лангдарма, был врагом буддизма. Пользуясь наступившим в стране голодом, падежом скота и

другими бедствиями, он взвалил вину за эти несчастья на религию Будды и поднял на нее гонение. Кумирни были разрушены, книги и иконы либо сожжены, либо брошены в воду, ламы были обращены в охотников и мясников, а отказавшиеся от этих нечестивых занятий казнены. За короткое время буддизм в Тибете был уничтожен.

В 842 г. Лангдарма был убит буддийским отшельником. Возникли распри и восстания, внутренняя война продолжалась 20 лет и закончилась настолько полным истощением страны, что китайцы перестали обращать внимание на тибетские дела. Вследствие этого сведения об истории Тибета в X–XI вв. чрезвычайно скучны, но общая картина все же ясна: царская власть была уничтожена, а племенные вожди создали мелкие княжества, находившиеся в постоянной междуусобной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 183.
- ² Там же. С. 186.
- ³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 323.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 187.
- ⁶ Cordier H. *Histoire générale...* Р. 494.
- ⁷ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 189–191.
- ⁸ Это единственный факт истории уйгуров, пропущенный Бичурином (*Иакинфом*), но приведенный Д. Позднеевым (*Исторический очерк уйгуров*. С. 75).
- ⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 318, 326–327.
- ¹⁰ Там же. С. 323.
- ¹¹ Там же. С. 325.
- ¹² “Мэйлу” соответствует древнерусскому термину “гость” (торговец), а также современному значению этого слова (см. там же. С. 283).
- ¹³ Там же. С. 323.
- ¹⁴ Радлов В. В. Титулы и имена... С. 266–267.
- ¹⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 324–325. Д. Позднеев остроумно отмечает, что резня гостей была спровоцирована самими уйгурами, жившими в Китае. Сторонники нового хана просили китайцев перебить приверженцев прежнего хана, а те, воспользовавшись случаем свести счеты, истребили и тех и других (*Исторический очерк уйгуров* С. 77–78).
- ¹⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 327.
- ¹⁷ Там же. С. 330.
- ¹⁸ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 24; Schlegel G. *Die chinesischen Inschriften...* S 130–131.
- ¹⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 328; Радлов В. В. Титулы и имена... С. 266–267.
- ²⁰ Эти крепости были расположены при повороте Хуанхэ (黄河, синьцзян), в современной провинции Ганьсу.
- ²¹ Бичурин (*Иакинф*). История Тибета... Т. I. С. 198–199.

- ²² Там же. С. 205–206.
- ²³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений.. Т. I. С. 329.
- ²⁴ Это были гэлу – племя, о котором нет никаких сведений, кроме того, что оно жило в Джунгарии. За отождествление гэлу с карлуками высказывались: Васильев В. П. (Китайские надписи... С. 25–26), Radloff W. (Die alttürkischen Inschriften... S. 289–290), Schlegel G. (Die chinesischen Inschriften...), Bretschneider E. (Medieval researches... P. 28). Грумм-Гржимайло (Западная Монголия... С. 341–342) предполагает, что гэлу – самостоятельное тюркское племя, позднее других спустившееся с Алтая. Думается, возможно принять компромиссное решение: гэлу – это карлуки, но не все, а их восточная ветвь, подчинившаяся уйгурам. О наличии таковой говорит Гардизи, который приводит легенду о бегстве одного из карлуков во владения уйголов и назначении его начальником (ябгу) над всеми карлуками, жившими на территории Уйгурского ханства.
- ²⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 329, 355.
- ²⁶ Ламэрму – по-видимому, Ламган в царстве Гибинь, т.е. Каписа (см.: Chavannes E. Documents... Р. 277).
- ²⁷ Thomas F. W. Tibetan literary texts... Р. 273.
- ²⁸ Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. С. 100–101.
- ²⁹ Хильда Ечеди видит здесь уйгурский композитум “Иль угеси” – слава царств, имя министра (Ecsedy H. Uigurs and Tibetans... Р. 98). Сомнительно! Слово это нельзя считать личным именем, так как под таким названием выступают уйгурские военачальники на протяжении 180 лет уйгурской истории. Не есть ли это йокающая переделка персидского слова “джехангир”?
- ³⁰ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 203; Cordier H. Histoire générale... Р. 495; Ecsedy H. Uigurs and Tibetans... Р. 87.
- ³¹ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 204–205.
- ³² Гэсэр-богатырь, вождь шайки удальцов одного из кочевых кянских племен в Амдо, живший в IV–V вв. (см.: Bell Ch. The religion of Tibet. Р. 14). Вокруг его имени создалось много легенд и возник эпический роман “Гэсэриада” (см.: David-Neel A. et lama Jongden. La vie surhumaine de Guésar de Ling).
- ³³ Может быть, тибетский автор исходил из того, что это племя поддерживало уйголов.
- ³⁴ Thomas F. W. Tibetan literary texts... Р. 273.
- ³⁵ Francke A. H. History of Western Tibet. Р. 47. В связи с этим вызывает удивление попытка Ц. Дамдинсурэна отождествить Гэсэра с Госраем, тибетским князем, жившим в XI в. (см. Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады).
- ³⁶ Дата покорения Хотана в источнике не указана, а рассчитана так: сведение о походе на Хотан следует после сообщения об основании монастыря Самье, т.е. 787 г., а в 792–793 гг. уйгуры совершают нападение на Хотан, очевидно, находящийся во власти их врагов – тибетцев.
- ³⁷ Cordier H. Histoire générale... Р. 461.
- ³⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. III. С. 46.
- ³⁹ Шэнъячуань(?) (см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 329).
- ⁴⁰ Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке... С. 24.
- ⁴¹ В тексте “Бур-Улуг” (см.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии... С. 559).
- ⁴² В тексте “Тытам” (см. там же. С. 555).
- ⁴³ В тексте “Чон” (Там же. С. 550).
- ⁴⁴ В тексте “Ярмаган” (см. Кляшторный С. Г. К исторической оценке Уланкомской надписи. С. 27).
- ⁴⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 330, ср.: Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке .. С. 24, перевод, строка 5.

- ⁴⁶ Часть тюргешей после распада их каганата подчинилась уйгуром.
- ⁴⁷ Река Урунгу, впадающая в оз. Кыргызнон.
- ⁴⁸ Уланкомская надпись пользуется “живой” хронологией. Поход на Бур-Улуг (Бугур) был совершен, когда Бога-тегину было 17 лет, а поход на Омоз, произошедший после покорения тюргешей у р. Болчу, – когда ему был 21 год.
- ⁴⁹ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 345 (ср.: Васильев В. П. Китайские надписи... С. 24). Я признаю правильным мнение “Цзун-ли ямыня”, считающего этого хана Култугом, а не Ачжо, как было бы при точном счете ханов (см. там же. С. 31), так как перечисленные в памятнике качества хана не могут быть приписаны мальчику, каким был Ачжо. Затем, он не получил уйгурского ханского титула, а носил только китайскую прибавку Фын-чэн, тогда как Кутлуг имел пышный титул: “Айдын-лык улукмиш, кет Кучлуг Бильге каган”, т.е. “блестящий, высоко воссевший, очень сильный, мудрый хан” (Радлов В. В. Титулы и имена...).
- ⁵⁰ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 25; Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 132.
- ⁵¹ “Стрелков кыргыз-кагана числом в 200 тыс. он собственной рукой разогнал в разных направлениях и взял свое царство” (Hansen O. Zur sogdischen Inschrift... S. 19–20).
- ⁵² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. С. 97–98.
- ⁵³ “Мощное тибетское войско и четыре тохара и многие другие... власть... также... карлуки... Тибет”. Ниже упоминается еще господарь тюргешей (Hansen O. Zur sogdischen Inschrift... S. 20). Ср. текст Уланкомской надписи: “Я захватил Тибет, Тюнлюг [?], потом тюргешей у реки Болчу”. Точные датировку здесь установить невозможно.
- ⁵⁴ По-видимому, тогда же его наследник Богаз-тегин повел свой отряд к Омозу (кит. Хомо, базис на нижнем течении Тарима).
- ⁵⁵ Река в надписи названа Чжэнь-чжу (см. пояснения “Цзун-ли ямыня” – Васильев В. П. Китайские надписи... С. 32).
- ⁵⁶ “Та-ши-ли” – одно из трех западнокарлукских племен (Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 347).
- ⁵⁷ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 26.
- ⁵⁸ Отмечено “Цзун-ли ямынем” в комментарии к надписи (там же. С. 32).
- ⁵⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 359.
- ⁶⁰ Schlagintweit E. Die Könige von Tibet. S. 55.
- ⁶¹ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 209.
- ⁶² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 333; Gaubil. Abrégé. P. 140; Григорьев В. В. Восточный, или Китайский Туркестан. С. 194–195.
- ⁶³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 205.
- ⁶⁴ Там же. С. 207.
- ⁶⁵ Дата рассчитана так: в надписи, посвященной Кутлугу, этот поход не упомянуть, значит, он имел место после его смерти в 805 г. В 806 г. уйгуры совершают набег на Китай; следовательно, Лянчжоу был взят в начале 806 г. до уйгурско-китайского конфликта.
- ⁶⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 359.
- ⁶⁷ Там же. С. 374.
- ⁶⁸ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 211.
- ⁶⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 361.
- ⁷⁰ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 212.
- ⁷¹ Там же. С. 221–222.
- ⁷² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 335.
- ⁷³ Бичурин (Иакинф). История Тибета... Т. I. С. 210 (Попов И. Ламаизм в Тибете... С. 158). У Шлагинтвейта он назван Sadnalegs (Schlagintweit. Die Könige von Tibet. S. 56), у Шульмана – Кридэсронцан.

Древние тюрки. Часть 2

- ⁷⁴ *Бичурин (Иакинф)*. История Тибета... Т. I. С. 212, 221–222.
- ⁷⁵ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 331. Так я понимаю выражение: “Тогда первый раз Мони привезли свой закон”. Манихеи были в Китае и раньше, но именно теперь им была дозволена открытая проповедь и доверены государственные дипломатические поручения (см. *Chavannes E. et Pelliot P. Traité manichéen...* Р. 264–266).
- ⁷⁶ *Бичурин (Иакинф)*. История Тибета... Т. I. С. 213–215.
- ⁷⁷ Там же. С. 216; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 332.
- ⁷⁸ *Бичурин (Иакинф)*. История Тибета... Т. I. С. 223; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия... С. 347.
- ⁷⁹ *Grenard M. La legende de Satok Boghra Khan.* Р. 26. В. В. Бартольд полагает, что это были гузы (см.: Туркестан... С. 206, 217), но не приводит к тому доказательств.
- ⁸⁰ Титул “цэнпо” правильно оставлен Иакинфом без перевода, так как любой перевод будет не точен.
- ⁸¹ Город в провинции Ганьсу, в 260 ли к западу от г. Гунчанфу (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии... С. 149).
- ⁸² Город в Ганьсу, в 240 ли к юго-западу от г. Гунчанфу (там же).
- ⁸³ В пределах Тибета.
- ⁸⁴ Огонь и прах – сторожевые огни на вышках и пыль от копыт конницы, скачущей в набег.
- ⁸⁵ *Бичурин (Иакинф)*. Землеописание Китайской империи.
- ⁸⁶ Там же. Л. 563.
- ⁸⁷ *Schlagintweit. Die Könige von Tibet.* S. 58–59.
- ⁸⁸ Zahor – Индия (см. *Roerich G. N. Blue annals.* Р. 39).
- ⁸⁹ *Богословский В. А.* Очерк истории... С. 57.
- ⁹⁰ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 355–356.
- ⁹¹ Подробное описание внутренней борьбы в Тибете см.: *Гумилев Л. Н.* Величие и падение Древнего Тибета.
- ⁹² *Васильев В. А.* Буддизм. С. 45 и сл.
- ⁹³ *Попов И.* Ламаизм в Тибете... С. 160.

XXX. Уйгурья в VII–IX веках

новый порядок

Переворот 780 г. упразднил преимущественное положение племени токуз-огузов. Победившие шесть племен больше всего не желали, чтобы уничтоженное положение возродилось. Поэтому они хотели слабой власти, не имевшей возможности стеснять их свободу, и они добились своего. По существу Уйгурское ханство перестало быть монархией, а превратилось в нечто вроде республики с пожизненным правителем. Власть фактически сосредоточивалась в руках племенных вождей, которые избирали ханов. Ханы эти настолько бесцветны, что история не удостаивает их характеристики. С 789 по 794 г. правил Пангуань, сын узурпатора. Однако престол он получил не по наследству, а был “поставлен вельможами”¹. В 794 г. его отравила жена, и на престол вступил “сам”², т.е. не имевший на то права младший брат отравленного. Это скорее семейная, чем политическая драма, но вельможи вмешались, убили захватчика престола и малолетнего сына его объявили преемником.

Власть была разделена с силой; силу же имел неизвестный нам по имени полководец, названный в источнике “Гиеяньгяс”, воевавший в это время с тибетцами. Когда он вернулся с войском, хан и вельможи вышли навстречу и легли на животы, умоляя не убивать их. Чтобы снискать расположение Гиеяньгяса, хан отдал ему все китайские вещи, полученные Уйгурьей за участие в войне с Тибетом. Польщенный и растроганный Гиеяньгяс обнял юного хана и обещал поддержку, а вещи раздал войску, и все остались довольны. Однако год спустя хан

умер (разумеется не от старости); Гайгяньгас исчез со страниц истории, а ханом был избран приемный сын одного из вельмож – Кутлуг, сделавший военную карьеру при бывшем хане.

Это явилось не только торжеством выборного начала над наследственным, но тогда же была сформулирована и конституция: “Вельможи, чиновники³ и прочие доложили: “Ты, небесный царь, сиди спустя рукава на драгоценном престоле, а помощника должен получить обладающего способностями управления мерой с море и гору; в государственное положение [вникать?]; законы и повеления должны быть даны; должно надеяться на небесную милость и благосклонность. Вот о чем мы, чиновники, просим”⁴.

Этот текст крайне важен. В нем отмечено ограничение ханской власти, так как хану придавался глава правительства – тот, кто у арабов назывался визирь, а у китайцев – чэнсян. Второе требование касалось судебной власти; твердая фиксация законов должна была пресечь произвол. Наконец, отмечается категорическое требование согласовывать государственные дела с церковными, т.е. считаться с главами манихейской общины. Хану оставалась только война, и действительно, мы все время видим хана Кутлуга во главе войска.

Но и тут его не оставили в покое. Надпись поясняет, чего от него хотели: “Во всей земле простолюдины и живые существа, чистые и добрые, были покровительствуемы, а злые истребляемы”⁵. Терминология взята целиком из манихейского лексикона; точно так же выражается Бетюрмиш-тархан, автор “Хуастанифта”⁶. Так как мы знаем, что манихеи подразумевали под добром и злом, то этот текст дает основание утверждать, что Кутлуг проводил в завоеванной им области религиозные гонения, и едва ли не это вызвало у китайцев как в Куче, так и в Чанъани такое отрицательное отношение к уйгурам.

Впрочем, арабы не отставали от китайцев. Эмир Хорасана узнал, что на его земле проживает несколько сот зиндиков, т.е. манихеев, и пожелал их убить. Пока он собирался, к нему явился посол от хакана токуз-огузов и передал следующее: “В моих владениях втрое больше мусульман, чем в твоих – зиндиков: если ты тронешь хоть одного зиндика, я перебью всех мусульман”. Те и другие остались живы.

Итак, мы можем проследить по двум независимым друг от друга источникам, что уйгурский хан выступает как покровитель манихеев, гонимых и истребляемых в странах христианских, мусульманских и зороастрийских; зато в Уйгурии манихеи воспользовались своим влиянием, чтобы организовать гонения против иноверцев.

Не только в Тибете и Арабском халифате, но и в Индии⁷, Китае⁸ и Уйгурии нетерпимость стала знаменем эпохи. Видимо, поэтому уйгуры встречали гораздо более сильное сопротивление соседних племен,

чём тюрки. Те просто требовали покорности и дани, а эти заставляли побежденных ломать весь строй своей психики и весь уклад своей жизни; они навязывали кочевникам такие представления, которые те не могли ни понять, ни принять. Поэтому Уйгурья была окружена врагами, примирение с которыми было невозможно.

МАНИХЕЙСТВО И УЙГУРЫ

Никак нельзя заключить, что гибель манихейской церкви в Уйгурии была исторической случайностью. Манихейская религия последовательно боролась против плотского, материального начала, и ее победа, по сути дела, означала бы прекращение физического существования ее приверженцев. Хотя процесс самоистребления замедлялся искусственно, но все же это было видовое самоубийство.

Высшей добродетелью манихеев было неприятие жизни, неудовлетворенность, которая неизбежно порождала уныние.

Вторая добродетель — непримиримость ко всему плотскому — исключала сострадание и милосердие, следовательно, давала простор жестокости, возводя ее в принцип.

Третья установка — изнурение плоти путем совмещения аскетизма и распутства — делала возможным существование семьи, которая была лишь терпима, но не благословенна.

Эти три принципа диаметрально противоположны христианству, где уныние — смертельный грех, милосердие — добродетель, а создание моногамной семьи — акт веры и таинство. Результаты последовательного применения манихейской доктрины в обществе, подчиненном манихейской церкви, не трудно представить.

Прежде всего необходимо отметить, что подлинными манихеями могли стать лишь немногие, главным образом из аристократии. Возможно ли было растолковать уйгурскому пастуху, неграмотному храброму воину, что его родная благоухающая степь, любимая жена и веселые краснощекие дети — страшное зло, от которого надо отречься? Могли он возненавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, не раз спасавшего ему веселую и привольную жизнь? Как мог он представить себе абстракцию борьбы Света и мятущейся Тьмы? Совершенно очевидно, что большая часть уйгурских кочевников была манихеями лишь по названию, продолжая жить привычным бытом и руководствуясь привычными представлениями. Разлагающая стихия манихейства их едва коснулась.

Но последствием этого обстоятельства должен был стать разрыв между знатью и народом; народ перестал понимать своих вождей, а

ханам и бегам стало не о чем говорить с необразованной массой. Это не могло повести к укреплению страны. Ведущая часть уйгурского общества приняла новую веру со страстью неофитов, причем ее больше всего устраивала проповедь непримиримости, дававшая выход природной воинственности уйгуров.

Войны с тибетцами, карлуками и кыргызами приобрели теперь для уйгуров высший смысл: они сделались борьбой за веру. Результатом этого оказалось крайне обострение всех проблем внешней политики. Войны нужно было вести силами народа, чуждого той религии, за которую им приходилось сражаться. Последовавшая катастрофа была в большой мере обусловлена этим направлением внешней и внутренней политики.

Но самым губительным последствием манихейства было разрушение семьи. В основном оно коснулось главенствующих слоев уйгурского общества — тех людей, которые в силу социальных причин смогли воспринять и ассимилировать высокую культуру Ирана и Средиземноморья. Радения и оргии, прерывавшие периоды безбрачия, не могли привести к получению здорового потомства. Наиболее приверженная к культуре часть уйгуров могла давать лишь неполноценное потомство. Короче говоря, она вырождалась.

Процесс вырождения не быстр; для того чтобы последствия его стали ощутимы, нужно не меньше трех поколений, т.е. лет 80. Именно столько продержалась манихейская Уйгуря.

Но прежде чем дали себя знать эти отрицательные стороны принятия манихейства, оказались и его положительные стороны — привлечение к западной культуре.

Китайская духовная культура столь специфична, что кочевники не хотели и не могли ее принять. На примере Тоньюкука мы видели, что даже тюрки, получившие китайское образование, стремились противопоставить свое мировоззрение китайскому. Так же вели себя тибетцы; и уйгуры не были исключением. Но это обрекало их на отсутствие культурного обмена, и только волна выходцев из Согда и Ирана открыла им доступ к культуре не менее совершенной, чем китайская.

Иbn Хордадбег описывает Уйгурию как самую обширную из тюркских стран. “Хакан токуз-огузский пребывает в большом городе с 12 железными воротами, жители города исповедуют манихейство; у хакана на возвышенности, в кремле его, стоит золотой шатер, в котором вмещается до 900 человек; он виден издали на расстоянии пяти фарсахов”¹⁰. В этом роскошном дворце сидели слабые, бездарные ханы, от которых остались только их пышные титулы. Страной управляли племенные старейшины или манихейские “совершенные”, имена которых в истории не сохранились.

До 839 г. в Уйгурии никаких крупных событий не было, за исключением восстания кыргызов (около 815 г.) и перехода племени татар с Амура к Иньшаню (около 820 г.)¹¹. Косвенно это указывает на ослабление моши державы, и надо предполагать, что внутри страны боролись какие-то группировки, как всегда бывает при слабом правителе; но какие это были группировки, мы не можем даже гадать. В 832 г. хан по имени Геса был “убит от своих подчиненных”¹² и его сменил двоюродный племянник, по имени Ху. При нем и разразилась катастрофа.

ГИБЕЛЬ УЙГУРСКОГО ХАНСТВА

К середине IX в. сила Уйгурии была уже в прошлом. Разложение аристократии принесло свои плоды. Вельможи соперничали друг с другом, а покоренные племена начали отпадать. Выше было отмечено отпадение шато в 794 г. В 835 г. отошли татабы. Но более страшным для Уйгурии оказалось восстание кыргызов. Кыргызский князь, лелея мечту о независимости, поддерживал дружеские связи с арабами, тибетцами и карлуками¹³. Около 818 г. кыргызский князь Ажо объявил себя ханом. Мать его была тюргешской княжной, а жена – дочерью тибетского полководца; следовательно, и с теми, и с другими у него были родственные связи. Попытка уйгурского Бао-и-хана подавить восстание не имела успеха. Ажо, не довольствуясь освобождением от чужеземного ига, требовал безоговорочной капитуляции противника. “Твоя судьба кончилась, – обращался он к уйгурскому хану. – Я скоро возьму Золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, – приходи; если не можешь, то скорее уходи”¹⁴. А в то же время на юге восстановили свои силы воинственные шато и также угрожали уйгурам¹⁵.

Причина, по которой уйгуры попали в столь критическое положение, лежала в них самих. Они с огромной энергией боролись за свою свободу против голубых тюрок, но, получив ее, не нашли ей применения. Их свободолюбие, диалектически развиваясь, превратилось в отрицание всякого организующего начала. Они в такой мере хотели ограничить ханскую власть, что, когда добились своего, эта власть потеряла всякий смысл. Отсюда полная неспособность уйголов к консолидации сил даже перед непосредственной опасностью. Вместо отпора врагам на севере и юге среди уйгурской знати возникли симпатии к кыргызам и шато.

В 832 г. на золотой престол в Каракоруме воссел Кут-тегин (*кит.* Ху-дэлэ; *перс.* Хутуглан-хакан¹⁶) с титулом Айдынлык улуг Мунмиш Кюлюг Бильге Чжан-синь хан. По наследству от предшественников

он получил в ханши китайскую принцессу¹⁷ и клубок неразрешимых противоречий. Дальнейшие события столь скрупультно описаны в “Таньшю”, что можно восстановить лишь общий ход, но не причины их¹⁸.

В 839 г. вельможа Кюлюг-бек (кит. Гюйлофу), опираясь на пришедших к нему на помощь шато, напал на Каракорум. Хан кончил самоубийством, и вельможи, сочувствующие восстанию, поставили ханом малолетнего Кэси-тегина¹⁹.

Зима выдалась малоснежная, пало много овец и лошадей, к голоду добавилась моровая язва, и к весне 840 г. уйгуры ослабели от голода, эпидемии и смятений, вызванных переворотом. Враг Кюлюг-бека, старейшина Кюлюг-бека, призвал на помощь кыргызов и взял Каракорум. Хан и Кюлюг-бек были казнены, юрты их сторонников сожжены. Уйгуры в панике рассеялись. Часть бежала на юг и подчинилась тибетцам; вельможа Пан Торэ увел 15 аймаков в Джунгарию и покорился карлукам, а 13 родов ханского аймака (вероятно, потомки токуз-огузов с пополнениями) в марте 841 г. объявили ханом Уге-тегина и решили продолжать борьбу против кыргызов. Однако вся Халха²⁰, Каракорум, а также все сокровища уйголов были в руках врага, и только природная воинственность и инерция войны толкали уйголов на дальнейшее сопротивление.

В числе трофеев, добытых кыргызами в Каракоруме, оказалась китайская царевна, жена трех уйгурских ханов.

Не желая портить отношения с Китаем, кыргызы отправили ее домой с приличным эскортом и свитой. Уге-тегин напал на караван, перебил всех кыргызов и освободил царевну, которая стала его ханшей. Однако, не надеясь удержаться в Халхе, Уге перешел Гоби и оказался на берегах Хуанхэ во главе огромной, голодной и деморализованной орды. Китайское правительство хотело договориться с уйгурским командованием, зная, что последнее не искало войны. Но голодные кочевники, не дождавшись конца переговоров, начали добывать себе пропитание грабежами. Вельможи видели, что положение грозит трагической развязкой, и брат Уге-тегина Умус казнил вождя союзных шато Чисиня²¹, чтобы свалить на него все вины. Тогда другой вождь, Насечур, возглавил войска Чисиня – 7 тыс. кибиток – и увел своих сторонников в Маньчжурию. Там он был разбит китайцами и бежал обратно к Уге, который его казнил. Другие уйгурские вельможи предложили покорность китайскому императору.

Не имея средств для прокорма своих подданных, Уге разрешил им напасть на Шаньси (841). Китайские войска были разбиты, северная Шаньси и Ордос разгромлены. Это решило судьбу уйголов – китайское правительство отказалось им в поддержке и мобилизовало против них армию. В 842 г. уйгуры были разбиты и отброшены от северо-во-

сточного угла Ордоса в Маньчжурию. Кидани, до сих пор сохранявшие верность уйгурскому хану, увидев толпы голодных беглецов, грабящих кого попало, восстали и поддались Китаю²². В начале 843 г. уйгуры были снова разбиты и израненный Уге со своими сторонниками бежал к племени “черная телега”, но оно выдало уйголов. Уге был убит, а его поданные большей частью рассеялись²³.

Брат Уге, Энянь-тегин, возглавил остаток уйголов. Жил он на добровольное воспомоществоование татабского старейшины, но в 847 г. китайские войска разбили татабов и Энянь бежал к татарам (шивэй). Китайцы потребовали его выдачи, и последний глава уйголов с женой, сыном и девятью всадниками уехал куда-то и пропал без вести.

Кыргызский хан, узнав, что последние уйгуры скрываются у татар, пришел в Маньчжурию с десятитысячным войском и выловил беглецов. Немногие спасшиеся, “укрываясь в лесах и горах, пропитываясь грабежом”²⁴, пробрались на запад к Пан Торэ.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Уничтожение уйгурской державы было не только военно-политической акцией.

Не случайно сразу же по разгроме уйгурского войска китайское “правительство собрало книги мониев [манихеев и идолов] и все предало огню на дороге, а имущество взято в казну”²⁵. Такая решительность со стороны веротерпимых китайцев показывает, что дело обстояло весьма серьезно, и очень жаль, что у нас так мало сведений о причинах такого отношения китайцев к манихейству. Во всяком случае ясно, что манихейская община была разгромлена, и это открыло дорогу буддийской пропаганде.

В X в. на уйгурский язык переводится сутра “Золотой блеск”²⁶, что указывает на появление большого числа читателей подобной литературы. В дальнейшем буддизм полностью вытесняет манихейство.

После разгрома уйголов отношения между Китаем и кыргызами испортились, так как китайцы отказались способствовать усилиению Кыргызского ханства²⁷. Но войны не возникло.

Кыргызы отметили свою победу над уйгурами в двусторочной надмогильной надписи, известной под названием “Енисейский памятник”²⁸. “От вас, мой эль, моя госпожа, мои сыны, мой народ, от всех вас в 60 лет [я отделился=умер]. Мое имя Эль-Туган-Тутук. Я был посланником божественному элю. Народу шести бегов я был бегом”.

“Народ шести бегов”, или “шестисоставный народ”, – это уйгуры после 780 г. Над ними был бегом и “alci” Эль-Туган-тутук. Слово

“alci” вообще значит “посол”, но здесь оно, очевидно, употреблено в смысле “уполномоченный”, и в таком понимании не возникает противоречия с тем, что он одновременно был начальником (*bay*) и послом по отношению к одному и тому же народу. Обращается он не к хану, а к *qipsci*=княжне (с кит. языка; термин употреблялся голубыми тюрками). Это важно для датировки: Ажо умер в 847 г., значит, Эль-Туган-тутук его пережил и обращается к его наследнице. Таким образом, мы узнаем, в какое положение попали уйгуры, оставшиеся в Халхе: они вошли в состав кыргызского эля как покоренный народ, так как только для управления таковыми назначались чиновники с титулом тутук²⁹.

Весьма важно, что держава уйголов названа “божественным элем”, кыргызская надпись отмечает теократический характер Уйгурского ханства, описанный выше. Несравненно удачнее сложились обстоятельства у другой группы уйголов, которую Пан Торэ увел на западную окраину.

Укрывшиеся у карлуков уйгуры вскоре разделились на две группы: большая часть обосновалась в Куче, которую они сумели в свое время отстоять от тибетцев, а другая – на границе Тибета, около Бишбалыка³⁰.

Внутренняя война, раздиравшая Тибет, не могла не отразиться на областях, покоренных тибетцами во времена их могущества. В 848 г. в Дуньхуане вспыхнуло восстание местного (т.е. китайского) населения. Во главе повстанцев оказался способный офицер Чжан И-чао. Он назвал своих сторонников “войском, покорным долгу” и в 850 г. с помощью уйголов захватил Хами и Турфан³¹. Однако ему не удалось окончательно изгнать тибетцев, удержавшихся в Ганьчжоу, и резня продолжалась не менее 10 лет³².

В этот период уйгуры накапливали силы. Сведения, поступавшие в Китай, несмотря на отрывочность, дают возможность установить, что новое уйгурское ханство оказалось жизнеспособным. В 856 г. в Куче сидел уже новый хан, Манли, пожелавший возобновить союз с Китаем³³. Но уже через год дорога в Уйгерию оказалась перерезанной³⁴, по-видимому, тибетцы начали контрнаступление³⁵. Тогда в дело вмешались джунгарские уйгуры. Князь Бугу Цзунь³⁶, укрепившийся в Бишбалыке, выступил на помощь китайцам и противникам тибетского правительства, поддерживавшего религию бон, которых возглавлял тогонский полководец Тоба Хуай Гуан, сподвижник вождя тибетских буддистов – Шан Биби. Перед лицом воинствующего бона манихеи, буддисты и конфуцианцы забыли свои разногласия, объединились и соперничали только в храбости. Диктатор Тибета, полководец Шан Кунжо³⁷, попробовал, как некогда, силой сломить врагов, но

“племена за ним не пошли”³⁸, и тибетское наступление захлебнулось. Бугу Цзунь взял тибетские крепости в Сичжоу (Турфанский оазис), Бэйтинге (очевидно, пограничный форт у Бишбалыка), Луантай (около Урумчи), Цзинчэн (250 ли к западу от Урумчи) и тем самым покончил с тибетским преобладанием в Притяньшанье.

Китайский полководец Чжан Ки-юн нанес поражение в Ганьсу самому Шан Кунжу, захватил много пленных и большое количество доспехов³⁹, бывших в то время дефицитным снаряжением.

Шан Кунжо отступил на юг от верховьев Хуанхэ, но его враги, видимо из местного населения, уведомили Тоба Хуай Гуана о бедственном положении узурпатора, и тонгонский полководец не дал ему возможности отступить во внутренний Тибет. Уйгуры и китайцы спешно перебросились на юг, к Кукунору, и в городке Гуо (к югу от Синина) дали решительное сражение. Шан Кунжо был разбит наголову и попал в плен. Ему отрубили сначала ноги, затем перечислили все его вины, после чего обезглавили. В декабре 866 г. в Чанъянь была доставлена вместе с известием об окончательном разгроме Тибета голова Шан Кунжу.

Итак, двухвековая борьба Тибета и Китая закончилась, но Китай уже не мог пожать плоды победы. Внутреннее разложение танской монархии зашло так далеко, что процесс стал необратимым. Вследствие этого внешняя политика последних танских императоров свелась к тому, что иноземцы не допускались к вмешательству во внутренние дела Китая.

На этом выиграли уйгуры. Бугу Цзунь создал небольшое, но крепкое княжество, включавшее кроме Бишбалыка и Турфанского оазиса Кучу, северный берег оз. Лобнор и Джунгарию до р. Манас⁴⁰. Это маленькое владение не заслужило название ханства, и владетель его носил титул “идыкут”. Однако из этого зернышка выросла средневековая Уйгурья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 328.
- ² Китайское выражение для определения узурпации.
- ³ Очевидно, те, что у тюрок назывались буюрук.
- ⁴ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 24; Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 131.
- ⁵ Васильев В. П. Китайские надписи... С. 25; Schlegel G. Die chinesischen Inschriften... S. 132.
- ⁶ Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 120–125.
- ⁷ Prasad J. History of Medieval India... Р. 26–28; Синха Н. К., Бендерджи А. И. История Индии. С. 98, 102, 104.
- ⁸ Конрад Н. И. Начало китайского гуманизма.

Древние тюрки. Часть 2

- ⁹ Доказательством этого является сохранение свадебного обряда (*Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 333*) и рунической письменности с языческим содержанием (*Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 80–92*).
- ¹⁰ *Millet C. Sur le nom de cereales...* Р. 207. “Золотой ордой” называл столицу Уйгурин и кыргызский хан в 839 г. (см.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355*).
- ¹¹ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 377.*
- ¹² Там же. С. 333.
- ¹³ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355.*
- ¹⁴ Там же. С. 355–356.
- ¹⁵ Там же. С. 361.
- ¹⁶ Вероятно, Кут-оглан (*Бартольд В. Отчет...* С. 105).
- ¹⁷ Уйгуры сохранили древний обычай наследования жен.
- ¹⁸ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 334.*
- ¹⁹ Гардизи сообщает, что в восстании приняли участие карлуки, жившие в Уйгурин. Они истребили 12 начальников и всех сторонников уйгурского хана, которого звали Хутуглан-хакан, после чего власть в стране взял в свои руки карлук Илмалмасын-джабгу (*Бартольд В. Отчет...* С. 105).
- ²⁰ *Халха* – в современном смысле слова. Это название появилось в XIV–XV вв.
- ²¹ Отождествление уйгурского министра Чисина с вождем шато Чисинем – домысел автора. Может быть, это разные люди, но маловероятно.
- ²² *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 369.*
- ²³ Там же. С. 335–337.
- ²⁴ Там же. С. 337.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 140.*
- ²⁷ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 357.*
- ²⁸ *Малов С. Е. Памятники... 1951. С. 78–79.*
- ²⁹ К аналогичному заключению о дате этой надписи пришел Л. Р. Кызласов, с той лишь разницей, что “шестью бегами” он считает территорию Тувы, а не всей Уйгурин, в это время захваченной кыргызами (*Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников...* С. 114). Думается, что в IX в. границы между Тувой и Уйгуриной не было.
- ³⁰ *Hamilton J. R. Les Oughours...* Р. 10–11.
- ³¹ Ibid. P. 12.
- ³² *Minorsky V. Hudud al-'Alam.* Р. 85.
- ³³ *Hamilton J. R. Les Oughours...* Р. 10.
- ³⁴ Ibid. P. 10.
- ³⁵ Ibid. P. 15–16.
- ³⁶ Гамильтон считает его наследником Манли-хана.
- ³⁷ Он иногда именуется лун (министр) Шажо (см.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 338*).
- ³⁸ *Hamilton J. R. Les Oughouirs...* Р. 15, 39. Ibid. P. 14.
- ³⁹ Ibid. P. 14.
- ⁴⁰ *Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия...* С. 362.

Приложения

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Год	Дальний Восток	Срединная Азия	Ближний Восток
1	2	3	4
545	Война в империи Вэй между Восточной и Западной империями	Тюркюты подчинены жужаням Посол Западной Вэй прибыл к Бумыну	Война Ирана с Византией
546	В Западную Вэй прибыло посольство эфталитов	Отправлено ответное посольство в Западную Вэй Покорение телеутов	
547			Покорение Византией Северной Африки
548			
549			
550	Основание Империи Бэй-Ци		Выступление лазов на стороне Византии против Ирана
551		Бумын получает в жены царевну из Западной Вэй	Набег кутургиров на Византию и утургиров на кутургиров
552		Бумын восстал против жужаней. Разбитый Анахуань кончает самоубийством. Смерть Бумына. На престол вступает Кара Иссыг-хан	Завоевание Агвании сабирами, передавшимися от Ирана к Византии. Покорение Византией Италии
553	Кидани разбиты цисцами. Посольство эфталитов в Западную Вэй	Кара Иссыг-хан, разбив жужаней, умер. Его брат Мугань-хан изгнал жужаней в Ци	Начало шелкопрядения в Византии
554	Жужани начали грабежи в Ци, но разбиты китайцами	Поход Истеми на запад	Персы нанесли поражение сибирам в Агвании Покорение Византией Испании (юго-восточной)

Синхронистическая таблица содержит полный свод событий, происходивших в Срединной Азии с 546 по 861 г. (столбец 3). Для увязки с процессами всемирной истории приведены события, имевшие место на Дальнем Востоке (столбец 2) и на Ближнем Востоке (столбец 4). К последнему разделу добавлены наиболее важные даты истории Европы, играющие роль хронологической привязки как мнемонического условия.

1	2	3	4
555	Жужани изгнаны из Бэй-Ци, бежали в Западную Вэй, выданы тюркютам и истреблены. Нападение Лян на Бэй-Ци	Заключение союза между каганатом и Западной Вэй против Бэй-Ци. Разгром абаров тюркютами. Первое столкновение с эфталитами	Посольство из Ирана в Западную Вэй
556	Нападение на Тогон	Набег на Тогон. Взят г. Шудун	
557	Основание империи Бэй-Чжоу на месте Западной Вэй	Разгром тюркютами вар, хуни и огоров	
558		Покорение огоров; бегство вар и хуни-псевдоаваров на Запад	Посольство аваров в Византию. Разгром аварами сабиров и антов
559	Бэй-чжоусцы разбили тагонов. Посольство из Гаочана в Бэй-Чжоу		Набег кутургуротов на Византию
560	Тюркютские послы в Иран по дороге перебиты эфталитами		
561	Посольство из Кучи в Бэй-Чжоу	Союз тюркютов с Бэй-Чжоу против Бэй-Ци	Разгром сибирей Хосроем Ануширваном
562		Первое поражение эфталитов тюркютами. Союз с Ираном против эфталитов	Мир Ирана с Византией. Второе посольство аваров в Византию
563	Война Бэй-Чжоу и Бэй-Ци	Посольство тюркютов в Византию. Поход тюркютов на Бэй-Ци.	Персы разбили эфталитов
564	Посольство из Каравара в Бэй-Чжоу. Бэй-чжоуские войска разбиты цисцами	Тюркюты взяли Чач	
565		Разгром эфталитов тюркютами при Несефе	Аварское посольство в Византию с требованием умножить подарки
566		Раздел державы эфталитов между Ираном и каганатом	
567		Тюркютское посольство в Иран и смерть послов	Союз аваров с лангобардами
568		Посольство Маниаха в Византию	Авары заняли Паннонию

Приложения

1	2	3	4
569		Поход тюрков на Иран	Посольство Земарха к тюркам. Персы овладели Йеменом
571		Мир Ирана с каганатом	Восстали армяне против Ирана
572	Мир Бэй-Ци с тюркотами	Мугань-хан умер. Вступил на престол Тобо-хан	Война Византии с Ираном из-за Армении
573		Приходят из Византии послы: Ефтихия, Иродиона и Павла Киликийского	
574	Посольство из Хотана в Бэй-Чжоу		
575		Утургурсы в союзе с тюркотами	Переговоры Византии и Ирана
576	Разгром Бэй-Ци чжоусцами.	Осада и взятие Боспора тюркотами. Посольство Валентина к тюркотам. Смерть Истеми	Наступление персов на Армению
577	Падение Бэй-Ци	Вторжение тюркотов в Крым	
578	Гао Бао-нин в Чахаре	Война каганата с Бэй-Чжоу	
579		Вторжение тюркотов в Китай	Смерть Хосрова Ануширвана
580	Мир Бэй-Чжоу с каганатом	Вторжение тюркотов в Лазику	
581	Переворот Ян Цзяня. Основание династии Суй. Отражен набег тогонов	Тобо-хан умер. Отвод Торэмена, отречение Амрака, вступление на престол Шаболио	Захват Сирмия аварами
582	Восстание Гао Баонина против Суй	Вторжение в Китай отражено	
583	Разгром тогонов при Линтао	Торэмэн потерпел поражение, Шаболио одержал победу, Чуло-ху передался Китаю	Нападение аваров на Византию
584		Распри в каганате. Шаболио и Кара-Чурин заключают мир с Китаем	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
585	Кидани передались Китаю	Восстание абаров. Шаболио разбивает абаров и Торэмена	
586		Отступление Торэмена в Бухару	
587	Суй завоевывает империю Хоу-Лян	Шаболио умер. Чулохоу вступил на престол. Торэмен разбит, взят в плен и казнен. Чулохоу убит в "западном походе"	Мир Византии с аварами
588	Открыты рынки для торговли с тюркютами	Вступление на престол Юн улуга	Боспор возвращен Византией
589	Покорение империи Чень империей Суй	Поход на Иран и Гератская битва Пайкенд взят персами. Мир с Ираном	Вторжение хазар, греков и грузин в Агванию отбито персами
590		Подчинение Гаочана тюркютами	Восстание Бахрама Чубина
591	Тогонский хан Куалуй умер		Поражение Бахрама Чубина. Воцарение Хосрова Парвиза
592			
593		Мир между западными и восточными тюркютами и воссоединение каганата	Восстание Бестама
594	Голод в Китае	Посольство Чжан-сунь Шэна к тюркютам	
595			
596			Гибель Бестама
597	Крестьянское восстание на юге Китая. Тогон гарантирует Китаю нейтралитет	Измена Жангара и убийство царевны из дома Чжоу. Начало войны с Китаем. Усмирение тюркютами восставших угров	
598	Когурёцы (корейцы) захватили Ляоси. Китайцы разбиты	Выступление китайских войск против тюркютов	Посольство Кара-Чурина Тюрка в Константинополь
599	Удачные бои в Ордоце	Разгром Жангара. Убийство Юн улуга. Вступление на престол Кара-Чурина Тюрка с титулом "Бокэ-хан"	

Приложения

1	2	3	4
600	Крестьянское восстание в Аньхое подавлено	Набег тюрков на Китай.	
601		Разгром китайцев у Чанъани	Победа византийцев над аварами
602		Неудачный набег на Китай	Восстание Фоки. Гибель Маврикия. Начало бойны Византии с Ираном
603		Восстание 10 телесских племен против Кара-Чурина. Гибель Нили-хана	Восстание кушанов против Ирана при поддержки тюрков. Отпадение Токаристана от Ирана
604	Внезапная смерть Ян Цзяня. Вступление на престол Ян-ди	Бегство Кара-Чурина в Тогон Разделение каганата: восточный хан – Жангар; западный хан – Таман. Басыл-тегин задержан в Китае	Наступление персов на Византию. Взята Дара
605	Подавление восстания киданей	Создание телесского ханства в Джунгарии	
606		Западные тюрки-дулу разбиты телесцами – киби и сяньто	
607	Указ о запрещении свободной торговли с тюркютами. Объединение Тибета	Прием Жангара в Лояне	Персы взяли крепости Марде и Амиду
608	Гаочанский владетель Бо-я вступает в переговоры с Китаем. Вторжение китайских войск в Тогон	Умер хан Жангар. На престол вступил Шибир-хан. Мир джунгарских телесцев с западными тюркютами и совместное нападение на Тогон	Персы завоевали Сирию и дошли до Халкидона
609	Ян-ди подчиняет Тогон, Гаочан и 27 мелких владений		
610	Народное восстание в Лояне подавлено. Прибыл посол из Гибини	Роскошные праздники для тюркютов в Лояне	Восстание Ираклия и гибель Фоки
611	Поход Ян-ди в Когурё	Восстание Шегуя и бегство Тамана в Гаочан	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
612	Поражение китайских войск в Когурё	Сторонники Тамана подчинились Китаю и были разделены на три орды	Персы взяли Кесарею Каппадокийскую
613	Второй поход в Когурё. Солдатский мятеж Ян Сюань-гана. Повсеместные крестьянские восстания	Шибир-хан поддерживает мятежи пограничных воевод Боюй-со, Ван Сю-ба и Вэй Даоэра. Раскрыты интриги китайской разведки среди тюркютских князей	
614	Заключение мира с Когурё		
615	Размах народных восстаний в Китае. Освободился Тогон	Набег Шибир-хана на Ямынь. Война	Взятие Иерусалима персами
616	Ян-ди бежал на юг и заперся в крепости Цзянду		Завоевание персами Египта
617	Военные восстания Лян Ши-ду, Лю У-Чжоу, Ли Юаня и др.	Кидань, Шивэй, Тогон и Гаочан подчинились Шибир-хану	
618	Основание династии Тан	Умер Шегуй-хан, на престол вступил Тун-джабгу-хан	
619	Разрыв союза Тан с тюркютами. Покорение Хэси. Восстание Ван Ши-чуна в Шань-си и Доу Гань-дэ в Хэбэе против Тан. Вторжение Лян Ши-ду и Лю У-Чжоу в Северный Китай при поддержке тюркютов	Вторжение Шибир-хана в Ордос и смерть его. На престол вступил Чуло-хан. Джунгарские телесцы – сяньто и киби – подчинились Тун-джабгу-хану. Восточные телесцы – уйгуры восстали против Чуло-хана	Крещение “гуннского князя” в Константинополе. Авары дошли до Константина
620	Разгром Лю У-Чжоу Ли Ши-минем и гибель его	Союз Чуло-хана со сторонниками династии Суй. Смерть Чуло-хана. На престол вступил Кат Иль-хан. Набег на Лянчжоу	Отступление аваров
621	Разгром Ли Ши-минем Ван Ши-чуна и Доу Гань-дэ у Лояна. Восстание Лю Хэй-да в Хэбэе	Набег тюркютов на Дайчжоу и Юань-чжоу	Контраступление Ираклия на персов

Приложения

1	2	3	4
622	Союз Лю Хэй-да с тюркютами		Вторжение тюркютов в Северо-Восточный Китай
623	Лю Хэй-да разбит. Поражение тогонцев китайцами	Вторжение в Шаньси	Вторжение Ираклия в Атрпатакан
624	Объединение Китая под властью династии Тан закончено	Наступление восточных тюркютов на Китай и отход. Союз Западнотюркютского каганата с Китаем	Отступление Ираклия в Киликию
625		Вторжение в Шаньси	Обмен посольствами между Византией и Западнотюркютским каганатом
626	Переворот Ли Ши-миня. Мир с тюркю-тами на р. Вэй	Вторжение западных тюркютов в Закавказье через Дербент	Греки и тюркюты осаждают Тбилиси
627	Посольство к Тунджабгу-хану остановлено Кат Иль-ханом	Сеянто передались от западных тюркютов к восточным. Голод из-за снегопадов	Авары и персы осаждают Константинополь. Победа греков над персами при Ниневии
628	Ликвидация Лян Ши-ду	Взятие Тбилиси западными тюркютами и хазарами. Завоевание Агвании. Восстание сеянто, уйголов, байырку, киданей против Кат Иль-хана. Поражение Юкукшада и Толис-хана уйгурами. Восстание Толис-хана против Кат Иль-хана	Убийство Хосрова Парвиза. Отступление византийских войск от Ктезифона, а персидских от Константинополя. В Иране воцарился Ка-вад Широе при военной диктатуре Шахрвараза и началась серия дворцовых переворотов
629	Взятие крепости Май в Ордосе. Контрастужение на тюркютов по всему фронту. Вступление на престол Тибета Сронцангамбо	Ашина Шени взял Бишбалык и поднял карлуков против Тун-джабгу-хана. Инань сеянютотский принял титул "хан". Племена байырков, бугу и тонгра передались Китаю. Кат Иль-хан разбит при Линчжоу. Измены царевичей. Поражение при горах Оянлин	Мир Византии с Ираном

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
630	Хами покорилось империи Тан	Кат Иль-хан разбит и взят в плен. Конец Восточнотюркского каганата. Убийство Тун-джабгу-хана. Кюлюг-Сибир-ханом. Восстание нушиби против него	Вторжение западных тюрков в Армению и поражение персов. Западные тюркты очистили Закавказье
631	Выловлены 80 тысяч китайцев, живших у тюрков	Сибир-хан убит. На престол возведен Сы-джабгу-хан. Разгром Хами. Чеби-хан пробился на Алтай	Восстание кутургиров против аваров и разгром кутургиров аварами
632	Посольство из Каравара и Хатана	Киби откочевали с Тянь-Шаня в Китай	
633	Посольство из Тибета в Китай и конфликт	Чуюэ и чуми откочевали с Или в Китай. Сы-джабгу низложен. На престол вступил Нишу Дулу-хан	Освобождение болгар из-под власти тюрков и объединение их племен Кубратом
634	Возникла война между Тибетом и империей Тан	Нишу Дулу-хан умер. Вступил на престол Ышбара Толис-шад-хан. Ашина Шэни разбит уйгурами	Вторжение арабов в Сирию и Месопотамию
635	Разгром Тогона и тибетцев имперской конницей	Реформа в Западно-туркском каганате: признание прав племенных союзов дулу и нушиби	Дамаск взят арабами
636		Ашина Шэни подчинился империи Тан	Битва при Ярмуке
637			Битва при Кадесии. Капитуляция Иерусалима.
638	Посольство из Ирана	Тюркты Юкук-шада и гаочанцы разгромили Каравар.	Арабы взяли византийские крепости в Сирии и покорили Месопотамию и Хузистан
		Западные тюрки-дулу провозгласили Юкука Ирбис-Дулу-ханом.	
		Гражданская война в Западнотюркском каганате	

Приложения

1	2	3	4
639	Брак Сронцангамбо с непальской княжной	Заговор среди пленных тюркютов. Назначение Ашина Сымо ханом пленных тюркютов. Изгнанный Ышбара Толис-шад-хан умер. Нушиби возвели на престол Иль-кюлюг-шада Ирбис-хана	
640	Взят Гаочан	Иль-кюлюг-шад Ирбис-хан умер. Возведен на престол Ирбис Ышбара-джабгу-хан	Арабы вторглись в Египет
641	Договор империи Тан с Тибетом и брак Сронцангамбо с китайской княжной	Ирбис Ышбара-джабгу-хан убит Ирбис Дулу-ханом. Восточные тюркюты вернулись в степи. Напавшие на них сеяньтосцы разбиты наголову	
642	Имперский гарнизон в Хами разбил западных тюрок Ирбис Дулу-хана	Восстание против Ирбис Дулу-хана под предводительством Ирбис Шегуй-хана	Битва при Негавенде. Падение Александрии
643	Когурё и Пэкче начали войну против Силла	Ирбис Дулу-хан отступил в Токаристан	
644	Сронцангамбо покорил племена шаншунгов в Западном Тибете		Арабы взяли Исфахан
645	Поход в Когурё	Набег сеяньтосцев на Китай	Восстание Джеваншира агванского против персов
646	Разрыв сношений с Западнотюркютским каганатом	Разгром сеяньтоской орды имперцами и уйгурями	
647	Возобновлена война против Когурё	Уйгуры, байырку и курыканы подчинились империи Тан. Чеби-хан приспал посла	Арабы ворвались в Северную Африку
648	Поход тибетцев на Индию. Поход Ашина Шэни в Западный край. Покорена Куча	Ашина Халлыг поддался империи Тан	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
649	Покорен Хотан. Умер Тайцзун Ли Ши-минь. На престол вступил Гао-цзун	Брошены войска против Чеби-хана	Арабы захватили Кипр
650		Чеби-хан взят в плен	Арабы взяли Истахр (Персополь)
651	Западные тюрки взяли Тинчжоу (Бишба-лык)	Халлыг, убив Ирбиса Шегуй-хана, принял титул Ышбара-хан	Йездегерд III погиб, разбитый Бижаном и Махуем. Арабы захватили Хорасан
652	Имперцы разбили чуюэ и чуми	Разгром и казнь Махуя Сури Ышбара-ханом	Арабы вторглись в Джуздан и Тохаристан
653	Имперцы вернули Бишбалык	Умер Юкук Ирбис Дулу-хан	
654	Набеги имперцев на карлуков и чумугунь	Неудачный путь Чжунчу.	Набеги арабов на Маймург, Балх и Хорезм
655		Ышбара-хан остановил продвижение имперских войск	Пируз изгоняет арабов из Сеистана
656	Наступление имперцев на Западнотюркотский каганат. Восстание племен байырку, сиге, бугу и тонгра против империи Тан	Поражение Ышбара-хана на р.Или. Капитуляция нушиби и дулу. Разгром западных тюрков	Убийство Османа. Гражданская война в Халифате. Образование Хазарского ханства
657		Бегство и пленение Ышбара-хана	
658		Разгром последних очагов сопротивления у Эбинора и у Кути	
659		Разбит и казнен Чженчу	
660	Когурё и Пэкче нападают на Силла	Подчинились империи нубиши Центрального Тянь-Шаня	Агванский Джеваншир разбил хазар
661	Имперская армия вторглась в Когурё. Безуспешная осада Пхеньяна		Завоевание арабами Агвании Установление власти Омейядов
662	Проникновение тибетцев в Западный край для поддержки восставших тюрок	Подавлено восстание телеских племен. Казнь Мише. Восстание гун-юэ и ягма	Война арабов с хазарами за Дербент. Арабы взяли Кабул

Приложения

1	2	3	4
663	Завоевание Тогона тибетцами. Разгром имперцами Пэкче и японского флота	Нападение западно-туркских повстанцев на Турфан и Хотан	
664		Подавление восстания западных тюрок	Арабы вторглись в Пенджаб
665	Тибетско-китайская война		
666	Междоусобица в Когурё	Умер Бучжень	
667	Тибетцы покорили кочевых князей		
668	Покорение Когурё имперцами		Арабы взяли Халкидон
669	Подавление восстания в Когурё		
670	Имперские войска разбиты тибетцами при Бухайн-голе	Тибетцы и хотанцы разбили Кучу	Разгром хазарами болгар
671		Дучжи поставлен во главе западных тюркотов	Арабы усмирили Мерв, Балх и Герат
672	Тибет предложил империи Тан мир. Предложение отвергнуто		
673			Арабы начали осаду Константинополя
674	Народное восстание в Когурё		Набег арабов на Пайкенд
675	Тибет предложил империи мир. Предложение отвергнуто		Появление болгар Аспаруха на Дунае
676	Тибетское наступление на Китай	Дучжи заключил союз с Тибетом и объявил себя ханом	Набег арабов на Самарканд и Хорезм
677		Тибетцы и западные тюрки взяли Кучу	
678	Тибетцы отняли Кучу у империи		Мир Византии и Халифата
679	Умер Манроманцан. Вступил на престол Дудсрон. Имперские войска разбиты у Кукунора	Арест хана Дучжи имперцами. Восстание Ашина Нишу-бега	Вторжение болгар во Фракию

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
680	Завоевание тибетцами Юннани	Восстание Нишу-бега подавлено. Восстание Фуняня	
681	В Тибете умерла Вэн-чэн	Восстание Фуняня подавлено. Набег Кутлуга на уйголов	Набег Салима ибн-Зияда на Мавераннахр
682		Восстание Кибу-чура подавлено. Восстание Кутлуга удачно	
683	Умер император Гаоцзун	Восстание Кутлуга развивается	Набег хазар на Армению
684	Государственный переворот: низложение и ссылка Чжунцзуна. Регентство императрицы У		Нашествие хазар на Закавказье
685			Заключение мира между Византией и Халифатом
686		Разгром китайских войск в Синьчжоу	
687		Кутлуг разбит и отступил в Гоби, где истребил преследующий его отряд	
688	Раскрыт заговор принцев крови	Тюрки разбиты тюргешами. Тюрки покорили уйголов	Оккупация греками Закавказья
689	Вторжение китайцев в Тибет и разгром их		Восстание Абдаллаха ибн Хазима против халифа Абд аль-Мелика
690	Императрица У приняла титул императора, упразднив династию Тан		Абдаллах ибн Хазим рассеял скопище тюрок в Хорасане
691	Дансяны и мани передались Китаю		Переход Абдаллаха ибн Хазима в Мавераннахр. Восстановление власти халифа в Хорасане
692	Тибетцы разбиты имперцами в Западном крае		Вторжение арабов в Дербент
693	Тибетцы выгнаны имперцами из Западного края	Кутлуг умер, вступил Мочур. Уйгуры, сыгие и хунь откочевали в Хэси	

Приложения

1	2	3	4
694	Прибыло посольство от курыканов в Китай. Восстание Ашина Суйцы и союз его с тибетцами. Имперские войска разбили тибетцев, тюргешей и западных тюрок	Набег Мочура на Линчжоу	
695	Вторжение тибетцев в Ганьсу	Мочур предложил вступить в подданство Империи	Свержение с престола Юстиниана II
696	Тибетцы взяли Лянчжоу. Переговоры Империи и Тибета	Восстание киданей и хи против Китая. Хи заключили союз с тюрками	
697	Основано государство Бохай	Нападение Мочура на Китай. Кидани поддались тюркам и взяли Лючэн	
698	Возвращение из ссылки Чжунцзуна	Вторжение Мочура в Китай и разгром имперских войск. Отход тюрок с добычей	
699	Переворот в Тибете. Кидани разбиты имперцами	Назначение Фугюя младшим ханом. 70 тыс. западных тюрок переселились в Китай. Основание ханства тюргешей	Арабы напали на Кеш
700	Имперцы разбили тибетцев		
701		Набег Мочура на Китай. Поход Кюль-тегина в Джунгарию, битва при Ыдук-баше	
702	Учреждение военной области в Бэйтине (Джунгария)	Набег Мочура на Китай	
703	Тибетский царь Дус-рон умер в походе на Непал. Возведен его сын Мэагцом – семи лет. Чжунцзун вступил на престол	Мочур предлагает брак своей дочери с Чжунцзуном. Переговоры. Тюрки покорили басмолов (в Джунгарии)	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
704	Ашина Хянь покорил для Империи Семиречье. Шато покорились без боя. Подчинены западные тюрки и поддались карлуки, хуву и шуниши		Взятие Термеза войсками халифа и гибель Абдаллаха ибн Хазима. Назначение Кутейбы ибн Муслима наместником Хорасана
705	Переворот в Китае: смерть императрицы У. Восстановление Тан		Кутейба взял Балх, но отступил из Чаганиана
706	Прерваны переговоры с тюрками. Переворот в Чанъани неудачен	Возобновлена война с Империей. При Минша разбит Кюль-тегином Шача Чжун -Чача-сенгун	Кутейба взял Пайкенд
707	Посольство из Тибета в Китай. Имперцы усмирили мани	Тюрки покорили байырку	Кутейба взял Рамитан, но был оттеснен согдийцами, ферганцами и тюргешами
708	Построены три крепости к северу от Хуанхэ против тюрок	Хан тюргешей Учжилэ умер. На престол вступил его сын Согэ	Мухаммед ибн Мерван взял Дербент. Кутейба отброшен от Бухары
709			Кутейба взял Бухару. Ишхид Тархун свергнут за арабофильство, на престол возведен Гурек
710	Заговор императрицы, отравление Чжунцзуна, казни сторонников Тан и избиение заговорщиков воинами. Восстание маней усмирено	Тюрки разбили кыргызов и азов, разгромили тюргешей и согдийцев в Семиречье и подчинили могэ, татабов и киданей	Кутейба взял Шоуман, Несеф и Кеш. Кенгересы напали на тюргешей
711	Мир и брачные договор Империи с Тибетом.	Восстание карлуков, азов и изгилей против тюрок	Усмирение тюрками восставших тюргешей. Распры в Хорезме
712	Отречение Жуйцзуна. Вступление Сюаньцзуна на престол	Татабы разбили имперскую армию	Кутейба подчинил Хорезм и взял Самаркандин. Император назначил правителем Самарканда Мохэдо тутука
713	Пришли посольства из Болюя и Кашмира		Кутейба взял Ходжент и Фергану
714	Закон против буддизма. Тюрки разбиты у Бишбалика. Шато подчинились империи Тан. Вторжение тибетцев отбито	Кидани и татабы передались империи Тан. Мочур послал сына на службу в Китай. Восстаний всех племен каганата	Кутейба напал на Чач

Приложения

1	2	3	4
715	Отбиты набеги тюрок на Бэйтин, а арабов и тибетцев на Фергану	Усмирение восстания уйгуров и карлуков	Мятеж и убийство Кутейбы
716	Лючэн взят у киданей. Тюргеши, восстав против Империи, разбили китайцев и карлуков	Усмирены байырку, но Мочур убит в засаде. Воцарился Бильге-хан. Куль-тегин истребил семью Мочура. Разгромлены азы, изгили и уйгуры	
717	Сулу предложил Империи мир. Арабы и тибетцы напали на Кашгар		Осада арабами Константинона
718	Мир Тибета и Тан	Кидани восстали и разбили китайцев и хи. Компромисс	Нашествие хазар на Азербайджан
719	Присоединен Каражар	Сулу признан ханом	Вторжение арабов в Аквитанию
720	Победа тюрок над империями. Радже Кашмира пожалован титул вана	Коалиция басмалов, имперцев, киданей и хи. Разгром басмалов	
721		Мир с Китаем	
722	Нападение тибетцев на Болюй. Возобновление войны с империей Тан		Восстание против арабов в Согде разгромлено. Гибель Диваштика
723			
724	Имперцы вторглись в Тибет		
725			Асад ибн Абдаллах разбит горцами в Хутталяне. Нападение тюргешей на арабский отряд. Восстановление Балха
726	Вторжение тибетцев в Ганьчжоу	Тибетцы просили у тюрок союза против Китая, Бильге-хан отказал	
727	Отступление тибетцев	Уйгуры, поселенные в Ганьсу, восстали и пересекли путь в Западный край, потом ушли к тюркам	Вторжение хазар в Азербайджан. Поход Масламы против хазар
728	Поражение тибетцев в Лунью		Восстание в Согде против арабов поддержано тюргешами

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
729	Взята имперцами тибетская крепость на Хуанхэ		Арабы взяли Бухару
730	Мир Китая и Тибета	Кидани и хи передались тюркам	Отражение арабами хазарского наступления на Азербайджан
731	Тибетцы покорили Болой	Умер Кюль-тегин.	
732		Кидани разбиты, а татабы покорены имперцами	Брак императора Константина с хазарской царевной
733	Союз Китая и Кашмира против Тибета	Кидани и тюрки разбили имперцев и татабов. Кидани разбиты китайцами	Поход Мервана на Беленджер
734		Отравлен Бильге-хан. На престол вступил Кжань-хан	Восстание Хариса в Хорасане
735			Отчаянная борьба согдийцев и тюргешей с арабами
736		Кидани разбили китайцев	Поход Мервана в Аланию. Подчинение Мерваном лакцев
737	Нападение имперцев на Тибет, а тюргешей на Кучу	Кидани дважды разбиты китайцами	Разгром Мерваном хазар на Волге. Поход Мервана в Серир
738	Вторжение тибетцев в Хэси отбито. Вторжение имперцев в Тибет отбито	Сулу убит. Желтые и черные тюргеши враждуют между собой. Имперцы поддерживают желтых	Наср ибн Сейяр подавил восстание в Самарканде, Чаче и Фарабе
739	Вторжение тибетцев в Китай отбито	Ижань-хан умер. Вступил Бильге-Кутлуг-хан	
740	Ашина Синь назначен правителем десяти стрел, отправлен на запад и убит	Ханом тюргешей стал “желтый” – тархан мургийцев. Вскоре он был казнен имперцами	
741	По его смерти назначен Думочжи, джабгу трех родов	Распри в тюркском каганате. Началась гражданская война. Убиты Бильге-Кутлуг и Сюань-хан	

Приложения

1	2	3	4
742	Реорганизация пограничных войск. Уйгуры поддались империи Тан	Восстание "черных" тюргешей. Иль Итмиш Бильге-хан. Восстали уйгуры, карлуки и басмалы. Выбран ханом Озмыш, который бежал	
743	Вторжение имперцев в Тибет. Переменный успех	Басмалы убили Озмышхана. Вступил Баймэй-хан	Мерван покидает Закавказье
744	Поражение тибетцев	Китайский корпус разбил тюрок. Уйгуры и карлуки разбили басмалов	
745	Кидани покорились Империи, восстали, были усмирены	Баймэй убит уйгурами. Гибель Тюркского каганата. Основание Уйгурского каганата	
746		Карлуки и тюргеши разбиты уйгурами	
747	Имперцы покорили Болюй	Пэйло умер, вступил на престол Моянчур. Часть карлуков подчинилась уйгурам	Восстание Абу-Муслима
748	Имперцы овладели Кукунором, Суябом и Чачем		
749	Имперцы взяли Тибетскую крепость		
750	Тибетцы отбили имперцев от Кукунора, потом поддержали восстание маней в Юннани		
751	Кидани разбили имперцев	Покорены токуз-татары	Зияд ибн Салих разбил Гао Сяньчжи при Таласе при поддержке карлуков
752		Борьба с чиками, кыргызами, карлуками, басмалами	Бухар-худат и шад Усрушаны просили помочь против арабов. Император отказал
753	Подавлено восстание маней		У тюргешей "черный" хан Ильмиш Кутлуг
754	Мэагцом умер, на престол вступил Тисрон-децан	Кидани добровольно подчинились уйгурам	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
755	Восстание Ань Лушаня. Отречение Сюаньцзуна. Тибетцы заняли восточную Ганьсу, часть Сычуани и Синин	Покорены карлуки и басмалы	Восстание Сумбада за кровь Абу-Муслима
756	Вступил Суцзун. Принята помощь от уйголов, тибетцев и арабов	Уйгуры предложили империи Тан союз против Ань Лушаня. Раскол Тюргешского ханства на "желтое" и "черное". Борьба между ними	
757	Мятежники разбиты на р. Фын. Ань Лушань убит, на престол возведен его слабоумный сын		
758	Тибетцы захватили южную Шэнси. Арабские пираты сожгли Кантон	Уйгуры покорили кыргызов. Победа "черных" тюргешей	
759	Победа мятежников под Иечэном. Их вождь Ши Сымин взял власть	Моянчур умер, ему наследовал Идигянь. Усиление карлуков, их наступление на юг	
760	Тибетцы взяли Шаньчжоу в Ганьсу	Участие уйголов в подавлении мятежа Ши ЧАО-И	
761	Ши Сымин убит, власть принял его сын Ши ЧАО-И		
762	Мятежники разбиты и потеряли Лоян. Дайцзун вступил на престол		Вторжение хазар в Закавказье
763	Тибетцы заняли Хэси и Лунью и взяли Чанъань. Мятеж подавлен		
764	Китайцы выбили тибетцев из Цзянънани. Мятеж Хуай-энья		Хазары взяли Тбилиси
765	Мятеж Хуай-энья утих. Лянчжоу уступлено Тибету	Конфликт с Тибетом и поражение тибетцев	
766		Карлуки завоевали Семиречье	

Приложения

1	2	3	4
767	Вторжение тибетцев в Линчжоу отбито		
768	Вторжение тибетцев в Ганьсу. Тибетцы разбиты в Сычуани		
769			
770			
771			
772		Карлуки разбиты арабами в Фергане	Война греков с болгарами. Объединение Хазарии с Аланией
773	Вторжение тибетцев в Ганьсу отбито		
774	Переговоры Китая и Тибета		
775	Вторжение тибетцев в Сычуань		
776	Тибетцы взяли Цзиньян. Китайцы разбили маней и вступили в союз с Наньчжао		Восстание Муканны в Согдиане
777	Тибетцы отражены по всему фронту	Карлуки, Уйгурья, Тибет, Китай, Согд, Фергана, Усрушана и Чач признали Халифат	
778	Дэцзун вступил на престол. Вторжение тибетцев в Ганьсу. Наньчжао опять переходит на сторону тибетцев	Конфликт уйголов с Китаем: набег и отход с добычей	
779	Разбиты войска Наньчжао и Тибета на юге		
780	Введен единый налог с имущества. Тибетцы взяли Дуньхуан. Уйгурские купцы, жившие в Китае, казнены	Дуньмага убил хана и 2 тыс. старейшин и объявил ханом себя	
781	Мир Китая с Тибетом заключен		
782	Мятеж в Хэбэе		
783		Мирный договор Уйгурии с Китаем	

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
784	Тибетцы помогают усмирить восстание в Китае		Восстание Муканны подавлено
785			
786	Война Китая с Тибетом. Вторжение тибетцев в Ганьсу		
787	Вторжение тибетцев в Шэнъси		
788	Вторжение тибетцев в Сычуань. Колебание политики Наньчжао	Татабы и татары напали на Китай	
789	Тибетцы отбиты в Сычуане, но разбили уйголов под Бэйтином	Дуньмага умер; поставлен ханом его сын Пангуань	
790	Шато подчинились Тибету. Тибетцы взяли Бэйтин и Кучу (Аньси)		
791	Тибетцы взяли Хотан	Уйгуры разбили тибетцев в Ганьсу	
792	Тибетцы еще раз разгромили Ганьсу	Карлуки разбиты арабами в Фергане	
793	Переход Наньчжао на сторону Китая и поражение тибетцев на юге		
794	Тибетцы разбили уйголов	Хан отравлен, его брат убит, на престол возведен малолетний сын – Ачжо	
795	Татабы и татары разбиты китайцами	Уйгуры разбили тибетцев. Хан Ачжо умер, на престол возведен вельможа Кутлуг на условиях ограничения власти. Он подавил восстание киргизов; захватил Бишбалык у тибетцев и карлуков, выбил тибетцев из Кучи, подавил сопротивление китайцев в Куче	
796	Вторжение тибетцев в Китай		
797	Тисрондецан умер, вступил на престол его сын Муни Дзенбо		

Приложения

1	2	3	4
798	Набег тибетцев на Яньчжоу отбит. Муни Дзенбо умер, вступил Мутуг Дзенбо	Победил западных карлуков – ташили	
799		Вторгся в Фергану и выгнал тибетцев из северной части Сиоя	
800	Тибетцы разбиты в Ляньчжоу		Коронация Карла Великого
801	Вторжение тибетцев в Янь и Ляньчжоу. Вторжение китайцев в Сычуань		
802	Переговоры Китая и Тибета		
803			
804	Мутуг Дзенбо умер, на престол вступил его брат Тидэсронцан		Разгром и уничтожение Аварского каганата совместными усилиями франков и болгар
805	Шинцзун умер, вступил Сяньцзун. Переговоры Китая с Тибетом	Кутлуг-хан умер, избран Кюлюг-Бильге-хан. Уйгуры взяли Ляньчжоу	
806	Приехали в Чанъян манихеи от уйголов	Татабы в союзе с татарами и уйгурями напали на Китай	Восстание Рафи ибн Ляйса в Самарканде против халифа; поддержано тибетцами
807			Война болгар с Византией
808	Шато восстали против тибетцев и пробились в Китай	Кюлюг-Бильге-хан умер. Бо-и-хан	
809	Переговоры Китая и Тибета о мире		
810	Мятеж Ван Ченцзуна подавлен. Открыт меновой торг с тибетцами		Восстание Рафи ибн Ляйса подавлено
811			
812	Обострение отношений Тибета с Халифатом	Карлуки выступают против арабов	
813	Построен мост через Хуанхэ тибетцами	Набег уйголов на Иловую долину в Ганьсу	Болгары взяли Адрианополь

Синхронистическая таблица

1	2	3	4
814	Усмирение мятежа Юаньцзи шатоскими войсками		
815			
816	“Безымянный” Тидэрон- цангамбо умер; на прес- тол вступил Ральпачан		Болгарско-византийский мирный договор
817	Манихейские проповед- ники высланы в Уйгарию. Вторжение тибетцев в Ляньчжоу отбито		
818	Вторжение тибетцев в Сячжоу	Против Уйгурии восстали киргизы; разбиты	
819	Тибетцы осадили Янчжоу, но отбиты		
820	Вторжение тибетцев в Китай	Мир и брачное родство с Китаем	
821	Муцзун вступил на пре- стол. Восстание в Хэбэе. Вторжение тибетцев отбито	Бао-и-хан умер; Чиндэ стал ханом. Вторжение тибетцев в Уйгарию	Тахир назначен эмиром Хорасана
822	Мир Китая с Тибетом		Тахириды отделили Хорасан и Мавераннахр от Халифата
823			
824	Гаоцзун вступил на престол	Чиндэ умер; на престол вступил его брат Чжаоли-хан	
825			
826			
827			Война болгар против франков
828			
829			
830	Китайцы разбили татабов		
831			
832		Чжаоли-хан убит заго- ворщиками. Возведен его племянник Худэле	Мир болгар с франками
833			

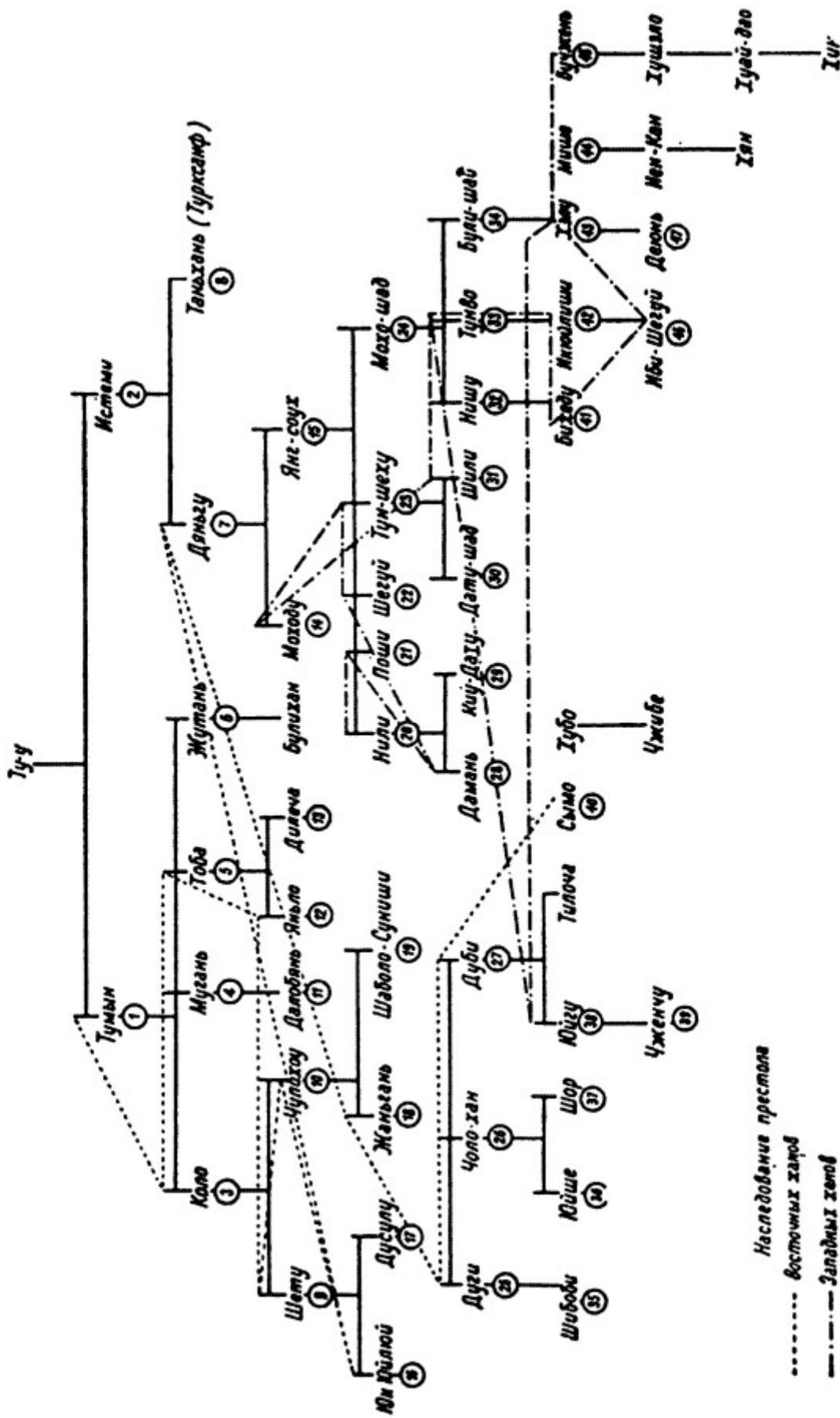
Приложения

1	2	3	4
834			
835	Татабы подчинились Китаю		
836			
837			
838			
839	Ральпачан задушен, вступил на престол Лангдарма	Восстание: Кюлюг-бек, опинаясь на шатосцев, убил хана	
840		Старейшина Гюйлу Мохэ с кыргызской помощью взял Каракорум и казнил Кюлюг-бека. Пан дэлэ с 15 аймаками ушел на запад, кое-кто бежал в Тибет, остальные поста- вили ханом Уге, который ограбил китайскую гра- ницу, чтобы покормить своих беглецов	
841	Уцзун вступил на престол. Кыргызский посол прибыл в Китай		
842	Лангдарма убит	Уге-хан разбит китай- цами. Кидани восстали против уйгуров	
843	Началась междоусобная война в Тибете, Биби и Кунжо		Верденская клятва
844			
845	Секуляризация буддий- ских монастырей		
846	Уцзун умер; на престол вступил Сюаньцзун. Сожжены манихейские книги и изображения	Уге-хан убит. Стал ханом Энянь дэлэ	
847	Восстание татабов подавлено китайцами	Энянь дэлэ пропал без вести, его уйгуры рассе- ялись. Пан дэлэ основал новое ханство в Дунъхуане. Киргизский Ажо умер	
848			

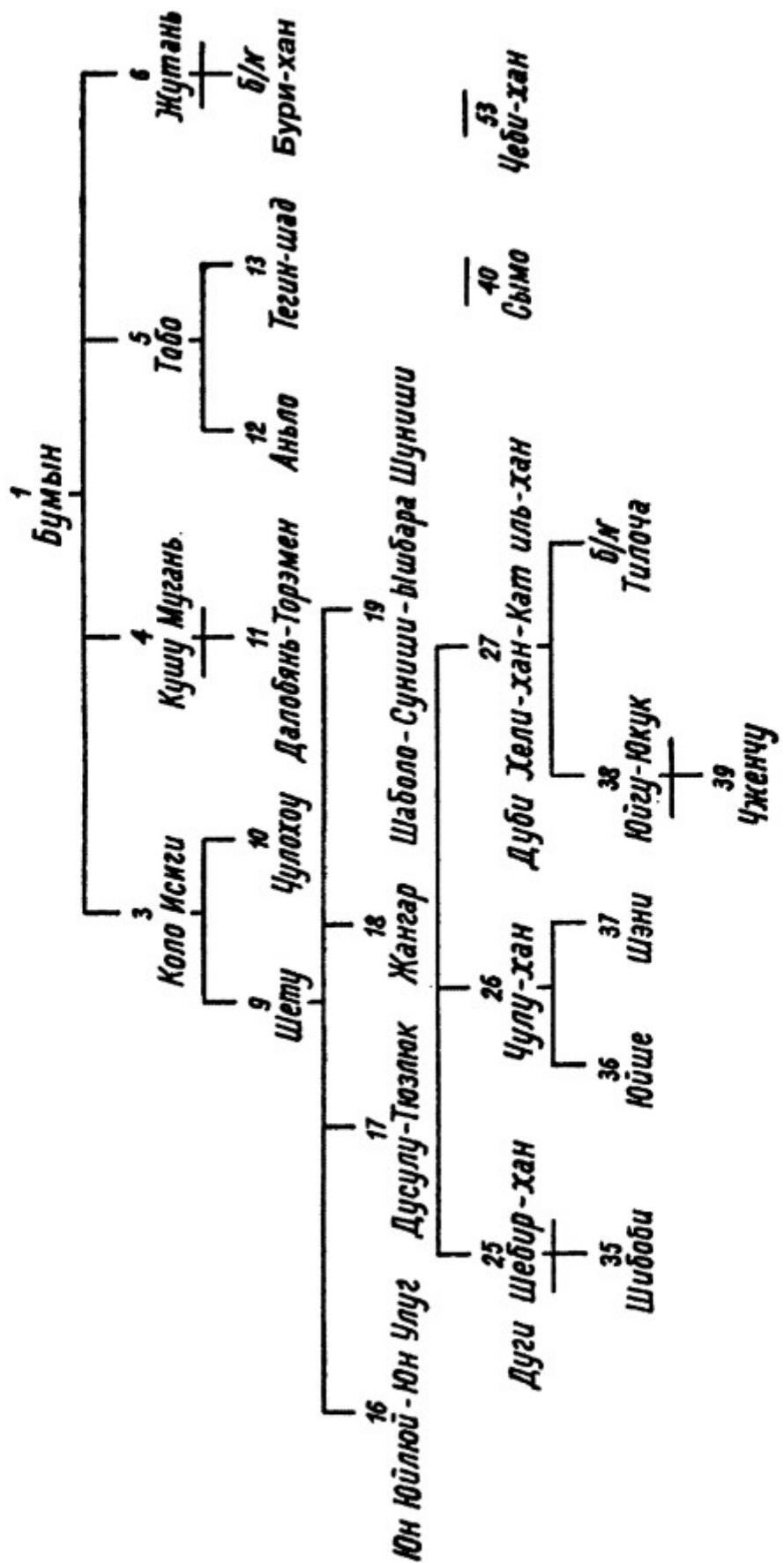
Синхронистическая таблица

1	2	3	4
849			
850			
851	Цзиньян отнят от тибетцев. Тибетский наместник Хэси передался Китаю		
852	Построена крепость против тибетцев		
853			
854			
855			
856			
857			
858			
859			
860			
861	Китайцы отняли от тибетцев Ляньчжоу	Уйгурский Бугу Цзунь разбил тибетского узурпатора Кунжо. Старейшина Бугу Цзунь отнял от тибетцев Турфан, Бэйтин, Карапар и Бугур и основал Уйгурское идыкутство. Карлуки овладели Кашгаром	

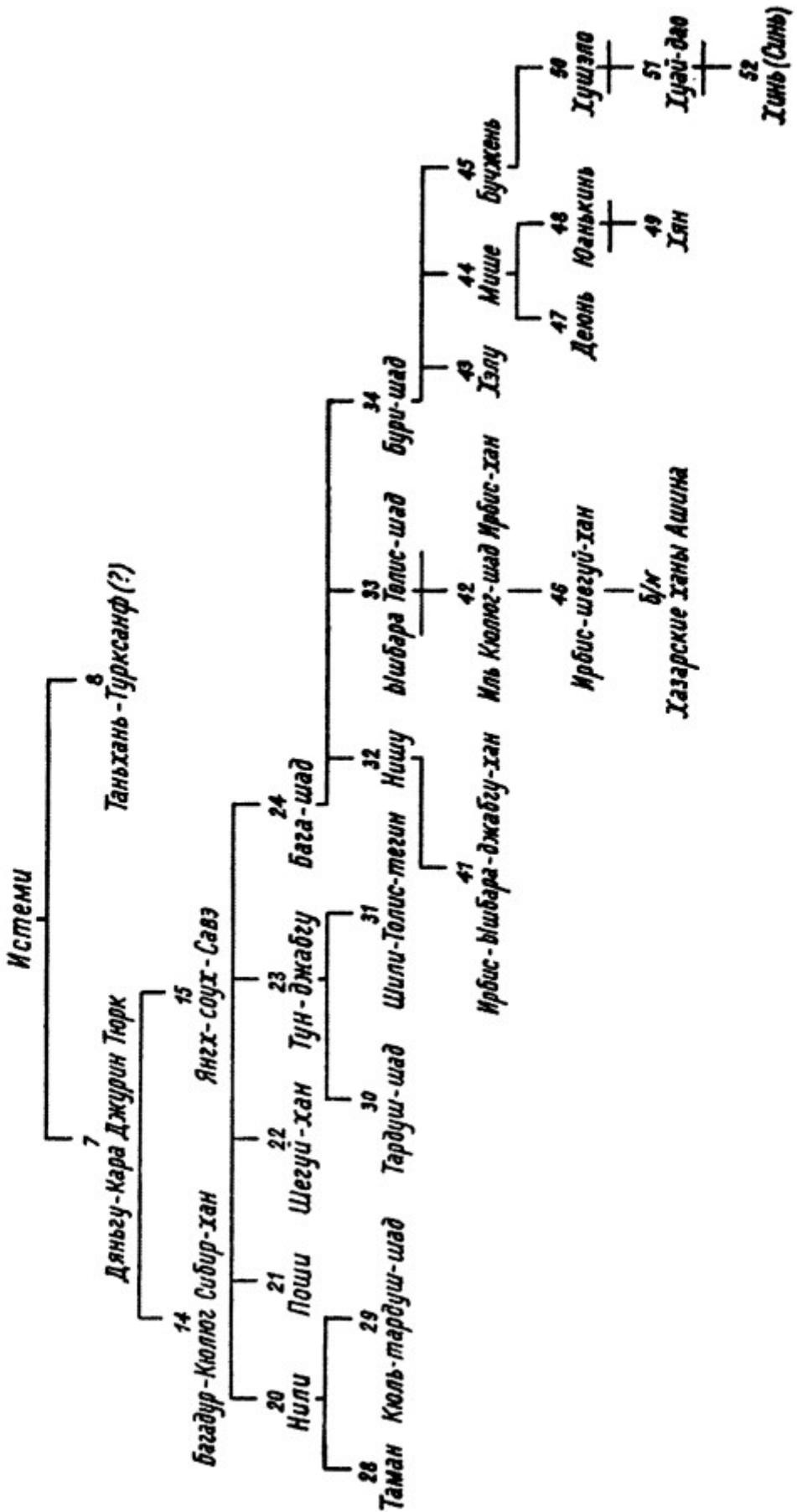
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ
ДИНАСТИЯ АШИНА

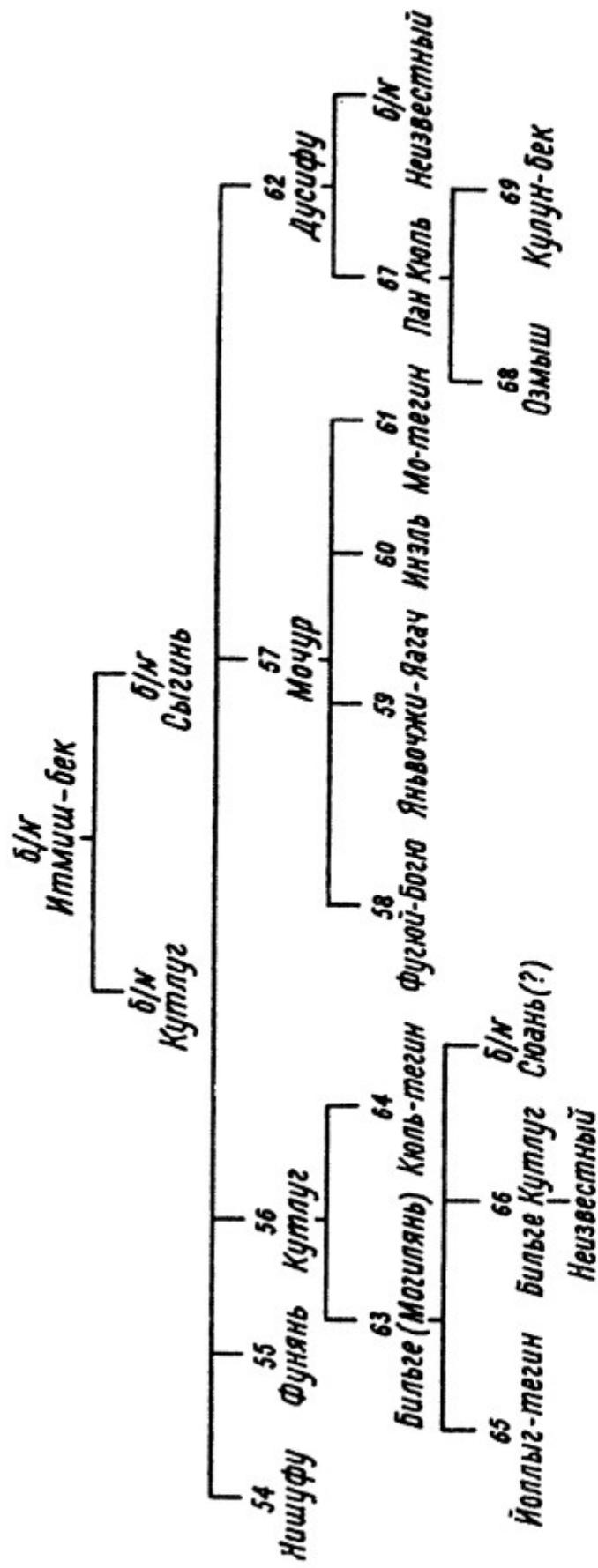
ХАНЫ ВОСТОЧНОГО КАГАНАТА (550-640)

ХАНЫ ЗАПАДНОГО КАГАНАТА (550-640)

ХАНЫ ВТОРОГО КАГАНАТА

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

№ п/п	Китайское чтение	Греческое, арабское, персидское, армянское, согдийское чтение	Тюркское чтение	Перевод и комментарий
1	2	3	4	5
1	Тумын Или-кэхань	— —	Бумын (<i>ор.</i>) Иль-хан	Титул принят после победы над жужаниями в 552 г. До этого назывался ябгу
2	Шидяньми// Шэдими или Сэдими Мохеду шеху Шисин було- кэхань	Сильзивул// Дизавул (<i>гр.</i>) Синджибу (<i>ар.</i>) Хакан-и-чин Стемби-хаган (<i>гр.</i>)	Истеми (<i>ор.</i>) багадур-джабгу	Ср.угорское “Истэн” – дух-предок
				Богатырь – зам. хана (двусложный титул). Хан десяти племен (китайское нарицатель- ное обозначение)
3	Коло Исиги- кэхань	Аскель (<i>гр.</i>)	Кара Иссык-хан	“Черный горячий хан”
4	Мугань (Му- юй)-кэхань Сыгинь//ки- гинь Цзуши//кушу Янды	— —	Кушу Янды	?; Муюй – неверное чтение “Племянник, внук” – титул “Птица” – имя “Победитель” – про- звище
5	Тобо-кэхань	Арсила	Тапу-хан(?) Арслан	“Патра” (буддийская чашка для сбора по- даяния) – прозвище “Лев” – имя
6	Жутань Були-кэхань	— Бо-хан (<i>гр.</i>)	Йохдан(?) Бури-хан	“Усопщий, погибший” “Волк” (Возможно, что это отец и сын)

Ономастическая таблица помогает кодифицировать разночтения имен ханов Первого каганата и наглядно показать результаты работы по восстановлению звучаний тюркских имен, известных из иноязычных источников.

Аргументация содержится в тексте книги и примечаниях. М. Ф. Хвану принадлежит синологическая часть работы, выполненной нами совместно; за оказанную помочь приношу ему благодарность.

Сокращения: *ар.* – арабское; *арм.* – армянское; *гр.* – греческое; *ор.* – орхонские тексты; *перс.* – персидское; *кит.* – китайское; (?) – сомнительное отождествление, подлежащее дальнейшей проверке.

1	2	3	4	5
7	Дяньгу// Дянью Дату-кэхань	Кара Джурин Тюрк (<i>перс.</i>) Тарду	Кара Чурин Тюрк Тардуш-хан	“Увечный, прокажен- ный тюрк” “Хан западного крыла державы” “Герой, могучий” “Хан западной окраины”
8	Танхань-кэ- хань	Биягу (<i>перс.</i>)	Боке-хан	Отождествление сдела- но на основе косвенных данных, а восстановле- ние имени гипотетично
9	Шету//Нийту и Дитоу//Етоу Эрфу-хан// шад Или-гюйлу ше	—	—	—
	Мохэ Шаболо- кэхань	—	Эр-бег-шад	“Мужественный”
	Шаболио	—	Иль-кюлюг-шад	“Державы славный князь”
10	Чулохоу Шеху-кэхань	—	Бага Ыш-бара- хан	“Божественный могучий хан”
	Мохэ-кэхань	—	—	“Грабитель” – кличка
11	Далобянь	Турум (<i>гр.</i>)	Чулу//Чоллиг- джабгу-хан	“Каменная пустыня”
	Або-кэхань	Абруй (<i>перс.</i>)	Бага-хан	Хэу//хоу китайский княжеский титул второго ранга.
12	Яныло//Аныло Диэр-кэхань	—	Амрак	“Я в законе” - отраже- ние его претензий
13	Дилеча//Ди- гинша	—	—	“Старейший хан”, но не старший//главный
14	Моходу-хэу	—	Ала-хан	“Спокойный, смиренный”
	—	Органа (<i>гр.</i>)?	Тегин-шад	“Второстепенный”
	Кюйли Сыби- кэхань	—	Ураган или Ураг?	Титул
			Кюлюг Сибир-хан	Багадур-князь
15	Янсо-дэлэ// тегин	Соух//Сойа// Савэ (<i>перс.</i>) Шаба (<i>ар.</i>)	Янг-Соух-тегин Дулу-хан	“Буря” или “старейший родственник по женской линии” – гипотетично
				“Славный сибирский хан”
				“Новый//большой мороз”

Приложения

1	2	3	4	5
	Дулу-кэхань	Шири-кишвар	Иль-Арслан	“Лев народа” - гипотеза С. П. Толстова
16	Юн Юйлуй	Хан, который не был родственником Хормизда	Юн улуг	“Поднятая (вверх) судьба//доля” - прозвище. (Возвышенный удел)
	Дулань-хан			
17	Дусилу//Дусулу	—	Тюзлюк	“Соглашатель” – кличка; личное имя неизвестно
18	Жанъгань	—	Жангар	“Победитель” – почетное имя
	Тули-кэхань	—	Толис-хан	Хан восточного крыла
	Кимиинь-кэхань	—	—	—
	Кижинь-кэхань	—	—	—
	Или Мидоу	—	Иль бирды...	“Державу отдал...”
19	Шаболо Суниши-ше		Ышбара Суниши-шад	“Могучий. князь [племени] шуниши”
20	Нили-кэхань	Йаль-тегин (<i>ар.</i>) —	Иль-тегин Буюрук	“Наследник престола”. “Поручик” – чин. Офицерский чин он имел в войске своего отца, а “наследником” назывался потому, что престол принадлежал его деду и после гибели его отца
21	Поши-дэлэ	—	Басыл-тегин	“Принц-жертва”
22	Шегуй-кэхань	—	Шегуй-хан	Слово сяньбийское и переводу не поддается
23	Тун-шеху-кэхань Ба си юй	“Царь севера” (<i>арм.</i>) Тонг-джабгу-хан	—	“Великий джабгу” - титул Гегемон Западного края
24	Мохэ-ше	—	Бага-шад	“Божественный князь”
	—	Зигевил	Эльтебер	“Наместник”
25	Шиби-кэхань	—	Шибир-хан	“Хан Сибири” (с переходом согласной)
	Дуги//Токи-ше	—	Тюрк-шад(?)	Тюркский князь в своем улусе
26	Чуло-кэхань Чжиги-ше	—	Чулу//Чоллиг-хан Джигит-шад	Титул (см. № 10) “Молодец-Князь” – прозвище

Ономастическая таблица

1	2	3	4	5
	Сылифо-ше	—	Силиг-бэг-шад	“Красивый бег-князь” – титул
27	Хели//Сели-кэхань Дуби Мохэду-ше	—	Кат Иль-хан Тугбир(?) Багадур-шад	Жестокий хан державы Давший знамя? Богатырь-князь
28	Дамань Нигю-Чуло-хан Гэсана	—	Таман//Тамган(?) Арслан(?)	? ?
29	Киу Дату-ше Ту-у Гоба кюе-кэхань	—	Кюль Тардущ-шад	Лев Титул (см. № 7)
30	Дату-ше	—	Тардущ-шад	Титул (см. № 7)
31	Шили-дэле// Тели-дэле Иби Бололой// [ше] Болосы (верно) шеху-кэхань Сы-шеху-кехань	—	Толис-тегин Ирбис Ышбара Сы-джабгу-хан Сы-джабгу-хан	“Принц восточного крыла” “Барс могучий” Насилием//вероломством [достигший титула] джабгу-хан”
32	Дулу-кэхань Нишу Гяна-ше Къана (перс.) Туналэу бали-би//сылиби Дулу-хан	—	Дулу-хан — Тонг алып си-лигбир(?)	Ханский титул (сокращенный) Княжеский титул “Великий герой, изящный Дулу-хан” – ханский титул (полный)
33	Тунво//Тонгашэ Шаболо Хилиши//Телиши-кэхань	—	Тонг-шад Ышбара Толис-шад-хан	“Великий князь” – титул Титул
34	Були-ше И-були-ше Шегуй-тэгин Кюе	Шад (арм.)	Бури-шад Иль Бури-шад Шегуй-тегин Кюль (ор.)	“Волк” “Волк державы
35	Шибоби Нибу-шад Тули-кэхань	—	— — Толис-хан	?
				“Хан восточного крыла”

Приложения

1	2	3	4	5
36	Юйше-ше	—	—	?
37	Шэни//Шор	—	Шоно (монг.)	“Волк”
38	Юйгу-ше Иби Дулу-кэ- хань	—	Юкук-шад Ирбис Дулу-хан	“Сова” “Снежный барс”
39	Чженчу шеху Инань	—	Чженчу Ынан	“Жемчуг” Титул; букв. “Варвар- муж” (кит.) и “Дове- ренное лицо” (турк.)
	Сыби-дату-шад	—	Сибир-тардущ- шад	Титул, не отражавший действительности. На самом деле он был джабгу Тохаристана
40	Ими Нишу Сылиби Ли Сымо шуай	—	? ? алып	? ? герой
		—	—	Пожалованная китай- ская фамилия, полково- дец
41	Бихэду (невер- но); (надо) [Нуши]би [мо]- хэду шеху Иби Шаболо шеху-кэхань	—	? Багадур-джабгу	“Нушибийский бога- тырь” – прозвище
42	Икюйлиши	—	Ирбис Ышбара джабгу-хан	Титул (см. № 31)
	Иби-кэхань Мохэду Иби- кэхань	—	Илькюлюг-шад Ирбис-хан Багадур, Ирбис- хан	“Державы славный князь” – титул —
43	Хэлү	—	Халлыг(?)	“Поднявшийся”(?) – клиника, имя неизвестно
	Шаболо-шеху Шаболо-кэ- хань	Бижан (перс.) (возможно, необос- нованное наимено- вание, так как источник X в.)	Ышбара-джабгу Ышбара-хан	Титул “Могучий хан”
44	Мише Килиби//Сы- либи Дулу-кэхань Хинсиван-кэ- хань	— — — —	?...мыш алып	Уцелел только суффикс Герой (титул) “Восстановивший утраченное величие хан” (кит. прозвище)
45	Бучжень	—	—	“Стремящийся к правде,

Ономастическая таблица

1	2	3	4	5
				доносчик" (кит.)
Дулу-шеху	—	Дулу-джабгу	—	Титул
Гивангюе-кэхань	—			Кит. прозвище
46 Иби Шегуй-кэхань	—	Ирбис Шегуй-хан	—	
47 Деюнь/Хиюнь	—	Тьеин	“Верблюжонок” – ласкательное имя	
Мохэду-шеху	—	Багадур-джабгу	—	Титул
48 Юанькин	—	—	“Восстановивший утраченное величие”	
49 Хянь	—	—	?	
50 Хушэло Були-ше	—	Кушрак Бури-шад	“Птичка” “Волк-князь”	
51 Хуай-дао	—	—	?	
52 Хинь (Синь)	—	—	?	
53 Хубо Ичжу Чеби-хан		Ильчур Кюбэ-хан	Алтайская ветвь	
54 Нишуфу	—	Нишу-бег	—	
55 Фунянь	—	—	?	
56 Гудулу	—	Кутлуг Эльтерес-хан	“Счастливец”	
57 Мочко	Мочур	Капаган-хан	“Хищный хан”	
58 Фугюй Кюси-хан	—	Богю	—	Правильно: “Тоси” – прозвище – “Властитель Запада” (кит.)
59 Яньвочжи	—	Ягычи	“Воевода”	
60 Иние-хан	—	Инэль-хан	—	
61 Мо-тегин	—	Бек-тегин	—	
62 Дусифу	—	Тюзель-бек	“Бек, улаживающий конфликты; посредник”	
63 Могилянь Бигя-хан Могой	—	Бильге-хан Богю	“Мудрый хан; герой”	
64 Кюе дэле	Кур-тегин (ар.)	Кюль-тегин	—	

Приложения

1	2	3	4	5
(Гой дэле)				
65	Ижань-хан	—	Йоллыг-тегин	—
66	Бигя (Бугя) Гудулу-хан	—	Бильге Кутлук-хан	“Мудрый, счастливый хан”
67	Панькюэ-дэле	—	Пан Куль-тегин	—
68	Усу-миши	—	Озмыш-тегин Озмыш-хан	—
69	Баймэй-хан Хулунфу	—	Кулун-бек	“Белобровый” “Жеребенок-бек”

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	— Византийский временник
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИВАН	— Институт востоковедения Академии наук
ИНА	— Институт народов Азии
ИРГО	— Императорское русское географическое общество
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
СВ	— Советское востоковедение
СЭ	— Советская этнография
ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
ATIM	— <i>Altürkische Inschriften in der Mongolei</i>
JA	— <i>Journal Asiatique</i>
JRAS	— <i>Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland</i>

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. М. Древние китайцы на страже своих границ //Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1945. Т. IV. Вып. 5.
- Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Восточной Азии //Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. 1924. Т. IV (б.м.). № 2.
- Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 2.
- Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остыков //Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. СПб., 1914. Т. II, 2.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности //Живая старина. Х. Т. IV. 1896 (отдельный оттиск).
- Артамонов М. И. Древний Дербент //СА. VIII. 1946.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Балдаев С. П. Культ археологических находок у бурят //Доклады I/III в отделе Сибири МАЭ. 1949.
- Балями. Тарихи Табари. Готская рукопись (на перс. яз.).
- Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891.
- Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
- Бартольд В. В. Кыргызы. Фрунзе, 1943.
- Бартольд В. В. Новые исследования об орхонских памятниках //ЖМНП. 1889. Вып. 9–10.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб., 1897.
- Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период //ЗВОРАО. Т. 8, 1893.
- Бартольд В. В. Томсен и история Средней Азии. Пг., 1926.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.
- Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
- Беленицкий А. М. Историческая топография Герата VI века. Алишер Навои. Сборник статей. М.–Л., 1946.
- Бердзенешвили Н., Джавахишвили И. и Джанашвили А. История Грузии. Тбилиси, 1946.
- Березин И. Н. История Абу-ль-Гази. Казань, 1854. Ч. 1.
- Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
- Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI–VIII вв. н.э. //Сборник статей к 50-летию книги Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. М.–Л., 1936.
- Бернштам А. Н. Родовая структура ту-гу VIII в. (к исследованию памятника Кюль-тегина) //Известия ГАИМК. 1934. Вып. 103.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрок в VI–VIII вв. Л., 1946.

Приложения

- Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
- Бо Цю-и.* Стихи/ Пер. Л. Эйдлина. М., 1953.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Записки о Монголии. СПб., 1828. Ч. III.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950–1953. Т. I–III.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений по исторической географии Срединной и Восточной Азии. Чебоксары, 1960.
- Васильев В. П.* Буддизм. I. СПб., 1859–1869.
- Васильев В. П.* Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне //Сборник трудов Орхонской Экспедиции. СПб., 1897. Т. III.
- Викторова Л. Л.* К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке //Ученые записки ЛГУ. 1958. № 256.
- Гавrilova A. A.* Кудырге. Автографат кандидатской диссертации. М.–Л., 1951.
- Гафуров Б. Г.* Та'рихи мухтасари халки тацик. [Душанбе], 1947.
- Гелиодор.* Эфиопика/ Пер. Егунова. М.–Л., 1932.
- Голубовский П.* Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. СПб., 1884.
- Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Граф А., Кучняк П.* Алтайские сказки. М., 1939.
- Григорьев В. В.* Восточный, или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
- Грумм-Гржимайло А. Г.* Дела и дни Григория Ефимовича Грумма-Гржимайлова. М., 1947.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896. Т. I.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Рост пустынь и гибель пастищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период //Известия Государственного географического общества. 1933. Т. 65. Вып. 5.
- Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю //СА. 1959. № 1.
- Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин //Проблемы востоковедения. 1960. № 3.
- Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в "Истории" Феофилакта Симокатты и в действительности //ВВ. 1961. Т. XX.
- Гумилев Л. Н.* Великая распра в Первом тюркском каганате в свете византийских источников //ВВ. 1961. Т. XX.
- Гумилев Л. Н.* Величие и падение Древнего Тибета //Страны и народы Востока: Сб., посвященный памяти акад. В. В. Струве.
- Гумилев Л. Н.* Война 589 г. и Гератская битва //Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1960. № 2 (23).
- Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема //Известия ВГО. 1959. Т. 91. № 1.
- Гумилев Л. Н.* Китайская хронологическая терминология в трудах Н. Я. Бичурина на фоне всемирной истории //Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.
- Гумилев Л. Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета //Вестник истории мировой культуры. 1906. № 3.

Использованная литература

- Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйголов //Материалы по этнографии ВГО. Л., 1961. № 1.
- Гумилев Л. Н.* Подвиг Бахрама Чубина. Л., 1962.
- Гумилев Л. Н., Маршак Б. И., Хван М. Ф.* Спор о древних тюрках //Доклады по этнографии ВГО. Л., 1965. № 1 (4).
- Гумилев Л. Н.* Статуэтки воинов из Туюк-мазара //Сборник Музея Антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 12.
- Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа //Страны и народы Востока. М., 1961. Т. II.
- Гумилев Л. Н.* Удельно-лествичная система у тюрок в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) //СЭ. 1959. № 3.
- Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
- Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV веке //ВДИ. 1959. № 1.
- Дамдинсурэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.
- Данте Алигьери.* Ад. Песнь X. Стихи 89–90.
- Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1960.
- Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Тбилиси, 1951. Т. I.
- Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908.
- Ду Фу.* Стихи/ Пер. А. Гитовича. М., 1955.
- Евтухова Л.А.* Каменные изваяния Северного Алтая //Труды Государственного исторического музея. М., 1945. Т. XVI.
- Евтухова Л. А., Киселев С. В.* Чая-тас у села Копены //Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Т. XI.
- Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
- Иностраницев К. А.* Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Иностраницев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
- Иакинф.* Землеописание Китайской империи/ Рукопись. Государственный архив Татарской АССР. Ф. 10. Д. 830.
- [*Иакинф*] *Бичурин.* История Тибета и Хухунора. СПб., 1833. Т. I.
- [*Иакинф*] *Бичурин.* История Китая/ Рукопись. ЛОИНА. Ф. 7. История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. Пер. с армянского *К. Патканова*. СПб., 1861.
- Кабанов С. Н.* К вопросу о столице кидаритов //ВДИ. 1953. № 2.
- Кармышева Б. Х.* Этнографическая группа “тюрки” в составе узбеков //СЭ. 1960. № 1.
- Катанов Н. Ф.* Восточная хронология //Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1920. Т. I.
- Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Клюкин И. Н.* Новые данные о племени толисов и тардушей //Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. 1932. № 1–2.
- Кляшторный С. Г.* К исторической оценке Уланкомской надписи //Этнография Востока. 1961. XIV.
- Кляшторный С. Г.* Согдийцы в Семиречье //СЭ. 1959. № 1.
- Книга Марко Поло. М., 1955.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.–Л., 1941.

Приложения

- Козлов П. К.* Монголия и Амдо. М.-Пг., 1923.
- Козымин Н. Н.* Классовое лицо атысы Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников //С. Ф. Ольденбург. Сб. Л., 1934.
- Кононов А. Н.* Опыт анализа термина “Турк”//СЭ. 1947. № 1.
- Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-ль-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.
- Конрад Н. И.* Начало китайского гуманизма //СВ. 1957. № 3.
- Константин Багрянородный.* “О фемах” и “О народах”. М., 1899.
- Корш Ф. Е.* Древнейший народной стих турецких племен. СПб., 1909.
- Кулаковский Ю.* История Византии. Киев, 1915. Т. III.
- Корейская классическая поэзия. М., 1956.
- Крачковский И. Ю.* Арабская поэзия //Избранные сочинения. М.-Л., 1956, Т. II.
- Кузнецов Б. И.* Тибетская летопись “Светлое зерцало царских родословных”. Л., 1961.
- Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности//СА. 1960. № 3.
- Кызласов Л. Р.* Тува в период тюркского каганата (V–VIII вв.) //Вестник Московского университета. 1960. № 1.
- Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лессар П. М.* Пути из Асхабада в Герат в 1882 г. //Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. VI.
- Лившиц В. А.* Два согдийских документа с горы Муг //ВДИ. 1960. № 2.
- Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
- Малов С. В.* Шаманский камень “яда” у тюрков Западного Китая //СЭ. 1947. № 1.
- Малчи-Мерген.* Алтайский героический эпос. Ойротское обл. нац. изд., 1947.
- Манандян Я. А.* Маршруты персидских походов Ираклия //ВВ. 1950. Т. III.
- Маргулан А. Х.* Казахская юрта и ее убранство //VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Массон М. Е.* Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряды Bombyx mori //Белек. Сб. в честь С. Е. Малова. Фрунзе, 1946.
- Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Куль-тегина. СПб., 1899.
- Менандр* //Византийские историки/ Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Месхиа Ш. А., Гвртишвили Д. В., Думбадзе М. К., Сургуладзе А. Н.* История Тбилиси. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- М. К.* Археологические экспедиции 1959 г. //Вестник Московского университета. 1960. Сер. IX. № 3.
- Молнар Э.* Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.
- Наршахи.* История Бухары/ Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
- Окладников А. П.* История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., 1955.

Использованная литература

- *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1955. Т. III.
- [Палладий] *Кафаров*. Примечания к Юан-чао-ми-ши //Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1872. Т. IV.
- Патканов К.* Ванские надписи //ЖМНП. Ч. 230. Отд. 2.
- Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком //ВВ. 1947. Т. I (XXVI).
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI—VIII вв. М.—Л., 1946.
- Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951.
- Пигулевская Н. В.* К вопросу о городах Ирана в раннем Средневековье //СВ. 1955. № 6.
- Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР //Труды ИВАН СССР. 1941. Т. IV.
- Плано Карпини.* История монголов /Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911.
- Позднеев Д.* Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.
- Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893.
- Попов А. А.* Нганасаны. Л., 1948.
- Попов А. А.* Тавгийцы. М.—Л., 1936.
- Попов И.* Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. Казань, 1898.
- Потапов Л. П.* Героический эпос алтайцев //СЭ. 1949. № 1.
- Потапов Л. П.* Культ гор на Алтае //СЭ. 1946. № 2.
- Потапов Л. П.* Ранние формы феодальных отношений у кочевников //Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Абакан. 1952. Вып. 1.
- Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами /Пер С. Дестуниса. СПб., 1876. Ч. 1.
- Птицын Г. В.* К вопросу о географии “Шах-наме” //Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т. IV.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957.
- Радлов В. В.* Атлас древнейшей Монголии. СПб., 1892–1899.
- Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II.
- Радлов В. В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской Академии наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхон //Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892. Т. I. № 7.
- Радлов В. В.* Титулы и имена уйгурских ханов //ЗВОРАО. 1891. № 5.
- Рамстедт Г. Н.* Перевод надписи “Селенгинского камня” //Труды Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. СПб., 1914. Т. XV. Вып. 1.
- Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1901. Т. II.
- Рашид ад-дин.* Сборник летописей/ Пер. И. Н. Березина. Введение. СПб., 1858.
- Рашид ад-дин.* История Чингис-хана/ Пер. И. Н. Березина. СПб., 1868.
- Рашид ад-дин.* Сборник летописей. М.—Л., 1952. Т. I.
- Роборовский В. И.* Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949.

Приложения

- Рубрук Г.* Путешествия в восточные страны. М., 1957.
- Руденко С. Н.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.
- Себеос.* История императора Иракла /Пер с армянского К. Патканьян. СПб.
- Синха Н. К., Бенерджи А. Ч.* История Индии. М., 1954.
- Стеблева И. В.* Поэзия тюрков VI—XIII веков. М., 1965.
- Струве В. В.* Рец. на: *Тревер К. В.* Очерки... //ВДИ. 1960. № 3.
- Струве В. В.* Родина зороастризма //Труды ЮТАКЕ. М.—Л., 1948. Т. I.
- Такайшвили Е.* Источники грузинских летописей. П. Жизнь и известия о Багратидах //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 28.
- Токарев С. А.* Пережитки родового культа у алтайцев //Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. I.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1949.
- Толстов С. П.* Новогодний праздник “Каландас” у хорезмийских христиан //СЭ. 1946. № 2.
- Толстов С. П.* Тираны Абруя //Исторические записки. 1933. № 3.
- Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.—Л., 1959.
- Улагашев И.* Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941.
- Умняков И.* История Фахрэддина Мубаракшаха //ВДИ. 1938. № 1..
- Успенский В.* Страна Кукэ-нор, или Цин-хай //Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. IV (отдельный оттиск).
- Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта /Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890.
- Феофан Византийский* //Византийские историки. СПб., 1860.
- Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957.
- Фирдоуси.* Шах-наме. Изд. Бехара. Тегеран, 1934—1935 (на перс. яз.).
- Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. II.
- Чарыков Н. В.* Описание поездки по берегам Теджена-Герируда //Сборник географических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. XIII.
- Чернецов В. П.* Усть-полуйское время в Приобье //МИА. 1953, № 35.
- Чэнь Хун.* Повесть о бесконечной тоске //Танские новеллы/ Пер. О. Л. Фишман. М., 1955.
- Шан Юэ.* Очерки истории Китая. М., 1959.
- Шер А. Я.* Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане //СА. 1963. № 4.
- Шмидт А. Н.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана //Ученые записки Института востоковедения. М.—Л., 1958. Т. XVI.
- Штернберг Л. Я.* Избраничество в религии //Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Щербак А. М.* Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии //Эпиграфика Востока. 1961. Т. XIV.

Использованная литература

- Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961. № 2.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21.
- Ядринцев Н. М. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и верховья Орхона // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. 1889. Т. 20. № 4, 1.
- Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.
- Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

- Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror. Vol. 1. Manchester, 1958.
- Appelgren-Kivalo H.* Altaltaische Kunstdenkmäler, Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931.
- Aspelin J. R.* Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890.
- Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIII siècle // JA. Vol. 254. № 2. 1956.
- Bang W.* Zu den kokturkischen Inschriften // T'oung Pao. IX. 1898.
- Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899. I–2.
- Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. SPb., 1897.
- Barthold W.* Histoire des Turcs d'Asie centrale. Paris, 1945.
- Bell C.* The religion of Tibet. Oxford. 1931.
- Bretschneider E.* Medieval researches from eastern Asiatic sources. London, 1910.
- Brossat M.* Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle. SPb., 1894.
- Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris, 1896.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1903. Вып. VI.
- Chavannes E.* Les pays d'Occident d'après Wei-lio // T'oung Pao. Ser. 2. Vol. VII. 1905.
- Chavannes E.* Une inscription au royaume de Nan-tchao // JA. 1900. T. XVI.
- Chavannes E.* Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // T'oung Pao. Ser. II. Vol. V. 1904.
- Chavannes E. et Pelliot P.* Traité manichéen retrouvé en Chine // JA. Ser. XI. Vol. 1. 1913.
- Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944.
- Clauson G.* A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // JA. Vol. 255. № 1. 1957 (Extrait)
- Clauson G.* The Origin inscription // JRAS. 1957.
- Clauson G.* Turks and wolves // Studia Orientalia. XXVIII. Helsinki. 1964.
- Cordier H.* Histoire générale de la Chine. Vol. 1. Paris, 1920.
- Deguignes J.* Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis J.C. jusqu'à présent. Paris, 1756. T. I–II.

Приложения

- Ecsedy H.* Uigurs and tibetans in Pei-t'ing //Acta orientalia. 1964. 17(1).
- Firdousi.* Le livre des rois. Ed. J. Mohl. Paris, 1868. VI, VII.
- Fecher G.* Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V–XI Jahrhunderten //Körösi Gosma Archivum B. XIX, 2.
- Francke A. H.* History of Western Tibet. London, 1907.
- Gaubil.* Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastic Tang. Mémoire concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin. Paris, 1791. T. XV.
- Gibert L.* Dictionnaire historique et geographique de la Mandchourie. Hongkong, 1934.
- Giraud R.* L'Empire des Turcs celestes. Paris, 1960.
- Govern.* The Early empires of Central Asia. London, 1939.
- Grenard M. E.* La legende de Satok Boghra Khan //JA. Ser. 9. T. XV. 1900.
- Grousset R.* L'Asie Orientale des origines au XV siècle. Paris, 1941.
- Grousset R.* L'Empire des Steppes. Paris, 1960.
- Grousset R.* Histoire de l' Extrême-Orient. I. Paris, 1929.
- Grafenauer.* Nekai vprašani iz dobe naseljevanja južnih Slovanov //Zgodovinski časopis. Liubliana. T. IV. 1959.
- Ghirschman R. M.* Les Chionites-Hepthalites. Le Caire, 1948.
- Gruenwedel A.* Mythologie du Buddhism. Leipzig, 1900.
- Gwasha Lal Kaul.* Kachmir through the ages. Srinagar. 1954.
- Gyorffy G.* Du clan hongrois au comitat de la tribu au pays. II Századok. Budapest, 1958. T. 92. Fasc. 5–6.
- Hamilton J. R.* Les Ouighours al'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.
- Hannestad K.* Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l'Asie Centrale aux V et VI siècles //Byzantion. 1957. Vol. 25-27.
- Hansen O.* Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. Helsingfors, 1930.
- Haussig J.* Theophylacts Exkurs über die skythischen Völker //Byzantion. Bruxelles. T. 23. 1953.
- Heifer F.* Die Vierte der fünf grossen Heimsuchungen Chinas //Ostasiatische Zeitschrift. XI. 1924.
- Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk //ATYM. 1899. *Hoffmann H.* Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Wiesbaden, 1950.
- Jisl L.* Výzkum Kulteginova památníku v Mongolské Lidové Republice //Archeologiské rozhledy. Roc. XII. 1960. Ses. 1.
- Julien S.* Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). JA, 1864. Vol. 3, 4.
- Justy F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Kljastornyi S.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken //Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXXIV. H. 1–2. 1962.
- Lalou M.* Les religions du Tibets. Paris, 1957.
- Laufer B.* Chinese clay figures. 1. Chicago, 1914. XVIII.

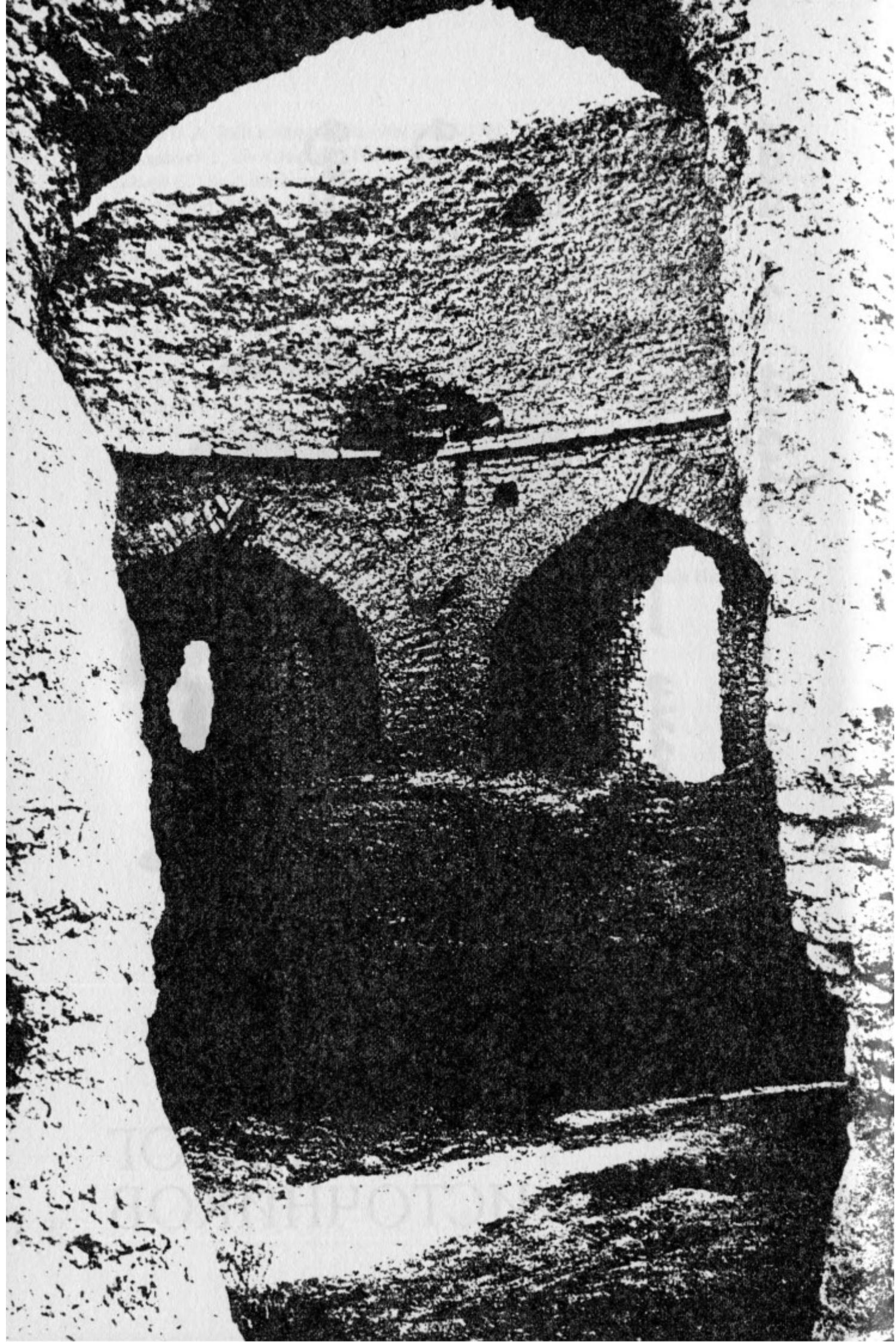
- Laufer B.* Ueber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo //T'oung Pao. Ser. II. Vol. 2. 1901.
- Lebeau.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1828.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. Buch I-II. Wiesbaden, 1958.
- Maçoudi.* Les prairies d'or. Paris, 1861. I.
- Mailla J. A. M.* Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire traduites du Toung-Kien-Kang-Mou, pere Joseph-Anne-Marie de Moriac de Mailla. Paris, 1777–1785. Vol. 1–3.
- Marquart J.* Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift fon Catar und in der altbulgarischen Fürstenliste//Известия Русского археологического института в Константинополе. 1900. T. 15.
- Marquarf J.* Eranšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i //Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. N. F. Bd. III. Berlin, 1901.
- Marquart J.* Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften //Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XII. 1898.
- Marquarf J.* Die Chronologic der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Marquarf J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
- Millet C.* Sur le nom de cereales chez les Ancient et particulier chez les arabes //JA. 1865. T. V.
- Minorsky V.* Hudud al-'Alam. London, 1937.
- Mirkhond.* Histoire des Sassanides (texte persan). Paris, 1843.
- Needham J.* Science and civilization of China. III. Cambridge, 1959.
- Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.
- Nöldeke Th.* Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887.
- Patkanoff S.* Über die Sabiren //Körösi Gosma Archivum. 1900. № 1, 4.
- Pelliot P.* Les chretiens de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient //T'oung Pao. 1914.
- Pelliot P.* La fille de Mo-tch'o qaghan et ses rapports avec Kül-tegin, 1912.
- Pelliot P.* La Haute Asie. Paris. [S. a.].
- Pelliot P.* Le nom turc de "Mille sources" chez Hiuen-tsang //T'oung Pao. 1930.
- Pelliot P.* L'origine des Tou-kiue, nom chinois des Turks //T'oung Pao. 1915. Vol. XVI.
- Pelliot P.* L'origine du nom de "Chine" //Toung Pao. 1914. Vol. VIII.
- Prasad J.* History of Medieval India from 647 A. D. to the Mughal Conquest. Allahabad. 1928.
- Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 24. 1952. H. 1–2.
- Puech H.* Le manicheism. Paris, 1949.
- Pulleyblank E. G. A.* The Background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955.
- Pulleyblank E. G. A.* Sogdian colony in Inner Mongolia //Toeung Pao. 1952. Vol. 41. № 4–5.
- Radloff W.* Alttürkische Studien. IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte //Известия АН. Спб. IV. 1911.
- Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei //ATIM. SPb., 1894, 1895, 1897, 1899.
- Remusat J. P.* Hisloire de la ville Khotan. Paris, 1820.
- Roerich G. N.* Blue annals. Calcutta, 1949.

Приложения

- Roerich G. N.* Trails to Inmost Asia. New Haven. 1931.
- Schlagintweit E.* Die Könige von Tibet. München. 1966.
- Schlegel G.* Die chinesischen Inschriften auf dem Uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors, 1896.
- Schott W.* Über die ächten Kirgisen. Berlin, 1865.
- Schulemann G.* Geschichte der Dalai-Lamas. Leipzig, 1958.
- Shiratori K.* Über die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu-Stämme. SPb., 1902.
- Stein A.* Innermost Asia. Oxford, 1928.
- Tabari, Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.
- [*Tabari*]. Chronique de Abou Djafar-Mohammed ben-Djarir-ben-Jazid-Tabari, traduite sur la version persane D'Abou-Ali-Mahammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par Hermann Zotenberg. Paris, 1869.
- Tha'alibl.* Histoire des rois des Perse, traduite par H. Zotenberg. Paris, 1900.
- Thomas F. W.* Tibetan Literary texts and documents concerning Chinese Turkestan. London, 1935.
- Thomson V.* Inscriptions de l'Orkhon //Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1896. Vol. 5.
- Tucci G.* The Tombs of the Tibetan kings //Serie Orientale. Roma, 1950.
- Uray G.* The four horns of Tibet according to the royal annals //Acta Orientalia Hungaricae. T. X. 1. 1960.
- Vernadsky G. V.* Ancient Russia. New Haven, 1952.
- Waddel L. A.* The Buddism of Tibet or lamaism. London, 1895.
- Wieger L.* Textes historiques. Hien-Hien, 1905–1907.
- Wolff F.* Glossar zu Firdousis Schahname. Berlin, 1953.

ДИАЛОГ
ИСТОЧНИКОВ

История турецко-монгольских народов

В.В.Бартольд

1

¹ Языги, или язиги — одно из сарматских племен, во II в. н.э. поселившееся в Паннонии.

² Переселение мадьярских племен в Паннонию относится к 895 г.

³ Доместикация лошади на Переднем Востоке и в степной зоне Евразии может быть отнесена к III — началу II тысячелетия до н.э. В степях Восточной Европы, Поволжья и Казахстана появление всадничества археологически зафиксировано для середины II тысячелетия до н.э.; см.: Дьяконов. История Мидии. С. 122—125; Витт. Лошади Пазырыкских курганов; Смирнов К. Древние всадники; Бодогюбский. Происхождение. С. 473—495; Нансар. Das Pferd; Zeuner. A history of domesticated animals. Р. 299—337. Однако возникновение кочевого коневодства и сложение кочевого скотоводческого хозяйства относятся к первым векам I тысячелетия до н.э., см.: Грязнов. Вопросы сложения кочевых обществ; Черников. О термине "ранние кочевники"; Смирнов К. Хозяйство ранних сарматов.

Турецко-монгольские (или тюрко-монгольские) кочевники принадлежат к числу народов, занимавших области к северу от искони культурных земель Восточной и Западной Азии, со включением степей Восточной Европы. Свои нападения на культурные земли эти народы совершили как конные воины, вооруженные луком и стрелами. Восточной границей полосы, благоприятной для коневодства и вообще для скотоводства, является хребет Хинган в Маньчжурии, западной — степи Венгрии. На этом пространстве совершились, помимо набегов на культурные земли, т.е. на юг, передвижения кочевых народов большую частью в направлении с востока на запад. В Венгрии поселился впоследствии первый из народов, образовавших кочевую империю на границах Китая, хунны; более ранние кочевники, которых греки называли скифами, также доходили до Венгрии, где поселился один из скифских народов, языги¹; современные обитатели Венгрии, поселившиеся там в X в. н.э.², сохранили в своем языке следы влияния на их предков дальневосточной культуры: понятие *писать* обозначается в венгерском языке словом китайского корня. Вопрос о западном или восточном происхождении кочевого коневодства тесно связан с вопросом о происхождении лошади³. Северное происхождение лошади теперь может считаться доказанным, но вопрос о восточном или западном происхождении остается невыясненным. В статье М.В.Фармаковского обращено внимание на сходство изображения лошади на древней скифской вазе с породой дикой лошади, сохранившейся только на востоке и получившей название "лошади Пржевальского".

Первыми известиями о кочевых государствах на востоке и о движении кочевников с востока на запад мы обязаны китайским историкам, из которых самый ранний — Сыма Цянь, закончивший свои "Исторические

записки” в 99 г. до н.э. Сыма Цянь и последующие историки сообщают сведения о государстве хуннов, образовавшемся в Монголии в III в. до н.э. Власть в Монголии перешла к другому народу, сяньбийцам, в конце I в. н.э. Еще раньше началось движение хуннов на запад, но в Восточной Европе они появились только во второй половине IV века. Часть хуннов оставалась и потом на востоке; в Восточном Туркестане и в Китае хуннские княжества были еще в V веке. Китайцы сообщают некоторые сведения о нравах, обычаях и государственном устройстве хуннов; замечательно, что некоторые черты этого устройства повторяются и в новейшей истории Средней Азии; так, число 24 имело значение как в политической жизни хуннов (24 должности), так и в жизни последней независимой кочевой общине в истории Средней Азии — общине мервских туркмен (по 24 старшины у обоих главных текинских племен, тохтамышцев и отамышцев)⁴. Отношения между кочевниками и народами оседлой культуры везде получали приблизительно одинаковый характер; везде кочевники больше нуждались в товарах культурных народов, преимущественно в тканях, чем наоборот, и пригоняли свои стада к границам культурных стран, не дожидаясь, пока купцы из этих стран придут в их степи. При благоприятных условиях кочевники вместо приобретения товаров путем торговли старались захватить их силой; мирные торговые сношения уступали место набегам и завоевательным походам. Для защиты от набегов кочевников и вообще варваров культурные народы, на пространстве от Маньчжурии до Великобритании, строили длинные стены; Китайская стена была только одним из таких сооружений, притом не самым древним; уже в начале III в. до н.э. были построены длинные стены для ограждения от кочевников мервского оазиса. Стенами защищались также от набегов кочевников торговые пути; в то же время, однако, купцы по мере укрепления в степях государственного порядка находили выгодным возить свои товары к самим кочевникам в их степи, и торговые пути получали более северное направление. О значительном развитии торговли между востоком и западом уже в первые века нашей эры свидетельствуют археологические находки в Монголии.

События, связанные с образованием кочевых государств, рассматриваются в китайских и вообще иностранных источниках только в связи с действиями отдельных лиц. О значении для политической жизни кочевников таких факторов, как сословная борьба, мы получаем представление только в тех случаях, когда мы

⁴ О 24 родовых (племенных) подразделениях у гуннов, туркмен и некоторых других тюркоязычных народов Средней Азии см.: Толстов. Города гузов. С. 78—99.

имеем такие рассказы кочевников о самих себе, как рассказы о падении и восстановлении государства турок в VII и в особенности о возникновении государства монголов в XIII веке. Только в монгольских преданиях XIII в. мы находим сведения об отношениях между кочевниками и звероловами, причем жизнь кочевника скотовода была в глазах звероловов таким же невыносимым рабством, как в глазах самих кочевников жизнь оседлого земледельца. Те же монгольские предания показывают, что религия кочевников — шаманизм — была наследием охотничьего периода; самыми искусными шamanами еще в то время считались шаманы монголов-звероловов.

Установить зависимость бытовых черт от этнографического происхождения тех или иных народов до сих пор не удается; самый вопрос о том, к каким этнографическим и лингвистическим группам принадлежали первые упоминаемые в истории кочевые народы, какие из них были турками, монголами или тунгусами, остается спорным. Крайне сомнительны попытки определить характер языка народа по отдельным словам, большую частью именам и титулам, дошедшим до нас только в китайской транскрипции. Профессор Пеллио в своих лекциях, читанных в Ленинграде, упомянул о существовании в китайской литературе более достоверного материала для решения таких вопросов — именно о составлении китайцами словарей нескольких инородческих языков, в том числе сяньбийского, причем этот словарь, по словам Пеллио, ясно доказывает, что сяньбийцы были турками⁵. Предшественников и западных соседей сяньбийцев, хуннов, Пеллио склонен считать монголами, как и тот народ, которому в V в. и до выступления в VI в. турок принадлежало преобладание в степях и который китайцы называли жужанями, европейцы — аварами. Мнение Пеллио о раннем появлении монголов на западе и о том, что турки первоначально жили восточнее монголов, находится в полном противоречии с мнениями, господствовавшими в науке в последнее время. Материал, на котором основывается Пеллио, до сих пор не издан и не доступен исследованию; до его обнародования желательно воздерживаться от решения вопроса об этнографическом происхождении хуннов, сяньбийцев и других кочевых народов до VI века.

Некоторый материал для суждения о прошлом кочевых народов, как и всяких других, дают лингвистические факты. Особенно важны в этом отношении исследования профессора Поппе о чувашском языке как языке,

⁵ Китайские транскрипции слов языка одного из сяньбийских племен, тоба, исследованы Л. Базеном (*Recherches*). Нельзя, однако, признать полученные результаты, как и вывод о тюркоязычии сяньбийцев, вполне надежными.

¹ О тюркских заимствованиях в венгерском языке см.: *Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter; Poppe. On some Altaic loanwords; Ligeti. A propos des éléments "altaïques".*

сложившемся в тот период, когда еще не установились характерные черты языков турецкой группы. В таком случае предки чувашей пришли в Европу до прибытия настоящих турок, т.е. турок VI века. При таких условиях возможно, что языком хуннов, вопреки мнению Пеллио, был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский. В пользу этого мнения говорит и сходство турецких элементов в венгерском языке с чувашским⁶.

2

Турки VI—VII вв. были первым кочевым народом, оставившим нам данные о себе на своем языке, в так называемых орхонских надписях VIII века. Формы языка надписей представляют, по словам Поппе, полное сходство с формами турецкого прайзыка, как мы должны предполагать их по лингвистическим основаниям¹. Из этого не следует, чтобы турецкий язык образовался только в это время. В эпоху орхонских надписей, несомненно, было уже несколько турецких наречий, из которых одно сохранило древнейшие формы².

Алфавит надписей, как и последующие алфавиты, употреблявшиеся турками, был принесен с запада, но был превосходно приспособлен к турецкому языку, особенно к закону сингармонизма, и в этом отношении представляется гораздо более совершенным, чем сменявшие его алфавиты уйгурский и арабский. Этот алфавит известен нам по надписям, найденным в Монголии и на Енисее (по формам букв енисейские надписи признаются более древними, чем подтверждается западное происхождение алфавита), и по некоторым текстам, найденным в местности около Турфана. Алфавит, вероятно, был заимствован турками у среднеазиатских иранцев; вопрос о времени и месте заимствования остается спорным. Заимствование алфавита в этом случае, как в древности принятие семитского алфавита греками и индийцами, было результатом торговых сношений, а не результатом религиозной пропаганды, как впоследствии принятие турками алфавитов уйгурского (полученного уйгурами от согдийцев) и арабского. На Енисее сохранились почти исключительно могильные надписи, не представляющие исторического интереса; рассказы об исторических событиях встречаются только в надписях Монголии.

Разбором алфавита надписей наука обязана недавно скончавшемуся датскому лингвисту Томсену, которому

¹ Имеется в виду относительная архаичность лишь некоторых форм языка орхоно-енисейских надписей, а отнюдь не вся система этих форм; см.: *Poppe. Чувашский язык. II. С. 307—308; IV. С. 408.* Определение языка орхоно-енисейских надписей как древнетюркского указывает лишь на хронологическую принадлежность памятников, но не на архаический характер фонетической или грамматической системы языка; см., например: *Poppe. Introductions. P. 59—60.* О положении языка древнетюркских памятников среди других тюркских языков см.: *Малов. Памятники. С. 5—7; Баскаков. Введение. С. 123—131, 275—277, 311; Батманов, Арагачи, Бабушкин. Современная и древняя енисеика.*

² О диалектальных особенностях в языке орхоно-енисейских памятников см.: *Малов. Енисейская письменность. С. 6; Батманов, Арагачи, Бабушкин. Современная и древняя енисеика. С. 45—62.*

принадлежит также последняя до сих пор попытка перевода надписей. Несмотря на все достоинства этого перевода, он не может считаться окончательным; встречаются даже места, где один из прежних переводов, перевод Радлова, должен быть признан более удачным. Так, у Томсена одно и то же слово читается то *olmak* в значении *умирать, погибать*, то *ylmak* в значении *разделяться*; у Радлова везде принято первое значение, и оно вполне подходит во всех случаях.

Надписи только в очень кратких словах говорят об образовании турецкой кочевой империи в VI в. и о ее судьбах. В этом отношении мы по-прежнему должны довольствоваться известиями китайских, греческих и персидских источников. Из греческих источников мы знаем, что турки уже в VI в. пришли в Восточную Европу и осаждали византийский город Боспор у Керченского пролива. Из персидских источников, в арабском изложении, нам известно, что турки отняли у персов область к юго-востоку от Каспийского моря, на реке Гюрген, где они подчинились влиянию персов, даже приняли их язык и религию.

В надписях подробно рассказывается только о событиях на востоке и о походах восточных ханов на запад начиная с восстановления их господства в Монголии в 680-х годах после пятидесятилетнего китайского ига. Кроме турецкого народа ханы называли своим собственным народом народ огузов (встречается и название токуз-огуз, т.е. девять огузов, по числу огузских родов); очень вероятно, что оба термина относятся к одному и тому же народу. Огузы то подчинялись вышедшим из их среды ханам, то восставали против них; кроме того, в надписях говорится о войнах ханов с целым рядом других турецких народов. По-видимому, в это время произошло усиление западных народов. Первым двум ханам восстановленного турецкого государства приходилось иметь дело с двумя коалициями, с первой еще в 680-х годах, со второй около 710 г. В первый раз враги нападали на турок с юга (китайцы), с севера (враждебные новым ханам огузы) и с востока (китайцы — как мы увидим, народ монгольского происхождения); во второй раз вместо северных и восточных врагов названы два западных народа, тюргеши (вышедшие, как видно из китайских известий, тоже из среды турок-огузов) и киргизы. Киргизы, жившие тогда на Енисее, упоминаются в китайских источниках еще в эпоху хуннов, в 201 г. до н.э. Древнейшая китайская транскрипция слова кыргыз — *гяньгунь*³; по мнению Пеллио, ею передается монгольская форма единствен-

¹ Совр. чтение — цзянькунь.

ного числа *кыркун* (это мнение, конечно, находится в связи с мнением того же ученого о хуннах как монголах). В VII в. для обозначения киргизов употреблялась китайская транскрипция *хягас*, и под влиянием этой транскрипции современные енисейские турки приняли для себя после революции название *хакас*. Сведений о том, на каком языке говорили киргизы в древности, мы не имеем; в VII в. они по языку, несомненно, были турками, но по физическому типу (рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза) резко отличались от прочих турок. Усиление значения западных народов, может быть, находилось в связи с развитием караванной торговли Запада с Востоком. Эта торговля достигла значительных успехов еще при персидской династии Сасанидов (III—VII вв.); при турецком владычестве, с VI в., увеличилось торговое значение среднеазиатских иранцев, согдийцев; еще большее оживление торговых сношений произошло в VII и в начале VIII в., после завоевания Персии и Туркестана арабами. Турки из Монголии во время борьбы со второй коалицией доходили до страны согдийцев; возможно, что некоторые подробности в рассказе об этих событиях должны быть отнесены к борьбе между турками и арабами.

Турки-огузы не обращали никакого внимания на нападавших в то время на них с севера уйгуров; слово *уйгр* встречается в надписях только один раз; между тем уже через несколько лет, после 740 г., уйгуры разрушили государство турок-огузов и захватили первенство в Монголии. Несколько чаще упоминаются карлуки, к которым в том же VIII в. перешло от тюргешей господство на западе, по берегам Чу; разрушению государства тюргешей способствовали успехи арабов. С киргизами уйгуры вели более ожесточенную борьбу, чем до них турки-огузы. По китайским известиям, уйгуры в 758 г. завоевали государство киргизов, после чего прекратились непосредственные сношения киргизов с китайцами; в IX в. киргизы воспользовались ослаблением уйгурского государства для возобновления борьбы и не только вернули себе независимость, но около 840 г., после двадцатилетней борьбы, положили конец господству уйгуров в Монголии. Из надписей уйгурских ханов (одна, на турецком языке, орхонским алфавитом, относится к 750-м годам, другая, на китайском языке, — к царствованию хана, правившего с 808-го по 821 г.) мы видим, что борьба была продолжительнее. В первой надписи говорится о военных событиях 750-го и 753 гг., во второй — о продолжавшейся еще тогда борьбе с киргизами и об оконча-

тельном уничтожении их государства, причем киргизы будто бы еще в то время располагали огромными военными силами — 400 000 человек (китайцы определяют численность киргизского войска всего в 80 000 человек). Если борьба перед падением уйгурского государства (около 840 г.) продолжалась 20 лет, то для полного подчинения киргизов уйгурам почти не остается времени.

Как у китайских историков, так и в китайской надписи, посвященной уйгурскому хану, говорится о принятии уйгурами в 762 г. манихейства, религии, возникшей в III веке в Персии и представлявшей соединение национальной религии Персии, зороастризма, с христианством и в особенности с буддизмом. Манихество получило широкое распространение в Средней Азии, особенно среди согдийцев; согдийцами оно было принесено в Китай, где с ним познакомились уйгуры во время одного из своих набегов. В том же месте, где находится китайская надпись, говорящая об этом событии, сохранилась и надпись на согдийском языке; вскоре после этого согдийский алфавит был применен и к турецкому языку, стал называться “уйгурским” и получил широкое распространение среди турецких и монгольских народностей. Среди согдийцев, кроме манихейства, были распространены христианство и буддизм; эти религии также распространялись среди турок, но известий о принятии их каким-либо турецким государством нет.

Последствием вытеснения из Монголии сначала турок-огузов, потом уйгuroв было усиление турецкого элемента в Восточном Туркестане. В местности около Турфана и Гучэна поселилось племя, которое китайцы называют шато (степь); эти турки-шато вышли из собственно турок, т.е. огузов. В конце VIII и в начале IX в. они были вытеснены из занятой ими области и ушли дальше на восток, в собственный Китай, где принимали участие в политических смутах и в X в. образовали несколько династий. Арабы называют этих турок тугузгузами, т.е. токуз-огузами. В IX в. тибетцев вытеснили из Восточного Туркестана уйгуры и образовали два княжества, одно в местности около Турфана и Гучэна, другое в Ганьчжоу; первое княжество арабы продолжали называть тугузгуским; термин *уйгар* не встречается в арабских источниках раньше XI века. Тугузгузы, по словам арабов, были манихеями; возможно, что манихество не только было принесено сюда уйгурами из Монголии, но существовало здесь еще до их прихода.

Киргизы после победы над уйгурами сделались первенствующим кочевым народом в Монголии и Средней

Азии, но не вели войн с другими державами и поддерживали мирные торговые сношения с китайцами, тибетцами и арабами; тем не менее среди них, насколько известно, не получила распространения ни одна из культурных религий. В начале X в. они были вытеснены из Монголии китаями, народом, как полагают теперь, монгольского происхождения; по словам профессора Пеллио, в китайской литературе есть словарь их языка. Китайцы захватили Северный Китай и владели им до XII в.; от них страна получила то название, которое до сих пор употребляется монголами, русскими и отчасти мусульманами; в Средние века оно употреблялось и западными европейцами. Киргизы вернулись на Енисей; победители предложили уйгурам из Ганьчжоу вернуться в Монголию, но они уже успели привыкнуть к условиям земледельческой и городской жизни и не пожелали воспользоваться этим предложением. Место турецких народов в Монголии заняли монгольские. До сих пор в Монголии сохранилась память о последнем турецком народе, владевшем Монголией, — о киргизах: все древние могилы называются киргизскими, в том числе и те, которые в действительности принадлежат предшественникам киргизов — уйгурам.

Одним из последствий вытеснения турок из Монголии было сближение их с мусульманской культурой; известия о их дальнейшей судьбе мы находим преимущественно в мусульманских источниках.

3

Одной из главных культурных заслуг мусульман было создание обширной географической литературы, с которой произведения античных географов не могли бы выдержать никакого сравнения. Пользование этой литературой затрудняется, однако, ее книжным характером. Отдельные авторы выписывали из книг слова своих предшественников, большей частью без ссылки на источник и без оговорки, что эти слова относятся к более ранней эпохе. Это относится не только к эпохе упадка мусульманской географической науки, когда до XVII в. включительно иногда повторялись без критики слова авторов X в., но даже к географам классической эпохи — IX и X вв. Так, сохранивший нам самые подробные известия о Средней Азии персидский анонимный географ, автор так называемой “рукописи Туманского”, писавший в 982 г., называет город Ганьчжоу предметом спора между китайцами и

тибетцами; в действительности так было до завоевания Ганьчжоу уйгурами, что произошло в 840-х годах.

Самым западным турецким народом в то время были печенеги, жившие сначала в местности к востоку от Волги и потом, как мы знаем из византийских источников, переселившиеся в конце IX в. в Южную Россию; там их знают авторы X в., хотя есть авторы XI в., продолжающие помещать печенегов на их прежней родине. Среднее и нижнее течение Волги было занято болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чuvашей. К востоку от Волги до границ Китая, в порядке с запада на восток, жили огузы (с центром на нижнем течении Сырдарьи), карлуки (с центром на реке Чу) и тугузгузы (с центром в области Турфана и Гучэна). У некоторых авторов в нынешней Джетысуйской области¹ названы кроме карлуков еще остатки тюргешей, разделявшиеся на две ветви, *тухси* и *аз*, кроме того, чигили на северной стороне Иссык-Куля и народ *ягма* к югу от Нарына. К северу от тугузгузов жили киргизы, с центром на Енисее. Киргизам приписываются те же антропологические черты, как в более ранних китайских источниках (у автора XI в. Гардиши: “красные волосы и белая кожа”). В рукописи Туманского сохранились известия о распространении господства киргизов гораздо дальше к юго-западу, вероятно относящиеся к эпохе киргизского великолдержавия; говорится о занятии киргизами города Пенчула (произношение не вполне установлено), находившегося на месте современного Уч-Турфана; Кашгар помещался в пограничной полосе между владениями киргизов, тибетцев, китайцев и народа ягма. Западными соседями киргизов были кимаки, с центром на верхнем Иртыше; кимаки не упоминаются ни в китайских источниках, ни в орхонских надписях; известий о том, когда и откуда они пришли на запад, нет. Западной ветвью кимаков были кипчаки, соседи печенегов, впоследствии отделившиеся и образовавшие особый народ.

В географической литературе нет известий о распространении среди турок ислама; историки говорят о принятии ислама в 960 г. многочисленным турецким народом; это известие находится только в багдадской хронике, причем не сообщается никаких подробностей ни о том, каково было название этого народа, ни о том, где он жил. По всей вероятности, это были те турки, из которых вышла первая мусульманская турецкая династия — династия Карабаханидов; Карабаханиды владели Кашгаром и в

¹ Территория Семиречья.

самом конце X в. завоевали Самарканд и Бухару. Другой турецкий народ, менее многочисленный, принял ислам в 1043 г.; и на этот раз название народа не приводится, но указывается, где он жил; летом эти турки кочевали по соседству с землей болгар (волжских), зиму проводили около Баласагуна (главного города в местности по реке Чу), т.е. в западной части Джетысуйской области.

К эпохе Карабанидов, именно ко второй половине XI в., относится сочинение о турецком языке Махмуда Кашгарского. Это сочинение написано на арабском языке в Багдаде, но автор был по происхождению турком, хорошо знал Среднюю Азию, особенно южную часть ее, до долины реки Или включительно, и турецкие наречия. Его труд едва ли не единственный из дошедших до нас арабских трудов о Средней Азии, написанный не по книгам, а на основании непосредственного знакомства автора со страной. Оттого мы у него, например, вместо названия тугузгуз находим название уйгур.

Махмуд Кашгарский причисляет к туркам в обширном смысле и те народы, которые, по его словам, говорили на другом языке, но знали и по-турецки. Все турецкие народы разделяются на две группы, северную и южную, по десять в каждой; народы каждой группы перечисляются, по словам автора, в порядке с запада на восток. Северная группа: печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгурты, басмылы, кай, ябаку, татары и киргизы; южная: чигили, тухси, ягма, играки, чаруки, джумулы, уйгуры, тангуты, китай, табгачи. Порядок перечисления народов южной группы не внушает сомнений. Старое турецкое название Китая и китайцев, табгач, встречающееся в орхонских надписях, сохранено за Южным Китаем, находившимся под властью национальной китайской династии Сун (с 960 г.). Это был Масин, или “верхний Син” (арабская передача персидского названия Китая — Чин); “средним Сином” была страна китаев, т.е. Северный Китай, “нижним Сином” — владения Карабанидов в Кашгарии. Тангуты были народом тибетского происхождения, отнявшим у уйголов в XI в. княжество Ганьчжуо и основавшим царство, известное в китайской истории под названием “царство династии Ся”. Уйгуры по-прежнему владели областью около Турфана и Гучэна. К западу от этой области уже начинались владения мусульманской династии Карабанидов; пограничными пунктами были в северной части Восточного Туркестана Куча и Бугур, в южной — Черчен. Дальше к западу указывается место расположение области чаруков, жителей города Барчука, на месте современного Маралбashi. Народы тухси, ягма

и часть чигилей помещаются в долине Или; другие чигили жили в селениях близ Кашгара и в небольшом укрепленном городе Чигиль, близ Таласа (Аулие-Ата)². Эта крепость находилась по соседству с областью огузов и в прежнее время часто осаждалась ими; поэтому огузы иногда называли чигилями всех, кроме себя, турок на пространстве от Амудары до Китая.

Гораздо меньше соответствует действительному географическому порядку порядок перечисления народностей северной группы. Кимаки совершенно не упоминаются ни здесь, ни в других местах; вместо них на Иртыше помещаются йемеки, упоминаемые в более ранних источниках как одна из ветвей кимаков; Махмуд Кашгарский называет их ветвью кипчаков. Башгурты, или башкиры, всегда жили гораздо западнее Иртыша: Ибн Фадлан еще в X в. проезжал через их страну на пути в страну болгар (волжских); следовательно, башкиры жили приблизительно там же, где живут теперь. Под страной огузов имеется в виду их прежняя родина на Сырдарье: не принимается в расчет ни уже совершившееся в то время завоевательное движение их на юго-запад, в Переднюю Азию, где ими была образована империя Сельджукидов, ни движение их же на запад через Россию, на Балканский полуостров. Кроме чигилей соседями огузов были карлуки, не упоминаемые в этом перечне, но упоминаемые во многих других местах; Махмуд Кашгарский называет туркменами не только огузов, как другие авторы, но и карлуков. Приводится легенда о происхождении слова *туркмен*; из нее видно, что уже в то время существовала персидская этимология, по которой туркмен значило *турк маненд* — “похожий на турка”, и приводилось различие между туркменами и настоящими, т.е. более восточными, турками. В этом смысле, вероятно, должны быть поняты слова самого Махмуда Кашгарского, что он изучил наречия огузов и чигилей, туркмен и турок; к этому прибавлено еще: ягма и киргизов, названных здесь, вероятно, как народы, географически отдаленные один от другого. О стране киргизов у автора не было ясного представления, и река Енисей не упоминается. Киргизы, как у географов X в., помещаются на крайнем востоке; по другим, более точным известиям, народ *кай* жил восточнее их. То же самое, по-видимому, относится к татарам, как можно заключить из слов Махмуда Кашгарского, что татарам принадлежало место Отюкен; из орхонских надписей известно, что так называлась горная цепь в Монголии, близ Орхона. Западнее киргизов жил народ *ябаку*. В XI в. (Махмуд Кашгарский

² Ныне Джамбул.

еще не видел людей, принимавших участие в этой войне) произошла война между этим народом и мусульманами, под начальством Арслан-тегина; мусульман было всего 40 000, кафиров, во главе которых стоял Бука-Будрадж, 700 000, союзниками ябаку были басмылы и джумулы. Мусульмане во время похода против кафиров переправились сначала через Или, потом через большую реку Ямар и нанесли врагам полное поражение. О реке Ямар говорится еще в другом месте, как о большой реке в степях народа ябаку; по-видимому, имеется в виду большая река, через которую переправлялись на судах; такой реки между Или и Иртышом нет; возможно, что такое название носила часть Иртыша.

Автор называет чистыми турками киргизов, кипчаков, огузов, народы тухси и ягма, чигилей, игрakov и чаруков; иной, не турецкий язык был у джумулов, басмылов, у народов кай и ябаку и у татар. Татары упоминаются уже в орхонских надписях; в XIII в. таково было народное название монголов; очень вероятно, что и прежде татарами назывались народы монгольского происхождения. Если таково же было происхождение народы ябаку, то народы монгольского племени уже в то время проникали далеко на запад. Некоторые другие народности могли принадлежать к остаткам прежнего, дотурецкого населения Восточного Туркестана. Слово *басмыл* приводится и в словарях средневекового греческого языка в значении “человек смешанного происхождения”. Басмылы упоминаются уже в орхонских надписях; в то время им принадлежал город Бешбалык (около современного Гучэна), где впоследствии жили токуз-огузы и уйгуры; вполне естественно, что эти едва ли не первые оседлые турки произошли от смешения турок с прежним оседлым населением. Замечательно, что уже владетель басмылов носил тот же титул (идикут), как впоследствии уйгурский владетель той же местности. Даже об уйгурах Махмуд Кашгарский говорит, что у них кроме чисто турецкого языка был еще другой, на котором они говорили между собой. От языка чистых турок отличался и тогда, как теперь, своими фонетическими особенностями язык отуреченного оседлого населения. Отуреченное сельское население Кашгарии называлось тогда кенджеками; это название не встречается ни в каких других источниках. Отмечаются некоторые особенности языка области Аргу, простиравшейся от Сайрама до Баласагуна. Основателями городов и селений в этой местности были согдийцы, которые у Махмуда Кашгарского, как в орхонских надписях, называются согдаками; эти согдийцы в то время

еще не вполне забыли свой язык; даже в Баласагуне говорили не только по-турецки, но и по-согдийски.

У Махмуда Кашгарского несколько раз упоминается река Итиль (Волга), даже приводятся стихи, в которых описывается Итиль, но его сведения о народах волжского бассейна скучны. Хазары не упоминаются совсем; из других источников известно, что ударами врагов хазарское царство было ослаблено в X в. и окончательно со-круshено в начале XI в. Волжские болгары сохранили свое значение до монгольского нашествия. Махмуд Кашгарский считает их турками и сближает их язык с печенежским. Вместе с болгарами упоминаются, как часть болгар, сувары; подобно слову *болгар*, слово *сувар* было в одно и то же время названием народности и названием города; известно, что развалины города Сувара сохранились до сих пор верстах в 50 от развалин Болгара. Существует мнение, что слово *чуваш* есть лингвистически правильное видоизменение слова *сувар*³. По Махмуду Кашгарскому, город Сувар носил также название Саксин; это известие стоит совершенно одиноко; по более поздним источникам, Саксин находился гораздо южнее, вероятнее всего при устье Волги.

Махмуд Кашгарский приводит довольно много сведений об отдельных турецких наречиях; из этих сведений видно, что уже тогда существовали лингвистические особенности,ственные той группе турецких народностей, которую академик Радлов называл западной; главным народом этой группы являются казаки. Говорится об употреблении *дж* вместо *ј* в начале слова у огузов и кипчаков, об употреблении *ш* вместо *ч* у ягма, тухси, кипчаков и ябаку. Огузам и кипчакам приписываются и такие фонетические черты, которые теперь составляют особенность наречий южной группы (туркменского и переднеазиатских): замена звука *м* звуком *б*, звука *т* звуком *д*. У огузов, кипчаков и особенно халаджей (раньше других турок, не позднее начала X в., перешедших через Амударью в пределы Ирана) отмечается замена звука *к* звуком *х*, что теперь составляет особенность азербайджанского наречия.

Из немусульманских турок политическое целое составляли в то время, по-видимому, только уйгуры. Махмуд Кашгарский приводит титул уйгурского хана, но не современного ему (о нем говорится в прошедшем времени). Мы видели, что Махмуд Кашгарский еще не говорит о несомненно происходившем уже в его время движении кипчаков, которым было суждено занять огромное пространство. На Сырдарье он еще помещает огузов и назы-

¹ Ср.: Ковалевский. Чуваши и булгары. С. 13—14, 10—21, 49; Каховский. Происхождение чувашского народа. С. 365—366.

ваёт город Сугнак (ныне развалины Сунак-курган) огузским городом; впоследствии, в XII в., мы видим здесь кипчаков, вместе с которыми упоминается народ канглы; у Махмуда Кашгарского этого слова, как названия народа, еще нет; слово *канглы* есть, по его словам, “имя (может быть, титул) великого человека из кипчаков”. На западе кипчаки, как известно, носящие в русских летописях название “половцы”, совершенно вытеснили из Южной России печенегов и огузов. Во время этих передвижений кипчаки, насколько известно, не находились под властью сильной династии, как огузы во время завоевания Передней Азии и основания империи Сельджукидов или монголы во время образования империи Чингисхана. Были отдельные кипчакские ханы, но хана всех кипчаков никогда не было.

Даже на Сырдарье, по соседству с Хорезмом, кипчаки до конца XII в. не были мусульманами; вообще ислам до монгольского нашествия еще не был религией большинства турок и был мало распространен за пределами государств Карабанидов и Сельджукидов.

В государстве Карабанидов арабским алфавитом только постепенно вытеснялся уйгурский (о существовании орхонского алфавита Махмуд Кашгарский уже ничего не знал). От Махмуда Кашгарского мы узнаем, что уже в его время у турок-мусульман была значительная поэзия на своем языке, потом исчезнувшая почти бесследно; главным литературным центром был Кашгар, столица Карабанидов. Ни один источник, не исключая Махмуда Кашгарского, не говорит, из какой именно турецкой народности вышла эта династия; везде Карабаниды и их народ называются только турками. Сельджукиды более сознавали свою связь с огузским или туркменским народом, но для них имели еще меньше значения турецкие традиции в области культуры; нет следа употребления в их государстве другого алфавита, кроме арабского; из всех их областей только в Хорезме, где в XII в. из сельджукских наместников вышла особая турецкая династия хорезмшахов, и по соседству с ним, на Сырдарье, происходила литературная деятельность на турецком языке.

Соперниками ислама среди турок были буддизм и христианство (ясных доказательств, чтобы в эпоху Махмуда Кашгарского где-нибудь еще сохранилось манихейство, мы не имеем). Кипчаки кроме мусульманской культуры подвергались влиянию христианской; в Южной России христиане среди кипчаков упоминаются еще в XIV в. Среди уйголов, по-видимому, преобладал буд-

дизм, но были и христиане. В XII в., около 1125 г., государство китаев, или, как их называли турки-мусульмане, каракитаев, в Северном Китае было уничтожено народом северного происхождения, чжурчжэнами; часть китаев перешла на запад, где им удалось в 1141 г. нанести поражение около Самарканда главе Сельджукидов, султану Санджару, и основать империю, простиравшуюся от области уйголов до Каспийского моря. Точных сведений о религиозных верованиях китаев мы не имеем; во всяком случае они не приняли ислама. Существенных последствий ни в этнографическом, ни в культурном отношении это продвижение на запад монгольского элемента и китайской культуры, по-видимому, не имело; мусульманская культура сохраняла свое первенство; министром последнего государства из китаев был мусульманский купец. Возникшее в Туркестане и поддержанное хорезмшахами восстание мусульман против владычества неверных не привело к ожидавшимся результатам; поражением китаев воспользовался другой монгольский народ, найманы, вытесненный в то время из Монголии победами Чингисхана. Предводитель найманов, Кучлук, был христианином и потом совратился в язычество, вероятно в буддизм; в Кашгарии им было начато гонение против ислама, причем старались заставить мусульман принять буддизм или христианство. Этому гонению положило конец только в 1218 г. уничтожение государства Кучлука Чингисханом.

Христианство вообще в то время, может быть, при участии уйголов, получило широкое распространение в Монголии. Кроме западных монголов, найманов, христианами были керакты на Толе и даже южные монголы, онгуты, у китайской Великой стены. Несомненно, что главными представителями торговли и распространителями культуры среди монголов были мусульмане; в орде Чингисхана были мусульманские купцы еще до его выступления из Восточной Монголии, но, как в Китае, так и в Монголии, успехи мусульманской торговли и культуры в то время не были связаны с успехом мусульманской религиозной пропаганды.

Азии. Самому монгольскому народу эти завоевания совершенно не были нужны, и он не извлек из них никаких выгод. Огромное большинство монголов вернулось в Монголию; оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность. Как перед походами Чингисхана, так и теперь местностью, где монгольский элемент сталкивается с турецким, является область истоков Енисея. Единственные потомки монголов Чингисхана, до сих пор сохранившие свой язык, — небольшое число монголов в пределах Афганистана; калмыцкое, или ойратское, движение произошло гораздо позже и не имело к Монгольской империи никакого отношения.

Монгольские завоевания имели больше влияния на судьбы турок, чем на судьбы монголов. Языком государств, образованных монголами к западу от Монголии, постепенно сделался турецкий. Кроме отдельных небольших княжеств под властью династии Чингисхана находились три великие державы — в Средней Азии, в Южной России и в Персии; везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента; последствием монгольского происхождения династии и окружавших ее военных отрядов было образование турецких родов, племен и целых народностей с монгольскими названиями. Название монгол, или могол (так в Средней Азии всегда произносилось слово монгол и так до сих пор называют себя афганские монголы), дольше всего держалось в Средней Азии, где преобладание в государстве, после некоторых колебаний, осталось за потомками второго сына Чингисхана Чагатая. После распадения чагатайского государства на две части, западную и восточную, название Чагатай осталось за западной частью, где преобладал турецкий элемент, и чагатайским стал называться образовавшийся в Средней Азии турецкий литературный язык, хотя в то время, в XIV в. и после, государственная власть уже не принадлежала потомкам Чагатая. За кочевым населением восточной части осталось название могол, за страной — название Моголистан, хотя именно там оставались ханы из потомков Чагатая, действительных или мнимых. Названия могол и Моголистан продолжали употребляться и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка, и исчезли только после падения монгольской династии в конце XVII века. В Южной России, или в Золотой Орде, где правили потомки старшего сына Чингисхана, Джучи, по-видимому, раньше произошло отуречивание монголов: образовались турецкие народности с именами монгольских ханов — Узбека (при котором в этой части монголь-

ской империи окончательно утвердился ислам) и Ногая. Слово *узбек*, как народное название, впоследствии, в XV в., перестало употребляться в Южной России и осталось только за одной из среднеазиатских областей, с центром на Сырдарье, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека. Чагатайское государство, достигшее высшего могущества при Тимуре (1370—1405), при потомках Тимура было завоевано узбеками; изгнанные из Туркестана потомки Тимура образовали для себя новое государство в Индии, куда перенесли и термин Чагатай. После этого границей между “Узбекистаном” и “Моголистаном” считалось озеро Балхаш. От узбеков в том же XV в. отделились казаки [казахи], восставшие против хана Абулхайра и за это получившие свое название. Казаком тогда называли человека, отделившегося от своего рода и племени, в том числе члена династии, потерпевшего неудачу в борьбе за престол, но не отказавшегося от своих прав и во главе шайки приверженцев пользовавшегося каждым случаем для нападения на своих счастливых соперников. Несмотря на такое происхождение, казаки, подобно узбекам, имели своих ханов из рода Чингисхана; уже в начале XVI в. между казаками и узбеками, несмотря на близкое родство между ними, была ожесточенная вражда.

Слово *ногай*, как народное название, сначала встречается только в русских источниках; в восточных источниках ногаи называются мангытами, по имени одной из народностей монгольского происхождения, некогда жившей в Восточной Азии. В XVI в. центром ногаев, или мангытов, была местность по нижнему течению Яика, или Урала; впоследствии мы видим их в северной части Крыма, к северу от Кавказа и в Туркестане. Теперь казаки и узбеки называют ногаями волжских татар; неизвестно, когда слово *ногай* стало употребляться в этом смысле. Название татар, как прежде называли всех монголов одинаково в Китае, в мусульманском мире и в России, удержалось в России для обозначения турецкого населения Крыма, приволжских областей и Сибири (Тобольского края). Насколько известно, сами себя называли татарами только крымские турки, потом упорнее других отвергавшие это название, официально принятое для себя теперь, после некоторых колебаний, приволжскими турками. Неизвестно, можно ли установить какие-нибудь общие признаки татарской нации, лингвистические или этнографические, по сравнению с другими турецкими народностями.

Медленнее всего, по-видимому, происходило отуречивание монголов в Иране; персидское монгольское госу-

дарство было единственным, где делались попытки создать переводную литературу на монгольском языке. Кроме сохранивших до сих пор свой язык монголов на юго-востоке, в Афганистане, монголы, по-видимому, долго оставались и на северо-западе; есть известие, что кайтаки в Дагестане, говорящие теперь на лезгинском наречии, еще в XVII в. говорили по-монгольски. Тем не менее и здесь в эпоху монгольского владычества усилился турецкий элемент. Только теперь Азербайджан и области к северу от него до Кавказа окончательно сделались турецкими; в до-монгольскую эпоху, например, нет известий о турецком языке в Дербенте, где долгое время оставалось арабское население. Турки подходили к Кавказу не только с юга, но и с севера; кроме ногаев из отурченных лезгин образовалась народность кумыков. Рядом с этими народностями, образовавшимися в послемонгольский период, существуют другие, как балкары и карачаевцы, язык которых обнаруживает следы более древнего происхождения и сближается с кипчакским. Слово *кипчак* как народное название совершенно исчезло, но сохранилось в названии многих новых турецких народностей, в том числе и казаков, ядро которых составляли кипчаки.

Победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры. Уже в XIV в. ислам был государственной религией на всем пространстве, захваченном монголами, от Южной России до границ Монголии и Китая. Мусульманскими были и все государственные образования последующего времени, ханства Крымское, Казанское и Астраханское в Южной России, ханства казацкое, узбецкое и другие в Средней Азии. На Волге и Яике ислам утвердился такочно, что впоследствии мог распространяться в нынешних киргизских (или казацких) степях не только с юга, но и с севера. Вне сферы распространения ислама, кроме занимающих и в лингвистическом отношении особое положение чувашей и якутов, остались только народности Алтая и бассейна Енисея, где происходил не вполне законченный и до сих пор процесс отуречения самоедов.

В рассказах о войнах между казаками, узбеками и монголами в начале XVI в. впервые упоминаются в Джетысуйской области [Семиречье] киргизы, если не считать известия рукописи Туманского о действиях киргизов в северной Кашгарии. Потерпевший поражение от узбеков Ахмед-хан могольский умер зимой 1503/04 г. в Аксу; один из его сыновей, Султан-Халиль, ушел к киргизам, которые поставили его во главе своего народа. Его управление продолжалось только несколько лет, после

чего киргизы подчинились сначала Абу Бекру дуглатскому, долгое время (1480—1514) владевшему Кашгарией (дуглаты были народом монгольского происхождения, остатки которого потом вошли в состав монголов, чагатаев, узбеков и казаков), потом Султан-Са'ид-хану монгольскому, брату Султан-Халиля, завоевавшему Кашгарию, потом Тахир-хану казацкому, появившемуся в южной части Джетысуйской области в 1524 г. Часть киргизов, не успевшая присоединиться к Тахиру, была уведена моголами на Атбаш; в 1526 г. моголы покинули Джетысуюскую область и увели с собой 100 000 киргизских баранов, вследствие чего этот поход получил название “бараний”, как в XIX в. было названо “баранным делом” дело 5 апреля 1866 г. при Мурзарабате, когда захваченные ген. Романовским стада баранов должны были служить доказательством его победы над войском бухарского эмира. Весной 1527 г. на Атбаш пришел Тахир и увел оттуда киргизов вместе с оставленными Султан-Са'ид-ханом табунами. Этим было положено начало политическому объединению киргизов с казаками, продолжавшемуся всего около 30 лет.

Историк того времени Мухаммед-Хайдер дуглатский ничего не говорит о том, когда и откуда пришли киргизы в ту местность, где они жили в начале XVI века. По его словам, киргизы были одним и тем же народом с моголами; главное различие между ними заключалось в том, что моголы приняли ислам, киргизы оставались кафира-ми. Уже этот один факт заставляет сомневаться в том, чтобы киргизы могли жить в Джетысуйской области непрерывно с того времени, к которому относятся известия рукописи Туманского. Ислам окончательно утвердился среди моголов при Мухаммед-хане, умершем в 1416 г.; этот хан насильно заставлял своих подданных носить чалму; непослушным вбивались в голову гвозди. Мухаммед-хан действовал и в южной части Джетысуйской области, где им было выстроено известное здание Таш-Рабат. Трудно допустить, чтобы киргизы могли уклониться от принятия ислама, если бы они уже в то время жили в этой местности. До нас дошли подробные описания походов в Джетысуюскую область Тимура в конце XIV в. и его внука Улугбека в 1425 г.; в этих рассказах о киргизах нет ни слова, так что становится очень вероятным, что их прибытие должно быть отнесено к более позднему времени. Возможно, что переселение части киргизов с берегов Енисея в южную часть Джетысуйской области находилось в связи с первым движением на запад ойратов, или калмыков (термин калмык, или кал-

мак, каково бы ни было его происхождение, употребляется мусульманскими авторами в несколько более обширном значении, чем термин ойрат). Ойраты первоначально жили около истоков Енисея, следовательно, были близкими соседями киргизов; походы их на Моголистан начались в 1420-х годах и были прерваны в 1470-х годах, когда калмыки очистили Моголистан и вернулись в свою страну. Возможно, что принимавшие участие в этом движении киргизы поселились в то время в южной части Моголистана, в горах Тянь-Шань¹.

Совершенно чуждыми исламу киргизы, вопреки словам Мухаммед-Хайдера, уже в начале XVI в. не были; киргиз, поставленный Султан-Са'ид-ханом во главе киргизского народа, носил имя Мухаммед. Сближение с казаками должно было содействовать укреплению ислама; тем не менее османский автор Сейфи, писавший о Средней Азии в 1582 г., говорит о киргизах только, что они “не кафиры и не мусульмане”. Даже и те киргизы, которые зимой 1635/36 г. пришли в Карагачин, по словам рассказывающего об этом событии историка, не были мусульманами, и их предводители только потом приняли ислам. Известно, что в XIX в. киргизы были мусульманами только по имени и почти совсем не были знакомы с обрядами ислама.

Борьба монголов с казаками за обладание южной частью Джетысуйской области велась с переменным счастьем. Союзниками монголов часто были узбеки. Особенно тяжелое поражение было нанесено казакам в 1537 или 1538 г., причем погибло 37 сultanov, вместе с ханом Тугумом, братом Тахира; Мухаммед-Хайдер, писавший в 1543 или 1544 г., говорит о полном уничтожении казацкого народа. Вскоре после этого, без точного обозначения времени, говорится о поражении монголов в битве с Хакк-Назаром, “ханом казацким и киргизским”; потом тот же Хакк-Назар-хан пал в битве с монголами, причем мы находим об этой битве в различных источниках совершенно противоречивые известия. По двум источникам, во главе казаков был Хакк-Назар-хан, однако, по одному источнику, местом битвы было селение Артыш в Кашгарии, по другому — река Эмиль в северной части Джетысуйской области. В третьем источнике местом битвы назван берег озера Иссык-Куль, предводителем казаков — Буйдаш-хан, брат Тахира; еще по другому источнику, Буйдаш погиб в 1559 или 1560 г., во время нашествия на Туркестан. Несколько источников согласны между собой в том, что в битве, окончившейся гибелю Хакк-Назар-хана, казаки потеряли не-

¹ Иную интерпретацию сообщения Мухаммеда-Хайдера и оценку этнических связей монголов с киргизами дает В.П.Юдин.

сколько знамен, и после этого они в своих сражениях знамен больше не употребляли.

По-видимому, ни казаки, ни киргизы не были надолго ослаблены этим поражением; по словам англичанина Дженкинсона, бывшего в Туркестане в 1558 г., казаки в то время снова угрожали Ташкенту, киргизы — Кашгару. Из этих слов можно заключить, что со смертью Хакк-Назар-хана политическое объединение киргизов с казаками прекратилось; по-видимому, оно больше не возобновлялось. Сейфи говорит о киргизах как об отдельном народе, жившем в труднодоступных горах; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи в глубь гор, а сами защищали горные проходы. Царей (ханов) у киргизов не было, были только беки, которых называли кашка; тот же титул мы находим потом у калмыков. Как при Дженкинсоне, так и потом казаки воевали преимущественно с узбеками, киргизы — с моголами. В XVII и в первой половине XVIII в. те и другие терпели поражение от калмыков, или ойратов, вновь двинувшихся на запад и образовавших сильное кочевое государство, последнее в истории Средней Азии, с центром в долине реки Или. Калмыки — единственный народ, имевший дело в одно и то же время с обеими ветвями киргизского народа, енисейской и тяньшаньской. Насколько известно, киргизы одной ветви не знали о существовании другой; нет также документов, в которых самими калмыками или приезжавшими в их страну людьми упоминалось бы о делении киргизов на две ветви и приводилось бы сравнение между ними. Как в Южной Сибири, так и в Туркестане интересы калмыков сталкивались с интересами России; поэтому мы находим некоторые сведения о енисейских киргизах и о казаках, впоследствии также о тяньшаньских киргизах, в русских источниках.

5

Через некоторое время после утраты енисейскими киргизами великодержавного значения прекратилось и политическое единство киргизского народа; монгольские завоеватели уже не застали киргизских ханов. Киргизы были окончательно покорены в 1218 г. старшим сыном Чингисхана Джучи; после передвижения удела Джучи на запад страна киргизов вошла в состав удела потомков младшего сына Чингисхана Тулуя, местопребывание которых было сначала на Орхоне, потом в Пекине. Страна киргизов в то время еще посещалась торговцами и про-

мышленниками; культурное состояние ее было выше, чем в эпоху киргизского великодержавия; говорится о большом числе городов и селений. Никаких сведений о жизни енисейских киргизов в XV и XVI вв., по-видимому, не имеется; киргизы снова упоминаются только в XVII в., в связи с действиями русских в Южной Сибири. В 1604 г. был основан город Томск; уже в 1606 г. туда пришли для переговоров с русскими представители киргизов. Русские уже не застали на Енисее никакой оседлой культуры; не было даже земледелия; средства к жизни добывались только охотой и скотоводством. Было четыре киргизских княжества: Тубинское (на реке Тубе, в Красноярском уезде, и по левую сторону Енисея до Абакана), Езерское (по левую сторону Енисея от Абакана до Батеневского горного кряжа), Алтырское (от Езерского к западу и юго-западу) и Алтысарское (от Езерского к востоку и северо-востоку). Первые русские известия говорят об одном из князей как о главе всей киргизской земли; по-видимому, это был князь алтырский. Ниже всего был уровень благосостояния Тубинского княжества; у тубинцев не было ни коров, ни овец, были только лошади и олени.

Кроме киргизов, русские на Енисее имели дело с туэтами в Западной Монголии, глава которых носил титул Алтан-хан, впоследствии с калмыками; киргизы, в зависимости от обстоятельств, переходили то на сторону одного, то на сторону другого народа. После неудачи первых переговоров с русскими, вследствие корыстолюбия и притязаний русских воевод, киргизы были склонны подчиниться Алтан-хану; но в 1616 г. сам Алтан-хан вступил в сношения с русскими, отверг просьбу киргизов о помощи и даже принял на себя перед русскими обязательство усмирять беспокойных киргизов. В 1620 г. в Тобольск (тогда главный город Сибири) и оттуда в Москву вместе с послами Алтан-хана прибыли послы киргизов с дарами. В 1620-х годах положение Алтан-хана укрепилось вследствие его побед над калмыками; он прервал переговоры с русскими и согласился принять киргизов в свое подданство; киргизы могли возобновить набеги на русские пределы. В 1630-х годах в борьбе между Алтан-ханом и калмыками счастье перешло на сторону последних; сам Алтан-хан в 1634 г. перешел через Саянские горы и прибыл на Енисей и Абакан, где принял русское подданство. Часть киргизов перешла на сторону калмыков; в начале 1640-х годов глава калмыков Батур, принявший титул хун-тайчжи (у русских “контайша”), называл киргизов своими подданными; вскоре после

этого оправившийся Алтан-хан вновь обложил киргизов данью и в 1652 г. предпринял против них поход; на этот раз киргизы обратились с просьбой о помощи к русским в Красноярск. Самое благоприятное для русских положение создалось в 1660-х годах; в 1666 г. сам хун-тайчжи Сэнгэ принял русское подданство; но скоро положение изменилось в пользу калмыков, которыми был побежден и взят в плен сын и преемник Алтан-хана Лочжан. Киргизы подчинились калмыкам, сначала Сэнгэ, потом его брату и преемнику Галдану.

В 1660-х годах в первый и последний раз появилась сильная личность среди самих киргизов, Иренак, из рода алтысарских князей. По выражению русского историка, автора книги “Хакасы” профессора Козьмина, Иренак “свыше 20 лет (он умер в средине или во второй половине 1680-х годов) был грозою Красноярска, Ачинска, Кузнецка, Томска, Канска и даже Енисейска и Удинска” (Нижнеудинска). Самостоятельно действовать он не мог, он считался подданным сначала Лочжана, потом калмыков. Галдан старался, но без успеха, создать такое положение, чтобы ни русские воеводы из Красноярска и Тюмени не беспокоили киргизов, ни киргизы не совершали набегов на русские земли. Иренак сносился с русскими и непосредственно, отправлял в Москву и принимал у себя русские посольства. Собственной грамоты у киргизов не было, и документы писались Иренаком на калмыцком языке, хотя сами калмыки, по примеру русских, иногда прибегали к татарскому языку, иногда даже к персидскому. Русские в переписке с калмыками в первый раз прибегали к калмыцкому языку вместо татарского в 1696 г.

По выражению русского историка XVIII в. Г.Ф.Миллера, “киргизов, сколько в том старания с российской стороны ни прилагалось, совершенно покорить не могли”. Русских избавили от киргизов калмыки; осенью 1703 г. до русских дошло известие, что “приехали 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз к себе загнали всех, и ныне в киргизской землице киргиз никого нет”. Г.Ф.Миллер полагал, что киргизы тогда “совсем из Сибири убрались”. Было высказано мнение, что в действительности была уведена только небольшая часть киргизов, с князьями и аристократией, и даже из той части многие вернулись, так что состав населения не изменился, исчезло только название киргиз. Однако в преданиях самого населения о киргизах говорится как об исчезнувшем сильном народе. Один из туземных исследователей, покойный С.Д.Майнагашев, записал на своей родине

стихи: “В сорока славных котловинах есть ли котловина, где бы не лежали кости киргиза? В сорока березах, растущих на хребте, есть ли береза, которой бы не коснулся топор киргиза?”

О судьбе уведенных калмыками киргизов точных сведений нет. Прежде полагали, что их потомками являются тяньшаньские киргизы; но теперь мы знаем, что киргизы жили около гор Тянь-Шань гораздо раньше. Нет никаких оснований полагать, чтобы калмыки поселили киргизов, уведенных ими с Енисея, в стране их со-племенников. Часть бывших енисейских киргизов появилась в 1746 г. на Иртыше, близ русской пограничной крепости Усть-Каменогорск.

Вся страна между владениями тяньшаньских и енисейских киргизов была в то время занята казаками. Этим объясняется, почему калмыки, имевшие сношения с киргизами раньше, чем с казаками, и называвшие киргизов бурутами, перенесли это название и на казаков и создали термин казак-бурут, в русской передаче “казак-киргиз”, или “киргиз-казак”. Обыкновенно такое перенесение названия киргизов на казаков приписывалось русским; Г.Ф.Миллер говорит, что впервые встретил его в “СПб. ведомостях” за 1734 г.; между тем термин “киргиз-казаки” встречается уже в переводе донесения калмыцкого посла Борокургана канцлеру графу Головкину 7 сентября 1721 г. Русские знали казаков гораздо раньше, чем киргизов, и уже поэтому маловероятно, чтобы они по собственному почину назвали казаков киргизами. Более правдоподобно, что это было сделано под влиянием калмыков.

Сношения русских с казаками начались тотчас после завоевания русскими Сибири. В то время продолжались войны между узбеками и казаками; узбеками в XVI в. были образованы в Туркестане два ханства, Бухарское и Хорезмское, или Ургенчское, впоследствии называвшееся Хивинским. Могущество узбеков достигло высшей степени во второй половине XVI в., во время царствования Абдулла-хана бухарского, которому удалось подчинить себе и Хорезм и образовать сильное государство, в состав которого входил и Хорасан. Абдулла-хан совершил несколько походов на север, против казаков, причем доходил до Улуг-тага (гора Улутау, близ которой теперь город Улутау в Акмолинской области); эти походы сопровождались страшным кровопролитием, о чём говорится и в надписи на скале в Джизакском [Джиланутинском] ущелье, сделанной после одного из этих походов в 1571 или 1572 г.¹ Тем не менее сила казаков не была сломлена; еще до смерти Абдулла-хана казацкий хан Тевекель совер-

¹ Дата ошибочна; поход относится к первой половине 1582 г.

шил нашествие на узбецкое государство, причем доходил до Самарканда. Тот же хан в 1594 г. отправил посла в Москву, предлагая свое подданство царю Феодору; в деле об этом Тевеккель назван "царем казацким и калмыцким", из чего можно заключить, что ему подчинялись и некоторые калмыцкие роды.

Вскоре после смерти Абдулла-хана (1598) прекратилось и господство династии первых узбецких завоевателей Туркестана, потомков Абулхайра; следующая династия, правившая в Бухаре (Джаниды, или Аштарханиды), располагала гораздо меньшими силами, и ей было еще труднее выдерживать борьбу с казаками. Большею частью в руках казацких ханов находились как Ташкент и другие города по среднему течению Сырдарьи, так и Фергана; иногда эти казацкие владения номинально признавали себя вассалами узбецких ханов. В конце XVII в. уже существовало деление казацкого народа на 3 орды: Большую (восточную), Среднюю и Малую (западную); все три орды были еще объединены под властью хана Тявки, считавшегося законодателем своего народа и имевшего в каждой орде своего представителя. Тявка принимал в городе Туркестане в 1694 г. русское посольство, в 1698-м калмыцкое. В 1717 г. безуспешно велись переговоры о подчинении всех трех орд Петру Великому. В 1723 г. казакам был нанесен сокрушительный удар калмыками, взявшими города Сайрам, Ташкент и Туркестан. После этого произошло сначала объединение всех казаков под властью хана Малой орды Абулхайра, потом принятие Абулхайром и всеми казаками русского подданства; но ни тот, ни другой факт не имели реального значения.

Несколько раньше, в 1721 г., русскому правительству предлагали свое подданство сами калмыки, под влиянием опасности, угрожающей им со стороны китайского императора Канси (1662—1722); но после смерти Канси эта опасность считалась устранимой; переговоры о подданстве прекратились, и калмыки достигли в Средней Азии высшей степени своего могущества. Из Джетысуйской области были совершенно вытеснены как казаки, так и киргизы. Один из последних монгольских владетелей Кашгарии Абдулла-хан (1638—1670) в начале своего царствования еще имел дело в южной части Джетысуйской области с киргизами; при описании его последующих походов на Атбаш и Аксай упоминаются только калмыки; киргизов больше не было. Капитан Унковский, ездивший в 1722 г. послом от Петра к калмыкам на Или и оттуда в 1723 г. на Тюп и Джарга-

лан, еще говорит, что “буруты” кочуют около озера Иссык-Куль и “с казачьем ордою граничат”. На так называемой карте Рената (в действительности, как теперь доказано, представляющей копию карты, полученной шведским пленным Ренатом от калмыков, у которых он пробыл с 1716 до 1733 г.) буруты помещены только в Фергане, к югу от Сырдарьи; из других источников известно, что часть киргизов ушла в Кашгарию.

Положение изменилось после уничтожения калмыцкого государства китайцами в 1756—1758 гг. Джетусыйская область вновь была занята казаками и киргизами; замечательно, что у киргизов сохранилась память только о движении из Ферганы в эту область; народ совершенно не помнит ни о том, что это движение было только возвращением на старое место, ни вообще о более ранних передвижениях и считает Фергану своей родиной. Как Джетусуйская область, так и некоторые другие сделались предметом спора между империями Российской и Китайской, впоследствии поделившими между собой всю Среднюю Азию с явной выгодой в пользу России. Соперников у этих держав не могло быть. Несколько раньше, в 1740 г., в Туркестане утвердил свою верховную власть последний крупный завоеватель, вышедший из Персии, Надир-шах, но после его смерти (1747) ни о каком возрождении персидского могущества не могло быть и речи. Значение походов Надир-шаха, по-видимому, заключается только в том, что они ознакомили среднеазиатцев, особенно узбеков, с западным военным искусством и таким образом способствовали укреплению узбецкой государственности.

6

В начале XVII в. государственная власть на всем протяжении от Каспийского моря до границ собственного Китая еще находилась в руках турецких народностей, воевавших между собой; только на крайнем западе, в Туркмении и Хорезме, приходилось считаться с притязаниями усилившейся в то время династии Сефевидов в Персии. Первый более решительный удар извне последовал с востока, со стороны калмыков; под власть сначала калмыков, затем китайцев перешла Кашгария вместе с соседними степями. С последних лет XVII в., в царствование Петра Великого, начинается более последовательная политика России, хотя вначале не особенно успешная. Даже на границе между Сибирью и Средней Азией Рос-

сия в XVIII в. ограничилась устройством укрепленной линии от устья Яика вверх по этой реке, оттуда к Тоболу, Ишиму и Иртышу и вверх по Иртышу до Усть-Каменогорска. Еще в 1830-х годах была речь о дальнейшем усовершенствовании этой оборонительной линии на границе со степью. Попытка привести в русское подданство узбецкие ханства не имела успеха, хотя эти ханства переживали в то время период крайней политической слабости. В противоположность сильной власти, установленной, хотя и крайне жестокими средствами, в XVI в. Абдулла-ханом, мы с XVII в. видим усиление узбецкой родовой аристократии в ущерб ханской власти; главари отдельных родов становятся самостоятельными, иногда наследственными правителями отдельных областей, только номинально признавая над собой власть ханов, правивших в Бухаре. В Хорезме ханская власть в XVIII в. потеряла всякое значение; за немногими исключениями ханы были только подставными лицами. Людям не ханского происхождения, в руках которых была фактическая власть, для удовлетворения требования формальной законности было необходимо иметь при себе мнимых ханов из потомков Чингисхана. Такие лица иногда приглашались из степи, обыкновенно занимали престол только короткое время, отсылались обратно (иногда они уходили сами) и заменялись другими.

Узбецкие родовые деления не были постоянной величиной. Сперва как в Бухарском, так и Хивинском ханстве считалось всего 32 рода; из них главными признавались обыкновенно четыре, иногда только три, причем в различных источниках приводятся различные названия. Возникали и новообразования, как показывают названия *ети урук* (семь родов), *онг* и *сол* (правые и левые) и т.п. В отдельных областях главарям отдельных родов удавалось утвердить свою власть на долгое время; сюда относится род *кенегес* в Шахрисябзе и в особенности род *катаган* в северной части Афганистана. В 30-х и 40-х годах XIX в. Мурад-бек катаганский управлял из Кундуза целым государством, в состав которого входили области по обе стороны Амударьи; название Катаган сохранилось до сих пор за соответствующей провинцией Афганистана. Родовые деления постепенно становились более мелкими, и число их увеличивалось; со второй половины XVIII в. официальное число родов было уже не 32, а 92. Мы можем приблизительно установить, когда произошла эта перемена. В 1756 г., при вступлении на престол в Бухаре первого хана из династии Мангытов, Мухаммед-Рахима, еще считалось 32 рода; преемник Му-

хаммед-Рахима, атальк (ханского титула он не носил) Даниял-бий, в 1781 г. говорил русскому посланцу Бекчурину о 92 родах.

Благосостояние Туркестана разрушилось в XVIII в., во-первых, междуусобной борьбой среди узбецких родов; особенное значение имела борьба между мангытами и кунгратами, причем мангыты одержали верх в Бухаре, кунграты в Хиве, вследствие чего возникли ханские династии; во-вторых, происходила борьба между узбеками и образовавшейся в период узбецкого владычества замкнутой аристократией ходжей, считавшихся потомками пророка. Помимо долговременного господства династий ходжей в Кашгарии ходжам удавалось на короткое время отнимать власть в Туркестане у узбеков и казаков, например в Фергане и Ташкенте. Ходжи не причисляли себя ни к узбекам, ни к таджикам, ни к сартам. Слово *сарт* в доузбецкий период противополагалось слову *турок*, как название иранцев; при узбеках сартами, в противоположность узбекам, сначала в Хиве, потом также в Фергане, где в борьбе с ходжами узбеки образовали новую ханскую династию, стали называть прежнее оседлое население завоеванных узбеками областей. В Хиве деление жителей на узбеков и сартов имело и политическое значение; в Фергане политическими противниками сартов были в XIX в. кипчаки, считавшиеся одним из узбецких родов, но, по всей вероятности, среди них были казаки, и впоследствии они теснее примыкали к казакам и киргизам, чем к узбекам. По мере перехода узбеков к оседлости бытовые различия между сартом и узбеком теряли значение, и в этом отношении сарту чаще стали противополагать казака.

Наконец, культурные земли в XVIII в. при ослаблении государственной власти стали разоряться набегами кочевников, особенно казаков и туркмен. В Хорезме подверглась полному разорению даже столица, Хива; в Бухарском ханстве столица сохраняла свое значение, но был совершенно разорен и на некоторое время даже перестал существовать Самарканд.

Совершенно иную картину представляет политическая жизнь Туркестана в XIX веке. Кунграты в Хиве, Мангыты в Бухаре и Минги в Коканде создали сравнительно сильную государственную власть и в общем успешно вели борьбу как с узбецкой родовой аристократией, так и с соседними кочевниками. Хивинцами и кокандцами строились крепости в степях, чтобы держать в подчинении казаков и киргизов и заставлять их платить дань. Вследствие этого в борьбе между узбецкими ханствами и Россией ка-

заки и киргизы большею частью принимали сторону России и пользовались русскими победами для разрушения хивинских и кокандских крепостей.

Договоры о подданстве, заключенные русскими с кочевниками при Петре Великом и после, большею частью имели целью только обеспечение интересов русской торговли. В числе договоров, заключенных при Петре, был и договор с народом, история которого до сих пор менее всего выяснена, — каракалпаками. Говорится о поездке в ставку каракалпакского хана дворянина Вершинина и о заключении там договора в сентябре 1722 г.; но при этом не сообщается никаких географических подробностей. Совершенно неизвестно, можно ли сблизить современных каракалпаков с “черными клубками” средневековых русских летописей. По-видимому, каракалпаки жили в начале XVIII в. западнее, чем теперь, т. е. говорится о соглашении между ними и башкирами и о вражде между ними и волжскими калмыками из-за пастбищ. Каракалпаки упоминаются и в XVII в. в рассказах о сношениях русских с казацким ханом Тявкой. Калмыки в сношениях с русскими еще называли ногаев мангытами. Замечательны переговоры 1745—1746 гг. с туркменами, выражавшими желание вступить в русское подданство; исполнение этой просьбы было признано несвоевременным; туркменам был дан ответ, что они должны заслужить эту милость “через безобидную с астраханскими купцами торговлю, через пропуск и вспоможение проезжающих от Мангышлака с товарами в Хиву и Бухару и через всегдашнее возвращение российских пленных”. Известно, что пленные русские попадали на невольничьи рынки Средней Азии благодаря набегам туркмен и казаков и захвату ими отдельных лиц.

Важнее всего были для России сношения с казаками, соседями России на всем пространстве от Яика до Иртыша. Ханов, которые бы владели всем этим пространством, в XVIII в. уже не было, но в отдельных местностях были ханы, располагавшие довольно значительной военной силой; самым могущественным из ханов XVIII в. был хан Средней орды Аблай (1771—1781), совершивший набеги на киргизов. Центром русских торговых сношений со степью, кроме построенного в 1740-х годах Оренбурга, были города на Иртыше, особенно Семипалатинск.

Русские сначала старались сделать ханов орудиями своей политики, потом способствовали уничтожению в степи ханской власти. Внешним выражением подчинения казаков русской власти было изданное в 1822 г. “Положение о сибирских киргизах” (известно, что так назы-

вали до последних лет казаков), оставившее, однако, управление в руках казацкой аристократии — султанов, считавшихся потомками Чингисхана. Тогда же была сделана попытка распространить положение о киргизах на настоящих киргизов, или кара-киргизов, которых русские уже тогда называли “дикокаменными”. Сношения этих киргизов с русскими начались несколько раньше; в 1814 г. киргиз Койчибек, сын кочевавшего около Иссык-Куля бия Ширали, был у сибирского генерал-губернатора Глазенапа (вероятно, в Тобольске) и получил “чин капитана, золотую медаль и саблю за содействие при проходе караванов”. Такие награды были даны некоторым киргизам после переговоров 1824—1825 гг. о распространении на киргизов положения 1822 г. Цель и в этом случае была не столько политическая, сколько торговая; одним из посредников при переговорах между русскими и киргизами был казанский татарин Файзулла Сейфуллин, приказчик семипалатинского купца Попова. Киргизских послов в 1825 г. проводил на Иссык-Куль отряд русских казаков, при котором был лекарь Зибберштейн, составивший после этого “Описание о дикокаменных киргизах”, которое представляло бы большой интерес; мне неизвестно, было ли оно когда-нибудь напечатано, и если нет, сохранилось ли в рукописи.

В дошедших до нас материалах ничего не говорится о манапах. В отличие от казаков, у киргизов не было ханов (по киргизскому преданию, первым и последним киргизским ханом был сын Чингисхана, Джучи, будто бы бывший тогда еще мальчиком и пропавший среди стада куланов). Манапы как главари отдельных киргизских родов и племен упоминаются впервые, насколько мне известно, в рассказе о событии 1847 г. — убийстве киргизами мятежного казацкого султана Кенисары Касимова. По сведениям, собранным русскими впоследствии, манапы были уже в XVIII в., сначала у племени сарыбагышей, в западной части прибрежья Иссык-Куля, потом и у других киргизов. Так назывались люди, “происходившие от целого ряда биев”, выделявшиеся “храбростью и щедростью”; “их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их”. Здесь говорится только о политическом и военном значении манапов; в действительности манапы, каково бы ни было их происхождение, сделались таким же аристократическим сословием, как султаны у киргизов и зайсаны у калмыков, и народные массы (бухара, т.е. арабское фукара, мн. ч. от *факир* “бедняк”; с названием города Бухара это слово не имеет ничего общего) находились от них в полной зависимости.

Подчинение киргизов русским происходило постепенно с 1830-х и до 1860-х годов, в связи с военным движением на юг и занятием сначала Семиреченского, а потом Заилийского края. В Семиреченском крае русские еще имели дело не с киргизами, а с казаками Большой орды; слово “Семиречье” было переводом с турецкого Джеты-су, но тогда распространялось не на всю область, потом получившую такое название, но только на часть ее к северу от Или. “Семь рек”, давшие название местности, определяются различно; река Или то включается в это число, то нет; было даже высказано мнение, что киргизы (казаки) перенесли на эту местность “представление о какой-то блаженной стране, по которой текут семь рек”.

Только после занятия Заилийского края русские получили более подробные сведения о настоящих, или “дикокаменных”, киргизах, о делении их на племена и роды и о бытовых условиях их жизни. Родовой строй имел для киргизов еще большее значение, чем для казаков; киргизы еще жили целыми родами, не распадавшимися, как у казаков, на отдельные небольшие аулы. Больше значения имели военные традиции; перед каждой юртой стояло копье. По той же причине киргизы, кроме ногаев, — единственный турецкий народ, создавший свой национальный эпос; возможно, что у киргизов эпос возник под ногайским влиянием; главному герою киргизского эпоса, Манасу, приписывается ногайское происхождение. Русские застали киргизский эпос еще в стадии развития; эпос еще не получил законченной формы, и в отдельные песни, в зависимости от характера аудитории, вносились прибавления и переделки. Несмотря на сохранение кочевых традиций киргизы не были чужды земледельческой культуре; вопреки сказанному в одном из русских официальных отчетов, что киргизы “до подчинения края русскому владычеству почти не занимались земледелием”, академик Радлов видел искусственно орошенные пашни как у казаков, так и у киргизов, причем у последних оросительные работы производились еще тщательнее.

Последствием русского завоевания было сокращение пастбищ и вынужденный переход населения к оседлости. Ради интересов русской колонизации у кочевников иногда отнимались земли, даже орошенные; бывали также случаи насильственного переселения жителей из одной местности в другую. Полезным нововведением, принесенным в степь русской колонизацией, было употребление косы, которая в некоторых местностях называлась “русским серпом” (урус урак). В общественной жизни русское управление принесло с собой упадок значе-

ния султанов и начало разложения родового строя. Такой характер имело как положение 1868 г., введенное для областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, так и положение 1886 г. об управлении Туркестанского края.

В узбецких ханствах, вследствие преобладания религиозного принципа, оказанное русским сопротивление было более религиозным, чем национальным. Русское управление и здесь, помимо развития городской жизни, содействовало установлению более демократических порядков. Значение аристократии, уменьшившееся еще при ханском управлении, еще более ослабело; почти исчезла крупная земельная собственность, как светская (имения служилой аристократии), так и духовная (так называемые вакуфные имения).

Более своеобразный национальный характер имела в эпоху русского завоевания жизнь туркмен. Некоторые туркменские предания и названия указывают на бывшую когда-то связь с улусом Джучи (Золотой Ордой), но отчетливой памяти об этой связи не сохранилось. Не имея собственной государственности, туркмены номинально подчинялись то персидскому шаху, то хивинскому хану, то бухарскому эмиру; в тех случаях, когда это подданство принимало более реальный характер, туркмены были самыми беспокойными подданными этих государей, и при русском владычестве хивинский хан и бухарский эмир усмиряли своих подданных с помощью русских войск. Средства к жизни добывались, кроме грабительских набегов, скотоводством и земледелием; городская жизнь в занятых туркменами областях исчезла совершенно, и даже после восстановления городской жизни русскими туркмены почти не селились в городах. И теперь туркмены составляют, как известно, огромное большинство (не менее 90%) населения Туркменистана в целом и совершенно ничтожный процент городского населения. Несмотря на существование у туркмен ханов, вернее, отдельных предводителей, называвших себя ханами, у туркмен не было ни аристократии, ни определенного порядка управления. Несмотря на частые войны между туркменскими племенами и даже различными родами одного и того же племени, туркменский народ составлял в духовном отношении одно целое; подражательная, но все же своеобразная поэзия была достоянием всего народа, и один и тот же поэт Махтум-Кули был национальным поэтом для всех туркмен, не исключая ставропольских, давно отделившихся от своих соплеменников и географически совершенно обособленных.

Свообразную особенность туркмен составляли крепости, в которых они дольше других жителей Туркестана оборонялись от русских завоевателей. Возбуждался вопрос, могли ли вообще быть крепости у кочевников. Обыкновенно кочевники пользовались для защиты от нападения сильного врага обширностью своей территории и быстротой передвижения; никакая крепость не могла бы укрыть главное богатство кочевников — их стада. Крепости в степях обыкновенно строились культурными завоевателями, например узбеками и русскими; узбецкие крепости, кроме того, строились главарями отдельных родов для защиты своей власти и для захвата нужной для орошения пашен воды. В Туркмении крепости строились и хивинцами; хивинцами была построена крепость, названная потом по имени туркменского предводителя Коушут-хана, составившая впоследствии ядро русского Мерва. Иногда туркмены приспособливали для оборонительных целей старые крепости, например Байрам-Али около Мерва. Все же те большие крепости, с которыми имели дело русские, были, по-видимому, построены туркменами.

В то же самое время, когда Западный Туркестан переходил во власть русских, населению Восточного (Китайского) Туркестана удалось на время освободиться от китайского владычества и создать независимую турецкую государственность. Для самого населения это не было счастием; кровавая борьба с китайцами сопровождалась такой же кровавой борьбой между отдельными мусульманскими народностями, предводителями и претендентами. Культурная отсталость Кашгарии, наиболее отдаленной от европейской культуры части мусульманского мира, делала совершенно невозможным создание государственности, которая бы по условиям экономической и духовной жизни удовлетворяла современным требованиям. Вполне правдоподобен рассказ туземного историка о том, как население радовалось восстановлению в 1877 г. китайского господства. “Все были вне себя от радости, им казалось, что вернулись к жизни их умершие родственники и предки”. Борьба велась только под знаменем ислама; национального самосознания не было; жители называли себя по имени своего города: кашгарлык, турфанлык и т. п.; кроме того, были термины *таранчи* (собственно “земледельцы”, так называли колонистов, переведенных китайцами в XVIII в. из Кашгарии в долину Или) и *дунгане* (мусульмане, вероятно, турецкого происхождения, но говорящие по-китайски). После усмирения восстания часть кашгарлыков, таранчей и дун-

Диалог источников

ган ушла в Россию; в Советской России они не совсем удачно присвоили себе название *уйгуры*: исторические средневековые уйгуры никогда не доходили так далеко на запад; кроме того, еще в настоящее время есть уйгуры, живущие в пределах Китая, около городов Ганьчжоу и Сучжоу, исповедующие, подобно средневековым уйграм, не ислам, а буддизм и только в XVIII в. заменившие уйгурскую письменность тибетской.

Как в единственном самостоятельном турецком государстве, Турции, так и среди турецких народностей России (теперь СССР) поставлена задача усвоения европейской культуры и создания национальной школы европейского типа, низшей, средней и высшей. В дореволюционной России ставился только вопрос о привлечении туземной молодежи в русскую школу; первым русским деятелям казалось, что оседлое население, как более культурное, подготовлено для этого лучше, чем кочевое; жизнь опровергла это предположение; казаки поступали в русские учебные заведения в большем числе, чем "сарты". Когда после революции был поднят вопрос о школьном преподавании на родном языке, то в первое время казалось, что таковым может быть только так называемый "турецкий" литературный язык, т.е. несколько видоизмененный, под влиянием живых наречий, чагатайский. Впоследствии восторжествовал принцип национального размежевания, с которым связано допущение в школу большего числа языков и наречий. В Турции и в некоторых советских республиках (в Азербайджанской и отчасти Татарской) уже теперь признается возможным переход к преподаванию даже в высшей школе на местном языке; большей части турецких народностей СССР еще долго придется довольствоваться, по крайней мере в высшей школе, русским языком преподавания.

Опыт анализа термина түрк

А.Н.Кононов

¹ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Туркмения. 1. 10.

² Бернштам А.Н. Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 5—6. С. 46—47; Его же. Социально-экономический строй орхон-енисейских турок VI—VIII вв. н.э. Л., 1946. С. 84—85.

³ Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. 1938. 1/2. С. 81.

⁴ См.: Pelliot P. L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs. T'oung Pao. XVI. 1915. С. 687—689.

⁵ См.: Поливанов Е.Д. Ту-куэ китайской транскрипции — турецкое турклар // Изв. АН СССР. 1927. С. 691—698.

⁶ См.: Hess J.J. Die Bedeutung des Namens der Türken // Der Islam. 1919. IX. 99; цитирую по русскому переводу этой статьи, сделанному А.Букшпаном; см.: Букшпан А. К вопросу о значении имени тюрок // Изв. Вост. факультета Азербайджанского гос. ун-та им. В.И.Ленина: Востоковедение. II. 59—60.

Термин *түрк* издавна привлекал внимание исследователей; им занимались в самых разнообразных аспектах. Большая часть ученых, предложивших свое толкование этого термина, исходила из поисков более или менее удачного перевода этого слова, игнорируя его социальную сущность.

Приступая к анализу термина *түрк*, я хочу напомнить, что академик В.В.Бартольд разъяснял слово *түрк* не как этническое наименование, но как политический термин¹.

“Термин *түрк*... слово довольно позднее и выступает в связи с образованием крупного племенного объединения...; если мы попытаемся связать термин *түрк* с каким-нибудь племенем, то это нам не удастся сделать, так как племена выступают под какими-нибудь другими, совершенно определенными терминами, как-то: толесы, тардуши, киргизы и т.д. Объединение же всех племен носит название *түрк*². С.П.Толстов в связи с приведенным выше указанием В.В.Бартольда замечает, что “контекст орхонских надписей не оставляет сомнений, что этот термин (т.е. *түрк*. — А.К.) выступает в них именно как собирательное имя военного союза племен... Этот термин долго не получает конкретного этнического содержания”³.

Китайцы, которые, пожалуй, знали древних тюрок раньше и лучше, чем другие соседние с ними народы, транскрибировали интересующий нас термин в форме ту-куэ, оригиналом которого считают слово түркүт⁴ или түркләп⁵. Китайцы, пытаясь осмыслить значение этого слова, приводят такое объяснение, которое известно из истории династии Суй (580—618): “Гора (в Кин-сан “Золотой хребет гор” — Алтай), имевшая форму шлема, у подножия которой находился лагерь Ту-куэ, послужила причиной того, что эти народы стали именовать себя Ту-куэ, так как на языке их шлем называется Ту-куэ”⁶.

⁷ Батманов И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947. С. 14.

⁸ См.: Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Отд. отт. из "Живой старины". Вып. III и IV. 1896. С. 5, сн. 1.

⁹ См.: Бернштам А.Н. Происхождение турок. С. 44.

¹⁰ Аристов Н.А. Указ. раб.; см.: Munkacsy B. Die Bedeutung des Namens der Türken // KCs-A. I. I. 1921. 59—60.

¹¹ Kowalski T. Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur // KCs-A. II. 1—2. 1926. 38—41.

¹² Дословно "их"; слово түрк понималось как имя собирательное. В орхонских памятниках слово түрк неизменно сохраняет эту форму "единственного" числа и не принимает афф.-lap.

¹³ МК. I. 294; по переводу Б.Аталая, I, 351. См. еще перевод В.В.Бартольда в работе "Мусульманский мир". Петроград, 1918. С. 40.

¹⁴ Проф. А.П.Поцелевский во время обсуждения моего доклада в связи с этими примерами М.Кашгарского высказал очень интересную мысль: "Как видно из содержания этих примеров, слово түрк имеет в них значение, которое может быть приблизительно передано так: "достигший высшей точки подъема или развития, поднявшийся до своего зенита". Подобная семантика слова түрк может быть сопоставлена с семантикой гла-

Эта этимология принималась многими исследователями (см., например, указанную выше статью Гесса и ее русский перевод Букшпана). В наши дни это толкование поддерживается, с иных, правда, позиций, И.А.Батмановым, который считает возможным допустить, что тюрки "назывались по имени своих головных уборов. Некоторые из древнетюркских племен, живших на Алтае, славились как кузнецы и оружейные мастера. В 552 г. последние снабжали кочевников Монголии и царства Жуань-Жуаней вооружением и доспехами. Сами кузнецы и воины носили шлемы или железные клубки; поэтому их и называли тюрками".

Китаист И.Бичурин и монголист Шмидт считали түкюэ монголами и постоянно писали это имя в форме дулга, производя его от монгольского дудуга — шлем. Клапрот и Абель Ремюза "неудачно сравнивали" имя ту-кюэ с takija — шапка⁸. Позднее это толкование поддерживал E.Blochet⁹. Н.А.Аристов считал, что для объяснения этого термина "есть вполне подходящее тюркское слово төрк, значащее шлем"¹⁰. В арабской литературе древнейшее упоминание термина турк приходится на VI век¹¹.

У самих тюрок происхождение интересующего нас термина уже в XI веке н.э. было облечено в легендарную форму, в хадис, который мы теперь знаем из труда Махмуда Кашгарского: "Всевышний бог сказал: "У меня есть войско, ему я дал имя Түрк; его¹² я на востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю"¹³. В Словаре М.Кашгарского (I, 294—95) слово түрк зафиксировано в трех сочетаниях: түрк кујаш ödі — солнце в зените; түрк ўзўм ödі — время созревания винограда; түрк jirim — молодой человек, находящийся в расцвете сил¹⁴.

В Европе первая попытка толкования слова түрк относится к VII веку н.э., когда была письменно зафиксирована легенда о троянском происхождении тюрок; искусственная этимология возводит слово түрк к имени царя Torguotus, а позднее (X в.) — к имени царя Troilus¹⁵. Европейцы, по понятным причинам, интересовались тюрками во всех аспектах; само название түрк и его правильное написание и происхождение тоже привлекали внимание: византийские гуманисты спорили о правильном начертании имени түрк¹⁶.

Важно отметить, что Тура, одного из героев Авесты, царствовавшего на Востоке, Е.Блоше считает "вне всякого сомнения предком тюрков" и полагает, что это имя невозможно отделить от названия турецкой земли Туйгу (= Тигуа)¹⁷.

гола *тур-мак*, имеющего между прочим значение “поднять” (см. Словарь В.В.Радлова). Если учесть, что слово *түрк* спорадически (например, в туркменской диалектарной речи) может произноситься и как *түрк-ук* и что редуцированные звуки *у - у* (как, например, в слове *курут*>*кур-т* — сухой творог в форме круглых комков) легко выпадают, имеются основания рассматривать слово *тур-к* (<*тур-ук*) как отглагольное прилагательное, ведущее свое начало от основы глагола *тур-мак*. В своем первоначальном значении (которое было приведено нами выше в гипотетическом плане) слово *түрк*, субстантивируясь, вполне естественно могло стать не только коллективным наименованием привилегированного (resp. высшего) слоя общества, но и “бога”, что (но, правда, иными путями) приводит нас к заключению, сделанному еще Н.Я.Марром¹⁸.

¹⁸ См.: Eckhardt A. La legende de l'origine troyenne des Turcs // KCs-A. II. 6. 424, 427.

¹⁹ См.: Moravcsik J. Byzantinische Humanisten über den Volksnamen Türk // KCs-A. II. 5. 381—384.

²⁰ Blochet E. Le nom des Turks dans l'Awesta // IRAS. April 1915. C. 306; см.: Oberhummer E. Der Name Turan // Turan. 1918. № 4. С. 194 и сл.

²¹ Оберхуммер Е. Указ. раб. С. 195, 196.

²² Там же. С. 204.

²³ Это предположение Вамбери последовательно развивал в трех своих работах: Etymologisches Wörterbuch der

По мнению В.Гайгера, приведенному Е.Оберхуммером, имя Тура “в Иране испокон века, от Авесты до Шахнаме, имело собирательное значение (ein Kollektivbegriff), не обозначало никакого этнографического различия и относилось к степным народам, обитавшим от Каспийского моря до Сырдарьи”¹⁸.

Популярность “Шах-наме” закрепила искусственную этимологию, производящую название *Turan* от имени *Tur*, которое носил сын Феридуна; с именем *Tur* связывался и термин *түрк*¹⁹.

Переходя к позднейшим попыткам анализа и объяснения термина *түрк*, следует отметить упорное стремление Г.Вамбери придать слову *түрк* значение “творение”, “человек”²⁰.

К двадцатым годам текущего столетия наиболее популярными гипотезами оказались: гипотеза, связывающая слово *түрк* со значением “шлем”²¹; гипотеза, связывающая слово *түрк* со значением “творение”, “человек” (Вамбери).

Б.Мункачи²² критикует предположение Гесса и поддерживает мнение Вамбери, подкрепляя его указанием на то, что само название многих народов имеет точный смысл “человек”.

Ю.Немет критикует предположение Гесса и дважды²³ возражает против гипотезы Вамбери. Немет в первой из указанных статей кратко, во второй подробно развивает и пытается обосновать предположение, связывающее слово *түрк* со значением “мошь”, “сила”²⁴. Это предположение имеет свою историю: впервые (1912) оно кратко было сформулировано Лекоком, а позднее (1922) поддержано В.Томсеном²⁵. Критику этого предположения дал С.П.Толстов²⁶. Вторая статья Немета подводит итог попыткам разъяснения и анализа турмина түрк в Западной Европе.

Советские ученые подошли к анализу термина *түрк* с социально-исторических позиций.

Академик В.В.Бартольд считал возможным сопоставить термин *түрк* со словом *түру* — закон, обычай, встречающимся в орхонских памятниках; *түрк*<*түру* моглозначить: “народы, объединенные на основе закона”²⁷ (*түру*). Это, как мне представляется, весьма сильное предположение, к сожалению, Бартольдом не было дальше развито и прошло почти не замеченным.

Другой наш выдающийся ученый академик Н.Я.Марр тоже занимался термином *түрк*. Этот термин он производит от слова “*тар-кан*”: “...турки называются так не по случайности, как предполагается, а по сумме

Turko-Tatar. Sprachen. Lpz.. 1878. §§ 197, 200; The Journal of the Manchester Geographical Society". 1892. Vol. 8, статья: The Turco-Tatar; Die primitive Kultur des turco-tatarischen Volkes. С. 51.

²¹ См.: Hess J.J. Указ. раб.

²² Munkacsy B. Указ. раб.

²³ Nemeth J. Zur Kenntnis der Petschenege // KCs-A. I. 3. 219–225; Его же. Der Volksname Türk // KCs-A. II. 4. 275–281.

²⁴ Nemeth J. Der Volksname Türk. С. 278.

²⁵ Там же. С. 275.

²⁶ Толстов С.П. Указ. раб. С. 81, сн. 77.

²⁷ Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel. 1935. 33, по турецкому изданию. С. 26–27.

²⁸ Mapp H.J. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Избр. работы. IV. 156.

²⁹ Бернштам А.Н. Происхождение турок. С. 47–48.

³⁰ Ср. с гипотезой Н.Я.Марра, приведенной выше.

³¹ Толстов С.П. Указ. раб. С. 80–81.

всех координат, по связи этого термина, как племенного названия, не только с названием привилегированного сословия, равно “бога”, даже с корнями в матриархальных эпохах — женского божества...”²⁸. Далее Н.Я.Марр замечает, что название племени тус-к’ов, тушинов, или турков, восходит к форме *tur~tor*.

В этой цитате я обращаю особое внимание на слова Марра о том, что термин *türk* связывается наряду с другими значениями “с названием привилегированного сословия, равно “бога”.

Новое поколение советских ученых тоже внесло свою лепту в разъяснение и анализ термина *türk*. А.Н.Бернштам в названной выше статье приходит к выводу, что термином *türk* выражается “не только этническое название и последнее не только результат трансформации племенного тотема”, но и является продуктом определенного периода, раннего этапа “становления классового общества феодального порядка”. Термин *türk* он связывает со словом *töركүн* — семья “в значении племенной общности”²⁹.

С.П.Толстов в цитированной выше статье приводит новое толкование термина *türk*, исходной формой которого он считает слово “*tür-kün* (*tag-gan*)³⁰, со значением “взрослый класс молодых неженатых воинов”. И далее: “От значения “взрослый класс молодежи” к значению “войско”, “военный вождь”, дальше — “племенная аристократия”, “патрициат”, “сюзерен”, “верховный правитель”, дальше — собирательное имя тех народов, у которых в эпоху раннего средневековья господствующая аристократия несла традиции этой общественной организации, вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности...”³¹.

Советские ученые, как мы видим из приведенных цитат, внесли совершенно новое, отличное от западноевропейских ученых толкование термина *türk*, основанное на новом, марксистском понимании исторического процесса. Основной упор в построениях наших ученых делается на связь этого термина с *тотемом* и с названием привилегированного сословия (“племенной аристократии”) и т.д.

Все сделанное названными советскими учеными значительно облегчает мои усилия по анализу и толкованию слова *türk*. Я обращаю преимущественное внимание на филологическую сторону проблемы, которая при надлежащем разрешении позволит сделать и далеко идущие исторические выводы.

Все наши исследователи слово *türk* считают двухэлементным образованием: *tür+k*. Косвенным подтверж-

³² Поливанов Е.Д. Указ. раб. С. 693.

ждением этого может служить также китайская транскрипция слова *түрк*, в которой “*түр* приходится на первый иероглиф, *к* — на второй”³².

Начнем с объяснения второго элемента, т.е. с аффикса *-к*, который может быть возведен к форме *-гүн*, *-күн*. Этот аффикс встречается в составе нескольких старых слов: *арқағүн* — семья, *інігүн* — младшее родство, *каліум* — невестки, *ігәгүн* — оба. Сюда же по образованию следует отнести и слово *түркүн*³³, имеющее, по М.Кашгарскому, значение: “место, где собирается племя” (*al-'ashirat*), “отчий дом”³⁴; по переводу К.Брокгельмана: *Familie, Stammesgemeinschaft*. В.В.Радлов приводит это слово с пометой “кир”, т.е. “казахское”, в значении: “отец”, “родители и все родственники жены”; “дом отца жены”. В современном киргизском языке *төркүн* — родня жены³⁵. И у других народов, например у монголов, этим термином обозначаются родственники по матери или родственники жены³⁶. Говоря о словах, в которых сохранился интересующий нас аффикс, следует привлечь слово *қырқын*, которое, по мнению К.Гронбека, является формой множественного числа от единственного *қыз* — девица³⁷. К.Гронбек аффикс *-гүн*, *-күн* рассматривает как аффикс множественного — собирательного числа³⁸.

В этой связи следует вспомнить слово *алкүн* — народ³⁹, которое, по сообщению профессора А.П.Поцелуевского, бытует в туркменском языке в форме *ilim-гүнім* — мой народ, мое племя, моя родня, где долгое (или полудолгое) произношение звука *i* в слове *гүнім* свидетельствует о его принадлежности к основе слова, а не к посессивному аффиксу. Восстановливаемое таким образом слово *гүні* существует в туркменском языке самостоятельно в значении “наложница” (resp. “младшая жена”). Это же слово встречается (по В.В.Радлову) и в азербайджанском языке в форме *гүні~гүнү* со значением “соперница” (генетически легко возводимым к значению “наложница”, “младшая жена”). Сюда же надо присоединить слово *күн*, известное в значении “молодая рабыня”⁴⁰.

Аффикс *-гүн*—*күн*, находящийся в составе приведенных выше слов, в семантике которых явно отражено “женское начало”, делает вполне возможным допустить генетическую связь между словом *гүні*—*күні* и интересующим нас аффиксом. Имея в виду происхождение аффикса *-гүн*, *-күн* из слова *гүні*—*күні*, приведенное К.Гронбеком слово *қырқын* можно объяснить так: “*қыр* (= *қыз*) + *қын* (<*күні*) — девица + жена, т.е. все женщины, весь женский пол (ср. узбекское: *хотин-кизлар* — женщины).

³¹ Так это слово транскрибирует Б.Аталаи в своем новом переводе Дивана М.Кашгарского (I, 441, 27; II, 209, 21). У В.В.Радлова (Опыт словаря... III, 1256) и К.Брокгельмана (*MittelTürk. Wortschatz*) — *торкун*.

³² МК. I. 368, 13; II. 165, 12; *Аталаи Б.* I. 441, 227; II. 209, 21.

³³ Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1940. С. 514.

³⁴ См.: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 48, 59.

³⁵ Gronbech K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936. § 86.

³⁶ Там же. §§ 67, 86.

³⁷ Радлов В.В. Опыт словаря... I. 803.

³⁸ См. например: МК. II. 68, 6.

- ⁴ Радлов В.В. Опыт словаря... III. 1249, 1288, 1555; к списку языков, перечисленных Радловым, следует добавить туркменский и узбекский; см.: Его же. ATJM. N.F., 176; МК. III. 87, 5; 167, 3.
- ⁵ Баскаков Н.А., Тощакова Т.М. Ойротско-русский словарь. М., 1947. С. 156.
- ⁶ Радлов В.В. III. 1249, 1250; Radloff W. — Malov S. Uig. Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928. 298; Radloff W. ATJM. N. F., 176; МК. I. 97, 9; II. 16, 7; 21, 10; III. 86, 9; 167, 4. В этой же форме и значении это слово известно и монгольскому языку, см.: Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1849. III. 1939. В современном монгольском языке тору известно в значении "правление, управление". См.: Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь. Л., 1937. С. 417. В современном бурят-монгольском языке, по справке Черемисова, это слово в форме торо имеет значение: "держава", "государственный строй", "свадьба".
- ⁷ Радлов В.В. Опыт словаря... III. 1250, 1256.
- ⁸ Там же. 1250, 1254, 1556.
- ⁹ Abdulkadir (Inan). Ongon ve Tös kelimeleri hakkında, Türk Tarih Arkeologya ve Etnografya Dergisi. II. İstanbul, 1934. 277—285.
- ¹⁰ Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936. С. 399.
- ¹¹ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 6.

Происхождение аффикса *-гүн-күн* из самостоятельного слова со значением "жена", "женщина" убедительно в историческом плане объясняет то собирательно-множественное значение, в котором оно встречается во всех дошедших до нашего времени словах.

Все эти факты позволяют принять, что аффикс *-гүн-*, *-күн* дал *-г-*, *-к*, а слово *түр-күн* > *түр-к*.

Теперь обратимся к рассмотрению первого элемента термина *түр-к*.

Совершенно естественно напрашивается сопоставление элемента *түр* с известным всем тюркским языкам словом *түр||тöр* — передний угол, почетное место⁴¹. Очень точно определяется слово *тöр* в ойротско-русском словаре⁴²: "место против входа в юрту; почетное место в доме, главное место у очага". По разъяснению крупного знатока этнографии Алтая профессора Л.П.Потапова, преимущественным значением слова *тöр* является "главное место у очага".

Дальнейшее морфологическое и семантическое развитие основы *түр||тöр* находим в слове *тöру* (*törä*) — обычай, закон, правило⁴³.

В форме *тörä* (реже: *тöру*), в качестве дальнейшего развития семантики, это слово получило значения: "ти-тул ханских сыновей", "принц", "видный, знатный человек", "чиновник", "судья", "исправник", "начальник округа"⁴⁴. Слово *тörä* (~ *тöру*), в связи с основным значением "обычай", "закон", получило значение: "суд", "судебное дело", "процесс", "судебное решение"⁴⁵.

В связи с значениями основы *түр||тöр* следует указать на интересную статью Абдулькадира Инана⁴⁶. Нет никаких сомнений (на что уже указал в названной статье Абдулькадир Инан) в том, что слово *түр||тöр* есть фонетический вариант слова *тüs||tös* ~ *tos*. Чередование *r:c* ~ *z* явление, давно и широко известное тюркологии. Кстати замечу, что слово *tos* в форме *тор* реально существует (см. ниже): "...чувашское название для онгона *тиори* — вполне соответствует тюркскому *tös*, как все сибирские тюрки называли свои онгоны — леканы"⁴⁷.

Обратимся к выяснению значения слова *тös* ~ *тöз||тöр*. Предоставим слово специалистам-этнографам.

"У самых различных народов Сибири были прежде широко распространены так называемые "идолы", "истуканы", "кумиры" или "болваны", изображающие животных и людей... Монголы и буряты называли такие фигуры словом *онгон*... Тюркские племена Сибири называли их *тös*..., чуваши — *йерех*, *тиори*..."⁴⁸.

“*Тюсь* или *тэсь* у инородцев тюркского племени тоже, что онгон у монголо-бурят... это внешний знак какого-нибудь божества, по большей части злого шайтана, которого надобно умилостивлять жертвами, кормить для отвращения какого-нибудь зла или несчастья”⁴⁹.

“*Töс*... первоначальные духи, которые, по анимистическим представлениям шаманистов, искони существовали в трех сферах вселенной: на земле, на небе и под землей”⁵⁰.

В.И. Вербицкий⁵¹ определяет интересующее нас слово так: “*Töс* — бес, лишившийся своего слуги — *кама* и ожидающий в породе этого кама пригодного для себя суда; души умершего кама”.

Сами алтайцы разделяют всех духов на две категории: 1) *töс* (букв. начало, основание), т.е. духи первоначальные, искони существующие, и 2) *jajan-nämä* (букв. нечто созданное) или просто: *нама* (букв. нечто), т.е. духи позднейшие. Далее, духи бывают или чистые (*ару*) или нечистые, черные (*кара*). Сообразно этому духи распределяются на: 1) *ару тос*, 2) *кара тос*, 3) *ару нама*, 4) *кара нама...*”⁵².

И далее: “Каждый *сök* (род) имеет своего собственного *töс'я*, которого чтит, к *töс'ю* же другого *сök'*а относится безразлично”⁵³.

Очень важно отметить, что “каждый род (*сök*) алтайцев имеет ту или другую гору, реку, скалу, озеро, которое почитает как родового своего покровителя и называет чистым *töс'ем* (*ару töс*). Общее количество родовых *töс'ей* всех *сök'*ов довольно велико, а район их распространяется за пределы Алтая в Монголию (Сумар-Улан), на р. Кемчик (Алаш, Сут-кол) и другие более северные местности р. Енисея (Каным). Обычай чествования горных *töс'ев* относится к глубокой древности...”⁵⁴.

Слово *töс* встречается также в форме *töр*. Из материалов, собранных Л.П. Потаповым (пока еще не опубликованных), которыми я пользовался с разрешения автора, узнаем, что у шорцев сеока “*Калар*” Потапов нашел почитание духа *töр* или *töр кіжі*. “По рассказам каларцев, *töр кіжі*⁵⁵ в прошлом человек и именно старуха. Изображение тор кіжі делали из бересты в виде человеческого лица с глазами из свинцовых бляшек, с деревянным носом, с бородой и усами из беличьего хвоста”. Из этих же материалов Потапова узнаем, что “у кумандинцев есть злой дух тор или торда. Изображение его делают в виде двух холщевых куколок”.

В чувашском языке *tur*||*tor*, которое я считаю фонетической разновидностью основы *tjur*||*töр* ~ *töс*, — и

⁴⁸ Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Изв. Вост.-сib. отд. Русского географ. об-ва. Т. XXIII. № 4—5. 1892. С. 23.
⁴⁹ Баскаков Н.А., Тошакова Т.М. Ойротско-русский словарь. С. 156; см.: Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды Ин-та этнографии АН СССР: Нов. сер. Т. I. 1947. С. 153—154.
⁵⁰ Вербицкий В.И. Алтайско-аладаго-русский словарь. С. 370.

⁵¹ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. С предисловием С.Е. Малова // Сб. МАЭ. IV. 2. Л., 1924.
⁵² Анохин А.В. Указ. раб. С. 7.

⁵³ Там же. С. 16.

⁵⁴ Весьма заманчиво сблизить слова *töр кіжі* с термином *töprüü*!

Диалог источников

* Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIV. С. 149.

" Может быть, и возникший на иранской почве термин *туран*, позднее получивший легендарное истолкование, следует понимать как "страна *тур'ов*", т.е. и термин *туран* связывается с словом *түр||тöр ~ тöс*. Е.Оберхуммер (указ. раб. С. 199) не считает возможным принять генетически общее происхождение терминов *түрк* и *туран*.

В этой связи важно вспомнить разобранное выше слово *түркін*, значение которого "место, где собирается племя", "отчий дом" разъясняется приведенным выше значением первого компонента. Это слово *түр-кін* в свете тотемистического значения основы *түр* разъясняет нам одно выражение орхонских надписей: *түркім будунум*, которое переводили "мои тюроки, мой народ" и которое следует переводить: "мои со-родичи, мой народ".

производные от него *тура, тора, туры, торы*, имеют значение — "бог", "божество"⁵⁶. Чувашам известно это слово и в форме *түре*, значение которого Ашмарин определяет так: "первоначально — предмет посвящения, потом — название духа".

В названном выше Словаре Вербицкого под словом *тор* (с. 364) читаем: "один из бесов"; "блудящий огонь".

Замечу, что на основании данных чувашского языка древнейшей формой этого термина является форма *тор*.

Из приведенных определений термина *тöр ~ тöс* устанавливается, что первый элемент термина *түр-к*, т.е. *түр*, являющийся фонетическим вариантом формы *тор*, ведет нас к весьма древнему состоянию племен, народов, позднее получивших название тюркских. Элемент *түр* (resp. *тöр ~ тöс*) связывает термин *түр-к* с примитивными тотемистическими представлениями. Об этом красноречиво говорит семантика слова *түр ~ тöр ~ тöс* от *тос'я* — фетиша, затем духа и его вещественного отображения "идола", "бога" и связанного с этим значением — "место идола", "передний угол", "почетное место", "лучшее место в юрте", "главное место у очага" — до значения (как естественное развитие основного значения) "обычай", "закон", "правило" и далее вплоть до понятия "судья", "господин", "начальник". И нет ничего удивительного, что слово *түрк* по значению своего первого компонента получило значение "мошь", "сила".

Советские ученые, как явствует из приведенных выше высказываний, всегда держались той точки зрения, что термин *түрк* "не этническое, но политическое название" и что этот термин выступает как "собирательное имя военного союза племен". И действительно, на основании приведенного выше анализа термин *түрк* разъясняется как собирательное имя, значение которого было понятно на большой территории и которое объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения. Таким понятным, могущим объединить многие племена словом было *түр||тöр ~ тöс*⁵⁷, которое в "собирательной" форме (resp. форме множественного числа) *түр-к<түр-күн*⁵⁸ стало колективным именем многих племен, для которых *түр||тöр* было общим и понятным нарицательным названием тотема.

Тюркизмы — социальная терминология в “Слове о полку Игореве”

Н.А.Баскаков

Из тюркизмов, относящихся к общественной жизни, в “Слове” могут быть отмечены следующие: 1. Каган (коганя); 2. Быля (былями); 3. Боярин (бояре); 4. Салтан (салътани); 5. Чага (чага); 6. Кощей (кощей, кощая, кошиево); 7. Кур (до курь) и 8. Котора (которою). Из них четыре термина: *каган, боярин, быля и салтан* — для наименования титулов и званий представителей высшего, господствующего сословия; два: *чага, кощей* — для наименования лиц низшего подчиненного сословия, и два термина: *кур* и *котора*, обозначающих прочие социальные явления.

Словоупотребление и значение всех указанных выше социальных терминов — тюркизмов в русском языке — подробно приведены в “Словаре” В.Л.Виноградовой¹, поэтому мы будем касаться только вопросов их происхождения.

1. КОГАН (КОГАНЯ)

Коган — встречается в “Слове” один раз в контексте: “Рек Боян и Ходына Святславя песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова когана хоти...”, то есть в форме родительного падежа единственного числа от *коган*.

Слово *коган* (когания) <турк.قاغان — титул главы государства древних тюрков (государства Ту-кюэ на Орхоне, хазаров, булгар и проч.).

Приведенные в Словаре В.Л.Виноградовой² формы этого слова: кагану, кагана, каган, каганом, хаган и проч. подтверждают предположение о том, что в “Слове” дана форма родительного падежа единственного числа от *коган*.

Этимология слова *коган*<قاغان не вызывает каких-либо затруднений или сомнений, о чем свидетельствуют данные П.М.Мелиоранского³, Ф.Е.Корша⁴ и С.Е.Мало-

¹ Виноградова В.Л. Словарь - справочник “Слова о полку Игореве”. Вып. I. М., 1965; вып. II. М., 1967; вып. III. М., 1969; вып. IV. М., 1973.

² Виноградова В.Л. Словарь - справочник “Слова о полку Игореве”. Вып. II. С. 196—198.

³ Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке “Слова о полку Игореве”. ИОРЯС. Т. VII. Кн. 2. 1902. С. 289—290.

⁴ Корш Ф.Е. Турецкие элементы в “Слове о полку Игореве”. ИОРЯС. Т. VIII. Кн. 4. 1903.

Диалог источников

⁵ Малов С.Е. Тюркизмы в языке "Слова о полку Игореве". ИАН ОЛЯ. Т. V. Вып. 2. 1946. С. 138—139.

⁶ Menges K.N. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos. New York, 1951 ("Word" Suppl. № 7). P. 35. Cp. Фасмер M. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 155.

⁷ Ramstedt G.J. Alte türkische und mongolische Titel (1939). JSFOu, 55. Helsinki, 1951.

⁸ Перетц В.Н. "Слово о полку Игореве". Киев, 1926.

⁹ Nemeth J. 1) Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Budapest, 1932; 2) Die petschenegischen Stammsnamen. Ungarische Jahrbücher. Bd. 10. Heft 1—2, Berlin, 1930.

¹⁰ Малов С.Е. Тюркизмы в языке "Слова о полку Игореве". ИАН ОЛЯ. Т. V. Вып. 2.

ва⁵, которые соответствующим образом обосновали также и соответствие о~а в русском заимствованном слове коганъ<qayan.

К.Менгес⁶ приводит несколько вариантов этого слова, встречающегося в формах: qayan (qyan) — в древнетюркском языке орхонских памятников, в форме җаң — у османских турок, vahan — в армянских источниках и haham — у современных караимов.

Предположение некоторых тюркологов об общем происхождении и единстве основ qayan> qaan> qan> xan в значении "хан" оспаривается Г.Рамстедтом, который утверждает что qan-хан и qayan различаются тем, что первая из них представляет простую основу, заимствованную в тюркских языках из китайского <kuan "правитель", а вторая — сложную, состоящую из двух слов: кит. ke "великий" и kuan "правитель",> ke kuan "великий хан"> тюрк. qayan⁷.

Итак, этимология слова коган (коганя)< qayan не вызывает каких-либо сомнений. Что же касается другого мнения о том, что коганя в "Слове" может рассматриваться как обращение к жене Олега "Ольгова коганя хоти", то это предположение представляется менее вероятным⁸.

2. БЫЛЯ

Быля — встречается в "Слове" один раз в контексте: "...А уже не вижду власти сильного, и богатого, и многовоя брата моего Ярослава, с Черниговскими былями...", то есть в форме творительного падежа множественного числа.

Быля "знатный старейшина, патриархально-родовой старшина" как заимствование из тюркских языков имеется в старославянском и в средне-греческом. Происхождение этого слова также установлено, оно восходит, как утверждает большинство исследователей-туркологов, к тюркскому феодальному титулу bojla~buylja "знатный родовой старейшина", встречающемуся в древнетюркских рунических памятниках, а также в печенежских (по Ю.Немету) или в булгарских (по В.Томсену) надписях на золотых сосудах так называемого клада Аттилы в местечке Надь-Сен-Миклош в составе собственного имени Bojla — "Соран "быля Чопан", обладателя одного из золотых сосудов⁹. Родоплеменной титул bojla~buylja в форме elči byyla встречается также в современном алтайском (ойратском) языке в значении "посланник, посол, вестник"¹⁰.

В "Слове" титул *быля (былями)* относится к Черниговским Черноклобукским старейшинам огузских тюркских племен: ковуев, торков, берендеев, каепичей, боотов и проч. — союзников русских князей в их борьбе с половцами.

3. БОЯРИН

Боярин — встречается в "Слове" один раз в контексте: "...И ркоша бояре князю...", то есть в собирательной форме именительного падежа множественного числа — *бояре* "вельможи, лица, занимающие высокое положение в феодальной иерархии".

Все исследователи единодушны в отношении тюркского происхождения этого слова, хотя состав его и интерпретируется по-разному.

Так, Ф.Е.Корш¹¹ допускает возможность происхождения слова *боярин* из тюрк. *baj* "богатый" + *är* "муж, мужчина" + рус. окончание *-ин* "боярин", стянувшееся позже > *барин*, ссылаясь при этом на придворный титул *bajag*, встречающейся в составе титулатуры Кокандского ханства и в других тюркских языках, а также на аналогию образования тюрк. *alp+är* "богатырь-муж" ~ *baj+är* "богатый муж" и другие сложные имена с тем же корнем *baj*: *bajan* "богатый властитель", *bajat* "бог" и проч.

П.М.Мелиоранский¹² (а с ним соглашается и С.Е.Малов¹³) считает, однако, что слово *bajag* в современных тюркских языках, и в том числе в титулатуре Кокандского ханства, является поздним вторичным заимствованием из русского языка, и приходит, как нам представляется, к более вероятной этимологии этого слова из *bojla~buyla* "знатный родовой старейшина" в метатезной форме *bolja+-lar* аффикс мн.ч. как выражение уважения + рус. окончание *-ин* > *bolja+-lar+русск.-ин* с гаплографическим сокращением > *bolja (-la)g+ин* (ср. гаплографические стяжения: уйг. *sürči* < *sürürči* "маляр"; калп. *džür* < *džürür* причастная форма от глагола *džür-* "идти, двигаться" или алт. *taap* < *tapur* "находя"¹⁴ и проч.), рус. *болярин~боярин* > *барин*; ср. рус. *государь>сударь>...с* в выражениях *да-с* (<да сударь) и т.п.

Наиболее вероятной гипотезой происхождения слова *болярин~боярин* представляется предложенная И.Марквартом¹⁵, который возводит это слово к сложному сочетанию *bojla~buyla* "знатный, родовой старейшина" + *är* "муж, мужчина", то есть *bojla~buyla är>bojlar+рус. суффикс -ин>болярин* с позднейшими стяжениями >*боярин*>*барин*.

¹¹ Корш Ф.Е. По поводу второй статьи проф. П.М.Мелиоранского о турецких элементах в языке "Слова о полку Игореве". ИОРЯС. Т. XI. Кн. I. СПб., 1906.

¹² Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве". С. 285.

¹³ Малов С.Е. Тюркизмы в языке "Слова о полку Игореве". С. 138—139.

¹⁴ Рясицен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 46.

¹⁵ Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // In Abhandlungen der Göttinger Ges.d.Wissenschaft. Philos.-hist. Kl.N.F. Bd. XIII. № 4. Berlin, 1914.

Последняя этимология могла бы быть уточнена тем, что сочетание *bojla+äg+рус.суффикс -ин* в русском языке было адаптировано в метатезной форме >болярин~болярин с более поздними формами >боярин>барин.

4. САЛТАН

Салътанъ — встречается в “Слове” один раз в контексте... “Стр е ляеши с отня зата стола салътани за землями...”, то есть в винительном падеже множественного числа.

Слово это безусловно арабского происхождения из ар.Sultān, тур.sultan “владетель, правитель, султан”>рус.султан~султан~султан. Этимология может считаться общепризнанной, хотя источник этого заимствования пока не выяснен, так как прямое влияние арабского языка на половецкий, а тем более на ранние тюркские языки Восточной Европы еще пока не было заметным, хотя слово sultan в транскрипции soltan было зафиксировано в известном памятнике половецкого языка начала XIV века Codex Cumanicus¹⁶.

5. ЧАГА

Чага — “половецкая девушка, пленница, рабыня” встречается в “Слове” один раз в контексте ... “Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощеи по резане...”, то есть в форме именительного падежа единственного числа.

Чага<кыпчак.полов.чаға “цыплёнок, ребенок”, в новоуйгурском языке чаға “ребенок”, сохранилось в других тюркских языках, напр.тур. ча(y)a>чaa, турк. чаqa, bala—чаqa “дети”, а также в прочих тюркских языках, главным образом в парном сочетании bala—чаqa, и наконец в монгольском сáхха “ребенок”.

Итак, нет сомнений в том, что чага в “Слове” представляет собой тюркское заимствование в значении “девушка-невольница, рабыня”, хотя в тюркских языках, как и в древних, так и в современных, а также в монгольском языке сохранилась только в значении “ребенок, цыплёнок, детеныш”.

В древнерусском же языке, как и в “Слове”, так и в летописях, слово чага было усвоено только в значении “невольница, пленница”¹⁷. По всей вероятности, это значение развилось из первоначального “ребенок, отрок, девочка>не достигшие зрелого возраста пленники и пленницы”.

¹⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. III. СПб., 1903. С. 1467.

Возможно, что и в “Слове” чага имеет значение “пленников, не достигших зрелого возраста” в противопоставлении к понятию кощей — “взрослый пленник, раб-работник”.

6. КОЩЕЙ

Кощай — “плебей, пленник, раб” — встречается в “Слове” три раза в контекстах: 1)...“Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощай по резане...”, то есть в именительном падеже множественного числа; 2)...“Стреляй, господине, Кончака, поганого кощая, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича...”, то есть в винительном падеже единственного числа, а также 3) в форме притяжательного прилагательного к кощай — *кощіево* в контексте:...“Ту Игорь Князь выседе из седла злата, а в седло *кощіево*...”.

П.М.Мелиоранский определяет происхождение этого слова из *qoš* “кочевой поезд, вереница выочных животных и арб”, а *qoşsu*, “состоящий при обозе” (из *qoš* + *-ṣu* аффикс деятеля). При использовании в качестве *qoşsu* пленников, позже слово это получило новое значение “пленник, раб”.

В современных языках, например в казахском, киргизском, каракалпакском, ногайском *gos~gos* имеет значения: 1.“шалаш, временное жилище, в котором живут рабочие, пастухи и проч.” и 2. “соха, плуг, прочие земледельческие орудия”, а *qoşy-goşu* — 1. “相伴者” и 2. “пахарь”.

Основа *qos~qoš* в тюркских языках является синкетической и имеет первичное значение имени — “пара, парный, двойной, спаренный, присоединенный” и проч. и глагола — “прибавить, присоединить, добавить, спарить” и проч.

Возможно, что слово *qoš* в именном значении “двойной, спаренный, пара” исторически восходит к словообразовательной модели *qoš+-yš*, стянувшейся в *qoš*.

В процессе семантического развития позже слово с именным значением *qos~qoš* (<*gos-yš*) получило вторичные значения: 1. “упряжка, земледельческое орудие, соха, плуг” (как нечто сопряженное: запряженное, присоединенное); 2. “кочевой обоз” (как сложная соединенная упряжка), ср. тур. *qoš* “гурт, стадо, табун, обоз”; 3. “шалаш, временное жилище при перекочевке (как нечто сложенное, соединенное), ср. узб. *goš* “лагерь”.

Производное же от него qos+šy-qoš+ču' приобрело также несколько значений с общей семантикой "относящейся к qoš": 1. "пахарь, сопровождающий упряжку"; 2. "сопровождающий кочевой обоз, караван; гуртовщик, ухаживающий за лошадями при перекочевке; поводырь, ведущий навьюченных лошадей в караване">слуга для ухода за лошадью"; 3. "живущий во временном шалаше, не имеющий постоянного жилья">бедняк, представитель низшего сословия, работник, батрак", ср. к.-калп. gos+šu "сопровождающий в пути"; at gosšu "сопровождающий лошадей (на обязанности которого лежит уход за лошадьми в пути), свита, пахарь"¹⁸; gosšu awqatū "Союз кошчи" (соответствует по значению "комитет бедноты" в двадцатых годах нашего века).

В аспекте же классовых и сословных отношений слово qos+šy~qoš+ču приобрело отрицательные значения "плебей, пленник, раб", а также как бранное слово, выражющее презрительное отношение господствующего класса к низшему сословию.

В украинском языке слово *кош*~qoš заимствовано, вероятно, из крымско-татарского языка в значении "стан, поселение", ср. также *кошевой* "старшина, начальник коша"; кошевой атаман — "воинское звание в казачестве".

В "Слове о полку Игореве" слово gosšu — рус.кошечь встречается в первом и в третьем контексте в значении "раб, пленник", а во втором — в значении бранного слова. Последнее значение характеризует и понятие "Кошечь бессмертный", встречающееся в русских сказках.

7. КУР

Куръ — встречается в "Слове" один раз в контексте: "...а самъ в ночь влеком рыскаше из Киева дорискаше до куръ Тмутороканя...", то есть в родительном падеже множественного числа

Данный контекст принято переводить как: "... а сам ночью волком рыкал: из Киева дорыскивал ранее (пенья) петухов до Тмутороканя...", хотя здесь возможен и другой перевод: "... а сам ночью волком рыкал: из Киева дорыскивал до куреней Тмутороканя...".

В этом случае слово *куръ* может рассматриваться как заимствование из половецкого со значением "земляные валы, дворы, ограды", то есть со значением, близким к современному русскому слову *курень*.

В рус. яз. слово *курень* имеет значение "шалаш, стан, барак", в укр.: "избы в одной куче, часть войск" (ср.

¹⁸ Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. С. 405.

¹⁹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 416.

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. С. 425.

²¹ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. СПб., 1871. С. 77.

²² Татарско-русский словарь. М., 1966. С. 283.

²³ Каракалпакско-русский словарь. С. 401.

куренной атаман¹⁹); “казацкое селение, пекарня, будка, шалаш”; польск. “землянка, лачуга”²⁰.

Слово *курень* этимологически связано с тюрко-монгольской основой: алт. küge-, кирг. kürgö- “грести землю лопатой, сгребать лопатой” и производными от этой основы: kügen- “окапываться землей”; kügee “земляной вал”; “толпа, племя”; куманд. kürentik “двор, вычищенное место перед домом”; кум. güren “загон для скота”, kürän “юрты в степи, построенные по кругу”; монг. gürien-gürejen “огороженное место, загон для скота”.

Однако возможно также, что слово *куръ*, встречающееся в “Слове”, генетически связано с тюркской глагольной основой qıgtaq “строить, поставить”; čadır qıgtaq “поставить, разбить палатку”²¹; ср. тат. qır- “строить, сооружать, воздвигать”, // “строительство, сооружение,” постройка”²², отглагольное имя от которой qıguw “строительство, постройка” могло быть заимствовано в рус. яз. в форме *кура*, — ср. к.-кали. qoğa “хлев, загон, загородка (для скота)”²³. В “Слове” в единственном контексте слово *кура* встречается в родительном падеже множественного числа с предлогом “до” — до *куръ*, то есть форма, закономерная от основы *кура*.

Что же касается перевода самого контекста в “Слове”: “...а самъ в ночь влеком рыскаше из Кыева дорискаше до кур Тмуторокания...”, то и логически, и грамматически более вероятным представляется перевод: “... а сам ночью волком рыкал: из Киева дорыскивал до куреней (~до стен~до построек~до оград) Тьмуторокания”, так как исходный пункт в этой фразе выражен обстоятельством места “из Киева”, а следовательно, и пункт направления должен был быть выражен обстоятельством места, а не времени — “ранее (пенья) петухов”.

Таким образом, в выражении “... до куръ Тмуторокания...” естественнее видеть предел места, но не предел времени, а в слове *куръ* — тюркское заимствованное слово *кура* или *курень* со значением “земляные валы, дворы, ограды, постройки, стены, ограды”, но не *кур* — рус. “петухов”.

8. КОТОРА

Котора “ссора, распра, раздор” встречается в “Слове” два раза в контекстах: 1) “... Тии бо два храбрая Святславича, Игорь и Всеивод, уже лжу убудиста которою, ту бяше успил отец их Святслав грозный великий Киевский гроюо...” и 2) “...Вы бо своими крамолами начяс-

те наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславу, которою бо бе ше насилие от земли Половецкии!" то есть в форме творительного падежа единственного числа.

Как в том, так и в другом контексте исходной основой интересующего нас слова является *котора* "ссора, распра, раздор, мятеж, междуусобица, вражда, спор", а переводы контекстов соответствуют:

1)"Те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, пробудили кривду самовольством (враждою, ссорой, раздорами. — Н.Б.), ее смирил грозою отец их, великий грозный Святослав Киевский".

2)"... Вы крамолами своими стали (начали. — Н.Б.) наводить поганых на землю Рускую, на удел Всеславов: из-за раздоров пришло к нам насилие от земли Половецкой"²⁴.

Существующие этимологии слова *котора* весьма разноречивы и искусственны.

Приведем только основные предположения в отношении происхождения этого слова.

А.Преображенский²⁵ приводит следующие значения этого слова и его этимологию:

"*Котора, которы* стар.диал.перм. "ссора, раздор, распра"; *котораться, каториться, "ссориться"*; *которливый, каторник; каторочь* "задира" сближается с древним *hádara* "разодранная материя, тряпка"; н.-нем. *hader* "распра", арм. *kotor* "обрывок, кусок, убийство"; санскр. *kanthā* "платье с заплатами" и т.д.

М.Фасмер²⁶ дополняет еще одним вариантом этого слова: *котера* и приводит все имеющиеся предположения различных авторов о его происхождении главным образом из индоевропейских языков.

Однако нет сомнений в том, что русское слово *котора~котера* представляет собой заимствование из тюркских языков и генетически связано с основой *kötər-* "поднимать", *bas~baš köter-* "волновать, восстать, стать мятежником" (букв. "поднять голову").

Основа тюркского глагола *köter~kötör~göter~kütär-* с общим значением "поднимать", *köteril~kötöril~göteril~kütäril-* "подниматься, восставать" и *köterilis~kötörülüš~köterilis~köterüliš~göteriliš* "восстание, мятеж"; совр. "забастовка, стачка" тесно связана с другим тюркским заимствованием в русском языке *кутерьма*<тат. *kütärgmä* "подъем"; каз. "помощь, для оказания которой всадники с гиканьем скачут со всех сторон"²⁷.

Котора~котера и кутерьма восходят к субстантивным формам (масдарам) тюркского глагола *köter+üw~*

²⁴ Переводы даны по изданию: "Слово о полку Игореве" / Древнерусский текст и переводы. Вступительная статья, редакция текстов, прозаический и поэтический переводы, примечания к древнерусскому тексту и словарь В.И.Стеллецкого. М., 1965. С. 87, 92.

²⁵ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. С. 370.

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. II. С. 353.

²⁷ Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сборник. III. М., 1958. С. 28; в Татарско-русском словаре: *kätärlüw* "вставать, восставать, задираться" и т.д.; ср. древнерусск. *котороч* "задира" (И.Срезневский. I. 1301) из *kotoriwsči* "поднимающий восстание, мятежник".

kütärg+üw, но так как *котару~котеру* в русском соответствовало бы форме винительного падежа, то в именительном падеже это слово было усвоено в форме *котора~котера* по аналогии, например, с названием села на Алтае Ajuwlu, по-русски Аюла, или Birüwlü>Бируля, причем *котора~котера* восходит к языкам кыпчакско-половецким и, в частности, к половецкому языку, имевшему основной глагол käter-, то есть с широким гласным ё в первом слоге, а кутерьма (также из масдарной формы на -та kütärgmä) к языкам кыпчакско-булгарским (тат., башк.) с основой kütärg, в которых широкий ё отсутствует и замещается везде узким ю.

Наличие передних гласных в адаптированных русских формах слова *котера* и *кутерьма*, а также наличие палатализованного [р] в слове *кутерьма* лишний раз подчеркивают связь этих заимствований с тюркским глаголом köter-kütärg-, имевшим в своей основе передние гласные.

Что касается соответствия тюркизмов *кутерьма* и *котора~котера* словопроизводным моделям соответствующих тюркских языков, то, как уже указывалось выше, первая из них форма кутерьма представляет собой субстантивную глагольную форму (масдар) на -та/-те, со значением названия действия kütärg- “поднимать”-baš kütärg- “волновать, восстать (букв.поднять голову)”, kütärgta “волнение, суматоха, восстание, мятеж”, а вторая — *котора~котера* произошла от масдара на -uw/üw, то есть от формы köterüw, с тем же значением, что и kütärgta, но так как оформление *котерусовпадает* с русской формой винительного падежа, то в именительном была адаптирована форма с соответствующим русским окончанием на -а *котера~котора*, по аналогии с русскими, то есть по русской модели : *тара/тару* (название посуды), *отара/отару* (стадо овец) и т.п.

Значения всех этих слов, безусловно, тесно связаны между собой. Тюркский глагол köter-, köteril- (с соответствующими вариантами), как в сочетании с пояснительными словами (baš köter-), так и без них, имеет общее значение “поднимать мятеж, восставать, вносить раздор, суматоху, волновать” и проч.

Слово *котора~котера*, встречающееся в “Слове о полку Игореве” со значением “раздор, ссора, распра”, а также его производные, встречающиеся в других памятниках древнерусской письменности: *котораться, коториться* “ссориться” и *которливый, которник, которочь* “задира”, тесно связаны по своему значению с производными от тюркского глагола köter-, ср. кирг. kötörlüüs

“восстание, мятеж”; к.-калп. köterilis “восстание, мятеж, забастовка, стачка”; köterilissi “восставший мятежник, стачечник”, köterilissil “вдохновитель восстания, мятежа”; köterüüči-köterüwši “мятежник” и проч.

Слово *котора~котера* как наиболее древнее заимствование из половецкого языка соответствует фонетическим закономерностям кыпчакско-половецких языков, то есть оформлено через широкий ё первого слога (ср. каз., ног. köter-), в то время как второе тюркское заимствование в русском языке от того же корня кутерьма, как более позднее, соответствует фонетическим закономерностям современных татарского и башкирского языков, то есть оформлено через узкий ё первого слога (ср. тат. kütär).

Итак, слово *котора* (в “Слове” в форме *которою*) в древнерусском языке — заимствование из половецкого в значении “ссора, раздор, мятеж, распры” от основы köter-. Те же примерно исходные формы и значения этой основы даны и в половецком словаре “Codex Cumanicus”²⁸, например, kötürül-(coturul) “emporgehoben, aufgehängt werden; или köter-kötür- “erheben” (138, 14); а также в современных кыпчакских языках: к.-калп. köter- “поднимать”; köterilis “восстание, забастовка, стачка”²⁹; ног. köterilis “восстание”; baqyug köter- “поднять тревогу, устроить скандал” и т.п.³⁰.

Подводя итоги анализа тюркизмов — социальной терминологии в “Слове о полку Игореве” — следует отметить, с одной стороны, общепринятые этимологии (с небольшими отклонениями в трактовке) таких терминов, как *коган* (коганя), *боярин* (бояре), *быля* (былями), *салтан* (салътани), *чага* (чага), *кощей* (кощей, кощяя, кошиево), и с другой — терминов *кур* (до курь), *котора* (*которою*), которые до настоящего времени остаются спорными.

²⁸ Gronbech K. Komani-sches Wörterbuch. København, 1942. P. 156.

²⁹ Каракалпакско-русс-кий словарь. С. 339, 340.

³⁰ Ногайско-русский словарь. М., 1963. С. 181—182.

Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии

Л. Базен

Известные к настоящему времени древнейшие тюркские тексты представляют собой надписи, высеченные на надгробных камнях, находящихся в Центральной Азии на той территории, где на исходе VI в. из конфедерации тюркских племен, сплотившей кочевых пастухов и воинов, сформировались могущественные государства с ярко выраженными культурными традициями, государства, создавшие благоприятные условия для развития весьма оригинальной культуры.

Несмотря на постоянные политические, дипломатические, военные, торговые отношения с иранским и китайским миром и Византией, все эти тюркские государства в Центральной Азии вплоть до конца VIII в. строго сохраняли свои собственные экономические, социальные и религиозные традиции. Среди последних главную роль играл обряд погребения. Требовалось, чтобы он имел определенную форму, сопровождался публичным хвалебным словом о покойном с целью обессмертить его славу, если это был сколько-нибудь значительный воин.

Введение у тюрков (заметим, к VI в.) письменности, специально приспособленной к их языку и произошедшей от иранских прототипов, позволило усилить и зафиксировать устную надгробную речь, дополняя ее надписями, высеченными на вечных камнях (*бенгю таш* - тюркское название надгробных стел).

В настоящее время восстановлены и описаны более сотни этих высеченных на камнях эпитафий различной длины: от нескольких слов до пространных, хорошо составленных текстов. Именно они и являются древнейшим свидетельством языка и общественной мысли тюрков. Наиболее архаичные — лаконичные и наименее обработанные — датируются приблизительно VII в., новейшие могут быть отнесены примерно к первому тысячелетию. Однако группа важнейших и лучше всего датированных памятников принадлежит, несомненно, к VIII в. и находится на территории современной Монголии. Ис-

торическая интерпретация этих памятников наиболее надежна благодаря проверке сведений путем сопоставления их с другими источниками той эпохи (в особенности с китайскими). Среди текстов, содержащих главные исторические документы, следует назвать эпитафии военачальнику и государственному деятелю Тоньюокуку (на двух стелах, воздвигнутых в 725 г. вблизи реки Толы, недалеко от Улан-Батора), принцу Кюль-тегину, умершему в 731 г., и его старшему брату, императору Бильге-кагану (зятю Тоньюокука), умершему в 735 г. Эти две последние стелы находятся в верховьях реки Орхон, правого притока Селенги, и известны как “орхонские надписи” (I и II).

Древнетюркские надписи VIII в. из Монголии — и особенно эти три эпитафии — имеют весьма богатое и хорошо истолкованное историческое содержание. Именно поэтому мы примем их за основу данного этюда.

Для сравнения под наименованием “енисейские надписи” мы будем в некоторых случаях упоминать многочисленную группу эпитафий на памятниках, находящихся в бассейне великой сибирской реки Енисей, на территории современных советских автономных республик Хакасии и Тувы. Надписи этих эпитафий выполнены на древнетюркском языке, но они более краткие, без дат, хотя, несомненно, относятся к периоду, близкому упомянутым памятникам. Полагают, что в большинстве своем они были оставлены кыргызами, которые обитали в этих районах. Для того чтобы не усложнять это слишком краткое изложение, мы оставим в стороне аналогичные древнетюркские эпиграфические тексты, рассеянные в других регионах Центральной Азии (особенно западнее, в долине Таласа).

Первое замечание, которое следует сделать, состоит в том, что история в тюркских надписях Центральной Азии, признанных древнейшими тюркскими текстами исторического содержания, отражалась стихийно как естественная тема обряда погребения.

Одной из основных задач этого обряда было сохранение в памяти потомков некой идеальной жизни погребенного героя и одновременное сохранение по ту сторону его земной смерти его социальных групповых связей. Хвалебное надгробное слово (если его увековечивают в виде высеченного на камне текста) было задумано с целью произвести глубокое воздействие: оно продлевает жизнь имени, славы, памяти о герое; оно содержит также напоминание сородичам или соплеменникам о той роли, которую он играл в жизни общества, о его принад-

лежности к определенной социальной группе. Таким образом избегали как бы двух опасностей: усопший, исчезая из бытия или разрывая гармонические отношения, которые связывали его с земным обществом, по ту сторону жизни становится безучастным, более того, враждебным этому обществу. Сохранение же усопшим некоего определенного существования и своего социального статуса, оберегание им живых соплеменников — таковы две цели, которые эффективно достигались с помощью надгробного слова, а лучше с помощью эпитафии, высеченной на “вечном камне”. Именно поэтому в эпитафии надо упомянуть не только хорошо отредактированные важные события (и, среди прочих, возвышенные действия) земной жизни героя, но и основные черты его общественного положения и его деятельности в лоне своей группы. Индивидуальная история в эпитафийной эпиграфике строго обязательно связывается в определенном аспекте с историей общественной жизни индивидуума. Эта связь особенно возвыщенно показана в тех крупнейших древнетюркских надписях из Монголии, которые мы упоминали выше. Эти памятники также далеки от того, чтобы быть просто индивидуальными биографиями: насыщенные фактами, они представляют собой достоверный исторический синтез, показывающий умершего в каждый важный момент его жизни в лоне своей общественной среды. При этом все внимание редактора задерживается на этих моментах. Редактор очень часто (чаще, чем это необходимо для показа истории общественной жизни) оказывает влияние на рассказ о личной жизни героя. Такова эпитафия Тоньюкуку (где, как и в большинстве древнетюркских надгробных надписей, речь ведет сам умерший), начинающаяся со следующей фразы: “Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь тюркский народ был в подчинении у государства Табгач)”¹.

¹ Цитируемый фрагмент текста соответствует 1-й строке надписи в честь Тоньюкука (*Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М—Л., 1951. С. 64.*). [Здесь и далее прим. пер. — Ред.]

Видно, что здесь политический контекст (туркское подчинение и китайский протекторат) в большей степени, чем, например, родовой, связан с обстоятельствами рождения героя, а вопрос о его отце и матери нигде не возникает. Далее в надписи продолжается не просто рассказ о личной жизни Тоньюкука, о его детстве и юности, а рассказ о политических событиях, которые наполняли тот период его жизни. Здесь — первое крупное восстание тюрков против китайцев, подавленное из-за недостаточной дисциплины кочевников, затем — организация тюркских “маки” для войны за независимость, в которой герой будет играть большую роль.

Точно так же и в эпитафии императору Бильге-кагану. Детство и юность покойного, кроме как в кратком вступлении, не упомянуты. Однако имеется детальное и связное изложение политических, военных и династийных перипетий соответствующего периода. Действия и подвиги Бильге-кагана (как и его брата Кюль-тегина в эпитафии последнему) излагаются только в той мере, в какой они затрагивают жизнь общества, государственного образования тюрков: военные кампании, политический выбор, организация племен, меры, принятые для экономического процветания и политического господства тюрков, дипломатия, религиозные акты, имеющие государственное значение.

В этих условиях от индивидуума, и особенно вождя, задумавшего для социального и национального объединения в религиозных целях создать для погребального обряда эпитафию какому-либо выдающемуся человеку, требуются обязательное историческое осознание, социально-исторический подход и одновременно правдивость, достоверность фактов и их логическая связь.

Поэтому древнетюркские надписи Центральной Азии, составляющие часть надгробного похвального слова какому-либо лицу (более или менее значительному), имеют тенденцию оканчиваться историческим синтезом всего периода его жизни. Воскрешение в памяти человека во время (или после) его погребения приводило к воспоминаниям об истории его эпохи, которая понималась шире истории одной жизни. Но, с другой стороны, и общая история была изложена в масштабе этой человеческой жизни. Поле зрения такого аутентичного историка, каким являлся редактор эпитафии, по логике ритуала оказывается практически ограниченным периодом земного существования его героя. Обычно рассказ о событиях начинается с рождения героя и заканчивается описанием (сжатым или пространным) его погребения. Но последнее свободно может быть и пропущено, как это имеет место в надписи в честь Тоньюкука. С другой стороны, изредка встречаются и воспоминания о том периоде, который предшествовал жизни героя. Однако упоминание таких событий очень кратко и туманно, как, например, "история бытия" в I и II орхонских надписях, которая претендует на то, чтобы вести свое начало от сотворения мира: "Когда возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев, они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа"².

² Цитируемый фрагмент текста соответствует 1-й строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 36).

Этот отрывок демонстрирует огромнейшие усилия, когда-либо прилагаемые редакторами древнетюркских надписей Центральной Азии с целью сделать династию, насколько это возможно, древнее. И вот в таком тексте, высеченном в 732 г., точно устанавливаются исторические события, более древние, чем те, которые могли бы зафиксировать тюркские каганы Бумын и Истеми, жившие в VI в.н.э., но которых воспринимают уже как современников первых людей.

Бессилие этой возникшей из погребального обряда исторической формы охватить обширный период человеческой истории четко осознавалось. То, что введение письменности стало сравнительно недавней характерной чертой этой цивилизации, позволяет объяснить, почему не было возможности хранить в памяти слишком древние события.

Ограниченные в основном рамками одной человеческой жизни, исторические фрагменты древнетюркских эпитафий вплоть до VIII в. также базируются на относительной хронологии одного умершего героя, годы жизни которого (иногда неопределенные, чаще — зашифрованные) служат вехами для того, чтобы определить хронологию повествования.

Наиболее ранняя (около 725 г.) из тех крупнейших надписей в Монголии, которые мы упоминали — надпись в честь Тоньюкука, — начинает свое повествование, как это видно, с рождения героя. После чего в ней соблюдается очевидный хронологический порядок, но без каких-либо ссылок на даты. Самое большое — это то, что в заключении текста Тоньюкук объявляет: “Теперь я состарился”. Автор этого текста очень мало озабочен хронологией, хотя и обнаруживает в остальном определенные интеллектуальные качества: ясность, логику, заботы об истолковании и построении.

И наоборот, две орхонские надписи, выполненные несколько позднее, в 732 и 735 гг. (эпитафии в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана), содержат детальную хронологию жизни обоих героев. Приведем в качестве примеров следующие отрывки: “По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-тегин остался семи лет от роду... Шестнадцать лет он вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана... Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-Сенгуном”³. “На семнадцатом году я ходил с войском на тангутов... На двадцать втором году я пошел против табгачей... Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с кыргызами стали мне врагами”⁴.

¹ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 30—32 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 40).

² Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 24—26 надписи в честь Бильге-кагана (Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М—Л., 1959. С. 20).

Эта хронология по годам жизни покойного также весьма наглядно представлена в группе енисейских надписей, очень все-таки “примитивных” по содержанию и исполнению. В частности, нередко упоминается возраст, которого достиг герой ко времени своей смерти. И это — в обществе, где бытовал такой же тип счета, который существует для даты смерти и у нас. Хронологическую достоверность этих текстов симметрично обеспечивают до некоторой степени даты рождения и погребения в соответствии с той системой, по которой объявляется: “Я родился во время десятой луны” (считая за первую луну зачатия). Это утверждение, которое могло бы, на первый взгляд, показаться наивным, является следствием хронологической системы чисто относительных определений, составляющих цикл жизни человека. Такого рода факты ясно характеризуют цивилизацию, в которой именно человек, индивидуум, будучи одновременно слитым воедино с социальной группой, устанавливает историческую меру.

Неудобство хронологии, относительной к каждому человеческому индивидууму, не мешало ее пользователям — древним тюркам. Однако они испытывали необходимость параллельно прибегать иногда и к помощи других систем. Среди этих последних одна из наиболее простых, которая к тому же сохраняла принцип человеческого эталона времени, заключалась в выборе в недрах социальной группы привилегированного существа, правителя, который и мог служить объективной исторической справкой, т.е. они датировали события по годам жизни или по годам правления кагана. Так, несколько эпизодов жизни Куль-тегина были датированы в его эпитафии ссылками на возраст его брата Бильге-кагана.

Кроме этого, в результате возраставшего воздействия китайской цивилизации тюрки VIII в. начинают использовать в своих эпитафиях, чтобы обозначить некоторые даты исключительной важности (например, смерть героя, погребение, исполнение надписи), календарь объективный, с определениями не человеческими, а астрономическими. Это “двенадцатилетний животный цикл” — упрощенная адаптация официального китайского календаря. Так один решительный шаг перенес их к научной хронологии. В последующие столетия, и особенно в IX—X вв., в эпоху уйгурских династий, использование этого календаря засвидетельствовано уже во всех исторических документах, включая эпитафии.

Хронология в соответствии с “двенадцатилетним животным циклом” ставит комплексные проблемы, ко-

торые мы не имеем возможности здесь объяснить. Удовлетворимся лишь сообщением о том, что речь идет о лунно-солнечном счислении, где каждый солнечный год был разделен на двенадцать (иногда тринадцать) лун и где каждые двенадцать лет в последовательном соответствии именам некоторых символических животных (со всеми астрологическими вариациями, допускающими это) были сгруппированы по циклам, которые бесконечно повторялись. Так, в эпитафии Бильге-кагану (речь ведет его сын) новый правящий каган может прочитать: “Столько приобретя (завоевав), отец мой хан умер в год Собаки, в десятый месяц, двадцать шестого числа. В год Свиньи, в пятый месяц, в двадцать седьмой день, я устроил похороны”⁵. (Две эти даты последовательно соответствуют 25 ноября 734 г. и 22 июня 735 г. по юлианскому календарю новой эры.) Но в тюркских надписях Центральной Азии в VIII в. такая объективная хронологическая точность была явлением исключительным. Наиболее широко применяемым методом продолжает оставаться счет по годам жизни покойного.

Поскольку эти эпитафии ограничены жизнью одного человека и измерены в ее масштабах, объем и хронологическая точность которых недостаточны для современных требований исторического понимания, то принцип, главенствующий при составлении этих эпитафий, обусловливал потери в историческом изложении. Но зато в более широком масштабе он обеспечивал достоверность и реализм.

Общественный и религиозный характер этих эпиграфических текстов на стелах, воздвигнутых для всеобщего обозрения в соответствии с погребальным обрядом, исключал всякую неискренность. В самом деле, для уверенности в их религиозной действительности, а также для того, чтобы они могли сохранить для покойного аутентичное существование в потустороннем мире и весомо поддерживать его связи с собственной социальной группой, было необходимо соответствие этих текстов действительности, отсутствие в них ошибок и лжи и максимальное отражение в них жизненной реальности. Всякое искажение фактов влекло за собой, таким образом, и неверное изображение личности покойного, невыгодное для переживших его соплеменников, и могло вызвать его гнев против живых. Это было санкционировано и общественным недоверием, поскольку речь шла о событиях, еще живых в памяти современников, и той нелюбовью, которая в результате грозила подорвать контакты общества с покойным.

⁵ Цитируемый фрагмент текста соответствует строке Xa10 надписи в честь Бильге-кагана (там же. С. 23).

Значение, придаваемое достоверности эпитафии, было, по-видимому, велико. Поэтому, по крайней мере в эпитафиях Тоньюкуку и Бильге-кагану, констатируется, что именно интересовало их при жизни с целью предохранить от каких-либо изъянов подготовленную основу текстов, которые должны будут высечь на их могилах. В надписи в честь Тоньюкука совершенно очевидно, что весь текст был составлен самим покойным. В частности, любопытным свидетельством этого является воспоминание о его старости, а не о его смерти. Однако в эпитафию Бильге-кагану, составленную им лично, его сын внес несколько дополнений, четко выделенных. В обоих этих случаях и Тоньюкук, и Бильге-каган речь ведут от своего имени в форме первого лица единственного числа. Многочисленные эпитафии той же эпохи составлены точно так же. Реже речь ведет близкий родственник покойного — таким является сам Бильге-каган в эпитафии своему младшему брату Куль-тегину.

В любом случае правдивость представляется основным законом этих ритуальных текстов. Хотя определенно чувствуются многочисленные повторы, попытки хвалебных преувеличений, они никогда не приводят к неправдоподобности, более того, очевидны предосторожности, которые были приняты в этом отношении. Например, когда Бильге-каган упоминает крайние пределы своих военных походов, он пытается распространить их на словах до самых "границ мира", которыми являлись для него Тихий океан и горы Тибета. Но, как это оказывается в действительности, он старается лишь приблизиться к этим идеальным пределам, сопротивляется при этом искушению и пишет, как бы сожалея: "Вперед (на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунской равнины, немного не дошел до моря; направо (на юг) я прошел с войском вплоть до девяти эрсено⁶, немного не дошел до Тибета..."⁶.

Когда вопреки всему он поддается все же искушению бахвальства, то делает это в достаточно общих выражениях, которые не могут повлечь за собой какого-либо разоблачения: "... я привел в порядок и устроил народы четырех стран света... имеющих головы заставил склониться, а имеющих колени заставил согнуться. Так как вверху Небо, а внизу Земля мне были благосклонны, я, мой народ, то, чего он раньше не видел глазами, не слышал ушами..."⁷ (Примечательно, что в самой середине этого бравурного отрывка он не забывает упомянуть свой народ как совместного участника своих успехов, т.е. он не теряет ни ощущения реальности, ни ощущения своих социальных связей.)

⁶ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам Хв9 надписи в честь Бильге-кагана (там же. С. 23).

⁷ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам Хв10–11 надписи в честь Бильге-кагана (там же. С. 24).

Неприятные истины в эпитафиях не скрываются. Самое большее, что наблюдается время от времени в этом плане, — это эвфемизмы. Но часто стиль остается без прикрас, прямолинейным. Вот как Бильге-каган напоминает своему народу о восстаниях и отделениях племен, которые вели гражданскую войну или были уничтожены его дядей и предшественником: “Тюркский народ, покайся! Ты сам провинился и сделал низость (по отношению) к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и по отношению к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты сам, о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты на восток, то ты ходил на запад, и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала, как вода, твои кости лежали, как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие твоего непонимания и вследствие твоей низости мой дядя-каган отлетел”⁸. (Только в этой последней фразе из уважения к памяти кагана появляется эвфемизм “отлетел” вместо “был убит”, хотя этот император был обезглавлен, как это известно из китайских анналов.)

Искренность в изложении событий и в их оценке сопровождается одной из наиболее примечательных черт этой эпиграфической литературы. Точно так же старый Тоньюкук в конце жизни, наполненной военной славой, совершенно очевидно не скрывает своих побед над врагами, одержанных в нарушение приказов центральной власти, представленной тогдашним каганом, отцом царствующего правителя Бильге-кагана. Он говорит об этом последнем, своем зяте, с большой снисходительностью. Что касается Бильге-кагана, то будучи союзником (а в действительности вассалом) китайского императора, он, не колеблясь, бросается в атаку против китайской цивилизации, которую обвиняет в том, что она изнеживает дух тюрков-воинов. И он открыто преподносит свой договор с Китаем как продиктованный простыми соображениями материальной выгоды, исповедуя полный надменности племенной национализм: “Ничего особенного не было в Отюкенской черни. Но именно Отюкенская чернь поддерживала племенной союз. Обитая в этих местах, я пришел к соглашению с народом Китая, который давал нам без ограничения золото, серебро, парчу, бархат”⁹.

И этот же самый Бильге-каган, демонстрируя полную безграничность своей власти, которая распростра-

* Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 22–24 Большой надписи в честь Кюль-тегина (*Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 39.*)

* Здесь перевод толкования фрагмента текста Л.Базеном; фрагмент соответствует строкам 4–5 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 34).

няется, по его словам, “на четыре стороны света”, признается в тревоге, которую у него вызывают непоседливость его бегов, народа и их будущее: “О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, собрав тюркский народ, созидали племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал. Все, что я имел сказать, я вырезал на вечном камне. Смотря на него, знайте вы, тюркские теперешние начальники и народ! Покорные престолу начальники, вы ведь склонны впадать в ошибку?”¹⁰

Эта искренность, эта непосредственность, придающие этим текстам историческую ценность и глубокую документальность, ни в коей мере не являются признаком беспристрастности. Современная концепция исторической объективности и беспристрастности совершенно чужда этим людям, для которых основным является только истина. Они не задаются вопросом о том, был ли другой образ жизни или мышления, чем у них, определенным оправданием события или права.

По их представлениям, единственная достойная человека форма бытия была связана с миром тюркского пастуха и воина. А единственной мыслимой социальной структурой представлялась племенная организация с сильно развитой военной иерархией, где племена были объединены под властью кагана — абсолютного правителя, указанного самим Небом. И Небо, “Тенгри” — высшее божество древнетюркского пантеона, — которое и само стремится затмить всех остальных, было, разумеется, Небом тюркским, “турк Тенгри”. Оно вдохновляет и поддерживает тюркского кагана, обеспечивает победу тюркским войскам, непреходящий характер существования тюркского народа и его гегемонию над всеми его соседями. Указания Неба, общий космический порядок предписывают повиновение тюрков кагану, а других народов — тюркам. Это повиновение не может быть изменено, поскольку это сразу же нарушит общий космический порядок: “Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как Небо и Земля пришли в смятение, он стал нам врагом”¹¹. “Когда Небо вверху не давило тебя, и Земля внизу не разверзлась под тобой, о тюркский народ, кто мог погубить твое государство?”¹².

Политическая доктрина, которая выделяет тюркские надписи VIII в. в Монголии, является чем-то вроде монархического национализма божественного права. Всеенная иерархически представлена как племя: над массой народов “четырех сторон света” властвует привиле-

¹⁰ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 10–11 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 35).

¹¹ Цитируемый фрагмент текста соответствует 44-й строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 42).

¹² Цитируемый фрагмент текста соответствует 22-й строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 39).

гированная группа объединенных тюркских племен, над которыми, в свою очередь, владычествует императорский клан, и во главе этого клана стоит каган — хозяин вселенной, поставленный Небом. Каждое тюркское племя имеет своих рабов обоего пола из числа военнопленных или угнанных. Над ними находятся простолюдины, “темные массы” (как гласят надписи), которыми управляет аристократия из военачальников и богатых скотоводов, иерархически организованных и подчиненных бегу, который является вассалом кагана.

Эпиграфические тексты ясно выражают консервативные интересы: всякая политическая, социальная или религиозная перемена, всякое искажение древних обычаяв в какой бы то ни было сфере считаются дурным. Таким образом, в Центральной Азии в VIII в. у тюрков, как и у их соседей, экономическое и культурное влияние Китая (не говоря уже о его чисто политическом влиянии в качестве посредника в отношениях между предводителями племен) чувствовалось все более и более. По мнению таких глубоко консервативных правителей, как Тоньюкук или Бильге-каган, оно представляло опасность, о которой те объявляли в нескольких репризах (хотя и считались при этом союзниками китайского императора): “У народа табгач... была речь сладкая, а драгоценности мягкие (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы. (Те же), поселясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование”¹³.

Тюркский каган берет также на вооружение и доводы против оседлого образа жизни, занятий земледелием в долинах. Он заклинает сохранить жизнь кочевников и скотоводов и постоянно иметь центром перемещений горную зону священных лесов: “О тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкенской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т.е. за данью), у тебя совсем нет горя; когда ты останешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созиная свой вечный племенной союз...”¹⁴.

Приведенные отрывки ясно показывают, как центральноазиатские тюркские верховные правители VIII в., вдохновленные присущими им консервативными стремлениями, становятся политическими доктринерами, расценивающими исторические события в соответствии с их частным видением мира и общества и охотно раздающими дидактические советы и предостережения.

¹³ Цитируемый фрагмент текста соответствует 5-й строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 34).

¹⁴ Цитируемый фрагмент текста соответствует 8-й строке Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 35).

Эта тревога за догмы, отпечаток которой не носят предшествующие, более “примитивные” тексты, в точности передает беспокойство правящих традиционалистских кругов перед быстрой эволюцией воззрений — следствием все более тесных контактов с цивилизацией, интеллектуально и технически более прогрессивной.

Эта эволюция, впрочем, ярко проявляется и у самого Бильге-кагана (в то время как, оказывается, Тоньюокук, его престарелый тестя, твердо этому противится). Все более подчеркивая советы не доверять китайцам и их образу жизни, тюркский каган не пренебрегает, тем не менее, использованием их календаря (в упрощенной форме “двенадцатилетнего животного цикла”). Кроме того, в таком важном религиозном акте, как погребение своего брата Кюль-тегина, он призывает участвовать китайских мастеров, чтобы соорудить в честь героя храм и высечь (частично по-турецки, частично по-китайски) надпись, которая дошла до нас почти полностью.

И наконец Бильге-каган, желающий казаться консерватором, является, тем не менее, единственным из авторов древнетюркских эпитафий той эпохи, дерзнувшим высказать разумное соображение по поводу традиции погребального обряда. Он от имени здравого смысла доходит до критики тех крайностей, которые обычно происходили во время погребального оплакивания: “Мой младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, веший разум мой словно отупел, и сам я заскорбел. Время распределяет Небо, сыны человеческие все рождены, с тем чтобы умереть. Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные вопли исходили из сердца, я снова и снова заскорбел. Я предавался печали, думая: “Вот (скоро) испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!”¹⁵.

Это увещевание умерить ритуальные стенания и философская осмотрительность, которой они сопровождаются, четко обозначают у Бильге-кагана рациональную эволюцию мышления.

Крупнейшие тюркские надписи VIII в. из Монголии (в отличие от большинства енисейских надписей) выражают в весьма общей форме образ мышления, который совершенно не примитивен, в котором преобладают логические рассуждения и где четко изложены понятия относительной хронологии и причинности. Тем не менее в тех текстах, которые содержат понятия причинности,

¹⁵ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 50–51 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 43).

наблюдается определенная путаница между “причиной” и “следствием”. Этому благоприятствует языковая структура, которая не позволяет четко отличать одно от другого. И действительно, одна и та же частица означает “для того чтобы...”, “с целью...” и “потому что...”, “оттого что...”. Чаще всего события изложены в объективной последовательной связи, но к этому почти всегда присоединяется и рассуждение о конечной цели.

Намерения главных действующих лиц, а также (что настойчиво повторяется) воля тюркских божеств — Неба, Земли и Воды, которые выступают посредниками между вождями и правителями, — направлены на благо тюрков.

Таким образом, Бильге-каган в качестве следствия “приобретений” своего отца для трона (в особенно критический момент, когда китайский император хотел уничтожить остатки политической организации покоренных тюркских племен) преподносит следующее: “Но вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так сказали: “Да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет”. Небо, руководя со своих высот отцом моим Ильтериш-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их над народом”¹⁶.

Такая форма религиозного толкования исторических событий не является, впрочем, чисто “турецкой идеологией VIII в.”. Нечто очень похожее обнаруживается почти у всех восточных или западных историков античности и средневековья. Это продолжается также и у современных авторов, принадлежащих к самым различным цивилизациям.

Это не является, тем не менее, преобладающим у авторов тюркских эпитафий VIII в. из Центральной Азии. Вопреки некоторой видимости они вводят это только в ограниченном числе критических замечаний с целью объяснить неожиданное восстановление ситуации, благоприятствующей политике и оружию тюрков.

Это носит в определенной степени более патриотический, чем мистический характер. Для событий, развитие которых казалось соответствующим разумному предвидению, приводимое объяснение почти всегда оказывается “природным”.

Что же касается содержания в этих эпиграфических текстах исторической информации, то они представляют уникальную ценность и в большой степени удовлетворяют любопытство современной науки.

Конечно, как и все древние исторические повествования, они уделяют весьма большое место династийным

¹⁶ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 10—11 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 37).

и военным событиям. Поскольку, с другой стороны, они письменно повествуют о доблести умершего героя, там встречаются многочисленные пассажи, упоминающие о знаменательных деяниях, что более соответствует эпической форме, нежели чисто исторической, где подробно излагаются отважные действия героев: “Затем пришло пятитумменное войско табгачского Онг-тутука; мы сразились; Кюль-тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-тутука с вождями вооруженно рукою и с оружием представил его кагану. То войско мы там уничтожили”¹⁷.

¹⁷ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам 31—32 Большой надписи в честь Кюль-тегина (там же. С. 40).

Тем не менее, как это видно из приведенного примера, упоминание индивидуальных подвигов остается кратким, почти скромным, в сравнении с другими текстами подобного жанра. Кроме того, изложение династийных и военных событий никогда не отделяется от политического и дипломатического контекста и от контекста, который мы теперь назвали бы “экономическим”. Здесь речь идет о материальном положении племен, их стадах, определении продовольственных запасов, имущества и торговли, которыми располагали тюрки (все это, правда, в общих определениях, без точного перечисления). Материальное благосостояние является, несомненно, одной из общенациональных целей, о чем говорит далее правитель. “Золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их добытые из хлеба напитки, их верховых лошадей, их жеребцов, их черных соболей и их голубых белок я добыл для моего тюркского народа и все устроил... безграничным сделал”¹⁸, — так говорит Бильге-каган в своей собственной эпитафии.

¹⁸ Цитируемый фрагмент текста соответствует строкам Xv11—12 надписи в честь Бильге-кагана (Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 24).

Географический контекст содержит, в свою очередь, тщательную топонимику, которая позволяет нам проследить по карте пути племен. Регулярно упоминаются основные космические направления в соответствии с системой ориентации в основание которой положен восход Солнца (“вперед” значит “на восток”, “назад” — на запад, “направо” значит на юг, “налево” — на север). Кроме хронологических данных, о которых шла речь выше, часто встречаются указания, имеющие отношения к временам года (в соответствии с системой четырех времен года, аналогичной европейской). В ряде случаев есть указания, относящиеся к периодам суток, без которых не может быть временной точности. Но все же деления суток на часы у центральноазиатских тюрков в обычай, по-видимому, не было.

Пространные китайские исторические летописи, а также различные западные тексты (особенно византий-

ские) позволяют проверить целый ряд сведений путем сопоставления их с фактами, упомянутыми центральноазиатскими тюрками VIII в. в их эпитафиях. Эти сопоставления ясно показывают серьезность и высокую документальную ценность древнетюркских эпиграфических текстов. Они не только никогда не грешили против истины, но в целом ряде сюжетов привносили еще и массу ценной информации, отсутствующей в других источниках.

С точки зрения современного объективного понимания истории, древнетюркские эпитафии можно упрекнуть в чисто субъективном изложении фактов, в суждениях о значении тех или иных фактов в соответствии с направлением мысли их редактора. Это создавало возможность неправильной оценки основного значения этих текстов, которое, по-видимому, было религиозным. Это также мешало видеть весьма неравномерный интерес к тем фрагментам текстов, которые повествуют не только о развитии исторических событий, но еще и о психологии человека и народа, о мотивации, о различных идеологических тенденциях и об эволюции образа мышления тюркских кочевников Центральной Азии этой эпохи.

Нам представляется в результате, что древнетюркские надписи Монголии повествуют о примечательном периоде пробуждения исторического сознания у восточных кочевников, долгое время остававшихся в стороне от великих оседлых цивилизаций. Эти кочевники сохранили очень архаичные формы социальной и экономической организации и лишь недавно стали употреблять письменность. История умерших героев как прямой и непосредственный результат погребального обряда раздвигается до истории эпохи в целом. Человек, индивидуум остается в центре истории, и продолжительность его жизни фиксируется хронологическими рамками. Но так как индивидуум тесно связан и действует совместно с обществом и государством, его история является также и их историей. Из этого следует, что зарождение исторического жанра, в котором органично сочетались личные и государственные интересы, является очень примечательным для VIII в.н.э.

Концепция возраста у древних тюркских народов

Л. Базен

В технически и научно развитом обществе, где важное место занимает светская власть и где измерение физического времени определяется календарями, основанными на постоянных принципах астрономического счета, позволяющего одновременно восстановить в памяти временные рамки прошлого и выработать их для будущего, возраст представляет собой простую единицу измерения, поскольку она удобна для подсчета. Она практически не вызывает вопросов у пользующихся ею и для более длительного периода является хорошей мерой физического времени и особенно части этого времени от рождения какого-либо индивидуума до рассматриваемого момента. Годы возраста имеют, таким образом, одну природу с физическим годом; их названия происходят от одних и тех же мер и обычно обозначаются одинаковыми словами: “Ему 29 с половиной лет” и “Звездная смена Сатурна длится 29 с половиной лет”.

Но в обществе, где научное мышление еще находится в начальной стадии, где светская власть еще недостаточно свободна и где не существует точного календаря, все происходит по-другому. В связи с этим установление хронологических фактов этнографами, историками, лингвистами будет соответственно гуманитарным группам совершенно различным, и необходимо поэтому тщательно избегать поспешных обобщений. Психология и совокупность гуманитарных наук извлекли бы большую пользу из сравнительного изучения различных понятий времени (а не только понятия “лета”) во всех известных обществах. Но такого рода в высшей степени желательной работе должен предшествовать кропотливый анализ всех отдельных фактов, которые необходимо использовать. Данная работа является одним из таких подготовительных аналитических исследований, которое мы хотим изложить здесь в общих чертах. Она рассматривает концепцию возраста у древних тюркских народов Центральной Азии, особенно у тех, которые в VI—VIII вв. за-

нимали территорию современной Монголии и бассейна Верхнего Енисея (как это представляется в свете лингвистических фактов автохтонных текстов и источников соседних народов).

Еще и сейчас турецкие тюрки, которые, однако, уже в течение столетий живут в мире научного мышления и располагают точным календарем, никогда не используют одно и то же слово для понятий “год” возраста (*yaş*) и “год” физического времени (*yıl*). Этот пример является признаком некоего древнего состояния. Два слова, в одной и той же форме и идентичные по значению, противопоставляются друг другу уже в наиболее древних известных тюркских текстах-эпитафиях в Монголии и Верхнем Енисее VII—VIII вв. Они противопоставляются друг другу еще и до сих пор во всех живых тюркских языках (за исключением чувашского): в азербайджанском, туркменском, татарском, казахском, киргизском, узбекском, в языках Синьцзяна, языках Алтая, якутском и других, а это свидетельствует о древности факта.

Сравнительный лингвистический метод позволяет установить “общетюркскую” систему основных делений времени, к тому же четко зафиксированную в древних текстах. Понятие никтемерии (наш “24-часовой день”) отсутствовало. Отличали “световой день” — *kün*, что значит “солнце”, от “ночи” — *tün*, и считали отдельно дни и ночи. С другой стороны, имелся “месяц” (лунный), начинавшийся с фазы затмения луны (наше “новолуние”), называемый *āy* — “луна”. Все эти понятия были совершенно конкретны: ночь определялась своей темнотой, день — это “одно солнце”, месяц — “одна луна”. Легенды, сохранившиеся в современном фольклоре, обнаруживают древние верования, в соответствии с которыми эти два светила воспринимаются как живые существа, “рождающиеся” и “умирающие” (еще и сегодня во всех тюркских языках глагол “рождаться” — *tog* — используется, когда говорят о восходе солнца).

Солнце рождалось утром, умирало вечером и вновь рождалось на следующий день. Таким образом, два дня являлись “двумя солнцами”. Луна умирала на исходе каждого месяца, чтобы вновь родиться через некоторое время. И два месяца, таким образом, являлись “двумя лунами”. Ночи не учитывались, кроме тех случаев, когда имелось намерение подчеркнуть, что важные события происходили в ночное время. Но в общих случаях удовлетворялись обычно счетом количества лун и солнц. И, совершенно точно, в основе лежало понятие возраста. Слово, которое это обозначает (др.-турк. *yaş*), не изоли-

ровано в словарном фонде. Оно обозначает также влажность (*yāš* — “влажный” и *yāš* — “слезы”), свежесть молодых, напоенных соком деревцев (*yāš ot* — “молодая, свежая трава”), зелень (*yāš-il* — “зеленый”). Ключ к его этимологии был нам дан китайским историческим сочинением “Чу шу” (“Летопись династии Чу”), которое описывает тюрков Монголии (ту-кюе), ближайших соседей Китая в период, соответствующий 557—581 гг. О тюрках говорится: “Они узнавали о последовательной смене лет и отсчитывали время по зазеленевшей траве”¹. Это означает, что они не имели астрономического календаря для годового счета, а довольствовались тем, что узнавали о наступлении нового года по конкретному указанию вновь зазеленевшей весенней травы. Короче говоря, возраст отсчитывался с появлением зелени.

Таким образом, для определения дней-солнц и месяцев-лун древние тюрки прибегали к элементарному астрономическому наблюдению. Но их технический уровень был недостаточным, чтобы точно вычислить годовой солярный цикл. В этом случае вместо непосредственных наблюдений годичных модификаций перемещения светил они наблюдали последствия этих перемещений в природе, существенно важные для экономики степных кочевых пастухов.

Эта концепция возраста, соответствующая молодой зелени, полностью отвечала основной экономической деятельности общества, занимавшегося овцеводством. Ритм воспроизведения, весьма регулярный у этих травоядных, заключался в том, что ягнята рождались точно в начале весны, когда пробивалась молодая трава. Продолжительность жизни этих животных была с точностью отмечена вехами последовательного весеннего обновления зелени. Достаточно было сосчитать эти вехи, чтобы определить их возраст (который важно знать скотоводу). Нужно отметить, что это исчисление за точку отсчета принимало “один”. Двухлетняя овца достигает, таким образом, своей “третьей молодой травы”, т.е. турки говорят (еще и сейчас): “Ему три зелени” — *üç, yaşında*. Следовательно, слово *yāš* обозначает *не завершившийся год*, а *“который год возраста”*. Западные народы делали общую ошибку, когда переводили возраст, выраженный по-туркски. Забывалось, что нужно вычесть один из числа *yāš*, чтобы получить соответствие западному “годы” (понимаемые как завершенные).

Подобные затруднения возникают и в том случае, когда речь идет о человеческом возрасте. Он исчисляется таким же образом по “текущему году возраста” (не ис-

¹ Pelliot P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale // TP. Vol. 26. 1929. C. 207. [Здесь и далее прим. пер. — Ред.]

пользуя, однако, порядкового “один”), а не так, как у нас, по завершившимся годам. Девочка “в ее 12 *yāš*” в переводе на европейские понятия будет девочкой 11 лет.

Человеческим годам, однако, понятие “молодой зелени” не соответствует: дети рождаются во все времена года, а не только весной. И таким образом ставится проблема, как считать *yāš* человека, родившегося не во время весеннего обновления зелени. Ни один древний текст не дает нам точных сведений по этому поводу. Тем не менее нам известно (и это подтверждается современными этнографами), что тюркская культурная традиция, когда она не нарушена иными влияниями, практически игнорирует понятие “день рождения”. Оно, следовательно, столь же недостоверно, а приблизительно в подсчетах “годовщин”, как и всякое определение индивидуального возраста. Когда восточные тюрки адаптировали китайский календарь, они сочли свое *yāš* — точно так же, как и китайцы свой год возраста, — календарным годом. В китайском исчислении число возрастных лет точно соответствует числу лет календарных, в течение которых человек жил (хотя бы он прожил лишь день в одном из них). Ребенок, родившийся накануне китайского Нового года, считался на следующий день двухлетним! Если тюрки сразу приспособили эту концепцию, столь странную для нас, это, очевидно, нисколько не шокировало их, так как “день рождения” не имел значения и в их традициях. Они и сами должны были иметь систему, по которой все прибавляли свои годы одновременно, в начале общепринятого года.

Это начало определялось по весеннему обновлению зелени. Еще и теперь в народных тюркских календарях, не испытавших сильных сторонних влияний, год начинается с весны. Она определяется по моменту появления новой зелени, в основном в марте—апреле, но иногда и немного позже, в зависимости от климата. Так, например, якуты Крайнего Севера начинают свой год в мае, вслед за оттепелью. Принятие китайского гражданского календаря, по которому год начинался также с весны, но соответственно астрономическому определению, а именно в период, равнотостоящий от зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия (приблизительно 6 февраля по нашему календарю), не вызвало серьезных изменений в обычаях центральноазиатских тюрков. Принятие этого календаря лишь ускорило, немногим более, чем на один месяц, наступление их “Нового года” (*yıl başı*). Впрочем, китайскому правилу следовали лишь представители правящих кругов, а народные массы оста-

вались верны древнему тюркскому обычая. Тюрки, которые начиная с X в. поддерживали постоянные контакты с Ираном, сразу усвоили иранское определение начала года (*pawrgûz*, приходящийся в основном на весеннее равноденствие). Это определение находилось в полном согласии с тюркскими традициями, которые оно просто уточнило. Во всех случаях принцип оставался тем же: год начинался с началом весны (неодинаково вычисляемой, но примитивно связанной с обновлением зелени), и свои возрастные годы, свои “зелени” (*yâš*) тюрки осознавали с началом года (*yîl*).

Таким образом, слова *yâš* и *yîl* были строго различными в обиходе. Первое до наших дней употребляется обязательно (и единственno), когда речь идет о возрасте. Имеются тесные отношения между теми двумя понятиями, которые они выражают. Начало года возраста (*yâš*) и начало календарного года (*yîl*) совпадают, и счет *yâš* и *yîl* одинаков: сколько было прожито (даже частично) *yâš*, столько миновало и *yîl*. Эти отношения исказились у европейских и малоазиатских тюрков, на которых западная система счета оказывала воздействие достаточно долго.

Более того, хотя сюжет, о котором идет речь, никогда не осознавался, слова *yâš* и *yîl* являются этимологически дублирующими. Оба они восходят к одному алтайскому прототипу в форме *n'äl'*, означающему “влага, сок” (тунгус. *niäl — *niälakča* “влажный, зеленый” о растительности; монг. *inil* — *nilča* “молодые растения”, “новорожденный”; *nilbusun* — “слеза”, *nilbu* — “плевать”; см. также в большинстве финно-угорских, в венгерском *nyal* — “плевок”, в равной степени принадлежащее к этой серии). Алтайский инициальный **n'* — в тюркских языках всегда переходит в *u*- . Что касается финального *-*l'*, ему в большинстве диалектов соответствует *s* за исключением чувашского языка, где он переходит в несомненный *l*. Долгий гласный *a* сохраняется в некоторых диалектах, но в других становится короче; а сочетание *ua* часто переходит в *ui*. При этих условиях видно, что различие между *yâš* и *yîl* диалектного происхождения. Упрощая, можно предположить, что диалектная группа, от которой произошли почти все живые тюркские языки, кроме чувашского, имела слово *yâš*, а группа, от которой произошел чувашский язык (довольно отличающаяся сравнительно с остальными тюркскими языками) имела **yal>yîl*.

И та и другая формы обозначали понятия “влага”, “зелень” и “год” (связанные с ежегодным обновлением

зелени). Факт наличия в группе чuvашского языка первоначальной формы типа *yal (yal у волжских тюрко-булгар, предков чuvашей) объясняет то обстоятельство, что между типами yāš и yīl никогда не встречается противопоставления ни в употреблении, ни формального. Одно и то же слово s'ul, произошедшее от *yal, означало там одновременно “год” и “возраст”.

Казалось бы, что с этим путешествием в алтайскую предысторию тюркских языков мы уклонились от анализа психологического содержания слова yāš. Но в действительности факты, которые мы только что выделили, исторически раскрывают это содержание. В самом деле, если древние тюрки, принадлежащие к диалектной группе yāš, ощутили необходимость позаимствовать у группы *yal/yīl слово yīl не в значении “год возраста” (для которого остается засвидетельствованным только yāš), а как “год (вообще)”, “<общепринятый год”, то именно это слово и в этом понимании оказалось способным устранить изъян. Оно употреблялось в иных выражениях, чем их единственное наименование года — yāš, которое не имело “обобщающего” смысла, а было пригодным лишь для того, чтобы указывать “годы, прожитые индивидуумом”, те “годы возраста”, которые определялись объективно, в конкретной форме весеннего обновления.

И наоборот, если диалектное слова yīl оказывалось пригодным для обозначения понятия “общепринятый год”, то в группе людей, где была принята такая форма, что понятие определенно должно было развиваться в условиях общественного сплочения, становления государства, относительно объединенного внутренне, где совершенно необходим календарь (точный или приблизительный), общий для союза племен. Этот календарь не сокращал более местного определения “весеннего обновления зелени”, дата которого могла заметно варьироваться в зависимости от географического положения. Отнюдь даже не рассматривая предысторию тюркоязычных народов, можно ясно увидеть то государство, которому принадлежала правящая роль с III в. до н.э. до 155 г. н.э., государство, которое китайцы в своих летописях называли Хунну. Интерпретации немногих известных слов этого народа позволяют отнести его к тюркской (или прототюркской) диалектной группе, в которой имеется вариант -l, а не -š, и это соответствует -l первичного алтайского. Тем самым группа *yal/yīl, отмеченная выше, подтверждает хуннское происхождение (в новом смысле “общепринятый год”) слова yīl, заимствованного тюркскими диалектами группы yas. Именно эти диалекты ны-

не составляют подавляющее большинство, к которому относился и древнейший зафиксированный письменный тюркский язык — язык эпитафий Енисея и Монголии VII и VIII вв. Благодаря китайским источникам известно, что империя Хунну с некоторым непостоянством влияла на наибольшую часть древнетюркского языкового ареала, особенно на всю современную Монголию.

Как бы там ни было, в диалектах группы *yāš*, которые нас здесь особенно интересуют, понятие “общепринятый год”, “календарный год”, связанное с заимствованным словом *yīl* не кажется обиходным в наиболее архаичных текстах. Там, наоборот, понятие “год возраста” и слово *yāš* фиксируются постоянно. Все происходит так, как если бы темпоральная концепция ежегодного обновления зелени с самого начала была привычной только в функции возраста одного человека, а не вообще в масштабе целого общества (хотя бы и основательно организованного по клановой иерархии). История древнетюркской “словесности” (эпиграфической) очень показательна с этой точки зрения, и теперь полезно дать ее краткий очерк.

Существует достаточно однородная группа древнетюркских эпиграфических текстов, которые хотя и невозможна археологически датировать с высокой степенью точности, но которые по своей форме, графике, стилю, идеологическому содержанию согласуются между собой и могут быть охарактеризованы как наиболее архаичные. Это надгробные надписи, называемые “енисейскими”, размещенные в долинах бассейна верховий этой реки, приблизительно до 54-й параллели. Но во всех этих текстах слово *yāš* и концепция возраста, которую оно скрывает, присутствуют постоянно, тогда как слово *yīl* появляется только дважды (дважды в пятьдесят одном тексте!), к тому же в текстах, видимо, более современных, чем другие, где обнаруживается новое и более живое ощущение светской власти (опыт точной хронологии).

За исключением этих двух последних текстов, авторы енисейских надгробных надписей (которые должны датироваться VII в., а некоторые достигают, без сомнения, начала VIII в.) из различных определений годового периода были знакомы, по-видимому, только с индивидуальными годами возраста (*yāš*). В данном случае — с годами возраста погребенного, в честь которого была высечена стела. В соответствии с древнетюркским погребальным обрядом краткая биография усопшего влагалась в его собственные уста и часто отмечалась “вехами

дат” по годам его возраста. Они обозначали важнейшие точки его родовой и общественной карьеры, но не были, таким образом, упорядочены хронологически и в основном представлены в контексте аффективных стенаний. Таков, например, перевод надписи Бегре:

“Я, Тёр-апа (или Тёрпа) ичреки, в 15 лет я был взят на воспитание к китайцам. В отношении моих принцесс я в горе отдался. Я не стал ощущать солнце и луну. Я расстался со своими тремя сыновьями. Горюя, я не насладился. Мужайся!

Имея свой сытый скот, я хорошо путешествовал на конях, но и тут не насладился. Я горюю. Теперь я глух (и слеп) к своим стадам.

Я отдался, горюя, от своей земли и своей воды. В печали, в отношении вас моих горюя, я отдался и не насладился в отношении своего народа, своего племени и своих родственников. Я не насладился своим государством и своим ханом. Мой возраст 67, я стал глух ко всему. Я отдался на чужбине от своих родственников, там от своих бесчисленных друзей (или от богатства и друзей) я отдался от вас моих, моих добрых товарищей.

В мои 15 лет я пошел к китайскому императору, ради моих способностей по геройству. Золото, серебро, другие ткани в (китайском) государстве (и) людей (жену?) я приобрел. Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей”².

Деления, которые мы ввели в этот текст, соответствуют четырем плоскостям стелы. Заметна неопределенность плана.

Хронология зачаточная и сведена к трем датам возраста: 15-летие, женитьба; 67-летие, смерть; вновь 15-летие, поездка к китайскому двору (в последнем случае отмечается также и возвращение назад). Та манера, в которой выполнена гравировка стелы, показывает, впрочем, что вначале резчик не знал совершенно точно, куда он направит надпись, и что он специально, последовательным нащупыванием искал, чем заполнить всю поверхность используемого камня. Определенность возраста, обозначенная в этой эпитафии и в других из той же группы, доказывает существование в этом обществе или по меньшей мере в правящих семьях (подобные монументы имеются только для значительных лиц) исчисления лет возраста, “зазеленения” индивидуумов. Это уже указывает на пробуждение определенного хронологического сознания индивидуума в тесном соответствии с фамильной и общественной историей. В памяти задерживаются те годы возраста определенного лица, когда происходи-

² Перевод текста памятника соответствует переводу С.Е.Малова (*Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952. С. 29—33.*)

ли события, примечательные для его общественного статуса (потеря отца или матери, женитьба, вступление в должность или сан и, наконец, смерть), и именно они упоминаются в его эпитафии. Однако среди примечательных событий есть одно — рождение, которое явно не включено в возрастную хронологию лица. Это было серьезной лакуной, и несколько авторов эпитафий осознавали ее. В двух географически близких текстах (Алтынкель I и II) ощущается наивное усилие, свидетельствующее о неудовлетворенной интеллектуальной необходимости зафиксировать в какой-то степени “дату рождения” покойного. Связанные системой счета возраста, принятой в древнетюркской эпитафийной формуле, авторы смогли “установить” момент его рождения только по продолжительности беременности: “Десять лун она носила (меня) моя мать! Она принесла (меня) моему элю” (АК I,7); “Десять лун она носила (меня) моя мать! Я родился мальчиком. Я вырос воином” (АК II,5)³.

Здесь не ошибка. Эти “десять лун” не представляют собой никакой исключительно продолжительной беременности, упомянутой в связи с этим. В древнетюркской системе счета они точно эквивалентны нашим “девяти месяцам”, потому что “девять месяцев” приходились на десять лунных месяцев, как это обычно и исчислялось. Именно так, как считалась полным годом возраста всякая вообще часть года, прожитая лицом.

Эти два отрывка демонстрируют нам, что древние тюрки хорошо знали продолжительность беременности и высчитывали ее по лунам. Кроме этого отрывки показывают появление уже далеко не ничтожной потребности в хронологии, определенную историческую заботу и начало логического мышления в отношении временных сопоставлений: раз упоминался возраст героя в момент его кончины, значит, и симметрично должен быть указан срок его рождения.

Отказ от этой неудавшейся попытки в позднейших эпитафиях того же региона указывает, с другой стороны, на осознание неудачи метода. А именно — упомянутые недостатки возрастной хронологии, уже отчетливо ощущаемые сознанием, которое начинает пробуждаться у представителей светской власти и которое привело немного позже к пониманию хронологии, обособленной от индивидуального и связанной с социальной группой, хронологии по общепринятым годам. Отсюда следует, что заимствование этого понятия и слова *yıl* (в диалектных группах — *yal/yıl*), которое его выражает, было более передовым для выработки общественной

³ Перевод фрагментов соответствует переводу С.Г. Кляшторного (*Кляшторный С.Г. Стела Золотого озера // Turcologica. Л., 1976. С. 261–262.*)

хронологии, чем группа *үәш* наших надписей. Этот переход от понятия года возраста, года, прожитого индивидуумом, к общепринятым году, году, прожитому всей социальной группой, отражает интеллектуальное стремление к обобщению, а следовательно, определенное развитие логики и научного мышления. Он отражает также приобретение новой техники хронологии — календаря, пригодного для всех, с необходимым установлением основных общепринятых обозначений для последовательно повторяющихся лет.

Древние тюрки диалектной группы *үәш* прогрессивно внедрили эту технику, поразительный по своему научному уровню календарь своих соседей-китайцев. На исходе VI в. и на протяжении VII и VIII вв. этот календарь все шире и шире усваивался в упрощенной и адаптированной тюрками-кочевниками форме. Мы не можем детально описать здесь этот календарь. Ограничимся лишь сообщением о том, что он комбинировал лунные месяцы (начинавшиеся, как и прежде, у тюрков с новолунием, но вычислявшиеся точными астрономическими методами, а не путем простейших наблюдений) и солнечный год, начинавшийся в равнотстоящий момент между зимним солнцестоянием и весенным равноденствием. Этот момент, однако, располагали так, чтобы он приходился на новолуние. Первый лунный месяц года должен быть, таким образом, наиболее близким к теоретическому началу солнечного года. Нельзя сказать, что заимствовавшие этот календарь древние тюрки не вникали в эти сложные определения, но они довольствовались тем, что практически использовали данные, предварительно выработанные в Китае. Расхождение из-за ошибки, которая существует между 12 лунными месяцами и тропическим годом, регулярно компенсировалось включением добавочного месяца. Луны, следующие одна за другой, именовались просто по их порядковому номеру (кроме добавочной луны, нумеровавшейся при необходимости — *bis*).

Что касается годов, то они обозначались по датам правления каганов, а также по совокупности двух классификационных серий: одна — в 10, другая — в 12 лет, в соответствии с шестидесятилетним циклом. Но в народной среде пользовались более простым циклом двенадцати животных, каждое из которых соответствовало одному из 12 лет классификационной серии. Они имели символическое значение в китайской астрологии: Мышь, Корова, Тигр, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Петух, Собака, Свинья. Еще недавно ут-

верждалось, что двенадцатилетний животный цикл тюркского происхождения, поскольку тюрки широко распространили его в Азии. Но более точный исторический анализ показывает, что тюрки заимствовали его из Китая в VI в. (он стал обычным и общепринятым для них приблизительно к концу 700 г.; наиболее древние тюркские надписи не сообщают о нем). В упрощенной и популярной форме китайский календарь был легко принят тюрками: как и китайцы, они обозначили луны по порядковым номерам, но обозначения годов по названиям двенадцати животных они перевели на свой язык.

В таком зачаточном виде, в каком и могла быть хронология, основанная на двенадцатилетнем цикле (названия лет вновь повторялись по истечении этого периода), она представляла для древних тюрков решительный прогресс по сравнению с хронологией по возрастным годам. Благодаря ей был совершен скачок от концепции времени, прожитого индивидуально, к концепции универсального времени.

Такого рода скачок требовал определенного интеллектуального развития и нового осознания светской власти, которыми не обладали все индивидуумы. Поэтому в первое время введения двенадцатилетнего животного цикла его использование было исключительным, оно стало фактом только для особенно развитого сознания. Так, единственный эпиграфический текст Верхнего Енисея (Элегес, начало VIII в.), где это обнаруживается, является произведением автора, уже способного вместо чувства безнадежности перед смертью, общей у его со-племенников (ср. предшествующий перевод эпитафии Бегре), на некое философское размышление: “Человек в этом мире рождается так же, как я умираю, это верно. Это произошло в год Тигра”⁴.

Другая эпитафия с Верхнего Енисея, где вместе со словом *yıl* есть и понятие “общепринятый год”, не имеет в своем составе даты в соответствии с двенадцатилетним животным циклом. Однако, еще широко используя хронологию по годам возраста, она содержит расчет продолжительности (40 *yıl*) в общепринятых годах: “В мои 5 лет я остался без отца, а в мои 19 лет я потерял мать. Я возмужал и в свои 30 лет стал огя (титул). В 40 лет, как алпэль-тутук (титул), я управлял моим народом. Я воевал с внешними врагами и побеждал их. В мой 61 год, о Луна и Солнце на Голубом Небе! — я умер. О вы, мои!”⁵.

Этот текст, который содержит указание на продолжительность деятельности и четыре хронологические отметки по годам возраста, показывает пробуждение исто-

⁴ Перевод фрагмента текста Л.Базена. Фрагмент соответствует строке 9 по изданию С.Е.Малова (Енисейская письменность. С. 27).

⁵ Перевод фрагмента текста Л.Базена. Фрагмент соответствует строкам 2—5 по изданию С.Е.Малова (там же. С. 81—82).

рического сознания. Но темпоральное мышление там еще неопределенно: автор не дает календарных дат (хотя он и осознает срок в 40 общепринятых лет). Он также упоминает свой титул “огя” (потому что более воспитан) прежде своего титула “алл-эль-тутук”, который тем не менее был приобретен раньше и который соответствовал его действительным социальным функциям (титул “огя” являлся не более как почетным).

Если теперь мы обратимся к группе надписей, в целом менее архаичных (все позже 700 г.), оставленных тюрками на территории современной Монголии, мы заметим вначале ту же неровность и те же колебания в хронологическом материале.

Древнейшая из серии — это Онгинская надпись, эпитафия относительно юному стороннику правителя Бильге, убитому в гражданской войне, которая предшествовала правлению последнего. Надпись содержит “новую” концепцию, поскольку она дает одновременно дату рождения (приблизительную) и дату кончины (точную, с указанием месяца) героя: “Я родился в годы правления императора Эльтериша Завоевателя...” (Затем слово переходит к сыну покойного.) В год Дракона, в седьмой месяц вы (ушли) отделились от сильного геройского кагана”. И далее: “Мой дорогой отец, он мудрый. В год Дракона этот мудрый и славный муж, этот благородный хан, мой дорогой отец умер”⁶.

Наше знание китайского календаря, использованного здесь в тюркской модификации, позволяет определить соответствие 7-й луны года Дракона 24 июлю — 21 августа 716 года. Дата — исторически достаточно точная. Но правление Эльтериша длилось с 682 по 691 г., и мы не можем знать, какой из этих девяти лет соответствовал дате рождения героя (возраст которого в момент кончины не был указан, по крайней мере в сохранившемся фрагменте текста). Однако мысль датировать подобным образом дату рождения (пусть приблизительно) по упоминанию правления и к тому же в связи с историей народа указывает уже на историческое мышление.

Следующая надпись группы (Ихе-Хушоту), которую можно датировать посредством сопоставления приблизительно 720 г., сама не содержит даты двенадцатилетнего календаря. Это эпитафия восьмидесятилетнему вождю, уже давно удалившемуся от дел. Хотя надпись пространная и подробная, но, когда речь идет, например, о наиболее значительных военных подвигах усопшего, она не содержит ничего, кроме следующей хронологической записи: “... в государстве (Эльтерис) кагана состарив-

⁶ Цитата, приводимая Л.Базеном, не обнаружена нами в тексте известных изданий памятника.

⁷ Цитируемый фрагмент текста соответствует строке 4 надписи на “правой стороне” памятника по изданию С.Е. Малова (*Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959. С. 10.*).

⁸ Перевод фрагмента текста Л.Базена. Фрагмент соответствует строкам 3—7 горизонтальной надписи в верхней части памятника по изданию С.Е. Малова (там же. С. 11).

* Цитируемый фрагмент соответствует строке 3 надписи на "западной стороне" памятника по изданию С.Е.Малова (там же. С. 28). Здесь Л.Базен вместо Эльтериш-кагана, как у С.Е.Малова, упоминает в цитате Бильге-кагана.

¹⁰ Giraud R. L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique. P., 1961.

шишь, хорошо вечную память увидел (заслужил). Великий Кули-чур, прожив 80 лет, умер"⁹. (Нельзя учитывать как позднейшее хронологическое указание текста, гласящего, что "в свои 7 лет он целился, как 20-летний человек". Здесь просто имеется в виду, что и в детстве он был исключительно умен и храбр.)

В технике датирования этот текст отстает от предшествующего. Но он обнаруживает слабую попытку датировать (по годам правления) общественные явления наряду с традиционным употреблением счета по годам индивидуального возраста.

Наиболее удивительным является документ, где имеет место намеренное умолчание датировки по общепринятым годам (при помощи китайско-тюркского календаря двенадцатилетнего животного цикла). Автор его — "древний тюрок", интеллигентный и образованный, но крайний "националист" и "реакционер" в отношении техники, "современной" для его эпохи. Это известная надпись в честь Тоньюокука, с которой мы хорошо знакомы благодаря работам нашего коллеги и друга Рене Жиро¹⁰, у которого мы заимствуем основную часть следующих наблюдений.

Мудрый Тоньюокук являлся крупным военным и политическим деятелем Тюркского каганата (в Монголии) в конце VII — начале VIII вв. Происходивший из китайизированной тюркской "мандаринской" семьи, большой знаток китайской культуры и одновременно тюркской письменности, он приложил все свои знания и энергию для избавления своего народа от китайского протектората, длившегося с 682 г. до восстания тюркских племен и создания Второго каганата. Он был правой рукой руководителя этого восстания тюркского кагана Эльтериша ("Собирателя империи") и играл до самой своей смерти (около 725 г.) ведущую роль при последующих каганах — Капагане Завоевателе (691—716) и его племяннике и наследнике Бильге Мудром. Содержание его эпитафии (которая к тому же является единственной в древнетюркской литературе, не повествующей о смерти своего героя) совершенно очевидно, как установил Р.Жиро, показывает, что Тоньюокук, как человек здравый и предусмотрительный, составил ее в старости. Современные ему китайские историки, часто презрительно относящиеся к "варварам", в официальных хрониках китайской империи приписывают ему значимость в совокупности с осторожностью. Мнение противника и основательность автобиографического текста Тоньюокука, блестяще составленного в виде причинно обусловленной цепи собы-

тий, ясного по социальным и экономическим обстоятельствам, политически искусного в изложении доктрины существования кочевой империи (в основе которой лежат политика реакции против “модернизма” и предостережения его суверену Бильге-кагану против “китайских соблазнов”), соперничают в представлении о нем как о человеке высшего разума в сравнении с его исторической средой.

Итак, это холодный политик, сознательный стратег светской власти, способный предвидеть хронологическое развитие обширной военной кампании, в своей подробной эпитафии, чрезвычайно длинной и политически тенденциозной, составленной до его рокового конца, оставил нам только неопределенные и весьма незначительные датирующие указания.

Вот они: (1) “Я, мудрый Тоньюкук. Я родился в период китайского доминирования”¹¹, — известно, впрочем, что этот китайский протекторат длился целое пятидесятилетие (630—682). (58) “Я приказал написать это во время правления Бильге-кагана”¹², — это правление, начавшееся в 716 г., закончилось в 734 г.; оно длилось еще десятилетие после смерти Тоньюкука.

Эта неточность “дат” (если можно так сказать), приведенных Тоньюкуком, происходит не от его неведения. Престарелый тюркский вождь определенно знал двенадцатилетний календарь, но он не пожелал сделать сообщение, использовав это китайское нововведение. Он, происшедший из китаизированной семьи, сделал делом своей жизни энергичную борьбу против проникновения китайской культуры. С другой стороны, его историческое сознание было достаточно развитым для того, чтобы удовлетвориться традиционной хронологией по годам возраста. И он изыскал, таким образом, для двух “дат”, которыми решил ограничиться, хронологию, одновременно объективную и близкую тюркской традиции. А именно, по годам правления или по политическому режиму (китайский протекторат; годы правления Бильге). Хотя он и довольствовался тем, что, несмотря на свое собственное интеллектуальное развитие, не чувствовал никакой необходимости давать в автобиографии точные даты (которые, впрочем, он мог с определенностью установить), но на деле в своем рассказе он придерживается строгой хронологической последовательности. То, что он описывает, есть не история как таковая, а моральные и политические наставления, которые, как он сам считает, должны были спасти его потомков. Он внимательно относится к психологической и политической

¹¹ Перевод фрагмента текста Л.Базена. Фрагмент соответствует строке 1 надписи по изданию С.Е.Малова (*Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. С. 64.*)

¹² Перевод фрагмента текста Л.Базена. Фрагмент соответствует строке 58 надписи по изданию С.Е.Малова (*Памятники древнетюркской письменности. С. 70.*)

связи событий, а не к их частной хронологии; он не историк, а только моралист и политический деятель.

Большой прогресс в области исторической хронологии был сделан несколько позже в той же социальной среде, к которой принадлежал и Тоньюокук, но человеком более молодым и более расположенным к новому научному мышлению (которое пришло к тюркам из Китая). Редакторы эпитафий Кюль-тегину (“Принц-озеро”, брат Бильге-кагана) и самому Бильге (зятю Тоньюокука), тексты которых были высечены соответственно в 732 и 735 гг. и кажутся инспирированными главным образом лично Бильге-каганом, постоянно заботились о датировке, год за годом, многочисленных исторических событий, о которых шла речь. Но, как истинные тюрки, которые были ярыми поборниками исконной культурной традиции (текст не оставляет сомнения на этот счет), они продолжали давать детальную хронологию по годам возраста (*yāš*) усопшего. Их забота о действительно исторической хронологии обнаруживается только в заключении эпитафии Кюль-тегину, где они четко сообщают возраст покойного в момент его смерти и точный день этой смерти в соответствии с календарем двенадцатилетнего животного цикла, точно так же, как и дни погребения и сооружения монумента: “Кюль-тегин отлетел в год Овцы, в семнадцатый день (27 февраля 731 г.). В девятый месяц, в двадцать седьмой день (1 ноября 731 г.) мы устроили похороны. (Надгробное) здание, резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день (21 августа 732 г.). Кюль-тегин умирал сорока семи лет”¹³.

¹³ Цитируемый фрагмент текста соответствует заключительной части “Большой надписи” памятника по изданию С.Е.Малова (там же. С. 43).

Следовательно, можно по календарным годам восстановить все хронологические данные текста в годах возраста Кюль-тегина, поскольку эти годы возраста соответствуют общепринятым годам и это соответствие сообщается. Таким образом, путем ухищрения полностью оставаясь верными старым местным традициям счета по годам возраста усопшего, редакторы надгробной стелы в честь Кюль-тегина в действительности используют в повествовании подлинно историческую хронологию, календарную хронологию современного типа.

Менее ясны детали в эпитафии Бильге, где повествование тщательно распределено по годам возраста усопшего, где день его смерти и день погребения даны по двенадцатилетнему календарю, но где по курьезной небрежности не упомянут его возраст в момент кончины. Однако изложенные события почти все, так же, как и в эпита-

фии Кюль-тегину, столь ясны, что простая проверка путем сопоставления позволяет обнаружить систему хронологии по календарным годам двенадцатилетнего животного цикла. Эти годы, впрочем, в обоих текстах определены в соответствии с китайским календарем, разновидностью международного календаря Северо-Восточной Азии того времени.

Понадобилось ждать еще двадцатилетие, прежде чем обычай датировать события по календарю двенадцатилетнего животного цикла стал общим для тюркских народов Монголии. Политическая власть перешла в руки тюрков-уйголов, чрезвычайно чувствительных к китайскому влиянию. Надпись Шинэ-усу, эпитафия уйгурскому правителю 759—760 гг., повествует о ряде событий в четком хронологическом порядке и, начиная с 743 г., регулярно датирует их (часто с точностью до одного дня) в соответствии с китайско-туркским двенадцатилетним календарем: “В год Овцы я двинулся в поход. Второе сражение я дал шестого числа первого месяца...”¹⁴ (4 февраля 743 г.).

С этого времени, по-видимому, прекращает свое существование хронология по годам индивидуального возраста. Возраст лица в момент какого-либо события иногда указывается, но при таких же условиях, как это делаем и мы: не для датировки, а для большей детализации. Иногда сообщаются и даты правления, но основной хронологией отныне навсегда будет хронология календарная. Она становится все более подробной и доходит до чрезмерности у турфанских уйголов X—XI вв. Если ранее авторы китайских хроник сообщали день, месяц и год, благодаря чему их сведения достаточно точны, то уйгурские авторы в известных случаях добавляют также астрологический момент в соответствии с положением Луны среди 28 светил (накшатрас) индо-буддийской традиции. Тщательно составленные календари быстро распространялись в тюркоязычной среде и содержали астрономические и астрологические (как дань своему времени) сведения. Туркская культура Центральной Азии была вступлением в эру хронологии по астрономическому календарю, однако и западные тюрки, будучи в контакте с исламом, который они приняли, адаптировали одновременно календарь, астрономию и астрологию арабов, унаследованные от греческой науки.

Этот беглый очерк истории хронологических концепций у древних тюрков дает возможность наметить линии процесса, темпорализации, связанной с их интеллектуальным пробуждением и возрастающим участием в

¹⁴ Цитируемый фрагмент текста соответствует строке 9 надписи по изданию С.Е.Малова (Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 39).

международной научной культуре. Вначале год, хотя и объективно определенный (чисто эмпирическим и конкретным образом), как “обновление зелени” природы, осмыслялся практически как год, прожитый индивидуумом, т.е. являлся в основном “годом возраста” (*yāš*). Это был такой период, когда потребность в хронологии пробуждается сперва робко и неясно, когда история одной жизни отмечалась единственными вехами индивидуальных лет жизни. Но мало-помалу развитие государственной структуры, ведущее к необходимости установления определенной общепринятой хронологии, достигло уровня осознания года не только в связи с индивидуумом, но и со всем обществом в целом. Для этого общепринятого года из соседней диалектной группы с более передовой формой светской власти было заимствовано дополнительно слово *yıl*. Это позволило обозначать и различать годы возраста и отдельные даты; такая возможность сохраняется еще и до наших дней в тюркских языках группы *yāš*.

Далее в результате развития межгосударственных отношений, в особенности с Китаем, осознается польза точного календаря и его принятия вслед за успешным освоением в адаптированной и упрощенной форме двенадцатилетнего животного цикла китайского календаря, что обеспечивает эту новую потребность. Таким образом, новая техника счета и датировки, преимущества которой очевидны, сталкивается с рутинной, традиционной датировкой и вступает в активное соперничество с этой архаичной, глубоко внедрившейся техникой счета и датировки по годам индивидуального возраста. Эта техника сохраняется до середины VIII в. также у высокообразованных, но бескомпромиссных в отношении нового календаря тюрков. Позднее календарь двенадцатилетнего животного цикла входит в обычай и служит для точной, объективной датировки и измерения времени. Индивидуальные годы возраста понимаются с этих пор как определяющие лишь частную индивидуальную ситуацию и тем более не как общий эталон времени. Годичная мера времени соответствует исключительно общему календарному году, практически — нашему солярному, определенному точно и тщательно астрonomическим календарем.

Средневековые тюрки, обладая техникой измерения времени, не придавали этой технике магического значения. Большие любители гаданий, они не очень доверяли календарю, который не сопровождался астрологическим альманахом, в частности двенадцатью животными две-

Л.Базен. Концепция возраста у тюркских народов

надцатилетнего цикла, имевшими в их представлении более чем просто символическую ценность, но служившими в процессе гаданий, как и в Китае, для обозначения многих предзнаменований.

Позднее они начинают научно осознавать физическое время: в XV в. они дают миру великого астронома Улугбека, который проблемы времени трактовал математически.

Этот краткий этюд относится только к части тюрков, к тем, которые оставили нам письменные памятники, т.е. наиболее культурным среди пастухов-кочевников. В лесных чащах Алтая и Сибири другие тюркоязычные племена охотников с примитивным хозяйством, имевшие гораздо меньше контактов с внешним миром, развились значительно медленнее. Но нам почти ничего не известно об их жизни в древности, и именно поэтому мы о них не упоминали.

Предоставляем психологам делать чисто психологические заключения по поводу тех фактов, которые мы сочли возможным изложить и документировать. Будем рады, если нам удалось предложить им материал для полезного размышления.

Авары

И.Эрдейи

Народы, сошедшие с исторической арены, не всегда оставляли по себе мемуары, письменные памятники, даже документы. Часто единственным свидетельством их жизни являются археологические данные. Так получилось и при исследовании истории одного из “исчезнувших народов” — авар, в которой многое остается загадочным.

Почти два с половиной столетия авары, осевшие в результате Великого переселения народов в районе Карпатского бассейна (нынешнее Задунавье, Центральная Венгрия, Трансильвания), обладали здесь сильной политической властью. В IX веке они сошли с исторической арены — растворились среди других народов. В венгерских хрониках сведений о них совсем нет. Определить древнюю территорию расселения этого племени и представить себе его повседневную жизнь нам помогают византийские и латинские (франкские) хроники, а также данные археологии.

УХОД ЛАНГОБАРДОВ

1 апреля 568 г. — последний день пребывания лангобардов на территории Древней Паннонии. Спустя сутки они двинулись в Северную Италию, где осели, образовав Лангобардское королевство (нынешняя Ломбардия). Их место по обоим берегам Дуная заняли пришедшие с востока авары.

Пришествие их не было мирным. Когда-то после распада в V веке гуннской державы территорию современного Затисья и Трансильвании населяло германское племя гепидов. Лангобарды вступили с ними в бой. На помощь они призвали авар, благодаря чему обеспечили себе победу. В результате погибло несколько десятков тысяч воинов-гепидов; многих победители взяли в плен. В сражении погиб и король гепидов Кунимунд.

Каким же образом авары появились в этих местах и были втянуты в борьбу?

Византийский летописец VII века Феофилакт Симокатта писал, что авары — это псевдоним племен уар и хунни, которые приняли имя могущественного азиатского народа для большего устрашения покоренного населения Восточной Европы. Сведения эти не выдержали критики: позже было установлено, что народ, называвший себя аварами, действительно был аварами.

В XVIII веке была высказана гипотеза, что авары — это племена, вышедшие из Центральной Азии и известные под именем жуан-жуаней. По другой версии, они — выходцы из Средней Азии. Однако и до настоящего времени вопрос об их происхождении неясен.

Аварские посланцы явились в Европу в 558 г. Они обратились к аланскому правителью Саросию, чтобы при его содействии просить византийского императора впустить их на территорию империи. Вскоре аварское посольство, возглавляемое неким Кандиком, прибыло в Константинополь. Появление авар в византийской столице вызвало большой интерес, ибо в волосы мужчин были вплетены цветные ленты — характерный убор кочевников.

Представ перед императором, посол сказал: “К тебе пришел народ авар, наибольший и наисильнейший из народов. Он может легко отбить и уничтожить врага, поэтому тебе выгодно заключить союз с аварами: в них обретешь ты надежных защитников”.

В VI веке Византия была могущественной державой и во многом определяла ход европейских событий. Соперником Византийской империи была держава франков. Король франков Теодеберт в союзе с лангобардами и гепидами хотел выступить против Византии. Этим намерениям не суждено было сбыться из-за вражды между лангобардами и гепидами.

В это же время произошло такое важное событие, как переселение в Карпатский бассейн славянских племен, представлявших серьезную военную опасность для Византии, особенно после их объединения с коннымиnomадами — кутригурями, жившими в Северном Причерноморье.

В сложившейся для византийского императора политической ситуации авары были выгодным союзником. После заключения с ними договора он отправил авар против кутригур, родственных им утигур и восточных славян, с которыми они успешно сражались. После этого император предложил им земли на территории

современной Сербии. Однако эти земли не понравились аварам. Они попросили для себя Добруджу, лежащую вдоль дунайских берегов: равнинная территория больше удовлетворяла кочевников. Но и здесь они задержались недолго. Заключив союз с лангобардами против гепидов и победив их, они переселились в Паннонию, ибо, по условиям этого союза, в случае победы лангобарды должны были покинуть эту территорию. Так и произошло.

Византийскому императору было на руку поражение гепидов. После их падения он сразу же занял их столицу, находившуюся на территории Древнего Сирмия, что вызвало, однако, длительную византийско-аварскую расприю.

АВАРСКИЙ КАГАНАТ И ЕГО СОСЕДИ

Закрепившись на новой территории, авары создали новое государственное объединение — Аварский каганат. Первым правителем был их предводитель каган Баян. Ему были подвластны множество обитавших здесь племен, в том числе славяне и гепиды. Почти столетие власть кагана распространялась на часть территории южнорусской степи, населенной кочевниками. Кроме того, в конце VI века в Аварский каганат влились преследуемые тюрками племена кутригиров, тарниахов и забендеров.

В это время византийцы на своих восточных окраинах вели войну с персами. Подобное обстоятельство благоприятствовало действиям авар: вместе со славянами они в 70—80-е годы VI века производили опустошительные набеги на земли, лежащие по нижнему течению Дуная, которыми владела Византия. Последняя, однако, после победы над персами в 591 г. вытеснила на некоторое время авар с балканских территорий.

В последующем аваро-византийские стычки проходили с переменным успехом. Войска кагана Баяна доходили до Константинополя, но случалось, что византийцы обращали их вспять, причем часть войска кагана переходила на сторону противника.

Западные соседи авар также не были миролюбивы. В 595 г. в союзе со словенами им пришлось вступить в борьбу с баварскими племенами, а затем и с франками.

Не менее бурным был VII век. На западной границе аварских земель славяне во главе с франкским купцом Само создали недолговечное (623—658) государство,

объединившее чехов, моравов, словен и т.д. Их восстание против авар увенчалось успехом. Более того, в 631 г. им удалось одержать победу над франками. Но государство распалось сразу же после смерти Само.

В это время Аварский каганат переживает тяжелый внутренний кризис, связанный с прекращением династии Баяна. С целью овладения золотым троном кагана кутригуро-болгары подняли восстание внутри страны, подавленное аварами. Вследствие этого кутригуро-болгары были вытеснены с земель каганата.

В конце 70-х годов VII века протоболгары расселились по Дунаю и создали собственное государственное объединение, поддерживавшее до IX века дружеские отношения с аварами. Более того, как сообщается в одной из византийских хроник, один из сыновей болгарского хана Куврата после образования в южнорусских степях Хазарского каганата был вынужден со своим народом вновь переселиться на аварскую территорию. Это дает некоторые основания считать, что с помощью протоболгар менялся этнический тип авар, что подтверждается и археологическим материалом.

ЭТНОГЕНЕЗ АВАР

Выше уже говорилось, что авары, согласно одной из гипотез, являются потомками жуан-жуаней, в кочевую империю которых одно время входили и тюрки. Согласно другой гипотезе, они вышли из Средней Азии, и их предками являлись вархониты; последняя версия подтверждается якобы тем, что на территории Венгрии названия некоторых селений имеют корень "варконь". Преодолев в середине VI века огромные территории, авары привели с собой в Карпаты и другие этнические элементы: иранцев с Поволжья, кутригур из южнорусских степей. Таким образом, сами авары изначально представляли собой не "чистый", а этнически смешанный народ.

Обычаи устраивать большие могильники, хоронить лошадей отдельно от человека свидетельствуют о том, что среди пришельцев были монголоиды, "частичные" же захоронения лошадей (только ноги и череп) — об иранских обычаях¹.

Реконструкция черепов из одних могильников аварской эпохи позволяет отнести их к монголоидам. Но в других могильниках этот тип встречается редко, а в иных, относящихся к той же эпохе, и вовсе отсутствует: в них были погребены исключительно европеоиды (се-

¹ Еще в начале прошлого столетия среди ученых возникла дискуссия о возможном родстве дагестанских аварцев и "исчезнувших" авар. Такое предположение вряд ли правомерно. Язык дунайских авар был, по всей вероятности, тюркским, а у дагестанских аварцев — своеобразный кавказский. Древнее название дагестанских аварцев — *мааруал* — также отвергает родство этих двух народов. Однако, по сведениям древних авторов, среди правителей аварцев Серира (древнее название Дагестана) был один по имени Авар. Быть может, кочевники авары, продвигаясь на запад, временно останавливались в степях Северного Дагестана и политически подчинили или сделали своим союзником Серир, столица которого в IX в. находилась в с. Тануси (недалеко от современного с. Хунзах). Некоторые современные ученые предполагают, что часть авар в свое время застремляла в Хазарском каганате, куда входил Дагестан; это может свидетельствовать, по их мнению, о непосредственной связи двух народов. Однако историческими сведениями такое предположение не подтверждается.

вероевропейского, средиземноморского, восточно-балтийского типов).

Среди древнего населения Центральной Венгрии были потомки сарматов и населения древнеримских провинций, жившие здесь еще до прихода авар, — со всеми ними авары вступали в брак. Если к этому прибавить еще и славянское влияние, то окажется, что в VI—IX веках в Карпатском бассейне обитало этнически смешанное население, объединенное именем авар, или обров, как они себя называли.

Средняя продолжительность их жизни была низкой: мужчин — 38 лет, женщин — 36 лет. Особенно часто умирали дети в возрасте до двух лет.

АВАРСКОЕ ОБЩЕСТВО

Пребывание авар в Европе принято делить на три периода. Раннеаварский период — довольно короткий, и выявление памятников этой эпохи представляет значительную трудность для исследователей. С начала VIII до начала IX века длился позднеаварский период, когда из обычай исчезли ирано-монгольские черты: большие могильники, отдельные захоронения лошадей.

На территории Венгрии и в соседних странах обнаружено более 20 тысяч погребений, относящихся к аварской эпохе. Задача археологов заключается в систематизации, классификации и датировке материала. Последняя особенно сложна, поскольку в аварских могильниках редки монеты, позволяющие точно определить время захоронения.

По степени богатства могильников определяется иерархия общества. Во главе каганата стоял каган. Его первая жена звалась катун. Наместниками кагана были тудун, который, вероятно, являлся правителем отдельной части страны, и ютур. По поручению кагана дань в стране собирали так называемые тарханы — это скорее всего знать. За тарханами — вниз по иерархической лестнице — шли воюхи племен и родов. Племенным и родовым вождям и принадлежит чаще всего найденный во время раскопок погребальный инвентарь (в Сентэндре, Боче, Кунсентмиклош-Бабоне и т.д.).

Большая часть аварского общества состояла из воинов. В погребениях находится много оружия, так как, по представлению древних, воины и в загробном мире продолжали ту же деятельность, что и на земле. Можно предположить, что захоронения с оружием были дороги-

ми. Часто богато украшенные мечи и кольчуги простых воинов в могилы не попадали, а переходили по наследству от отца к сыну. В погребениях нет и колчанов с полным набором стрел (известно лишь погребение в Боче, где захоронен вождь племени). Обычно количество стрел не достигает и десятка. Вероятно, каждая стрела была символом власти над десятью свободными воинами: ведь организация аварского войска строилась по принятой в Азии десятичной системе.

Известно множество богатых погребений ранне- и среднеаварского периодов, сконцентрированных в средней части Венгрии. Однако в позднеаварское время таких погребений нет. Зато увеличивается количество могил с бедным инвентарем, что свидетельствует как о расслоении общества, ведущем к возрастанию числа людей, лишенных собственности и попавших в зависимость, так и о влиянии христианства, ибо церковь запрещала языческие обряды захоронения с оружием и конем. Тем не менее в могилы попадали украшения (серьги, браслеты, кольца, перстни), головные уборы, по которым можно судить об общественном положении погребенного.

Каждая большая патриархальная семья имела свое место в могильнике. Однако знатных людей хоронили отдельно от остальных членов семьи — в особой части могильника; в таких отсеках обычно много изделий из золота.

Знать хоронили иногда в гробах из скрепленных досок. Бедняков, по-видимому, заворачивали в циновки или какой-нибудь другой быстро истлевавший в земле материал.

Форма могил была различной. Известны, хотя и крайне редко, могилы “с подбоем”: от основной ямы отходило мешкообразное углубление для умершего. Иногда это углубление шло параллельно основной яме, где хоронили лошадь.

Различные формы могил свидетельствуют о том, что авары смешивались с другими народами постепенно, сохраняя старые обычай и подчеркивая тем самым, какие этнические элементы имеют перевес в тех или иных родах. Описанный обычай захоронения показывает преобладание монголоидных элементов. Захоронения в стоячем или сидячем положении свидетельствуют о том, что могильник принадлежит потомкам сарматов или же выходцам из Средней Азии.

Встречаются и парные погребения: либо мать с грудным младенцем, либо мужчина и женщина, что, вероятно, отражает обычай убийства вдовы после смерти

мужа. Но не исключается и одновременная естественная смерть супругов.

Авары, как и другие кочевые народы, не знали развитого института рабства. Лишь в качестве домашних рабов они использовали попавших в плен иноплеменных воинов и разорившихся соплеменников.

ПОСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВО АВАР

В настоящее время известно местонахождение нескольких сот поселений VII—IX веков. Самые крупные раскопки в Венгрии были проведены близ г. Дунауйвароша, где сохранились остатки 37 жилищ. На своих селищах авары жили в полуzemлянках с деревянными стенами, внутри которых были сложены печи-каменки. Во многих жилищах обнаружены зерновые ямы, а между постройками — глинобитные очаги. В VII веке жилища на каждом селище располагались по кругу. (Так же располагались жилища на Эльбе и в Молдавии.) На эти зимние селища полукочевые авары возвращались вместе со скотом после выпаса его на летних пастбищах. С весны до осени они жили в легкопереносимых юртообразных сооружениях.

Основой хозяйства авар являлось полукочевое скотоводство. Постепенно полукочевой образ жизни сменился оседлым. Поэтому часть населения (главным образом потомки римлян, сарматов и переселившихся сюда славян) занимались и земледелием.

Большую роль в аварском быту играла лошадь. По костным остаткам установлено, что это были лошади в основном восточных кровей — быстрые, пригодные для передвижения в степи и на песчаных почвах. Именно таких лошадей изобразили резчики по кости и серебру раннеаварской эпохи.

Помимо коневодства авары разводили крупный рогатый скот, овец, коз, мелких кур — в погребениях не раз попадалась раскрашенная яичная скорлупа.

Исследование костей свиньи, найденных среди остатков пищи, которой снабжали умершего в дальнее путешествие по загробному миру, показало, что славянские животноводы аварской эпохи скрестили выведенную еще в неолите южноевропейскую породу домашней свиньи с североевропейской. Именно с тех пор и существует широко распространенная в середине XX века алфельдская жироносная порода свиньи.

О растениеводстве авар известно мало. Остатки зерновых культур обычно находят в обугленном состоя-

нии. Так, сохранились зерна проса (этую культуру выращивали и авары, и славяне), пшеницы (VI—VII вв.), ржи и овса (IX в.).

Землю пахали деревянным плугом с железным сошником. На территории Венгрии такой сошник известен с IX века, а в Древней Моравии и того раньше. Пшеницу жали серпом.

В большинстве погребений обнаружены хорошего качества глиняные сосуды, значительная часть которых в позднеаварский период изготавлялась на гончарном круге. Некоторые сосуды ввозились из окрестных мест, не издалека, поскольку глиняные изделия не выдерживают длительной перевозки.

На территории Венгрии того времени обнаружены и остатки железоплавильной печи-домны для изготовления сырья для оружия и сельскохозяйственных орудий.

Товары производились не только для удовлетворения своих собственных потребностей, но и для обмена. В аварских погребениях находится много вещей, ввезенных из других мест. Среди них золотые, серебряные и бронзовые серьги, браслеты, перстни, пряжки, головные уборы, цветные стеклянные бусы. Очевидно, привозились шелковые ткани и другой материал для одежды, не сохранившийся до наших дней. За все это платили, по-видимому, скотом, лошадьми, кожами, шерстью.

Из латинских источников известны торговые и рыночные места, где появлялись со своими товарами авары — странствующие купцы и ремесленники. Погребение одного из них было обнаружено в окрестностях с. Кунсентмартона. Среди находок была пластинчатая нагрудная кольчуга: дороги в стране не всегда были безопасны для путников.

В Аварский каганат приезжали купцы издалека, с Востока. По некоторым данным, через Карпаты проходили важные торговые пути на Запад. По обычаям всех кочевых народов авары взимали с торговых караванов пошлину. В результате престиж правителей отдельных областей страны и самого кагана значительно увеличивался.

БЫЛИ ЛИ У АВАР ДЕНЬГИ?

Сами авары не чеканили своих денег. Некоторые исследователи полагают, что авары занимались подделкой византийских золотых монет. Однако на всей территории каганата обнаружено не более дюжины таких подделок,

а этого недостаточно для окончательного решения вопроса, тем более что поддельные деньги найдены и у соседних народов.

В VI веке византийцы выплачивали каганату дань золотом. Общая сумма годовой дани достигала 80 тыс. золотых солидов, а начиная с 600 г. увеличивалась и до 100 тысяч. Со временем эти суммы стали недостаточны. В начале VII века византийские императоры платили аварам "за мир" ежегодно по 120 тыс. солидов. По некоторым подсчетам, $\frac{1}{75}$ часть золотого фонда Византии выплачивалась в качестве дани аварам (годовое поступление золота в казну империи составляло в то время в среднем 37 тыс. кг золота, что равнялось 8 млн солидов).

До 626 г. аварскому кагану было выплачено около 6 млн солидов, что соответствовало 25 тыс. кг золота. Это несметное количество монет в оборот не поступало. Вероятно, авары переплавляли их для изготовления украшений и сосудов; небольшая часть делилась между вождями. Она-то и попадала в клады.

УМЕЛИ ЛИ АВАРЫ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ?

Археологические данные свидетельствуют о том, что авары знали руническое письмо: они высекали и выцарапывали различные заклинания, чтобы уберечься от бед, и именные знаки собственности (тамги) на различных предметах. Однако у нас нет данных, что эта письменность использовалась в переписке или в создании литературных памятников. По-видимому, героический эпос, легенды и сказки, существующие у всех народов, передавались изустно².

О языке авар также мало известно. Мы можем получить о нем некоторое представление только по личным именам, а титулы могли быть и не аварского происхождения. Причем и их сохранилось немного: имена послов были Кандик, Солак, Кок, одного из шаманов звали Боколабрай. Вероятно, эти имена тюркского происхождения, равно как и титулы кагана, тудуна, югра, тарханов.

ВЕРОВАНИЯ АВАР

О верованиях авар и других народов Аварского каганата известно очень мало. В одном из источников упоминается главный шаман; другой свидетельствует, что авары были идолопоклонниками.

² В XV–XVII вв. руническим письмом пользовались секеи – венгроязычное население Трансильвании. По сведениям венгерских хроник XIII–XIV вв., секеи появились на территории Венгрии прежде венгров. Происхождение рунической письменности у секеев неясно. Возможно, в будущем будет установлено родство аварской и секейской письменностей: ведь известно, что руническое письмо пришло к народам Восточной Европы из Центральной Азии и в VIII–IX вв. получило здесь широкое распространение.

Ясно, что авары как бы удваивали мир: помимо земного они мыслили себе и загробный. Вместе с умершим в могилу обычно клали пищу, коня с оружием, чтобы воин мог продолжать свой путь и битвы. Потусторонний мир, согласно шаманистическим поверьям, состоял из нескольких уровней, расположенных один над другим. Умершие могли попасть на верхний уровень лишь после различных испытаний. Такому продвижению наверх помогали стрелы, поэтому их и клали в колчан рядом с погребенным.

Перед погребальным обрядом или во время него могильные ямы “очищались” от злых духов с помощью огня или горящих угольев.

Разные народы, согласно своим поверьям, хоронили людей головой к той или иной части света — по направлению к центру мира или в ту сторону, откуда ждали воскресения. У авар единой ориентации не было — слишком разноплеменными они были; погребение происходило головой как на восток, так и на запад. Во многих случаях над умершими совершали магические действия. Уже после погребения могилу вскрывали, вынимали череп погребенного и читали над ним заклинания. Боязнь того, что умерший может вернуться с того света, побуждала иногда хоронить покойников распластанными на животе.

ИСКУССТВО АВАРСКОЙ ЭПОХИ

Авары были хорошими резчиками по кости, на роговых пластинках. Как свидетельствуют хроники, они изготавливали великолепные ковры, вышивки, ткани, занимались художественной обработкой серебра и дерева. К сожалению, ничего из этого не дошло до наших дней. Зато сохранились прекрасные металлические украшения — византийского образца серьги, браслеты, кольца, перстни; цветные стеклянные бусы и ожерелья, изготовленные, по-видимому, на Востоке. Свободные воины VI—IX веков носили ремни, украшенные металлическими бляшками. Такими же бляшками покрывались и конские сбруи. В позднеаварский период бляшки изготавливались методом художественного литья. Среди них трудно найти две одинаковые. На поясных ремнях закреплялись большие литые наконечники с растительным орнаментом, фигурками людей или с изображением борьбы животных. Мечи и колчаны вождей покрывались золотом, простых воинов — серебром. Даже же-

лезные стремена были художественно выкованы, а некоторые инкрустированы серебром.

Глиняная посуда (возле г. Сексарда обнаружены гончарные печи) была, однако, слабо орнаментирована.

ПАДЕНИЕ КАГАНАТА

О внутреннем положении Аварского каганата с конца VII и до конца VIII века в письменных источниках нет почти никаких данных. Усиливающаяся держава франков, во главе которых в 768 г. встал Карл Великий, постепенно подчиняла своему влиянию все большее число народов Европы. Были покорены саксы, некоторые славянские племена. Проводилась насильственная христианизация населения.

Авары были для франков наиболее опасными противниками. Поэтому вначале они пытались установить с ними дружеские отношения. Для этого они обменялись посольствами: в 780 г. в Вормс прибыли аварские послы, а затем посольство франков посетило каганат. Тем не менее в 788 г. баварскому князю Тассило удалось заключить с аварами союз против франков. Однако войско их было разбито. Тогда Карл разработал план окончательной расправы с аварами. Для этого он предварительно укрепил ряд городов, в том числе пограничный Регенсбург.

В 791 г. франки выступили против каганата. Наследный принц Пипин, который вел свое войско из Италии, захватил одну из аварских крепостей. Основные силы франков под предводительством Карла продвигались на восток вдоль Дуная. У Регенсбурга франки навели через Дунай мост для постоянного обеспечения своего войска с тыла. Побежденные, но окончательно не покоренные саксы решили поддержать авар, отправили к ним посольство, а затем подняли восстание у себя на родине, в тылу франков. Авар, однако, это уже не могло спасти, так как в самом каганате начались раздоры.

В ходе внутренней смуты был убит югур, а позже и сам каган. В 795 г. тудун уже пытался принять христианство и в связи с этим отправил послов к франкам. В 796 г. он лично прибыл в Ахен — столицу Карла Великого — и присягнул на верность королю.

В этом же году войско франков во главе с Пипином захватило резиденцию аварских каганов, по-видимому, находившуюся возле р. Тисы. Множество авар спаслось бегством за Тису, но еще больше попало в плен. Франки одержали полную победу, ликвидировавшую политиче-

скую самостоятельность Аварского каганата. В Ахен отправились обозы с сокровищами, накопленными аварами в течение столетий.

В одном византийском источнике IX века сохранились любопытные подробности о причинах разложения позднеаварского общества: это рассказы старых аварских воинов, находившихся в болгарском плена у хана Крума. Хан спросил у них: "Что вы думаете, почему были разорены ваши господа и ваш народ?" Они ответили так: "Вначале из-за ссоры, лишившей кагана верных и правдивых советников, власть попала в руки людей нечестивых. Затем были развращены судьи, которые должны были отстаивать перед народом правду, но вместо этого побратались с лицемерами и ворами; обилие вина породило пьянство, и авары, ослабев физически, потеряли и рассудок. Наконец пошло увлечение торговлей: авары стали торговцами, один обманывал другого, брат продавал брата. Это, господин наш, и стало источником нашего постыдного несчастья".

Все же авары долго не смирялись с поражением. В 797 г. они восстали, и франки вынуждены были повторить поход, вновь увенчавшийся успехом. В конце 797 г. аварские послы опять присягнули на верность Карлу Великому. Однако восстание поднялось снова в 799 г., а в 802 г. были убиты франкские должностные лица. Это были последние вспышки: франки побеждали не только силой оружия, но и новым мировоззрением. В 798 г. в Зальцбурге было учреждено епископство, проповедовавшее аварам христианскую религию. В 805 г. новую веру принял сам каган.

В IX веке авары занимали уже небольшую часть Задунавья, по-видимому, территорию между Веной и р. Рабой. По мнению некоторых исследователей, их область простиралась на восток до Паннонхалмы, где их теснили славяне.

Последние сведения об аварском посольстве к франкам относятся к 823 году. На имперском государственном собрании оно представляло покоренный франками некогда известный и могучий народ. Еще в Верденском договоре 843 г. о разделе империи Карла между его сыновьями упоминалось "Аварское королевство".

"Погибоше аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства", — говорится в "Повести временных лет" (XII в.). Уже спустя столетие после падения Аварского каганата этот народ представлялся в памяти могучими великанами (самоназвание авар — обры — в некоторых западнославянских языках означает великанов), о которых слагались легенды.

К вопросу об аварах

Ю. Немет

¹ Moravcsik Gy. Byzantium et les peuples du Nord-Est de l'Asie centrale. I—II. Berlin, 1958. I, a. 70 сл. (Далее: Моравчик); D. Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963. P. 265 сл. (Далее: Шинор); Rásónyi. Tarihte turkluk. Ankara, 1971; Czegledy K. Nomad népek vándozlása. Budapest, 1969; Haussig H.W. Die Quelle über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Avaren // Central Asiatic Journal, vol. II, 1956. P. 21; Nemeth. A honfoglaló magyarság kialakulása (Формирование старовенгерского народа). Budapest, 1930 (Далее: НМ Кial). Melich J. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925—1929. P. 413.

² Ср., например, в журнале "Antik Tanulmanyok" статьи авторов: Szadeczky-Kaross (1968. P. 84—87); Teréz Olajos (1968. P. 87—90); а также: Tomka P. Les groupes intérieurs du cimetière avar de györ — Téglavető — dülö // АОН. V. XXV, 1972. P. 313—334.

Первую тюркскую державу, которая в древности простиралась от Центральной Азии до Дуная, образовали гунны, наследниками которых через столетие были авары¹. Это положение я обосновываю в своем еще неизданном исследовании "К истории венгров в IX веке", одна глава которого посвящена заслуженному советскому тюркологу и автору многочисленных выдающихся трудов Л.Н.Гумилева.

Здесь рассматриваются вопрос о языке паннонских аваров, вопрос о происхождении названия *avar*, а также затрагивается проблема *псевдоаваров*.

Материалы о гуннах мы в основном черпаем из описания двора Атилы у ритора Приска, а об аварах мы располагаем преимущественно сведениями из франкских хроник. Все эти источники имеют первостепенную важность.

Ко времени прихода венгров на нынешнюю территорию там уже почти не было аваров, во всяком случае они не упоминаются в источниках. Сохранились лишь их похоронения, исследованием которых сейчас интенсивно и весьма успешно занимаются². Но на венгерской территории мы не располагаем ни одним аварским языковым памятником, ни одним именем. Я не рассматриваю археологические, этнографические и антропологические теории. Во всех этих дисциплинах накоплен большой материал, высказано много разных мнений; однако эти исследования не могут пока оказать влияния на лингвистические выводы. Во всяком случае, я убежден, что этим дисциплинам в вопросе об аварах еще много предстоит сделать³. Разыскания И. Вашири, опубликованные в АОН (XXV, с.335—347), не дают все же достаточного текстового материала.

Предположение П. Пеллио о том, что авары были монголами, хотя это и было высказано без убедительных доказательств, получило всеобщую известность и почти всеобщее признание. Как известно, главное доказатель-

ство Пеллио — множественное число этнонима *тюрк* в китайских источниках, что Р.Груссе суммирует в следующей подробной формулировке: “Китайская транскрипция *t'ou-kie* восходит к монгольскому множественному числу *tüerk-üt*; китайцы познакомились с тюрками через посредство жужаней (жунь-жуаней), которые были монголами⁴. Следует вспомнить, что еще И.Маркварт⁵ допускал фонетическое тождество *t'ou-kie*—*türküt*⁶.

Едва ли можно утверждать, что эта гипотеза особенно убедительна. Поэтому вполне естественны следующие предположения Я.Харматты: “Впервые официально сообщили о тюрках в китайскую имперскую канцелярию согдийские дипломаты, поэтому следует предположить, что название тюрок установилось при китайском дворе в согдийской форме... Уже давно я предположил (ААН, X, с.149), что для этнонима тюрк можно установить согдийскую форму *twrky*. Согдийское множественное число от формы *twrky* могло быть *twrkut*—*turkit*, или *turkid*, точно отраженное китайской транскрипцией”⁷.

Критическое рассмотрение аварской проблемы опубликовано З.Гомбоцем на венгерском языке (MNy, 1916). Гомбоц, как далее будет изложено подробней, считает, что скучные остатки аварского языка указывают на его тюркский характер. На обосновании этого тезиса и будет направлено дальнейшее изложение.

Здесь я предлагаю список слов, сохранившихся от языка европейских аваров и в большинстве случаев имеющих надежное истолкование. Вначале, как правило, упоминается аварская форма со значением. Отступление от этого принципа делается в крайне сложном случае.

Qagan — “глава государства, правитель”. З.Гомбоц (MNy, с. 100) указывает следующие варианты слова из западных источников: *cagan*, *chagan*⁸; *cagamus*, *kaganus*⁹; *sacanus* (Павел Диакон, IV); в испорченных текстах: *paganes* (MGH, Т. II, с. 450), *cappanus* (Ann. Xant. ad. a. 805; MGH, Т. II, с. 224). Ср. еще Дежё Шимоньи (MNy, 1968, с. 438), MGH, I, 117); *Cacanus* (*Моравчик* II, с. 232), а также Г.Дёрфер¹⁰.

Bajan — личное имя кагана; “богатый, сила, состояние” (Моравчик, II, 83; Гомбоц, с. 101; ср. HM Kial 104 [огузской формы *Bajan* не существует]; Дёрфер II, 259—260, № 714; в ДТС нет). Г.Рамстедт — *bajn* “богатый, богач”; собственность, состояние и т.п.; В.Егоров (с. 163) — *pujan* “богатый”.

Qatun — “княгиня, жена кагана”. Шимоньи (MNy, 1968, с. 438); *Catun* — Рясянен (157a); *Xätun* — Моравчик (II, 343), Дёрфер (III, 132—141; № 1159) и Аалто¹¹.

⁴ *Pelliot P. L'origine des Tou — Kine, nom chinois des Turks // T'oung Pao. Vol. XVI, 1915. P. 687.*

⁵ *Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. I-II. Göttingen — Leipzig, 1898—1905, II, P. 252.*

⁶ *Grousset R. Historie de l'Extreme Orient. I. Paris, 1929. P. 252—253.*

⁷ *Harmatta J. Irano — Turcica // AOH, XXV. P. 272—273.*

⁸ *Einhardi Fuld. Ann. ad. a. 796.*

⁹ *Einh. Ann. ad. a. 782; Vita Karoli, MGH 71, II. P. 450.*

¹⁰ *Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neuperisischen. Bd. I—III. Wiesbaden, 1963—1967. J. III, P.141—179, № 1161. (Далее: Дёрфер).*

¹¹ *Aalto P. Iranian contacts of the Turks in Preislamic Times // Studia turcica. Budapest, 1971. P. 35. (Далее: Аалто).*

Tarhan, Targan — “название высокого титула и привелигированного сословия”. Шимоны (МНу, 1968, т. 438): Tarcan. НМ Kial (индекс); Моравчик (II, 299); Рясянен (с. 464): tar-han. См. также Дёрфер (II, 460—474, № 879) и Клосон (с. 539).

Tudun — “самый высокий (после кагана) титул у аваров, правящий князь” (см.: Томашек — Zeitschr. österr. Gymn, 1877; Шаванин, Documents, 263, пр. 4; Рясянен, 469а; Гомбоц, 98—100). Далее Гомбоц приводит древнетюркские имена Tudun Yamtar и Kül-Tudun (очень значительный титул), а также имя Uruŋgu Tudun čigši из материалов А.Штейна — В.Томсена. Впоследствии было обнаружено чрезвычайно важное свидетельство у Махмуда Кашгарского: тубун “распорядитель; тот, кто распределяет в селении воду в арыках” (ДТС) с изменением значения.

Происхождение слова ясно: оно произведено от тюркского глагола tut- “держать, хранить, ловить”, хотя иногда его неправильно сопоставляют со словом tojin “буддийский священник” в уйгурско-китайском словаре.

Очень важные разыскания А.Шахматова и А.Самойловича о слове tudun у древних тюрков, аваров и хазаров¹², что подытожено В.Егоровым (с. 238): “Täřän, täřäm — названия целого ряда (свыше десяти) селений в Чувашии: Чиркэллэ Тäřän (с. Туруново), Вäрманкас Тäřän, Ытмар Тäřän и т.д. Волжско-булгарское слово т(y)рун в русских летописях под 1230 г. передается во множественном числе в форме Турунове” [точнее Трунове! — Прим. переводчика].

Jug[u]ruš “первый министр” — Гомбоц (МНу, XII, 1916, с. 97—98): “Caganus et Jugurrus, principes Hunnorum” — Einh. Ann. ad. a. 782, с вариантами. МК, Брок.: juṛuš “везир, по рангу непосредственно после кагана, для него разбивался черный шелковый шатер”. И.Миккола¹³ сопоставляет аварское слово французской хроники с восточноазиатским. М.Кюпрюлюзаде, И.Маркварт¹⁴, ДТС: juṛuš.

Kök — личное имя со значением “синий, голубой”. Моравчик II², 172: Cox, kwz (ок. 585 г.) “аварский посол”. Тюрки действительно знают это имя: мужское имя Gök “Гёк” (ТРС, с. 199). Мужское имя Köke также отмечено в монгольской среде Г.Рамстедтом; калм. kök*¹⁵ (köke) “синий” и личное мужское имя. В именах kök-türk, köke-mongol, göklen “Тюркменское племенное название” скрыто понятие “gloriosus, то есть славный”.

Гомбоц (с. 102): “Тюркское слово kök — название неба и священного небесного цвета — встречается не толь-

¹¹ Шахматов А.А. Заметки об языке волжских булгар // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. V, вып. I (1918). С. 395—397; Самойлович А. Турун — тудун (Еще пример турко-булгарского ротациима) // Там же. С. 398—400.

¹² Mikkola J. Avarica // Archiv für slavische Philologie, XLV, 1927.
¹³ Kolprülü-zade M.F. Körösi Csoma — Archivum. I, Ergänzungsband (1838), 337; Marquart J. Die altblгарische Ausdrücke in Inschrift von Cataral und der altblгарischen Fürstenliste. Оттиск из “Известий Русского арх. ин-та в Константинополе”, XV, 1911. С. 15.

ко в этнонимах *kök-türk*, *kök-cülut*, *köke-mongol*, но и часто в личных именах. Сын легендарного Огузхана, согласно тюркской национальной традиции, именовался *Kök-Qan*; есть также имена: *Kök-Börgi* “синий волк”; *Kök-Taš* “синий камень” (Дёрфер III, 640—642).

Qam-Sauči “шаман-посол” — наименование министра. Гомбоц не занимался этим словом, я же предложил в 1930 г. (НМ Kial 104) объяснение и решительно повторяю его и теперь. У Эйнгарда употреблены формы *Canizauci*; *Camzuaci*; *Cani*, *zuci*, которые следует читать *Qam-sauči*, где *qam* значит “шаман”, *sauči* — “посланник”, часто употреблявшееся в тюркской политической жизни.

Следует отметить большую роль жреческой верхушки в управлении государством как у гуннов, так и у аваров (подобно тому, как в средневековье у нас, а также у монголов).

Solaq — имя аварского посла (около 580 г.), собственно “левша”, возможно “сидящий слева сановник” (Моравчик, 284; Гомбоц, 101; НМ Kial 103). Очень распространенное имя.

Этимологию слова авар я рассмотрел в 1930 г. в НМ Kial 104 (ср. Моравчик II², 53). Его древнетюркская форма *apar*. К старым фиксациям сейчас добавлена новая, особенно важная: *biz bes apag* *(=b*izb*es*a*p*a)g¹⁵. Впоследствии выступает форма *avar*. Ср.: слав. *обринь* — *обре*; а в дальнейшем третья форма *avar*.

Avar<*abar*<*apar* — важный и характерный тюркский этноним отлагольного происхождения со значением “отказывающийся, не слушающийся (также политически)”. О глаголе В.В.Радлов дает следующие сведения: *аба-* (тур. чагат.) “отказаться, не слушаться” со ссылкой на чагатайско-турецкий словарь Шейха Сулеймана Бухарского: “запрещать, препятствовать, не покидать”; ср. “отвергать” в словаре Дж.Редхауза; *ава-* “запрещать, препятствовать, отклонять, отрицать”¹⁶.

Этнонимом занимался также П.Аалто (с. 33—34): “Имя *апар* (в орхонских надписях) обычно связывают с аварами. Вслед за Г.Г.Шедером¹⁷ часто обращают внимание на трудности этого отождествления. Я склонен предполагать, что имя относится к иранской области Абаршехр (*Abarshahr*, по-армянски *Apar* аշ-арт, на сасанидских монетах *Arg*, *Aprš*, *Apršs*, в манихейских источниках *šahr... čē abar*) и ее центру, называемых также Нишапур...”.

Это сопоставление, даже если оно окажется верным, не касается, однако, моего объяснения. Венгерский эти-

¹⁴ Тенишев Э.Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыша // Эпиграфика Востока. XII, 1958. С. 64.

¹⁵ *Türkiyede halk ağızindan Söz Dergisi*. I, AD, İstanbul, 1939.

¹⁶ Schreder H.H. Iranica // Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. 3. Folge. 1934, № 10. s. 40.

¹⁷ A mag gyar nyelv történeti — etimológiai szótára. I., Budapest, 1967.

¹⁸ Багрянородный К. Об управлении государством. Гл. 38.

¹⁹ Сб. *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski*. II, Cracovae, 1928; НМ Kial. C. 38, 95.

²⁰ Even Hovdhaugen. *Turkish Words in Khotanese Texts* (Оттиск из "Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap", XXIV). С. 186. Впоследствии Bailey (TPNK. С. 202) объяснил слово как булгамачи "мятежник, повстанец" (от *булга* — "смешивать, возмущать"). Этимология представляется фонетически неправдоподобной, а само слово не засвидетельствовано в других старейших тюркских текстах. Слово следует считать необъясненным. Однако правильность объяснения Bailey стоит вне всякого сомнения.

мологический словарь¹⁸ принимает мое объяснение с оговоркой *talán* "может быть", которую следует снять.

Поскольку здесь идет речь об очень важной черте в структуре тюркских кочевых государств, а мой принцип определения первоначального значения этнонима, положенный в основу моих объяснений, рассматривается иногда предубежденно, я с целью подкрепления своего тезиса приведу здесь еще несколько идентичных или подобных имен.

К этой же семантической группе принадлежит и название трех хазарских племен, которые около 890 г. восстали против хазаров и примкнули к венгерскому племенному объединению — *Qovar*¹⁹; ср. чаг. *kon-* "подниматься, встать" (РО). Здесь проявляется то же изменение *r>b>v*.

У Константина в первом слоге — *a*, что следует — как это часто бывает — читать как *o*. В лат. *Qowaris* (аблатив, Хроника Адмонта, 881 г.) и венг. *kovág* -о- первого слова регулярно соответствует греческому *o* (НМ Kil 104; *Моравчик II*²⁰, с. 31).

Старое имя чувашей — *булгар* ясно засвидетельствовано в русских источниках. Имя ал-Булгари известно из волжско-булгарских эпитафий. Многочисленные сведения о нем есть также в исторических памятниках кавказских булгаров (*Моравчик II*, с. 98—100), причем в его произношении, в старом и новом фонетическом развитии, в его семантике нет значительных проблем.

Не подлежит сомнению, что слово с самого начала было тюркским этнонимом, и у нас нет оснований для предположения о его нетюркском происхождении (*Моравчик II*, с. 98—106, также I, с. 108 сл.).

Мне дважды приходилось обсуждать имя *булгар*²⁰. На основе моих прежних разысканий и богатых новых тюркологических источников сейчас я представляю происхождение этнонима следующим образом.

Значительное число древнетюркских этнонимов восходит к аористу — причастию на *-ap*, к ним относится и название *булгар*. ДТС дает следующие важные значения производящего слова *булга-*: "1. перемешивать, смешивать. ...4. возбуждать недовольство, сеять смуту". Производные от этого глагола зачастую употребляются для обозначения мятежных явлений: *булгак* "смута, волнение"; *булсайук*, *булсанук* "волнение, возмущение, смута" и т.д. (Ср. также примеры в НМ Kial.)

Имя *булгар* я перевожу как " тот, кто подстрекает к мятежу", а в качестве этнонима слово имеет значение "повстанец, мятежник"²¹. И раньше, и теперь этоним

объяснялся как тотемическое название (ср. тур. *булган* “соболь”), что мне представляется невозможным. В Азии этого этнонима не было, он появился лишь после смерти Аттилы как новое политическое наименование. Тотемическое объяснение лингвистически неприемлемо.

Наименование *сувар*, по-моему, также принадлежит к этой семантической группе тюркских этнонимов. Это было название большого города Волжской Булгарии вблизи Булгара. Арабские источники (цит. по рукописи проф. Михаила Кмошке “Gog und Magog”) упоминают его многократно: Ибн Хордадбех (124, 154), Ибн ал-Факих (297), Истахри (225), Мукааддаси (355, 361: *сувар* находится рядом с той же рекой). Другой город Сувар назван у Ибн Хордадбеха на северо-востоке Кавказа²², но также у булгар. Оба города названы по тюркскому этнониму *сувар*, *суварин* (МК. Брок, с. 249).

Производящее слово для этнонима — *sumaq*, *surg-*: *bojun su-* “слушаться” (МК. Брок, у Атала я точнее, чем МК. Брок.) с корнем *su-*, *suw-*, подобным *ju-*, *juw-*, “мыть” (Рясянен, 209а) с аористом *juvat*.

Первоначальное значение этнонима *сувар* “племя покорных, послушных”²³.

К этой же группе относится и очень распространенный огузский этноним *авшар* “покорный, верноподданный” — ср. у Радлова: *aç-* “склониться к тому” (*ul añaq audī*, *aniŋ jağina açdi* “он склонился к нему”), *aç-* “поддаться, уступить” (см. НМ Kial, 38).

Я уже указывал (НМ Kial, 35—36), что тюркский этноним *чаваш* “чуваш” идентичен с волжско-туркским словом *živaš* “спокойный, скромный, мирный”. То же следует сказать и о киргизском родовом названии *žuvaš-* *чаваш*. У нижних кумандинцев есть род *чабаш* “мирный, миролюбивый, медленный”. Все три последних имени принадлежат к одной семантической группе, представляя собою своеобразные прозвища.

Название *кыпчак*, *кыфчак* (— саг, “сердитый, вспыльчивый человек, которого всякое дело возбуждает”) прямо противоположно им. Другие объяснения см. А.Н.Кононов²⁴.

(Mergen). Широко распространенное монгольское слово *mergen* “стрелок (вероятно, это первоначальное значение), мастер; мудрый, остроумный”, которое в качестве личного имени встречается во времена Арпадов (900—1300) в Венгрии, а также в Адриатике (подробную библиографию см.: *Моравчик I*, с. 72; *Дёрфер*, с. 496—498, № 363; *Шинор*, с. 265, и *Рашоньи*)²⁵.

²² Худуд ал-'Аlam / Перевод В.Ф.Минорского. С. 455.

²³ Многие исследователи, например П.Пеллио, удивлялись, что этнонимы часто оканчиваются на *-ar*, *-er*, *-ur*, *-uer*. Не говоря уж о том, что концовка *-r* очень распространена в тюркских языках, большая часть из них восходит к аористу — причастию на *-r*.

²⁴ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-ль-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 85, пр. 46.

²⁵ Rásónyi L. Tarihte türklük. Ankara, 1971. S. 305 сл.; “Nyelvtuhamanyi Kőzösségek”, XLVI. С. 466.

Диалог источников

Общеизвестны сведения Феофилакта Симокатты и Менандры о том, что европейские авары не были настоящими аварами; они были тюрками, но приняли имя авар, чтобы внушить страх другим народам. <...>

Итак, авары были тюркского происхождения и говорили приблизительно на том же тюркском диалекте, что и племя Аттилы, весьма близком к языку орхонских надписей. Ф.Б.Ростопчин²⁶ подробно рассмотрел подоплеку возникновения и развития одного подобного имени — имени *Şah-seven* “которые любят шаха”, — что относится к уже более позднему времени (ср.: *Дёрфер III*, с. 315—316, № 1319).

Приведенное здесь объяснение этнонима авар относится также и к проблеме псевдоаваров.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Егоров — *Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары, 1964.
Клосон — *Clauson G. An Etymological Dictionary of the Prethirteenth century Turkish*. Oxford, 1972.
МК. Брок. — Махмуд Кашгарский, изд. Брокельмана.
Рамстед — *Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935.
Рясянен — *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen*. Helsinki, 1969.
II — *Inscriptions de l'Ienissei*. Helsingfors, 1899.
MGH — *Monumenta Germanias Historica*.
MNy — “Magyar nyelv”.
ДС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ТРС — Туркменско-русский словарь. 1968.

²⁶ Ростопчин Ф.Б. Заметки о Шах-севенах // СЭ, 1933, № 3—4. С. 88—118.

Восточнотюркский каганат и Средняя Азия

С.Г.Кляшторный

ПАДЕНИЕ САМАРКАНДА

Момент, когда Тоньюкук вступил на территорию Согда, был переломным в решении судьбы этой страны. В 711 г. самаркандинская знать свергла с согдийского престола Тархуна, заключившего мир с арабами и выплатившего им дань¹. “Ихшидом Согда, афшином Самарканда” стал Гурак. В 93 г. х. (октябрь 711 — октябрь 712 г.), вслед за подчинением Хорезма Кутейба ибн Муслим объявил себя мстителем за кровь вассала и двинул арабские войска на Самарканд. Трагизм неравной борьбы “людей Согда” с численно превосходящим противником ярко запечатлен в письме Гурака китайскому императору: “Шесть лет назад (письмо написано в 718 г. — С.К.) главнокомандующий даши (арабами) И-ми Кю-ти-бо (эмир Кутейба) во главе многочисленной армии пришел сюда; он сражался с нами, и мы нанесли нашим врагам большое поражение. Но много наших воинов погибло и было ранено, пехота и кавалерия даши (арабов) были настолько многочисленны, что мы не могли им сопротивляться. Я отступил под защиту крепостных стен, чтобы там обороняться. Тогда арабы осадили город. Они установили против стен триста метательных орудий, с трех сторон они прорыли большие траншеи. Они хотели разрушить наш город и наше государство”². Более полное описание этих событий у ат-Табари³, сохранившего записанную ал-Мадаини арабскую военно-племенную традицию, сличил с сообщениями цитированного письма В.В.Бартольд⁴. Проанализировав оба источника, Бартольд не ставил, однако, своей задачей предложить синтезирующую картину происходивших событий, оставив, в частности, нерешенным вопрос о ходе борьбы между арабами и согдийцами до непосредственной осады города.

Обратимся к рассказу ат-Табари.

Сводный рассказ: “И пошел (Кутейба) в Согд; его опередил ‘Абдурахман ибн Муслим с 20 тысячами (вой-

¹ Новая датировка свержения и смерти Тархуна (не 91 г.х., а 92 г.х., т.е. ноябрь 710 — октябрь 711 г.) принадлежит О.Г.Большакову (*Большаков О.Г. Средняя Азия в VII—IX вв. С. 422—423*).

² Chavannes. Documents. P. 204—1250.
Ат-Табари. II.
С. 1241—1250.

³ Бартольд. К истории арабских завоеваний. С. 141—147.

ска), направляясь к Согду. И присоединился к нему Кутейба с войсками Хорезма и Бухары... и осаждал он их целый месяц". В следующем далее описании происходивших в течение месяца событий рассказывается о разгроме идущего на помощь согдийцам отряда соседних владетелей: "...и это событие привело в смятение жителей Согда. Кутейба поместил против них метательные машины и обстрелял их"⁵.

Версия Бахили₂ называет место происходивших до осады Самарканда событий. После выступления из Бухары Кутейба "пошел дальше, пока не дошел до города Арбиджана... И встретил их (арабов) Гурак, владетель Согда, со множеством тюрок, с жителями Шаша и Ферганы"⁶. Упоминание союзников Гурака представляет здесь некоторый анахронизм, так как они появляются значительно позднее, что ясно видно из сводного рассказа, а также из версии Бахили₁, содержащей наиболее полный рассказ о союзниках согдийцев: "После того как увидел Гурак настойчивость Кутейбы по отношению к ним, он написал царю Шаша, ихшиду Ферганы и хакану... И они выбрали всадников из сыновей царей и храбрейших из молодых царских воинов... и поставили над ними начальником сына хакана. Они отправились и решили напасть на войско (Кутейбы)". Далее следует описание ночной засады арабов и разгрома союзного отряда. "И это привело в смятение жителей Согда"⁷.

Основываясь на проделанном В.В.Бартольдом анализе, а также на цитированных и вновь открытых источниках, можно предложить следующую реконструкцию событий. В 93 г. х. войска Кутейбы ибн Муслима, усиленные многочисленными контингентами местных союзников, выступили из Бухары по направлению к Самарканду. Встретив арабов у Арбиджана⁸, Гурак, не надеясь на собственные силы, обратился за помощью к владельцам Шаша, Ферганы и хакану тюрков, которые отправили к нему отряд, состоявший из личных дружины дихканской знати под предводительством сына тюркского хакана. Узнав через лазутчиков о движении этого отряда, Кутейба выслал ему навстречу лучшую часть войска под командованием своего брата Салиха ибн Муслима. Внезапным ночным нападением арабы разгромили союзный отряд, после чего согдийцы отступили к Самарканду и под его стенами дали сражение. Несмотря на некоторый успех, согдийцы понесли большие потери и должны были укрыться за стены города. Арабы применили метательные машины, проделали брешь в стене и принудили Гурака к капитуляции.

⁵ *Ат-Табари*. II. С. 1242.
Обозначение версий
по Бартольду.

⁶ Там же. С. 1249–1250.

⁷ Там же. С. 1247–1249.

⁸ О местоположении Арбиджана см.: *Бартольд*. К истории орошения. С. 117. Город был расположен в 12 фарсахах от Самарканда, на пути в Бухару.

* *Kurat. Kuteybe bin Muslim.* S. 419—420
(арабский текст).

Условия капитуляции и текст договора о мире между Кутейбой и Гураком сохранились в труде Ибн ал-А'сама ал-Куфи, отрывки из которого, по уникальной рукописи арабского оригинала, хранящейся в Стамбуле, опубликовал А.Н.Курат⁹. Подробно описывается вступление арабских войск в город и события, сопутствовавшие заключению договора: “Рассказывают: и когда наступил следующий день, Кутейба подошел к городской стене, и был заключен мир между [ним и] этим народом. Кутейба заключил с ними мир за 2 тыс. дирхемов единовременно и 200 тыс. дирхемов ежегодно и за 3 тыс. голов рабов, среди которых нет ни детей, ни стариков; а также за те сокровища идолов, которые находятся в домах огня; и на том [условии], что они построят Кутейбе мечеть в этом городе; и на том [условии], что они (согдийцы) оставят город, чтобы не было в нем ни одного бойца. И вошел в город Кутейба со своими сотоварищами, и молился там, и прочитал хутбу, и пообедал [в городе]. Потом он вышел. Условился с ним Гурак, сын ихшида, в том, что он войдет через ворота Кеша и Несефа, а выйдет через Китайские ворота.

Рассказывают: и приказал Гурак принести угощение для Кутейбы и знатнейших из сотоварищей его. Потом он приказал открыть ворота Самарканда, и они были открыты, и вошли в этот город мусульмане в большом количестве, воскликнув “Аллах велик!”... Рассказывают: потом [Кутейба] призвал к трапезе, и приказал Гурак, сын ихшида, принести обеденные столы... и ели Кутейба, и его братья, и его племянники, и его военачальники, пока не окончили эти люди трапезу и не омыли руки свои. Встал Кутейба и совершил два рак'ата; потом призвал своего писца и приказал ему написать Гураку, сыну ихшида, договор, на котором он заключил с ним мир”¹⁰.

Далее следует текст договора, где упомянута и дата его заключения — 94 г. х. (октябрь 712 — сентябрь 713 г.).

“Затем призвал Кутейба ‘Абдаррахмана ибн Муслима и оставил его в городе Самарканде, дабы [жители Самарканда] не расторгли договор и не нарушили. Потом он (Кутейба) направился к городу Мерву и стал там лагерем”¹¹.

Текст Ибн ал-А'сама вносит существенное уточнение в хронологию событий — и у ат-Табари, и у ал-Балазури заключение договора датировано 93 г. х.¹². Лишь ал-Йа'куби приводит точную дату — 94 г. х.¹³. Между тем, пока не был известен труд Ибн ал-А'сама, именно расхождение в датах дало основание Х.А.Р.Гиббу упрекнуть ал-Йа'куби в неточности и счесть его информацию не заслуживающей доверия¹⁴. Как уже отметил А.Н.Курат,

⁹ Ibid. S. 420.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ат-Табари. II. С. 1241; ал-Балазури. С. 421.

¹² Ал-Йа'куби. С. 344.

¹³ Gibb. Arab conquests. P. 46—47.

¹⁵ *Kurat. Kuteybe bin Muslim.* S. 411.

текст ал-Йа'куби в описании самаркандского похода Кутейбы очень близок к тексту Ибн ал-А'сама, хотя и значительно короче¹⁵. Это обстоятельство имеет большое значение для восстановления доверия к труду ал-Йа'куби, так как только ал-Йа'куби сохранил сведения о событиях, последовавших сразу вслед за заключением Самаркандского договора.

НА ПУТЯХ В СОГД

¹⁶ *Marquart. Chronologie.* S. 8.

¹⁷ *Barthold. Quellen.* S. 8–12.

Попытка идентификации рассказа ат-Табари с описанием в памятнике Кюль-тегина согдийского похода 712–713 гг., проделанная И.Марквартом¹⁶, была справедливо отвергнута В.В.Бартольдом, указавшим как хронологические, так и фактические несовпадения обоих источников¹⁷. Произведенный анализ надписи Тоньюкука позволяет нам утверждать, что рассказ ат-Табари, не имеющий ничего общего с содержанием 39–40-й строк памятника Кюль-тегина, отражает некоторые события, изложенные в памятнике Тоньюкука. Разгромленный арабами летом или в начале осени 712 г., сын тюркского хакана, спешивший во главе отряда шашских, ферганских и тюркских воинов на выручку согдийцам, не кто иной, как Инэль-каган, младший сын Капагана, главнокомандующий тюркскими войсками на западе. Становится понятным и обращение Гурака к тюркскому кагану, точнее к его представителям: тюркские войска были на границах Согда и могли оказать немедленную помощь.

В этой связи обращает на себя внимание фраза из 47-й строки памятника Тоньюкука — *idi joq ārmis* “господина (там) не было”, — характеризующая положение летом 712 г. на территории между Железными воротами и ставкой “сына Тинси”, т.е. в Согде. Ее можно объяснить только как свидетельство об отсутствии в стране общепризнанного государя, это будет понятным, если принять гипотезу о датировке согдийских документов с горы Муг первого и второго годов правления Деваштича как “царя Согда, господина Самарканда” 711–713 гг. Впервые близкую дату (710–712) предложил Р.Н.Фрай¹⁸. Несколько раз возвращалась к этой проблеме О.И.Смирнова¹⁹. В.А.Лившиц, опубликовавший и исследовавший целую серию документов Мугского архива, первоначально считал, что время, когда Деваштич именовался “согдийским царем, самаркандским государем”, может быть отнесено к любым двум годам между 710–723 гг.²⁰. Позднее, однако, он остановился на 712–714 гг.²¹.

¹⁸ Frye. *Targān.* P. 123.

¹⁹ Смирнова. Согдийские монеты. С. 365; Она же. Материалы. С. 9–10; Она же. К истории Самаркандского договора. С. 79; Бодалюбов, Смирнова. Согдийский документ Б-1. С. 1221; ср.: Кляшторный. Титул согдийского владетеля. С. 134–135.

²⁰ Лившиц. Согдийский документ В-4. С. 133.

²¹ Она же. Три письма. С. 117.

²¹ *Ат-Табари*. II. С. - 1249.

²² О взаимоотношениях Тархуна с арабами и "арабофильской" группировкой в Согде, а также о роли Деваштича как опекуна детей Тархуна см.: Крачковский, Крачковская. Древнейший арабский документ. С. 71—73.

²³ *Kurat. Kuteybe bin Muslim*. S. 420; Смирнова. К истории Самаркандинского договора. С. 79.

²⁴ Имя *sūq* находит близкую аналогию в согдийском имени *sūqan*;ср. *sūqan* — собственное имя Ши Сымина (*Lie Mai-isai*. I, 302). То же имя носил бухар-худат Сукан ибн Тухшада (750—757 гг.?) (*Frye. History of Bukhara*. P. 8). Ср. также хотанское *sūqa* ара (*Bailey. Turkish proper names*. P. 201).

Выступление Кутейбы в 712 г. против Гурака под предлогом мести за Тархуна²² ясно показывает, что арабы не считали Гурака законным государем и не признавали за ним царского титула. После смерти Тархуна "арабофильскую" группировку согдийской знати возглавил Деваштич — опекун детей Тархуна, принявший на себя, вероятно, не без согласия Кутейбы, роль регента и титул "царя Согда, государя Самарканда"²³. Следует отметить, однако, что действительного содержания этот титул не имел: Самарканд был в руках Гурака. После взятия Самарканда Кутейба ибн Муслим предпочел заключить договор с Гураком, пользовавшимся в Согде реальной властью; специальная статья договора гласила: "И клянется Кутейба ибн Муслим, что подлинно я делаю тебя, о Гурак, сына ихшида, царем Самарканда, и его земель, и его пределов, и Кеша и Несефа, и его городов и крепостей. И я вверяю тебе управление ими и принимаю печать твоего перстня над ними. И не будет противодействовать тебе никто. И поистине царство после тебя принадлежит твоим детям, и это на все то время, пока я управляю Хорасаном"²⁴.

Прекращение поддержки со стороны арабов и упрочение власти Гурака положили конец открытым притязаниям Деваштича на царский титул (713). Возможно, тогда начался отход Деваштича от проарабской политики, который окончился в 722—723 гг. его плениением и гибелю.

В 47—48-й строках памятника Тоньюкука рассказано о событии, последовавшем за возвращением войск Тоньюкука и Инэль-кагана из Мавераннахра, — прибытии в тюркскую ставку согдийского посольства во главе с Суком²⁵. Появление согдийского посольства у Тоньюкука после сдачи Самарканда Кутейбе и перед антиарабским восстанием согдийцев свидетельствует о попытке договориться о дальнейших совместных действиях. Правильность этого предположения может быть подтверждена последующими событиями — уже в конце 712 г. в Согде появились отряды Могиляня и Кюль-тегина, пытавшиеся оказать помощь самаркандцам против арабов.

В свете этих событий становится возможной постановка вопроса о взаимоотношениях Восточнотюркского каганата с государствами Средней Азии. Период, когда восточнотюркские войска дошли до границ Средней Азии, ознаменовался созданием антиарабского блока четырех значительнейших на востоке этой страны государств — каганата, Согда, Шаша и Ферганы. Возникшая тогда коалиция в 712—713 гг. превращается в главного

противника арабов, в равной мере угрожавших независимости одних и политико-экономическим интересам других союзников.

В 713 г., после подавления восстания согдийцев, Кутейба с многочисленными войсками вторгается в Фергану и Шаш, опустошая и сжигая захваченные города²⁶. Поход в Шаш повторяется в 714 г. Карательный характер действий Кутейбы в Шаше и Фергане позволяет утверждать, что в походах 713—714 гг. надо видеть не завоевательную инерцию арабов, как полагал Гибб, но стремление ликвидировать возможность дальнейшей поддержки этими государствами антиарабских движений в Согде. Кутейба был достаточно дальновидным политиком, чтобы понять, какую угрозу арабскому владычеству в Мавераннахре представляет блок каганата со среднеазиатскими государствами: вся его деятельность в последние годы жизни была направлена к предотвращению этой угрозы. И если Кутейба и его преемник частично достигли своей цели, то все же единство этнически различных групп населения в борьбе с захватчиками не было полностью нарушено: можно утверждать, что Средняя Сырдарья, Фергана и Семиречье фактически не входили в состав Халифата, несмотря на неоднократные попытки их завоевания арабскими наместниками на Востоке.

Таков вероятный исторический контекст лапидарного свидетельства древнетюркского памятника.

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ВОСТОЧНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА

В период победоносных войн первых пятнадцати лет VIII века границы Восточнотюркского каганата, пределы власти тюркских каганов, пределы их далеких походов оказались в новой связи между собой. 18-я строка большой надписи в честь Бильге-кагана и параллельно 21-я строка большой надписи в честь Кюль-тегина (тексты адекватны) называют в качестве западной границы каганата в период его наибольшего могущества оставшуюся неотождествленной в специальной литературе местность *känütarban* (БКб, 18), *känütarman* (КТб, 21), по общепринятым чтению Томсена — *Känü Tarban*²⁷. Это название упомянуто в определенном контексте, который мы приведем весь ввиду его важности для понимания нужного нам места.

“Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам (Бильге-каган. — С.К.) был шадом над народом тардуш. С

²⁶ *Am-Tabari*. II. C. 1256, 1267; *Gibb*. Arab conquests. P. 48—49.

²⁷ *Thomsen*. Inscription de l'Orkhon. P. 105.

моим дядей-каганом мы ходили вперед (т.е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины, [орошающей] Желтой рекой, назад (т.е. на запад) мы ходиливойной вплоть до Железных ворот. Переходя через Кегмен, мы ходиливойной вплоть до страны кыргызов. Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринацать сражений, отняли эли у имевших [свои] эли, отняли каганов у имевших [своих] каганов, имевших колени заставили преклонить колени, имевших головы заставили склонить головы". Далее следует упоминание о походах против тюргешей и кыргызов и победах над ними, а затем — интересующая нас фраза: *ilgäru qadyrdan jyšu γ aša budunγ γ anča qonturytumuz anča itdimiz qury γaru kāŋü tarbanqa tägi türk budunγ γ anča qonturytumuz anča itdimiz* "Вперед (т.е. на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели (в нем) порядок; назад (т.е. на запад) вплоть до Кэнгү Тарбана мы поселили таким образом тюркский народ и завели (в нем) порядок" (БКб, 14—18; КТб, 17—21).

Первая попытка локализации Кэнгү Тарбана принадлежит Э.Паркеру, поставившему это название в связь с Тянь-мань китайских источников — хребтом, ограничивающим с юга страну кыргызов²⁸. Уже Ф.Хирт указал на несостоятельность этой точки зрения как в лингвистическом, так и в историко-географическом отношении²⁹. Однако предположение Хирта о том, что Тарбан есть лишь второе название Железных ворот (*Tämir qaryu γ*), сделанное без учета контекста, не может быть принято, на что указывал в свое время П.М.Мелиоранский³⁰. К возражениям Мелиоранского надо добавить, что в то время как Железные ворота трактуются в надписях для времени Второго каганата как граница отдаленных походов Бильге-кагана и Куль-тегина, Кэнгү Тарбан — это граница расселения тюркских племен, входивших в политическую организацию Восточнотюркского каганата. Кэнгү Тарбан так же не может быть другим названием Железных ворот, как Кадырканская чернь (Большой Хинган) не может быть другим названием Шантунгской равнины (долина Желтой реки). Таким образом, обе попытки локализации Кэнгү Тарбана нельзя признать удовлетворительными.

Надписи прямо противопоставляют Кэнгү Тарбан как западную границу каганата его восточной границе — Кадырканской черни. Отмечая высокую точность передачи надписями тех исторических, хронологических и географических данных, с которыми связана деятельность Бильге-кагана и Куль-тегина, мы вправе сделать вывод, что Кэнгү Тарбан не мог быть расположен западнее Сырда-

²⁸ Parker. Рец. на: Thomsen V. Inscription de l'Orhon. P. 21.

²⁹ Hirth. Nachworte. S. 84—90.

³⁰ Мелиоранский. Памятник в честь Куль-тегина. С. 113.

ры, так как для указанного периода область между Жемчужной рекой и Железными воротами, населенная “согдийским народом” (*soydaq budun*), представляла для автора надписи единое территориально-этническое целое, не входившее в пределы каганата. В то же время нельзя предполагать, что автор текста поместил границу каганата восточнее ее действительного местоположения. Каковы были в тот период пределы каганатов, показывает контекст — предыдущие строки обоих памятников рассказывают о тех событиях, результатом которых явилось распространение пределов расселения “тюркского народа” вплоть до Кянгү Тарбана: речь идет о завоевании и включении в состав владений Восточнотюркского каганата территории Семиречья, страны “народа десяти стрел”. Таким образом, Кянгү Тарбан локализуется западнее бассейна рек Чу и Талас (страна “народа десяти стрел”) и восточнее Сырдарьи (граница Согда).

Прямых указаний на содержание термина Кянгү Тарбан в памятниках нет. Маловероятно, что под этим названием выступает обозначение какого-либо естественно-географического пункта, так как названия таких пунктов сопровождаются в надписях соответствующим географическим термином: *ügüz* “река”, *jyš* “чернь”, *qaru γ* “горный проход”, *jazy* “равнина”, *köl* “озеро”, *baš* “вершина”, сп., например, *jänčü uguz*, *otukan jyš*, *şantuŋ jazy*, *türgi jargyn köl*, *čuš bašy*. Обозначение именем *käñütarban* западной границы каганата в тексте, предназначенном для всего “тюркского народа”, показывает, что этот топоним известен “слушателям”.

Все это заставляет полагать, что речь идет о названии области (ср.: *tüpüt* “Тибет”, *tabyač* “Китай”) или города, известном прежде всего в связи с окончательным подчинением Тюргешского каганата и походом в Согда. В тексте памятников граница, установленная или достигнутая в результате похода, всегда связана с направлением похода, и естественно полагать, что Кянгү Тарбан — последний пункт, до которого тюркские отряды в походах 712—713 гг. доходили по территории, включенной в пределы каганата, и за которым они вступали на чужую землю. Вслед за тем происходила переправа через Жемчужную реку, означавшая вступление в Согда. Местоположение Кянгү Тарбана между восточной границей Согда (Сырдарья) и западными областями каганата указывает, что территория, обозначенная в памятниках именем Кянгү Тарбан, рассматривалась Бильге-каганом, от имени которого ведется повествование, как самостоятельное территориальное и политическое образование.

СТОЛИЦА ШАША

В кратком рассказе ал-Балазури о битве за Самарканд в 712 г. упомянуто и обращение Гурака к соседним владельцам: “И окружил Кутейба людей Самарканда, и несколько раз встречались они и сражались. И написал царь Согда царю Шаша, а тот жил в Тарбанде. И пришел он во главе множества воинов. Встретили их мусульмане и сразились в жестокой битве. Затем Кутейба напал на них и обратил их в бегство”³¹. В этом рассказе особый интерес представляет упоминание города Тарбанд — резиденции владельца Шаша в 712 г. В аналогичном контексте Тарбанд назван и ат-Табари³². Тождество его с Тарбаном надписей представляется несомненным ввиду совпадения места (район Средней Сырдарьи, соседний с Согдом), времени (712) и содержания обоих понятий. Отпадение неслогоового *d* в двусогласном исходе (*Tarband* ~ *Tarban*) — явление, вполне закономерное для тюркских языков. Слово *kāpi* в унитарно оформленной дательно-направительным падежом конструкции *käŋütarbanqa tägi* имеет атрибутивное значение.

Прямых указаний на локализацию города и области Тарбанд в трудах ал-Балазури и ат-Табари не имеется. По мнению В.В.Бартольда, “часто встречающееся у историков название древней столицы Шаша Тарбанд у географов не упоминается”³³. Это, однако, не совсем точно. Двое из ранних географов, Мухаммед ибн Муса ал-Хориезми, труд которого “Китаб сурат ал-ард” написан между 836—847 гг.³⁴, и Сухраб (первая половина X в.) в сочинении “Китаб ‘аджа’иб ал-акалим ас-саб’а”³⁵, полностью зависим от книги ал-Хориезми, упоминают и локализуют Тарбанд. Сухраб называет “область Шаша и Тарбанда” с северной границей $42^{\circ}5'$ ³⁶, т.е. включает в эту область Исфиджаб и Фараб³⁷. Труд ал-Хориезми позволяет окончательно отождествить Тарбанд с часто упоминаемым у географов другим названием той же области — Туарбанд (ср., например, ал-Фаргани, ал-Баттани)³⁸, являющимся одной из форм наименования хорошо известного города и области Отрап³⁹. Наиболее полную сводку названий Отрапа, отражающую постоянные орфоэпические колебания, дает географический труд Яакута (XIII в.): “Туарбанд ...город за Сейхуном (Сырдарьей), из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Туар и Отрап⁴⁰. Интересное сообщение об этой же области содержится в труде Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки “Хроники города Мек-

³¹ Ал-Балазури. С. 421.

³² Ат-Табари. II. С. 1518, 1521.

³³ Бартольд. Туркестан. Т. II. С. 171. Прим. 10. 34 О дате написания труда см.: Бартольд. Худуд ал-‘Алем. С. 8; ср.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 93. “О Сухрабе и его труде см.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 97—99.

³⁴ Широтные определения в трудах ал-Хориезми и Сухраба не совпадают с определениями, известными из других арабских географических трудов (см.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 95).

³⁵ Mžik. Kitab ‘Aqā’ib. S. 48.

³⁶ Nallino. Al-Hūwārizmi. P. 36; Golius. Muhammedis Fil. P. 38; Nallino. Al-Battani. Vol. I. P. 238—241.

³⁷ О локализации Исфиджаба, Шавгара и Отрапа, а также о тождестве Фараба и Отрапа см.: Бартольд. К истории орошения. С. 145—147.

³⁸ Йакут. III. С. 524; см. также: ал-Мас’уди. III. С. 61.

⁴¹ Wüstenfeld. Geschichte der Stadt Mekka. Bd I. S. 168—169.

ки”⁴¹. Автор воспроизводит надпись на плите, хранящейся в сокровищнице Ка’бы вместе с троном шахов Кабула, доставленным в Мекку в 200 г.х. (816) как военная добыча. Надпись, представляющая своего рода “пояснительную записку” к трофею, составлена Хасаном ибн Сахлем, братом знаменитого сподвижника халифа ал-Ма’муна, Фадла ибн Сахля Зу-р-рийасатайна, и является кратким рассказом о военно-административной деятельности последнего. После сообщения о завоевании Кабула и о посылке “зеленых знамен руками Зу-р-рийасатайна в Кашмир и в область Тибета” следует прославление деяний полководца на северо-восточных рубежах Халифата: “Также и из области Тарбад [послал] то, что он потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрап; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу”⁴². Этот отрывок ясно показывает, что, во-первых, Фараб и Шавгар, образующие, как известно, один оазис, в совокупности составляли область Тарбанд; во-вторых, так как Фараб есть лишь другое название города и области Отрап⁴³, то область Тарбад тождественна здесь области Отрап, что видно и из контекста. В самом имени Тарбад явственно выступает Тарбанд ал-Балазури и ат-Табари, Тарбан рунических текстов⁴⁴.

Оценка политического значения Тарбанда в начале VIII века, происходящая из рассказа ал-Балазури, нашла неожиданное подтверждение в недавно прочтенном согдийском документе А-14 (Мугский архив)⁴⁵. Документ представляет собой донесение Деваштичу от его агента Фатуфарна, посланного в Чач (Шаш). В донесении сообщается, что задолго до прибытия в Чач Фатуфарна⁴⁶ тудун, к которому прибыл Фатуфарн, заключил соглашение с Тарбандом (*t’rβnt*), согласно которому тудун “получил (там) все земли”⁴⁷.

Кто такой тудун? Об этом прямо говорят арабоязычные источники. Ат-Табари сообщает, что тудун и есть царь Шаша⁴⁸; по ал-Бируни, титул царя Шаша — тудун.

На монетах с согдийской надписью, относимых О.И.Смирновой к чекану правителей Чача, читается титул *tβwn* (тудун)⁴⁹. Как правильно предположил Лившиц, тудун документа А-14 может быть отождествлен с упоминаемым в китайских источниках государем Чача Мохэду-ту-тунем (Багатур-тудуном), правившим с 713 до 739 (?) г. Тем не менее В.А.Лившиц не считает тудуна и государя Шаша одним лицом, а полагает, что в Шаше существовало двоевластие — с одной стороны, там был наместник китайского императорского правительства или восточнотюркско-

⁴² Цит. по пер. А.И.Михайловой (*Михайлова. Новые эпиграфические данные*. С. 17).

⁴³ Отрапбенд — ат-Табари. III. С. 815—816.

⁴⁴ По предположению Д.Х.Мюллера, развитому Марквартом, исходной формой является согдийское *Trarband* “место перевороты” (*Marquart. Komanen*. S. 92). В другой своей работе Маркварт предположил, что слово *Band* имеет здесь специальное значение “пограничное укрепление” (*Markwart. Sogdiana*. S. 295—296).

⁴⁵ Лившиц. Согдийский посол. С. 92—109.

⁴⁶ По мнению Лившица, документ датируется 712—715 гг. (*Лившиц. Согдийский посол*. С. 108).

⁴⁷ Там же. С. 96.

⁴⁸ *At-Tabari*. II. С. 1694; Salemann. Zur Handschriftenkunde. S. 867.

⁴⁹ Смирнова. Монетные находки. С. 170.

⁵⁰ Лившиц. Согдийский посол. С. 100—101.

⁵¹ Там же. С. 95.

го кагана — тудун с резиденцией в Тарбанде, с другой — местный династ с резиденцией в самом Шаше (Ташкент)⁵⁰. Основанием для такого предположения послужил следующий отрывок из документа А-14: “(5) И, господин, я прибыл сюда, к чачскому государю (с’су-пк γwβ). И, господин, (6) я и письма передал, и то, что следовало устно сообщить, (7) я полностью, без остатка изложил (8) и тудуну, и “помощнику””⁵¹. Далее везде упоминается тудун. Поскольку существует два обозначения лица, к которому прибыл Фатуфарн (“помощника” здесь можно элиминировать), то, по мнению В.А.Лившица, речь идет о двух лицах. Контекст письма, однако, не позволяет сделать такого вывода; скорее, наоборот, подтверждается предположение, что речь идет об одном лице, которого Фатуфарн называет сначала по положению (“государь Чача”), а затем — по титулу (“тудун”); ср. ат-Табари, который также называет того же владельца “царь Шаша” и “тудун”.

Так или иначе, определенно подтверждается, что резиденцией правителя Шаша во втором десятилетии VIII века был Тарбанд, а сам Шаш не был ограничен Ташкентским оазисом; в пределы этого владения входили также Исфиджаб и Отрап, т.е. вся область по среднему течению Сырдарьи.

Отрап (Тарбанд), городище которого расположено в 7 км к северо-востоку от станции Тимур, как поселение городского типа возник в последние века до нашей эры и существовал, вероятно, еще в XVI веке⁵². В V—XIII вв. Отрап был крупнейшим городским центром на востоке Средней Азии; его площадь составляла 10 кв. км, высота его стен и сейчас, когда они разрушились и оплыли, достигает 20 м. В Отрапском оазисе, на площади 300 кв. км, расположено более 50 древних и средневековых городищ — развалин городов и поселений⁵³. К Отрапскому городищу примыкает десять мелких городищ. Отрап был крупнейшим центром торговли с кочевниками, куда сходились далекие торговые трассы, ведущие в кочевую степь и по левому берегу Сырдарьи — в Самаркандский Согд⁵⁴. Поэтому вполне естественно движение отрядов Могиляня и Куль-тегина по хорошо известному кочевникам и используемому ими пути через Отрапский оазис. Много позднее этот маршрут полностью повторил Чингисхан, а еще почти через два столетия Тимур превратил Отрап в базу готовящегося похода в Могулистан и Китай. Для арабских географов X—XIII веков Отрап (Фараб) — форпост мусульманского мира на границе с тюрками; арабские историки, повествующие о событиях VIII—IX веков, описывают Фараб и Шаш как наиболее

⁵² Археологическое обследование Отрапского городища, впрочем, весьма поверхностное, было начато деятелями Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА. 1897, 1898, 1900, 1903, 1904 гг.). В 1947—1948 гг. здесь работала Южноказахстанская археологическая экспедиция АН СССР (Бернштам. Археологические работы. С. 131—133; Древний Отрап. С. 81—97; см. также: Пацевич. Из истории оседлых поселений. С. 3—215).

⁵³ Акишев. Археологическая наука. С. 593; Археологическая карта. Л. 35, реестр. С. 233. Попытка отождествить Тарбанд с городищем Минг-Урюк в Ташкенте сделана без какого-либо учета письменных источников (Буряков, Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. С. 128—146).

⁵⁴ Йакут. IV. С. 334.

^{*} Ср.: Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. С. 106.

^{*} Бартольд. Очерк истории туркменского народа. С. 17.

беспокойные для арабов владения, готовые поддержать любое антихалифатское движение⁵⁵. Военно-политической и экономической основой подобных действий являлся блок владельцев городов Сырдарьи с присырдарьинскими тюрками и верховный сузеренитет последних над замедельческой полосой⁵⁶.

ПУТЬ КЮЛЬ-ТЕГИНА

Осенью 712 г., возмущенные вероломством Кутейбы, который в нарушение договора оставил в Самарканде арабский гарнизон, жители города восстали: “Назначил Кутейба правителем Самарканда брата своего ‘Абдаррахмана ибн Муслима. А люди Самарканда восстали против него, и на него напал хакан, царь тюрков. И написал (‘Абдаррахман) Кутейбе, но тот оставался на месте (в Мерве), пока не кончилась зима, и [только] тогда пошел к нему (на помощь). И он рассеял тюркское войско”⁵⁷. Этот рассказ ал-Йа’куби о событиях осени 712 — зимы и весны 713 г. В.В.Бартольд убедительно сопоставил с содержанием 39—41-й строк большой надписи в честь Кюль-тегина⁵⁸.

На помощь восставшим согдийцам пришли отряды Могиляня и Кюль-тегина: (39) soýdaq budun itäjin tijin jinču uguzig käčä tämir qarayqa tägi sulädimiz anta kisrä qara turgiš budun jaýy bolmyš käñäräš tapa bardy biziň su aty turuq azuqy joq ärti jablaq kiši är... (40) alp är biziňa tagmiš ärti anta odqä okunip Kul tiginig az ärin irturu ytymyz uluγ suňus suňušmiš alp şalčy aq atyn binip tägmiš qara turgiš budun γ anta olurmiš almyš jana jogur... (41)... birlä qušu tutuq suňušmiš ärin kop olurmiš äbin bargymyn qalysyz kop kälurti (КТб).

“(39) Для того чтобы устроить народ согдийцев, мы, переправаясь через Жемчужную реку, прошли с войском вплоть до Железных ворот. После этого весь тюргешский народ пошел на ставших (ему) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тоши, провианта не было. Плохие люди... (40) Мужественные люди (воины-герои) на нас напали. В такое время (т.е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись (в своем предприятии?), отослали Кюль-тегина с немногими воинами. (Как мы после узнали), он дал большое сражение. Сев на белого коня Алп-Шалчи, он напал (на врага), всю массу народа тюргешей там перебил и покорил. Снова (или: назад?) двинувшись... (41) он сразился с... и с Кушу-тугуком, его воинов он всех перебил, его дома и имущество, все без остатка, привез (себе)”⁵⁹.

^{*} Al-İa'kübi. II. С. 344.

^{*} Barthold. Quellen. S. 12.

^{*} Малов. Памятники. С. 32 (текст), С. 41 (пер.); ср.: Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 73—74; Thomsen. Altürkische Inschriften. S. 153.

Сопоставление сведений ал-Йа'куби и древнетюркского памятника позволяет достаточно полно представить ход событий. Могилянь и Кюль-тегин перешли Жемчужную реку и вступили в Согд по соглашению с восставшими осенью 712 г. самаркандцами. Однако арабский гарнизон Самарканда смог продержаться до весны 713 г., когда ему на помощь пришел Кутейба. Одновременно последовали события, заставившие Могиляня “раскаяться” в том, что им было предпринято, и первым из этих событий он называет нападение незадолго до того подчиненных, а теперь восставших тюргешей на “ставших им врагами кенгересов”. Тюркское войско, лишенное необходимых запасов фуража и продовольствия, оказалось в тяжелом положении. В Согде ему угрожала армия Кутейбы, а в тылу растянутые коммуникации Могиляня были поставлены под удар восстанием тюргешей⁶⁰. Прежде всего Могилянь поспешил обеспечить пути отступления. Это должен был сделать Кюль-тегин, но лишь небольшое число воинов рискнул выделить ему старший брат, ожидавший столкновения с арабами. Тем не менее Кюль-тегин справился с тяжелой задачей — он пришел на помощь кенгересам, разгромил тюргешей, а затем “сразился” с Кушу-тутуком — мелким князем одного из двух племен кушу, входивших в “пятистрельную” конфедерацию нушиби⁶¹. Дальнейшее движение на восток отряда Кюль-тегина, а вслед за ним и войска Могиляня не встретило препятствий.

Наиболее загадочными в изложенной реконструкции событий остаются те из них, которые связаны с кенгересами. Из текста надписи очевидно, что кенгересы были союзниками тюрков; более того, только союз с ними обеспечивал Могилянию надежный тыл. Движение тюргешей, поставившее под угрозу коммуникации тюркского войска и вынудившее Могиляня отступать, имея в качестве авангардного прикрытия отряд Кюль-тегина, не могло быть направлено к Аральскому морю, за 700 км на северо-запад от путей отступления тюрков⁶². Район обитания кенгересов, куда двинулись тюргеши, столкнувшись с Кюль-тегином, мог лежать только на путях движения тюркских отрядов, непосредственно примыкая к Согду — району действий Могиляния. Последовавшее вслед за битвой с тюргешами движение Кюль-тегина в междуречье Таласа и Чу (места обитания племен конфедерации нушиби) позволяет локализовать кенгересов в районе среднего течения Сырдарьи, т.е. там же, где расположен Кэнгү Тарбан.

⁶⁰ Ср.: *Barthold. Quellen.* S. 12.

⁶¹ *Chavannes. Documents.* P. 34—35, 68. Как установил Шаванн, племена кушу входили в группу тюргешских племен. В замечаниях к переводу В. Томсена (*Thomsen. Inscription de l'Orkhon.* P. 197) Э. Паркер предположил, что доши — тюркская передача названия китайского города Хучжоу (близ Турфана). Несколько позднее П. Пеллио отождествил доши с одним из названий Турфана (Qoco) (*Pelliot. Kao-tch'ang.* P. 583—584). Уже В. В. Бартольд, имея в виду замечание Паркера, отметил безосновательность такого рода сближений. Позднее сам Пеллио не возвращался к первоначально высказанной гипотезе (*Pelliot. Notes on Marco Polo. Vol. I.* P. 152—165). Жиро произвольно помещает племя кошу в районе Бешбалыка (*Giraud. L'empire des Turcs.* P. 187).

⁶² *Marquart. Chronologie.* S. 10; *Komanen.* S. 35. Ошибка Марквартса в определении расстояния между Фарабом и Янгикентом (*Marquart. Komanen.* S. 202) вызвала резкую критику Бартольда (*Бартольд. Новый труд о половцах.* С. 151—152).

КАНГАРЫ-ПЕЧЕНЕГИ

⁶³ Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd I. S. 356—367.

⁶⁴ Bury. Treatise. P. 517—577. Переводы: Константин Багрянородный. Об управлении государством. С. 1—71 (перевод 23 глав, содержащих известия о Северном Причерноморье); Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. О печенегах в X—XI вв., обитавших в южноурусских степях, существует значительная литература, указанная в работах: Moravcsik. Byzantinoturcica. S. 89—90; Плетнева. Печенеги, торки и половцы. С. 151—226.

⁶⁵ Czebe. Miszellen. I. S. 209—219; Macarthey. Magyars; Deer. Chapitre 38. P. 93—121.

⁶⁶ О времени написания трактата см.: Bury. Treatise. P. 522—523.

⁶⁷ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 171.

⁶⁸ Marquart. Chronologie. S. 10.

⁶⁹ Ал-Мас'уди. Китаб ат-л-ишраф. С. 180.

⁷⁰ Marquart. Streifzüge. S. 60—71; Komanen. S. 26.

⁷¹ Marquart. Chronologie. S. 5, 10; Komanen. S. 26.

Четвертый император Македонской династии Константин Багрянородный (905—959) прославился более как историограф, чем правитель⁶³. Сыну и наследнику Ромуану он завещал престол и политический трактат “Об управлении империей” — своего рода обобщение громадного военно-дипломатического опыта константинопольского двора в делах, касающихся беспокойных соседей Византии⁶⁴. В 53 главах трактата обстоятельно описываются страны славян и херсонитов, мадьяр, которых Константин называет “турками”, и болгар, хазар и далматинцев, сербов и франков, ивер и армян, но, пожалуй, лишь арабы да русы — главные враги, а иногда и союзники империи — удостоились столь же пристального внимания, как печенеги, господствовавшие в X веке в южноурусских степях⁶⁵. Блестящая историко-этнографическая характеристика печенегов, содержащаяся в 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 37 и 38-й главах трактата, особенно в двух последних, осталась непревзойденной и послужила основой всех специальных исследований, посвященных этому народу⁶⁶.

Среди прочих известий Константин Багрянородный упоминает и о древнем имени печенегов, которое они носили до переселения в южноурусские степи, отмечая, что ныне (т.е. в 948—952 гг.)⁶⁷ “печенеги также называются кангар, но не все, а только народ трех округов: Йабди-ирти, Куарциур и Хабуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание кангар”⁶⁸.

И. Маркварт первым сопоставил имя загадочного народа орхонских надписей — кенгерес — с этнонимом кангар⁶⁹. Развивая свою гипотезу, Маркварт обратил внимание на два аспекта, которые открывали заманчивые перспективы для дальнейших исследований: а) возможность поисков первоначальных мест обитания печенегов; сам Маркварт, основываясь на рассказе ал-Мас'уди о жестокой борьбе четырех племен — баджнак, баджна, баджагард и нукарда — с гузами, карлуками и кимаками близ Джурджанийского озера (Аральского моря)⁷⁰, локализовал печенегов-кенгересов в Приаралье и низовьях Сырдарьи⁷¹. Как мы показали выше, такая локализация кенгересов неверна; б) возможность этимологизации имени “кангар”, которое Маркварт сопоставил с названием Сырдарьи у Ибн Хордадбеха — “река Кангар”. По мнению Маркварта, kangar ~ kängär(ä)s разъясняется как название реки (Kang) и тюркское äg “мужи, люди”: “люди с Канга”⁷².

⁷³ Мелиоранский. Памятник в честь Культигина. С. 126; Бартольд. Новые исследования. С. 245—246.

⁷⁴ Бартольд. Новый труд о половцах. С. 152.

⁷⁵ Menges. Etymological notes. P. 269.

⁷⁶ Толстов. Древний Хорезм. С. 23—24; О происхождении каракалпакского народа. С. 72.

⁷⁷ Щербак. Знаки на керамике. С. 370.

⁷⁸ Menges. Altaic elements. P. 101—104, ср.: Pelliot. Quelques noms turcs. P. 174—233.

⁷⁹ BGA. T. VI. P. 154; Togan. Nordvölker bei Biruni. S. 43; Ibn Fadlan's Reisebericht. S. 305—306; Lewicki. Zrodla arabskie. T. I. P. 76, 133—134. У Ибн ал-Факиха (BGA. T. V. P. 271), использовавшего труд Ибн Хордадбеха (ср.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 158—159), “рекой славян” названа река, впадающая в Хорасанское (Каспийское) море, т.е. Волга. Подробнее см.: Кляшторный. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье.

В.В.Бартольд, обсуждая гипотезу Маркварта, принял предложенное им отождествление кангаров с кенгересами, а также локализацию древней родины печенегов, хотя и отметил вслед за П.М.Мелиоранским необъяснимость конечного -s в слове käñärs⁷³. Однако предложенную Марквартом этимологию имени “кангар” — “люди с Канга” — Бартольд поставил под сомнение, отмечая, что, во-первых, Маркварт не учитывает объяснение этого имени источником (Константином Багрянородным) и, во-вторых, произвольно меняет название реки “Кангар” на “Канг”⁷⁴. Это последнее возражение поддержал К.Менгес, также признавший тождество имен “кангар” и “кенгерес”⁷⁵. Выводы Маркварта целиком принял С.П.Толстов, не заметив, однако, что “Канг” у Маркварта — не название страны, которую С.П.Толстов отождествляет с Хорезмом, а название нижнего течения Сырдарьи (“Leute vom Kang”, vom unteren Jaxartes)⁷⁶. В последнее время предположения Маркварта поддержаны А.М.Щербаком⁷⁷.

Остановимся подробнее на возражениях Бартольда — Менгеса.

Одно из них разъяснено позднее самим Менгесом при анализе языкового материала протобулгарских надписей: окончание -aras/-äräs (-ag/äg) весьма распространено в древнетюркской этнонимике и восходит к архаичному дуплицированному numerus collectivus⁷⁸. Нельзя также ссылаться на объяснение имени Константином Багрянородным — вероятно, что семантическая нагрузка этнонима правильно зафиксирована греческим автором, но это указывает лишь на особое положение кангарских племен в системе печенежской конфедерации, связанное, возможно, и с генеалогической традицией. Последнее возражение наиболее существенно, так как оно указывает на прямое и необъяснимое искажение источника — в тексте Ибн Хордадбеха названа “река Кангар”, а не “река Канг”. Несомненно, что здесь само название реки восходит к этнониму (ср., например, название Волги у того же Ибн Хордадбеха и некоторых других арабских авторов — “река славян”⁷⁹), а не этноним — к названию реки, как это пытался доказать Маркварт. Вместе с тем имеется другое свидетельство в пользу прямой связи этнонима “кангар” с топонимом “Канг” и их локализации на Средней Сырдарье.

В своде эпических сказов и исторических повествований, послуживших основой величайшего стихотворного памятника средневековой таджикско-персидской литературы — “Шах-наме”, тесно сплелись две историко-географические традиции, особенно ярко проявив-

"Анализ и обобщение результатов длительного изучения "Шах-наме" и характеристика поэмы как историко-литературного памятника см. в работах: Стариков. Фирдоуси. С. 459—592; Бертельс. История персидско-таджикской литературы. Т. I. С. 169—238.

"Птицын. О географии "Шах-наме". С. 309.

шияся во второй, былинно-героической части поэмы⁸⁰. На общий фон полулегендарной эпопеи вековечной борьбы Ирана и Турана Фирдоуси наложил свою географическую и этнографическую "систему координат"; военные сцены эпоса развертываются на территории, хорошо известной тем, для кого писал Фирдоуси, — дехканской знати Хорасана и Мавераннахра — в странах, которым посвятили многие страницы своих трудов арабские и персидские историки и географы, предшественники и современники автора "Шах-наме". Архаичная топонимическая и этнонимическая номенклатура древнего эпоса Восточного Ирана как бы вкраплена в текст и надежно определена в привычных сочетаниях названий стран и городов, племен и народов. "География в "Шах-наме", во всяком случае в пределах того среднеазиатского и восточноиранского комплекса, к которому принадлежал Фирдоуси, не фантастическая, а вполне реальная. Если то или иное название, встречающееся в поэме, пока не может быть приурочено к какому-то конкретному месту, то это, в большинстве случаев, обусловлено или искажениями переписчиков, или недостаточностью проделанной в этом направлении исследовательской работы"⁸¹, — заключает автор лучшего исследования названной проблемы Г.В.Птицын.

В самой трагической части "Шах-наме" — сказании о Сиаваше — Фирдоуси запечатлел сохраненное среднеазиатско-хорасанской раннесредневековой географической традицией представление о Канге. Посланный своим отцом, царем Ирана Кай-Кавусом, против туранского царя Афрасиаба, победоносный Сиавуш принуждает туранца, нарушившего границу Ирана на Джейхуне (Амударье), повернуть назад:

Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сепиджаб⁸²,
И земли и трон — бросил все Афрасьяб;
Предлогов и хитростей он не искал,
Не медля, с дружинами в Канг ускакал⁸³.

Но вот, вынужденный покинуть родную землю, Сиавуш направляется в Туран. У границы его встречает Пирлан — старший советник Афрасиаба. Вместе едут они в ставку царя:

Поднявшись, они продолжали поход,
Не ведая устали, мчались вперед,
И вскоре достигли, веселья полны,
Цветущего Канга — столицы страны⁸⁴.

"Фирдоуси. Шах-наме. Т. II. С. 179; Mohl. Le Livre de Rois. Р. 308.

[“] Бертельс. История персидско-таджикской литературы. Т. I. С. 205.

[“] Птицын. О географии “Шах-наме”. С. 307.

[“] Justi. Grundriss. Bd II. S. 445; Barthold. Sir-Darja. P 468; Птицын. О географии “Шах-наме”. С. 303.

[“] См. гл. II.

[“] Фирдоуси. Шах-наме. С. 200—203.

[“] West. Pahlavi literature. S. 75—129; Tavadia. Literatur der Zarathustrier. S. 45—101.

[“] Розен. Об арабских переводах “Худай-наме”. С. 153—191; Иностраницев. Сасанидские этюды. С. 10; Nöldeke. Iranische Nationalepos. S. 141; Christensen. L'Iran. P. 59—74; Грязневич, Балырев. О двух редакциях. С. 58—59.

Итак, Канг — столица Турана, а коренные земли Турана, в представлении Фирдоуси, — за Сырдарьей, на северо-восток от реки⁸⁵.

В следующих эпизодах (поход Рустама в Туран и его победа над шахом Исфиджаба — Вараздом) положение Канга — города и области — определяется совершенно четко: к северу от Исфиджаба, на его границах⁸⁶; “река Канга” — Сырдарья, носящая в поэме и другое название — Гульзарийун⁸⁷. Само имя “река Канга” образовано по типу названий “река Шаша”, “река Ходжента”⁸⁸.

Таким образом, локализация Канга Фирдоуси и его источниками совпадает с локализацией Кэнгү Тарбана орхонскими памятниками — это область Отара. “Река Канг” у Фирдоуси — та же самая часть Сырдарьи, которая у Ибн Хордадбеха носит название “реки кангар” и на берегах которой были расположены земли кенгересов рунических текстов.

КАНГХА

В “Шах-наме” имеется рассказ о возникновении Канга, который никак не вяжется с предыдущими строфами. Вот его сюжет: Афрасиаб предлагает Сиавушу выбрать в правление любую область Турана; Сиавуш находит землю по сердцу и строит там город, который называет Канг⁸⁹.

Фирдоуси не пытается сопоставить Канг Афрасиаба, столицу Турана, вполне реальный для него город на северной границе Исфиджаба, и Канг Сиавуша, сказочный замок на горной круче в неведомой стране “между синим морем и высокими горами”. Здесь ясно сказывается двойственность, свойственная историко-географической концепции “Шах-наме”, — реальная среднеазиатско-хорасанская раннесредневековая географическая традиция сталкивается с мифологической интерпретацией западноиранской сасанидской вульгаты, впитавшей и переосмыслившей древний эпос Восточного Ирана.

Эта зороастрийская литература на среднеперсидском языке, относящаяся в основном к VIII—IX векам, но восходящая к текстам эпохи Сасанидов⁹⁰, так же как и официальные придворные хроники Сасанидов, собранные незадолго до падения династии в “Книге царей”, оказала громадное влияние на мусульманскую историографию во всем, что относится к древней истории Ирана⁹¹. В Бундахишне, Денкарде, Меноке Храд, Бахман

⁹² Сообщения о Канг-дезе в пехлевийской литературе специально рассмотрены А. Кристенсеном (*Christensen. Les Kayanides. P. 82–85*).
⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. IV. С. 74; Аш-Шахрастани. Китаб ал-милал ва-н-нихал. С. 198.

⁹⁵ Ат-Табари. I. С. 602; Ал-Бируни. Индия. С. 304.

⁹⁶ Ас-Са'алиби. С. 207, 229.

⁹⁷ Markwart. Provincial capitals of Eranshahr. P. 26.

⁹⁸ Frye. History of Bukhara. P. 22–23.

⁹⁹ Бируни. Памятники минувших поколений. С. 47.

¹⁰⁰ Ат-Табари. I. С. 710; ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. II. С. 120. Легенда о Сиаваше неоднократно была предметом изучения; последнее исследование см.: Дьяконов. Образ Сиавуша. С. 34–44.

¹⁰¹ Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. I. С. 68. В тексте Канг-дэх назван байт ал-мукаадас “Священный дом”, одно из названий Иерусалима в ранней мусульманской литературе.

Яште, Дадестане Деник неоднократно упоминается построенная Сиавушем (Сиавахшем) на отдаленном востоке крепость Канг-дэз⁹². Здесь, в Канг-дезе, за его семью стенами, где правит бессмертный Пишьотан (по другой версии — Хваршедчихр, один из сыновей Заратушты), живет праведный народ Ираншахра, который вернется в свою страну, когда в последнем бою победоносные воины света одолеют войско тьмы⁹³.

Эсхатологический миф Бундахишна и Денкарда недоступен историографической интерпретации и может быть понят лишь как отголосок очень древних легенд, утративших реальное содержание в пехлевийской переделке. В арабской и персидской средневековой исторической литературе можно выделить несколько тенденций, по-разному интерпретирующих миф о Канг-дезе. Ал-Мас'уди и аш-Шахрастани в перечнях “храмов огня” рассказывают о Канг-дезе (кандждих), построенном Сиавахшем, сыном Кауса, как о месте, существовавшем и в их время (X–XII вв.) где-то на востоке Китая⁹⁴. Ат-Табари и ал-Бируни относят время постройки и существования Канг-деза к легендарным временам Йимы и Кай Кауса⁹⁵. И лишь у хорасанца ас-Са'алиби (ум. в 1038 г.) сохранен отголосок той же традиции, что и у Фирдоуси — Канг-дэз назван им крепостью Афрасиаба, тогда как о Сиаваше рассказывается как об основателе другого города, Сиавуш-абада⁹⁶. Впрочем, легенда о Сиаваше — строителе городов и основателе династий — была распространена в Средней Азии в первые века ислама: ему приписывается основание Самарканда⁹⁷ и Бухары⁹⁸, он же считается родоначальником первой династии хорезмшахов⁹⁹ и династии парфянских Аршакидов (Ашканидов)¹⁰⁰. Фирдоуси, кроме Канга Афрасиаба и Канга Сиавуша, упоминает и название, являющееся прямой модификацией пехлевийского Канг-деза: в повествовании о Феридуне, отдаленном предке Сиавуша, назван город Канг-диж-и худидж, который поэт отождествляет с Иерусалимом¹⁰¹. Как очевидно, сам Фирдоуси не связывал Канг-диж с Кангом.

Общим первоисточником историографической и религиозной традиции, которую в какой-то мере сохранили и эпическая поэма Фирдоуси, и пехлевийская литература сасанидской диаспоры, была Авеста — цикл различных по происхождению и содержанию мифов, сказаний и религиозных предписаний ираноязычных племен Средней Азии и Восточного Ирана II—I тысячелетий до н.э., в течение многих веков отлившийся в громоздкий и не всегда согласованный в частях зороастрийский канон, в котором самому Заратушtre (VI в. до н.э.) приписыва-

¹⁰² Абаев. Скифский быт. С. 23–56.

¹⁰³ Соколов. Авестийский язык. С. 13, 21.

¹⁰⁴ Christensen. Les Kayanides. P. 33–34.

¹⁰⁵ Первая зороастрийская редакция V Яшта относится, возможно, к IV в.; не исключены, однако, и позднейшие изменения, но цитированные ниже разделы Яшта восходят к дозороастрийскому оригиналу (Christensen. Etudes. P. 5–6; Les Kayanides. P. 14).

¹⁰⁶ Darmesteter. Zend-Avesta. P. 380; Lömmel. Yāšt. S. 36; ср.: Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. S. 75, 547. Перевод откорректирован С.Н.Соколовым и В.А.Лившицем; авестийский текст по: Reichelt. Avesta reader. P. 7. Как указал нам С.Н.Соколов, эпитеты Кангхи — “высокая и священная” — являются, судя по грамматической конструкции, позднейшей интерполяцией.

¹⁰⁷ Lömmel. Yāšt. S. 37.

¹⁰⁸ Толстов. Древний Хорезм. С. 22.

¹⁰⁹ Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. S. 1831.

¹¹⁰ Ibid. S. 199.

¹¹¹ Ibid. S. 547.

ется лишь малая доля — Гаты, стихотворные проповеди от лица пророка¹⁰². Более ранней по истокам частью Авесты признаны Яшты, гимны, каждый из которых посвящен божествам древнеиранского пантеона¹⁰³. Именно Яшты сохранили древнейшие исторические легенды иранских племен. Мифы о царях-змееборцах сменяются здесь сказаниями о князьях, носивших титул “кави” — кайанидах. Начало эпохи кайанидов А.Кристенсен относит ко времени между X — началом VIII века до н.э., конец — ко времени Заратуштры¹⁰⁴.

Пятый Яшт, посвященный Ардвисуре Анахите, содержит хронологически первое и единственное в сохранившихся частях Авесты упоминание Канга (Кангхи)¹⁰⁵. Один из кайанидских героев, “могучий воитель Туса, восседающий на крупе коня”, обращается с мольбой к богине-покровительнице: “(XIV, 54) Дай мне (свою благосклонность), о святая и благодетельная Ардвисура Анахита, чтобы я победил быстрых сыновей Вайсака у врат Хшатросука (букв.: “Свет царства”), выше всего расположенных (или: наивысших) в Кангхе, высокой и священной, чтобы я сокрушил людей Турана... (55) Даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита”¹⁰⁶. Одновременно сыновья Вайсака, прародителя туранских герояев, приносят жертву Ардвисуре Анахите “у врат Хшатросука, наивысших в Кангхе, высокой и священной”, просят помочь им сокрушить “могучего воителя Тусу” и истребить людей страны Арьянем, но богиня отвергает их просьбу (XV, 57—59)¹⁰⁷.

Последняя известная нам попытка историографической интерпретации упоминания Кангхи в V Яште (XIV, 54) принадлежит С.П.Толстову. Без ссылки на источник он приводит следующий перевод этого места: “Дай мне, о святая и благодетельная Ардвисура Анахита, победить Урва Хунава Весхаки у ворот Кшатрасаока, близайших к Кангхе, высокой и священной, чтобы я разгромил страны Турана”¹⁰⁸. Слово hunavo < hunav “сын”¹⁰⁹ переводится Толстовым как “хунны”, на основании чего окончательная редакция текста отнесена ко II—I векам до н.э. Решающим для истолкования является, по мнению С.П.Толстова, упоминание страны Урва, которую он вслед за Э.Захау отождествляет с Ургенчем. Однако в тексте не Urva (ср. первый фаргард Видэвдата, где единственный раз в Авесте упомянуто это имя), а augva “быстрый, мужественный”¹¹⁰. Слово xšadīō .suka (“свет царства”, возможно, как указал нам С.Н.Соколов, “царские блестательные”¹¹¹) переведено как “царские скифы”, а “Ворота царских скифов” отождествлены с “могучими

обрывками Устюрта". На основании этих переводов и отождествлений С.П.Толстов сделал вывод о тождестве авестийской Кангхи с Хорезмом. Как очевидно, никаких поводов для такого отождествления нет.

Текст Яшта в честь Ардвисуры Анахиты (XIV, 53—55, 57—59) воспроизводит один из эпизодов межплеменных войн "туров" и "иранцев", причем и те и другие почитают одних богов и говорят на одном иранском языке (или на языках одной группы — ср. топонимические и ономастические имена). Контекст ясно указывает на относительное местоположение Кангхи — резиденции туранских вождей, но никаких данных для ее абсолютной локализации в Авесте нет. Во всех случаях Кангха — политический и, вероятно, религиозный центр туранских племен — не может быть помещена в Хорезме, который отождествляется С.П.Толстовым вслед за И.Марквартом, В.В.Бартольдом, Ф.Андреасом, Э.Бенвенистом, А.Кристенсеном с полулегендарной "прадориной" иранцев и родиной Заратуштры — Арьянем Вэйджо¹¹². Следует отметить, что, называя Канг столицей Турана, Фирдоуси, так же как и ас-Са'алиби, сохранил подлинную авестийскую традицию, но, естественно, на основании лишь этого наблюдения нельзя делать прямого вывода о локализации авестийской Кангхи там, где Фирдоуси помещает Канг, — на северо-восточном берегу Средней Сырдарьи. Независимо от определения местоположения Кангхи, по широко распространенному мнению, обобщенному и развитому недавно В.И.Абаевым, границей между авестийскими "иранцами" и "туранцами" (саками) была Сырдарья¹¹³.

¹¹² Толстов. Древний Хорезм. С. 19—20. Подробнее см.: *Venise de l'Eran-Véz*. P. 265—274; *Henning*. P. 43.

¹¹³ Абаев. Скифский быт. С. 41—45.

Хронология и историки

Два мнения о книге С.Г.Кляшторного

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ЭПОХИ КАГАНАТА

Ю.А. Заднепровский

Юрий Александрович Заднепровский (1924) – историк, исследователь древних культур Центральной Азии.

* Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

В рецензируемом труде* привлечены и использованы практически все имеющиеся письменные источники, затрагивающие те или иные стороны истории Тюркского каганата и его взаимоотношения с окружающими государствами. По сути дела, впервые в советской науке автор представил систематическое изложение истории каганата и особенно Второго Тюркского каганата, основанное на глубоком анализе разнородных источников.

С.Г.Кляшторный развивает оригинальную гипотезу о происхождении племени тюрок и начальных этапах его истории. Анализ тюркских генеалогических легенд, сохранившихся в китайских источниках VI века, и ранних сообщений китайских хроник о племени *ашина* привел автора к заключению, что племя ашина появилось в Ганьсу в период массового переселения гуннских и других зависевших от них племен после 265 г. Во время обитания в Ганьсу племя ашина включило в свой состав часть местного негуннского и некитайского населения страны. Затем в 439 г. это племя переселилось в Гаочан (Турфан), где позднее попало под власть жуань-жуаней и было переселено в Южный Алтай. Только здесь после сложения нового племенного союза (с включением местного населения) эти племена приняли наименование “турк”, а древнее название племени — “ашина”, стало династийным именем правящего рода (с. 110–111). Автор намечает два основных этапа ранней истории племени тюрк: ганьсуйско-гаочанский и алтайский в противовес общепринятыму мнению о связи истории ранних тюрков исключительно с территорией Алтая и Южной Сибири.

В вопросе о происхождении рунической письменности автор путем критического разбора существующих точек зрения пришел к следующим заключениям: во-пер-

вых, что все предшествующие предположения о возникновении рунического письма слабо обоснованы или не подтверждены конкретным материалом, и, во-вторых, что бесспорно установлен факт заимствования тюрками у ираноязычных народов Средней Азии разновидности согдийского алфавита и использования его при разработке древнетюркского рунического алфавита (с. 47). Вопрос о месте и времени появления руники, как справедливо отмечает автор, остается открытым. С.Г.Кляшторный ищет выход из создавшегося положения и предлагает новый путь решения. В соответствии со своей гипотезой о ранней истории племени ашина, он предполагает, что оформление руники и адаптация согдийского письма началась, возможно, в Гаочане (Турфане), где уже в V веке имелись согдийские колонии. При этом он отмечает, что данное предположение может быть доказано только открытием здесь ранних тюркских надписей (с. 49). Следует подчеркнуть, что хронологический разрыв между старыми согдийскими письмами (IV в.) и ранними руническими надписями (VI в.) пока ничем не заполнен. Такая совершенно новая постановка проблемы открывает перспективы для дальнейшего исследования.

Большое вниманиеделено классификации древнетюркских надписей. Автор разработал подробную и четкую классификацию их по разным признакам: по географическим зонам, по этнической и жанровой принадлежности. С.Г.Кляшторный с исчерпывающей полнотой охватил все известные группы руники. Однако накопление нового материала продолжается и здесь можно внести частное уточнение. Выделенная “Ферганская подгруппа” в настоящее время включает, по нашим подсчетам, уже 13 небольших надписей на керамике и металле. В этом разделе следовало бы особо упомянуть о карте, приложенной к статье А.Н.Бернштама, в которой картографированы все основные центры распространения древнетюркской руники¹.

Приведенные классификации позволили автору выделить группу памятников, которая содержит наиболее ценные материалы, затрагивающие целый комплекс историко-географических, историко-политических и этнологических проблем среднеазиатской истории. К их числу относится памятник в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, текст Тоньюкука и Кули-чура, Онгинская надпись и некоторые другие, более мелкие надписи. Внимание автора обращено главным образом на тщательный анализ содержания и композиции надписей, на сравни-

¹ Эпиграфика Востока. 1951. Вып. 4.

тельную источниковедческую и историографическую оценку их в целом. Сведения орхонских надписей о Средней Азии объединены им в три группы: сообщения о западной границе каганата в разные периоды его истории, сообщения о посольстве из Средней Азии, прибывшем в ставку кагана, и сообщения о походах тюркских отрядов на запад, в Среднюю Азию.

Исследуя историю тюрко-согдийских взаимоотношений и, главным образом, историю согдийской колонизации Семиречья и Центральной Азии, автор на многочисленных примерах показывает, что согдийцы, занимая высшие посты, играли большую роль при дворе тюркских каганов. С.Г.Кляшторный вскрывает причины, обусловившие особое положение согдийцев в каганате. В этой связи он придает большое значение согдийским колониям. Еще в 1893 г. В.В.Бартольд поставил вопрос о согдийской колонизации в Семиречье, что было в дальнейшем подтверждено археологическими работами. С.Г.Кляшторный вносит существенный вклад в разработку проблемы согдийской колонизации. Убедительным представляется нам разъяснение ранее непонятного сообщения надписи о прибывшем в 732 г. на похороны Кюль-тегина посольстве Нек-сенгуна и Огул-Таркана. В результате тщательного историко-филологического анализа автор установил, что это было посольство “от выходцев из Согда и народа города (городов?) бухарцев” (с. 133). Дешифровка этого места из надписи в честь Кюль-тегина и анализ письменных и археологических данных дали возможность более обоснованно определить положение согдийской колонии в Семиречье. Согдийские города-колонии, по заключению автора, обладали значительной экономической силой и большой самостоятельностью. Они образовывали территориальную федерацию, проводившую согласованную политику и только名义上 зависевшую от западнотюркских каганов. Вся же экономическая жизнь этого государства находилась под контролем согдийцев (с. 133–135).

Впервые и другое непонятное место в исследуемых надписях — сообщение о походе на загадочных “алты чуб согдак” (701–702) получило разъяснение в труде С.Г.Кляшторного. Учитывая историческую обстановку во Внутренней Азии в начале VIII века, автор приходит к заключению, что поход 701–702 гг. был направлен не в Согда (как предполагали И.Маркварт, В.В.Бартольд, Х.Гибб) и не против согдийских колоний в Семиречье, как считали некоторые историки (например: *Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального*

Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы института археологии. № 26. 1952. С. 269), а в северные провинции Китая — Ордос и Шэньси. И здесь Кляшторный воспользовался предположением Э.Пуллиблэнка о существовании в этих районах в конце VII—VIII века области “лю ху чжоу” (шесть округов ху). Английский синолог в своем построении исходил из того, что термин “ху” в китайских источниках этого времени употреблялся для обозначения согдийцев. С.Г.Кляшторный подтвердил правильность выводов Э.Пуллиблэнка, доказав, что выражение “алты чуб согдак” (согдийцы шести округов) является калькой китайского термина “лю ху чжоу” (шесть округов ху), обозначавшего союз согдийских колоний в Ордосе и Шэньси (с. 94).

Установление факта существования согдийских колоний в таком удаленном от Средней Азии районе потребовало рассмотрения вопроса о путях и целях согдийской колонизации. Соглашаясь с предлагаемой автором трактовкой этой проблемы, следует все-таки отметить некоторые упущения. Так, например, в книге отсутствует анализ конкретных причин, породивших поток колонистов из земледельческих оазисов Средней Азии. Рассмотрение вопроса, почему согдийская колонизация была направлена на восток, а не на север или северо-запад (ср. тюрко-согдийское посольство Маниаха в Византию) или на юг, позволило бы лучше понять и показать существование этого движения. Автор не обратил должного внимания на возникновение оседлости в Южном Казахстане и в Семиречье в конце I тыс. до н.э. и в первой половине I тыс. н.э. задолго до появления здесь согдийцев (сб.: Археологические исследования на северных склонах Карагатай // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 14. 1962. С. 7; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки...). Согдийская колонизация во много раз усилила процесс оседлости и привлекла к коренным изменениям в хозяйственной жизни Семиречья. Но оценить роль согдийцев в полном объеме можно только с учетом состояния и тенденций развития местной оседло-земледельческой культуры в Семиречье и особенно в Восточном Туркестане, а также в Ордосе.

Исследуя сообщения о западной границе каганата и о военных походах тюркских войск против соседних государств, автор путем сопоставления сведений древнетюркских, китайских и арабских источников удачно реконструирует развитие политических и военных событий начала VIII века на обширной территории, которую занимал каганат. Борьба с Китаем, поход против кыргы-

зов на севере и против тюргешей в Семиречье составляют как бы прелюдию к выступлению каганата на политической арене Средней Азии, народы которой именно в это время переживали наиболее тяжелую пору отчаянной борьбы с арабскими завоевателями. В ходе этой освободительной борьбы складывается коалиция каганата и среднеазиатских владений Согда, Шаша и Фергана, ставшая к 712—713 гг. главным противником арабов (с. 154). Важным результатом этого союза явилось, по мнению автора, то, что Средняя Сырдарья, Фергана и Семиречье не вошли в состав Халифата и сохранили самостоятельность, несмотря на неоднократные попытки их завоевания (с. 155). К этому мы можем добавить также, что именно в этих районах отмечается более ранняя и широкая тюркизация местного ираноязычного населения, определившая все дальнейшее развитие этнических процессов в этих районах.

Как известно, одна из узловых проблем среднеазиатской античности — это кангюйская проблема. Автор ограничивается общей постановкой и определением путей изучения ее как проблемы истории североиранских скотоводческих племен (с. 147) и частично более общей проблемы истории “эпохи Великого переселения народов” (с. 179). С.Г.Кляшторный, на наш взгляд, обоснованно разъясняет термин “Кэнгү Тарбан”, который в рунических памятниках отмечает западную границу каганата. Кляшторный доказывает, что этот термин тождествен наименованию столицы Шаша Отрапом. Он связывает вопрос о Кэнгү Тарбане и народе кенгересах (предках печенегов) с вопросом о локализации страны Канг-Кангюй, одного из крупнейших государств Средней Азии. Автор заново и критически пересмотрел все упоминания о стране Канг-Кангюй в различный источниках, от “Авесты” до средневековых авторов и “Шах-наме”. В результате этого пересмотра Кляшторный показал неправильность отождествления Кангюя с Хорезмом, которое первоначально было высказано С.П.Толстовым в качестве гипотезы. Затем он показал также, что нет никаких оснований говорить о политической гегемонии Хорезма в Кангюйском государстве (с. 172—173).

Нет никаких сомнений, что Кангюй был крупнейшим государством после Кушанской империи и играл важную роль в исторических событиях того времени. Однако при чтении этого раздела может возникнуть неверное представление об общей политической обстановке в Средней Азии. Чтобы не преувеличивать роли Кангюя, следовало бы охарактеризовать другие основные силы —

крупные земледельческие владения, такие, как Бактрия, Фергана, и роль кочевых племен варварской периферии и особенно усуньских племен, а также тохаро-юэчжийских и гуннских. Автор, анализируя мнения С.П.Толстова и А.Н.Бернштама о локализации отдельных владений Кангуя, заключает, что предположения, обоих историков не являются обоснованными (с. 172). Но своего мнения он не высказывает. Весьма вероятно, что могут быть высказаны и другие предположения и, в частности, нельзя ли предположить, что для раннего этапа вполне оправдана локализация владений Кангуя в бассейне Сырдарьи (гипотеза А.Н.Бернштама), а в период возросшей мощи Кангуйского государства — территория его значительно расширилась и возможна локализация владений Кангуя в междуречье Аму- и Сырдарьи (гипотеза С.П.Толстова). Нельзя ли отнести различие между этими локализациями за счет изменения территории Кангуя на разных этапах его истории?

Из-за ограниченности письменных источников дальнейшая разработка кангуйской проблемы будет зависеть от накопления археологических материалов. Археологическое изучение памятников, которые могут быть привлечены для этой цели, еще только начинается. В этой связи обращает на себя внимание наличие ряда общих элементов в керамике культуры Каунчи (в Ташкентском оазисе и на Средней Сырдарье), которую все с большим основанием можно связывать с населением Кангуйского государства и памятниками долины Кашкадарья (*Кабанов С.К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках // Советская археология. 1963. № 1*) и Кызыл-кыра в Бухарской области (*Нильсен В.А. Кызыл-кыр // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 1. 1959*). Это сходство можно с известным основанием рассматривать как отражение культурного влияния племен Средней Сырдарьи в первых веках нашей эры. Важной задачей является выяснение происхождения кангуйских племен и их дальнейших судеб.

В книге много внимания уделено выяснению роли согдийцев в истории Средней Азии, глубоко и всесторонне исследованы тюрко-согдийские отношения. Кроме того, в книге уточнено и критически пересмотрено много частных вопросов, например о древних торговых путях, о топонимах в рунических надписях, относящихся к Средней Азии, и т.д., уточнена также хронология отдельных событий и походов. В целом рецензируемая книга является, несомненно, большим вкладом в советскую историческую науку.

2. КАГАНАТ И ЕГО КРИТИКИ

Л. Н. Гумилев

В данной рецензии мы не будем останавливать наших читателей на некоторых дефектах и спорных местах. Не они, по нашему мнению, определяют ценность книги. Главное — выводы, ради которых они написаны. Выводов, которые напрашиваются, всего три: 1) согдийцы, после присоединения Согдианы к Тюркскому каганату, принимали участие в общественной жизни тюрок¹; 2) тюрки совершили набег на Среднюю Азию, где столкнулись с арабами²; 3) кенгересы, т.е. печенеги, жили в Кангюе, располагавшемся в Центральном Казахстане, и оттуда вторглись в Восточную Европу³. Новое, внесенное рецензируемой книгой в науку, лежит в иной плоскости. Действительно, система аргументации — наиболее оригинальная сторона книги.

Проблема источниковедения для специалиста интересна с точки зрения достоверности сведений, на которые опирается любое исследование. Возможны ошибки перевода, но тут С.Г.Кляшторный опирается на общеизвестные переводы С.Е.Малова, лишь изредка внося в них собственные уточнения. Но остаются другие, не менее важные вопросы: а правду ли писали авторы надписей, почему в описании одних и тех же событий у разных авторов надписей наблюдаются расхождения, если ониискажали действительность, что они наверняка делали, то в какую сторону, в какой степени им можно доверять, что они опускали как общеизвестное для их времени и важное для нас и т. д.? Однако разработка этих вопросов в книге С.Г.Кляшторного отсутствует. Ни компартивной, ни внутренней критики источников нет. Автор просто доверяет древнетюркским писателям: Йоллыг-тегину, Тюньюкуку, Альп Эльэтмишу и др. Он выпивает цитату из текста, а потом комментирует ее с привлечением цитат из многочисленных сочинений по истории древних тюрок. Это принято называть не источниковедением, а экзегетикой. Отрицать право автора на такой подход к источнику было бы незаконно. Творческий метод определяется поставленной целью, а изложение истории древних тюрок в задачу Кляшторного не входило, что видно из списка пособий и подхода к их изучению. Но тут появляется новая проблема: правильно ли понят читателем XX века текст, рассчитанный на читателя VIII века? Критерием истинности, при отказе от сопоставления с фактической канвой, будет историография, т.е. сопоставление мнений ученых XIX—XX вв. Там, где

¹ См.: Pulleyblank E.G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia // T'oung Pao. Vol. 41. 1952.

² См.: Barthold W. Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. SPb., 1899.

³ См.: Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 119, 314; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 350.

все согласны, можно считать за верное в первом приближении, так как методика, не учтенная Кляшторным, его предшественниками применялась. В этом плане историография в какой-то мере подменяет историографический синтез, но эта методика связана с соблюдением нескольких непременных условий.

Прежде всего аспект! Можно строить композицию работы как историю проблемы. Тогда нужно было бы изложить мнения о значении и характере надписей, начиная с тезиса В.В.Бартольда, что тюркские ханы были "демократическими монархами вроде двух Наполеонов"⁴, полемику о терминах "эль"⁵, "толис и тардуш"⁶, "огуз"⁷ и т.д., споры о хронологии, идентификации имён⁸ и исторической географии. По этому пути автор не пошел. Можно по-другому: разобрать отдельные, до сих пор невыясненные вопросы, но для этого сначала необходимо начертать общую картину, чтобы установить наличие "белых пятен". Картина создается опять-таки как канва истории. Но автор выбрал третий путь: пересмотр ряда частных случаев и предложение собственных решений. Отрицать право автора на такой подход нельзя, но исследование этого рода для всякого другого, более общедоступного сочинения является полуфабрикатом, не в одиозном смысле слова, кирпичом для постройки здания, и поэтому специалисты, единственные читатели такого труда, вправе предъявить к нему ряд требований.

Факты и сноски должны быть точны. Тема исследования должна быть освещена полностью, со всеми *pro et contra*. Ход мысли автора должен быть построен так, чтобы его было легко проверить. Автор обязан показать, как согласуется его вывод с уже установленными данными.

Проверим работу С.Г.Кляшторного выборочно.

а) *Точность ссылок*. На с. 24 читаем: "Младшие представители аристократических родов, направлявшиеся в столицу для службы во дворце, были по существу заложниками". Сноска на "Китайские известия" Кюнера (с. 188)⁹, где сказано: "В ... 670, в 3-ю луну, повелено дать службу сыновьям и младшим братьям тюцзюэских старшин в восточном дворце". Разница очевидна. Более того: служилые тюркские царевичи никогда не несли ответственности за своих единоплеменников. Их держали и учили для того, чтобы потом послать в степь в качестве военных чиновников и ради этого зачисляли в пограничную конницу. Этот вопрос настолько существенен, что следует на нем остановиться и привести примеры. В 508 г. в Китай перебрался наследник престола хан Жаньгань¹⁰. В последовавшей тюркско-китайской войне 600—604 гг.

⁴ Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. SPb., 1897. S. 1—36.

⁵ Сводку мнений см.: Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по этнографии Всесоюзного Географического общества. Л., 1961.

⁶ Клюкин И.Н. Новые данные о племени толесов и тардушей // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. С. 91—98.

⁷ Кононов А.Н. Опыт анализа термина түрк // Советская этнография. 1947. № 1. С. 40—47.

⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 219—220.

⁹ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950. С. 241.

¹¹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 283; Chavannes E. Documents sur les Toukiue (turcs) Occidentaux. SPб., 1903. P. 22, 52.

¹² Pelliot P. La fille de Mo-tchy gaghan et ses rapports avec Kültegin // T'oung Pao. Vol. 13. 1912. P. 3—8.

тюрки прежде всего искали его головы. В 611 г. в Китай сбежал Чуло-хан Дамань и был принят под защиту династии Суй. После падения династии в 619 г. тюрки потребовали его выдачи и зарезали его¹¹. Наследники западнотюркских ханов Мише и Бучжена жили в Чанъани и в случае необходимости посылались к Иссык-Кулю как офицеры имперских войск для наведения порядка. Когда местные тюрки могли их поймать — их убивали. В 716 г. после переворота, совершенного Кюль-тегином, в Чанъани доживала век дочь Мочжо-кагана, ибо выпустить ее в степь было равносильно убийству¹². А вот заложников не известно ни одного. Затем, институт заложников практикуется при родовом строе, когда взаимовыручка является социальным институтом и обычаем. А ведь сам автор на с. 21 указал, что родового строя у тюрок не было. Следовательно, не только сноска неверна, но и само утверждение не что иное, как декларация, искажающая истинное положение вещей. На с. 22 "...после попытки малого кагана Чеби добиться независимости (650) контроль над покорившимися племенами был усилен". Сноска — Грумм-Гржимайло, с. 277. А там как раз наоборот; сказано, что Чэби держался как суверенный хан в бассейне Кобдо и был захвачен в плен, после чего его народ был переведен в опустевший Хангай, а на следующей с. 278 — "...территория турецких владений... оказалась административно приобщенной к Китайской империи; насколькоочно — это покажет дальнейшее". Ну где же тут "усиленный контроль"!?

b) *Освещение темы.* Упомянутое в надписи (КТ 54; БКб. 3) название "апар" — народ, приславший посольство на похороны Бумын-кагана, — автор относит к европейским аварам (с. 72), т.е. вархонитам. По поводу аварской проблемы существуют, кроме отброшенной С.Г.Кляшторным гипотезы Шаванна (см. с. 19, прим. 15), более новые и веские соображения.

В европейской науке было распространено мнение, что жужани были тем самым народом, который описали Приск Панийский и Феофилат Симокатта под именем "истинных авар", хотя там специально оговорено, что авары, пришедшие в Европу в VI веке, ничего общего с "истинными аварами" не имеют. Несмотря на столь категорическое разъяснение, данное источником, А.Н.Бернштам¹³ считал возможным отождествить европейских аваров и жужаней. Мак-Говерн также утверждал, что авары-вархониты пришли из Центральной Азии¹⁴, что они идентичны с жужаниями, которых он называет руран¹⁵, и что они монголы¹⁶. Тут необходимо вне-

¹¹ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1950. С. 190.

¹² McClellan W.M. The Early Empires of Central Asia. Chapel Hill. 1939. P. 398.

¹³ Там же. С. 396.

¹⁴ Там же. С. 405.

сти ясность, так как остается открытым вопрос, кто же были настоящие авары?

Первое упоминание о них содержится у Приска Панийского и датируется 461—465 гг. “Около сего времени к восточным римлянам отправлены были посольства от сарагуров, урогов и оногуров, народов, оставивших свою страну, потому что с ними вступили в бой савиры, изгнанные аварами, на которых напали племена, живущие на берегах Океана”¹⁷. Следующие сведения дает Феофилакт Симокатта в изложении письма кагана тюрок к императору Маврикию: “Как было сказано выше, тюрки обратились против подлинных авар после победы над эфталитами” (т.е. после 555 года, см. ниже. — Л.Г.). “Когда авары были побеждены, то одни из них убежали к держащим Таугаст. Таугаст — знаменитый город, в 500 милях от тех, кого называют тюрки. Он на границе Индии. Поселившись вокруг Таугаста варвары очень сильное и многолюдное племя, несравнимое ни с каким другим племенем в мире¹⁸. Другие варвары, униженные своим поражением, отправились к так называемым Мукри¹⁹. Это племя самое близкое к Таугастам. Они очень сильны на войне вследствие ежедневных телесных упражнений и презрения к опасностям”²⁰. Именно эти абары нанесли в 461 г. поражение сабирам; в пятидесятых годах VI века абары были разгромлены тюроками; дату можно уточнить.

К 588 г., когда тюрки вышли на Волгу, абары были уже разбиты — предельная верхняя дата. Разгрому абаров предшествовала победа тюрок над эфталитами; совершенно очевидно, что это не было полное покорение, ибо оно закончилось лишь в 569 г. Китайские сведения дают нам другую дату — 555 г. — до которой эфталиты были разбиты тюроками²¹. Очевидно, в излагаемом Симокаттой письме имеется в виду эта дата. Следовательно, разгром абаров — а-ба произошел в 555—556 гг. Часть их бежала к народу мукри (мохе)²², т.е. на реку Или, а часть в Чанъань, к тобасцам (Таугаст), а не к цисцам, как жужани. В дальнейшем имя абары — а-ба встречается в истории дважды: в 585 г. они разгромили ставку Далобия²³, и в 603 г. они упоминаются как участники восстания телеских племен против Дяньгу Бугя-хана²⁴. В обоих случаях местом действия была Южная Джунгария, хотя точное расположение их кочевий неизвестно²⁵.

Мнение С.Г.Кляшторного разбивается просто о хронологическое несоответствие: посольство абар прибыло к тюрокам в 552 г., а вархониты приняли название “авар” после того, как были разбиты тюроками, т.е. в 556—558 гг.

¹⁶ Сказания Приска Панийского / Пер. Дестуниса // Уч. зап., II отд. ИАН. Кн. 8. Вып. I. Спб., 1861. С. 87.

¹⁷ “Таугаст”, правильнее “Табгач” — китайцы. См.: *Klaproth J. Tableaux historiques de l'Asie*. Paris, 1826. Р. 213 (цит. по: Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 177); Маркварт (*Marguari J. Eranšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Abh. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. Neue Folge*. Bd. 3. 1901. № 2. S. 317) доказывает, что “Табгач” — это квартал столицы северо-западного Китая Чанъани, а Пеллио (*Pelliot P. L'Origines du nom de Chine // T'oung Pao*. Vol. 8. Р. 731—732) связывает это имя с этонимом Тоба в древнекитайском произношении “такбат”.

¹⁸ Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. С. 230.

¹⁹ *Theoph. Simocattae Hist. I.8.*

²⁰ Иакинф. История Китая. Т. 2 / Ркп. ИНА СССР, ф. № 6.

²¹ Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. С. 230, прим. 3.

²² *Julien St. Documents sur les Tou-Kiue // Journal Asiatique*. V. 3. 1864. Р. 499; Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 232.

²³ *Julien St.* Указ. соч. С. 529; Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. С. 50.

²⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 236—237.

Даже там, где истинна на стороне С.Г.Кляшторного, упрек в неполной цитации авторов остается в силе. На с. 136 имеется правильная локализация битвы при Минша и полемический выпад против Кордье и Жиро, однако не указано, что автором проведенной локализации был Г.Е.Грумм-Гржимайло, сноска на которого отсутствует. Факт, известный в русской литературе, подан как собственное открытие.

На с. 173 Кангюй локализуется на среднем течении Сырдарьи. По поводу локализации Кангюя есть еще две точки зрения. Одной из них — Кангюй-Хорезм — автор расправляется беспощадно; вторую — Кангюй располагался в Восточном Казахстане и Сырдарьинские оазисы были его западной окраиной²⁶ — автор вообще не упоминает, хотя только она объясняет, где Кангюй мог граничить с Хунну.

Число подобных примеров показывает, что выбранное цитирование не случайность, и это обстоятельство заставляет обратиться к той стороне работы, где должна быть обеспечена легкость проверки приводимых данных.

c) *Возможность проверки*. Здесь автор не идет навстречу читателю. Ограничимся двумя примерами: на с. 19, прим. 11 автор отказывается от условного термина “туркют//Тукюе”, применяемого к собственно тюркам Первого каганата, а употребляет термин “турк” и для них и “для обозначения племен, покоренных собственно тюрками и инкорпорированных в созданную ими военно-политическую организацию”. При таком употреблении термина сюда же должны быть причислены согдийцы и кидани. Но ведь в книге есть и третье значение — тюрки по языку. Все это смешано. Очень затрудняет понимание текста то, что автор аргументирует свои мысли не фактами, а ссылками на весьма специальные работы. Например, С.Г.Кляшторный пишет: “...Попытка Р.Жиро пересмотреть выводы Томсена неудачна и противоречит известным фактам” (с. 141). Даже если это верно, то непонятно, почему автор отвергает анализ Р.Жиро²⁷; выяснить это предложено читателю, но где гарантия, что вывод всех читателей, согласных проделать этот нелегкий труд (проверить 11 страниц исследования), совпадает с выводами С.Г.Кляшторного? Ведь это дело автора книги указать, в чем он не согласен с Р.Жиро!

Подобная “замаскированная” аргументация слишком часто встречается в тексте.

d) *Согласование выводов автора с установленными фактами* постоянно встречает затруднения. Обратимся к географии. Например, автор помещает Кангюй в сугли-

²⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 119; Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И.А.Орбели. М.—Л., 1960. С. 162.

” Впрочем, я тоже не согласен с Жиро, но причины этого излагаю в специальной работе.

нистой пустыне, где, в отличие от пустынь песчаных, даже при повышенном увлажнении богатая растительность развиваться не может и, следовательно, возможности скотоводческого хозяйства ограничены. Предков тюрок — племя ашина — автор располагает в пустыне около соленого озера Гашун-нор, в низовьях Эцзин-гола (с. 110); около Турфанского оазиса, лежащего в глубокой впадине среди пустынь, появляются горы, способные вместить целое племя (с. 104). В рецензируемой книге даже не ставится вопрос о том, чем могли кормиться эти племена в пустыне.

На с. 133 сказано: “В Западном каганате второй половины VII — первой половины VIII века власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Однако в 659 г. Западный каганат был завоеван войсками империи Тан и до 751 г. находился в составе империи, иногда назначавшей царевичей династии Ашина своими уполномоченными в “Западный край”. Затем автор говорит о согдийцах Семиречья как о “третьей силе” во время распрай “различных группировок военно-племенной знати”. А кто были первые две силы? На с. 177 автор цитирует место тибетского документа 1238 из колл. П.Пеллио²⁸, где говорится о войнах печенегов с хорами, т.е. уйгурами. При этом он предлагает считать хорами “сырдарьинских огузов”, т.е. гузов. Предположение ничем не подкреплено и опровергается анализом Дж.Клосона, доказавшего, что гузы в этом документе названы *gu-su*²⁹. Следовательно, мы имеем драгоценное сведение незаинтересованного и потому правдивого современника о столкновениях уйголов с печенегами. Поскольку соприкоснуться они могли только в районе Тарбагатая, то это объясняет причину интенсивной откочевки карлуков на юг, подальше от района военных действий. Отмахиваться от нового факта ради своего привычного мнения ученый не имеет права, а подменять один этоним другим — тем паче.

Приведенных примеров достаточно, чтобы заключить, что 745 работ, приведенных как использованные, освоены автором отнюдь не полностью и без системы. Кроме того, сам список не полон. Нет, главным образом, новых работ, с которыми бы автор должен был спорить, да из цитированных опущены места, почему-либо не устраивающие автора. Вот основная причина, по которой сведениями, сообщаемыми в рецензируемой книге, надлежит пользоваться с осторожностью. Можно ссылаться на мнения С.Г.Кляшторного, но не на факты, им упомянутые.

А теперь вернемся к проблеме композиции и жанра рецензируемой работы. Отказ от хронологического

²⁸ Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIII-e siècle // Journal Asiatique. 1956. № 2. P. 137—153.

²⁹ Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1957. № 1. P. 16.

принципа изложения обусловлен исходным пунктом автора, предполагающим, что историческая канва описываемых им эпох известна читателю. Согласно этому принципу порядок глав чередуется даже не по темам, а по ассоциациям. Например, история Первого каганата есть в главе I (с. 18—22) и III (с. 103—119). В обоих случаях повествование доведено до 630 г., но во втором случае за ним следует упоминание Ань Лушаня, т.е. события 755 г., так как автор, уделяя много внимания согдийцам, вспоминает об Ань Лушане по ассоциации с концепцией Пуллиблэнка. В IV главе при описании похода в Среднюю Азию автор наталкивается на этоним — кенгерес (с. 162) и следует обширный рассказ о Кангюе и печенегах (с. 163—179), начиная с “Авесты” и кончая древнерусским переводом “Истории иудейской войны”³⁰. Нельзя отрицать право автора строить сочинение по любому плану, но следует заметить, что для читателя возникают трудности, коренящиеся не в материале, и без того предельно сложном, а в способе его подачи.

На наш взгляд, в целом книга не вносит существенных изменений в наше понимание древнетюркских проблем. Но при всем этом появление работы С.Г.Кляшторного надо приветствовать, потому что сам факт ее создания привлекает внимание научной мысли к проблеме методики исторического исследования.

³⁰ Печенежская проблема гораздо полнее и четче изложена в “Истории хазар” М.И.Артамонова (Л., 1962. С. 336—353).

Об историческом синтезе

Диспут о древних тюрках (туркотах) в ВГО

28 марта 1963 г.

Борис Ильич Маршак (1933) – доктор исторических наук, исследователь согдийской и кушанской торевтики и керамики. Изучал проблемы мировоззрения и социально-экономических отношений в Центральной Азии в раннем Средневековье. Работал заведующим отделом Востока Эрмитажа.

7 марта 1963 г. на заседании Отделения этнографии Географического общества Б.И.Маршак выступил с докладом “Письмо Дулань-кагана”, в котором оспаривал ряд положений, высказанных Л.Н.Гумилевым в работах: “Великая распра в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников” (Византийский временник. Т. XX); “Бахрам Чубин” (Проблемы востоковедения. № 3. 1960); “Война 589 г. и Гератская битва” (Известия АН Таджикской ССР. 2(23). 1960); “Подвиг Бахрама Чубина” (Л., 1962). Решением Отделения этнографии обоим участникам спора было предложено сформулировать свои разногласия по пунктам и передать их в для публикации в “Материалах по этнографии”.

РАСПРЯ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ VI ВЕКА В ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ

Л. Н. Гумилев

Брат и наследник великого Мугань-хана, Тобо-хан, умер в декабре 581 г., завещав престол, согласно лестничной системе, своему племяннику Далобянию, сыну Мугань-хана. Однако вельможи под предлогом “низкого происхождения” матери Далобяния отстранили его от престола в пользу сына Тобо-хана — Аньло. Этот последний в свою очередь принужден был уступить престол своему двоюродному брату, сыну Кара Иссык-хана, Шету, а Далобянь получил удел на северной окраине каганата и титул Або (старейший)-хан. В это время в Китае полководец Ян Цзянь низверг дом Бэй-Чжоу и основал династию Суй. Это вызвало войну. В 582 г. Шету вторгся в Китай и вначале имел успех. Но китайский лазутчик Чжан-Сунь Шэн поссорил Шету с Далобянем. Шету напал на ставку Далобяния в его отсутствии, и во время резни мать Далобяния была убита. Далобянь бежал на запад, на его сторону перешли все удельные князья, и Шету, чтобы

спасти, признал себя вассалом Суйского дома. Китайская помощь спасла Шету, разбитый Далобянь отступил в Пайкенд, где его голодные воины произвели грабежи и опустошения. Бухарские купцы и дехкане в 584 г. снеслись с Дяньгу Тардуш-ханом, и последний отказал Далобяню в помощи.

Наследник Шету, его брат Чулоху, при помощи Дяньгу взял в плен Далобяня и казнил его в 587 г. Однако после подавления мятежа западный и восточный ханы опять поссорились, и Чулоху погиб во время войны против Дяньгу Тардуш-хана.

Эта распра описана не только в китайских хрониках, но и в “Истории Бухары” Наршахи, где Далобянь назван Аброй, так как он носил титул Або-хан, Дяньгу — Кара Чурин Турк Биягу, а сын Дяньгу, взявший в плен Далобяня, — Шири-Кишвар. Наконец третье описание ее содержится в “Истории” Феофилакта Симокатты, который излагает содержание письма “кагана турок” к императору Маврикию, доставленное в 596 г. Здесь Далобянь назван Турум, Дяньгу, автор письма, — “великий каган”, а местность, где Далобянь был разбит, — “Икар”, т.е. Бухара, что подтверждает идентичность Абрая Наршахи с Далобянем китайских хроник.

В результате распри Дяньгу стал сильнейшим из тюркских удельных князей и союзником бухарских купцов, которые толкнули его на войну с Ираном в 589 г. Причины войны были следующие. Когда тюркотатарские конные копьеносцы объединили под властью своих каганов Великую степь от Желтого моря до Черного, в их руки попал весь караванный путь и богатые согдийские города — опорные пункты караванной торговли. Одновременно Византия, только что захватившая гегемонию в Средиземноморье, получила жестокие удары от лангобардов в Италии и от авар на Дунае. Чтобы отстоять свои границы, ей было необходимо вести долгую и беспощадную войну, а для этого нужны были деньги. Однако в VI веке аслота в обороте было очень мало, следовательно, византийские императоры для целей своей политики должны были изыскивать ценности другого рода. Больше всех других товаров в варварской Европе ценились шелковые ткани, и шелк стал валютой, имевшей хождение наравне с золотом. Тюркотатары выкачивали из Китая столько шелка, что не могли потребить его сами. Тут на помощь к ним пришли их новые подданные — согдийские купцы, готовые весь излишек пряжи переправить в Византию, которая покупала его по установленной цене и вознаграждала себя на западных рынках. Но караванный путь шел через Иран, а шахиншах

и император всегда были врагами. Персы с радостью прикрыли бы торговлю шелком вообще, но доходы от пошлин позволяли им содержать двор и войско. Поэтому они пропускали к своим врагам минимальное количество шелка по ценам, которые они сами назначали. В интересах Ирана было не увеличение оборота, а повышение цен, чтобы извлечь из рук своих врагов как можно больше золота и уменьшить возможности греков нанимать в Европе воинов для борьбы с Ираном. Эта система была также по интересам западнотюркютских ханов, владевших караванным путем от Китая до Ирана и их друзей согдийских купцов, ибо они не могли вывезти и продать свой товар. Попытки их договориться с персидским царем были неудачны; окольный путь через бесплодные степи к северу от Каспийского моря труден и небезопасен, так как воинственные угры, отступавшие перед тяжелой конницей тюркютов, могли легко подстеречь и разграбить любой купеческий караван.

В 569 г. греки и западные тюркюты сумели обменяться посольствами и установить, что их интересы совпадают. Так родился тюрко-византийский военный союз, направленный против Ирана. С 578 г. в Иране правил шах Хормизд, по матери родственник западнотюркютского хана. Опорой его власти были двенадцать полков конных стрелков, обучавшихся своему искусству с детства. Это были профессиональные воины, получавшие от шаха плату за службу. Опираясь на них Хормизд попытался уменьшить силу и влияние вечно фрондировавшей аристократии, но казни сделали его власть непопулярной в стране, и тогда-то греки и тюркюты нанесли решающий удар, который должен был покончить с Ираном и раскрыть ворота с Востока на Запад. Осенью 589 г. положение Ирана было отчаянным, ибо, как говорит арабский историк Табари, "враги окружили Персию, как тетива — концы лука". Лишь мужество персидских конных стрелков и их полководца Бахрама Чубина отвлекло от страны смертельную угрозу. Бахрам лично застрелил предводителя тюркютов, называемого в персидской литературе Шаба или Савэ-шах.

Рассказ о войне, происходившей на западной границе Ирана, содержится в грузинских летописях: "Тогда император велел передать царю Грузии Гуараму значительные суммы денег, чтобы этот последний привлек войска северных народов и направил их на Персию. Гуарам так и сделал. Созвав осов, двурдзуков и дидойцев, он дал им начальники грузинских эриставов, и эти народы вошли в Азербайджан, который они принялись опустошать.

Таково было печальное положение персов, отвлеченных другими заботами, когда появился в их стране человек по имени Бахрам Чубин, который дал битву тюркам, вторгшимся в Персию, о чем подробно рассказано в персидской истории. Он убил царя тюрок и обратил его армию в бегство; а что касается греческих войск, проникших на персидскую территорию, то они отступили и вернулись в Грецию¹. Современники событий единодушно расценивали победу при Герате как спасение Ирана от полного разгрома. Советник шаха Хормизда Йезанбахи говорил: "Если бы Савэ-шах прошел до Рума, то от Ирана остался бы комочек воска". Но восстание Бахрама Чубина и гражданская война в Иране в 590—591 гг. позволили западным тюркотам восстановить исходное положение и закончить усобицу в каганате миром 593 г.

ВОЗРАЖЕНИЯ Л. Н. ГУМИЛЕВУ

Б. И. Маршак

Статья Л.Н.Гумилева "Великая распра в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников" — последняя по времени попытка критически рассмотреть свидетельства Феофилакта Симокатты о тюркском посольстве к императору Маврикию¹. Я согласен с концепцией Гумилева в двух пунктах: 1) Письмо тюркского кагана было написано до 600 г. Во время написания послания у тюрок с Китаем был мир, тогда как в 600 г. между ними шла война. 2) Мятежник Турум — это Далобян Або-каган. Восстание Або — единственная подходящая по дате крупная усобица у тюрок.

Другие положения Л.Н.Гумилева представляются не соответствующими действительности.

1. Автор письма не Тарду — каган западных тюрок, а Юнь Юйлюй Дулань — главный каган. Письмо послал именно главный каган — "повелитель семи климатов вселенной"². Этот титул приводится Симокаттой в единственной прямой цитате из письма.

а) Письмо написано от имени кагана, который сначала боролся с Турумом один, потерпел частичное поражение и лишь затем, объединившись с тремя другими каганами, разгромил его в бою. Далобян претендовал на престол главного кагана³. В 584—585 гг. его поддерживал Тарду, на что есть прямые указания источников⁴. Борьба Тарду с восточными тюрками продолжалась до 593 г. или несколько дольше.

¹ Византийский временник. Т. XX. С. 75—89. *Феофилакт Симокатта. История*. М., 1957. С. 159—162.

² О понятии "семь климатов вселенной" см.: Honigmann E. Die sieben Klimata und die (πόλεις επίσημοι). Heidelberg, 1928.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л. Т. I. С. 234—239.

⁴ Там же. С. 238.

* Отождествление Стемвискагана и Истеми принято большинством исследователей (Moravčík G. Byzantino-turcica II. В. 1958. S. 291).

* Haussig H.W. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. T. XXIII (1953). Bruxelles, 1954. S. 276—277, 296, 298—300, 306, 400, 407—413.

* Chavannes E. Documents sur les Ton-kiae (Turks) occidentaux // Сб. Тр. Орхонской эксп. Т. VI. СПб., 1903. С. 245—246.

* Grafenauer B. Nekaj vprašanij iz dobe naseljavanja južnih Slovanov // Zgodovinski časopis. T. IV. Ljubljana, 1950. S. 63, 64.

* Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 161.

** Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 236.

б) Автор письма Дулань-каган, но “этот каган”, победы которого описывались в письме, не только он, а и его предшественники — великие каганы, начиная с Бумыня. Первый каган запада, отец Тарду и младший брат Бумыня, — Истеми упомянут как союзник “этого кагана”. Контекст как будто предполагает второстепенную роль Истеми по отношению к “этому кагану”⁵.

Рассмотрим соображения сторонников авторства Тарду.

Письмо послано, когда Тарду стал великим каганом, в 600 г. (Хауссиг)⁶. Как уже указывалось, мы отвергаем эту дату.

Письмо послано в 598 г., когда Тарду предположительно стал фактическим главой всей державы (Э.Шаванн)⁷. По нашему мнению, письмо написано в 596 г., что соответствует византийской хронологии, если принять точку зрения Б.Графенауэра⁸. Впрочем, и в 596-м, и в 598 г. Тарду был лояльным вассалом верховного кагана.

Сообщение Симокатты о Золотой горе Л.Н.Гумилев считает доказательством авторства Тарду, принимавшего там византийских послов. Золотая гора у Симокатты — не резиденция отправителя, а просто известный географический пункт, в 400 милях от которого произошло сражение⁹.

в) Титул “повелитель семи климатов вселенной”, по Л.Н.Гумилеву, связан с особым отношением к этому числу, которое встречается в надписях Кюль-тегина и Тоньюкука. В этих надписях нет числа семь. Числа, содержащие цифру семь, приводятся наряду с другими по равным конкретным поводам.

2. Тарду не враг, а союзник и номинальный вассал Далобия. Выше приведены данные, подтверждающие это положение.

Указаний на вражду между ними в текстах нет. Рассмотрим, что считает Л.Н.Гумилев свидетельствами об этой вражде.

а) В 584 г. Тарду объявил себя вассалом Суйского дома, чем, по мнению Гумилева, стал на сторону врагов Або. В этом году обе стороны пытались заручиться помощью Китая¹⁰.

Во время наибольшего усиления Або его владения включают земли Тарду. Тарду поддерживал претензии Або на престол главного кагана, следовательно, его владения попали под верховный суверенитет Або.

б) В 585 г.(?) абары, по Гумилеву, непосредственно подчиненные Тарду, напали на ставку Або. “Непосредственное подчинение” выводится из текста Симокатты,

исходя из авторства Тарду. В обстановке гражданской войны племя абаров могло выступить и само по себе, независимо от каганов, врагов Або. Вот как излагал события сам Л.Н.Гумилев:¹¹ «В то же время племя абар напало на незащищенную ставку Далобяня и захватило в плен его жену и детей. Китайские войска разбили абаров, отбили у них семью Далобяня и передали ее Шету...»¹¹ Получается, что абары воюют и с друзьями, и с врагами Або.

в) С участием Тарду в разгроме Далобяня Гумилев связывает тот факт, что после плена Або западным каганом наряду с Тарду стал Нили, по мнению Э.Шаванна¹², приходившийся ему внуком. Нет сведений об условиях воцарения Нили. Он мог быть назначен вместо Тарду после поражения Або, как считал С.П.Толстов¹³, но мог и получить удел от Тарду, вскоре восстановившего свое влияние. Возможны и другие предположения, но они не могут быть обоснованы фактами и поэтому не могут служить доказательством.

3. Письмо представляло собой не биографию Тарду, а историю всего каганата. Прямых совпадений с восстановленной Э.Шаванном¹⁴ биографией Тарду в тексте нет. Дипломатическая переписка того времени (в том числе и тюрко-китайская)¹⁵ не дает примеров автобиографических посланий одного государя к другому. Сам Тарду и его отец Истеми были издавна связаны с Византией. Неизвестно, с точки зрения авторства Тарду, зачем каган сообщал императору о событиях сорокалетней давности. Дулань-каган, предводитель восточных тюрков и одновременно главный каган, впервые вступивший в сношения с византийским двором, скорее мог сообщить исторические сведения о тюркской державе. Среднеазиатские владетели при установлении отношений с Танской империей сообщали некоторые исторические сведения¹⁶. Наша гипотеза позволяет объяснить письмо кагана как историю гражданской войны и предшествующих завоеваний, написанную от лица главного кагана — законного преемника других главных каганов, основателей могущества тюркской державы.

Косвенным доказательством в пользу построений Л.Н.Гумилева мог бы служить тот факт, что у Симокатты описаны войны тюрков в западных землях, в которых мог принимать участие Тарду.

Этот же факт можно объяснить, исходя из нашего предположения. Симокатта, по-видимому, не имевший хорошего и полного перевода письма, принял его за перечень побед одного кагана. Византийскому автору этот перечень показался непомерным. (Симокатта отмечает

¹⁰ Гумилев Л.Н. Великая распра... С. 80.

¹¹ Chavannes E. Указ. соч. Р.3.

¹² Толстов С.П. Тирания Аброя // Исторические записки. 3. 1938. С. 14.

¹⁴ Chavannes E. Указ. соч. Р. 48—51.

¹⁵ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Kue). Wiesbaden, 1958. Bl. S. 51—53 и др.

¹⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 312.

" Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 159.

" Margwart J. Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften // Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes. Bd. XII. 1898. S. 188–189.

" Chavannes E. Указ. соч. Р. 243.

" Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. № 2 (23). 1960. С. 67–68; Его же. Великая расправа... С. 85.

" Толстов С.П. Указ. соч. С. 9.

" Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин (опыт критики источников) // Проблемы востоковедения. № 3. 1960. С. 229.

" Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 77.

" Higgins M. The Persian War of the Emperor Maurice (582–602). Washington, 1939. P. 38.

" Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 239.

" Liu Mau-tsai. Указ. соч. С. 55, 102.

" К тому же выводу пришел К. Цегледи в своей работе "Bahrām Gobān and the Persian Apocalyptic Literature" // Asta Orient. Hung. T. VIII. B. I. 1958. P. 24. Fn. 14.

" См.: Altheim F. und Stehl R. Eine Asiatische Stadt. I. Wiesbaden, 1954. S. 206–226.

" Гумилев Л.Н. Война 589 года... С. 69–71.

панегирический характер письма)¹⁷. Он сохранил и про-комментировал главным образом ту часть повествования, в которой шла речь об аварах, врагах Византии, и о связанных с ними народах.

4. В бою с Бахрамом Чубином погиб не сын Тарду Янсо-тегин, а великий каган Чуло-хэу.

Гипотеза Маркварта, поддержанная С.П. Толстовым, что царь тюрок, убитый Бахрамом, это верховный каган Чуло-хэу¹⁸, который разбил Далобия, пошел далее на запад, и был убит стрелой в 588 г., оспаривалась Шаванном¹⁹ и Гумилевым²⁰. Возражения Шаванна о невозможности появления восточного кагана так далеко на западе разобраны С.П. Толстовым²¹. Гумилев выдвинул хронологические возражения. Войну в Иране он относит к июлю–августу 589 г., но эта война упоминается в источниках только под II годом Хормизда IV, вступившего на престол 30 июня 578 г. (этую общепризнанную дату не отрицает и Л.Н. Гумилев)²². Чтобы опровергнуть синхронность гибели Чуло-хэу и напавшего на Иран кагана, Гумилев пытается установить terminus post quem для Гератской битвы. Битва, по персидским данным, произошла после прихода хазар в Азербайджан. Поход хазар не может быть точно увязан с датированным у Симокатты²³ походом персов на Кавказ. Военные действия между персами, византийцами и кавказскими народами шли и в 588 г., и в 589 г. Дата вторжения хазар восстанавливается Хиггинсом гипотетически²⁴. Таким образом, война происходила в 588 г.

Гибель Чуло-хэу Л.Н. Гумилев относит к декабрю 587 г., ссылаясь на неизданную историю Китая Бичурина. Однако в Ганму, согласно тому же Бичурину²⁵ и Лю Мао-цзаю²⁶, смерть Чуло-хэу отнесена к 588 г. без указания дня и месяца. Хотя выражение "генералы умирают в своих постелях" вряд ли подходит для VI века, однако и тогда смерть верховного кагана тюрок, — а источники согласно говорят именно о главном кагане, — от раны стрелой была весьма редким событием. Старая гипотеза Маркварта, по-видимому, более соответствует истине²⁷.

Разбив Або и оттеснив Тарду, Чуло-хэу оказался во главе не только восточных, но и большой части западных тюрок. Он попытался расширить тюркские владения за счет ослабленного войной на западе и внутренними неурядицами Ирана.

5. Описание битвы Бахрама с тюрками у Балами и Фирдоуси не может быть использовано для реконструкции хода сражения, так как оно восходит к "Роману о Бахраме Чубине"²⁸. Л.Н. Гумилев отмечает полное соответствие хода боя сасанидской военной теории²⁹. Такое

соответствие при наличии явно фантастических деталей говорит о том, что автор романа составил описание как пример образцовой тактики образцового полководца. У Балами и Фирдоуси описывается бой со слонами. Сам Гумилев отмечает, что наличие слонов в тюркском войске представляется неправдоподобным. Попытка объяснить появление слонов у тюрок тем, что их владения достигали южных склонов Гиндукуша, несостоятельна, так как до 590 г. во всяком случае эти земли принадлежали Ирану. Также неизвестны культурные связи тюрок VI века с Индией. Достаточно сравнить изображения слонов в росписях Варахии и в рельефах Таки-Бостона, чтобы понять, как плохо знали слонов в Средней Азии. Автор романа о Бахраме Чубине ввел эпизод борьбы со слонами, чтобы подчеркнуть неравенство сил и этим еще больше прославить своего героя. Динавари вообще не упоминает слонов³⁰. Саалиба говорит о слонах у персов, что соответствует их военной практике³¹.

6. Туркский царевич не был пленен Бахрамом.

После смерти Чуло-хэу Бахрам перешел Амударью, чтобы развить успех. По-видимому, ему удалось взять Пайкенд, но успехи Бахрама сильно преувеличены автором "Романа". По нашему мнению, правильна наименее хвастливая версия, которую приводят хорошо осведомленный в тюрских делах Динавари (у него упоминаются имена тюрских предводителей, титулы *тегин* и *тархан*)³². Тюрки собрали новую армию, которая встретилась с войсками персов на Амударье близ Термеза. Из своего лагеря тюрский царевич Йал-тегин (или Йар-тегин) поехал для переговоров к Хормизду, а затем с почетом вернулся в свои владения. О пленении царевича не упоминают близкие по времени Себеос и Симокатта. Утверждение в изводах Худай-наме, что принц, ездивший к Хормизду, был сыном убитого, нельзя считать базой для отождествления, так как персидские авторы, не понимавшие удельно-лестничную систему тюрок³³, соединяли сменявших друг друга каганов прямыми родственными связями. Так Шаве объявлен сыном кагана, бывшего дедом Хормизда по матери, но ни один из исследователей не отождествляет его с каким-либо сыном Истеми.

С.П.Толстов отождествляет Йал-тегина с Шири-Кишваром, сыном царя тюрок, который владел Пайкеном³⁴. Если принять версию Динавари, то царевича нет оснований помещать в Пайкенде. Сопоставление имен, на которые также опирается Толстов, построено как длинная цепь допущений: Шири-Кишвар — Иль-Арслан-тегин — Иль-тегин — Йал-тегин. Однако у Динавари есть и другая

³⁰ Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Уч. Зап. Инст. востоковедения. Т. XVI. 1958. С. 480.

³¹ *Tha'alibi. Histoire des rois de Perses* / Trad. par. H.Zotenberg. Paris, 1900. P. 646.

³² Шмидт А.Э. Указ. соч. С. 480—484.

³³ Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрок VI—VII веков // Советская этнография. 1959. № 8.

³⁴ Толстов С.П. Указ. соч. С. 8—9.

форма Йер-тегин, допускающая, по мнению самого С.П.Толстова, хорошую тюркскую этимологию. Реконструкцию имени Толстовым можно принять только если допустить грубую ошибку переписчика.

Л.Н.Гумилев отождествил Йал-тегина с Нили-каганом, но в 590 г. Бахрам Чубин имел дело уже с сыном (то есть преемником) Йал-тегина³⁵, а Нили-каган умер в 603 г.

7. Отождествление Абруй, бухарский правитель, упоминаемый в «Истории Бухары» Наршахи, — Або-каган, предложенное С.П.Толстовым и поддержанное Л.Н.Гумилевым, не обосновано.

Рассмотрим сопоставление имен. Предложенные С.П.Толстовым отождествления: Або — абар — Абруй и Кара-Джурин — турк — Чуло-хэу — опровергаются Гумилевым, который переводит Або-каган как “старший каган”. Сам Гумилев объясняет имя Абруй как композит из тюркского *ana* — старший и персидского — *ruy*, что, по Гумилеву, имеет то же значение, что и первая часть слова, но персидское (ر) не имеет значения “старший” или “верхний” по отношению к человеку³⁶.

Рассмотрим сопоставление ситуаций. Судьбы Абруя и Або-кагана совпадают только в том, что оба они были разбиты войсками царя тюрок. Або мог пробыть в Бухаре менее двух лет, тогда как, по рассказу Нишабури, Абруй долго правил Бухарой³⁷. Что касается прихода Абруя из Туркестана, о котором пишут и сторонники эфталитского происхождения Абруя³⁸, то пришельцами из Туркестана изображены первые насильники низовьев Зеравшана, а Абруй стал правителем их потомков. В начале рассказа Нишабури речь идет не об историческом времени, а о первом заселении Бухарского оазиса. Приход из Туркестана, т.е. из степей (селение Вардана, по Наршахи, “на границе с Туркестаном”, с. 24), был, возможно, характерен для бухарских легенд: Бардан-худат, по одной версии, был выходцем из Туркестана, а по другой — потомком сасанидского царевича³⁹.

Л.Н.Гумилев считает, что способ казни Абруя, которого посадили в мешок с красными пчелами, подсказан китайцами. Во время обсуждения вопроса об Або-кагане при дворе императора, напротив, по политическим соображениям было решено оставить Або в живых. Фраза: “Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым, то надобно их щадить, чтобы показать великолодущие”, — сказанные старшим министром, не была намеком на способ казни, так как министр доказывал целесообразность помилования. В переводе Лю Маоцзая “ядовитые насекомые” не упоминаются⁴⁰. Дало-

* Пользуюсь случаем выразить благодарность за консультацию по персидскому языку Л.Т.Гюзальяну и В.А.Лившицу.

³⁵ Мухаммад Наршахи. История Бухары / Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 12–18.

³⁶ Мандельштам А.М. Средняя Азия в VI—VII вв. // Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958. С. 351–352.

³⁷ Мухаммад Наршахи. Указ. соч. С. 16, 43–44.

³⁸ Liu Mau-tsai. Указ. соч. С. 55, 102.

бянь, по-видимому, все же погиб, но не по инициативе китайского двора.

Более уверенно устанавливаются только немногие факты. Абруй, правитель Пайкенда, боровшийся с бухарской знатью, часть которой эмигрировала в Семиречье, был разбит тюрками не ранее 60-х гг. VI века. После него в области Бухары правили два тюркских государя: сначала некий Шири-Кишвар (Иль-Арслан), а затем, по вероятному предположению С.П.Толстова, Нили-каган⁴¹, после смерти которого (603)⁴² гегемония в оазисе переходит к местным владельцам, и прежняя столица Пайкенд теряет свое значение⁴³. В 588 г. Пайкеном уже владели тюрки. Если признать отождествление преемника Шири-Кишвара с Нили и согласиться с достоверностью хронологических сведений Нишабури, который отвел царствованию Шири-Кишвара 20 лет, то наиболее вероятной датой гибели Абруя будет время тюрко-эфталитской войны 60-х гг. VI века, что соответствует выводам Маркварт⁴⁴ и А.М.Мандельштама. Осторожнее будет датировать это событие 60-ми гг. VI века.

8. После 603 г. в Бухаре правили местные правители. Тюркский владетель Гяна-шад не имеет отношения к Бухаре.

Отождествление Гяна-шада с бухар-худатом Кана отпадает, поскольку в Бухаре в VII веке правила местная династия, насчитывавшая более двух десятков поколений⁴⁵. Чеканка монеты в Бухаре связана Наршахи с именем бухар-худата Кана и датирована 30-ми гг. VII века. Новые исследования относят начало бухарского чекана к V веку⁴⁶. Хронология Наршахи содержит грубые ошибки даже для VIII века.

9. Объяснение имени Тарду-кагана, в китайских источниках Дяньгу, как сочетания Кара-Чурин Тюрк (Л.Н.Гумилев) представляется искусственным.

ОТВЕТЫ Б.И.МАРШАКУ

Л.Н.Гумилев

Возражения Б.И.Маршака против предложенного мною восстановления хода событий великой распри в Тюркском каганате не случайны. Они базируются на методическом постулате, который хотя и не сформулирован Б.И.Маршаком, но лежит в основе его соображений. По Маршаку выходит, что дошедшие до нас тексты содержат верное, точное и исчерпывающее описание событий, которое следует принимать буквально, без учета возмож-

⁴¹ Толстов С.П. Указ. соч. С. 13—14.

⁴² Chavannes E. Указ. соч. Р. 51.

⁴³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 272, 312.

⁴⁴ Marguari J. Wehrrot und Arang. Leiden, 1938. S. 147 и др.

⁴⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 312.

⁴⁶ Лившиц В.И., Кауфман К.В., Дьяконов И.М. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ. 1954. № 1.

ных недоговоренностей, умолчаний, метафор и прямых ошибок авторов VI—VII веков. Соответственно для Б.И.Маршака не являются весомыми соображения, основанные на учете географии, этнографии, психологии и степени осведомленности древних авторов. Этот подход я считаю неплодотворным, так как древние авторы писали не для нас, а для своих современников и поэтому часто умалчивали о том, что могло быть интересно для историка XX века, а читателю VII века ясно и без объяснений. Затем, такой подход предполагает полное описание событий, чего, как известно, никогда не бывает. Возможна недостаточная осведомленность древнего автора и прямая ложь. Наконец единственным коррективом при восстановлении хода событий является установление их логической связи, а приняв позитивные положения Маршака, мы картины событий получить не можем, потому что натолкнемся на неразрешимые внутренние противоречия между этими положениями. Это мы постараемся показать на разборе частностей.

Ответ 1. Письмо императору Маврикию послал не верховный каган, а один из “великих каганов”, так как наряду с ним в письме упомянуты еще три “великих кагана”⁴⁷.

а) Тардущ-хан действительно в 582 г. поддержал восстание Або-хана Далобяна/Турума, но в 584 г., во втором месяце, Тардущ-хан лично свиделся с императором и изъявил ему покорность, т.е. договорился о мире⁴⁸. Тогда же китайцы заключили мир и союз с верховным ханом Шаболио⁴⁹, а против Або-хана Далобяна продолжали войну и добились его разгрома в 587 г. Очевидно, с весны 584 г. по лето 587 г. восточные и западные тюркюты находились в состоянии перемирия перед лицом общего врага — мятежного хана Турума/Далобяня.

б) Немыслимо, чтобы под именем кагана автор письма подразумевал всю династию. Кроме того, если даже это так, то опущены все войны, которые “великий каган”, как идеальная персона, представляющая, по мнению Б.И.Маршака, державу в целом, вел против Китая, Ирана, кыргызов и киданей. Предположение, что эти “детали” Симокатта опустил, невероятно, так как он Китаю весьма интересовался, а Ираном занимался специально в связи с византийско-иранской войной. Замечательно, что опущены именно те войны, в которых не мог участвовать Тардущ-хан. Именно это, а не сведение о “Золотой горе” является решающим для того, чтобы приписать авторство письма Тардущ-хану, а не Дуланьхану, который к событиям, описанным в письме: войнам

⁴⁷ Феофилакт Симокатта. История. С. 159, 161.

⁴⁸ Chavannes E. Указ. соч. Р. 49.

⁴⁹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. I. С. 237. Прим. I.

с эфталитами, огорами и колхами, не имел никакого отношения.

в) Число 7 носило у тюрок символический характер, так как при описании восстания Кутлуга в 682 г. указано возрастание численности повстанцев: 17—70—700⁵⁰. Принимать эти числа буквально нельзя, потому что Тоньюкук дает реальную цифру: 2—3 тысячи воинов⁵¹. Вот пример того, как буквальное понимание заставляет не заметить метафору.

Ответ 2. Здесь Б.И.Маршак игнорирует общий ход событий, чем нарушает их логическую связь.

а) Вызвав ссору между тюркотским ханами, китайцы спровоцировали убийство матери Або-хана и тем самым оказались с ним в кровавой вражде.

К мятежу Або-хана примкнули два удельных князя: Тань-хань-хан и Тегин-шад, сын Тобо-хана. Может быть, инициатива переговоров с Китаем принадлежала именно им, так как сам Або-хан как человек VI века не мог вести переговоры с убийцами своей матери. Китайцы этого не могли не учитывать и потому оказали помощь Шаболио против Або-хана.

Тардущ-хан не был родственником убитой и потому смог, заключив выгодный мир с Китаем, предать друга, которого сам толкнул на войну. Б.И.Маршак не считает, что договор Тардущ-хана с Китаем должен был вызвать разрыв между Тардущ-ханом и Або-ханом, против которого была двинута китайская экспедиционная армия. Но китайцы не бросили бы своих воинов в Джунгарию, если бы не были уверены в том, что часть тюрков их поддержит. Расчет оказался правильным: Або-хан был зажат в клещи с востока и запада, что и определило его поражение в 585 г.

б) Б.И.Маршак неосновательно разрывает поворот в политике Тардущ-хана и нападение абаров на ставку Або-хана. Абара — предки части тюргешей, одного из основных западно-туркских племен, составлявших костья Западного каганата⁵². Столкновение их с китайскими войсками объясняется крайне просто: китайцы разбили войско Або-хана, абара захватили его семью и считали пленных своей добычей. Китайцы же не захотели, чтобы их трудами пользовались другие, и отобрали трофеи, очевидно, не без сопротивления абаров. Столкновение объясняется тем, что обе стороны считали, что право на их стороне.

Но допустим на минуту, что Б.И.Маршак прав, и абара действовали на свой риск одновременно против Тардущ-хана и Або-хана. Тогда для них, немногочисленного

⁵⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. С. 37.
⁵¹ Там же. С. 66.

⁵² Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Сб. Страны и народы Востока. II. М., 1961. С. 107, 110—113.

джуңгарского племени, был единственный путь спастись — держаться за союз с китайцами и восточными тюркотами. Иначе их бы в порошок стерли западные тюркоты. Однако они этого не сделали. Значит, абары и Тардушхан действовали в согласии, что и требовалось доказать.

¹¹ Chavannes E. Указ. соч. Р. 49—50.

в) О воцарении Нили-хана сведения есть. Власть ему дали *les gens du paus*⁵³, т.е. местное население Бухарского оазиса. Но поскольку эта тема связана с возражением №7, то к этому вопросу мы вернемся ниже.

Ответ 3. Б.И.Маршак развивает тезис уже сформулированный и разобранный (см. ответ 1-б). Следует лишь дополнить возражение: Истеми-хан был другом Византии, а Тардуш-хан — ее врагом. В год смерти Истеми-хана — 576 — началась война западных тюрок с Византией. Протекала она в Крыму и на Кавказе⁵⁴. И там и тут тюркоты успеха не имели. Поэтому при восстановлении дипломатических отношений новый хан должен был представиться императору, что и отразилось на содержание письма.

Б.И.Маршак напрасно упрекает Симокатту в том, что он якобы выкинул из письма самые интересные сюжеты, например войну с Китаем. Симокатта очень интересовался той страной, откуда его родина черпала шелк, и написал об ней все, что ему было известно (см. с. 162). Наконец мир, о котором упомянуто в письме, сам Б.И.Маршак правильно датирует 593 г., а тогда был заключен мир между Тардуш-ханом и восточным Дуланьханом, союзником Китая. Восточные же тюркоты заключили союз с Китаем еще до разгрома мятежника Далобия/Турума в 584 г. Этого достаточно для того, чтобы не сомневаться в том, что автором письма был Тардушхан, а не Дуланьхан.

¹² См.: Гумилев Л.Н. Великая распра... С. 83—89.

¹³ Так он назван (с различными имени) у Табари, Балями, Саалиби, Фирдоуси. См.: Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва, а также: Его же. Подвиг Бахрама Чубинь. Л., 1962.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. I. С. 239.

Ответ 4. Эта проблема имеет длинную историю⁵⁵. Остановимся на ее конце. С.П.Толстов, сопоставив Аброя, упомянутого у Наршахи, с Або-ханом и Савэ-шаха, главу “тюрок Китая”⁵⁶ с Чулохоу, который подобно Савэ-шаху был убит стрелой в походе на запад⁵⁷, попытался слить две версии событий, хотя они исключают одну другую. Аброй был уничтожен западными тюркотами, а Або-хан, если следовать китайской хронике буквально, — восточными. Восточный хан Чулохоу был убит зимой 587—588 г., а битва при Герате имела место в августе 589 г. Это хронологическое несовпадение оспаривает Б.И.Маршак, о чем ниже.

Согласно всем ближневосточным источникам, тюрки напали на Иран согласованно с Византией. “Враги окружили Персию, как тетива концы лука” (Табари), но тогда

это могли быть только западные тюркоты и их союзники хазары, потому что, по словам самого Б.И.Маршака, восточные тюркоты с Византией в 588—589 гг. не сносились.

Можно принять только одно из двух сопоставлений: либо Абруй-Або-хан/Турум, тогда его победитель — Ка-ра Чурин Тюрк = Тардущ-хан, а убитый под Гератом Са-вэ = Янсу-тегин и сын его Яль-тегин = Нили-хан. Либо Чулохоу = Савэ. Тогда все остальные отождествления отпадают, хронология и последовательность событий неясны, цели и причины войны тюркотов с персами неизвестны. Считаю вторую точку зрения неправильной по следующим причинам.

Начнем с хронологии. Б.И.Маршак не учитывает, что II годом Хормизда датируется начало войны, имевшее место 5 мая 589 г. Поскольку битва при Герате была в августе, она переходит на 12-й год Хормизда иувязывается с восстанием войск Бахрама Чубина, произошедшим после 14 августа 589 г.⁵⁸. Причиной восстания было требование Хормизда отдать ему в казну добычу, награбленную воинами при разгроме тюрок. Если бы между датой битвы и датой восстания прошел год и если бы это войско прошло из Средней Азии на Кавказ походным порядком, то у воинов не осталось бы ни одной лишней тряпки и отбирать было бы нечего. Я выражаю благодарность Б.И.Маршаку за то, что он обратил мое внимание на опечатки в моей статье “Бахрам Чубин” и дал мне повод, оговорив их здесь, внести в проблему ясность.

Такая же неточность допущена в дате гибели Чулоху из-за невнимательного отношения к календарным датам. Он погиб в XII месяце 587 г., который при пересчете на европейский календарь соответствует январю — началу февраля 588 г., что и отразилось в книге Бичурина, где 587 г. и 588 г. поставлены на одной странице⁵⁹. Опять спасибо Б.И.Маршаку за то, что он заставил меня уточнить дату. Но и с уточнениями даты гибели Чулоху и Савэ-шаха не совпадают. Причина здесь, по моему мнению, в неточности самого китайского источника, а не перевода. События, происходившие в эти годы в Средней Азии, были известны китайской разведке по слухам, и, по-видимому, разведчик, пославший донесение о гибели тюркотского князя от раны стрелой, подставил имя хорошо известного, также погибшего в это время хана. Это гипотеза, но она позволяет выйти из очень трудного положения, ибо похода Чулоху на Иран быть не могло. Если мы примем мнение Б.И.Маршака, что битва при Герате была в 588 г. и что Чулоху не погиб

⁵⁸ Higgins M.J. The Persian war of the emperor Maurice (582—602). Washington, 1939. P. 73.

[”] Бичурин Н.Я. Указ.
соч. I. С. 239.

зимой 587—588 г., то откуда он мог выйти весной (ибо до появления зеленой травы в далекий поход идти нельзя), чтобы в августе достигнуть Герата. Естественно думать, что он выступил из своих владений в Монголии, но тогда ему пришлось бы пройти 4800 км за 120 дней, т.е. по 40 км в день без отдыха, гоня перед собою отару овец для прокорма воинов. Это невозможно. Но может быть он выступил из Джунгарии, где после поражения Далобяня перезимовал, оттеснив, согласно Б.И.Маршаку, Тардужхана. Под Гератом было около 20 тыс. тюрок. Следовательно, для того чтобы прокормить их 5 холодных месяцев (с октября по март) нужно было 2000 баранов х 150 дней = 300 тыс. голов. Поскольку Тардуж-хан был “оттеснен”, и, значит, угнал свой скот, баранов надо было пригнать из Монголии и пасти на зимовьях, что должны были делать сами воины, а не их семьи, как было дома. К этому надо прибавить табун боевых коней около 40 тыс. и столько же выючных. Надо было самим собирать на холода кизяк, варить пищу, чинить юрты, т.е. делать трудную женскую работу. Надо было вместе с тем ежедневно заниматься стрельбой из лука и фехтованием. Обычно тяжелооруженные воины только тренировались, чтобы в момент боя быть не усталыми и, как говорится, в форме. После же такой зимовки они годились только для длительного отдыха, а не для похода. В те времена усталость была бойцам противопоказана, и историк должен принимать это во внимание. Затем, Чулоху был бы сумашедшим, если бы он бросился на Иран, не обеспечив себе тыла. А в тылу у него стоял “оттесненный”, но не разбитый Тардуж-хан. И наконец, что нужно было восточнотюркскому хану в Иране?

Ровно ничего! Другое дело западные ханы, владевшие караванным путем от Хами до Бухары и богатевшие за счет транзитной торговли. У них в Византии были общие интересы. Поэтому они рискнули вместе напасть на своего естественного врага, мешавшего таможенными запретами торговле шелком. Но если так, то правильна концепция: на Иран вел войско сын Тардуж-хана, который и погиб в бою, а среднеазиатский удел достался его сыну Нили-хану. А Чулоху?.. Он, по моему мнению, вместе с войсками Тардуж-хана разбил и погубил Абохана в 587 г. Потом вспыхнула старая вражда между Тардуж-ханом и Чулоху. Последний “еще пошел на запад воиною”⁶⁰, на этот раз против Тардуж-хана, был разбит и убит в январе 588 г. Тогда западные тюркюты, решив, что с востока им ничего не угрожает, напали на Иран, чем дали возможность оправиться восточным тюркютам. Из-

[”] Там же.

за этого воина затянулась до 593 г., и впоследствии, когда Тардуш-хан стал во главе всего каганата ради войны с Китаем, восточные тюркюты, памятая гибель Чулохоу и его дружины, бросили своего вождя и позволили китайцам одержать легкую победу в 604 г. Принятие моей гипотезы позволяет связать в одну логическую цепь события VI и VII веков.

Ответ 5. Слово “роман” Б.И.Маршак применяет не в средневековом, а в современном значении. В средние века “роман” о каком-нибудь историческом событии или герое подразумевал не наличие вымысла, а просто форму изложения. Хроника писалась по определенному стандарту, научнообразно, а “роман” легко, чтобы увлечь и развлечь читателя. Сверхъестественный элемент, считавшийся в те времена естественным, равно присутствовал или отсутствовал в обоих жанрах повествования. Например, китайские хроники серьезно передают мифы о происхождении тюркютов от волчицы или уйголов от волка, а знаменитый “роман” — “Троецарствие” является изложением исторических событий, приукрашенных диалогами и снабженных психологическими мотивировками. Впрочем, последние встречаются и в хрониках.

Изложение Гератской битвы у Балями и Фирдоуси отличается от изложения Табари лишь подробностями. Часть их поддается проверке — например, топография долины Гершруда, но Б.И.Маршака не устраивают слоны в тюркютском войске. Да, у восточных тюркютов слонов быть не могло, и это сильный аргумент против концепции Б.И.Маршака. Но те же слоны, доставшиеся Бахраму как трофей, сражались с греками и армянами при Балярате в августе 591 г.⁶¹. Эти слоны не были достоянием персидской короны, так как во время наступления Бахрама Чубина на Ктезифон их в войске Хормизда не было. Да и вообще в VI веке, после того как эфталиты отрезали Индию от Персии, слоны перестали появляться в персидских войсках. Прокопий в истории войн римлян с персами о них ни разу не упоминает при самых подробных описаниях сражений. Тюркюты же могли получить любую редкость через своих друзей — согдийских купцов.

Ответ 6. Зачем спорить о словах? “Был взят в плен” или “сдался на капитуляцию”, или “добровольно отдался в руки врага, чтобы провести переговоры”. Правильно одно наблюдение Б.И.Маршака: (Я) надо читать как Яль, но это слово имеет второе значение — освобожденный.

“Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин / Приведена литература.

Ответ 7. Сопоставление Абруя упомянутого Наршахи с Або-ханом основано не на лингвистике, имеющей лишь вспомогательное значение. Персидское (نرس) означающее — верх, лицевую сторону — употреблено не по отношению к человеку, а по отношению к среде, в данном случае социальной, и консультация Л.Т.Гюзала-на и В.А.Лившица к моей постановке вопроса прямого отношения не имеет.

Спор о событиях в Бухаре, описанных Наршахи, идет по двум пунктам: 1) что случилось и 2) когда случилось? По первому пункту мнение Б.И.Маршака, что правитель Пайкенда Абруй боролся с бухарской знатью, противоречит тексту, где сказано, что после ухода дехканов и богатых купцов к тюркам “оставшиеся в Бухаре (т.е. бедняки) послали к своим вельможам послов и просили защитить их от насилий Абруя”⁶².

На кого же опирался Абруй, имея против себя многочисленное и воинственное население богатого оазиса? Текст отвечает и на это: на переселенцев из Туркестана, которые по прибытии “жили в юртах и палатках” (там же), т.е. на тюркское войско. Разрывать эти сведения, как делает Б.И.Маршак, неправильно, так как оба они связаны с персоной Абруя. Теперь о дате. Мы оба согласны в том, что последствием событий была тюркотурская оккупация Бухары. А это факт такого значения, что его должны были бы отметить византийские посольства, постоянно посещавшие западнотюркотуркских ханов до 576 г., т.е. до смерти Истеми и начала тюркото-византийского конфликта. Они о присоединении Бухары молчат. С 576 по 582 г. западнотюркотуркские войска были заняты в Причерноморье, а с 583 по 588 г. совершилась та самая пайкендская трагедия, которую я описал согласно собственной интерпретации (Гумилев Л.Н. Великая расправа... С. 78–82).

Наконец насчет “ядовитых насекомых”. Мой оппонент напрасно упрекает меня в непонимании простого русского предложения. Когда я писал о намеке на способ казни, я имел в виду подтекст и ассоциацию, которую считаю не случайной. Текст, с которого делал перевод Бичурин, имеет некоторые отличия в нюансах от того, с которого переводили Жюльен и Лю Мао-цзай. Подчас эти разнотечения показывают на фразы, опущенные при редакции китайскими историками окончательной версии. Так и тут: тюркотуры поступили с мятежным князем как хотели, только уведомив своего китайского союзника, но в историю, согласно принятой в Китае манере выражаться, это было внесено как просьба о даче приказа.

⁶² Наршахи. Указ. соч. С. 12–13.

Затем, о судьбе Або-хана не сказано, так как он был, конечно, убит, и тогда мнимая гуманность китайского императора вошла бы в противоречие с мнимой же покорностью тюркотского хана Китаю: ведь он не послушался! Вместе с тем китайцам нужно было обелить себя в общественном мнении кочевников, подчинение которых Китаю в 588 г. было фиктивным. Это подчеркнуто в биографии Чжан-сунь Шэна, который будто бы сказал на том же совете, что поощрение крайностей не средство для привлечения отдаленных народов⁶³. Несовпадение версий указывает на то, что этот факт китайским историком описан неточно и тенденциозно. Тем важнее оговорка, позволяющая путем сопоставления с персидским текстом уловить, что здесь описано одно и то же событие, а не два разных.

Ответ 8. Династия, насчитывающих 22 поколения, не бывает, а тем более в торговом городе с развитой олигархией. Титул “худат” значит просто “правитель” и не был обязательно наследственным. Тахшада “был малолетний, и все родовитые люди старались завладеть престолом”; “сам Бухар-Худат (раньше) оружием овладел Бухарой”⁶⁴. Сведения, записанные в Тан-шу⁶⁵, либо неверны, либо являются метафорическим выражением, затем в Бэй-ши⁶⁶ указано на родство бухарского владетеля с самаркандским (Кан), а этот последний “есть отрасль кангюйского (т.е. печенежского) Дома”⁶⁷, находившегося в родстве с родом Ашина. Самаркандский князь был женат на дочери Тардуш-хана⁶⁸. Справедливо лишь то, что хронология Наршахи имеет грубые ошибки, но это же объясняет сомнения Б.И.Маршака по поводу Шири-Кишвара и Нили-хана.

В заключение я выражаю благодарность Б.И.Маршаку, указавшему на пункты моей интерпретации событий, требовавшие дополнительной аргументации. Благодаря возникшему спору удалось нашупать еще несколько интересных и важных подробностей истории VI века и прояснить места, до сих пор остававшиеся темными, и тем самым подкрепить предложенную мною концепцию.

⁶¹ Julien St. Documents sur les Tou-kiue // Journ. As. 1864. 3. P. 507.

⁶² Наршахи. Указ. соч. С. 62.

⁶³ Бичурин Н.Я. Указ. соч. II. С. 312.

⁶⁴ Там же. С. 272.

⁶⁵ Там же. С. 271.

⁶⁶ Chavannes E. Указ. соч. P. 50—51, 133.

Поэзия древних тюрков

Диван лугат ат-турк

Махмуд ал-Кашгари

Переводы Анатолия Преловского

1. Битва с тангутами

¹ Катунсими — название города.

Катунсими¹ криком огласился —
тюркский бек с тангутами сразился,
красный сок с журчаньем заструился
из тангутских шей, что мы рубили.

Там единоборства возникали,
там глаза враждебностью сверкали,
там мечи под ребра проникали
и от крови в ножны не входили.

Множество голов в траву скатилось,
множество врагов с душой простилось.
Ослабев, не так их войско билось.
Наши сабли в ножны не входили.

Хан тангутов бека Катунсими
обманул — тангуты потеснили
бека: он, еще сражаясь с ними,
смерть завидел, а себя — в могиле.

Бек мой отступил, и войско скрылось:
силы поднабравшись, вновь явилось.
Бог простер свою над беком милость —
счастье и удача с нами были.

Бек привел врагов в оцепенение,
остудил их пыл, ослабил рвенье:
дал коней, рабов и угощенье, —
задарив, врагов мы покорили.

Враг дремал, а бек пошел на приступ.
Враг опешил: был напор неистов.
Смерть нашла тангутов в поле чистом —
яд ее там многие испили.

Сочинение "Диван лугат ат-турк" написано в 1072—1083 гг. на арабском языке в Багдаде. Единственная сохранившаяся рукопись книги, переписанная Мухаммедом ибн Абу-Бакром ад-Димашки в 1266 г. в Дамаске, куплена на стамбульском рынке старой книги в 1915 г. турецким ученым библиофилом Али Эмири-эфенди и хранится в Национальной библиотеке Стамбула. Текст ее издан в 1915—1917 гг. в Стамбуле Килисли Рифатом (Рифатом Бильге). Книга переведена на турецкий, узбекский, английский языки. Русский перевод не издавался.

Бек настиг врагов, мечом врубаясь
в строй, с мольбой несчастных не считаясь.
Всадники его, обогащаясь,
радовались и врагов душили.

Крикнул я, и мой отряд собрался.
Натянул я лук и в бой помчался.
Видимо, я доблестно сражался:
многих мы тангутов усмирили.

Но один бодрил коня, кичился,
мерял степь шагами, горячился.
Он был загнан в горы и смирился —
так врага мечом мы устыдили.

Мой скакун ускорил бег: он ведал,
где и как должно спешить к победам.
Но объяли тучи землю с небом,
а туман и град нам путь замстили.

Встал я ночью, рядом волки выли:
черные и красные там были.
Снял я лук тугой — они следили,
по холмам с оглядкой отходили.

Волка гнал, не мешкая нимало,
скаккой истощил — он шел устало.
А прижал — на звере дыбом встала
шерсть, и перед схваткой мы застыли.

Тут мой пес на волка навалился,
рвал его и в голову вцепился,
горло прокусил и отступил,
задавив, как мы врагов давили.

Я хотел тяжелый сон развеять,
черную хотел я ночь рассеять,
бег Плеяд ускорить — день взлелеять, —
он пришел во всей красе и силе.

Я, поднявшись, шел через вершины,
а приблизившись, в глуби долины
вражеские разглядел дружины
за стеной взметенной ими пыли.

Если пожелал бы вновь сражаться,
стал бы войско распылять, и драться,
и, рубясь, за пленными гоняться,
но враги мне выкуп предложили.

Враг продать дома свои собрался,
милость заслужить мою старался,
лишь бы только сам в живых остался, —
для него дни горя наступили.

Воинов прислал — они в смиренье
преклонили предо мной колени.
Враг сказал: “Пощады и прощенья —
не убей!” — и мы его простили.

Так, освободив, в живых оставил,
передать имущество заставил,
не позорил их я и не славил.
Выкуп сами же и погрузили.

2. Битва с уйгурами

¹ Таты — древнетюркское название иранцев.

Мы бунчуки надежней укрепили —
и на уйголов с татами², что были
ворами все и нам противны были,
как стоя хищных птиц, помчались мы.

³ Ограки — один из тюркских народов.

Вверху, алея, знамя разевалось,
внизу, чернея, пыль степей взвивалась.
Орда ограков нам в пути попалась —
сражаясь с ними, задержались мы.

⁴ Мынглак — название местности.

Коням хвосты мы крепко подвязали,
восславив Бога, дальше поскакали.
Коней пришпорив, вновь врагов нагнали,
нагнав, обманно испугались мы.

Бежав притворно, сами в лодки сели,
через Или мы переплыть успели,
а там уйгурский стан, и мы — у цели.
Войдя в Мынглак,⁴ не растерялись мы.

Мы, как поток с вершины, устремились.
У городов их разом появились
и, руша храмы Будды, веселились —
над идолами изгаялись мы.

На спящих темной ночью мы напали,
в засады заманив, пообрывали
чубы врагам — мужей поубивали, —
за все с Мынглаком рассчитались мы.

3. Битва с ябаку⁵

⁵ Ябаку — один из тюркских (возможно также монгольских) народов, живших по реке Ямар (см. примеч. 1).

⁶ Будрач (Бука-Будрач) — предводитель союза народов (преимущественно тюркских) во главе с ябаку, против которых, как язычников, сражалось в XI веке войско тюркской династии Карабанидов, уже принявших ислам.

И вот Будрач⁶ воиною бредить стал:
взъярился, и богатырей призвал,
и, повернув войска, на нас погнал —
вот-вот они нагрянуть собираются.

Будрач коварство, видно, затаил,
когда он к нам посланца отрядил,
а сам войска в долине разместил.
Богатыри туда к нему стекаются.

Залоги он у покоренных брал,
сам должников своих он объезжал,
хоть в дружбе вряд ли с кем-то состоял.
Теперь войска Будрача умножаются.

⁷ Имеки — один из тюркских народов.

Имеки⁷, что живут на Иртыше,
огонь отваги разожгли в душе
и, засучивши рукава, уже
на битву выступать намереваются.

Хотят имеки договор писать —
союзникам на верность присягать,
у хана покровительства искать.
Басмылы⁸ к ним, чомулы⁹ направляются.

⁸ Басмылы — один из тюркских народов, живший в Восточном Туркестане.

⁹ Чомулы — один из народов, который во время битвы на реке Ямар (см. примеч. 5) был союзником ябаку.

Спалить, наверно, хочет солнце нас:
недавний друг решил рассеять нас
и перейти Иртыш в полночный час.
Беды народ и беки опасаются.

¹⁰ Таркан — титул правителя, крупного вельможи, с суверенными правами

И если вовремя таркан¹⁰ придет
и воинов на помощь приведет,
то не рассеян будет мой народ...
А уж войска для битвы собираются.

4. Битва с ябаку

" Ямар – название реки (возможно, реки Эмиль или Эмель, впадающей в озеро Алаколь к югу от хребта Тарбагатай в Восточном Казахстане.

Мы выступим, как только ночь придет,
реку Ямар" переплытем, в поход,
воды испивши, двинемся: грядет
врагу беда, — пусть это с ним случится!

Коней под утро станем погонять,
будрачевой крови начнем искать,
сожжем сперва басмылов, будем ждать —
пусть к нам подмога свежая примчится.

Коней взбодривши, с криком налетим,
мечами по щитам мы загремим,
взбурлив, обманно стихнем, отбежим —
пусть, утомясь, жестокий враг смягчится.

Врага искусно станем окружать —
то спешиваться, то от стрел бежать,
рычать, как львы, и двигаться мешать, —
пусть он, ослабнув, нас настигнуть тщится.

Да будет неразумный вразумлен,
да будут крепнуть эль, народ, закон,
да будет волк с ягненком примирен, —
и пусть несчастье с нами разлучится!

5

Он всей громадой войска налетел,
и подчинил, и отнял наш надел,
и сверх того — над нами же воссел.
Стал слаб и стар, а все еще сидит.

Вновь осмелев, он вскачь пустил коней
и натравил на нас своих мужей —
ошеломил нас дерзостью своей.
Кто пред такою силой устоит?

И вот мужи, взбодривши кровь свою,
возмездья ищут и вражды в бою,
рвут бороды друг другу то в строю,
то в свалке, — их душа огнем горит.

Безжалостно они друг друга бьют,
объединяются и в бой идут,
борясь, хвалу друг другу воздают, —
бесстрашных меч или стрела разит.

Враг бился что есть силы и взывал
к сородичам, теснил и окружал —
и к войску нашему вплотную встал.
Придя, не ищет мира он, а мстит.

Теперь как будто пробудился он,
стал каяться, затем винился он,
что не сложился наш союз племен.
Кто недруга такого победит?

Разгневавшись, я в бой с врагом вступил:
рыча, как лев, я головы рубил —
и множество героев распылил.
Кто мне теперь дорогу преградит?

В сраженье я их старшего нашел,
мой белолобый конь был храбр и зол.
И я врага в уныние привел,
сказав: “Утар, тебя мой меч сразит!”

И рана воспалилась у него,
и запеклась на ране кровь его —
он побежал от мщенья моего.
Кто беглеца нагонит, кто пленит?

Сам сдался враг, пощады сам искал,
от униженья горько он рыдал —
себя за то, что сделал, проклинал:
от горя, словно каменный, стоит.

Из ран его обильно кровь текла,
вся кожа продырявлена была —
душа его в мир мертвых отошла
и свет его померк: ведь он убит.

Дыханье прервалось его, сдались
мне воины его, что к нам стеклись.
А ведь хвалились, с ним на нас рвались.
Кто речь его сегодня повторит?

Погибло дело тех, кто враждовать
с ограками решил и воевать:
согнув им шеи, в рабство продавать
воителей былых кто запретит?

Свой стяг над ханским золотым шатром
я водрузил под барабанный гром.
Враг скошен, как трава, разбит кругом,
он будет взят, куда ни побежит.

Мужей-героев всех я распылил,
а не убитых всех я покорил,
их серебро и злато захватил.
Остался ль там хотя б один йигит?

6

По мудрости равнялся он со мной,
советовался пред большой войной,
бесстрашно выходил с врагом на бой —
и, как мячи, вниз головы катились.

Врага сломив, уничтожал и гнал,
а, окружив его, подстерегал —
и волосы с черноголовых драл...
Как шакалье, враги опять сплотились.

7

Тат пришел, и я сказал:
“Ляжешь неживым, — сказал, —
чтобы гриф тебя клевал,
чтобы волк в тебя вцепился.

Почему ты не бежал
за Ямар и не собрал
выкупа? Гиену ждал,
жертвой стать ты торопился?”

Войско в бегство обратил,
жизнь врага укоротил:
зелье смерти тат испил —
лик от горя исказился.

8

Басмылы все пришли, все собрались —
всем воинством на битвы поднялись
и, бросив скарб, к Арслану подались.
От страха головы у них кружатся.

Когда узнают, что он — тюрок, Арслан,
тогда и скажет весь басмыльский стан:
“Да, этому великий жребий дан!” —
и здесь конец всем тяжбам, может статься.

9

От пыли из-под множества копыт
снег почернел, что на горах лежит:
увидев войско, Алп Ая бежит —
сгорая со стыда, в лесах спасается.

10

Когда под ливень стрел он встал насупротив,
я так сказал: “Молись! Ведь будешь ты не жив!

Отдав за выкуп все, пощады ты не ждешь.
Вооружась, окреп, но кровь свою прольешь!”

11

Наконечником стрелы руку ранил я;
много стало камыша около ручья.

12

Ты только щедрость мне оставь —
пусть отличат по ней меня,
потом коня ты для меня
найди — и в бой пошли меня!

13. На смерть Алл Эр Тонга

Алл Эр Тонга, ужели умер он,
а злобный мир шумит со всех сторон?
Уж не Судьбой ли он приговорен?
Теперь от горя сердце надрываеться.

Да, время стало случай торопить,
чтобы его в ловушку заманить, —
с пути земного бека беков сбить.
Спастись он хочет? Пусть и не пытается!

Дни времени диктуют нам закон:
живь, истощаясь, юности вдогон,
и смерть берет даже таких, как он.
От смерти все бегут, а кто спасается?

Таков обычай времени, предел
земных забот: у всех — один удел.
И если мир пошлет одну из стрел,
то ею даже камень рассекается.

Когда Судьба стрелу свою пошлет,
кто остановит роковой полет?
Когда стрела во грудь горы войдет,
то грудь горы на части разрывается.

Загнали беки скакунов своих,
печаль и горе изнурили их,
шафрановыми стали лица их, —
так скорбь наружу выходить старается.

Мужи, как волки, воют, ставши в ряд,
рвут вороты у платья и кричат,
их голоса, как песнь одна, звучат, —
рыдают, взор слезою застилается.

Он сердце мне зажег — нельзя терпеть,
былые раны начали болеть.
О прошлом он заставил пожалеть,
и ночь моя от дня не отличается.

Как видно, ослабели времена,
и добродетель в людях не видна,
вокруг — разврат и глупость лишь одна.
Бек беков от живущих отдаляется.

Кто мудрым был, тот в унижение впал,
кто сильным был, тот подчиненным стал,
кто благородным был, тот мертвым пал, —
влекомый по земле, с людьми прощается.

Ослабли времена: порок и зло
усилились, все доброе ушло
из душ людей — там стало несветло.
От нас Бек мира нынче отделяется.

14. На смерть неизвестного героя

Огонь врага он быстро пригасил,
изгнал из ставки, войско распылил
и, вызвавшись на бой, врага сразил.
Вот тут стрела его и подкосила.

Великие дела он затевал,
великие пиры он задавал,
зимой надежды в души он вселял,
чтоб людям в холода теплее было.

Еду, питье он щедро раздавал,
врага всегда он в бегство обращал,
ограков не однажды побеждал.
И смерть его, повергнув, победила.

Еду, питье он щедро всем дарил,
не одного врага он покорил
тем, что хватал за шею и давил,
а смерть — его, повергнув, придавила.

15

Стихи правительнице нашей вручи, скажи, что госпожу,
ей преданный слуга, нижайше о новой службе я прошу.

О, это облако, что близких не влагой — золотом кропит:
когда оно дождем прольется, то сердце счастьем напоит.

Мир всюду мне силки расставил, изранена душа моя.
Прося у госпожи лекарства, его обрел — и ожил я.

16

Сердце его сгорело, высохла кровь, открыт
рот — иссущенный страстью старый глупец скорбит.

17

Тугощекий, румяный, с темной родинкой лик,
взор пленительный, томный — искушенья родник.
К красоте совершенной всем бы сердцем приник,
да прелестница снова от меня убегает.

Поклонившись однажды, знак мне тайный дала,
слезы мне осушила, добротой привлекла.
Исцелив раны сердца, повернулась, ушла —
словно странник, проходит, от меня ускользает.

Глядя вслед несравненной, я в тоске погибал,
раны сердца разверзлись — я покоя не знал,
убежавшее счастье понапрасну искал:
кровь струится, как дождь, — жизнь моя иссякает.

В сеть поймавши, прошу я: не бросайте меня!
Обещая усладу, не терзайте меня!
Глаз, слезой переполнен, морем стал у меня —
вокруг него одиноко птица горя летает.

18

Свет глаз моих ушла — не хочет быть со мной,
и душу отняла и унесла с собой.
Где мне ее искать? О, горек жребий мой!
Одна лишь мысль о ней надолго сна лишает.

Страсть в сердце у меня кипит, встает волной,
печаль ко мне пришла и овладела мной,
все существо мое стремится к ней одной,
а сам желтею я — тоска меня снедает.

Смотрела на меня, вниманием целя,
давала тайный знак, огонь любви суля.
Ушла — и без нее пуста моя земля,
и горе, словно лед, стоит в груди, не тает.

Перекипев не раз, в сердчной глубине
 страсть вроде улеглась, а все ж бурлит на дне.
 Но вот свет глаз моих вернулась вновь ко мне —
 опять играет мной, посулами терзает.

19

Мой бедный сын, зачем покинул ты меня?
 Отец тебя любил и холила родня.
 Теперь же откажись от славы и коня,
 коль сделался таким, каким ты быть не должен.

Ушел тайком, молчком, обнять не захотел,
 не обернулся ты, на нас не поглядел —
 ты смолоду душою и сердцем отвердел:
 такую жизнь избрал, какою жить не должен.

20

Ее глаза — волшебная страна,
 ее душа — беспечная волна,
 ее лицо — округлая луна.
 Она мне сердце бедное разбила.

Я ей сказал: “Ты как меня нашла,
 любимая, как все превозмогла
 и как, идя, равнинны перешла
 и перевалы как перевалила?”

Ответила: “Мой путь на свет из тьмы
 мучительней был лета и зимы,
 но размягчились твердые холмы —
 ведь мной любовь к тебе руководила”.

21

Как ни таи любовь, как ни скрывай,
 а в разлуке чувства обозначатся.
 Глазную рану как ни прикрывай,
 а слезы все наруже: льются, катятся.

22

Днем и ночью плачу я:
 страсть душою завладела.
 Но любимая ушла —
 и душа осиротела.

Как привязанное, вслед
 за любовью полетело
 сердце — вот и в горе я,
 вот и плачу то и дело.

23

Ты, что с темной родинкой, как крупица соли,
 подари хоть слово мне, хоть словечко, что ли,
 я тобою заболел — исцели от боли,
 я страдаю по тебе: знай же, знай о том!

24

Стремясь, не видел я, куда ступал, —
 так в скрытую ловушку я попал.
 От этого надолго захворал.
 Спаси, любовь! Ведь я — тебя искал.

25

Кто вместе с ней, сплетаясь в объятье,
 на жарком ложе не лежал,
 тот от речей ее и ласки ума, наверно, не терял.
 Из тысячи мужей достойных ни одного я не знал,
 кто б ради глаз ее прекрасных себя, как жертву, не заклал.

Ее пленительной красою я дух и тело услаждал,
 а прах от ног ее целебный мне счастье зренья возвращал.
 Из тысячи мужей достойных ни одного я не знал,
 кто б ради глаз ее прекрасных себя, как жертву, не заклал.

26

Она свой натянула лук, рука ее дрожит,
но клеветы ее стрела меня не поразит.
Моя же цель так далека — взор к лучнице летит:
ее небесной красотой пленен я, смят, убит.

Из глаз моих текут ручьи, и на воду спешит
спуститься стая уток, — но уж если кто решит
узнать, что люди говорят, пусть на нее глядит:
как ореол вокруг луны, копна волос блестит.

27

“Буч-буч”, — выводит соловей
и жадным клювом корм клюет.
Как перепел, душа моя
в огне трепещет, не поет.

Мне пламя страсти все нутро
неугасимой болью жжет.
И днем, и ночью плачу я —
река тоски из глаз течет.

28

Соблазнила и обманула та, чей стан,
словно ива, прям,
та, чьи волосы — можжевельник, нос с горбинкой,
а нрав упрям.
В шелк наряженный листивый демон входит в твой
заповедный храм,
мед протягивает тебе он — стань безумным
и слабым сам.

29

Кувшины, чаши выстроились в ряд,
начнется пир — и струны зазвенят.
Друг, без тебя я сам себе не рад,
зову: приди, мы развлекаться будем!

Похож на гуся длинношней мой
кувшин и, как печальный глаз слезой,
наполнен кубок влагой огневой —
и ночь, и день ей услаждаться будем.

Мы трижды выпьем, трижды прокричим
и о сосуд сосудом застучим,
и, прыгая, как львы, мы зарычим, —
с печалями так расставаться будем.

Йигитов отрядим — пусть в сад пойдут
и нам плодов сладчайших натрясут,
куланов и кийиков пусть набьют, —
мы продолжать пиры стараться будем.

Мы скакунов прикажем объезжать —
их дикий норов в скачках укрощать,
собак напустим — нам косуль гонять, —
а мы смотреть и наслаждаться будем.

Мы сокола запустим птиц сбивать,
пошлем борзых кабана загонять,
лису велим камнями забросать —
так доблестями похваляться будем!

30

Он познакомился со мной, вошел, как равный, в дело,
товаром торговать моим принялся ловко, смело,
стал в караван-сарае свой — и в тайности, умело
он жеребенка моего, увы, к рукам прибрал.

Он долго случая искал, как бы в доверье вкрасться,
со мною не переставал то спорить, то ругаться.
Когда же кражу совершил, со мной решил расстаться.
И лучшую мою овцу он у меня украл!

Я говорил не раз: “К нему влеченья не питай ты,
того, чем грешен был Кулбак, прошу, не повторяй ты —
гнилой вонючею водой себя не орошай ты!”
Невольника из рода Кай¹² он у меня отнял.

Мы свояками стали с ним и в дружбе жить старались,
наложницами мы тогда друг с другом обменялись.
Он Турумтая моего украл — и мне остались
печаль и горе: оттого я сам как мертвый стал.

¹² Кай — один из тюркских народов, живших восточнее енисейских кыргызов.

О ты, кому презренный вор однажды попадется,
глаза открои ему — пускай, увидев, ужаснется
он злодеянью своему, вдруг совесть в нем проснется:
он продал моего слугу — меня он обобral.

Пса моего не накормив, он все же постарался
мне лошадь в скачке запалить, и я навек расстался
со счастьем: радость он увел, с печалью я остался —
он пеликанов и гусей всех у меня отнял.

Зачем знакомился я с ним, зачем он мне попался?
Зачем я подружился с ним, зачем так доверялся?
Зачем потворствовал ему и с чем теперь остался?
Он лето загубил мое — и неживым я стал.

31

Господа славя, всем сердцем люблю,
знанья о мире бессмертном коплю,
думы к возвышенному стремлю —
и к добродетели сердце склоняется.

Старшего в жизни хочу отыскать —
всем, что имею, его поддержать.
Вот! снизошла на меня благодать —
скот из-за этого мой расхищается.

Знаний о мире безмерном взыскал,
в учителя мудреца выбирал —
этим себя от людей отделял:
конь, отвязавшись, в бега устремляется.

Перенапрягся я беды бороть.
То, чего ждал я, придинулось вплоть:
знаньем судьбы удостоил Господь —
знаньем от смерти никто не спасается.

32

Я выкуп за невесту дал, так знайте,
что возвращаю весь вам: получайте!
А также тайну мук моих узнайте —
свойя от вас решил откочевывать.

33

Воины ограков доблестны, крепки,
пиша их — козлята, лучшие куски,
и кумыс — питье их, с верхом бурдюки,
а земля их — степи: камни да пески.

34

Жир и сало варятся в котлах,
чашки, миски у людей в руках.
Просо поредело на полях.
Сняты сливки с молока в домах.

35. Спор Зимы с Летом

Зима и Лето ссориться взялись:
друг в друга взором огненным впились,
приблизились, едва ли не сплеились —
друг друга побороть намереваются.

Сошлись для битвы Лето и Зима,
лук доблести натянут — и весьма
обозлены и Лето, и Зима:
пускать друг в друга стрелы собираются.

Зима тихонько Лету говорит:
“Коня и мужа мой мороз крепит,
болезнь и леность мой мороз целит,
а дух и тело в стуже закаляются.”

Зимою выпав, мой обильный снег
в рост гонит злак и травяной побег.
Зимой враги не совершают набег —
лишь только летом битвы затеваются.

Лишь летом вылезают на простор
все жалящие, что до сих пор
скрывались в темноте корней и нор, —
задрав хвосты и жала, разбегаются...”

В ответ ей Лето: “Стужа, как придет,
к теплу ревнуя, снегом заметет
все, что живет, и все, что не живет.
От холода плоть и душа смерзаются.”

Под снегом глина копится, дрожит
убогий люд от холода, не спит
и, пальцы обморозивши, скулит, —
все тянутся к огню, теплом спасаются.

Задул холодный ветер — налетел
бураном, и народ едва успел,
стуча зубами, скряться, где сумел,
как потемнело: тучи надвигаются.

И навалилась туча, свет померк,
и морок воды на землю изверг,
и люди смотрят изумленно вверх,
как в громе молний ливни изливаются.

Дождем пролившись, туча отошла,
сеть белую набросив, натрясла
сугробы снега — вся земля бела,
а под снегами реки зарождаются.

Но вот растаяли и снег, и лед —
в долины с гор, звеня, вода течет.
И серых туч медлителен полет:
дожди проливши, как челны, качаются.

Во впадинах блестит вода озер,
виднее сделались вершины гор,
стал наносить тепло степной простор,
глаза цветов повсюду раскрываются.

В венце лучей в ночи луна взошла,
цепь облаков, белея, поплыла,
друг друга обгоняя; ночь светла,
и слышно, как потоки разливаются.

И множество цветов, за рядом ряд,
рождаясь из бутонов, в рост спешат:
намучились в земле, теперь хотят
над ней подняться — дружно распускаются.

Цветов все больше: к свету торопясь,
под грузом завязей к земле клоняясь,
они вступают в родственную связь —
чем больше их, тем все тесней сплетаются.

Дождь плодотворный землю пропитал,
и мир цветов преображаться стал:
жемчужины раскрылись — там сandal
по воле Неба с муксусом мешаются.

Не счесть цветов — пурпурных, золотых,
лиловых, синих, желтых: как родных,
их травы обвивают, нежат их,
и люди, видя это, удивляются.

Стрелою молния упала вниз;
клубясь, туманы потянулись ввысь;
заржали жеребцы, отзывались
кобылы — табунами собираются.

Зазеленели горы и бугры,
полны водой озера, трав ковры
раскинулись кругом, пышны, пестры, —
быки мычат, коровы отзываются.

Куланы взбудоражились, сошлись,
архары на летовку подались.
Сайгаки возле речек собрались —
их косяки в громады стад сливаются.

Живут раздельно самки и самцы,
а в дойном стаде матерям сосцы
телята теребят — пока отцы
вдали, они играть не наиграются.

Спешит за лето выгуляться скот,
от сочных трав тучнеет, в рост идет.
Бек в табуне коней себе берет —
те, сытые, от радости кусаются.

Щегол — и тот бежит тебя, Зима!
Меня же любит ласточка сама,
мне соловей поет, сводя с ума, —
во мне начала жизни зарождаются!"

36

Талые воды весной растеклись,
в пене потоки с горы понеслись,
яркие звезды на небе зажглись.
Слушай, без смеха внимая словам.

Туча над нами, гремя,¹ пронеслась,
градом на нас и дождем пролилась.
Ветра над тучей невидима власть —
где она будет, неведомо нам.

Первых цветов расстелился ковер —
неисчислимых оттенков узор.
Райской землею любуется взор.
Стужи не знать этим пышным цветам.

Ожили все и развиться взялись,
самки с самцами любить собрались —
выйдя из нор, по земле разбрелись.
Их не найти по укромным местам.

Не обольщайся красою весны,
не опирайся на гребень волны.
Зло и несчастье тебе не нужны —
делай добро, верь хорошим словам!

37

Когда взойдет лучистая звезда,
я просыпаюсь: мне всегда не спится,
когда, свистя, звеня и щебеча,
так сладостно поюточные птицы.

38

¹¹ Итиль — тюркское название Волги.

Река Итиль¹¹ стремительно бежит,
подножье скал разрушить норовит,
там стая рыб вверх из глубин глядит —
и к омутам, и к отмелям спешит.

39

Бог создал мир низин и мир высот,
чтоб там всегда вращался небосвод,
чтоб звезды там вершили свой полет, —
там ночь исправно день сменяет.

Бог небесам цвет бирюзы придал,
нефриты звезд по небу разбросал,
созвездие Весов он нанизал, —
и ночь исправно день сменяет.

Скакун Судьбы над миром проскакал —
огонь он высек, и заполыхал
мир травяной: стал жарок, дымен, ал...
И пламя до сих пор не затухает.

40

Выйдя наружу, воды реки тело горы прогрызают,
а можжевельника ветки легко морды коня достигают.

Там пеликаны, лебеди там вместе гнездятся, летают,
там же вороны, сороки галдят — голос от крика срываются.

41

Прими совет, мой милый сын,
и к добродетели стремись,
а станешь старшим,
с младшим ты нажитым знанием делись.

Не начинай, не оглядясь, дела —
в делах нельзя спешить:
поспешно высечешь огонь —
светильник можешь потушить.

До битвы верный меч точи и зорко за врагом гляди,
а если он к тебе пришел, навстречу с войском выходи.

Не бойся встать насупротив, но первым сам не нападай,
а отвлекай богатырей, от общей массы отсекай.

Заставь над головой врага сверкнуть смертельно верный меч
и так руби, чтоб он сквозь щит и шею рассекал до плеч.

А если гость к тебе придет, то не кропи его золой,
но будь внимателен к нему, улыбкой гостя успокой.

А если нищий забредет, попросит есть и пить, то будь
готов отдать свою еду и проводить из юрты в путь.

42

Сын мой, невежество гони: кто толокно имеет,
тот, верно, патоку к нему подмешивать сумеет.

Когда приходит смута в мир, то разум слепнет, глухнет.
Когда болтун неудержим, язык его отсохнет.

А если на охоте я неловко буду красться,
то утка, углядев стрелу, уйдет, нырнет, не дастся,

Подымет озеро волну, ударит в стену, в двери —
однажды это увидав, мудрец и слову верит.

Кто золото имеет, тот себе жилище ставит,
потом, в жилище поселясь, смиренно Бога славит.

Живущий на горе к себе стада перегоняет,
у татов и уйголов он козлят перекупает.

Архаров беркутом гонять коня он в горы правит.
В долинах он кийиков бьет и лис борзыми травит.

Я зелье радости храню, в нем все печали тают.
Дворец мой — это рай земной, друзья мои считают.

43

Ворона, если хочет жить, то клювом пробивает лед;
когда охотник отойдет, она приманку всю склюет.

Гриф, увидав добычу, вниз нацеленно стремит полет;
мудрец, когда дают совет, мгновенно суть его поймет.

Уж нет достойных, кто считал за счастье,
если гость придет,
а есть дурные: тень беды над мужеством их верх берет.

Наглец, как вор, глядит в лицо
тому, кто в дом войдет, —
прочь странника гоня, ему хлеб в голову швырнет.

44

Как странники, дни и ночи проходят, в глазах мелькая
того, с кем пересекутся, здоровья и сил лишая.
Не радуйся, что шелками богат, и скотом, и златом;
не радуйся, еще больше богатства приобретая.

45

Слезы струятся из глаз у меня —
вниз их поток устремляется;
собрана вместе,
вся мука земли в сердце моем умещается.

Что человек без мучений? Ничто. Это старинная истина: он еще счастья не испытал, как умирать собирается.

Люди, родившись, еще никогда
не оставались бессмертными.
Это Вселенная только одна вечно преображается.

Ежели боги рабу своему счастье дают и везение,
то с каждым днем, не хирея от бед,
дело его возвышается.

Он табуны и стада по лугам перегоняет бесчисленные.
Все, что лишь можно от них поиметь,
в юрте его собирается.

Тот человек, что испорчен навек
жаждой наживы проклятою,
только завидит, что плохо лежит,
грифом на падаль бросается.

Держит имущество он взаперти,
сам до него не дотронется —
плача от скупости, приумножать то,
чтим владеет, старается.

Близкого гонит, а дальних своих
не подпускает к имуществу,
и на родню, как собака, рычит, ну а порой и кусается.

Не помягчает о Боге богач —
было богатство бы в целости,
и сыновей от себя отделить или отринуть пытается.

Мудрые речи прими, как совет,
к добром слову внимательным
будь, потому что оно — для души:
им человек укрепляется.

Ты добродетели не растеряй,
но не гордись и достигнутым:
кто похваляется тем, что он свят,
тот в испытаньях ломается.

46

Стараясь соплеменника возвысить,
стремясь ему почтенье оказать.
Принявший дар, дарителя готовься
в ответ двойною мерой одарять.

Случится гость — дай спешиться, в жилище
веди его с дороги отдыхать.
Коню его задай соломы вволю,
чтоб стал он свежим, всаднику под стать.

Любого человека, что приходит,
умей и привечать, и угождать,
ведь гость, не испытав гостеприимства,
всегда готов хозяина ругать.

47

Когда смеется кто тебе в лицо,
ты, затаив обиду, улыбайся.
Дурное слово с языка гоня,
ты с добрым словом к людям обращайся.

Знай, что вражда и месть — как бы долги:
их получить насильно не пытайся,
но, сколько хватит сил, свое добро
приумножать, пока живешь, старайся.

Когда придет разруха иль беда
навалится — терпеньем запасайся
и, зная, что судьбы не избежать,
несчастью все-таки не поддавайся.

Любя все то, что в жизни приобрел,
богатством без ума не наслаждайся.
О том, что потеряешь, не грусти.
О том, что не вернуть, не сокрушайся.

Когда тебя наставник призовет,
скорее перед ним предстать старайся.
Куда кочует в засуху народ,
иди за ним — и вместе поселяйся.

48

Красивую одежду — сам носи,
а жирный кус — отдай, кому придется.
Гостей своих с почетом принимай —
пусть слава впереди тебя несется.

Народ на голодранцев не глядит,
не любит скряг, над важными смеется.
Будь скромен, сын, пусть память о тебе
хорошая — надолго остается.

Знай: человек — телесному слуга.
Знай: что раздашь, с тобою остается.
Когда в могилу труженик сойдет,
то все его — другому достается.

49

Слушай родителей —
добрый совет родственный не отвергай:
разбогатевши, гордыне своей ум твой смутить не давай.

Дружбу цени: вместо старых друзей
временных не приближай:
курица — лучше в руках,
чем фазан — в поле, непойманный, знай.

Дело свое, знай, на плечи других ты со своих не слагай.
Голоден если, то прежде себя, а не других насыщай.

50

Совершенствуйся в добродетели — сыну я велю моему, —
выбирай по себе наставника и в ученье следуй ему.

Умножая свои познанья, ежедневно ходи к нему —
не гордись, а служи в смирении воспитателю своему.

51

Растащили без остатка все твое зерно
мыши с крысами — трудились в темноте, в тиши.
Почему зерно ты прятал и чего ты ждал?
Вот теперь, скупец, над пылью от зерна — дрожи!

52

Беки доблести и горы знаний — вот кто были
те мужи, что нашу землю прежде населяли.

Мне немало наставлений мудрых подарили —
до сих пор целую я этим все мои печали.

53

За жемчуг сколки льда не принимай,
подарок от оплаты отличай,
своим добро чужое не считай, —
все это мудрецы не одобряют, знай.

54

Лето приходит — готовься к зиме, так обычай велит:
дни проплывают, годы минуют, время летит.

55

Знай: как только жеребенок превратился в скакуна,
успокоится кобыла — станет счастлива она.

56

Днем и ночью поклоняйся Богу, будь благим —
и робей, и устрашайся, не шути лишь с ним.

57

Кто сердцем нищ, то это — навсегда:
богатым он не станет никогда.

Великим став, ты, как закон велит,
будь рядом с теми, кто добро творит.

58

Кто умножает свой надел, тот беком может зваться,
а нищим став, рискует он без воинства остаться.

59

Мудреца привечай, приближая,
откровеньям его внимай —
добродетели научаясь, к делу жизни ее применай.

60

Врагом, что малочислен, слаб, не следует пренебрегать —
он втайне может сильным стать и все твое завоевать.

Тюрки и тюркские народы

A.E. Крымский

Тюрки (турко-татары) — семья народов, говорящих на тюркском языке, который хотя и распадается на немалое количество наречий или даже отдельных языков, но все же представляет собою неоспоримое единое лингвистическое целое. В антропологическом отношении между тюрками единства нет, это раса чрезвычайно смешанная, в особенности на периферии. Наиболее чистый тюркский тип сохранился в центре нынешнего тюркского расселения в Средней Азии: у киргизов, или казахов, у кара-кыргызов, или киргизов, и узбеков. У них, наименее смешанных тюрок, рост средний; голова круглая; лицо удлиненно-овальное; глаза, в отличие от монголов, — на одной прямой линии, но устройство верхнего века (с заворотом по направлению к внутреннему углу глаза) делает глазную щель узкой и производит впечатление монголовидности; скулы широкие, но менее выдаются, чем у монголов; нос прямой; губы толстые; цвет кожи смуглый; волосы черные, прямые; растительность очень слабая на щеках, как и у монголов, но более сильная на губах (усы) и на подбородке (узенькая клиновидная бородка). Удаляясь от центра, мы наблюдаем изменение этих антропологических черт. Так, у якутов заметна сильная примесь типа тунгусского, отчасти и русского; у сибирских татар на Енисее — смесь с самоедами. В тюрках Западной Монголии — урянхайцах-сойотах (тувинцах) и др. — яркая смесь с монголами; у таранчей — примесь китайская. Сильной монголовидностью отличаются башкиры. Волжские татары — одни похожи на финнов (чуваши — чрезвычайно), другие походят на славян; многие из поволжских татар имеют тип совершенно европейский. В Туркестане сарты, коренное население узбеков, — просто отюрченные иранцы. В туркменах масса антропологических черт иранских, в азербайджанцах тоже огромное сходство с иранцами, персами, курдами. У крымских татар в центре полуострова недурно сберегся чистый тюркский тип (остатки ногайцев; они же —

островки в Добрудже, на Северном Кавказе и в Астраханском крае. Но татары крымского прибрежья — помесь хазар, греков, генуэзцев, армян, поляков и украинцев: через жен-пленниц, через омусульманивание рабов и др. В османских турках Малой Азии и Европы, главных нынешних носителях всетюркской идеи, так сильны греческие, славянские, албанские, черкесские и другие примеси (на пограничьях северной Сирии и северной Месопотамии — примеси арабские), что от старого чистого тюркского типа в османах почти ничего не осталось. Это длительное вековое смешение тюрок с разными чужими народностями, в силу неодинаковых географических и экономических условий долгой исторической жизни тюркских племен на громаднейшем пространстве от Ледовитого океана (якуты) до теплого Средиземного моря (османы), привело к тому, что теперь не существует даже единого национального тюркского быта, единой тюркской культуры, единой тюркской этнографии. Можно лишь сказать, что для исконного тюркского быта характерен не звероловный, как у монголов, а кочевой-пастушеский образ жизни, с родовой общественной организацией, с кочевым государством-ордой, которое распадается на родовые улусы. Кочевой быт в среднеазиатских степях еще и доныне продолжает существовать (хотя с каждым десятилетием поневоле сокращается), а в быту тюрок, издавна перешедших к оседло-земледельческому и оседло-городскому образу жизни, кочевничество отражается в виде так называемых культурных переживаний — обычаяев, обрядов. Главное богатство кочевников-турок составляли, при всей их экономической важности, не овцы и не крупный рогатый скот, а табуны коней, позволявшие тюркам в их кочевой истории быть всегда легкоподвижными в своих переселениях. Всякие общественные сделки, мена, купля-продажа, коллективные совещания — не так давно, на памяти истории, даже у османов совершались верхом, на спинах лошадей, как и теперь это происходит у кочевых тюрок Средней Азии. Подвижное тюркское жилье старонационального типа — круглая кибитка. Тюркский тип кибитки отличается от монгольского тем, что верх у нее представляет собою не конус, а круглый купол: жерди, образующие крышу кибитки, изогнуты. У оседлых тюрок, которые живут в четырехугольных домах, а не в кибитках, свадебные обряды и убранство не раз указывают, что они выработались в жилище круглом. Пища тюрка-ногада — отчасти мясо (лошадиное в том числе), вареное, не жареное, отчасти молочные продукты, из которых сыворотка и кислое мо-

локо остаются и теперь любимой пищей даже у наиболее удалившихся от кочевничества турков-османов, а кумыс из кобыльего молока — признанный общетюркский национальный напиток. Исконная обрабатывающая промышленность тюрок — кожевенное и меховое дело; оно и у горожан до сих пор любимо, а в своей технике доныне во всем тюркском мире оно одинаково. Очень практическая при кочевом быте, изготавляется и посуда из кожи; обрабатывается для утвари и рог, легко доступный пастушеский материал. Национальный тип одежды, как видно из старейших статуй тех тюрок, которых китайцы называют *тукю* с VI в., остается у многих тюрок до сих пор все тот же старинный: высоковерхие шапки мужчин, цилиндрические высокие уборы у женщин. Халаты с разевающимися полами приспособлены к верховой посадке. Всюду у тюрок, хоть бы и горожан, доныне сохраняется любовь к мягкой обуви, без каблуков и подшитых подметок, в которых не нуждался кочевник-всадник, не принужденный много ходить пешком. Можно бы отметить и ряд других бытовых особенностей, которые позволительно считать за всетюркские национальные, однако в целом трудно в настоящее время говорить о единой тюркской этнографии и единой тюркской культуре. В религии, однако, теперь единства у тюрок гораздо больше, чем в другой области. Подавляющая масса исповедует ислам (вместо прежнего шаманства) и считается его опорой. Но даже и тут единение существенно нарушается разделением на секты шиитов и суннитов, которые до сих пор всегда фанатично враждовали друг с другом горше, чем с иными верами; проповедь панисламистского объединения всех тюрок остается делом лишь интеллигенции. Сверх того часть тюрок, соседящих с монголами, калмыками и китайцами, исповедует буддизм. Есть реформированные шаманисты, например алтайцы-ойраты, часть их — православные христиане, так же как якуты в тундрах у Ледовитого океана, чуваши на Волге, гагаузы в Бессарабии, Добрудже и Болгарии.

Численность всех тюрок не установлена с должной статистической точностью. Основополагающая в вопросе о тюркской народности работа — это “Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности” Н.Аристова в “Живой старине” (1896, вып. 3 и 4). Существенна рецензия В.Бартольда в “Записках Восточного Отделения” (1899, т. XI), а также “Указатель собственных имен” Н.Бравина и Н.Беляева в “Записках Русского географического общества по отделению этнографии” (1906, вып. 2). По Н.Аристо-

ву, общая численность тюрок была к 1896 г. менее 26 млн. Перепись 1897 г. показала, что по крайней мере для тюрок, живших в России, можно было цифры Аристова несколько повысить. Французский тюрколог J.Deny во введении к своей “Grammaire de la langue turque” (Париж, 1921) и в главе, отведенной тюркам в издании A.Meillet et M.Cohen “Les langues du monde” (Париж, 1924), использовал данные как Аристова, так и российской переписи 1897 года и в итоге своих исчислений вывел общую цифру 30 млн 331960. Однако при этом Дени заметил в “Les langues du monde”, что, считаясь с тем процентом нормального прироста тюркских народов, какой показан в издании “Азиатская Россия” (СПб., 1914), надо полагать, что к нашим временам цифра тюрок возросла еще миллионов на девять, т.е. переходит за 39 миллионов. Вывод Дени почти всецело совпадает с исчислениями немецкого ориенталиста Мартина Гартмана в издании Берлинской Востоковедческой Академии 1917 г.: “В османском государстве по наивысшему подсчету 7 миллионов турков; российско подданных тюрок безусловно не свыше 25 миллионов, в Персии — их самое большое 7 миллионов; если на тюрок, рассеянных по иным странам, положить 1 миллион, то общая цифра выйдет — и то уж хорошо — 40 миллионов”. Турецкие писатели и публицисты идут дальше. Например, литератор Ахмед Мидхат в своей статье, которую он поместил для русских читателей в “Стамбульских новостях” (1909, № 9), говорит: “Тюрок на земном шаре считается от 40 до 50 млн”, а орган либеральных османских богословов журнал “Ислам-меджмуа-сы” (“Исламский сборник”) в статье, посвященной пантюркизму в 1914 г., трактует вопрос, как “пробудить чувство единства у мусульманской тюркской нации, насчитывающей 100 миллионов”. На деле, однако, даже цифра 40 млн вызывает сомнение. И уж во всяком случае в пределах СССР трудно насчитать те 25 млн турков, которые, правда с оговоркой, соглашался признать М.Гартман: русские официальные данные, вытекающие из всесоюзной переписи 1926 г., колеблются между 15—17 миллионами. В “Списке народностей СССР” И.Зарубина (Ленинград, 1927), который издала Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Всесоюзной Академии наук, мы найдем для тюркского племени такие данные: А. Чуваши — 1 млн 062 005. Б. Северо-западная тюркская группа: алтайцы-ойраты, кумандинцы, теленгеты, телеуты — 43 157. Белорусские татары, ногайцы, карачаевцы, балкары, кумыки — 332 539. Башкиры,

тепяри — 610 314. Татары Поволжья, мишари — 2 млн 450 568. Тобольцы, сибирские бухарцы, барабинцы, чулымы — 63852. Кыргыз-казаки, кара-калпаки, кара-кыргызы — 4 млн 740 075. В. Юго-западная группа: бессарабские гагаузы, южно-крымские татары, азербайджанцы, грузинские кара-папахи, османы — 1 млн 814 110. Г. Юго-восточная группа: узбеки, кураминцы, таранчи, кашгарцы — 3 млн 916 197. Алтайские черневые татары, томско-кузнецкие татары — 14 506. Д. Северо-восточная группа: шорцы, лебединцы, кызылцы, абанские татары (сагайцы, качинцы, белтыры, койбалы и камасинцы), урянхаи-сойоты, карагасы — 50 668. Е. Якуты с долганами — 221 007. Итого — 15 млн 308 985. Чуть больший итог можно вывести в округленных, т.е. не слишком точных цифрах из официально издаваемых справочных календарей СССР, например “Все республики и автономные области СССР” (М., 1928). Согласно с их данными, советский Азербайджан имеет тюрок 1 млн 396000, Нахичеванская автономная область — 90 200, Нагорный Карабах — 12 500 (9,6% среди 90% армян), в Армении 79 200, в Грузии — 187 700. На Северном Кавказе автономные республики: Дагестан — 157 800 тюрок, Чечня — 3 000 (остальное население чеченцы), Кабардино-Балкарская область — 36 700 (остальные — кабардинцы), Карачай — 53 300. В Калмыцкой автономии есть среди калмыков 1 400 тюрок. В Крыму 178 000 (около $\frac{1}{4}$ населения). В Чувашии — 690 000, в Марийской области — 24 100, Вятской области — 37 900, в Республике немцев Поволжья — 2 900. В Татарстане — 1 млн 400 800, Башкирии — 1 млн 370 000. Казахстане — 3 млн 900 000. Автономной Кара-Калпакской области Казахстана (ныне Узбекистана — 296 000. В Кыргызстане — 794 500, Оиратской (Алтайской) автономной области — 42 000, Узбекистане — 4 млн 002 800, с автономной памирской областью Горно-Бадахшанской — 3 900, Туркменистане — 892 800, Якутии — 235 000. Итого: около 16 млн 053 000. Принимая в соображение, что статистические племенные данные СССР относятся уже к 1926 г., приходится принимать даже 20 млн лишь как максимальную для числа всех тюрок СССР.

Основу тюркского единства не составляет и литература. Старейшее письменное применение тюркского языка мы обнаруживаем в орхонско-енисейских надписях около VI—VIII вв. Надписи эти, сделанные тюрками тю-ю, огузами и кыргызами, сверх лингвистической важности представляют также интерес исторический и

даже отчасти литературный. Хорошо выработанный тюркский литературный язык мы видим в уйгурских религиозных — манихейских, христианских и буддийских произведениях, составленных в VII—VIII—IX вв. и списки с которых найдены археологическими экспедициями в Турфане, в Восточном Китайском Туркестане и изданы Ф.Мюллером (“Uigurica”, Берлин, 1908—1922) и В.Радловым (“Uigurische Sprachdenkmäler”, Ленинград, 1928). Но эти древнетюркские памятники, одни в силу своей отрывочности, другие в силу узко религиозного содержания, не так уж много дают нам материала для собственно литературной истории VII—IX вв. Мало чем от них отличаются по оттенкам языка найденные тоже в Турфане и в Западном Китае списки буддийской сутры “Золотой блеск” (“Алтун ярук”), которая переведена была на уйгурский язык не с оригинала, а с китайского перевода. Это памятник несомненной литературной ценности, но едва ли он из ранних: вполне авторитетные тюркологи склонны его признавать за произведение уйгурской литературы, составленное не ранее XIII, даже XIV в. (см. об этом в предисловии В.Радлова к изданию: “Сутра Золотого блеска, текст уйгурской редакции”, I—II, СПб., 1913, в XVII выпуске академической *Bibliotheca Buddhica*). Неоспоримо старейший мусульманский литературный памятник относится ко второй половине XI в.: стихотворное придворно-домостройное “Блаженное знание” (“Кутадгу билиг”) записано в 1070 г. в глубине Средней Азии, в Кашгаре, при просвещенной династии Караканидов, на наречии не типично уйгурском, но буквами уйгурскими. Что касается почти одновременного тюрко-арабского словаря, который был составлен в 1074 г. в сельджукском Багдаде Махмудом Кашгарским, то этот словарь не литературное произведение, хотя и не чисто лингвистическое: он дает сведения и историко-географические и этнографические. Далее, все еще в домонгольский период, мы имеем из Средней Азии сборник религиозно-мудрых, доныне популярных стихотворений Ахмеда Ясеви (ум. в 1167 г.) из города Ясеви в Туркестане (современном Казахстане).

Вероятнее всего, к Средней Азии надо отнести еще один памятник из первого века монгольского владычества — поэму на коранический сюжет “Иосиф и жена Пентефрия”. В конце первого столетия монгольской эпохи в Туркестане в 1310 г. чрезвычайно любимым прозаическим сборником стало “Предание о пророках” Рубгузи. К тому же времени относится буддийское произведение в глубине Средней Азии — уйгурская обработка сутры

“Золотой блеск”. Средняя Азия досталась в удел (улус) Джагатаю (Чагатаю), одному из сыновей Чингисхана, и тюрки Средней Азии в дальнейшем получили название джагатайцев. Литература тюрок Средней Азии носит название джагатайской. Расцвела она, однако, главным образом уж после Джагатая и вообще после Чингисидов, при Тимуридах в XV в., причем главный литературный центр оказался вне Средней Азии, в иранском, теперь афганском, Герате. Из истории персидской литературы известно, что там, при дворе Тимурида султана Хосейна Байкары (1469–1506), нашла себе блестящее прибежище литература персидская, со всесторонне образованным поэтом Джами. Там же усердно поощрял джагатайскую литературу меценат-покровитель Джами, великий везир тимуридов Мир Алишер Навои (1440–1500). Талантливым поэтом был и старший современник Навои, гератский тюрок Лютфи; но сам везир в поэтическом отношении выше его. В джагатайской литературе Навои — такой же многогранный писатель, как и его протеже Джами в персидской: эпик, лирик, филолог, историк. Он не только в Средней Азии, но и у всех прочих тюрков остается классиком. Другой выдающийся джагатайский писатель — тимурид Бабур, султан Туркестана, затем всей Индии. Он автор высокооцененных в историческом отношении автобиографических записок, так называемых “Бабур-наме”. Начальный период новой узбекской династии Шейбани-хана, сменившей в Средней Азии тимуридскую эпоху, отмечен расцветом джагатайской литературы. Здесь среди множества произведений религиозных и этических выделяется исторический эпос в стихах “Шейбани-наме” (создан в начале XVI в.), а в XVII в. — “История тюрок”, или “Родословное дерево тюрок” хивинского хана Абу-ль-Гази. Тем временем джагатайский язык успел сделаться мертвым. Однако по традиции он сохранился в Средней Азии вплоть до наших времен в качестве языка письменности и не переставал оказывать влияние своими грамматическими формами даже вне Средней Азии, например на письменную речь в Казани, Поволжье, на Кавказе. И в наши времена новая среднеазиатская литература на живом, так называемом “сартском” и узбекском языке не успела стражнуть с себя следы джагатайства, или джагатаизма.

В районе Золотой Орды, тесно связанной с высоко-культурным среднеазиатским Хорезмом (Хивою) и Прикаспием, простиравшейся в Восточной Европе не только к северу в Поволжье, но и на запад в Крым, XIV век, особенно вторая его половина, представляет собой для

тюркских языков, по выражению современного стамбульского профессора Мехмеда Кепрюлю-заде, “блестящий литературный период, остававшийся до сих пор темным и неясным”. В словах Кепрюлю-заде, конечно, содержится сильное преувеличение, но все же в той “золотоординской” литературе можно отметить, например, и стихотворную (мистико-эротическую) поэму “Хосров и Ширин” (1340) и “Книгу чистой любви” (Мухаббатнаме) Хаджи-Харизми (1353) и поэму “Повесть о черепе” (Джемджеме-наме, 1368).

Однако наивысшего своего развития и значения тюркская письменность достигла не на востоке, в джагатайской Средней Азии, и не в Золотой Орде, а на противоположном конце тюркского мира — на Малоазиатском полуострове и на европейской стороне Босфора. Эта литература известна под названием турецкой, иначе османской. Первыми тюркскими завоевателями в Малой Азии явились предшественники османов — сельджуки конца XI в. Но они, всецело подчиненные культурному влиянию Персии, где утвердила свою резиденцию правящая сельджукская династия, мало пользовались для литературных целей родным языком, и принято считать, что поэтический толчок пошел в сельджукском государстве не от них, а от прибывших к их дворам писателей-персов. В сельджукской столице Конии XIII в. жил величайший персидский поэт-суфий Джалаледдин Руми (1207—1273). Многие турки считают доказанным, что тюркские газели, вкрапленные в персидский лирический “Диван” Руми, есть его личное творчество. Однако, по-видимому, это — позднейшие интерполяции, и лишь сын Руми, шейх Султан-Велед (1226—1312), явился действительно в некоторой мере тюркским писателем. Мистик-суфий, для которого теоретически все языки равны, Султан-Велед в свою стихотворную мистико-морализаторскую “Книгу зурны”, написанную по-персидски в 1301 г., вставил кое-что из местной речи: 22 двустишия на разговорном греческом языке (язык руми) и 156 двустиший турецких (“сельджукские стихи”), причем извинялся перед читателем за свое плохое знание турецкого языка. Составлена “Книга зурны” как раз тогда, когда сельджукская монархия распалась на декархию: девять княжеств сельджукских и десятое новопришедшее — османское. Османское затем в продолжение XIV в. владеет всем Малоазиатским полуостровом, так что с этих пор можно местную литературу называть османской. После Султан-Веледа с его “сельджукскими стихами” могут быть отмечены поэты-турки, писавшие турецкие

стихи в духе персидско-суфийских идей Руми и его сына Веледа: лирик Юнус Эмре (умер ок. 1308), в одном из сельджукских княжеств, и морализатор святой Ашык-паша (1271—1332). Друг поэта Ашыка шейх Хаджи-Бекташ, патрон янычарского войска, пишет о суфийстве прозой на турецком языке трактат (около 1330 г.). Около 1310 г. переводится с арабского языка на османский историк Табари, да и собственно османские хроники начинаются тоже с XIV в. В конце XIV в. появляется характерное литературное имя Бурганддин Сивасский (1344—1397) в отдаленном северо-восточном углу Малой Азии. Он и ученый кадий, он и владетельный эмир Сиваса, он и поэт-лирик. В 1402 г. на Малую Азию нагрянул завоеватель Тимур. Тимурово войско сопровождали персидские писатели, и укоренилось мнение, что османские тюрки, ближе познакомившись с ними, стали им усердно подражать и создали достойную литературу, которой не было в XIV веке. В таком объяснении турецких критиков много преувеличений. Общественно-культурные силы Малой Азии успели созреть к концу XIV в. настолько, что в XV в. и без посторонних воздействий могли бы проявить себя в литературе. Даже шутник Насреддин, про которого по сей день ходит множество бродячих анекдотов, где его имя тесно связывается с именем Тимура, есть собственно продукт предыдущего XIV в. И создатель турецкой энциклопедической поэмы “Александрия” (в духе перса Низами XII в.), старик Ахмед Гермиян (1334—1413), хотя и пользовался расположением Тимура, но проявлять себя литературно начал еще раньше, до прихода Тимуридов. Наоборот, в противность утверждениям турецких историков, не к дотимуровским, а к послетимуровским временам надо отнести прославленную поэму “Мевлюд” (панегирик рождению пророка Мохаммеда) Сулеймана Челеби, которая, кстати сказать, разделяет свою популярность с религиозно-энциклопедической поэмой “Мохаммедиада” Языджы-оглу (ум. 1449), составленной лет 30 спустя после “Мевлюда”. Сулейман-челеби написал свой строго мусульманский “Мевлюд”, по-видимому, около времен экономическо-религиозной смуты эгалитарного направления, которая вспыхнула в Малой Азии в период послетимуровского лихолетья. Главные деятели еретической стороны (пантеист Симавна-оглу, казнен ок. 1418, каббалист хуруфий Фезлюллах и др.) писали по-арабски и по-персидски, но выдающийся поэт Насими творил по-турецки. В языке Насими так много азербайджанизмов, что его можно считать не столько поэтом османским, сколько пионером литерату-

ры азербайджанской. Как и прочие еретики, Насими кончил жизнь трагически: с него живьем содрали кожу в 1418 г. С усмирением в начале XV в. всех этих внутренних смут в османском государстве и начинается, пожалуй, полнокровное литературное развитие. О самостоятельности идей и направлений особо не заботились. Этапоном служила богатая литература персидская, которую и начали переводить и обрабатывать весьма усердно. Не забыта была и персидская изящная проза. В литературных кругах Мюрада II (1421–1451) появились в турецкой обработке и арабский “Домострой” XI века “Кабус-наме” (1432), и сказочно-притчевый сборник “Сорок везирей”. Поэт-медик Шейхи, ученик Ахмеди, побывавший в Персии, получил от Мюрада II обещание, что он будет возведен в везири султана, если обработает турецкими стихами поэму “Хосров и Ширин” персидского классика XII в. Низами. Смерть поэта около 1425 г. прервала эти планы, а памятником придворных интриг, связанных с именем Шейхи, осталась его сатира “Ослиная книга”. Мехмед II Завоеватель (сам тоже поэт) допускал в свой круг и таких стихотворцев-забулдыг, как турок Мелихи, автор “пьяных” стихов, но природных персовставил на первое место. Поэт-турок Ляали сумел было составить карьеру у султана, выдавши себя за персидского писателя, однако, когда обнаружилось, что он не перс, а чистый турок, его позорно вытолкали из дворца. Великий персидский поэт Джами (ум. в 1492 г.) пользовался у султана таким почетом, что тот ему посыпал из Турции пенсию в отдаленный Герат. Имел тогда влияние на османскую литературу и усердный подражатель-покровитель Джами Мир Алишер Навои, везир гератский, писатель-джагатаец. Султан Мехмед II был поэтом лирическим, так же как и его сыновья — Баязед II Святой (1481–1512) и его брат — соперник-претендент на престол Джеми (казнен в 1495 г.). Поэтами были его внук Селим I Грозный (1512–1520) и правнук Сулейман Великолепный (1520–1566). Время их считается эпохой высшего расцвета классической османской литературы, конечно, все в том же персидском псевдоклассическом направлении. Тут вереница славных имен: романтический эпик в духе персов Хамди Челеби (ок. 1448–1509); воспитатель Мехмеда II, лирик Ахмед-паша (ум. 1497); его ученик — изящнейший лирик Неджати (ок. 1460–1509); талантливая подражательница Неджати поэтесса Михри-хатун (ум. ок. 1514); Месихи (ум. 1512), ценимый турками как тонкий лирик, а европейцами — как автор шуточно-эротической поэмы “Суматоха в городе” о купающейся мо-

лодежи; ловелас-вельможа Селима I Грозного Джадер Челеби (казнен в 1514 г.); автор книги “Дружеские по-пойки” — вакхический гедоник Ревани (ум. 1524); неутомимый переводчик всяких романтических персидских поэм Лямии из Бруssы (1471—1531); изящный суфий лирик Хыали (ум. 1557); поэт-самоучка, откровенный, впрочем, плагиатор, сапожник Зати (1471—1546), со своим любимым учеником, автором туманного аллегорического эпоса “Роза и Соловей”, Кара-фезли (ок. 1510—1564); осмеятель “поповской” лирики, военный албанец романтик Яхья-бей Дукагин (ок. 1490—1575).

Особняком стоит в далеком новозавоеванном Багдаде высокоталантливый и в лирическом, и в романтико-эпическом творчестве азербайджанский курд Физули (ум. ок. 1562). А воплощение и завершение всей османской лирики, “царь турецких поэтов”, это — кадий Бакы (1527—1600), который был украшением двора Сулеймана Великолепного и намного пережил его. В лице Бакы сошел в могилу последний видный турецкий поэтический талант. Турецкая поэзия, перепев персидской суфийской поэзии, несомненно, тогда же выродилась и исчерпалась; и хотя плеяды стихотворцев в XVII и XVIII вв. обильны (число турецких поэтов, рассмотренных у Хаммера, доходит до 2200), но этот скучно жужжащий рой уж не заслуживает особого внимания, по крайней мере в нашем коротком обзоре. Интереснее их — произведения беллетристико-моралистические. Как правило, это по-прежнему переделки сборников персидских; например, еще в первой половине XVI в. с персидского переделана книга басен “Хюмаюн-наме”, один из изводов “Калилы и Димны”. Частью же это разные родительские домострои: “Хейрийе” Наби-эфенди (ум. 1712); “Лютфийе” Вехби, XVIII в. (ум. 1810). Вехби — также автор персидско-турецкого словаря, составленного рифмованными стихами для того, чтобы легче было усваивать персидские слова. Вехби — и сатирик. Действительность XVII и XVIII вв. легко вызывала к жизни поэтов-сатириков; одни из них более осторожны в выражениях, например Вейси (в “Сновидении”, 1608, в “Увещании к Стамбулу”), другие — очень язвительны, например Нефи, которого за обличительные “Стрелы судьбы” гнусно удавили при Мюраде IV (1623—1640). Сюрури в XVIII в. осмеивал и внешних врагов своей родины (императрицу Екатерину II); уже упоминавшийся Вехби писал злые сатиры против приверженца Екатерины, последнего крымского хана Шагин-Гирея. Сатирических обличений не чуждаются и турецкие историки. Образцом служили пе-

рсыоды с арабского (в XIV в. введен был в обиход Табари) и с персидского (в XV в. переведен сельджукский мемуарист Ибн Биби). Но интереснее всех — свои оригинальные историки, хронисты и летописцы. Обыкновенно считают началом турецкой историографии свод “Зерцало мира” Нешри из Бруссы (доведен до 1485 г.), но он уже имел предшественников, и они понемногу издаются. Нешри — бесхитростный писатель, чуждый риторической вычурности, которая вскоре, в XVI в. вошла в моду. Бихишли (ум. ок. 1520) и Дженашиб (ум. 1590) еще не сильно страдают напыщенностью, но не они составляют славу турецкой историографии XVI в. Всех затмевает высокопарно-цветистый свод “Венец летописей” Саадеддина (ум. 1599), который был наставником (“ходжа”) будущего султана Мюрада III (1574—1595). Полный, несомненно, ценных сведений, он, однако, с трудом читается из-за запутанных периодов и витиеватых образов. Историческое изложение этот автор не довел до своих времен. Особенно едки исторические характеристики у полигистора Али Челеби (ум. 1599 г.) в его “Сути известий” (доведена до 1597 г.) и у Мустафы из Салоники (1563—1599). Исторически весьма значим памфлет-трактат первой половины XVII в. о причинах упадка Турции Кочубея, “турецкого Монтецкье” (1630); о нем написана интересная диссертация В. Смирнова (СПб., 1873). В первой же половине XVII в. выделяются историографы: Печеви (ум. ок. 1640), Солак-заде (ум. 1657). Хаджи-Халфа (ум. 1657) писал о событиях 1592—1654 гг.; он же был и признанным, особенно у ориенталистов, библиографом и географом (географом — в Птолемеевом духе), писателем. Наряду с историками может быть упомянут Эвлия Челеби (род. 1611), который в течение 41 года объездил весь Старый Свет, в том числе Крым, Кавказ, Восточную Европу с Московией. Описание его странствований является для нас ценным историческим источником по всему XVII веку. Позже писали разносторонние Хезар-эфенди (ум. 1691) и Мюнеджим-башы (ум. 1702), чрезвычайно ясный и достойный Наима (ум. 1716); Фундулу, описавший события 1654—1721 гг., в том числе и войны с Петром I. Рашид-эфенди (ум. 1735) и его непосредственный продолжатель Кючюк Челеби-заде (ум. 1765); высокий Васиф (ум. 1806), дипломат в русско-турецких переговорах (описание пребывания в Петербурге переведено в “Journal Asiatique”, 1826, февраль) были официозами. Рядом с ними, в конце XVII в., надо отметить талантливый историко-политический памфлет “Сок достопримечательностей” Ресми-Ахмеда, принимавшего

личное участие в заключении Кучук-Кайнарджийского мира с Россией в 1774 году. Он беспощадно язвит турецкую самоуверенную невежественность и нежелание учить: у европейцев, русский перевод сделан о. Сенковским. Завершает всю эту плеяду Джевжет-паша, изложивший события 1774—1825 гг. Турецкая историография (вернее летописание) составляет очень живую отрасль в турецкой литературе, в противоположность всей крайне неоригинальной турецкой изящной словесности, которая вплоть до XIX в. по сути являлась ветвью литературы персидской.

В XIX в. в турецкую литературу проникает европейская струя. Знакомство с европейской наукой, культурой и словесностью приходило к туркам разными путями: через османское министерство иностранных дел, через европейские посольства и учреждения в Константинополе и в других городах. Но самым важным толчком оказалось направление по распоряжению министра иностранных дел Решида-паши группы талантливых молодых людей для образования во Францию — в середине XIX в., в царствование султана Абдул-Меджида (1839—1861). Молодые турки, воспитавшись в Париже, вернулись на родину с сознанием, что надо дать Турции европейский политический строй, европейское просвещение, европейскую литературу вместо устаревшего персидского лжеклассицизма. И, конечно, писать надо естественным языком, понятным для широкого круга читателей, а не той неестественной, мало кому понятной персидско-арабско-турецкой вычурной смесью, которая господствовала до тех пор. Титул “отца новой османской литературы” носит один из этих европеизированных юношей Шинаси (1827—1871), принимавший в Париже участие в революции 1848 года. Шинаси прежде всего публицист; горячий популяризатор европейских идей через повседневную прессу. До Шинаси в Турции с 1832 г. существовала пресса только официозная, а Шинаси основал первую неправительственную газету “Картина мыслей” (Тесвир-и эфкяр) западнического направления (1862), с очень простым, ясным языком. и сумел сгруппировать около газеты круг единомышленников — будущих “младотурков”. Русских он ненавидел и проводил принцип, что “меч османов, подобно магнитной стрелке, неизменно должен обращаться на север”. Как беллетрист Шинаси не блещет; он переводил на турецкий язык из Фенелона, Ламартина и др., написал первую оригинальную турецкую комедию “Женитьба поэта” (перевод на немецкий у Вамбери, “Очерки жизни и нравов Восто-

ка”, перевод на русский, 1877, с немецкого языка), но не в этом была его сила. Ученик Шинаси и продолжатель газеты Намык Кемаль-бей (1840—1888) безусловно беллетрист талантливый. Русские мусульмане называют Кемаля “турецким Тургеневым” за его бытовые романы (“Приключения Али-бяя” и др.), но не менее ценятся и его драмы, особенно патриотические, конечно, направленные против русских (например, “За отечество, или Силистрия”). За революционную политическую деятельность Кемаль-бей много страдал, должен был подолгу проживать за границей, в Англии, и умер хоть на родине, но в ссылке. По скромности Кемаль-бей заявлял, что оживил турецкую литературу вовсе не он, а Шинаси с Хамидом. Абдульхакк Хамид (род. 1852) — сын историка Хайруллы. Хамид — англизированный дипломат, кроме того, знаток французской литературы и ценитель классических мусульманских литератур. Большой успех имеют драмы Хамида из истории мусульманской Андалусии: “Тарик”, о завоевателе Испании, “Тереза”, о злополучной христианской возлюбленной халифа Абдуррахмана III. Свои лирические настроения в духе Руссо Хамид изливал не в шаблонной арабо-персидской метрической форме, а в европейских стихотворных размерах, которые он первый применил к турецкой поэзии. Он имел большое влияние на многих младших турецких поэтов. Высшим лирическим талантом считается в этой плеяде Махмуд Экрем (1847—1914), переводчик “Атала” Шатобриана. Его грустная нежная лирика призывает людей к единению с природой. Под старость он был министром проповеди в новой Турции. Из других соратников Кемаль-бяя не так талантлив, как он, но плодовитее его — разносторонний писатель-черкес Ахмед Мидхат. Он особенно популярен своими многочисленными романами, повестями и рассказами (юмористическими в том числе) в духе Дюма, Ксавье де Монтепена, Габорио, Понсон дю Террайля и разных других бульварных французских романистов. Иногда он попросту переделывал французский оригинал, с заменой французских имен турецкими. Под влиянием своего друга Кемаля-бяя Мидхат писал и для сцены, иногда в сатирически-обличительном духе. Зainteresovавши собой в Стокгольме жену казанского городского головы О.Лебедеву, Мидхат стал виновником того, что она выучилась по-османски и перевела на турецкий язык повести Пушкина, отрывки из лермонтовского “Демона”, кое-что из Толстого и т.п. Мидхат издал серию исторических монографий, благодаря чему в 1908 г. сочли возможным пригласить его на кафедру всеобщей

истории в университете. Мидхат, однако, не специалист-ученый, а просвещенный популяризатор западного знания во всяких направлениях, в том числе и дарвинизма, что, впрочем, отличает всех писателей младотурков. Одного такого полигистора-энциклопедиста Мидхат привлек в столицу из провинциальной Варны (тогда еще османской); это был молодой варненский педагог, филолог и историк Муаллим Наджи (1850—1893), который впоследствии был назначен на должность государственного историографа, а при случае писал и стихи в духе Гюго и Сюлли-Прюдома и очень милые повестушки, например автобиографическое “Детство Омара”, русский перевод сделан Гордлевским в юбилейном сборнике А. Веселовского (М., 1914). Крупные популяризаторские заслуги имеет Абуз-Зия Тевфик (1848—1913), тоже из круга сотрудников Кемаль-бея. Абуз-Зия — публицист, критик и историк литературы, в том числе прежней турецкой, но основная его деятельность — типографское дело и издательство. Своими популярными сериями самого разного направления Абуз-Зия напоминает русского издателя Павленкова. Все его издания, включая литературные календари, шли десятками тысяч и на Нижегородскую ярмарку для мусульман России. В меньшем масштабе его напоминает Сами-бей (1850—1904), издатель научно-популярной “Карманной библиотеки”, словаря биографического, словаря турецко-французского и др. Попутно он выступал и как драматург. Кроме названных писателей действовали и заурядные переводчики с иностранных языков. Благодаря им турки помимо Руссо, Шатобриана, Гюго узнали и Шекспира, и “Фауста” Гете. Весь этот круг западников распространял свои идеи не только посредством печати, но и путем общеобразовательных курсов, в научно-популярных лекциях, и путем основания научных ассоциаций. Однако османский консерватизм не сдавался. Продолжала развиваться и реакционно-консервативная литература. Она обвиняла младотурков в неверии и развращении добрых старых нравов, стремилась показать, по-своему исторически и научно, превосходство исламского Востока над Западом. Одна из таких попыток — доклад Номана Кямиля на женевском съезде ориенталистов. Даже стилистическое упрощение и сравнительная удобопонятность языка в новоосманской литературе вызывали гнев консерваторов, отчасти напоминая русские споры, полемику шишковистов с карамзинистами. Да и среди тех турков, которые признавали всю важность западного просвещения, западной литературы и потребность в реформе османского языка,

появлялись писатели, проповедывавшие умеренность в подражании. Осмеяние галломании мы видим в романах Хюсейна Рахми 1890-х гг., написанных в живом комическом духе Поль-де-Кока: “Шикарный повеса”, “Гувернантка” и др. В романе “Гувернантка” выведена продувная приезжая проститутка-француженка, которую берут в знатный турецкий дом для воспитания детей, и она там водит за нос всех мужчин. Большие романы Рахми — “Метресса” (1898), “Встреча” (1898), “Остолоп” (1917). Хотя Рахми бичевал и суеверную старую отживавшую Турцию с ее крайностями (роман “Получившая развод”), все же передовая литература обвиняла его в обскурантизме. Впрочем, таких упреков не избежал и выдающийся представитель западничества Муаллим Наджи, потому что наряду с созданием новой литературы он считал нужным ценить и старую классическую — арабо-персидско-османскую. Своебразную реакцию как против консервативной заскорузлости, так и против безразборчивого подражания иностранцам видим мы у националистов народнического типа. Старейший из них — Мехмед Тевфик (1844 — ок. 1898). Он занимательно — полуэтнографически-полубеллетристически — описал бытовой “Год в Истамбуле” (немецкий перевод Т.Менцеля, 1905—1909), издавал сборники простонародных анекдотов про шутника Ходжу Насреддина и т.п. Тевфик — квасной патриот-русофоб, консервативный редактор официозных газет.

Первую турецкую повесть “Кара-бебек” из жизни анатолийского крестьянина написал в 1890 г. офицер Наби-заде Назим. Здесь сказалось влияние натуралистических романов Золя: бедного турецкого мужика эксплуатирует кулак-христианин. Наиболее интересное народническое направление мы видим у талантливого лирика-патриота Мехмеда Эмин-бея. Для него Турция — это “дом всевышнего”, это край, где господствует “священная вера”, где “Коран не отпадут врагам на поруганье”. Чужаки и должны быть чужаками — “Красивое лицо нам безобразно, нам приглядно турецкое лицо. Мы турки! Какой турок позволит приделать к мечети колокольню?” Эмин-бей воодушевляется, как бард, напутствуя османские войска, переходящие греческую границу в турецко-греческой войне 1897 г. Образы для выражения националистических идей, да и самые настроения национализма Эмин-бей черпает из шовинистических стихотворений француза Поля Дерулада и обращает все это к народу османскому. Выгодное отличие Эмин-бея от других турецких шовинистов состоит в том, что всю свою патриоти-

ческую любовь и пафос Эмин-бей переносит не на горожан, не на интеллигентов, не на правящие круги, а на забитого турецкого крестьянина. Лирические стихи его о беспросветной, горькой доле османского мужика, об ограбленном голодном сироте, о выгнанной на холод и мороз вдове-матери, о горемыке-лодочнике и т.п. подкупают своей искренностью и простотой. Облечены они не в искусственный язык турецкой интеллигентчины, а в самую что ни на есть простонародную форму. Эмин-бей желает доступно “писать для всех, вспомнить и о тех, о ком никто не думал столько веков”. Русский перевод из сборника Эмин-бея “Стихотворения по-турецки”, изданного в типографии Абуз-Зия, и из рукописного сборника “Слезы очей моих” сделал В.Минорский в московских “Древностях Восточных” (1903 и 1907). Призыву Эмин-бея последовал философ Риза Тевфик, впоследствии видный член младотурецкого комитета “Единение и прогресс”. Его лирика не просто оплакивала судьбу разоряемой крестьянской бедноты, но и бросала вызов притеснителям, “алчным тиранам, которые, сами сидя за столом, полным яств, весело поднимают бокалы и целят алые уста, в то время как нищета покрывает смертной бледностью лицо народа”.

Тяжелые цензурные условия 1890-х гг. сдерживали, однако, дальнейшее развитие социальных тем. И на смену турецким, так сказать, “шестидесятникам” и “семидесятникам” приходит новое литературное поколение с психологией “нытиков”. У нового османского молодого поколения, продолжавшего воспитываться, как и шестидесятники, тоже на западной литературе видим, с одной стороны, ясное сознание, что надо держаться западных идей, в том числе западных литературных форм, а с другой стороны — безотрадное чувство, что приходится задыхаться в тисках деспотической азиатской действительности. Оттого их настроение проникнуто тоскливой усталостью от жизни, разочарованностью, мистицизмом; наряду с этим поколение новозападников бросается и в объятия чувственности. Из французских новеллистов сильно влияние Ги де Мопассана. Сезай, затмивший старого Кемаль-бея, обнаруживает несомненное знакомство не только с Юго, упоминаемым на страницах его романа “Сергюзешт” (“Приключения”, 1887), но и с Мопассаном. По-русски “Избранные сочинения Сами-Паша-задэ Сезай” — “Сергюзешт” (1887) и “Пустячки” (1891) — перевел Е.Бертельс (М., 1923) в серии “Всемирная литература”. Из французских стихотворцев воздействуют на турецких поэтов 1890-х гг. Бодлер, Верлен.

символисты, декаденты. В большинстве случаев новое литературное поколение группируется вокруг новооснованного еженедельного журнала “Богатство наук” (“Сервети ифюнун”, 1890 и сл.), в котором принимают участие и более зрелые литераторы, например Абдульхакк Хамид, Экрем. Светило новой турецкой поэзии Тевфик Фикрет (1869–1915, автор меланхолического сборника “Разбитая зурна” и др.), главный запевала в “Сервети ифюнун”, прямо называет Экрема своим учителем. Вместе с тем он, несомненно, литературный ученик Абдульхакка Хамида. Менее талантлив, но шире по образованию, чем Фикрет, Дженаб Шехабеддин (род. 1860), наиболее верный последователь литературных традиций Хамида, “турецкий Вольтер” (скорее “турецкий Альфред Мицсе”). Он и беллетрист и драматург (комедия “Ялан”, “Ложь”), но более всего — тонкий лирик. Заслуживает внимания среди кружка “Сервети ифюнун” мечтательно-меланхолическая поэтесса Нигяр-ханум (1871–1918), дочь венгерского ренегата Форкаша. Тоскливую гаремную жизнь и страдания турецкой интеллигентной женщины метко и трогательно описал в новеллах сборника “Терния и розы” Ахмед Хикмет (1870–1927), в том числе нередко и юмористических. Женщина, как недостижимая героиня пылкого романа, бурно опоэтизована в сборнике рассказов “Черные жемчужины” Мехмеда Реуфа (1875–1918). Огромный успех приобрел своими романами и повестями сильно о franca-циженный Халид Зия, который вырос в Смирне (род. 1866) и воспитался у армянских мхитаристов. Как Фикрет стал представителем европеизма в стихотворстве 1890-х гг., так Халид Зия выделяется в прозе, и оба (как и Дженаб) многим обязаны в своем литературном творчестве Абдульхакку Хамиду. На семидесятилетнем юбилее Абдульхакка Хамида острословы говорили, что в поэтическом направлении Дженаб есть законный его сын от законной жены, Фикрет — его сын от черкесской одалиски, а Халид Зия — от метрессы-француженки, но отец всех троих — Хамид. В большинстве случаев романы Халида Зии восточные только своими именами, все остальное взято у Дюма, Гонкуров, у Доде, Мопассана и др. Зия показал себя и неплохим лириком. У Халида Зии особенно ценны прорвавшиеся сквозь цензуру молитвы из жизни шахтеров, которые “будучи людьми, пресмыкаются как гады под землей, — и для чего? чтобы умереть если не от голода, то от чахотки”.

Вся эта разноликая, живая литература насильственно умолкла в 1903 г., когда указ султана Абдул-Хамида вос-

претил печатать где бы то ни было романы и стихи: они-де несут разврат и растление нравов. Пять лет спустя, когда 11 июля 1908 г. Турция добилась конституции, цензурные запрещения, конечно, отпали, но захваченные вихрем внутренней политики писатели литературой заняться уже не имели свободного времени да, вероятно, и охоты. Большая их часть перестала писать. Их, на литературном поприще замолкших, называли “вчерашними” (дюнкилер), и вместо них хлынула в литературу молодежь, “сегодняшние” (бутюнкилер), готовые отрицать за старым поколением всякие заслуги. Нельзя сказать, чтобы новые силы, “сегодняшняя” литературная молодежь, блистали талантами ярче “вчерашних”. Однако успеха в своем кругу и даже вне Турции они добились. Их появление на литературной арене совпало со временем, когда Турция в 1920-е годы оказалась втянутой в полосу тяжелых войн. Все эти войны привели государство к тяжелейшему политическому и экономическому положению, порождая ненависть и к восставшим турецко-подданным христианам, и к их покровительницам, европейским державам, ведущим якобы турецкую нацию к полному крушению. Неудивительно, что в новейшей турецкой литературе эти горькие обстоятельства отразились с выразительной резкостью, и националистическо-шовинистический клич “я турок!”, которым стяжал себе популярность в конце предыдущего столетия Эмин-бей, сделался отныне главной звучащей нотой литературы XX в. И ответственных политических деятелей-вождей (Кемаль-бей), и писателей характеризует течение, которое у самих турков называется “туранизмом” (“туранджылык”), а у европейцев — пантюркизмом и панисламизмом. Литературно-научные органы: “Молодые (писательские) перья”, “Турецкое собрание”, “Турецкий народ”, “Туран”, а для народа — “Прямо к народу” (“Халка догру”). Из них “Тюрк юрду” (“Турецкий народ”, или лучше: “Турецкий мир”), центральный орган националистов-пантюркистов, выходил под редакцией Юсуфа Акчурина, эмигранта из Поволжья, жившего в Турции с 1911 г. Двое из литературных вождей и провозвестников пантюркизма представляют собой крупную идеиную силу. Таков, во-первых, более зрелый среди них годами Зия Гьок-алп (род. в 1875 г. в Диярбекире, умер в 1925 г.) — главный идеолог пантюркизма. Теоретически он изложил свои идеи в специальных трактатах по социологии, общественной педагогике и т.п., обнаружив знакомство с соответствующей французской литературой, с мыслями Дюркгейма, Тарда и пр. “Европейскую цивилизацию, — делает вывод Зия Гьок-алп, — надо ценить и усваивать, но

не надо под “европейской цивилизацией” понимать внешние ее формы, а тем паче ее пороки”. Для турка необходимо “быть подлинным турком, быть мусульманином и в то же время идти за веком”. “Тюрклык, исламлык, мұасырлық” (или, в глагольной форме: “тюрклешмек, исламлашмак, мұасырлашмак”) — так и озаглавлены статьи Зии в журнале “Турецкий народ” (1913—1914). Он издал “Основы тюркизма” (“Түркчелійин әсаслары”, Анкара, 1913). Художественно, с неудержимым полетом фантазии успешно пропагандирует свои идеи Зия Гьок-алп в стихотворениях, среди которых занимает видное место сборник “Эльдорадо” (“Кызыл-элма”, Константинополь, 1914). Здесь он воспевает и идеалистически рисует “истинно турецкие” чувства, “истинно турецкое” сознание долга и т.п. “До сих пор, — сетует Зия, — тюрк творил историю чужим народам, мировое светило мысли, тюрк аль-Фараби (Х в.) разработал философию по-арабски, национальный русский историк тюрк Карамзин творил по-русски “Историю Государства Российского”. Этого больше не должно быть, тюрк должен жить и творить для своей родины, для своей нации. Тюрк должен помнить, что родина, нация — это есть Бог, и именно эти понятия надо влагать в содержание религиозной формулы, что нет божества кроме Бога-Аллаха. Но какая же область есть родина, отчество? “Для тюрков отчество — не османская Турция и не русскоподданный Туркестан, а великая и вечная страна Туран”. В прозаических трактатах Зия, впрочем, поясняет, что единым культурным языком Турана будет османский, потому что османское наречие — самое приятное, самое обработанное и для всех тюрков легко понятное. Преграда для Турана — дикая Московия. Рухнет Московия — возникнет “великий Туран”; он даст спасение не только тюркам, но и прочему мусульманскому миру. Этот покамест утопический “Туран” и есть идеал для тюркской нации: в нем тюрки обретут свой обетованный Сион, свое чисто тюркское Эльдорадо, свою твердыню, “Кызыл-элма” (таков, очевидно, “истинно тюркский” термин для “Эльдорадо”. Буквально “кызыл-элма” значит “красное яблоко”, т.е. “золотое (по-испански *el dorado*) яблоко”). Так как этим именем обозначается еще и Рим, то можно “Кызыл-элма” националистически понимать и как “Третий Рим”.

В предвкушении грядущего счастья в своей обетованной твердыне “Кызыл-элма” Зия Гьок-алп и его последователи пантюркисты символически переименовывают нынешнюю столицу Турции. Она отныне пусть будет не “Стамбул”, а “Ак-Корум” (Белокаменец), т.е. Бе-

локаменная в мужском роде. На своих константино-польских изданиях он так и ставит имя: "Ак-Корум" в параллель к славному средневековому имени "Кара-Корум" (Чернокаменец), которое носила столица всемирной монгольской монархии Чингисхана XIII в. Вообще монгол Чингисхан, как и гуннский вождь Аттила, — предмет национальной гордости для Зии Гьок-алпа: "Эти мощные герои увенчали мое племя победами, а мир в своих пыльных хартиях оклеветал их".

Другой, научно еще более солидный пантюркист, главарь "сегодняшних", проницательный критик, частенько, впрочем, субъективный и несдержанно резкий, историк литературы одновременно — Мехмед Кепрюлю-заде, теперь профессор литературы в стамбульском университете. Хоть он неистовый "истинно-турок", ярый пантюркист, но он же и рьяный западник в том смысле, что владеет вполне европейскими методами исследования: Всесоюзная Академия наук в Ленинграде выбрала его в 1925 г. своим членом-корреспондентом. Зия Гьок-алп и Кепрюлю-заде — это два камертона новейшей турецкой литературы, ее настроений, чаяний и идей. У одних писателей этот пункт "пантюркизма" менее резко подчеркнут, и не в нем содержится самый корень их творчества; сюда относится немудрствующий Решад Нури, сколок с французских бульварных романистов-бульвардье, пользующийся большим успехом у широкой публики, у любителей легкого чтения. Нет кричащего шовинизма и у новеллиста Якуба Кадри: его новеллы носят печать несомненного таланта. Иные из новых писателей затрагивают социальные темы. Поэт Мехмед Акиф с болезненной тоской обрисовывает порочную подоплеку столичной жизни. Рефик Халид — новеллист с немалой искрой таланта, заклятый враг капитализма, бытописатель рабочих. Новеллист крестьянской жизни Ахмед Хазим. Народник-националист Иззет Ульви. Проследить влияние идей пантюркизма можно, конечно, и на них, а у прочих новых писателей оно прямо господствует. В Европе еще до мировой войны прославился Иззет Мелих, родом с Крита. Его пьеса "Лейла", бичующая гаремную жизнь турка, была по-французски с шумным успехом поставлена в Париже, где жил и сам Мелих; но политическая ситуация толкнула симпатии автора в сторону немцев, и недаром вскоре же "Лейлу" перевели на немецкий, а его руссофобистический роман "Контрасты" (1913) переведен на немецкий в самый критический момент войны (Лайбах, Любляна, 1917). Болезненно-странным турецким национализмом пылает Ака-

Гюндюз (родился в 1884 г. в Македонии, родом из кавказцев). Для народной аудитории написал грубо-эффектную пьесу о восстании Шамиля и его мюридов против русских завоевателей; его сборники миниатюр (“Турецкое сердце”, 1910, и “Книга турка”, 1911) больше полны потуг, чем подлинного дарования (отрывки напечатаны в юбилейном сборнике Веселовского, М., 1914). Наибольшую славу и у себя и за границей приобрели две патриотические писательницы-пантюркистки. Одна — Мюфиде-Ферид. Вторая — Халиде-Эдиб, верная последовательница туранистических идей Зия Гьок-алпа и Кепрюлю-заде. Первая из них, Мюфиде-Ферид, написала роман “Айдемир”, где рисует самоотверженного пантюркиста, который из Стамбула, покинувши возлюбленную, едет в российско-подданный Туркестан просвещать несчастный тамошний тюркский народ, страдающий и от собственного невежества, и от русского гнета. Айдемир видит падение царизма. Другая писательница-пантюркистка, более талантливая, Халиде-Эдиб получила американское и французское воспитание. Она плодовита. Пишет и короткие рассказы. В утопическом романе “Новый Туран” (“Йени Туран”) Халиде-Эдиб нарисовала идеальную картину будущих светлых дней своей родины (перевел на немецкий Фр.Шрадер, Веймар, 1916). Свой семейственно-социологический роман “Обещанное решение” (1919) она строит на фоне Балканской войны и германского отвоевания турками Адрианополя. Европейскую известность доставила ей повесть “Огненная рубашка” (“Атештен гъомлекь”), т.е. “рубашка патриотизма”, где, с одной стороны, картина изображены бедствия крестьянского населения Анатолии во время войны, а с другой — патриотический пыл добровольческих турецких войск, не побоявшихся, несмотря на недавнее еще поражение в мировой войне, вновь поднять меч в защиту родной территории в Смирне, которую европейская дипломатия холодно предоставила на захват грекам. (“Огненная рубашка” была переведена на немецкий язык австрийцем Г.Донном, 1926, с немецкого переведена на другие языки; по-русски вышла в Москве в 1927 г.; украинский перевод “В огни” был издан галицкой эмиграцией в 1927 г., перепечатан был и в фельетонах разных украинских газет, даже в “Канадском фермерском журнале”, и вообще пользуется успехом как поучительный призыв к борьбе западных украинцев против русских и поляков, получивших под свое иго от Лиги Наций не польскую Галичину). Доброжелательная немецкая критика не задумывается аттестовать Халиде-Эдиб как писа-

тельнице “гениальную”. Для непредубежденного читателя, однако, отраднее бывает взять в руки не этих всех “сегодняшних” ура-патриотов, а доживающих свой век писателей стариков, так сказать, академического типа, у которых и патриотические элегические темы разрабатываются с подлинной художественностью. Так, этичнее показал себя человек старого поколения, заслуженный журналист Сюлейман Назыф (род. 1874) в своем сборнике прочувствованных стихотворений: “Разлука с Ираком (Месопотамией)”, где патриотическая грусть выражена общечеловечески, а не “истинно по-туркски”. Конец Оттоманской империи тюрок еще полностью не описан.

Письмо Б.Ринчена Л.Н.Гумилеву

Улан-Батор, 22 января 1968 года

Дорогой Лев Николаевич, давно получил Вашу книгу “Древние тюрки”, прочел одну треть с большим интересом, но, будучи предельно загружен, отложил временно, чтобы сразу ее прочесть и поделиться некоторыми мыслями, которые у меня возникли, когда я начал читать. Очень благодарю за Вашу доброту и любезность, с которой Вы прислали мне эту интересную книгу.

Кое в чем я имею несколько иную точку зрения. Например, как все европейские ученые или, вернее, идя по их тропе, Вы считаете, что “монголы серого волка и лань” считали своими предками. Я считаю, что не все монголы, а только Кияты Борджигины, это во-первых. Следовательно, ко всем монголам это не относится. Во-вторых, в Сокровенном Сказании сказано, что “предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Великого Неба. Супругой его была Гоа-марал” — цитирую по переводу Козина. Бурте Чино или, вернее, Борте Чино в переводе на русский будет действительно вроде Сивого Волка, а Гоа-Марал — Красивой Ланью. Но Сивый Волк — это имя, и Красивая Лань, или Прекрасная лань, — тоже имя, по шаманским традициям монголов, еще живущим и в наши дни, — “охранительное” имя, которое давалось для того, чтобы духи смерти не унесли души детей. Это было древнее народное средство от детской смертности в суровых условиях монгольского климата и жизни в степи. Считалось, что духи смерти имеют узкую специализацию: одни похищают только души мальчиков, другие только души девочек, трети — души мужчин, четвертые — души женщин, пятые — души животных, шестые — души живых, по шаманским взглядам, но недвижимых предметов — котлов, например, секир и т.д., причем дух, похищающий души секир, не имел права похищать души котлов, а дух, охотящийся за душами волков, не мог похитить душу лани и т.д. И чтобы обмануть духов смерти, детям давали имена: Секира — Суке, Чаша — Того,

Боте Чино — Сивый Волк, Гоа-Марал — Прекрасная Лань, Шара Нохой (один из моих предков — прапрадед — носил имя Шара Нохой — Желтый Пес!). Эрлик — дух смерти, услышав, что ребенка зовут Секира — Суке, оставлял в покое ребенка, считая, что раз его кличут Секирой, за его душой должен прийти дух, который забирает души секир — сколько их ни есть на свете. А тот оставлял в покое ребенка, видя, что это дитя человеческое, и ребенок уже перерастал гибельный для него возраст наибольшей смертности и оставался благодаря “охранительному имени” в живых. Иногда ребенку давали имя Баасту — Говняк, чтобы дух смерти побрезговал “зловонной” душой ребенка и оставил его в покое! Еще в двадцатых годах маленьких детей — девочек — одевали в халат замужних женщин и делали им прическу замужней женщины, чтобы дух — охотник за детскими душами обманулся одеждой и прической замужней женщины и оставил ребенка — “женщину” для своего собрата, который специально забирает души жен, а тот, в свою очередь, увидя ребенка, не осмеливался вторгаться в пределы ведения духа — охотника за детскими душами. Вот почему предок Чингиса носил имя Сивого Волка: дух — охотник за детскими человечьими душами его не трогал в детстве, считая, что за ним должен прийти в свое время дух, пожирающий души волков. А тот, видя дитя человеческое, оставил его в покое, думая, что за ним должен охотиться дух — похититель душ детских!

Козин дальше переводит: “Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море)”. Монгольский текст звучит: “Тенкис кетулджу иреба”. Я перевел бы еще: “Прибыли они, переплыв Тенгис”. Но это не внутреннее море! И я видел этот Тенгис! Это горная река в Косогольском аймаке, очень трудная для переправы река с сильным течением — лошадь так и сносит. Сивый Волк с женой Прекрасной Ланью переправились через эту реку, горы у обоих берегов которой до сих пор считаются священными у шаманистов и связаны с памятью о великих шаманах, которые были некогда погребены на их вершинах.

Сын Сивого Волка тоже носил охранительное имя, поскольку он был единственным их потомком мужского рода. Его имя Бату-Чиган — Неприкосновенный Белый, или Несокрушимый Белый, — говорит о том, что он не-прикосновенен для духов смерти, и как Белый, т.е. Священный, Чистый, Благородный, находящийся под охраной Западных Белых Божеств Добра, число коих 55, не-

прикосновенен и недосягаем для Черных духов смерти, Восточных Черных духов, коих число 44!

А жена Добун Мергена — Алан-Гоа, что родилась в Арих-усуне, — до сих пор считается добрым духом у монголов-уряняхов, и ныне живущих на берегах Арих-усуна — Чистой Воды, и река эта до сих пор называется Арих, или Ариг усуны гол — Река Чистой Воды. Я был на ее берегах и привез оттуда онгон Алан-Гоа! Река эта тоже в Косогольском аймаке и находится не очень далеко от Тенгис-реки, которую некогда переплыли охотник Сивый Волк со своей женой Прекрасной Ланью.

Сведения о древней религии тюрков, которые кажутся Вам противоречивыми, совершенно не противоречивы и подтверждаются данными монгольского шаманства, о котором я собираюсь написать книгу. Китайские источники о древней религии тюрков только доказывают, что монгольский шаманизм сохранил очень архаические пласти. В письме мне невозможно рассказать то, что должно уместиться только в книге, и я ограничиваюсь кратким сообщением. Собираюсь уже давно на основании моих материалов по монгольскому шаманству, которым занимаюсь уже сорок лет, написать книгу о натурфилософии монгольского шаманизма. По Вашей книге вижу, как это было бы нужно для историков.

Теперь, когда после четырех десятков лет собирания и изучения шаманских обрядов, мифологии, призываний и преданий от около двухсот шаманов и бесед с ныне уже сошедшим со сцены поколением знатоков и хранителей устных традиций, дополняющих и раскрывающих краткие показания письменных источников, я могу наконец сказать, что многое, когда-то бывшее мне таким же непонятным, как и моим европейским коллегам-монголистам, уже давно стало на место. И я могу сказать, что шаманское мировоззрение, сквозь призму которого смотрели на окружающее древние монголы и, конечно, тюркоты, руководило их поступками и в частной, и в государственной жизни. И если в наши дни Сталин и Хрущев, Мао и его сподвижники и т.п. считали и считают, что только они “руководствуются” марксизмом, то древние монголы и тюркоты тоже считали, что они в своих действиях руководствуются шаманизмом, и, пожалуй, они были более выдержаными шаманистами и исходили из его принципов, чем последние были выдержанными марксистами, исходившими из принципов марксизма, толковавшихся в меру их интеллекта и эрудиции, хотя в обоих случаях иногда мож-

Письмо БРинчена ЛНГумилеву

но привести мудрую русскую пословицу: “Закон, что
дышло, куда его ни поверни — то и вышло”.

И для понимания многих событий истории тюрко-
монгольских народов в далеком прошлом нeliшне было
бы знать шаманское мировоззрение тех, кто давал тот
или иной поворот в событиях давно прошедших времен,
а не пытаться объяснять непонятное с точки зрения сво-
ей колокольни, которой не было в те времена. (Это не в
Ваш огород камень, мой Арслан!)

Вчера получил две книги, которые Вы были так доб-
ры послать мне. Еще раз благодарю.

Я Вам в декабре послал одну книгу о масках ургин-
ского цама. Наша почта часто “теряет” отправления по
старой сталинской привычке, и поэтому я прошу Вас со-
общить о получении. Если Вы не получили, то я буду
требовать с почтовиков с квитанцией в руках, чтобы они
проследили, где книга затерялась.

30 января начинается новый монгольский год Жел-
той Обезьяны, и по этому случаю приношу Вам мои са-
мые лучшие новогодние пожелания творческого вдохно-
вения!

Искренне Ваш
(Личная печать Бямбына Ринчена)

Коротко об авторах

- В.В.Бартольд* — работа академика Бартольда публикуется по V тому Сочинений (М., 1968).
- Андрей Николаевич Кононов (1906–1986)* — академик РАН, выдающийся тюрколог России, родился и жил в Петербурге-Ленинграде. Автор многочисленных трудов по истории языка, письменности, культуры тюркских народов России-СССР. Автор русского издания “Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского” — энциклопедии тюркской истории (Л., 1949), а также многочисленных грамматик по языкам. Историк востоковедения (“История изучения тюркских языков в России”. Л., 1972.) Редактор “Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов” (М., 1989). В 1980 г. выпустил уникальную по своему значению “Грамматику языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.”, закрепив за Петербургским университетом приоритеты расшифровки “каменной” грамматики Евразии, на изучение которой ушло сто лет.
- “Опыт анализа термина түрк” — доклад, прочитанный А.Н.Кононовым в заседании Турецкого кабинета ИВАН СССР 7 января 1948 г. Публикуется по: “Советская этнография”. 1949, № 1.
- Николай Александрович Баскаков (1905–1996)* — выдающийся тюрколог, специалист по истории языка и языкоznания. Издано более 500 работ. Автор уйгурско-русского, ногайского, каракалпакского, ойротско-русского и многих других словарей. Исследователь структуры живых тюркских языков. Особую значимость приобрели исследования по истории формирования русских фамилий. Книга “Русские фамилии тюркского происхождения” (М., 1979) посвящена языковедческому анализу русских дворянских фамилий — выходцев из Золотой Орды и других частей степного мира. В 1985 г. вышло в свет исследование “Тюркская лексика в “Слове о полку Игореве”.
- Публикуемая статья появилась в сборнике “Turcologica” в честь 70-летия академика А.Н.Кононова (Л.: Наука, 1976).

- Луи Базен*
(1920–1989) — известный французский тюрколог-языковед. Специалист в области изучения огузских языков — то есть туркменского и турецкого. Некоторые работы посвящены семантике внутреннего строя языка и связи языка и времени, а также понятийным проблемам истории и мифологии тюрок. Автор известнейшей работы “Календарь тюрок в древности и средневековье” (Лилль, 1974 г.). Статьи Л.Базена были опубликованы в сборнике “Зарубежная тюркология”, подготовленном С.Кляшторным и Д.Насиловым (М.: Наука, 1986).
- И.Эрдэйи* — венгерский тюрколог. Текст был опубликован в книге “Исчезнувшие народы”. (М.: Наука, 1988).
- Ю.Немет* — венгерский тюрколог. Работа опубликована в сборнике в честь 70-летия А.Н.Кононова. Пер. И.Добродомова.
- Сергей Григорьевич Кляшторный*
(1928) — востоковед, специалист по языку и письменной культуре древних тюрок. Автор более 150 работ, внесших неоценимый вклад в исследование происхождения и формирования языков рунических памятников Монголии и Тувы — хуннского и древнетюркского.
Публикуются фрагменты из известной монографии С.Г.Кляшторного “Древнетюркские рунические памятники” (М.: Наука, 1964).
- Махмуд ал-Кашгари* — первые известные нам произведения древнетюркской словесности — это надписи на каменных стеллах, входящих в комплексы погребальных сооружений. Они сделаны руническим письмом и расположены, как правило, в степных долинах. Первым сообщил о них как об историко-археологической находке шведский капитан Ф.Страленберг — пленник полтавской битвы, сосланный в Тобольск.
Планомерное научное исследование памятников началось в России в конце XIX века и продолжалось вплоть до нашего времени. Большинство надписей датируются VI-XII веками; в науку они вошли под общим названием орохено-енисейской культуры.
Собственно письменные древнетюркские памятники известны в двух традициях: более ранние — манихейские и более поздние — буддийские. В конце XI века возникают тюркские произведения, созданные по законам арабо-персидской поэтики. Одно из первых — поэма Махмуда ал-Кашгари “Диван лугат ат-турк” (“Собрание тюркских слов”). Тюрок по происхождению, Махмуд ал-Кашгари объездил места, заселенные тюрками, и, соста-

вив свой словарь, написал его на арабском и преподнес багдадскому халифу. В “Диване” много различных текстов: это и отрывки из тюркоязычных произведений, повторяющие сюжеты древнетюркских памятников, стихи, посвященные войнам и героям, лирические стихотворения, описания природы и т.д.

Публикуемый текст взят из книги: “Поэзия древних тюрков VI-XII веков”. Научный перевод, подготовка текстов и комментарии И.В.Стеблевой, поэтический перевод Анатолия Преловского (М.: “Раритет”, 1993).

*Агафангел
Ефимович
Крымский
(1871–1942)*

— родился во Владимире-Волынском в семье учителя. По его словам — “белорус по происхождению, русский по воспитанию; мать — полька”. Детство и юность Крымского прошли на Украине, и поэтому украинская культура и язык стали для него родными. Окончил Лазаревский институт восточных языков — ЛИВЯ (1889–1892) и историко-филологический факультет Московского университета (1892–1896). В 1896–1898 находился в командировке в Сирии и Ливане. В 1898–1918 преподавал в ЛИВЯ (профессором которого стал в 1900) по кафедре арабской словесности и истории мусульман Востока. Во время работы в институте ему “в различные периоды... приходилось вести занятия и по другим областям, например персидской или турецкой словесности” (И.Ю.Крачковский. “Академик АН УССР А.Е.Крымский.”.). С 1893 Крымский написал почти все статьи по Ближнему Востоку в энциклопедии Брокгауза-Ефона и в “Гранат”. В 1901 Крымский был избран секретарем Восточной комиссии МАО. В 1918 переехал в Киев; был одним из организаторов и первым непременным секретарем (до 1928) украинской АН. Крымский был человеком исключительной широты интересов — славист, арабист, иранист, тюрколог, крупный украинский прозаик и поэт. Он — автор большого количества ценных пособий по исламу, истории арабов, турок, по арабской, турецкой и персидской литературе, а также работ по истории Украины. Крымскому принадлежат многочисленные художественные переводы с арабского, персидского, турецкого языков, арабского и турецкого фольклора, а также переводы произведений Т.Шевченко на турецкий язык.

Умер в Кустанае, где находился в эвакуации в годы войны.

Публикуемая статья была написана для энциклопедического словаря “Гранат”. (Словарь Русского библиографического института “Гранат”. Том 41, часть IX.)

*Бямбын
Ринчен*
(1905—1977)

— знаменитый монгольский историк и востоковед, лингвист и литератор, автор множества работ поnomадистике, написанных на монгольском, русском и европейских языках. Л.Н.Гумилева и Б.Ринчена связывали научные интересы и взаимная симпатия, отразившаяся в их переписке. Письмо хранится в архиве Л.Н.Гумилева у Н.В.Гумилевой.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РАБОТ Л.Н.ГУМИЛЕВА

1. Удельно-лестничная система у тюрок в VI—VIII вв. К вопросу о ранних формах государственности // “Советская этнография”. 1959. № 3.
2. Алтайская ветвь тюрок-тюгю // “Советская археология”. 1959. № 1.
3. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // “Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР”. Л., 1961. Ч. 1.
4. Великая распра в первом Тюркском Каганате в свете византийских источников // “Византийский временник”. 1961. Т. XX.
5. Три исчезнувших народа // “Страны и народы Востока. География, этнография, история”. М., 1961. Вып. 2.
6. Эфталиты и их соседи в IV веке // “Вестник древней истории”. 1959. № 1.
7. Эфталиты - горцы или степняки? // “Вестник Древней истории”. 1967. № 3.
8. Война 589 года и Гератская битва // “Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение естественных наук”. 1960. Т. 2 (23).
9. Бахрам Чубин. Опыт критики источников // “Проблемы востоковедения”. 1960. № 3.
10. Подвиг Бахрама Чубины. Подбор и перевод источников, вступительная статья и комментарии Л.Н.Гумилева. Л., Издательство Государственного Эрмитажа. 1962.
11. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // “Сборник Музея антропологии и этнографии”. М.—Л., 1949. Т. XII.
12. Древние тюрки. Издательство восточной литературы. М.; 1967.

Фонд “МИР Л.Н.ГУМИЛЕВА”
Серия I. *Сочинения Л.Н.Гумилева*
Bibliotheca Gumilevica

Том 13 ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
Кн. 2

Издатель
A.И.Куркчи

Руководитель программ
И.В.Мамаладзе

Редактор
В.Л.Акопян

Обложка
Ю.К.Курбатов

Художник
И.К.Борисова

Технический редактор
З.С.Теплякова

Корректоры
А.В.Яковлев
Л.С.Зубченко

Верстка
ООО “Полиграфикс”

Компьютерное редактирование
Е.В.Мартынова

Фонд «МИР Л.Н.ГУМИЛЕВА»

Лев Николаевич Гумилев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
Книга 2

Составитель А.И.Куркчи

Издательство “Институт “ДИ-ДИК”

Изд. лиц. № 065404 от 16.09.1997 г.

103009 Москва, ул. Тверская, 9

Телефон: 229-19-10

Формат 60×90¹/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30. Тираж 12 000 экз. (1 завод — 2000 экз.).

Заказ № 3450

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевояна, 25.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

